

The 1st International Academic Congress

**“Fundamental and Applied Studies
in the Pacific and Atlantic Oceans Countries”**

(Japan, Tokyo, 25 October 2014)

“Tokyo University Press”

東京大学
THE UNIVERSITY TOKYO

“Fundamental and Applied Studies in the Pacific and Atlantic Oceans Countries”

The 1st International Academic Congress

(Japan, Tokyo, 25 October 2014)

PAPERS AND COMMENTARIES

VOLUME I

“Tokyo University Press”

2014

Proceedings of the 1st International Academic Congress “Fundamental and Applied Studies in the Pacific and Atlantic Oceans Countries”. (Japan, Tokyo, 25 October 2014). Volume I. “Tokyo University Press”, 2014. - 713 p.

Proceedings of the Conference are located in the Databases Scopus.

Source Normalized Impact per Paper (SNIP): 2. 478

SCImago Journal Rank (SJR): 2.868

Editor-in-Chief: Prof. Matsui Hamada, D. M. Sc. (Japan)

Publication Director: Prof. Yuzuru Hirayama, D. Litt. (Japan)

Technical Editors: Fujio Kimura, Shintaro Kobayashi (Japan)

ORGANIZATION BOARD OF THE CONGRESS:

Chairman: Prof. Matsui Hamada, D. M. Sc. (Japan)

Secretaries: Prof. Hiroyuki Hatanaka, D. M. Sc. (Japan)

Prof. Tyusira Uchida, D. P. E. (Japan)

Members of the Board:

Prof. Masatoshi Sasaki, D. Tech. (Japan)

Prof. Isabella Blake, D. Env. (Australia)

Prof. Yasunari Hirano, D. E. Sc. (Japan)

Prof. Emma Allen, Ed.D. (Australia)

Prof. Dominic Stiles, D. P. E. (Canada)

Prof. Lane Hewitt, D. M. Sc. (Australia)

Prof. Takashi Miyazawa, D. C. S. (Japan)

Prof. Linda Graves, Psy. D. (USA)

Prof. Akito Nambar, D. M. Sc. (Japan)

Prof. Yukie Tawara, D. I. T. (Japan)

Prof. Kazuo Yamakati, Psy. D. (Japan)

Prof. Daniel Smith, D.F. (Canada)

Prof. Erin Robbins, Dr. P. H. (UK)

Prof. Ryuichi Nagano, Psy. D. (Japan)

Prof. Hiroshi Hama, D. G. S (Japan)

Prof. Yusuke Sato, D.F. (Japan)

Prof. Kobe Hayashi, D. B. A. (Japan)

Prof. Edvard Lenders, D. Hum. Litt. (Australia)

Prof. Richard Dixon, D. Litt. et Phil. (UK)

Prof. Mataro Kato, Ed.D. (Japan)

Prof. Wataru Matsui, Ed.D. (Japan)

Prof. John Williams, D. Litt. (USA)

Prof. Andrew Gordon, D. Litt. (UK)

Contents

Section 1. Agricultural Science & Economics

<i>Shoko Ishikawa, Shotaro Ando and Seiko Yoshikawa</i> Effects of Planting Sugarcane and Napier Grass on N Leaching from Lysimeters under High Application of Cattle Manure	8
<i>A. Gbabo, Atshusi Koyama and Furuishi Shingo</i> Performance Study of Modified Rice Parboiler.....	29
<i>Olesya Ryazanova, Maxim Bogdanov</i> The methods of evaluating the effectiveness of bank branches in Russian Federation	39
<i>Oleg Blinov, Aleksandra Triyanova, Anastasiya Tsimbal</i> Current issues in biological assets accounting in Russia	43
<i>Larisa Lazarova, Alina Pukhaeva, George Shanaev</i> Establishment of effective mechanisms for the formation and implementation of industrial policy - a guarantee of sustainable economic development	46
<i>Anastasia Bannikova, Julia Ulanovskaya</i> Problems and prospects of antitrust policy in Russia	52
<i>Gennadij Bazhenov, Anastasiya D'jachkova</i> Sustainable development of socio-economic systems	56
<i>Ann Martens</i> Payment system in the region as a basis for the development of the banking business in the sphere of housing and communal services of Russia	66
<i>Zhanna Gornostaeva, Yulia Sorokina, Valeriya Baklakova</i> Modern approaches to assessing the quality of services.....	72
<i>Gulnaz Sibaeva, Irina Eremina, Izida Ishmuradova</i> Conceptual model of state regulation and support of entrepreneurship	75
<i>Natalija Hurzhij</i> Modelling decision-making process for determining sales channels	82
<i>Evgeniy Istomin, Alexandr Sokolov</i> Geo-information risk management development of spatially-distributed organizational-technical systems.....	88
<i>Olena Zlatkina</i> The disparity in scientific and technical potential of the regions of the PRC and the ways of its overcoming	94
<i>Inna Vasileva, Elena Myasnikova, Alla Bezryadnova</i> Nanotechnologies and the nanoproducts in our food.....	99
<i>Irina Bykovskaya</i> Eurasian economic union, as a promising area of integration	104
<i>Maria Voronkova, Daria Egorshina</i> Inflation in Russia: main reasons	107
<i>Nesterova Nadezhda</i> The mechanism of transformation of multilevel management policy for the sustainable development of the regional economy.....	111
<i>Mykola Ihnatyshyn, Mariya Ihnatyshyn</i> Neural network forecasting of financial market instruments.....	116
<i>Nina Pestereva, Larissa Haiko</i> Development of synoptic-statistical method of forecasting crop yields and mariculture in the south of Russian Far East.....	123
<i>Aleksandr Gladilin, Oksana Kolomyts</i> Methodical approaches to the assessment of the degree of preparedness of the regions for innovation and investment development of their socio-economic systems	128
<i>Oxana Nagornaya</i> Model of investment decision-making by multisectoral retail company	143

<i>Renat Nurgatin</i>	
Fiscal cliff in the United States: the essence and possible consequences	146
<i>Svitlana Pukhyr</i>	
The system of intergovernmental relations in Ukraine: tendencies of reforming.....	150
<i>Sergey Kruchinin, Svetlana Zaytseva</i>	
Requirements to higher education in the conditions of economic sanctions of the West	153
<i>A. Kuritsyn, S. Sologubov</i>	
Innovation approach to a problem decomposition of a value index	160
<i>Alisa Chemarina, Tatiana Tourischeva, Oksana Keshtova, Artem Nikanorov</i>	
Modern fundamentals of management analysis of leasing operations in Russia.....	166
<i>V. Kashlina, T. Lizunova</i>	
Depositor and factors of choice	170
<i>Tatiana Shtal, Yuliya Dobroskok, Oksana Tyshchenko</i>	
Analysis of the functioning and development prospects of TNCs in Ukraine	175
<i>Yuliya Koshkina, Anna Kel'maeva</i>	
Problems of the formation and development of the national payment system of the Russian Federation.....	180
<i>Nabil Alnasser, Osama Samih Shaban and Ziad Al-Zubi</i>	
The Impact of Accounting Ethics in Improving Managers' Behavior and Decision Making in the Jordanian Companies.....	186
<i>Ehren Lee Sze Tseng and Rashad Yazdanifard</i>	
Education or Experience: The Potentiality in Yielding the Best Productivity at the Working Environment	204
<i>Bakhshinejad Mahmoud</i>	
The Economic Survey of Walnut Production in Iran	213
<i>Daniel Ibrahim Dabara, Ankeli Ipkeme Anthony, Odewande Adeleye Gbenga and Oluwasegun Adeyanju</i>	
Decision Theory and Its Relevance to Real Estate Development Decisions	224
<i>America I. Zamora-Torres and Francisco Javier Ayvar Campos</i>	
Impact of Customs Regulation in the Efficiency on International Trade.....	235
<i>Oon Fok-Yew and Hartini Ahmad</i>	
The Effect of Change Management on Operational Excellence in Electrical and Electronics Industry: Evidence from Malaysia	252
<i>Daniel Ibrahim Dabara, Ankeli Ipkeme Anthony, Oluwasegun Adeyanju and Odewande Adeleye Gbenga</i>	
Occupiers' Perception of Commercial Leases: Empirical Evidence from Ede, Nigeria	280
<i>Robert Ngidlo</i>	
Impacts of Pesticides and Fertilizers on Soil, Tail Water and Groundwater in Three Vegetable Producing Areas in the Cordillera Region, Northern Philippines	292
<i>M. I. Hossain, A. M. Shahabuddin, M. A. B. Bhuyain, M. A. Mannan, M. N. D. Khan and R. Ahmed</i>	
Scaling Up of Stocking Density of Tiger Shrimp (<i>Penaeus monodon</i>) under Improved Farming System in Khulna Region of Bangladesh	307
 Section 2. History, Philosophy & Jurisprudence	
<i>Alexander Kolomak</i>	
Conceptions of positive and negative freedom in in the limits of social-philosophic tradition	319
<i>Andrey Kayagin</i>	
Role and place of the constitution of Russia in system of social values	323
<i>Andrey Sizenko</i>	
Attendance of the Don Army by Grand Duke Mikhail Pavlovich in 1817	329
<i>Anatoliy Vershkov</i>	
Co-evolution strategy and practice of nature usage	332

<i>Yevgenya Levchenko</i> Religious recovery in post-Soviet society as a manifestation of social extremity	336
<i>Galina Elnikova</i> Russian woman from the «tower» to the throne: the dynamics of the gender order of Russian society in the XVI-XVIII centuries	340
<i>Irina Moskvitina</i> History inside us: males and females	345
<i>M. Spivak</i> Values of policy of health protection	356
<i>Natalja Shkurko, Anatoly Novikov</i> Political mythology as a mechanism of organizing the life of modern Russian society at the Federal and regional levels.....	361
<i>Oleg Voronin</i> Typology of public prosecution	367
<i>Olga Kutsos</i> Scientific basic of empirical studies of the national mentality.....	373
<i>Valeriy Badmayev, Raisa Polyakova</i> Identity and Cultural diversity in a global perspective	376
<i>Sergei Latyshev</i> Legal aspects of the exercise of Executive power in the system of local self-government in the Russian Federation.....	381
<i>Sergey Sorokin</i> Features demography shogun Tokugawa.....	384
<i>Yury Neduzhko</i> Initial Conditions and Causes of Struggle of Foreign Ukrainians for State Independence of Ukraine in 40-es-90-th years of XX Century.....	391
 Section 3. Education	
<i>Chien-Heng Lin and Yu-Chiung Lou</i> A Framework of Multimedia Integration Based on Teacher's Perspectives	403
<i>Olibie Eyiuche Ifeoma and Ezeoba Kate Oge</i> Effects of Guided Inquiry Method on Secondary School Students Performance in Social Studies Curriculum in Anambra State, Nigeria	419
<i>David F. Samuel and Babalola J. Ogunkola</i> Elementary Teachers Educational Beliefs and Their Instructional Approaches: In Search of a Meaningful Relationship.....	440
<i>K. O. Oloruntegbe and J. O. Agbayewa</i> Greening the Chemistry Curriculum: Catching Them Young.....	470
<i>Lane Perry, Krystina R. Stoner, Lee Stoner, Daniel Wadsworth, Rachel Page and Michael A. Tarrant</i> The Importance of Global Citizenship to Higher Education: The Role of Short-Term Study Abroad.....	481
<i>Christine F. Clark, Daniel Shepherd and Shreena Natasha Hira</i> Predicting Intention to Complete and Learning Outcomes in a Sample of Adult Learners.....	494
<i>Alexander Evsyukov</i> Diagnosis levels of professional-pedagogical competence of the future teachers	516
<i>Alexander Treshchev, Irina Romanovskaia, Olga Sergeeva</i> The research of the influence of lean manufacturing tools on the development of students' ability of creating products and systems	520
<i>Alexandr Chikov, Svetlana Chikova, Alina Kovalchuk</i> Distribution of body weight during rotations in figure skating	525
<i>Alexey Votsky</i> Development motivational readiness for the innovative activity at students of higher education institution.....	529

<i>Alina Borysova</i> Aspects of methodology of teaching of higher education	533
<i>Elvira Kozintseva</i> Time perspective	537
<i>Oksana Barsukova, Natalia Mozgovaya, Maria Vyshkvyrkina</i> I and the Other: Ambition, Personal Space, Social Intelligence	541
<i>Gennady Prygin</i> Features of motivational sphere and orientation of the personality of students, with autonomous and dependent types of conscious self-regulation	544
<i>Grygoriy Gryban, Sergiy Romanchuk, Victor Romanchuk, Oleksandr Boyarchuk</i> The Formation of Students' Sports Recreation Competences while Studying at Higher Educational Institutions	549
<i>Dmitriy Gulyakin</i> Socio-information culture students technical high school	554
<i>Eleonora Skiba</i> Habermas about the problems of modern identity	558
<i>Erlan Seisenbekov, Adilbay Tastanov, Gauhar Abdikarimova</i> Comparative analysis of the forms of organization of physical education and school testing physical properties of young athletes	564
<i>Oxana Zhukova</i> Methodological principles of game modeling as part of creating methodological culture of a future teacher	569
<i>Z. Chervaneva</i> Human capital as the core of the "new" educational psychology	576
<i>Igor Popovych</i> Transformation function of social expectations of a person	582
<i>Inna Voloshok</i> Sociocultural aspects of interference	586
<i>Lada Chvahka</i> The basics of professional self-educational competence of future teachers of higher school	591
<i>Lidiya Lymarenko</i> Research and development the theoretical justification and self-development future teachers in student theater	595
<i>Liudmyla Melko</i> Formation of Multicultural Competence of Students by Means of Country Studies Projects	600
<i>Marina Sitnikov</i> Formation of the competences at mathematics lessons in college	604
<i>Marina Filatova</i> Australia is a far away country, isn't it?	609
<i>Nataliya Mukan, Marianna Havrylyuk</i> Methodology of comparative professional pedagogics	612
<i>Myroslav Savchyn</i> Imagination about human memory in the context of spiritual paradigm of psychology	616
<i>Mykola Didukh</i> Representation of the basic archetypes in the ethnic collective unconscious	620
<i>Myroslav Savchyn</i> Problem of intellect in the context of spiritual paradigm of psychology	628
<i>Nadezhda Prokoptseva, Boris Karev</i> Factors of formation of destructive professional and personal qualities of the teacher in higher education institute	633
<i>Natalia Bakhmat</i> Actual problems of teacher training elementary school teachers	637
<i>Nataliya Bobrysheva</i> Multicultural education in maritime universities	642

<i>Mykola Ihnatyshyn</i> Method of numerical evaluation of psychic abilities.....	644
<i>Oleg Tarnopolsky, Oleg Nesterenko</i> Introducing spanish as one of the principal tertiary foreign languages into the teaching process at linguistic and non-linguistic higher schools of Ukraine.....	654
<i>Irina Roy, Andrej Rusanov, Olga Rusanova</i> The application of computer dynamography in the physical rehabilitation of patients after reconstruction of the anterior cruciate ligament	658
<i>R. Mazitov, V. Gurov, G. Lyutova</i> Management training education in the context of public-private partnership.....	663
<i>Svetlana Savenkova</i> Features of the introduction of automated working place in the activities of the college.....	668
<i>Olga Sergeeva, Anna Egorova</i> The influence of extra curricular activities on sociocultural competence formation (by the example of teaching foreign languages in Ivanovo State Power University, Russia).....	671
<i>S. Radchenko</i> Psychological peculiarities of display of frustration in adolescence.....	675
<i>Olha Khamuliak</i> Contemporary conditions of railway experts professional training in professional and technical educational establishments of Ukraine	678

Section 4. Philology

<i>O. Delva</i> The role of author modality in reconstruction of modal worlds (case study of texts by O. Henry).....	682
<i>Ellada Gerayzade</i> Ideological, thematic and literary features in prose by Maksud Ibragimbekov.....	687
<i>Larissa Eglit</i> Accentological Norm Violation in the Talks of the Russian Speaking Kazakhstanis.....	691
<i>Leyla Gerayzade</i> Problems of the 20th century Azerbaijan literary prose (60 - 80 years)	696
<i>Svetlana Bezus</i> The last letter of Miguel de Cervantes.....	700
<i>Sholpan Nurgozhina</i> Zoomorphisms as fragment of national linguististic world of Kazakhs	704
<i>Nataliia Lastovets</i> Identity & policy: the influence consciousness of the political elite to the formation state of the Ukraine in the beginning of the XX century	709

Section 1. Agricultural Science & Economics

Shoko Ishikawa^{1*}, Shotaro Ando² and Seiko Yoshikawa,³

¹*National Agricultural Research Center, Kannondai, Tsukuba, Japan.*

²*Japan International Research Center for Agricultural Sciences,
Maezato-Kawarabaru, Ishigaki, Japan.*

³*National Institute for Agro-Environmental Sciences, Tsukuba, Kannondai,
Tsukuba, Japan*

Effects of Planting Sugarcane and Napier Grass on N Leaching from Lysimeters under High Application of Cattle Manure

1. INTRODUCTION

Nitrate concentration in groundwater is regulated by laws and regulations in different parts of the world [1-3]. Agriculture has been considered as a major source of nitrate leaching to surface and ground waters [4-6]. Pionke et al. [7] observed a nitrate-N concentration as high as 209 mg l⁻¹ from drainage below the root zone in a horticultural area located in Western Australia. Fujiie et al. [8] pointed out that the reduction in nitrate leaching estimated in an area of Miyakojima-island during the period between 1977 and 2005 was partly attributable to the halved amount of fertilizer application between 1980 and 2006 indicating that agriculture was actually a major source of nitrate leaching in the studied area. Improved methods of fertilization such as split application and the use of slow releasing fertilizers have been recognized effective in reducing nitrate leaching [9-10].

However, there are situations where high rates of fertilization are practiced [11-12]. De Paz and Ramos [13] mentioned growers in Spain who apply excessive amount of fertilizers by paying little attention to local recommendations. Similar cases can be found in other parts of the world [14-15]. In Japan, vegetables and tea [16-17] are the crops that usually receive highest rates of fertilizer. Nishio [18] reported that amounts of unutilized nitrogen are especially

high, more than 300 kgDha^{-1} , in the case of celery, eggplants, cucumbers and tea. The growers apply high rates of fertilizer to these crops, as they are less likely to show negative response, such as yield decline, to heavy fertilization. In the case of tea, yield increased with the application of 1006 kgDha^{-1} of mineral N. High rates of fertilizer application by vegetable growers are attributed to the relatively high economic value of commodities [19-20]. It is common that crops receiving high rates of chemical fertilizers are also applied with high rates of manure [21], another major causal factor of nitrate leaching [22-24].

In areas where livestock is intensively produced, the disposal of excess manure is a concern [25-26]. In Japan, livestock production once was closely linked to arable farming when scales of farms were small and manure was seen as a valuable source of nutrients. Concentration of livestock sector and spread use of chemical fertilizer brought about a situation where livestock sector became separated from arable farming [27-29] leading to manure shortage in arable farms [30], while excess manure being piled up in livestock farms [28]. Compared to chemical fertilizers, nutrients released from manure are much harder to control especially when applied at high rates continually [27,31]. As it has been rather common for growers to focus on the role of soil conditioner of manure paying less attention to the aspect of fertilizer, amounts of nutrients added to soils through manure application are very often omitted from calculation of nutrients balance [22,32] leading to the increased number of fields overdosed with excess nutrients [32-33]. In extreme cases, accumulated nutrients need to be removed by means of planting green manure crops or drained by a large amount of water in the case of glasshouse situations where natural drainage by rainfall cannot be expected. In any case, nitrogen-releasing effects of manure could last relatively a long period [34-35].

Outstanding ability of gramineae crops to take up N has been reported [25,36-38]. Sugarcane has been claimed to be promising as a double purpose crop, i.e. feed and cleaning crops for its ability to accumulate little amount of nitrate even when applied with high rates of N [39]. Effects of green manure crops and/or catch crops especially grown in winter on nitrate leaching have been studied relatively well. Thomsen and Christensen [40] and Thomsen [23] employed ryegrass as a catch crop in a series of lysimeter experiments and observed substantial reductions in nitrate leaching, although nitrate could be released again from the crop depending on methods and timings of incorporation. There seem, however, to be fewer studies so far that have looked into the effects of cultivating summer crops of gramineae such as sugarcane and

napier grass on nitrate leaching from soils. It would serve agriculture as well as science to find out if the claimed ability of gramineae crops to take up large amount of N has significant meaning in terms of nitrate leaching from soils.

The objective of the present study is therefore to evaluate the effects of planting summer crops such as sugarcane and napier grass as well as a winter crop of triticale on the amount of drained water and that of leached nitrogen under the conditions of high application of cattle manure.

2. MATERIALS AND METHODS

A lysimeter experiment was conducted at National Agricultural Research Center for Western Region, Zentsuji (34°13 N, 133°46 E) during the period from December, 2007 until December, 2010. A lysimeter was the size of 2.9 m by 2 m with the depth of 1 m. Six lysimeters were employed for the experiment and gravel was spread over the bottom. Three lysimeters were filled with soil of granite origin in June, 2006 and sunflower grown, while the other three were filled in December, 2007. To each lysimeter, cattle manure of 10.0 kg·m⁻² (100 g·m⁻² of N) was applied in December, 2007 before commencing the experiment. During the experiment, cattle manure of 6.0 kg·m⁻² (91 g·m⁻² of N) and 5.2 kg·m⁻² (78 g·m⁻² of N) were applied to each plot and incorporated into the soil on 15 May and 22 July in 2009 respectively. In 2010, neither cattle manure nor chemical fertilizer was applied. In total of three years, 21.2 kg·m⁻² of cattle manure and 269 g·m⁻² of nitrogen were applied to each lysimeter supposing a high range of N rates possibly applied to some crops such as asparagus [21] and celery [18]. As senescence of leaves started being observed with napier grass from the prevailed dry condition in summer in 2010, irrigation of 34 mm was applied three times to each lysimeter on 24, 30 August and 9 September.

Treatments were consisted of the combination of a winter crop, triticale (*X. Triticosecale* Wittmark, cv. Ryekokko II) and summer crops, sugarcane (*Saccharum* spp. hybrid) and napier grass (*Pennisetum purpureum* Schumach. cv. Merkeron) (Table 1). Six lysimeters were assigned to three treatments creating two replicates for each treatment. The lysimeters filled with soil in 2006 were assigned to Rep. 1 and those in 2007 to Rep. 2. In 2008 and 2009, a half of the sugarcane plot was planted with seedlings of a sugar cultivar, NiF8, while the other half with those of KRf093-1, the first feed cultivar of sugarcane bred for feed use in Japan [41]. In 2010, the whole plot was planted with seedlings of KRf093-1. As to the control, plots were left with weeds in 2007/2008,

while they were maintained bare by incorporating emerged weeds periodically in 2009 and 2010.

Table 1. Crop sequence in lysimeter experiments

Crop Sequence	2008		2009		2010	
	Winter	Summer	Winter	Summer	Winter	Summer
Y1-Y2-Y3	untreated	untreated	bare soil	bare soil	bare soil	bare soil
C-C-C	triticale	sugarcane	triticale	sugarcane	triticale	sugarcane
TS-TS-TS	(Ryekokko II)	(NiF8, KRFo93-1)	(Ryekokko II)	(NiF8, KRFo93-1)	(Ryekokko II)	(KRFo93-1)
S-S-TN	untreated	sugarcane	bare soil	sugarcane	triticale	Napier grass
		(NiF8, KRFo93-1)		(NiF8, KRFo93-1)	(Ryekokko II)	(Merkeron)

Y: year; C: control; T: triticale; S: sugarcane; N: napier grass

For each lysimeter, a drum of 84 litre volume was placed to collect the drained water. The depth of the water was measured to estimate the amount of drained water. Water samples were taken to estimate the amount of leached mineral nitrogen. After the measurement and collection of the samples, water was drained from the drum. Although water was carefully collected especially after the rainfall, there were a few occasions when water overflowed the drum. Aboveground plant materials were sampled at harvest of each crop (Table 2) and the fresh matter weight was determined. A subsample was oven-dried at 70°C for 5 days and the dry matter weight determined.

Table 2. planting, harvest and sampling dates of triticale, sugarcane, napier grass and weeds

Table 2. planting, harvest and sampling dates of triticale, sugarcane, napier grass and weeds

Year	Crop	Triticale		Sugarcane/ Napier grass		Weeds
		P	H	P	H	Sp
2008	Control	-	-	-	-	5-Nov-08
	Triticale-Sugarcane	21-Dec-07	25-Apr-08	12-May-08	5-Nov-08	-
	Sugarcane	-	-	-	-	12-May-08
2009	Control	-	-	-	-	-
	Triticale-Sugarcane	15-Jan-09	15-May-09	19-May-09	25-Nov-09	15-May-09
	Sugarcane	-	-	-	-	-
2010	Control	-	-	-	-	-
	Triticale-Sugarcane	15-Jan-10	26-Apr-10	30-Apr-10	16-Nov-10	-
	Triticale-Napier grass	-	-	-	-	-

P: planting; H: harvest; Sp: sampling

Sampled water was subjected to the analysis of nitrate-N and ammonium-N [42]. Dried plant materials were milled and filtered through 2 mm mesh (No. 1003-

S; Yoshida Seisakusho, Tokyo, Japan). The milled plant samples were subjected to the analysis of total N concentration by the Dumas method with a Vario MAX CN (Elementar, Hanau, Germany). The nitrate-N concentration of sugarcane and napier grass plants was determined by Cataldo method [43].

2.2 Statistical Analysis

As the experiment was conducted in two replicates, results of both replicates were presented in figures and tables rather than showing a mean value with the standard deviation. Analysis of variance (ANOVA) was performed for some of the datasets using a statistical program of SPSS 13.0 (Tokyo).

3. RESULTS AND DISCUSSION

3.1 Weather

Daily mean temperature and total rainfall are given in Table 3. When the weather station near the experimental site was unable to record, the data sets recorded at the location, 3 km away from the site, were employed. In 2008, it rained very little during summer. High rainfalls recorded in July and August of 2009 and in July of 2010 were the events of a few days.

Table 3. Mean daily temperature and total rainfall over the three seasons

Month	2008		2009		2010	
	Temp. (°C)	Rainfall (mm)	Temp. (°C)	Rainfall (mm)	Temp. (°C)	Rainfall (mm)
January	5.1	78	5.5	69	5.5	20
February	4.4	42	7.3	84	6.9	76
March	9.4	131	9.2	57	8.5	144
April	14.3	89	14.8	48	12.4	115
May	18.7	147	19.7*	48	18.2	97
June	21.9	150	23.3	91	22.9	194
July	28.1	12	26.6*	187*	26.8	137
August	27.6	46	27.4*	132*	29.1	67
September	23.9	138	23.3	33	25.7	78
October	18.7	109	18.2**	73	18.7	127
November	12.3	82	12.6	116	12.1	30
December	8.1	30	7.6	34	7.8	54
Mean	16.0	88	16.3	81	16.2	95

*Data recorded at Senyu area (3 km away from Ikano area); **excludes two missing dates

3.2 Water Drainage and N Leaching

Amount of the drained water in each year is presented in Figs. 1a, 1b and 1c. Effects of planting triticale on leaching of water were hardly observed compared to control plots in 2009, while they were recognized in 2010. In 2007/2008, leaching was the least for one of the control plots. In 2009 and 2010, the plots planted with sugarcane or napier grass showed less leaching compared to control plots, i.e. bare soil, after summer until harvest. However, leaching of N could not be completely prevented at the events of severe rainfalls except for the plots planted with napier grass in 2010 (Table 4).

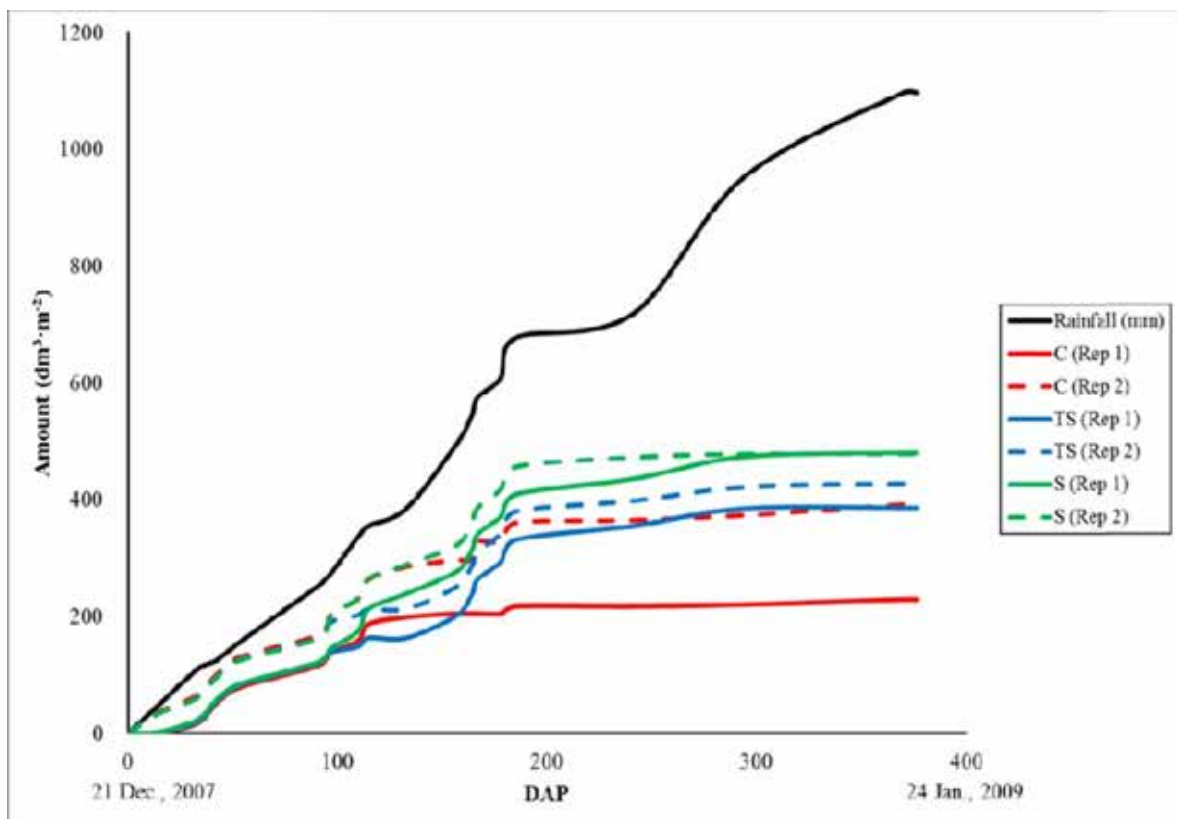

Fig. 1a. Accumulated rainfall (mm) and drained water ($\text{dm}^3\cdot\text{m}^{-2}$) in 2007/2008
 C: control; TS: triticale-sugarcane; S: sugarcane; OAP: days after planting; Rep: replicate

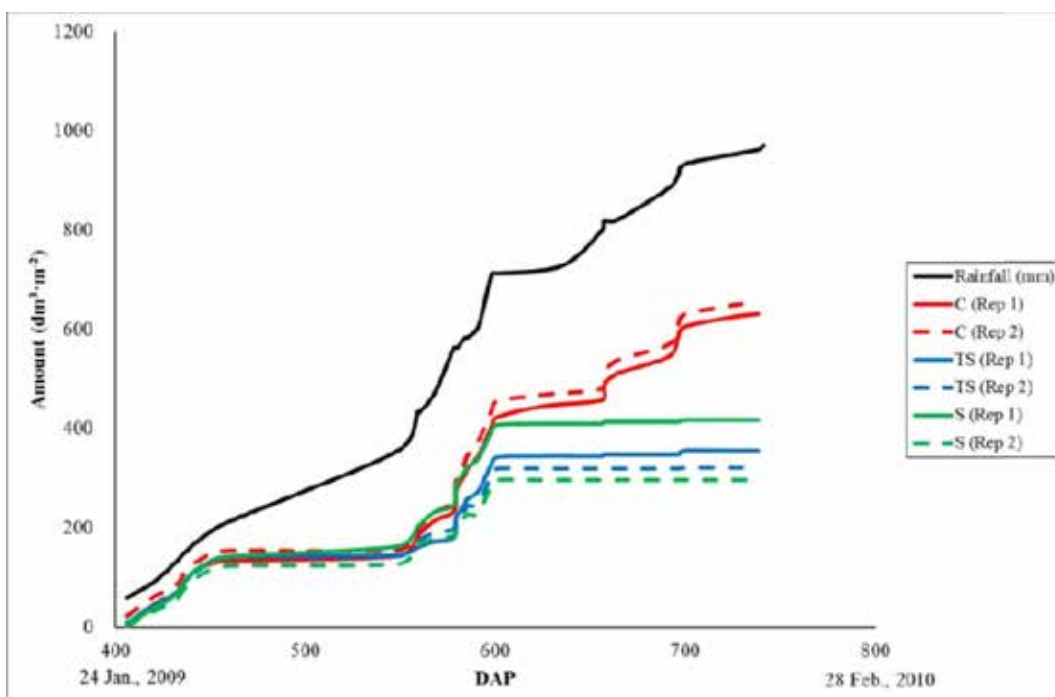

Fig. 1b. Accumulated rainfall (mm) and drained water (dm³·m⁻²) in 2009
C: control; TS: triticale-sugarcane; S: sugarcane; OAP: days after planting; Rep: replicate

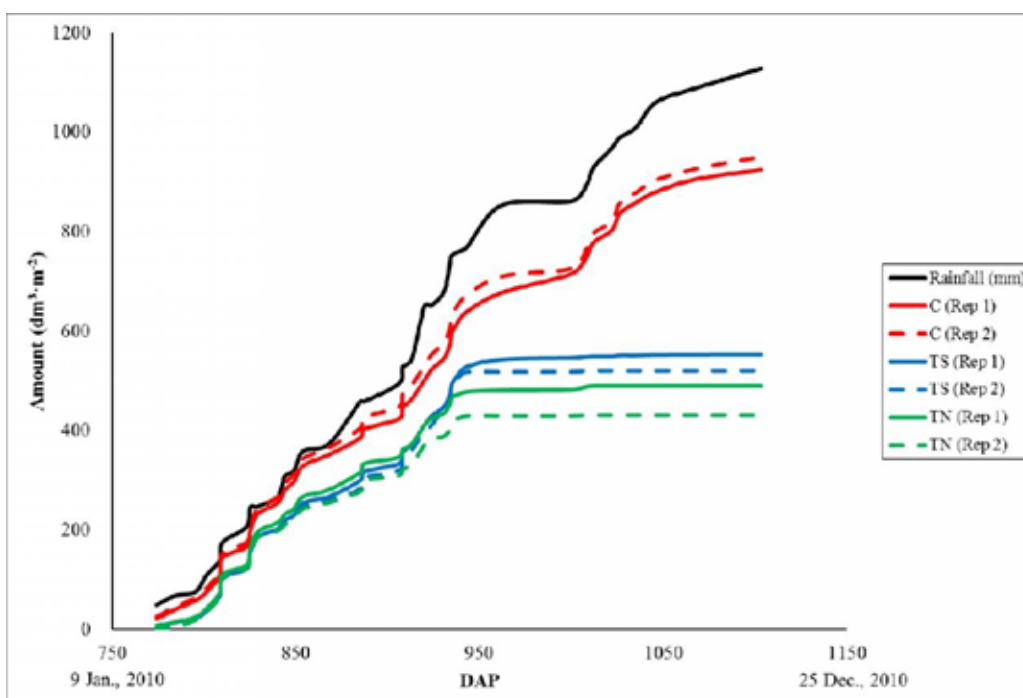

Fig. 1c. Accumulated rainfall (mm) and drained water (dm³·m⁻²) in 2010
C: control; TS: triticale-sugarcane; TN: triticale-napier grass; OAP: days after planting; Rep: replicate

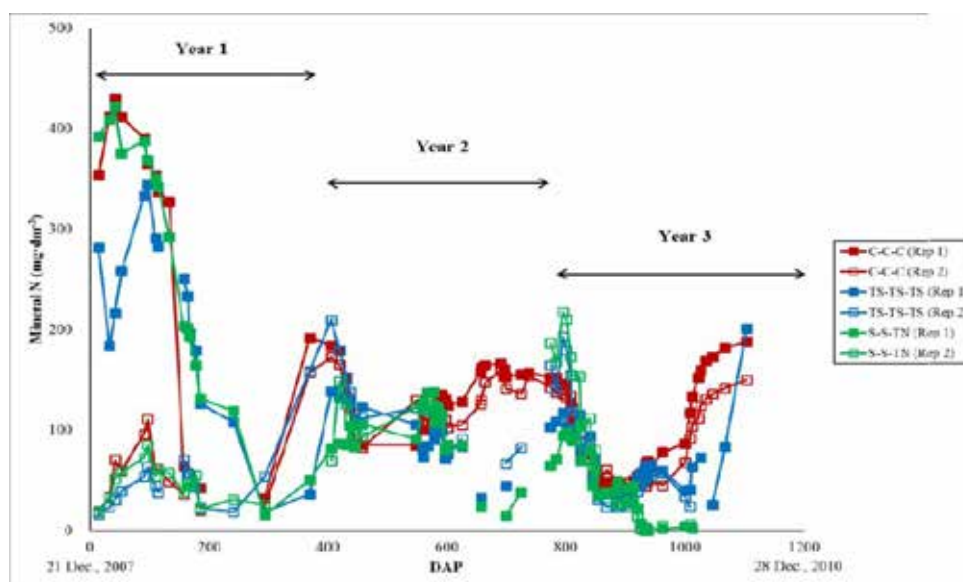
Table 4. Amount of drained water and leached mineral N at events of severe rainfall

Severe Rainfall Events			Drained	Leached
Start Date	End Date	Rainfall (mm)	(mm)	(g m ⁻²)
20-Jul-09	21-Jul-09	80	53.5	5.9a
9-Aug-09	10-Aug-09	102	57.9	5.3a
11-Jul-10	13-Jul-10	70	44.3	2.1b
Crop Sequence				
Summer Crop (C S)			51.9ab	5.2a
Winter-Summer	Crop ^ε (TS nd TN)		45.5b	3.3b
Crop Sequence			.031	.010

C: control; S: sugarcane; TS: triticale-sugarcane; TN: triticale-napier grass

The change in mineral N concentration of the drained water observed during the experimental period is presented in Fig. 2. Lysimeters of Rep 1 exhibited extremely high concentrations of the drained water compared to those of Rep 2. It took approximately 300 days for the discrepancy of the two replicates to disappear. Mineral N concentration was reduced to zero by the presence of napier grass from July 2010.

The cumulative amount of leached mineral N during the experimental period is presented in Figs. 3a, 3b and 3c. In 2007/2008, a similar discrepancy between the two replicates was observed (Fig. 3a) as was in the mineral N concentration of drained water. Both in 2009 and 2010, amounts of leached mineral N were significantly smaller for the lysimeters planted with sugarcane and napier grass compared to those assigned to control (Figs. 3b and 3c), (Table 5).

Fig. 2. Change in the concentration of mineral N in drained water during the experiment

C: control; TS: triticale-sugarcane; S: sugarcane; TN: triticale-napier grass; OAP: days after planting; Rep: replicate

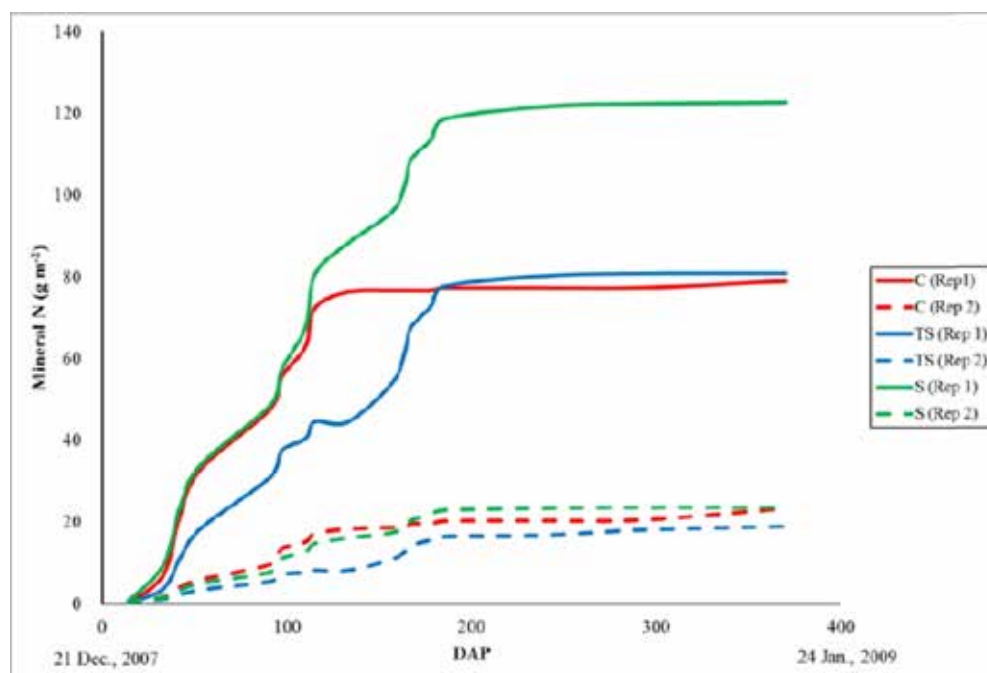

Fig. 3a. Accumulation of leached mineral N in 2007/2008

C: control; TS: triticale-sugarcane; S: sugarcane; OAP: days after planting; Rep: replicate

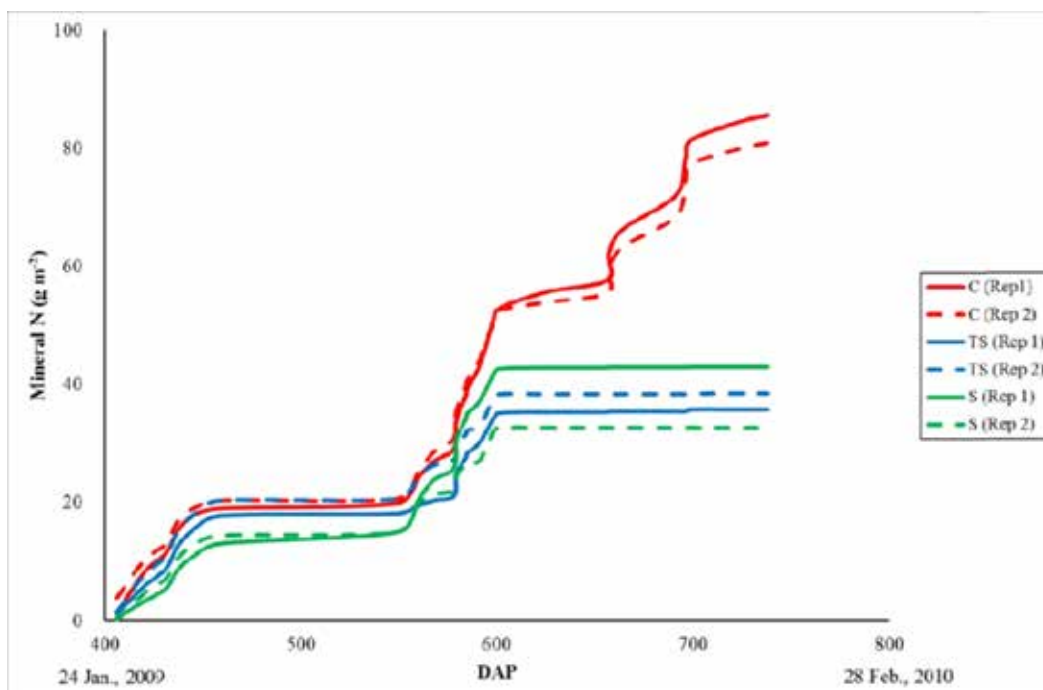

Fig. 3b. Accumulation of leached mineral N in 2009

C: control; TS: triticale-sugarcane; S: sugarcane; OAP: days after planting; Rep: replicate

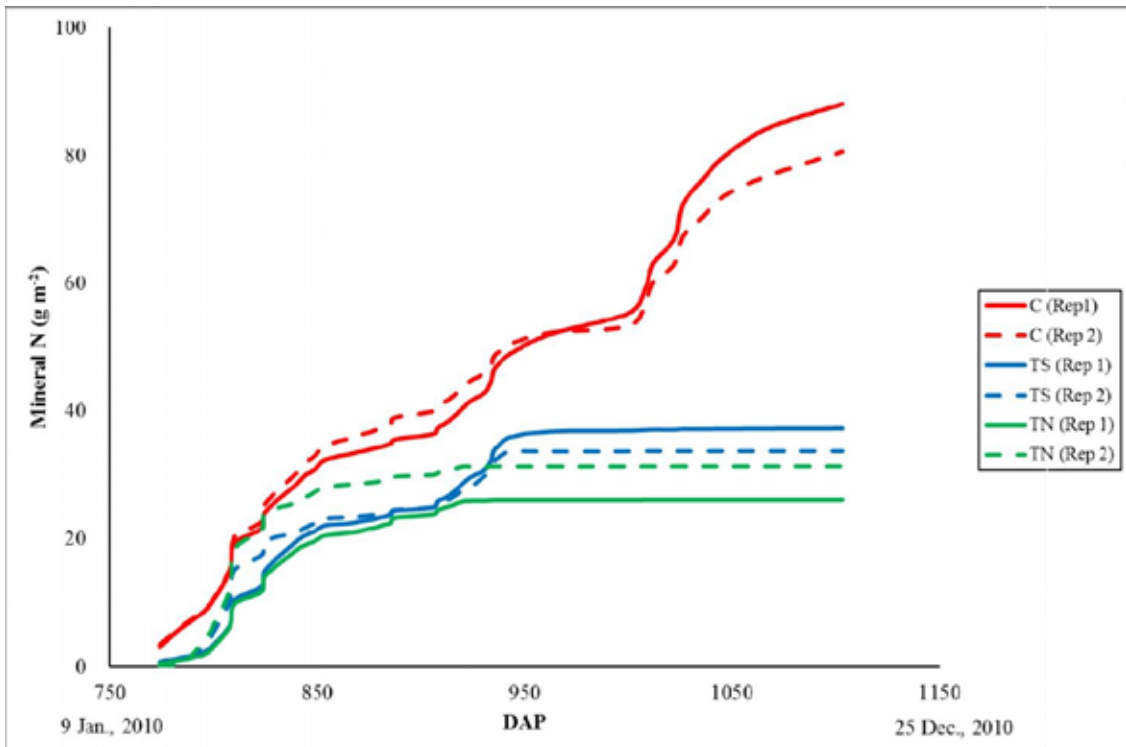

Fig. 3c. Accumulation of leached mineral N in 2010

C: control; TS: tricale-sugarcane; TN: tricale-napier grass; OAP: days after planting; Rep: replicate

Table 5. Drained water and leached mineral N

Year	Crop	Drained water (mm·year ⁻¹)	Leached mineral N (g·m ⁻² ·year ⁻¹)
2009		446a	52.7
2010		663b	50.3
	Control (C)	790a	83.8a
	Summer (S)	465b	36.6b
	Winter-Summer (TS and TN)	408b	34.2b
P value			
Year		.001	.458
Crop		< .001	< .001

C: control; S: sugarcane; TS: tricale-sugarcane; TN: tricale-napier grass

3.3 Growth, Yield and N Content of Crops

Height, above-ground dry matter weight and above-ground N yield of planted crops as well as weeds are presented in Table 6. Major weeds observed in control (C) and sugarcane plots (S) in 2008 were common lamb s-quarters (*Chenopodium album* L. var. *album*), henbit (*Lamium amplexicaule* L.), Japanese dock (*Rumex japonicas* Houtt.), water foxtail (*Alopecurus aequalis* Sobol. var. *amurensis* (Komar.) Ohwi) and field horsetail (*Equisetum arvense* L.). In 2010, napier grass suffered from drought typical to this area during summer resulting in leaf senescence. The combination of triticale and napier grass, however, recovered the greatest N in 2010. Although nitrate-N concentration of both sugarcane and napier grass did not exceed the critical level of 0.2 % for feed at dry matter basis, the values in 2010 was relatively higher than those in other years (data not shown).

3.4 N Content of Soils

For the original soil contained in the lysimeter and soils after the experiment, pH, C, Total N, nitrate-N and ammonium-N were presented (Table 7). The original soil was sampled in 2010 from the hill where the soil had been taken to fill the lysimeter in 2007. Nitrate-N in every soil layer was lower for the plots planted with napier grass in the year 3 (S-S-TN) compared to control plots (C-C-C) and the combination of triticale-sugarcane plots (TS-TS-TS). As the sampling and the analysis of the original soil were carried out in the third year of the experiments, comparison of inflow and outflow of nitrogen in each lysimeter was not attempted.

Table 6. Height, aboveground DMW and above-ground N yield of the harvested crops

Year	Treatment	Height (cm)		Above-ground DMW (kg·m ⁻²)		Above-ground N Yield (g·m ⁻²)		Total
		T	S/N	T	S/N	T	S/N	
2008	C	-	-	-	-	2.25-10.05	-	24-152
	TS	86-96	290-323	0.69-0.87	3.09-3.55	-	34-36	64-72
	S	-	305-322	-	3.52-4.36	0.29-0.53	32-41	47-53
2009	C	-	-	-	-	-	-	0
	TS	88-121	266-281	0.78-1.68	3.05-3.52	0.10	22-33	63-65
	S	-	281-285	-	3.85-3.86	-	38-39	38-39
2010	C	-	-	-	-	-	-	0
	TS	46-48	281-318	0.41-0.65*	3.62-4.35	-	13-23*	53-63
	TN	48-49	292-315	0.62-0.63*	4.91-5.38	-	18-23*	56-72

Results are presented as a range of two replicates.

Table 7. pH, C, total N, nitrate-N and ammonium-N in the original soil and the soils after the experiment

Crop Sequence	Depth (cm)	pH	C (%)	Total N (%)	nitrate-N (mg·100g ⁻¹)	ammonium-N (mg·100g ⁻¹)
C-C-C		6.1a	2.7a	0.17	4.23a	0.55
TS-TS-TS		6.4b	3.0ab	0.19	3.23a	0.58
S-S-TN		6.5b	3.1b	0.19	1.36b	0.37
	0-25	6.2a	3.3a	0.21a	3.21	0.48
	25-50	6.4b	2.7b	0.18b	2.62	0.52
	50-75	6.4ab	2.7b	0.17b	3.00	0.50
P value						
Crop Sequence (CS)		.003	.016	.053	.002	.063
Depth (D)		.035	.003	.005	.556	.899

Y: year; C: control; T: triticale; S: sugarcane; N: napier grass

† not included in the statistical analysis

Means with the same letter within each component (Crop Sequence and Depth) are not significantly different.

3.5 Discussion

Planting sugarcane and napier grass was found effective in reducing the amount of drained water during summer (Figs. 1a, 1b and 1c). A hypothesis to arise is that water contained in the soil might have been reduced by evapotranspiration of the crop whether it was sugarcane or napier grass or even weeds, which would have provided soils with a higher capacity of holding water at events of rainfall. 1500 to 2500 mm of water has been reported to be required by sugarcane during its growth period [44], amounts greater than that of the rainfall observed in the present study. Although there are a number of studies that have looked at evapotranspiration of various crops including sugarcane [45-46], many of them were conducted to gain insight of water requirements of target crops for management of irrigation in semi-arid climates [47-48]. Efforts of reducing leaching losses of fertilizers can be seen in drought-prone areas as well. For areas of intensive cereal production in northern China, Islam et al. [49] proposed a use of superabsorbent polymer as soil amendment to reduce leaching losses.

As to 'cleaning' aspects of crops/plants, a number of studies can be found which have attempted to utilize plants to treat wastewaters [50-51] of especially municipal origin [52-53]. Bialowiec et al. [54], in a lysimeter experiment testing effectiveness of willow to treat polluted solutions, observed evapotranspiration of lysimeters planted with willow 3-14 times higher than evaporation of bare soil, which probably could also explain the observation of almost ceased drainage from the lysimeters planted with sugarcane and napier grass in the present study. Singh et al. [55] was unique in suggesting a system of treating waste waters by utilizing the transpiring ability of bamboo (*Dendrocalamus strictus*) characterized with high evapotranspiration rate. In the present study, it took approximately 3 months until the preventing effects of sugarcane on leaching started being observed probably due to its slow growth during early phase. Weeds showed a great nitrogen recovery in one of the two replicates (Table 6). However, constant effects are hard to expect from weeds where N recovery would vary greatly according to the type of weeds that emerge. Besides, leaving weeds uncontrolled would result in an expansion of seed banks in the soil, which would make it difficult to grow crops in following years to come.

In temperate regions, N leaching during winter has been well recognized and preventative measures such as planting catch crops have been practiced [23]. C3 cereal crops could take up a large quantity of N in suitable climates [56].

In the present study, triticale recovered a great amount of N comparable to that of sugarcane in 2008 and 2009. Triticale had a variable crop stand and its biomass yield was probably overestimated to some extent by limited sampling areas. The contribution of the crop both to the decreased water drainage and N leaching, however, was hard to recognize in 2009. In 2010, amounts of drained water and leached N appeared to have been reduced for the plots planted with triticale compared to control plots. The amount of rainfall in March and April in 2009 was approximately half of that in 2010 and there was little drainage of water in 2009 from any lysimeter. Triticale is therefore considered to have functioned as an effective cleaning crop in reducing N leaching, though the effects were smaller than those of sugarcane and napier grass.

Concentration of total N in soils did not appear to have been affected by the presence of any crop tested in the present study. A possibility that N leaching occurred not only in mineral forms but also in organic forms in the drained water could not be excluded [57], however, the fact that drained water was reduced to the level of near zero exhibited that planting cleaning crops was effective in preventing N leaching. Prevention of leaching by transpiration, the major finding of the present study, was effective at least partially for the events of severe rainfall in a short period of time (Table 4). Amount of annual rainfall observed in the studied area was less than 1000 mm, approximately two thirds of the average rainfall in the country. A further experiment is therefore required to study if transpiration of sugarcane/napiergrass would prevent N leaching in the areas of higher rainfall. As this study was carried out on lysimeters, containers where root growth is unnaturally restricted, a careful consideration is required in interpreting the results in the context of actual agricultural practices.

Looking at nitrogen recovery, aboveground part of sugarcane and napier grass contained comparable amounts of nitrogen, while concentration of mineral nitrogen contained in the drained water as well as nitrate left in the soil after harvest significantly differed for two crops. Despite that this was the observation made only in a single year, it gives us an impression that sugarcane and napier grass might have different mechanisms in acquiring nitrogen. Possibilities of nitrogen fixation by diazotrophs have been suggested for sugarcane by a number of researchers [58-60]. If this was the case, ability of sugarcane as a cleaning crop might need be downgraded.

Leaving out nitrogen fixation issue with sugarcane, napier grass is still considered to excel sugarcane in taking up nitrogen from soils under conditions of high fertilization. This is based on the observation made in our previous study [39] where field experiments of high fertilization were conducted in two years with

sugarcane and napier grass. In the experiments, we observed nitrogen recovery of napier grass more than twice that of sugarcane for the plots applied with the N rate of 60 g m^{-2} , while difference was much smaller between two crops when the N rate was 30 g m^{-2} implying that sugarcane and napier grass have different capacity in taking up nitrogen. This might be related to another observation we had made in the previous study that sugarcane showed a tendency of accumulating less nitrate compared to napier grass when fertilized with high nitrogen. In the present study, neither sugarcane nor napier grass accumulated nitrate exceeding the critical level of 0.2% at dry matter basis for feed use.

From the above, sugarcane might have looked less competent as a cleaning crop compared to napier grass. This would not be necessary so, if usage of the harvested crop was taken into consideration. Harvested crops could be used for feed in the case of sugarcane where one has less worries about the accumulation of nitrate-N, although this does not exemplify concerns for possible accumulation of other nutrients such as potassium. Sugarcane probably would not be able to clean fields of over fertilization very quickly; however, it could reduce nitrate leaching substantially by evapotranspiration also giving higher chances for growers to utilize harvested crops. Napier grass is capable of reducing nitrate leaching by evapotranspiration as well. In addition, it would be quicker in cleaning up the target fields. On the other hand, it was more susceptible to drought compared to sugarcane and utilization of harvested crop would be considered more difficult. If it happens that undesirable levels or types of nutrients are contained, alternative use needs to be sought for. Biomass use is a possible option [61-62] especially when methods of treating cellulose rich materials have been studied intensively [63-64].

Although this study was originally commenced supposing situations where cleaning crops were expected to treat crop lands applied with over-dosed fertilizers including manure in agricultural areas of mostly vegetable and livestock production, recent upsurge of plant factories in the country based on hydroponics and light emitting diode (LED) makes us ponder a possibility that they might require some types of cleaning crops to treat wastewaters [65] in the future.

4. CONCLUSION

Sugarcane and napier grass were found to be effective in reducing the amount of N leaching from lysimeters overdosed with high rates of manure application. The effects were appeared to be chiefly brought about by the reduced

drainage water from lysimeters planted with these crops compared to those left as bare soil. This implies that effects of a 'cleaning crop' could be evaluated not only from its ability of taking up N but also from that of minimizing drainage water at the time of rainfalls.

CONSENT

Not applicable.

ACKNOWLEDGEMENTS

We would like to acknowledge that Dr. Yasuyuki Ishii kindly provided us with seedlings of napier grass. Ms Yoko Okada, Mr. Katsutoshi Matsugami, Mr. Satoru Shiimoto, Mr. Masashi Kagawa, Mr. Takefumi Matsuzaki, Mr. Masaki Akiyama, Mr. Toshio Kita and Mr. Dairo Yamashita made a great contribution to this study.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Heathwaite A.L., Burt T.P., Trudgill S.T. Overview – the nitrate issue. In: Burt TP, Heathwaite AL, Trudgill ST, editors. Nitrate: Processes, Patterns and Management. John Wiley & Sons; 1993.
2. Matsumoto T, Tou S. Risk assessment of nitrate pollution in groundwater based on the environmental nitrogen-assimilation capacity of agricultural lands in Hokkaido. *Jpn J Soil Sci Plant Nutr.* 2006;77(1):17-24.
3. Necpalova M, Fenton O, Casey I, Humphreys J. N leaching to groundwater from dairy production involving grazing over the winter on a clay-loam soil. *Sci Total Environ.* 2012;432:159-72.
4. Rode M, Thiel E, Franko U, Wenk G, Hesser F. Impact of selected agricultural management options on the reduction of nitrogen loads in three representative meso scale catchments in Central Germany. *Sci Total Environ.* 2009;407(11):3459-72.
5. Yoshikawa S, Yamamoto H, Yoshida M, Ishihara A. Variation of nitrate concentration of spring water in double-cropped paddy fields in Marugame plain. *Jpn J Soil Sci Plant Nutr.* 2008;79(5):461-70.

6. Zhao C, Hu C, Huang W, Sun X, Tan Q, Di H. A lysimeter study of nitrate leaching and optimum nitrogen application rates for intensively irrigated vegetable production systems in Central China. *J Soils Sediments*. 2009;10(1):9-17.
7. Pionke H.B, Sharma M.L, Hirschberg K.J. Impact of irrigated horticulture on nitrate concentrations in groundwater. *Agric Ecosyst Environ*. 1990;32(1-2):119-32.
8. Fujiie R, Nakagawa Y, Shima T, Shiono T, Shinogi Y. Estimation of leached nitrate- nitrogen in groundwater basin, Miyako Island. *Tech. report Natl. Inst. Rural Eng*. 2008;207:127-38.
9. Taniizumi T. The effect of side line type fertilizing application on open-field cultured spinach. *Jpn J Soil Sci Plant Nutr*. 2004;75(4):493-5.
10. Omori T, Matsumoto H. Development of controlled-release fertilizer mixture for Taro and effects on reduction in nitrate leaching from soil. *Jpn J Soil Sci Plant Nutr*. 2009;80(4):413-6. Japanese.
11. Huang W.Y, Beach D, Cornejo F, Uri N.D. An assessment of the potential risks of groundwater and surface water contamination by agricultural chemicals used in vegetable production. *The Sci Total Environ*. 1994;153(1-2):151-67.
12. Phupaibul P, Chitbuntanorm C, Chinoim N, Kangyawongha P, Match T. Phosphorus accumulation in soils and nitrate contamination in underground water under export- oriented asparagus farming in Nong Ngu Lauem village, Nakhon Pathom province, Thailand. *Soil Sci Plant Nutr*. 2004;50(3):385-93.
13. De Paz J.M, Ramos C. Simulation of nitrate leaching for different nitrogen fertilization rates in a region of Valencia (Spain) using a GIS-GLEAMS system. *AgricEcosyst Environ*. 2004;103(1):59-73.
14. Elia A, Conversa G. Agronomic and physiological responses of a tomato crop to nitrogen input. *Euro J Agron*. 2012;40:64-74.
15. Sun B, Zhang L, Yang L, Zhang F, Norse D, Zhu Z. Agricultural non-point source pollution in China: Causes and mitigation measures. *AMBIO*. 2012;41(4):370-9.
16. Mishima S, Endo A, Kohyama K. Recent trend in residual nitrogen on national and regional scales in Japan and its relation with groundwater quality. *Nutr Cycl Agroecosyst*. 2009;83(1):1-11.
17. Han W.Y, Xu J.M, Yi X.Y, Lin Y.D. Net and gross nitrification in tea soils of varying productivity and their adjacent forest and vegetable soils. *Soil Sci Plant Nutr*. 2012;58:173-82.

18. Nishio M. Analysis of the actual state of nitrogen application in arable farming in Japan. *Jpn J Soil Sci Plant Nutr.* 2001;72(4):513-21 Japanese.
19. Ju X.T, Kou C.L, Christie P, Dou Z.X, Zhang F.S. 2007. Changes in the soil environmental from excessive application of fertilizers and manures to two contrasting intensive cropping systems on the North China Plain. *Environ Pollut.* 2007;145:497-506.
20. Widowati L.R, De Neve S, Sukristiyonubowo, Setyorini D, Kasno A, Sipahutar IA, Sukristiyohastomo. Nitrogen balances and nitrogen use efficiency of intensive vegetable rotations in South East Asian tropical Andisols. *Nutr Cycl Agroecosyst.* 2011;91(2):131-43.
21. Mizukami K, Hirata Y, Moriyama T, Odahara K, Kaneko A. A cultivation method using reduced-chemical fertilizers to reduce labor and fertilizer application costs in semi- forcing culture of asparagus. *Bull Fukuoka Agric Res Cent.* 2010;29:51-6.
22. Nishio M. *Nogyo to kankyoosen (Agriculture and environmental pollution) (in Japanese).* Tokyo: Nobunkyo; 2005.
23. Thomsen I.K. Nitrate leaching under spring barley is influenced by the presence of a ryegrass catch crop: Results from a lysimeter experiment. *Agric Ecosyst Environ* 2005;111(1):21-9.
24. Kohyama K, Hojito M, Sasaki H, Matsuura S. Estimation of the amount of nutrients in livestock manure. *Jpn J Soil Sci Plant Nutr.* 2006;77(3):283-91.
25. Kanneganti V.R, Klausner S.D. Nitrogen recovery by orchard grass from dairy manure applied with or without fertilizer nitrogen. *Commun Soil Sci Plant Anal.* 1994;25(15&16):2771-83.
26. Gottschall N, Boutin C, Crolla A, Kinsley C, Champagne P. The role of plants in the removal of nutrients at a constructed wetland treating agricultural (dairy) wastewater, Ontario, Canada. *Ecol Eng.* 2007;29:154-63.
27. Ito A, Sato T, Shiraishi M. The influence of heavy application of unrotted farmyard manure on the chemical properties of paddy soil, the growth and yield of rice plant. *Bull Tohoku Natl Agric Exp Stn.* 1982;67:97-130.
28. Nishio M. Estimation of flow sheet and load unit to farm soils of nitrogen excreted by animals on the basis of the national statistical data. *Jpn J Soil Sci Plant Nutr.* 2003;74(6):721-30.
29. Yokouchi K, Ichito K, Yonaga M, Suzuki K. Backgrounds and current status of new technology developments in manure utilization. *JpnSoc Grass Sci.* 2005;52(1):43-9..

30. Tanigawa W. Effects of compost application on yield of crops and soil properties in the volcanic ash land. *Kyushu Nogyo Shikenjohou*. (Bull Kyushu Natl Agric Exp Stn). 1966;12:103-18.
31. Takahashi K, Nakano K, Kubota T, Suzuki S. Effects of the prolonged application of barnyard manure on the productivity of paddy field with poor organic matters in the warmer region of Japan. *Bull Shikoku Agric Exp Stn*. 1968;18:15-68.
32. Goto I, Fujiwara S, Saito M, Haga K, Suzuki H, Iida K, Watanabe K, Katayama A, Yamamoto K. Attractiveness and limit for the recycling of organic resources in agriculture. *Jpn J Soil Sci Plant Nutr*. 2004;75(4):519-28. Japanese.
33. Hori K, Fukunaga A, Urashima Y, Suga Y, Ikeda J. Soil chemical characteristics of organic farming vegetable fields. *Bull Natl Agri Res Cent West Reg*. 2002;1:77-94. Japanese.
34. Inoko T. Dojochuniokeruyukibutsu no bunkai to shuseki (Degradation and accumulation of organic matter in soils). *Jpn J Soil Sci Plant Nutr*. 1981;52(6):548-58. Japanese.
35. Janssen B.H. Nitrogen mineralization in relation to C:N ratio and decomposability of organic materials. *Plant Soil*. 1996;181:39-45.
36. Ishii Y, Sunusi A.A, Ito K. Effects of amount and interval of chemical fertilizer application on the nitrogen absorption and nitrate-nitrogen content in tillers of napier grass (*Pennisetum purpureum* Schumach). *Grassl Sci*. 1999;45(1):26-34.
37. Tazawa J, Matsuo K, Usuki K, Yamamoto H. Nitrogen uptake and yielding ability of non-nodulating soybean genotype (En1282) under organic nitrogen application (dried cattle feces). *Jpn J Crop Sci*. 2002;71(3):343-8.
38. Kinjo K, Tokashiki Y, Kitou M, Shimo M. Desalinization effect of guinea grass (*Panicum maximum*) in salt accumulated soils with chemical fertilizer in Okinawa island. *Jpn J Soil Sci Plant Nutr*. 2007;78(5):465-71.
39. Ishikawa S, Ando S, Sakaigaichi T, Terajima Y, Matsuoka M. Effects of high nitrogen application on dry matter yield, nitrogen content and nitrate concentration of sugarcane. *Soil Sci Plant Nutr*. 2009;55(4):485-95.
40. Thomsen I.K, Christensen B.T. Nitrogen conserving potential of successive ryegrass catch crops in continuous spring barley. *Soil Use Manag*. 1999;15(3):195-200.
41. Sakaigaichi T, Terajima T. Development and extension of sugarcane cultivar as forage crop 'KRFo93-1'. *J Agric Sci*. 2008;63(1):24-9.

42. Bremner J.M. Inorganic forms of nitrogen. In: Black CA, editors. *Methods of soils analysis Part 2* Madison: American Society of Agronomy; 1965.
43. Cataldo D.A, Haroon M, Shcrader L.E, Youngs V.L. Rapid colorimetric determination of nitrate in plant tissue by nitration of salicylic acid. *Commun. Soil Sci Plat Anal.* 1975;6:71-80.
44. Anonymous. Crop water information: sugarcane. FAQ WATER. 2013. Accessed 25 September 2013. Available: http://www.fao.org/nr/water/cropinfo_sugarcane.html.
45. Inman-Bamber N.G, Mc Glinchey MG. Crop coefficients and water-use estimates for sugarcane based on long-term Bowen ratio energy balance measurements. *Field Crops Res.* 2003;83(2):125-38.
46. Qlivier F.C, Singels A. The effect of crop residue layers on evapotranspiration, growth and yield of irrigated sugarcane. *Water SA.* 2012;38(1):77-85.
47. Zhang Y, Yu Q, Liu C, Jiang J, Zhang X. Estimation of winter wheat evapotranspiration under water stress with two semiempirical approaches. *Agron J.* 2004;96(1):159-68.
48. Lopez-Urrea R, Montoro A, Manas F, Lopez-Fuster P, Fereres E. Evapotranspiration and crop coefficients from lysimeter measurements of mature 'Tempranillo wine grapes. *Agri. Water Manag.* 2012;112(1):13-20.
49. Islam M/R, Mao S, Alam AMS, Eneji AE, Hu Y, Xue X. A lysimeter study for leaching losses, sustainable fertilization, and growth responses of corn (*Zea mays L.*) following soil amendment with a water-saving superabsorbent polymer. *Appl Eng Agric.* 2011;27(5):757-64.
50. Aronsson PG, Bergstrom LF. Nitrate leaching from lysimeter-grown short-rotation willow coppice in relation to N-application, irrigation and soil type. *Biomass Bioenergy.* 2001;21(2):155-64.
51. Vymazal J. Removal of nutrients in various types of constructed wetlands. *Sci Total Environ.* 2007;380(1-3):48-65.
52. Rosenqvist H, Aronsson P, Hasselgren K, Perttu K. Economics of using municipal wastewater irrigation of willow coppice crops. *Biomass Bioenergy* . 1997;12(1):1-8.
53. Hasselgren K. Use of municipal waste products in energy forestry: highlights from 15 years of experience. *Biomass Bioenergy.* 1998;15(1):71-4.
54. Bialowiec A, Wojnowska-Baryla I, Hasso-Agopsowicz M. Effectiveness of leachate disposal by the young willow sprouts *Salix amygdalina*. *Waste Manag Res.* 2003;21:557-66.

55. Singh S.K, Juwarkar A.A, Pandey R.A, Chakrabarti T. Applicability of high rate transpiration system for treatment of biologically treated distillery effluent. *Environ Monit Assess.* 2008;141(1-3):202-12.
56. Ishikawa S, Hare M.C, Kettlewell PS. Effects of strobilurin fungicide programmes and fertilizer nitrogen rates on winter wheat: leaf area, dry matter yield and nitrogen yield. *J Agric Sci.* 2012;150(4):427-41.
57. Miura N, Ae N. Possibility of leaching of organic nitrogen in a field under heavy application of organic matter – Model experiment using soil columns –. *Jpn J Soil Sci Plant Nutr.* 2005;76(6):843-8.
58. Yoneyama T, Muraoka T, Kim T.H, Decanay E.V, Nakanishi Y. The natural ¹⁵N abundance of sugarcane and neighbouring plants in Brazil, the Philippines and Miyako (Japan). *Plant Soil.* 1997;189(2):239-44.
59. Boddey R.M, Urquiaga S, Alves BJR, Reis V. Endophytic nitrogen fixation in sugarcane: present knowledge and future applications. *Plant Soil.* 2003;252:139-49.
60. Thaweenut N, Hachisuka Y, Ando S, Yanagisawa S, Yoneyama T. Two season s study on nifH gene expression and nitrogen fixation by diazotrophicendophytes in sugarcane (*Saccharum* spp. Hybrids): expression of nifH genes similar to those of rhizobia. *Plant Soil.* 2011;338(1-2):435-49.
61. Borjesson P. Environmental effects of energy crop cultivation in Sweden – I: Identification and quantification. *Biomass Bioenergy.* 1999;16(2):137-54.
62. Silveira M.L, Vendramini JMB, Sui X, Sollenberger LE, O Connor GA. Use of warm- season grasses managed as bioenergy crops for phytoremediation of excess soil phosphorus. *Agron J.* 2013;105(1):95-100.
63. Mosier N, Wyman C, Dale B, Elander R, Lee Y.Y, Holtzapple M, Ladisch M. Features of promising technologies for pretreatment of lignocellulosic biomass. *Biores Tech.* 2005;96(6):673-86.
64. Kobayashi K, Kimura S, Kim U.J, Tokuyasu K, Wada M. Enzymatic hydrolysis of cellulose hydrates. *Cellulose.* 2012;19:967-74.
65. Gagnon V, Maltais-Landry G, Puigagut J, Chazarenc F, Brisson J. Treatment of hydroponics wastewater using constructed wetlands in winter conditions. *Water Air Soil Pollut.* 2010;212:483-90.

A. Gbabo^{1*}, Atshusi Koyama²

and Furuishi Shingo,²

¹*Agricultural Engineering Department, National Cereals Research Institute, Badeggi, Nigeria. (NCRI), Nigeria.*

²*Japan International Corporation Agency (JICA), Japan*

Performance Study of Modified Rice Parboiler

1. INTRODUCTION

Rice parboiling is a hydrothermal process which entails heat treatment to gelatinize the starch in rice kernel resulting in irreversible swelling and fusion of starch granules [1]. During this process, the starch changes from crystalline form to amorphous one. As a result of this transformation, the orderly polyhedral structure of the compound starch granules changes into a coherent mass [2].

It has been reported that parboiling of paddy requires three steps: soaking, steaming and drying. In the soaking process, the void spaces in the hull and rice kernel are filled with water, hence the starch granules absorb water and swells which causes an increase in the volume of the paddy [3] while during steaming, the starch in the rice kernel is gelatinized as a result of exposure of the soaked paddy to steam heat. Subsequently, the paddy is dried and tempered to 13-14% moisture content to impart hardness into the grains in order to withstand the pressures during milling.

Rice was consumed occasionally on Sundays and festive periods before 1970 but has become a staple food in many households in Nigeria [4]. The country consumes about 5 million metric tons of rice annually, of which over 35% is imported [5]. In order to satisfy the domestic consumption rate, government embarked on implementation of several agricultural programmes to boost production. However, locally processed rice acceptability in the market is still below expectation because of inadequate processing methods adopted by milled

rice producers. Inappropriate rice parboiling methods used by local processors has been identified as one of the causes of low quality milled rice produced in the country. In order to solve this problem, the engineering department of the National Cereals Research Institute, Badeggi designed and developed a rice par-boiler. After several years of usage, it became necessary to modify the steaming system because the old model had problem of long steaming time of over 1 hour 45 minutes for 500kg batch of rice which usually cause production of uneven parboiling and dark yellow coloured rice which is unacceptable by some consumers. A team of scientists and engineers from the NCRI, JICA, DESFABENG CO. LTD and FMARD modified the par-boiler and achieved a steaming period of about 45 minutes for the same quantity of rice with the production of amber yellow coloured rice preferred by consumers. Thus, this is a presentation of the wok that was carried out.

2. MATERIALS AND METHODS

2.1 Description of Parboiling System

The old model parboiling system (Plate 1) is made up of the boiler and soaking /steaming sections. The boiler is a cylindrical vessel constructed with 3mm thick mild steel sheet. It is raised above the ground level to a height of 75cm with angle irons and enveloped with double bricks walls to form the firing area. A pressure relief system is incorporated at the top as a safety device in addition to a drain valve and steaming level indicator.

The soaking and steaming unit is a 75cm high rectangular tank with cover made with 2mm thick galvanised sheet and raised 15cm above the ground level. It has removable false bottom made with angle iron and screen raised 15 cm above the ground to allow steam to circulate. A steam distribution system made from perforated rectangular pipes is incorporated below the false bottom to spread steam evenly throughout the tank. A drain valve at the bottom of the tank provides drainage for soak water and the condensate.

The boiler and soaking/ steaming units are interconnected with pipe network carrying valves to convey water and steam for soaking and steaming operations respectively.

Plate 1. Old model parboiling system

2.2 The Modified System

Modification was only made on the steaming section. As shown in Plate 2, a second set of steam distribution pipes was incorporated half way the height of the soaking /steaming tank such that they are alternately fixed to the ones installed at the bottom of the tank in order for steam to be distributed evenly. Also, another removable false bottom is placed on the steam distribution pipes to prevent rice from getting into the perforations of the pipes.

Plate 2. Modified system

2.3 Experimental Procedure

18,000 Kg of rice, Faro 52 were obtained from NCRI rice store and divided into two (2) portions of 9,000kg each. Each of the portions was heat treated in three batches of 1000kg per batch in the modified and the old systems.

The 1,000kg samples were cleaned with both Pneumatic cleaner and wet cleaning systems and soaked with hot water from the boiler under the same condition of temperature, 70°C and duration of 8 hours as an acceptable and recommended standard [4]. The samples were steamed until more than 98% of the paddy hulls cracked. This was done in batches in each of the parboiling systems in three replications. The time taken for each sample to be steamed was noted. They were shed dried on clean concrete platform in kernel layer at an average temperature of 28°C for 24 hours and tempered further for 12 hours. The samples were milled with NCRI model rice mill developed at the National Cereals Research Institute in collaboration with the DESFABENG CO. Ltd., and the following analyses were carried out:

2.3.1 Total milling yield

This is the total quantity of rice that was milled. Each of the milled samples was weighed and expressed as percentage relative to the quantity of dried rice before milling:

$$\text{Percent total milling yield: } \frac{\text{Mass of Milled rice}}{\text{Mass of dried rice before milling}} \times 100 \quad (1)$$

2.3.2 Head rice yield and Percent broken grains

The head rice yield is the ratio of the quantity of whole milled rice (retaining more than % of the total whole grain) to the total quantity of the milled rice while the Percent broken grains is the ratio of the quantity of the broken grains to the total quantity of milled rice.

The total milled rice is separated into whole and broken grains in two passes with a sieve SH1-400-0807 having 2.8mm holes diameter [6]. This sieve allows passage of less than % broken grains. The whole and broken grains were weighed with precision balance BC 340. The percent head rice and broken grains were computed as follows:

$$\text{a) Head rice yield} = \frac{\text{Mass of whole grain}}{\text{Total mass of milled rice}} \times 100 \% \quad (2)$$

$$\text{b) Percent broken grains} = \frac{\text{Mass of broken grains}}{\text{Total mass of milled rice}} \times 100\% \quad (3)$$

2.3.3 Colour

The colour of the rice samples were evaluated by placing 1g of rice on the Hunter lab colorimeter. The colour difference meter in the equipment was used to read the colours of the samples.

2.3.4 Swelling capacity

Three hundred and fifty millilitres (350ml) of water was heated to 100⁰C in a 650 ml capacity graduated cylinder. Twenty five grams (25 g) of sample was lowered into the cylinder and covered. It was cooked on rectangular hot plate, HPS-460 for intervals of 10mins, 20mins, 30mins and 40mins. The decrease in volume, which is the amount of water absorbed indicates the swelling capacity of the rice samples [7].

2.3.5 Pastiness

The pastiness of the rice samples was determined with the Brabender Visco/Amilograph equipment [8]. Each of the milled samples was ground to flour and the moisture content determined using the rapid oven dried method. Two grams (2 g) of the rice flour sample was weighed into aluminium dish and heated in oven at 135°C for 1hour. The dish was then transferred into a desecrator and allowed to cool to room temperature overnight before weighing and the moisture content determined:

$$\text{M.C \% (wet basis)} = \frac{\text{Initial weight of sample} - \text{Weight of dried sample}}{\text{Initial weight of sample}} \times 100\% \quad (4)$$

The equivalent dry weight of the sample using ,8% paste level and 450g paste concentration was determined [9].

$$\text{Dry Weight} = \frac{0.08 \times 450}{1 - \text{Moisture of Sample (wet basis)}} \quad (5)$$

The corresponding dry weight (ranging from 37.1g – 38.48g) was dispersed in 450ml of water for 1.5 mins and transferred into the amylograph bowl. The solution was heated from 30°C to 95°C at 1.5°C/min for 30mins. The peak viscosity on heating from 50°C to 95°C was recorded in brabender units

(BU). Breakdown viscosity, setback viscosity and consistency of the samples were calculated according to the method adopted by [7]:

- a) Breakdown viscosity= Peak viscosity- Final viscosity on cooking at 95°C
- b) Setback viscosity = Viscosity when cooled to 50°C – Peak viscosity
- c) Consistency = Viscosity when cooled to 50°C – Final cooking viscosity at 95°C.

3. RESULTS AND DISCUSSION

The results of the analysis carried out on the rice samples are shown on Table 1 and discussed as follows:

Table 1. Comparism of parboiling parameters of the old and new parboiling system

Performance	Old parboiling systems				Improved parboiling system			
	1	2	3	Average	1	2	3	Average
parameters								
Steaming duration (mins)	105	100	107	104	45	48	43	45.7
Total milling yield(%)	69.5	71.2	68.8	70.0	70.0	69.5	71.1	70.2
Head rice yield (%)	98.0	96.8	98.2	97.7	96.5	97.2	98.0	97.2
Broken grains (%)	1.7	2.9	1.6	2.1	2.3	2.4	1.5	2.1
Colour (DE)	9.5	9.3	8.8	9.2	5.5	5.1	4.9	5.1
Swelling capacity (ml)	176	182.5	189.2	182.6	165	156.9	168.0	163.3
Pastiness:								
Peak viscosity	18.2	19.0	19.5	18.9	10.2	19.6	17.0	18.6
Final viscosity at 95°C	42.6	41.7	42.3	42.2	41.5	40.2	42.2	41.3
Viscosity on cooling to 50°C	65.0	63.7	62.9	63.9	63.0	62.5	64.0	63.2
Breakdown viscosity	24.4	22.7	22.8	23.3	22.3	20.6	24.2	22.4
Setback viscosity	47.0	43.7	42.4	44.4	21.5	22.3	21.8	21.8
Consistency	22.4	22.0	20.6	21.7	21.5	23.3	22.8	22.5

3.1 Steaming Duration

The duration taken by the modified system to complete the steaming process was observed to be 45 mins which is about half of the duration (104 mins) taken by the old one. This is because the vertical distance covered by the movement of the steam was shortened by the introduction of the additional set of

steam distribution pipes half way along the height of the steaming tank. This indicates that more time is saved in carrying out the parboiling operation for the modified system.

3.2 Total Milling Yield, Head Rice Yield and Percent Broken Grains

The values for total milling yield, head rice yield and broken grains were almost the same for the modified system and the old one. Total milling yield for the old system was observed to be 69.8%, and 70.2% for the modified version. Correspondingly, the head rice yields for both systems were appreciably high (98.0% for the old and 97.0% for the modified one). Percent broken grains were also low for the two systems as both systems recorded 2.1%.

3.3 Colour

The colour difference, DE5.1 of the rice steamed with the modified system was amber yellow which is less than those produced from the old one with colour difference, DE9.2 (deep yellow). The amber yellow coloured rice produced with the improved system has been reported to be more accepted by consumers compared to the rice with dark yellow colour [10].

The dark coloured rice obtained with the old system was due to the longer duration taken for the steam to travel vertically from the bottom to the top of the steaming tank due to the incorporation of a single set of steam distribution pipe-network. This observation conforms with a report whereby the relatively high level of reducing sugars and amino acids in parboiled rice in addition to the combined effect of longer heat treatment duration were found to be responsible for parboiled rice discolouration [11,12,13]. Conversely, the distance (vertical height) the steam travelled to completely parboil the rice was shortened by half due to the incorporation of the second set of steam distribution pipe-network halfway along the height of the steaming tank. As a result, the steaming duration was shorter, hence producing the bright amber yellow coloured rice.

3.4 Swelling Capacity

The swelling capacity, 163.3 ml of the rice obtained with the improved parboiling system was slightly less than the old model (182.6ml). This shows that

it takes shorter time to cook the rice produced with the improved system compared with those from the old one. This observation conforms to an investigation carried out by [14] where parboiled rice that was exposed to severe steaming for longer times took more time to cook.

3.5 Pastiness

Pastiness indices (peak viscosity, final viscosity on cooking at 95°C, viscosity on cooling to 50°C, breakdown viscosity, and consistency) of the sample were almost the same for both the improved and old systems except for setback viscosity where the value, 44.4 BU for the old system is higher than those obtained with the improved system (21.9 BU).

4. CONCLUSION

The conclusions arising from this study are summarised as follows:

i) The steaming duration during the parboiling process was highly affected by the modification that was carried out on the old system. The second set of steam distribution pipe that was incorporated to the steaming tank reduced by less than half the time taken for the steam to flow through the vertical height of the tank. A saving in time of about 60 mins was recorded with the improved system as it took only 45 mins to completely gelatinize the starch in the kernels while the old one used 104 mins.

ii) The total milling yield, head rice yield and percent broken grains were not significantly affected by the modification as both the old and modified systems recorded almost the same values.

iii) The colours of the rice parboiled with the two systems at the same conditions differed from one another. The colour difference, DE9.2 obtained from the rice parboiled with the old system which was dark yellow in colour compared with those obtained from the modified system having amber yellow colour.

iv) The swelling capacity represented by the water absorption rate of the rice samples were slightly affected by the modification made on the parboiling system. The rice produced with the modified system had less water absorption rate (163.3ml) compared with the old system which had 182.6ml. This

indicates that the rice processed with the modified system will take comparatively less time to cook.

v) All the viscosity values: peak viscosity, final viscosity at 95°C, viscosity on cooling at 50°C, breakdown viscosity and consistency were almost similar. This shows that the rice obtained with the improved system still retained the desirable pastiness qualities required in parboiled rice.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Araullo E.V, De Padua D.B, Graham M. Rice post harvest technology. International Development Research Centre, Ottawa, Canada; 1976.
2. Raghavendra Rao, Juliano B.O. Effect of parboiling on some physico-chemical properties of rice. *Journal of Agric, Food and Chemistry*; 1982.
3. Ali N, Pandya A.C. Basic concept of parboiling. *Journal of Agricultural Engineering Research*. 1974;19(2):111.
4. Gbabo Agidi. The effect of variety and processing parameters on rice quality. A PhD Thesis at the Department of Agricultural Engineering, University of Ibadan, Nigeria; 2001.
5. Gbabo Agidi. Agricultural development strategies to increase productivity in Nigeria. Paper presented at the Korea Africa Food and Agriculture Corporation Initiative (KAFACI) workshop for high level officers for sixteen (16) African countries and signing of project agreement on behalf of the government of Nigeria in Suwon- South Korea; 2011.
6. Agrawal B, Vellupillai L, Verma L. Steam parboiling of high moisture rough rice. Paper presented at the 1987 South West regional meeting. American Society of Agricultural Engineers. Paper no. SWR 87-305, St. Joseph, America; 1987.
7. Hallick J.V, Kelly V.J. Gelatinization and pasting characteristics of rice varieties as related to cooking behaviour. *Cereal Chemistry*. 1992;36:91-81.

8. Suzuki H. Amylograph and Alkali Vicography of rice In: Proceedings of workshop on chemical aspect rice grain quality. IRRI, Los Banos, Laguna, Philipines. 1981a;261-282.
9. Juliano B.O. Rice chemistry and technology. American Association of Cereal Chemist Inc. St. Paul Munesota, USA; 1985.
10. Gbabo A, Zibokere D.S, Igbeka J.C. Investigation on the interrelationship between some process parameters and colour of parboiled rice. A Multi-disciplinary Journal of the School of Applied Arts and Science, The Federal Polytechnic, Bida; 2007;2:97–108.
11. Chalton J. The preservation of nuisance caused by the parboiling of paddy. Bulletin 146. Agricultural Research Institute, Pusa, Calcuta; 1983.
12. Houston D.F, Hunter I.R, KKoster E.B. Changes in parboiled rice. Journal of Agric and Food Chemistry. 1986;4:964-968.
13. Mecham D.K, Kester E.D, Pence J.W. Parboiling characteristics of califonia medium grain rice. Food Technology. 1978;15:475-479.
14. Gbabo, Agidi, Dauda S.M, Igbeka J.C. Water absorpction behaviour of milled parboiled rice in relationship with some thermodynamic properties of steam. Au Journal of Tecnology, Thailand. 2010;13(2):101.

*Ryazanova Olesya, Moscow State University of
Economics, Statistics and Informatics, Professor,
Doctor of Economic Sciences, the Faculty of
Economic theory and investments,
Bogdanov Maxim, Postgraduate of Moscow State University
of Economics, Statistics and Informatics*

The methods of evaluating the effectiveness of bank branches in Russian Federation

There has been large scale growth branch network in Russian banking sector recently. There were new players in the banking market and took place the branch expansion of major commercial banks in the regions. In view of the increasing number of branches, banks began to pay special attention assessing the performance of its own offices and compared with the activities of their competitors.

There are many interpretations of the term "efficiency" in the scientific literature, but they all as a result come down to two common definitions:

1. Efficiency - social and economic category, reflecting the impact of the methods of work organization participants in the process to the level of their achievements;
2. Efficiency - the ratio of the cost of resources and results obtained from their use.

Each Bank individually suited to this question using various methods of calculation. Consider the efficiency evaluation method of bank branches "INCREBO", which fits for the first definition.

"**Index of classical retail banking offices efficiency (INCREBO)** is one of the methods of evaluation of bank branches in Russia on the basis of the criteria for issuing loans and raise funds on deposit» [2]. This figure has appeared relatively recently, in 2013, and was developed by analysts from the "Renaissance Credit" bank. Index of classical retail banking offices efficiency allows to compare the effectiveness of specific banks in terms of sales per one branch.

This index is calculated by the formula:

$$\text{INCREBO} = \frac{\text{total issuance of retail loans} - \text{the growth of the retail deposits portfolio}}{\text{quantity of bank's s branches}} \quad (1)$$

The advantage of the calculation by this method is the simplicity of calculation and information that you can find in free access on the website of the Central Bank of Russia, using the data from the form report 101.

The disadvantages of this method include the fact, to compare the results of the indicator can only among banks with similar business model.

It's possible to rank the most effective retail banks with this method. For the purity of the calculation we used the approach described below. Among the 50 largest banks in terms of total retail loan portfolio in the form report 101 on 01.01.2014 have been selected are those in which

at least 20% of the retail loan portfolio is in cash and whose net portfolio of retail loans at least 1 billion rubles for the period from 1 up to 3 years. For each of these banks, according to this form for the following dates have been calculated total retail loans for a period of 1 to 3 years in 2013, the increase in the portfolio of term retail deposits over the same period and the number of branches (according to the Central Bank data).

Table 1.-Index of classical retail banking offices efficiency at the end of 2013

Bank	Total retail loans for a period from 1 to 3 years in 2013, mil. RUR	Growth deposit portfolio in 2013, mio. RUR.	Average number of branches in 2013	INCREBO ratio
Credit Bank of Moscow bank	8 100	24 940	59,5	555
Bank Saint Petersburg	6 092	16 886	42,1	545,5
Uni Credit Bank	30 241	8 434	90,4	427,9
VTB 24	96 472	279 209	996,0	377,2
Raiffeisenbank	30 620	27 612	195,8	297,5

As a result of dividing the sum of loan disbursements and growth deposit portfolio (only positive values) to the number of branches we obtain the index value for each of the analyzed banks.

The table with the results of the first five banks with the highest index is below.

Consider the efficiency evaluation method of bank branches Cost/Income Ratio, which fits the second definition of efficiency. Cost/Income Ratio (CIR) - the ratio of operating expenses to operating income.

Calculation of the Cost/Income ratio can be represented as the following formula:

$$CIR = \frac{\text{operating expenses}}{\text{operating income}} \quad (2)$$

Operating expenses include staff costs, administrative expenses and depreciation. Operating incomes include interest income, Fee Commissions, securities gain and other income.

In other words, CIR answers the question - how many rubles needed to spend to get one ruble income [1]. Some banks include in the calculation of the income and expenditure related to the creation and release of provision. This is the first reason an objective comparison of banks to measure CIR. In addition, there are a number of external factors that does not allow the use of cost/Income ratio as the only indicator for comparing the efficiency of banks. Among them are various business models (private or corporate Bank etc.), regional specificity (different level of purchasing power of the population, the level of wages), temporal changes in the level of income (economic slumps and surges). When using the Cost/Income ratio bias can be avoided if it is applied within the network of one bank to compare the efficiency of its separate divisions. In this case, the Bank is able to independently develop the same for all units of the rules of calculation CIR, excluding the problem of different approaches to the calculation used by different banks.

Even if the Bank has only one additional office, the measurement of the indicator CIR in time – monthly or quarterly - plays the role of highly effective management tool.

As the algorithm of such a calculation it can use two main approaches depending on how built internal accounting in the bank.

The first approach involves the inclusion of operating costs, along with the administrative costs of banking transactions (interest expenses on loans, deposits, deposits, etc.). In this case, the operating income includes gross income from banking operations:

$$CIR_1 = \frac{\text{Personnel expenses} + \text{Rent} + \text{depreciation} + \text{Interest paid}}{\text{Interest received} + \text{Commission income} + \text{Securities gain} + \text{other income}} \quad (3)$$

The second approach is the inclusion in operating costs only administrative expenses: rental of premises, salaries of employees and taxes on payroll, depreciation of the equipment. With this approach in the denominator of the formula should be net income on banking operations. That is the amount of operating expenses that are directly related to banking products, must be deducted from gross operating income.

$$CIR_2 = \frac{\text{Personnel expenses} + \text{Rent} + \text{depreciation}}{\text{Interest received} + \text{Commission income} + \text{Securities gain} + \text{other income} - \text{Interest paid}} \quad (4)$$

It should also note that the algorithm of calculation of the Cost/Income ratio does not include the expenses of the head office. The indicator is somewhat distorted due to the fact that one branch can get a significantly greater resources of the head office, which is not reflected in the proposed formula. The same questions may arise, for example, complex transactions that involve and branch and head office. The conclusion of the contract with the client remote banking service, obviously, should generate additional income of the branch, which signed a contract, but the costs for the services of remote service carries a head office. Thus the notional amount of the index CIR for all branches will not be equal to CIR Bank as a whole. This indicator should be used as a tool of internal control to ensure timely attention to the departments where there have been significant changes as upwards (efficiency decreased), and as downwards (efficiency increased). Even if the bank has only one additional office analysis of changes in the rate CIR in time is a great management tool. CIR branch should be gradually reduced over time, ideally in every reporting period since the opening and forth. Accordingly, any abrupt change in the index, or, conversely, the lack of dynamics in the period up to the division of the planned target CIR should be the object of attention of the head office of the bank. Cost / Income ratio easily and quickly considered and seem to be very objective measure of the branch efficiency. However, CIR does not apply widely overseas in order to assess units of the bank branch network. Wide dissemination gets more complex and a multifaceted view on the effectiveness of the bank and its branches today. Such faces along with the return are the operating efficiency and service quality. It is very difficult to measure indicators that are nevertheless giving a more complete picture of the effectiveness of the branch. The study of service quality and operating performance network management proactive assessment, information on the success of the branch in the long term. For such a comprehensive assessment in the banking sector today apply the method Data Envelopment Analysis (DEA), which due to its complexity, is not yet widely spread in Russia.

The simplicity of the calculation of CIR makes it attractive enough to be used as key performance indicators in the motivation to branch manager. Change in costs and additional revenue parts can be a consequence of the actions of many that do not depend on the actions of the management team. For example, the worsening of the economic situation in certain regions where the bank can significantly increase the Cost / Income rate located in these regions of additional offices in comparison with other parts of the branch network. This situation often happens when there are problems at major employers in single-industry towns.

There was considered the 2 most popular methods for assessing the efficiency of Bank branches, which are currently used in Russia. Each of them reflects their approach to the calculation of the efficiency of Bank branches. For an objective assessment of the efficiency of branches need to use complex methods, as well as the implementation and use of new techniques in Russia, for example, as mentioned previously, Data Envelopment Analysis.

References:

1. Burger Andreas, Moormann Juergen. Productivity in banks: myths & truths of the Cost Income Ratio. Banks and Bank Systems, Volume 3, Issue 4, 2008 p. 87.
2. Скворцов О., Садовый П. Эффективная аналитика: зачем банковскому рынку ИНКРЭБО // Аналитический банковский журнал №04 (217) апрель 2014 - С. 64.

*Oleg A. Blinov, Omsk State Agrarian University
PhD in Economics, docent,
Alexsandra S. Triyanova, Anastasiya A. Tsimbal,
Omsk State Agrarian University,
students*

Current issues in biological assets accounting in Russia

Agriculture is one of the basic branches of the economy, ensuring the population's need in food. Development of market relations in the agricultural sector involves the formation of an effective system of management in agricultural organizations. The company's financial resources, active Russian's cooperation with foreign companies, the prospects for the development and improvement of the state of the sphere of agriculture in general and the most effective implementation of new technologies in production depends on the right decisions. Therefore, financial reporting plays a huge role in the development of the enterprise.

Sustainable agricultural production is the basis for sustainable development of food production, all of which ensures food security of the country [1].

The problems which Russian companies faced in agricultural sector are: a small degree of motivation and confidence of foreign investors; low levels of funding, the level of financial support for Russian farmers is much lower than in Europe; inefficient use of funds managers; information secrecy and lack of transparency in reporting and closed informativeness reporting for management decision.

The credit's access in low profitability has led to the fact that governments spending on the agriculture's debt service to the banks become the main article of state support.

Need to balance the availability of credit enhancement tools to ensure profitability of production activities.

One of the mechanisms to solve this problem is the formation of financial's reporting transparent that really reflects the true financial position of the company.

International experience shows that the statements have been prepared by the to International Financial Reporting Standards (IFRS) has a positive effect on the image of the company, to the same level of trust increases.

Transition of enterprises to international financial reporting standards increases the transparency of business, which in turn helps to improve the quality of corporate governance and the investment climate. Such a transition is needed, not only for investors willing to invest their funds in the agricultural sector, but also the management of the enterprises, and the state as a whole. This is important to state because the use of IFRS will revive the Russian economy and will increase revenue.

As the E.V. Fastova, R.A. Alborov, S.M. Kontsevaya, the reform of the Russian Federation's accounting financial statements in the agricultural enterprises achieved using IFRS or using them as a basis for constructing a national system of accounting and reporting [2].

The reporting's disadvantage in the agricultural sector is the absence of the concepts and criteria in respect of agricultural products.

Adoption of IFRS will eliminate this drawback, as the system has an industry standard IFRS (IAS) 41, which presents the basic definitions related to agriculture.

The purpose of this standard is to establish rules excluding agricultural activities and its disclosure in the financial statements.

The practical significance of IFRS (IAS) 41 is principle, evaluation of biological assets and agricultural produce at a fair price.

However, the Russian accounting practices used and the actual cost of routine that map at the end of the reporting period, and the resulting difference is written off. It does not reflect their actual ratings.

According to IFRS (IAS) 41 biological assets and agricultural products are accepted for accounting at fair value less estimated costs to sell, except in cases when the fair value can not be estimated.

Fair value in IFRS (IAS) 41 is the amount for which an asset could be exchanged, or which can be a liability in a transaction between knowledgeable, independent, willing parties in an arm [3].

The asset's fair value is determined based on its location and condition at any given time.

For example, the fair value of cattle at a farm is the price in the relevant market less the transport and other costs for the delivery of the cattle to a specified market.

The carrying amount of biological assets can be calculated by subtracting from the market value of the costs of transportation and distribution. For its calculation can be used the circuit in Figure 1.

The scheme shows that one of the main problems in the transition to international accounting standards in agriculture is to determine the market prices of assets [4].

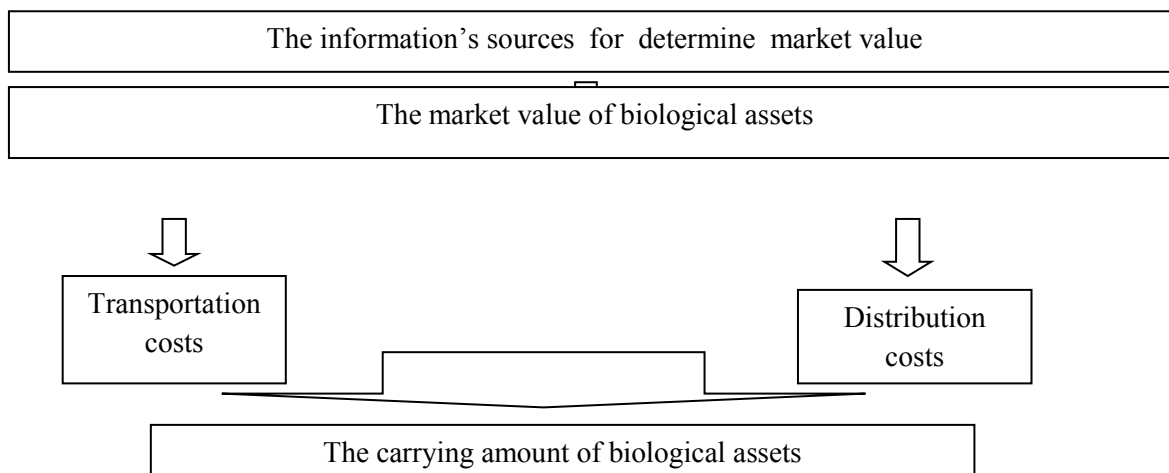

Fig. 1 Scheme determining the carrying value of biological assets.

The advantage of evaluating biological assets in the financial statements at fair value contributes to a realistic assessment of the financial condition and agricultural enterprises solvency.

According to IFRS (IAS) 41 biological assets are reported in articles separately, and all assets in the Russian practice are divided strictly on non-current and current.

This separation in the context of IFRS (IAS) 41 does not apply. Biological assets in the financial statements need to be subdivided into groups according to their biological properties. This problem can be solved by additional ordering and grouping of information on biological assets by changing the Russian reporting in accordance with IFRS.

Abandonment of the planned cost, which has been used for decades in the account should not be an exceptional measure, because the market price may be cyclical and volatile. Therefore, studies must be conducted, as a result of which it will be possible to bring the accounting rules of biological assets in Russia in accordance with IFRS.

Russian farmers transition to IFRS and in particular IFRS (IAS) 41 "Agriculture" will not solve all the problems of the agricultural sector, but will increase the information provision of enterprises, will allow more to consolidate its position on the Russian and internationally market.

It can be concluded that the inclusion of biological assets and agricultural produce in the agricultural sector needs to improve the entire system of regulatory accounting and financial reporting and helps to adapt IFRS to the Russian economy.

References:

1. Fastova E.V., Alborov R.A. Kontsevaya S.M. Accounting for biological assets at fair value in accordance with IAS 41 "Agriculture". E.V. Fastova, R.A. Alborov, S.M. Kontsevaya. [Electronic resource]. - M. [2014]. - Access mode: <http://www.1cps.ru/stat9.html>
2. Blinov O.A. Theoretical Foundations of International Financial Reporting Standards: Proc. manual / O.A. Blinov, Y.I. Novikov. - Omsk Univ OmGAU, 2006 – 68 p.
3. International Financial Reporting Standards (IAS 41) "Agriculture" [electronic resource]. - M. [2014] . - Access mode: <http://msfo-practice.ru>
4. Chekalin V.S. Economic problems of agricultural development /V.S. Chekalin // Meat technologies. - 2011. - № 7
5. Shumakova O., Blinov O. Informational part for estimate of biological assets / O. Blinov, O. Shumakova // International agricultural journal. - 2009. - № 4. - P. 87-89.

Lazarova Larisa Borisovna, Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz branch, Doctor of Science (Economics), associate professor, Head of department Economics and Finance,

Pukhaeva Alina Aleksandrovna, Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz branch, Student of 4th year Finance and Economics Faculty,

Shanaev George Taymurazovich, Financial University under the Government of the Russian Federation

Establishment of effective mechanisms for the formation and implementation of industrial policy - a guarantee of sustainable economic development

Лазарова Лариса Борисовна, Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации, Владикавказский филиал, доктор экономических наук, доцент, зав. каф. «Экономика и финансы»,

Пухова Алина Александровна, Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации, Владикавказский филиал, студент 4-го курса финансово-экономического факультета,

Шанаев Георгий Таймуразович, Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации

Создание эффективного механизма формирования и реализации промышленной политики - гарантия устойчивого экономического развития

Промышленная деятельность является ключевым звеном экономики страны, образующая фундамент системной трансформации национального ресурса собственности, целесообразный экономический рост и социальный прогресс общества. Проблематика создания эффективного механизма формирования и реализации промышленной политики в стране занимает достаточно заметную нишу в научно-исследовательских работах последних лет. Актуальность данного научного направления обусловлена тем, что угрозы и вызовы экономическому развитию нашего государства, связанные со структурно-организационной и правовой бессистемностью в деятельности предприятий, а также технологической отсталостью отечественной промышленности, набрали "критическую массу", значительно ограничивая возможности реализации успешных конкурентных стратегий и перспектив экономического роста страны.

Промышленная политика определяет историческую самобытность, хозяйственные традиции и самостоятельность любого государства, его экономическую и политическую независимость. Именно этими базовыми аргументами определяются предпосылки целесообразного, предметно-обусловленного и динамичного развития промышленности развитых стран [1].

К базовым предпосылкам перспективного развития промышленного производства в современной России можно отнести следующие:

1. Необходимость опережающего развития структурообразующих отраслей. Обеспечение современными основными средствами остальных отраслей промышленности и народнохозяйственного комплекса как основы экономической безопасности государства.

2. Прагматичное и системное развитие отстающих отраслей материального производства – агропромышленного комплекса, машиностроения, транспорта, строительного сектора, связи; обеспечение их становления и конкурентоспособное функционирование на базе прогрессивных отечественных машин и оборудования.

3. Планомерное техническое перевооружение отраслей промышленности на базе достижений инновационного развития и передовых принципах организации труда, способных обеспечить конкурентоспособность собственной продукции, как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

4. Обеспечение экономической независимости и социальной стабильности в России. Промышленность развитых стран обеспечивает значимую долю валового национального и чистого продукта.

5. Развитие фундаментальной науки и государственная поддержка исследовательских разработок во всех отраслях промышленности как гаранта перспективного и целенаправленного развития экономики страны.

6. Поддержка отраслей оборонного комплекса, обеспечивающего национальную безопасность и отвечающего стратегическим интересам страны.

Затянувшейся кризис в экономике современной России связан, прежде всего, с нарушением устоявшихся пропорций общественного воспроизводства. Условия равновесия, при котором может бесперебойно осуществляться простое и расширенное капиталистическое воспроизводство, обоснованы и формализованы в схемах воспроизводства, разработанных еще К. Марксом. В них дана общая картина воспроизводственных связей между двумя крупными подразделениями общественного материального производства - производством средств производства и производством предметов потребления [4]. Между тем структура российского ВВП такова, что в нем 2/3 составляют услуги, а удельный вес продукции обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства соответственно составляет 16,3 и 3,9%. Кроме того, в структуре российского ВВП крайне мала доля высокотехнологичного производства, а также агропромышленного комплекса. В этих условиях невозможно обеспечить за счет собственных ресурсов не только расширенное, но и простое воспроизводство. Поэтому многие отечественные исследователи соглашаются с тем тезисом, что трактовка понятия «устойчивость экономического роста» достаточно близка в современных реалиях к понятию «расширенное воспроизводство интенсивного типа», но с учетом экономической составляющей [1].

Поскольку Российская Федерация после распада СССР вышла из числа развитых и стала относиться к числу развивающихся стран именно в силу деградации национальной

промышленности и резкого сокращения инвестиций в основной капитал отраслей и комплексов промышленного производства, в предстоящее десятилетие нам необходимо поднять долю производственных инвестиций до уровня 25-30% ВВП. Для этого следует продолжать работу по возрождению на новой научно-технической основе отечественного машиностроения. В первую очередь целесообразно реконструировать электрогенерирующие мощности, возродить авиационную промышленность, производство оборудования для машиностроительного комплекса, станко - инструментальную промышленность как базовую составляющую обновления всего промышленного производства, судостроение по всему сегменту отрасли (в т.ч. и пассажирское), а также большегрузных танкеров для транспортировки нефти и сжиженного газа. Чтобы сохранить экономическую целостность России, нужен современный, доступный для большинства населения воздушный, морской и железнодорожный транспорт. Все это позволит повысить экономический рост до уровня 5-6% в год[2].

Другое стратегическое направление качественного обновления и реконструкции промышленного производства в стране - восстановление и расширение проверенного годами механизма формирования и развития интеллектуального потенциала страны. В этой связи необходимо обеспечить доступность высшего и среднего образования для всех слоев молодежи, повысить требования к качеству выпускников школ, создать систему переподготовки и повышения квалификации всех специалистов, в том числе первичной профессиональной подготовки и дальнейшего квалификационного роста для промышленного производственного персонала предприятий.

Как видно из принятого 29.12.2012 г. Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» система образования перемещается в сектор стратегической политики государства; к сожалению, позитивные результаты от принимаемых мер скажутся лишь через пять-десять лет.

Необходимо объективно признать, что в ближайшее десятилетие России предстоит решить сложнейшую задачу переходного периода - преодоления массовой бедности среди населения и снижения социальной напряженности в стране. Вызывает беспокойство, что оплата труда наемных работников крайне низка и не соответствует стоимости рабочей силы. Целесообразно в данном случае поднять оплату труда, и тем самым попытаться сократить высокую дифференциацию населения страны по доходам.

Необходимо обеспечить кардинальное улучшение условий для инновационной деятельности как базового фактора повышения конкурентоспособности промышленных предприятий. При этом целесообразно освободить от налогообложения часть прибыли, направляемой на цели развития производства и освоение новой техники, научных исследований и разработок. Справедливо утверждение, что реализация предложения о «налоговых каникулах» для вновь создаваемых обрабатывающих предприятий, а также освобождение от налога на прибыль научных и инновационных организаций в течение пяти лет работы, несомненно, окажет позитивное влияние на экономику страны.

Следует осуществить также, законодательное обеспечение инновационной деятельности. Анализ складывающейся ситуации показывает, что этот процесс в стране успешно развивается. Действуют законы «О науке и государственной научно-технической политике», «О защите инвестиций», «О таможенном тарифе», «О банке развития» и др.

законодательно-правовые акты, способствующие развитию инновационной деятельности [2].

В последние два десятилетия Россия оказалась в так называемой «сырьевой ловушке», при которой неэффективная обрабатывающая промышленность испытывает сильный спад, а конкурентоспособная добывающая промышленность на внешних рынках - подъем. Инвестиции соответственно идут в добывающую отрасль, сырье вывозится за рубеж, на вырученную валюту приобретаются продукты питания и потребительские товары. Следовательно, в рамках обозначенной в Концепции долгосрочного социально-экономического Российской Федерации до 2030 года задачи преодоления сырьевой модели развития необходим выбор модели экономического развития, основанной на системной промышленной политике, в которой экономический рост основан на масштабном увеличении притока инвестиций в реальный сектор экономики.

В современных условиях жесткой конкурентной борьбы решающим фактором общественного прогресса является развитие науки и образования, создание мощной сети здравоохранения. Объективно - успех функционирования любой национально-хозяйственной системы напрямую зависит от качества человеческого капитала. В долгосрочной стратегии вложения в человеческий капитал являются наиболее эффективными.

Развитие промышленности и национальной экономики в целом во многом зависит от притока иностранного капитала. В связи с этим актуальна задача создания благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций, при обеспечении государственного контроля за их качеством и надежностью.

Главная стратегическая задача, обозначенная Президентом РФ В.В. Путиным в качестве приоритетной в политике модернизации национальной хозяйственной системы, заключается в переводе предприятий промышленности и экономики страны в целом на инновационный путь развития; в формировании фундаментальных научных знаний; переориентации сферы НИОКР с военно-технических задач на решение проблем улучшения качества жизни; возрождение обрабатывающих отраслей на новой технико-технологической базе; повышении конкурентоспособности продукции национальной промышленности; реализации стратегии - экономии природных ресурсов; формирования национальной инновационной системы. Последнее, по нашему мнению, особо значимо для развития прогресса научных знаний и своевременного внедрения достижений НТП в промышленное производство.

Для решения обозначенных стратегических целей выделены и первоочередные тактические задачи, к которым относятся: снижение налогового бремени с инновационных предприятий, осуществление политики протекционизма в области новых технологий, развитие инновационной инфраструктуры, поддержка венчурного финансирования инновационных проектов, поддержка экспорта высокотехнологичной продукции за рубеж, определение перечня и механизма реализации крупномасштабных инновационных проектов государственного значения, формирование благоприятных условий для развития малого инновационного предпринимательства, всесторонняя поддержка инновационно-ориентированных предприятий, облегчение процедуры официальной регистрации учреждений и организаций, занимающихся научно-технической инновационной деятельностью.

Реализация вышеперечисленных мер, по нашему мнению, повысит устойчивость и конкурентоспособность промышленных предприятий и хозяйственной системы страны в целом, обеспечит позитивную динамику в решении социальных вопросов.

Непреложным фактом остается тот аргумент, что в последние десятилетия теоретической базой проведения так называемых либерально-рыночных экономических реформ в стране служила концепция реализации монетарных принципов хозяйственного регулирования. Задача финансовой стабилизации определялись как главное условие притока в экономику страны значительных инвестиций, в том числе иностранных, при активном вовлечении национальной банковской системы в реальный сектор экономики. В практическом же преломлении, на микроуровне, при реализации целей хозяйствующих субъектов, достаточное их количество столкнулось с острой проблемой восполнения оборотных средств, невозможностью привлечения прямых инвестиций (даже отечественных) и практически неконтролируемым диктатом процентных ставок со стороны кредитных учреждений[3].

Объективно назрела необходимость пересмотра базовых принципов существующей системы хозяйственных отношений в стране и создание более эффективного (предметно-обусловленного и системно-целесообразного) механизма регулирования промышленного роста, в актуализации целей социальной стабильности и инновационного развития. Совокупное решение проблем устойчивого развития общественного воспроизводства, роста технологических промышленных показателей, повышения конкурентоспособности, разработка и внедрение ресурсосберегающих технологий, борьба за экологическую чистоту, повышение уровня профессиональной подготовки кадров, обеспечение социальной стабильности - все это элементы системы целеполагания эффективной промышленной политики[4].

Представляется допустимым следующая вариативность ее формирования и комплексной оптимизации:

1. Выявление и системный анализ ключевых проблем современного состояния промышленного производства, к которым можно отнести:

- острая нехватка оборотных и инвестиционных средств;
- предельная изношенность основных производственных фондов;
- низкий процентный уровень производства продукции конечного потребления;
- отсутствие государственного заказа на предприятиях госсобственности, в том числе на предприятиях ВПК и электронной промышленности;
- потеря инновационного и научно-технического потенциала предприятий;
- уход с производства высококвалифицированных рабочих и опытных ИТР;
- отсутствие механизма финансового, научного, технологического и кадрового воспроизводства;
- низкий уровень управленческой культуры, финансовой дисциплины и персональной ответственности руководителей предприятий;
- жесткая тарифная политика в естественных монополиях не сбалансированная с интересами развития отечественной промышленности;
- несовершенное налоговое законодательство.

2. Формирование и реализация прогрессивной промышленной политики адекватной целям и задачам национальной программы экономического развития, элементами которому могут стать:

- совершенствование методологии и концептуальных подходов в реализации принципов эффективного менеджмента (преференции по кредитам, возможность государственной помощи при погашении процентной ставки по кредитам, лизинг, прямые инвестиции);

- совершенствование структуры государственного управления промышленным производством (институты регулирования, их права, цели, задачи, функций), решение задачи кадрового обеспечения предприятий;

- разработка отраслевых целевых комплексных программ для предприятий промышленности и участие в реализации федеральных и региональных комплексных программ хозяйственного развития, а также активное участие в решении социальных вопросов;

- системное совершенствование таможенного и банковского обслуживания;

- совершенствование правовой базы деятельности;

- идентификационное укрепление во взаимоотношениях власти и бизнеса;

- формирование корпоративной культуры в промышленном секторе.

3. Приоритетными принципами в реализации эффективной промышленной политики, на наш взгляд, должны стать следующие:

- определение на официальном уровне концепции национальной промышленной политики как базовой составляющей государственного регулирования хозяйственными процессами;

- системное развитие традиционных отраслей промышленного производства, особенно в региональном сегменте, с сохранением жизнеспособных предприятий и объединений;

- официальное признание принципа равноправности власти и бизнеса в вопросах хозяйственной практики (частно-государственное партнерство);

- изыскание ресурсных и бюджетных преференций для предприятий, принимающих активное участие в реализации государственной промышленной политики.

Список литературы:

1. Глазьев Ю.С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 2011 г.
2. Ермасов С.В. Условия развития рынка инноваций. Саратов: СГСЭУ, 2012.
3. Козырев В.М. «Основы современной экономики», М: Финансы и статиска, 2011.
4. Ростова О.С. Государственное регулирование рыночной экономики. М.: Издательский дом «Экономическая литература», 2010 г.

*Bannikova Anastasia Viktorovna,
Ulanovskaya Julia Sergeevna,
third-year students of Credit and Economic
department of Financial University under the
Government of Russian Federation*

Problems and prospects of antitrust policy in Russia

*Банникова Анастасия Викторовна,
Улановская Юлия Сергеевна,
студентки Кредитно-экономического
факультета Финансового Университета при
Правительстве РФ*

Проблемы и перспективы антимонопольной политики в России

Российская Федерация нуждается в резком уменьшении числа экономических секторов, в которых устоялась монополия. Отрицательное влияние на высоко монополизированную экономику создаёт необходимость в осуществлении антимонопольного регулирования. Об этом и пойдёт речь в данной статье.

Целью статьи является рассмотрение негативных последствий присутствия монополизированных отраслей на российском рынке и мер, принимаемых государством для их решения.

Задачи данной статьи:

- Выявить макроэкономические последствия монополизации рынка;
- Рассмотреть особенности антимонопольного регулирования в России на примере отдельных отраслей промышленности;
- Выработать основные рекомендации по антимонопольному регулированию;
- Рассмотреть основные практические трудности антимонопольного регулирования в России.

В России в 21 веке проблему монополизации рынка освещают такие авторы как С. Гуриев, К. Сонин («Экономика «ресурсного проклятия»»), А. Яковлев («Взаимоотношения бизнеса и власти в России в 2000-е годы: от "захвата" к разнообразию "моделей обменов"») и другие авторы.

Одной из наиболее актуальных проблем российской экономики является ярко выраженный административный монополизм. Он выражается в высоком уровне государственного влияния в ведущих индустриальных отраслях, наличии у государства контрольного пакета акций многих предприятий, которые приватизированы. Ситуация осложняется возможностью государственных предприятий получать финансово-кредитную поддержку со стороны государства независимо от результата их деятельности, попытками охватить государственным контролем значительную часть предприятий и

проведении промонополистической политики государством в отношении естественных монополий.

Весьма специфическим является то, что борьба с административным монополизмом в ближайшее время предполагает развитие того же монополизма. Однако прямое вмешательство государства необходимо, чтобы расчистить путь становлению более эффективных структур рынка. Для того чтобы определить эффективность или неэффективность форм административного монополизма в условиях современной российской экономики, стоит рассмотреть их влияние на прогрессивные экономические сдвиги.

Правительство в Российской Федерации регулирует деятельность наиболее монополизированных отраслей промышленности, одной из них является нефтяная отрасль¹.

Структуру нефтяной отрасли составляют около десяти крупных вертикально-интегрированных нефтяных компаний. По состоянию на 01.01.2014 г., добычу нефти и газового конденсата (нефтяного сырья) на территории российской Федерации осуществляли 294 организации, имеющие лицензии на право пользования недрами. В том числе:

- 111 организаций, входящих в структуру 10 вертикально интегрированных компаний, включая Газпром (далее — «ВиНК»), на долю которых по итогам года приходится суммарно 87,4% всей национальной нефтедобычи;
- 180 независимых добывающих компаний, не входящих в структуру ВиНК (9,9% всей нефтедобычи)
- 3 компании, работающие на условиях соглашений о разделе продукции (далее — «операторы СрП») (2,7% всей нефтедобычи).

Таким образом, можно посчитать индекс Херфиндаля-Хиршмана в данной отрасли: $HNI=7744,06$. Это означает, что данный рынок высококонцентрирован.

Так же примером сильно монополизированной отрасли может служить рынок электроэнергии. Он разделяется на две большие группы – ценовые зоны. Первая ценовая зона включает в себя Европейскую часть России и Урал, вторая – Сибирь.

В 2013 г. при снижении спроса на электроэнергию в среднем на 0,56%, объем предложения снизился сильнее, на 0,81%, что повлекло за собой повышение средневзвешенных цен в среднем на 16,9%.²

Таким образом, можно утверждать, что естественные монополии способны повлиять на интенсивность инфляционного процесса. Уровень цен быстрее повышается в той экономике, где присутствует большое количество естественных монополий.

Монополии продолжают и усиливают инфляцию. Для того чтобы сохранить доминирующее положение на рынке, крупным корпорациям необходимо сократить размеры производства и предложения товаров. Это, в свою очередь, увеличивает разрыв между совокупным спросом и совокупным предложением. Таким образом, естественные монополии придают инфляции дополнительное ускорение.

По данным Всемирного Банка, около шестой части рабочей силы и более трети оборота промышленности страны контролируют 23 крупнейшие компании России.

¹ ФЗ от 17 августа 1995 г. N 147-ФЗ "О естественных монополиях" (с изменениями от 8 августа, 30 декабря 2001 г., 10 января, 26 марта 2003 г., 29 июня 2004 г.)

² Данные Министерства энергетики РФ
<http://minenergo.gov.ru/activity/energoeffektivnost/>

Крупные предприятия не всегда работают эффективнее, чем мелкие, однако при этом, крупные предприятия вкладывают на 30% больше инвестиций в сектор энергетики и этим выигрывают у мелких по эффективности³. Такие корпорации являются естественными монополиями, особенности которых отражаются и на особенностях инвестиций. Инвестиции естественных монополий представляют собой реальные инвестиции, являющиеся базой для экономического роста. Реальные инвестиции способны помочь мобилизовать ресурсы в реальном секторе экономики и выступают источником роста национальной экономики, причем с мультипликативным эффектом, поскольку расширяют зону функционирования производственного капитала и реального сектора в целом. Кроме этого, в результате инвестирования увеличивается занятость и образуются дополнительные доходы, которые являются дополнительным фактором экономического роста через рост совокупного спроса.

Важно отметить, что инвестиции формируются за счет результатов деятельности прошлых лет. Поэтому под инвестициями можно понимать отказ от текущего потребления ради будущего. В данном процессе наличие ресурсов, которые способны трансформироваться в инвестиции является главным фактором. Если наблюдаются низкие результаты хозяйственно-экономической деятельности, то средства «проедаются» и поэтому не способствуют экономическому росту. В 2013 году основным источником инвестиций в основной капитал для крупных бизнес-корпораций являлись собственные средства.⁴

Таким образом, естественные монополии получают достаточно средств в результате своей деятельности, чтобы инвестировать их в производство. Инвестиции за счет собственных средств предприятий способствуют экономическому росту.

Несмотря на это, специалисты Всемирного Банка считают, что на уровне отдельных предприятий концентрация производства играет положительную роль, но на национальном уровне монополистический эффект не всегда оказывается таковым⁵.

Перед антимонопольной политикой России стоит важная задача разграничить структуры монополии, которые способствуют оздоровлению экономики, и те, которые оказывают ярко выраженное негативное влияние на её развитие.

Антимонопольная политика государства направлена на сильно монополизированные отрасли и отдельные крупные предприятия, удельный вес которых на рынке составляет от 30%. Основной задачей государства является создание условий для развития конкуренции в отдельных отраслях российской экономики. Согласно данным Федеральной антимонопольной службы, до 2024 года планируется проведение следующих мер в области антимонопольного регулирования крупных предприятий⁶:

- Ужесточение правил закупок для субъектов естественных монополий и госкомпаний;

³ Пикин С. Тариф глубокой заморозки // Российская газета - Спецвыпуск "Энергетика" №6264 (288) 20.12.2013

⁴ Составлено авторами на основе: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/

⁵ Пикин С. Тариф глубокой заморозки // Российская газета - Спецвыпуск "Энергетика" №6264 (288) 20.12.2013

⁶ Артемьев И.Ю. "Стратегия развития антимонопольного регулирования на период 2013 - 2024 гг."// доклад ФАС от 01.12.12

- Ликвидация государственных и муниципальных унитарных предприятий во всех конкурентных секторах экономики, за исключением предприятий, действующих в сфере обороны и безопасности страны;
- Повышение эффективности правоприменительной деятельности в области антимонопольного регулирования, распространение сферы применения новых правовых институтов;
- Кодификация всех положений законодательства, направленных на защиту и развитие конкуренции, разработка Антимонопольного кодекса Евразийского экономического общества (ЕврАзЭС);
- «Перезапуск» реформы сферы железнодорожного транспорта и электроэнергетики, а также введение про-конкурентного стимулирующего регулирования в отраслях электро- и почтовой связи;
- Уменьшение госсобственности и числа госпредприятий;
- Разработка способов и форм приватизации крупных госкомпаний при непосредственном участии ФАС России.

Таким образом, деятельность естественных монополий, безусловно, влияет на состояние экономики страны в целом. В зависимости от проводимой в стране антимонопольной политики, это влияние может быть как положительным (увеличение инвестиций в реальный сектор экономики, способствование экономическому росту), так и отрицательным (например, усиление инфляции). Именно поэтому российская экономика нуждается в проведении сбалансированной и эффективной антимонопольной политики.

Список литературы

1. Федеральный закон от 17 августа 1995 года N 147-ФЗ "О естественных монополиях" (с изменениями от 8 августа, 30 декабря 2001 г., 10 января, 26 марта 2003 г., 29 июня 2004 г., 31 декабря 2005 г., 4 мая, 29 декабря 2006 г., 18 октября, 8 ноября 2007 г., 25 декабря 2008 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 21 августа 1995 г. N 34 ст. 3426.
2. Официальный сайт Министерства энергетики РФ: <http://minenergo.gov.ru>
3. Пикин С. Тариф глубокой заморозки // Российская газета - Спецвыпуск "Энергетика" №6264 (288) 20.12.2013.
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/
5. Артемьев И.Ю. "Стратегия развития антимонопольного регулирования на период 2013 - 2024 гг."// доклад ФАС от 01.12.12.

***Bazhenov Gennadij Egorovich**, Novosibirsk State
Technical University, Professor, Doctor of Science in
Economics, the Faculty of Business,
D'jachkova Anastasija Vasil'evna, Novosibirsk
State Technical University, Postgraduate
student, the Faculty of Business*

Sustainable development of socio-economic systems

***Баженов Геннадий Егорович**,
Новосибирский государственный технический
университет, д.э.н., профессор, факультет бизнеса,
Дьячкова Анастасия Васильевна,
Новосибирский государственный технический
университет, аспирант, факультет бизнеса*

Устойчивое развитие социально-экономических систем

Устойчивое развитие привлекло широкое внимание мирового сообщества только после публикации доклада «Наше общее будущее», подготовленного Комиссией ООН в 1987 году по окружающей среде и развитию. Устойчивое развитие в докладе определялось как стабильный в долгосрочном периоде экономический рост, не приводящий к деградационным изменениям природной среды.

В настоящее время в научной литературе встречаются десятки определений устойчивого развития в зависимости от профессиональной принадлежности авторов.

Некоторые подходы к определению понятия устойчивости представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Подходы к определению понятия «устойчивость»

Автор	Предлагаемое определение устойчивости
Л. Н. Лопатников	Устойчивость системы есть способность динамической системы сохранять движения по намеченной траектории, поддерживать намеченный режим функционирования, несмотря на воздействующие на нее возмущения [1].
Н.В. Шаланов	Система называется неустойчивой, если малые изменения параметров приводят к резким изменениям траектории процесса. Система является устойчивой, если малое изменение исходных параметров не приводят к резким изменениям траектории [2].

А. И. Карпович	Под экономической устойчивостью различных экономических систем будем понимать их способность (свойство) в условиях флуктуаций рыночной конъюнктуры, непредсказуемости поведения партнеров, производственно-технологических сбоев, ненадежности ресурсных поставок и других возможных возмущений обеспечивать реализацию, поддержания на определенных уровнях своих целевых установок [3].
Т. А. Акимова	Устойчивость – это упорядочение технических, экологических, экономических и социальных ресурсов таким образом, что результирующая система может поддерживаться в состоянии равновесия во времени и пространстве [4].

В Энциклопедии кибернетики [5] дано следующее определение устойчивости (в широком понимании): «способность системы стремиться из различных начальных состояний к некоторому равновесному (стационарному) состоянию».

Как видно из приведенных определений под устойчивостью обычно понимается стабильность, являющаяся одним из основных понятий кибернетики и тесно связанной с идеей инвариантности, т.е. неизменность свойств системы относительно каких-либо преобразований.

Основными элементами устойчивости являются равновесие, гомеостазис, стационарный режим.

Равновесие – это взаимное погашение разнонаправленных сил, при котором свойства системы остаются неизменными.

Гомеостазис – неизменность существенных параметров системы независимо от влияния внешней среды.

Стационарный режим – циклическое повторение одной и той же последовательности состояний системы.

Все системы делят на:

- биологические;
- технические;
- социально-экономические.

Объектом нашего исследования являются социально-экономические системы (страны, регионы, промышленные предприятия).

Под социально-экономической системой понимается совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих подсистем в процессе производства, распределение, обмена и потребления товаров и услуг.

Такие системы обладают следующими основными свойствами:

- наличие цели;
- эмерджентность;
- динамичность процессов;
- целостность;
- иерархичность.

Под устойчивостью социально-экономических систем, по нашему мнению, следует понимать их способность адаптироваться к негативным изменениям внешних и внутренних факторов и противостоять этим изменениям, обеспечивая стабильное и сбалансированное функционирование и развитие в долгосрочном периоде, не разрушая окружающую природную среду и обеспечивая непрерывный прогресс общества.

Основные принципы устойчивого развития сформулированы в национальной стратегии Российской Федерации [6]:

- каждый человек имеет право на здоровую и деятельную жизнь в гармонии с природой в экологически чистой и благоприятной окружающей среде;

- социально-экономическое развитие должно быть направлено на улучшение жизни всех людей, сохранение природы и природных ресурсов;

- право на развитие должно осуществляться так, чтобы обеспечить равенство возможностей развитие и сохранение окружающей среды как нынешнего, так и будущих поколений;

- рациональное природопользование должно основываться на истощительном использовании возобновимых и экономном использовании невозобновимых ресурсов;

- защита окружающей среды – необходимая часть устойчивого развития;

- хозяйственная деятельность человека должна становиться социально и экологически безопасной и сопровождаться уменьшением различия в уровне жизни людей;

- демографическая политика должна учитывать стратегические цели устойчивого развития и формировать у населения сознательное отношение к планированию семьи;

- устойчивое развитие должно учитывать все аспекты безопасности страны;

- постепенный отказ от ценностей общества потребления, рационализация масштабов и структуры личного потребления населения;

- сохранение для всех народов и этносов, проживающих в Российской Федерации, их культур, традиций, среды обитания;

- переход к устойчивому развитию должен осуществляться на основе международного сотрудничества и глобального партнерства;

- суверенные права каждого государства на разработку собственных природных ресурсов должны реализовываться без ущерба экосистемам за пределами государственных границ;

- свободный доступ к экологической информации;

- сохранение крупнейших экологически устойчивых зон земли должно стать предметом ответственности всех государств мира;

- ведущая роль в реализации устойчивого развития государства как гаранта обеспечения экономического развития, социальной справедливости и охраны окружающей природной среды;

- хозяйственная деятельность должна вестись преимущественно на уже освоенных территориях.

Социально-экономические системы, взаимодействующие с внешней средой, являются открытыми и сложными системами и редко находятся в устойчивом состоянии. Для таких систем устойчивое развитие осуществляется через периодическую смену

траектории развития в связи с изменениями требований внешней среды и целей самих систем.

Все социально-экономические системы в зависимости от масштаба действия условно можно разделить на четыре группы:

- мировая система (все страны мира);
- системы макроуровня (отдельная страна);
- системы мезоуровня (регион, область, город, район);
- системы микроуровня (объединение, предприятия).

Естественно, что устойчивое развитие систем нижестоящего уровня определяются особенностями и тенденциями развития систем вышестоящего уровня, и в тоже время устойчивое развитие социально – экономических систем вышестоящего уровня зависит от систем нижестоящего уровня.

Анализ литературных источников показал, что для оценки устойчивости развития социально-экономических систем используются большое количество самых разнообразных показателей.

Одной из самых полных по охвату систем показателей по устойчивому развитию макроэкономических систем представлено комиссией ООН.

Все показатели разбиты на следующие группы:

- индикаторы социальных аспектов устойчивого развития;
- индикаторы экономических аспектов устойчивого развития;
- индикаторы экологических аспектов устойчивого развития;
- индикаторы институциональных аспектов устойчивого развития.

Всего используются более сотни показателей оценки устойчивости государств.

По нашему мнению, такое количество показателей затрудняет оценку устойчивости социально - экономических систем.

Целесообразно иметь сбалансированную систему показателей, которая должна отвечать следующим требованиям:

- простота расчета показателей;
- количественная и качественная определенность;
- сопоставимость показателей;
- надежность;
- достаточность.

Современное состояние мировой социально-экономической системы характеризуется как нестабильное:

– в экономической подсистеме преобладает приоритет экономических целей (прибыль, захват рынков, обогащение); отсутствуют экономические критерии, которые не позволяли бы переходить порог допустимых воздействий на окружающую природную среду; отсутствуют механизмы регулирующие товарообмен между экономически развитыми и развивающимися странами; присутствует приоритет одной валюты;

– в экологической подсистеме происходит разрушение окружающей среды под воздействием ряда факторов – рост неограниченного потребления, рост населения, рост производства и т.д.;

– в социальной подсистеме происходит дальнейший рост населения, увеличивается численность бедного населения, растет заболеваемость, увеличивается разрыв в уровне жизни населения, преобладают эгоистические интересы развитых стран над общечеловеческими ценностями и т.д.;

– в военной подсистеме доминирует военное превосходство одной супердержавы США, что дестабилизирует международную обстановку в мире, растет число региональных конфликтов, происходит вмешательство стран НАТО во внутренние конфликты многих стран.

Для обеспечения устойчивости мировой социально-экономической системы необходимы следующие предпосылки (таблица 2).

Таблица 2 – Предпосылки обеспечения устойчивости мировой социально-экономической системы

Подсистема	Предпосылки обеспечения устойчивости
Экономическая подсистема	<ul style="list-style-type: none"> – необходимо наличие региональных валютных зон; – установление золотого стандарта национальных валют; – наличие независимого международного банка экономического развития, где каждое государство имеет один голос.
Экологическая подсистема	<ul style="list-style-type: none"> – рациональное природопользование в соответствии с международными требованиями ООН; – сохранение экологических систем и озонового слоя; – обеспечение экономической безопасности.
Социальная подсистема	<ul style="list-style-type: none"> – широкое участие гражданского общества в решении проблем определяющих функционирование социальных систем; – снижение уровня бедности населения развивающихся стран, путем справедливого товарообмена; – расширение доступа к знаниям технологиям, образованию, медицинскому обслуживанию, информации; – укрепление роли традиционной семьи в соответствии с моральными принципами традиционного общества.
Военная подсистема	<ul style="list-style-type: none"> – необходим паритет военных потенциалов коалиций противостоящих государств; – создание условий, при которых невозможно будет применить ядерное оружие, без взаимного гарантированного уничтожения.

Вышеперечисленные основные предпосылки устойчивого развития мировой социально-экономической системы позволяют обществу стабильно функционировать и развиваться.

Устойчивость развития различных подсистем по группам социально-экономических систем может быть оценена с помощью следующих индикаторов (таблица 3).

Таблица 3 – Индикаторы устойчивости развития социально-экономических систем

Социально-экономическая система	Подсистема	Индикаторы уровня устойчивости
Система макроуровня	Экономическая	<ul style="list-style-type: none"> – величина валового внутреннего продукта ВВП на душу населения; – величина валютных резервов на душу населения; – величина общего долга государства на душу населения.
	Экологическая	<ul style="list-style-type: none"> – степень загрязнения воздушной среды; – степень загрязнения водных ресурсов; – степень загрязнения земли; – количество твердых отходов на единицу ВВП.
	Социальная	<ul style="list-style-type: none"> – средняя продолжительность жизни населения; – уровень безработицы; – доля затрат на охрану здоровья населения в ВВП.
	Культурологическая	<ul style="list-style-type: none"> – доля трудоспособного населения, имеющих высшее и среднее специальное образование; – расходы на социально – культурные мероприятия в процентах от ВВП; – доля трудоспособного населения, имеющих общее среднее образование.
	Институциональная	<ul style="list-style-type: none"> – доступность банковского кредита; – развитость системы факторинга; – развитость системы страхования; – уровень поддержки отечественного производства.

	Военная	<ul style="list-style-type: none"> – наличие ракетно-ядерного потенциала, способного нанести противнику неприемлемый для дальнейшего существования ущерб; – ежегодные отчисления на оборону в процентах от ВВП; – численность и качество военного персонала; – удельный вес современного поколения военной техники; – наличие высокоточного оружия.
Система мезоуровня	Экономическая	<ul style="list-style-type: none"> – величина валового регионального продукта на душу населения; – энергоёмкость внутреннего регионального продукта; – степень износа основных фондов; – объём инвестиций в основной капитал; – доля инновационной продукции в общем объёме выпускаемой продукции.
	Экологическая	<ul style="list-style-type: none"> – степень загрязнения воздушной среды; – степень загрязнения водных ресурсов; – степень загрязнения земли; – количество твердых отходов на единицу валового регионального продукта.
	Социальная	<ul style="list-style-type: none"> – уровень безработицы; – прожиточный минимум в регионе; – средняя заработная плата наемного персонала; – средняя продолжительность жизни населения; – уровень охраны здоровья населения.
	Культурологическая	<ul style="list-style-type: none"> – удельный вес трудоспособного населения, имеющих высшее и среднее специальное образование; – удельный вес трудоспособного населения, имеющих высшее образование; – доля трудоспособного населения, имеющих общее среднее образование; – расходы на социально - культурные мероприятия в процентах от валового регионального продукта.

	Институциональная	<ul style="list-style-type: none"> – доступность банковского кредита; – развитость системы факторинга; – развитость системы страхования; – уровень поддержки предпринимательства.
Система микроуровня	Экономическая	<ul style="list-style-type: none"> – объем выпуска продукции; – фондоотдача; – производительность труда; – финансовые показатели.
	Экологическая	<ul style="list-style-type: none"> – степень загрязнения земли; – степень загрязнения вода; – степень загрязнения воздуха; – количество твердых отходов на единицу валовой продукции.
	Техническая	<ul style="list-style-type: none"> – удельный вес современного оборудования; – степень износа основных производственных фондов; – уровень автоматизации; – удельный вес технологических инноваций; – интенсивность обновления технологии.
	Социальная	<ul style="list-style-type: none"> – степень комфортности членов трудового коллектива; – степень протестного мировоззрения; – степень социальной защищенности; – текучесть кадров; – психологический климат в коллективе.
	Культурологическая	<ul style="list-style-type: none"> – имидж предприятия; – производственная культура; – отношение руководитель – подчиненный; – культурные традиции; – ценностные представления работников; – квалификационный уровень работников.

Каждый из перечисленных индикаторов, характеризующих уровень развития социально - экономических подсистем, может иметь определенный набор показателей.

Эталоном для сравнения развития каждой подсистемы на макроуровне могут служить страны с наиболее высоким уровнем социально-экономического развития, при этом сравнение индикаторов по отдельным подсистемам могут быть и другие страны, где

состояние отдельных подсистем находится на более высоком уровне, чем у развитых стран.

Эталоном для сравнения уровня развития каждой подсистемы на мезоуровне могут служить наиболее развитые регионы, области, города, районы.

Эталоном для сравнения на микроуровне могут служить объединения, предприятия с высоким уровнем устойчивости всех подсистем.

При этом можно выделить три состояния социально – экономических систем:

- высокий уровень;
- средний уровень;
- низкий уровень.

Для своевременного выявления изменения показателей устойчивого развития целесообразно использовать слабые сигналы.

У социально – экономических систем появляется возможность заблаговременно узнавать о предстоящих изменениях основных параметров и своевременно реагировать на них. Принимая меры по устранению возникающих угроз.

Как отмечает И. Ансофф: «Вместо того, чтобы ожидать полной информации фирме следует определить, какие последовательные шаги в планировании и на практике могут быть предприняты при разном развитии событий, создающих угрозы и возможности» [7].

При этом можно использовать следующий алгоритм (таблица 4).

Таблица 4 – Реакция социально-экономических систем на слабые сигналы

Подсистемы устойчивого развития	Отклонение индикаторов от эталона, %.			
	10	5,0	3,0	1,0
Экономическая	Разработать программу рационализации	Провести анализ	Выявить причину	Обратить внимание
Экологическая				
Техническая				
Социальная				
Культурологическая				
Институциональная				
Военная				

На ранних стадиях появления изменений в системе показателей меры по сохранению стабильного развития систем могут иметь общий характер. При появлении большей информации о предстоящих изменениях в некоторых элементах могут быть приняты конкретные меры по устранению опасности, либо использованию открывающихся возможностей.

Для того, чтобы обеспечить социально-экономической системе возможность для быстрого реагирования на предстоящие изменения необходимо постоянно осуществлять

мониторинг внешней и внутренней среды. Он позволит на основе экспресс – диагностики получать необходимую информацию о состоянии внешней и внутренней среды и своевременно реагировать на эти изменения.

Список литературы

1. Лопатников Л.Н. Экономико-математический словарь. 5-е Изд-во, перераб. и доп. М.: Дело, 2003. – 520 с.
2. Шаланов Н.В. Методология системного анализа устойчивости случайного процесса./ Шаланов Н.В. Вестник Сибирского университета потребительской кооперации.– Вып.2.-Новосибирск,2004.
3. Карпович А.И. Моделирование экономической устойчивости систем энергетики: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ. 2006. – 260 с.
4. Акимова Т.А. Экономика устойчивого развития. – М.: Экономика, 2009. – 429 с.
5. Глушков В.М. Энциклопедия кибернетики. Киев: Гл. ред. Укр. Сов. Энцикл., 1974. Т.2.
6. Основные положения стратегии устойчивого развития России./Под ред. А.М. Шелехова. – М. – 2002. – 161 с.
7. Ансофф И. Стратегическое управление. – М.: Экономика, 1980. – 519 с.

*Martens Ann, Altai State University,
Associate Professor, PhD in Economics, International Institute
of Economics, Management and Information Systems*

Payment system in the region as a basis for the development of the banking business in the sphere of housing and communal services of Russia

Мартенс Анна, Алтайский государственный университет, доцент, кандидат экономических наук, международный институт экономики, менеджмента и информационных систем

Расчетно-платежная система региона как основа развития банковского бизнеса в сфере жилищно-коммунального хозяйства России

Жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) является одним из наиболее финансово емких сфер бизнеса, что связано с существенными денежными потоками за оплату жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ), финансированием воспроизводства инженерных сетей ресурсоснабжающих организаций и капитального ремонта жилищного фонда. Именно указанный аспект формирует привлекательность развития банковского бизнеса при взаимодействии с субъектами сферы ЖКХ, который на настоящий момент не реализован со стороны российских банков в полной мере. Прежде всего, это связано с относительным недавним развитием рыночных отношений в сфере ЖКХ, переход к которым был определен введением нового Жилищного Кодекса в 2005 году, и существенными проблемами данной сферы. Среди основных целесообразно выделить высокий износ жилищного фонда и инженерных сетей, низкое качество жилищно-коммунальных услуг и невысокий уровень конкуренции в этой сфере, инвестиционную непривлекательность жилищно-коммунального хозяйства в целом. Выделенные негативные аспекты, не смотря на длительность реформирования сферы, до сих пор не решены.

Отрицательные факторы среды функционирования субъектов жилищно-коммунального хозяйства определяются повышенными рисками их деятельности, которые банки в свою очередь стараются избегать или реализовывать с повышенной доходностью, а так как в условиях ЖКХ последнее не является возможным, то банковский бизнес в данной сфере развивается весьма сдерживающими темпами.

Положительный сдвиг в этой области был определен изменением нормативно-правовой базы в сфере ЖКХ. С 2013 г. в Российской Федерации вводится новый механизм финансирования капитального ремонта на уровне Федерации и региона. Базовый порядок указанного финансирования определен изменениями в Жилищном кодексе РФ путем внесения поправок Федеральным законом от 25.12.2012 №271-ФЗ и введением раздела «Организация проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах». Суть введенных поправок заключается в формировании у собственников жилых помещений в многоквартирном доме обязанности по отчислению денежных средств на капитальный ремонт общего имущества и необходимостью аккумулирования средств для осуществления работ капитального характера в специальном фонде под контролем регионального оператора.

Функционирование новой системы финансирования воспроизводства общего имущества многоквартирного фонда невозможно без участия банков, в задачи которых изначально будет входить эффективное расчетное обслуживание. Выделенные новации открывают для банков новые возможности продвижения банковских продуктов и услуг, что наиболее значимо в условиях жесткой конкуренции и распределения большей части рынка между узким кругом кредитных организаций.

Не смотря на актуальность, тема не является достаточно проработанной в отечественной науке. В большей части российские ученые изучают возможность развития банковского бизнеса по группам банковских продуктов, отдельные авторы рассматривают роль банков в финансировании реформы ЖКХ (Тулайков Н.В., Ульрих М.А. и др.), другие акцентируют внимание на исследовании автоматизированных систем начисления оплаты за ЖКУ (М.В. Абрамов, И.В. Макарова, А.Д. Максимов и др.), на организации контроля за их взиманием (Д.И. Хайруллина и др.). Развитие, проблемы функционирования жилищно-коммунального хозяйства в целом освещены многими российскими учеными, среди которых следует выделить Е.А. Каменеву, А.Н. Багаева, Л.Н. Чернышева, Н.Н. Минакова, С.Б. Сиваева, С.Ю. Сапрыкина и др. В то время как направлениям развития банковского бизнеса в отдельных сферах экономики и формированию общей системы расчетов за ЖКУ не уделено должного внимания.

Целью представленной статьи является выявление направлений развития банковского бизнеса на основе построения расчетно-платежной системы ЖКХ региона. Для чего решаются следующие задачи: рассматриваются отдельные аспекты построения расчетно-платежной системы ЖКХ; выделяется структура и субъекты расчетно-платежной системы ЖКХ, их основные функции; выявляются направления продвижения банковского бизнеса на основе расчетно-платежной системы ЖКХ.

Практическая значимость и недостаточная теоретическая разработанность обуславливают актуальность изучения вопроса возможности развития банковского бизнеса в условиях построения расчетно-платежной системы ЖКХ.

В рамках этой системы предполагается осуществлять аккумуляцию средств на капитальный ремонт общего имущества многоквартирного фонда, использование которых будет носить строго целевой характер. Основными участниками представленной системы будут следующие организации [1]:

- Региональный оператор - специализированная некоммерческая организация, в функции которой входит сбор средств на капитальный ремонт и его проведение, для

чего она наделена полномочиями оператора по приему платежей, то есть платежного агента на основании законодательства и договоров с управляющими, ресурсоснабжающими организациями об осуществлении деятельности по приему платежей физических лиц. Создание регионального оператора (или нескольких) входит в обязанность администрации региона.

- Платежные субагенты – организации, выполняющие отдельные функции регионального оператора в конкретном муниципалитете, создаваемые, как правило, на базе уже действующих расчетно-кассовых центров (РКЦ) и заключившие с региональным оператором договоры об осуществлении деятельности по приему платежей физических лиц. При отсутствии РКЦ, муниципалитет обязан создать специализированную организацию – платежного субагента.
- Коммерческий банк, в котором открыты счета регионального оператора и его платежных субагентов. На данных счетах аккумулируются средства на капитальный ремонт многоквартирных домов соответствующего субъекта РФ и проводятся расчеты за выполненные работы.

Формирование расчетно-платежной системы ЖКХ на региональном уровне позволит экономить средства бюджета субъекта Российской Федерации за счет выведения деятельности регионального оператора на самоокупаемость за счет выполнения им функции платежного агента. Это становится еще более актуальным с учетом законодательного запрета на использование средств аккумулируемых на капитальный ремонт общего имущества многоквартирного фонда региональным оператором и возложением обязательств за финансирование его деятельности на бюджет субъекта Российской Федерации, объем которого может достигать десятков миллионов в год.

Что касается возможностей коммерческих банков в рамках развития этого направления, следует выделить три наиболее важных.

Во-первых, это реализация или предоставление в аренду (лизинг) программно-аппаратного комплекса. На базе программного обеспечения будет функционировать информационная система, обеспечивающая на всей территории региона выставление платежных документов по услугам ЖКХ, а также сбор, обработку и хранение данных об оплате жилищно-коммунальных услуг, включая платежи на капитальный ремонт общего имущества многоквартирного фонда.

В рамках первого направления речь идет, прежде всего, о биллинговых технологиях, которые будут основой для построения расчетно-платежной системы ЖКХ региона.

Биллинговая система – автоматизированная система по приему платежей населения, в функции которой входят приём платежей населения, а также взаимодействие с поставщиками услуг в части автоматизированного обмена реестрами задолженностей и принятых платежей. [2]

Основными задачами системы коммунального биллинга являются: удовлетворение потребностей муниципальных образований и субъектов Российской Федерации в информационно-вычислительных работах по расчетам с населением за жилищно-коммунальные и другие виды услуг; проведение единой научно-технической политики в области расчетно-кассового обслуживания населения; оперативное осуществление расчетов между населением, управляющими и обслуживающими компаниями и

поставщиками жилищно-коммунальных и других видов услуг. [2] Примером рассматриваемой системы является система «Город», функционирующая в большинстве субъектах Российской Федерации.

Вторым направлением продвижения банковского бизнеса в сфере ЖКХ является расчетное обслуживание регионального оператора и его платежных субагентов, а именно, открытие счетов для аккумуляции средств на капитальный ремонт общего имущества многоквартирного фонда.

Развитие этого направления повысит фондирование банков за счет притока дешевых и стабильных ресурсов. Так, минимальный объем резервного фонда региона на финансирование капитального ремонта общего имущества многоквартирного фонда определяется субъектом РФ на основе ст. 185 Жилищного кодекса РФ. Кроме того, величина привлеченных с этого направления ресурсов будет нарастать на счетах согласно региональной программе капитального ремонта общего имущества многоквартирного фонда, а использование накопленных средств будет носить сезонный характер в результате осуществления большего объема капитального ремонта в период весна-осень.

Также одной из форм привлечения средств для банков остается депонирование ресурсов Фонда содействия реформированию ЖКХ (Фонд). На 1 января 2014 сумма средств Фонда, размещенных на депозитах кредитных организаций на аукционной основе, составили 29 879,66 млн. рублей. [3]

В-третьих, развитие кредитования в жилищно-коммунальном хозяйстве (овердрафт, кредитование на финансирование капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома). На современном этапе представленные формы кредитования не доступны для субъектов ЖКХ в полной мере и действуют в ограниченном порядке [4], а именно, в виде овердрафта в основном для крупных ресурсоснабжающих организаций.

Ранее банки не продвигали кредитование исследуемого сектора из-за его повышенных рисков и нестабильной финансовой базы. После построения расчетно-платежной системы ЖКХ региона у банков появляется возможность продвижения комплексного банковского обслуживания для отдельных субъектов ЖКХ на условиях гарантированности возвратности средств. В этой части предполагается использование механизмов гарантий для кредитных организаций и рефинансирования выданных кредитов.

Подводя итоги, следует отметить, что с учетом роста объема потоков финансовых средств в ЖКХ в результате введения новых обязательств по отношению к собственникам жилых помещений в многоквартирном доме (без их учета по итогам 2013 г. годовой оборот ЖКХ оценивался в 4,2 трлн.руб., объем платежей населения за ЖКУ свыше 1,8 трлн.руб.) для банков привлекательность ЖКХ как возможность стабильного фондирования и получения комиссионных доходов будет только расти. Использование потенциала этой сферы позволит банкам еще активнее продвигать также сопутствующие продукты в виде дистанционного банковского обслуживания.

В целом, расчетно-платежная система ЖКХ региона позволит не только аккумулировать средства на капитальный ремонт общего имущества многоквартирного фонда и своевременно осуществлять платежи за выполненные работы, но будет способствовать снижению кредиторской задолженности организаций, осуществляющих управление многоквартирным фондом, по оплате коммунальных платежей в пользу

ресурсоснабжающих организаций. Для коммерческих банков открывается новая перспектива развития бизнеса в области расчетных операций и кредитования, что особенно актуально, в условиях ужесточения конкуренции на рынке потребительского кредитования и ограничения системообразующих банков в привлечении средств за рубежом. А значит, научные исследования в представленной области будут, безусловно, также востребованными, прежде всего, в части разработки адаптированных банковских продуктов и в исследовании специфических рисков жилищно-коммунального хозяйства, влияющих на уровень кредитоспособности субъектов этой сферы.

Список литературы:

1. Патракеев А. Роль банков в решении проблем формирования региональных систем капитального ремонта // Управление многоквартирным домом. 2014. №3. С.22.
2. Макарова И., Максимов А. Биллинг жилищно-коммунальных услуг: проблемы и решения // Российское предпринимательство. 2012. №9. С.110.
3. Годовой отчет Государственной корпорации «Фонд содействия развития реформирования ЖКХ» за 2013 год - М. : Изд-во ООО «Копиринг», 2014. С. 64.
4. Пресс-релиз дискуссионного клуба «Капитальный ремонт многоквартирных домов: что нового ждать потребителю» / Институт экономики города. URL: http://www.urbanecomomics.ru/news/?mat_id=339 (дата обращения: 10.09.2014).

Zhanna V. Gornostaeva, Institute of the service sector and enterprise (branch) "DSTU", Professor, Candidate of Economics Sciences,

Yulia V. Sorokina, Institute of the service sector and enterprise (branch) "DSTU", Graduate student,

Valeriya V. Baklakova, Institute of the service sector and enterprise (branch) "DSTU", Student

Modern approaches to assessing the quality of services

Горностаева Жанна Викторовна, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВПО «ДГТУ» Профессор, Кандидат экономических наук,

Сорокина Юлия Витальевна, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВПО «ДГТУ», Аспирант,

Баклакова Валерия Витальевна, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВПО «ДГТУ», Студент

Современные подходы к оценке качества услуг

Вся жизнь индивида зависит от непрерывного удовлетворения человеческих потребностей. В научной литературе приводится много трактовок понятия «потребность». Российский экономист Т.Тултаев определяет потребность, как совокупность продуктов и услуг, необходимых потребителю для его существования и развития [1, с.14]. Так же под потребностью понимается объективная необходимость, требующая удовлетворения.

Учеными разработаны различные классификации человеческих потребностей, наиболее популярной на данный момент является иерархия потребностей А. Маслоу. Она отражает потребности человека в возрастающем порядке, от экзистенциальных до возвышенных, таких как потребность в эстетическом удовольствии и самореализации. Если для удовлетворения некоторых потребностей человек может купить товар (например, потребность в жилье удовлетворяется покупкой квартиры), то большинство других потребностей, возможно, удовлетворить только посредством оказания услуг.

При всем многообразии дефиниций услуг, наиболее полным считается определение выдвинутое Ф. Котлером. «Услуга (service) – это любая деятельность или благо, которую одна сторона может предложить другой. Услуга по сути своей является неосязаемой и не приводит к овладению собственностью (к передаче собственности)» [2, с.32]. В данном

контексте мы говорим об услуге, как о ряде действий, которые совершаются для удовлетворения потребностей потребителя.

Если классифицировать услуги по теории потребностей, то получим следующее:

1) Услуги, удовлетворяющие основные физиологические потребности человека. Как правило, их оказывают предприятия пищевого сервиса, агентства недвижимости, клининговые компании, торговые центры;

2) Услуги безопасности, к ним относятся: медицинские, правоохранительные, банковские и страховые услуги.

3) Услуги, удовлетворяющие социальные потребности, оказываемые службами социального обеспечения;

4) Услуги направленные на развитие и реализацию творческого и духовного потенциала личности.

Качество услуг, предоставляемых российскими компаниями, является основной проблемой развития сервиса. Понятие «качества» многогранно и отражено в стандарте РФ- ГОСТ Р 52113-2003 «Услуги населению. Номенклатура показателей качества»[3]. Установлены следующие качественные показатели услуг:

- 1) показатели назначения;
- 2) показатели безопасности;
- 3) показатели надежности;
- 4) показатели профессионального уровня персонала.

В стандарте так же указывается, что при оценке уровня качества услуг необходимо учитывать и экономические показатели, характеризующие стоимость услуги, затраты на ее разработку и реализацию.

Несмотря на то, что рынок услуг в России все еще находится на стадии развития, уровень конкуренции на данном рынке диктует необходимость ориентироваться на пожелания и предпочтения потребителя при оказании той или иной услуги. Если платежеспособный клиент заывает услугу, он вправе выдвигать требования к ее качеству, срокам и способу оказания. Таким образом, предприятия сервиса должны быть нацелены на удовлетворение потребителя.

Конкуренция на рынке услуг, научно-технический прогресс и другие факторы заставляют регулярно проводить мониторинг качества услуг и улучшать их посредством различных методов

В улучшении качества услуг, как правило, заинтересован ряд лиц: муниципальные и территориальные органы власти, фирмы-производители услуг, потребители услуг. Для каждой группы характерны различные цели повышения качества сервиса, в случае с органами власти, это связано с развитием сферы услуг в целом и улучшением качества жизни населения; фирмы-производители услуг преследуют цель получения наибольшей прибыли, а потребители услуг стремятся удовлетворить свои нужды и желания[4, с 325-327].

Как было сказано ранее, поставщики услуг должны ориентироваться на запросы потребителя услуги, поэтому целесообразно будет выявить ряд критериев качества сервиса, руководствуясь которыми клиент будет оценивать качество обслуживания и степени удовлетворенности его потребностей [5, с.72]. Ориентация за запросы клиента обоснована тем, что если потребность клиента будет удовлетворена, велика вероятность,

что он вновь воспользуется услугой, предоставляемой данной компанией, на что в конечном итоге и рассчитана маркетинговая политика предприятий сервиса.

Существует ряд критериев, которыми потребитель руководствуется, оценивая качество услуги, условно их можно разделить на следующие группы:

- речевая коммуникация, т.е ряд показателей о которых клиенты узнают от других потребителей услуги, а так же информация полученная через СМИ;
- личные потребности и предпочтения потребителя;
- прошлый опыт;

Для оценки качества услуг разработан ряд методов, которыми пользуются маркетинговые службы. Методы «критических случаев», SERVQUAL и SERVPERF оценивают качество услуг с точки зрения потребителей, основываясь на данных полученных в ходе исследований и опросов клиентов. Результат анализа служит источником принятия управленческих решений с целью повышения качества сервисного обслуживания [6, с.11].

Для оценки качества используется ряд показателей :

- надежность, определяется способностью провайдера выполнить услуги в обещанном объеме;
- своевременность - предоставление услуг в установленные сроки, а так же длительность их предоставления;
- материальность - восприятие помещений, внешнего вида персонала и другие физические свидетельства услуги;
- отзывчивость персонала, искренне желание помочь клиенту;
- профессиональность сотрудников включает в себя умения, опыт, мастерство и коммуникабельность;
- полнота оказания услуги;
- безопасность получения услуги, гарантия того, что действия сервисного провайдера не принесут вреда здоровью или имуществу клиента;
- информационность, подразумевает информационное обеспечение потребителя относительно важнейших особенностей услуги и ее результатов;
- экологические характеристики услуги и процесса обслуживания.

Тем не менее, результат оценки качества услуг будет более достоверен от лица заказчика. Поэтому, мы предлагаем обратить внимание на современный метод аудита сервиса «Mystery shopper» . На сегодняшний день это метод, является самым эффективным и востребованным. Для аудита сервиса своего предприятия и оценки профессиональности рабочего персонала руководитель организации обращается в консалтинговые фирмы, предоставляющие услуги «тайного покупателя». Под видом обычного клиента «тайный покупатель» посещает предприятие сервиса, во время визита, выполняя ряд действий установленных заказчиком и прописанных в инструкции, а так же обращая внимание на компетентность, профессионализм, дружелюбность работников. В ходе проверок также оценивается знание продукта и услуги, наличие навыков продаж и сохранение корпоративного имиджа компании. В заключении аудитор составляет отчет своей работы, в котором подробно описывает сильные и слабые стороны сервисного обслуживания, прикрепляя к отчету артефакты: видео- аудиозапись и фотосъемку. Далее материалы исследования передаются фирме-заказчику, для работы по ликвидации «узких мест» сервиса. Тем не менее, необходимо понимать, что данный метод не заменяет, а

является дополнительным к другим процедурам оценки деятельности персонала, таким как аттестации, экспертные оценки, тестирования и наблюдения.

В ходе написания работы нами был рассмотрен принцип оценки качества услуг, как от лица потребителя, так и от лица производителя. Тем не менее, мы склонны полагать, что целесообразно ориентироваться на предпочтение и оценку со стороны потребителя, так как он формирует представление о провайдере услуг, затем посредством речевой коммуникации передает свой опыт другим потребителям, тем самым влияя на имидж компании. Именно поэтому особое внимание было уделено методу аудита сервиса «Mystery shopper», который позволяет оценить качество услуги с точки зрения среднестатистического клиента.

Список литературы:

1. Т.Тултаев . Маркетинг услуг : Учебно-методический комплекс.-М: Изд.центр ЕАОИ, 176 с. 2008 г.
2. Котлер Ф., Армстронг Г., Сондерс Д., Вонг Вероника. Основы маркетинга: Пер. с англ. – 2-е европ. изд. – М.: Издат. дом «Вильямс», 2004.
3. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 52113-2003 от 28.07.2003 № 253 - ст (ред. от15.01.2014) «Услуги населению. Номенклатура показателей качества».
4. Мишин В.М. Управление качеством. М.: Юнити-Дана, 2013. 463 с.
5. Gornostaeva J., Alekhina E., Kushnareva I., Comparative analysis of efficiency of activity of service enterprises in Russia and the countries of Eastern Europe. Review of Applied Socio-Economic Research, 2014, Vol. 7, Issue 1, pp 72.
6. Gornostaeva Z. The improvement of the technology of the service processes for the development of barrier-free Russian market of services. Life Science Journal, 2014, 11(11s).

Sibaeva Gulnaz Rashitovna,
candidate of the economic science,
associate professor,

Eremina Irina Ilinichna,
candidate of the pedagogical science,
associate professor,

Ishmuradova Izida Ildarovna,
Master in "Business Informatics",
Kazan (Volga Region) Federal University,
Branch in Naberezhnye Chelny

Conceptual model of state regulation and support of entrepreneurship

Governmental regulation and support for entrepreneurship, as well as all economic phenomena in modern society calls for necessity in the aimed impact in the right direction necessary for society. From our point of view, governmental regulation and encouragement of entrepreneurship is a systemic impact on the business in the right direction for the company, using appropriate methods and tools [1, p. 55]. Figure 1 shows the concept of state regulation and support of entrepreneurship.

Governmental regulation and support of entrepreneurship is a continuous process of business impact. With the dotted lines in the concept are shown feedbacks that adjust exposure, provided by management subjects, including adjustment efforts, types, methods and instruments of government influence, if business develops in the wrong direction for the company and does not reach the planned targets.

Feedback operate when landmarks are achieved. This means that the company is capable of challenging new directions in business and use new types, methods and tools of governmental regulation and business support.

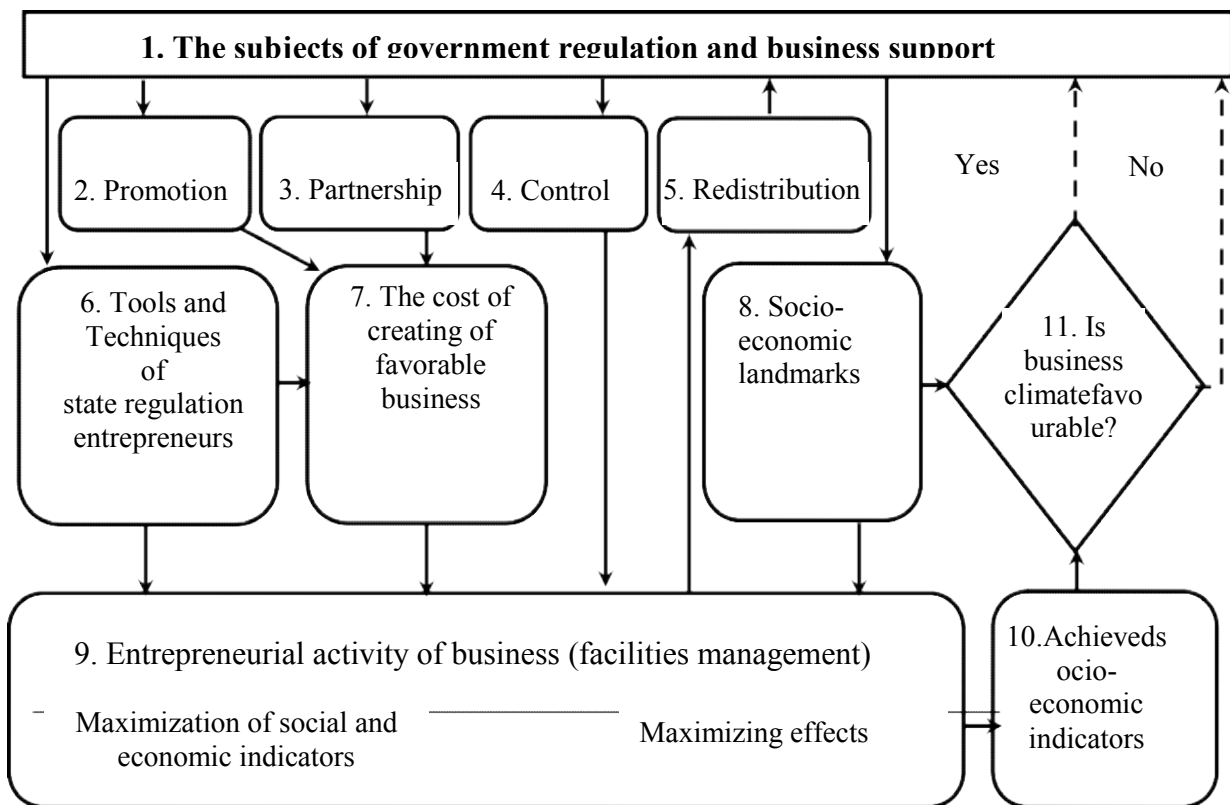

Fig. 1 The concept of state regulation and support of entrepreneurship

We analyze each of the block that we have developed a conceptual model. Block 1: At the governmental level entities which are in charge of regulation and business support are the executive authorities of the Russian Federation and of the regions (Figure 2). Entities providing regulation and support of entrepreneurship at the municipal level are local authorities.

Each of the above mentioned levels (see Fig. 2) affect business, carrying out management and business support in four main types: promotion, partnership, control, reallocation of resources (Figure 1, blocks 2,3,4,5) [2, p.6-8].

Within the framework of state regulation business support is carried out by a number of laws, decrees, regulations of federal and regional authorities. For the federal government, regions and municipalities, regulating and supporting entrepreneurship, business enterprises are objects (Figure 1, Block 9). They are focused by the subjects. Consequently, business enterprises are objects of governmental regulation and business support.

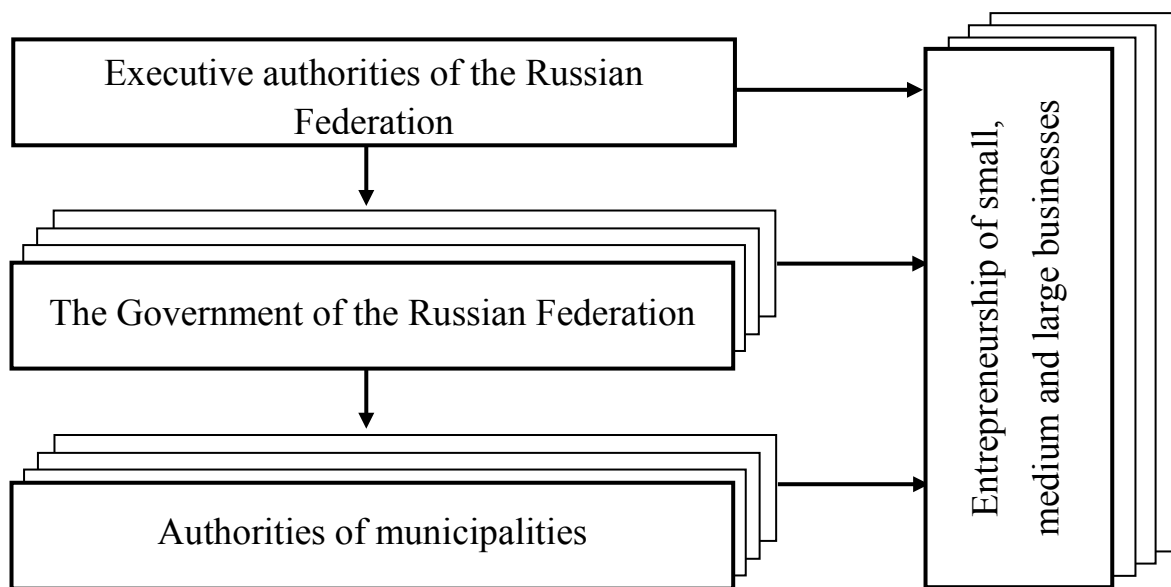

Fig. 2 Subjects of control that implementing state regulation and support of entrepreneurship

At the same time the business enterprises conduct specific policy for the development of entrepreneurship. They develop new markets, new technologies and products, carry out modernization and reconstruction of production, perform risky innovations. Thus enterprises of business act at the same time as objects and as subjects pursuing policy of development of business entrepreneurship.

Block 6 contains the concept of tools and methods of state regulation and support of entrepreneurship. Methods of governmental regulation and support of business from our point of view are identical to the methods of governmental regulation of economy, which are represented in the diagram (see Fig. 3).

Taken together legal and administrative methods, the most favorable are conditions for entrepreneurship and law regulation [3, p. 84].

Economic methods are divided into three groups. Financial practices of entrepreneurship include concessional lending, access to investment resources, subsidies, co-financing. Equally important are tax practices, judicious use of which contributes to the expansion of business. Resource methods are staffing, including training and retraining, information support, including participation in exhibitions, conferences, trade fairs and access of enterprise business to material resources [4, p.2259].

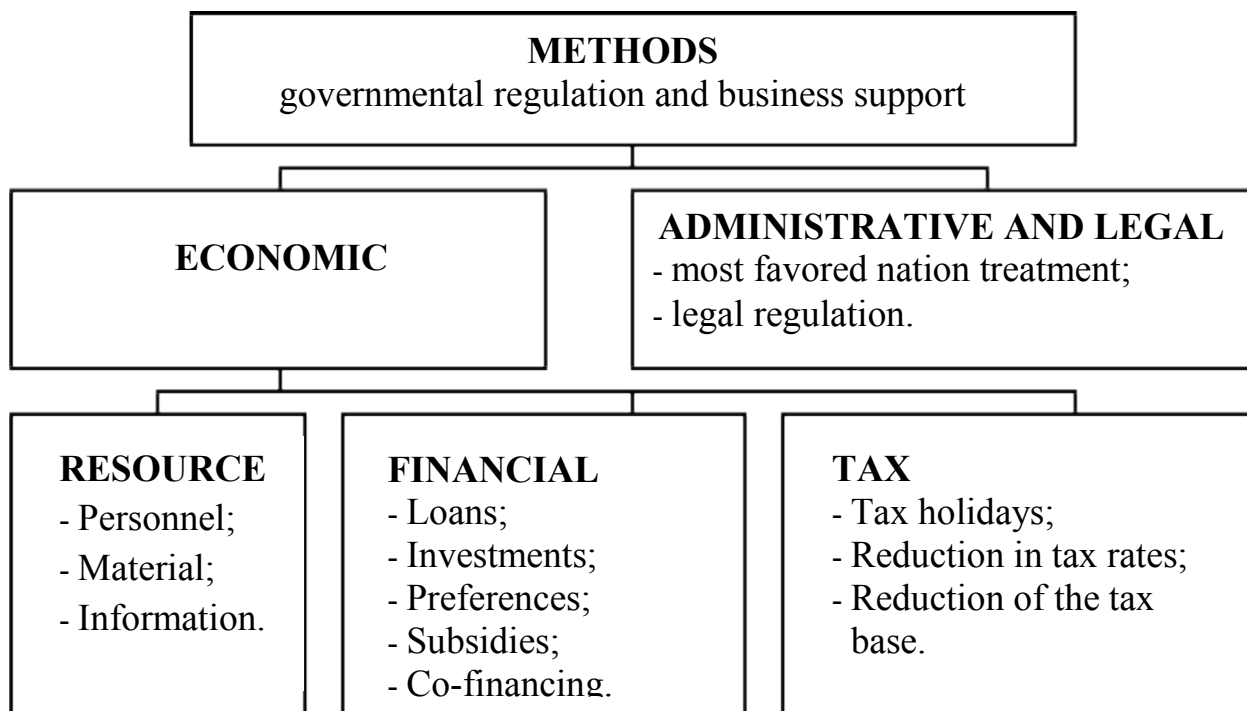

Fig. 3 Methods of state regulation and business support

Combination of organizational, economic instruments of governmental regulation and support of business affecting activation of business is shown in the diagram (see Fig. 4).

It is presented a set of tools forming a conceptual model of governmental regulation and support of entrepreneurship.

Block 7 concepts (Figure 1) reflect the costs of financial, material, intellectual and information resources devoted to the creation of favorable business climate:

$$I_B = \sum_{\beta=1}^w I_{\beta}, \quad (1)$$

where I_B - The amount of investment in the creation of a favorable business climate; I_{β} - cost funds β -th direction on the creation of a favorable business climate; $\beta = \overline{1, w}$, where w - number of areas the costs of creating a favorable business climate (science, innovation, infrastructure, etc.).

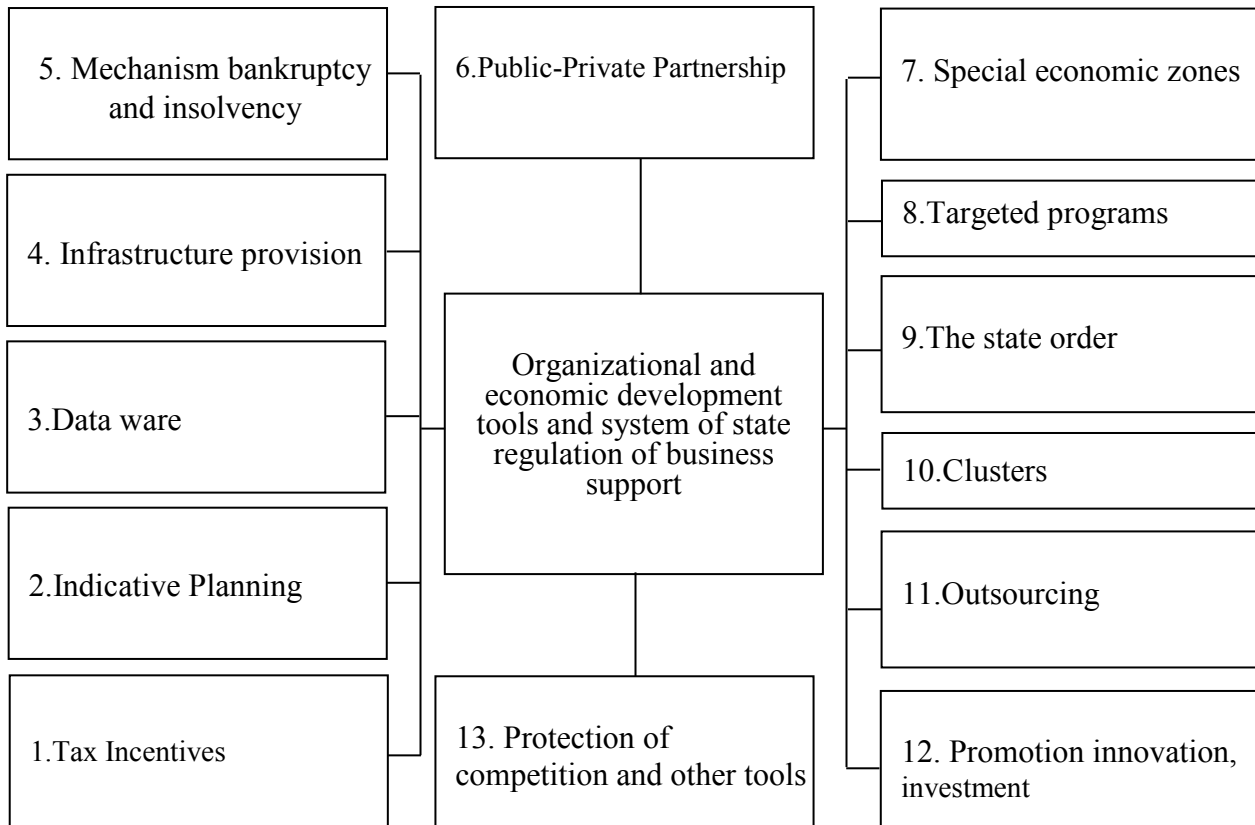

Fig. 4 Organizational and economic development tools and system of state regulation of business support

Block 9 of the concept (see Fig. 1) characterizes the entrepreneurial business activity predetermining institutional environment, control measures and support entrepreneurship. The objective function of entrepreneurial activity is defined as follows:

$$B^f = \frac{\sum_{i=1}^n \alpha_i \cdot B_i^f}{\sum_{i=1}^n \alpha_i} \rightarrow \max; \tag{2}$$

where B^f - actually made an integral indicator of socio-economic development of society, defined by the sum of separate lines of development, taking into account their weights; α_i - preference factor of i -th landmark in points on a scale from zero to ten; B_i^f - actually reached value of i -th landmark $i = \overline{1, n}$, n is the number of landmarks.

Preferences reflect the political will of the leadership of the country or region, and their priorities, values, and pre-election commitments to the electorate. In addition to the integral index, which reflects the socio-economic development of the country, the concept of governmental regulation and support of business includes the objective function in order to achieve the maximum value for each of the development targets.

$$B_i^f = \frac{\sum_{j=1}^m \varphi_{ij} B_{ij}^f}{\sum_{j=1}^m \varphi_{ij}} \rightarrow \max \quad (3)$$

where B_i^f - actually achieved level indicator for the i -th landmark; B_{ij}^f - actually achieved level of the j -th private index of i -th landmark; $j=1, m$, m - the number of terms of private performance of a benchmark; φ_{ij} - achievement of the i -th landmark.

The objective function of regulation and business support (3) is to maximize the development of the national economy for a variety of benchmarks including factors preferences. Priority targets of government regulation and business support is not the same in nature, besides they reflect the most pressing problems facing society at any given historical period of social development. Therefore, prior to each benchmark we introduce preference factor which is in the range of zero to ten. Preference coefficients are set by the expert.

Block 11 concept (Figure 1) provides for assessment of the business climate favored. The objective function of a favorable business climate is as follows:

$$G = \sum G_i \rightarrow \max, \quad (4)$$

provided that:

$$\sum_{i=1}^n G_i > \sum_{\beta=1}^w I_{\beta} \quad (5)$$

Condition (5) means that the overall economic effect (G), achieved a business from entrepreneurial activity must exceed the costs (section 7) to create favorable treatment ($\sum_{\beta=1}^w I_{\beta}$), where G - the cumulative economic effect of creating favorable business climate; G_i - economic (commercial) the effect of the i -th enterprise from business activity caused by favorable treatment, $i=1, n, n \rightarrow \max$, n - the number of enterprises (increase in the number of enterprises is caused by a favorable business climate).

Subjects of controls (1) responsible for the socio-economic condition of the society monitor internal and external environment (block 11) identify those aspects of social life that are in the worst condition or those aspects that require more intensive development.

In the presence of numerical indicators the future state of society on a particular benchmark is given a set of socio-economic indicators (Box 8) the objective function is to minimize the deviations of the actual state of the benchmark:

$$\Delta B^f = \frac{\sum_{i=1}^n \alpha_i (B_i - B_i^f)}{\sum_{i=1}^n \alpha_i} \rightarrow \min, \quad (6)$$

where ΔB^f - deviation of actual progress of the integral index of the benchmark; B_i - digital indicator perspective values of the i -th socio-economic benchmark; B_i^f - actually reached value, $i = \overline{1, n}$, n - the number of landmarks.

$$\Delta B_i^f = \frac{\sum_{j=1}^m \varphi_{ij} (B_{ij} - B_{ij}^f)}{\sum_{j=1}^m \varphi_{ij}} \rightarrow \min \quad (7)$$

where ΔB_i^f - the deviation of actual performance achieved by the planned value of the i -th landmark; B_{ij} - promising value j -th private index of i -th landmark; B_{ij}^f - actually made level for the j -th private indicator i -th landmark.

The developed model is designed to achieve social and economic targets by encouraging the entrepreneurial activity in the right direction for the company creating a favorable business climate. Model implements the objective function of maximizing the socio-economic performance and minimize deviations from the guidelines of the national economy taking into account the preferences of the coefficients determined by the priorities of the country at any given time. Through the monitoring of the company is carried out feedback, correcting themselves as targets, and efforts to entrepreneurial business activity. Thanks to the multiple repetition of this cycle, is achieved economic growth and social development.

References:

1. Сибеева Г.Р., Демченко С.Г. Предпринимательство: проблемы и условия развития. Рязань: Издательство «Концепция», 2014.– 108 с.
2. Demchenko S.G., Sibeeva G.R. The essence and significance of entrepreneurship. // Vestnik KSFEI, 2009. №3(16) – P.4-10.
3. Ишмурадова И.И. Информационная инфраструктура предприятия как инструмент реализации системы менеджмента // Российское предпринимательство, 2014. № 8 (254). - С. 83-88.
4. Еремина И.И., Садыкова А.Г. Методология оценки уровня форсированности информационно-коммуникативной компетентности будущих ИТ-профессионалов // Фундаментальные исследования, 2013. № 10-10. - С. 2258-2264.

*Hurzhij Natalija,
Kharkiv National University of
Economics, teacher*

Modelling decision-making process for determining sales channels

*Гуржій Наталія Григорівна, Харківський
національний економічний університет
ім.С.Кузнеця, викладач*

Модельовання процесу прийняття рішень щодо визначення каналів збуту продукції

В умовах ризику і невизначеності зовнішнього середовища детермінантом успішного стратегічного управління збутовою діяльністю підприємства є стабільно високий рівень його конкурентоспроможності, не тільки по відношенню до прямих конкурентів, але і до торгових посередників. Актуальність розробки моделей щодо визначення пріоритетних каналів збуту визначається тим, що відповідність характеристик торгових посередників вимогам виробників з погляду стратегії збутової діяльності та специфікації продукції, організації логістичних принципів і методів організації руху товару і супутніх інформаційних, фінансових та інших потоків об'єктивно підвищує конкурентоспроможність системи збутової діяльності підприємства.

Дослідження питань щодо визначення стратегічно важливих критеріїв, яким мають відповідати канали збуту продукції, висвітлюється в роботах Красноручького О. О. [5], Єгорова В.П.[6], Сорокиної Т.В. [7], Калужського М.Л.[8], Притиченко Т.І.[9]. Проте серед наукових праць не знайшло відображення математико-економічне моделювання процесу прийняття управлінського рішення щодо вибору дистрибуційного каналу.

З метою збереження і зміцнення конкурентних позицій виробники товарів повинні призводити структуру каналів дистрибуції, методи і технології управління, що використовуються, у відповідність з організаційними, соціальними і технічними інноваціями в економіці. Для цього необхідно визначити методіку управління каналами дистрибуції, що визначає комплекс заходів впливу на керований об'єкт - процеси в каналах дистрибуції - з метою збереження або зміни їх характеристик.

При прийнятті рішення про зміну процесу управління необхідно проаналізувати параметри стратегії збутової діяльності, що дотримується підприємство та вказати метод збуту продукції: прямий, непрямий чи змішаний.

На наступному етапі здійснюється ідентифікація проблем управління в каналі дистрибуції, тобто формульована на вищому рівні мета розвитку процесу деталізується на нижчих рівнях шляхом ідентифікації «вузьких місць» і «проблемних зон» та побудови

«дерева проблем», в якому будуть відображатись можливі причинно- наслідкові зв'язки. (рис.1)

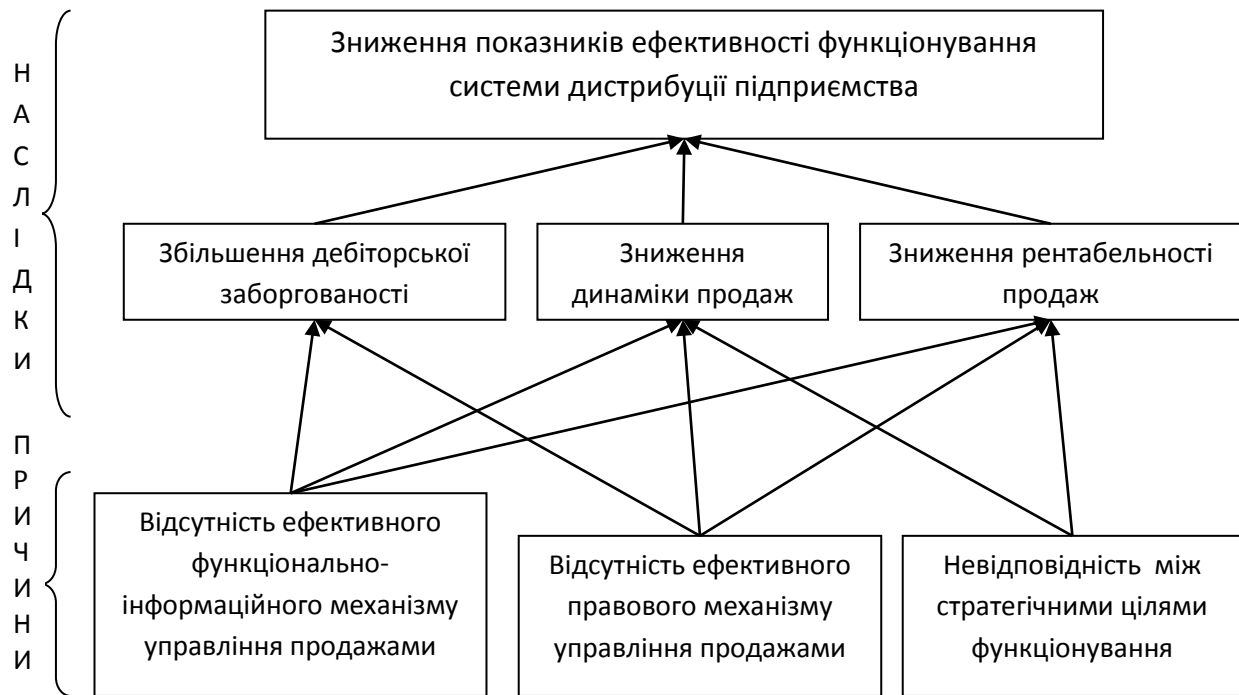

Рис. 1. «Дерево проблем» у системі управління каналами дистрибуції

Формування мети розвитку (удосконалення, реорганізації) каналу дистрибуції рекомендується виконувати за допомогою ієрархічної схеми за допомогою технології SMART [1], що забезпечується наступним етапом процесу удосконалення УКР. На даному етапі встановлюються часові, ресурсні обмеження в забезпеченні мети розвитку, а також розподіляються функціональні зобов'язання. При цьому формування мети та підсистема її забезпечення повинні відповідати ресурсно-потенціальному [2,3] та маркетинговому підходам до управління. Тобто, в якості мети удосконалення управління КД має закладатися така інтегральна ефективність функціонування цієї системи, коли виконується:

$$\begin{cases} \mathcal{E}f_{\text{инт}} = \int (\Pi - P) \rightarrow \max Z_n, \\ \mathcal{E}f_{\text{инт}} \geq \mathcal{E}f_{\text{ц}}; \end{cases}$$

де $\mathcal{E}f_{\text{инт}}$ - інтегральна ефективність функціонування нової системи управління каналами дистрибуції;

Π, P - можливості розвитку та реальний стан використання ресурсів;

$\max Z_n$ - максимальний рівень задоволення потреб споживачів;

$\mathcal{E}f_{\text{ц}}$ - цільова ефективність функціонування системи управління каналами дистрибуції.

Наступним етапом є визначення множини допустимих альтернатив співробітництва з посередниками та їх оцінка, що пропонується здійснити за допомогою методу аналізу ієрархій.

Метод аналізу ієрархій містить процедуру синтезу пріоритетів, обчислюваних на основі суб'єктивних суджень. Порядок застосування полягає у побудові якісної моделі проблеми у вигляді ієрархії, що включає мету, альтернативні варіанти досягнення цілі та критерії для оцінки якості альтернатив. Надалі визначаються пріоритети всіх елементів ієрархії з використанням методу парних порівнянь, на наступному етапі робиться синтез глобальних пріоритетів альтернатив шляхом лінійної згортки пріоритетні елементів на ієрархії, перевіряються судження на узгодженість та на основі отриманих результатів приймається рішення [4].

Ієрархічна структура - це графічне представлення проблеми у вигляді перевернутого дерева, де кожен елемент, за винятком самого верхнього, залежить до одного або більше вище розташованих елементів. Ієрархічні структури використовуються для кращого розуміння складної реальності: ми розкладаємо досліджувану проблему на складові частини, потім розбиваємо на складові частини отримані елементи.

Отже, для оцінки можливих альтернатив посередників на першому етапі необхідно визначити показники ефективності якості співпраці у каналах дистрибуції та побудувати ієрархічну модель. Так, в [5] вказується, що системно-значимими властивостями є спеціалізація суб'єктів сфери обігу продукції та сфери інфраструктурного обслуговування виробничо-комерційної діяльності та можливість їх залучення до певних систем розподілу продукції у відповідних економічних умовах, а системо-визначеними властивостями є ступінь реалізації економічних інтересів вказаних суб'єктів, а отже перспективи подальшого їх співробітництва з певним підприємством згідно показників тактичної ефективності функціонування каналу збуту.

Для проведення аналізу, в результаті дослідження наукових праць [5,6,7,8,9,10], пропонуються наступні показники співробітництва підприємств та посередників в каналах дистрибуції (рис. 2).

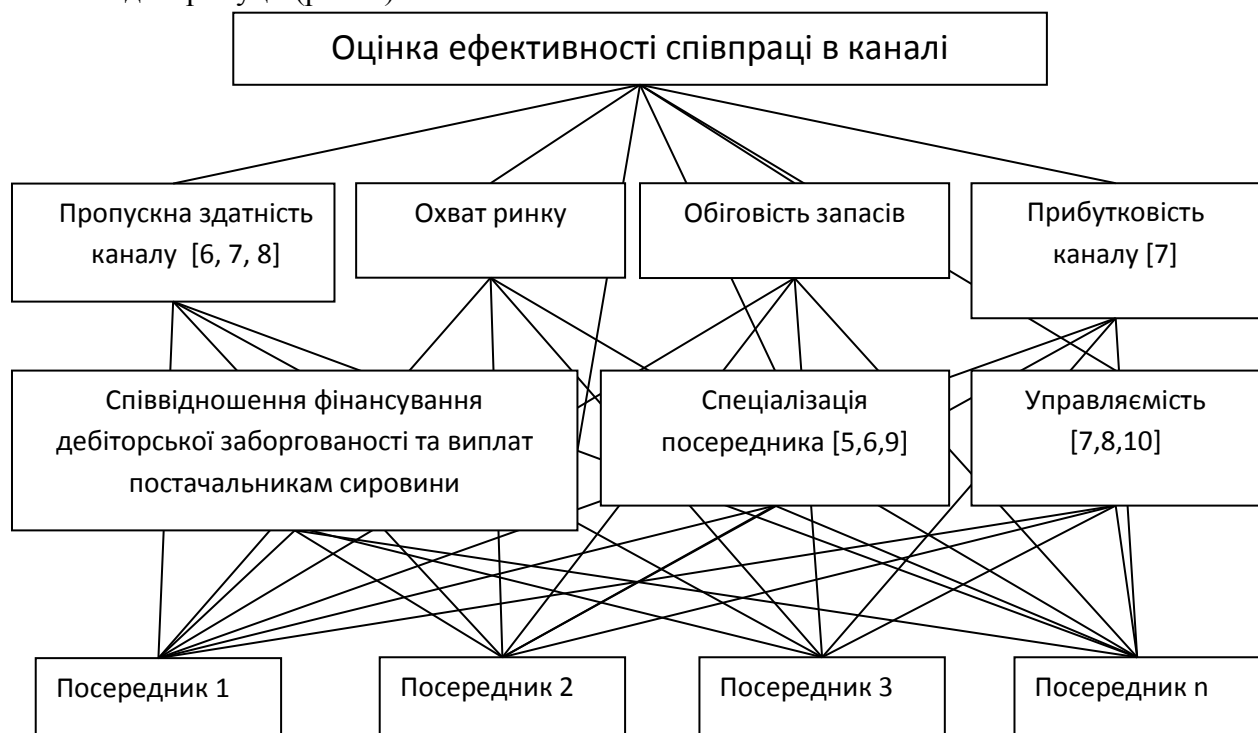

Рис.2. Ієрархічна структура показників ефективності співпраці з посередниками

Таким чином, якщо H – узагальнений критерій (мета) даного аналізу, а h^- - критерії, що конкретизують H , то у випадку $x \in h^-$, значення $W_h(x)$ буде трактуватися як ступінь відносної важливості, при цьому на функцію накладається нормативна умова:

$$\sum_{x \in h^-} W_h(x) = 1.$$

Наступний етап – визначення пріоритетності показників через попарне порівняння елементів ієрархії - здійснюється за допомогою системи шкалювання, яка включає в себе розроблені Т. Сааті кількісні коефіцієнти, звані ступенями важливості, від 1 до 9 [4]. При оцінюванні показників пропонується дотримуватись такого принципу: стратегічні показники – охват ринку (П1), управляємість (П2), пропускна здатність каналу (П3) та спеціалізація посередника (П6) – є більш значимими у порівнянні з показниками обіговості запасів (П4), прибутковості (П5) та співвідношенні термінів дебіторської та кредиторської заборгованостей (П7). Таким чином, будується матриця парних порівнянь A (табл.1), яка являється обернено-симетричною, тобто $a_{ji} = 1/a_{ij}$

Таблиця 1

Визначення пріоритетності параметрів каналів дистрибуції

	П1	П2	П3	П4	П5	П6	П7
П1	1	1	2	3	5	1	7
П2	1	1	2	5	4	2	7
П3	1/2	1/2	1	4	2	1/3	5
П4	1/3	1/5	1/4	1	7	1/7	5
П5	1/5	1/4	1/2	1/7	1	1/5	5
П6	1	1/2	3	7	5	1	2
П7	1/7	1/7	1/5	1/5	1/5	1/2	1

Потім за допомогою методу власного вектору, як найбільш математично обґрунтованого, розраховуємо нормалізований вектор переваг, який вкаже на пріоритетність критеріїв (табл.2).

Таблиця 2

Визначення пріоритетності критеріїв методом власного вектору

Критерії	Вектор переваг	Нормалізований вектор переваг
П1	2,1466	0,2344
П2	2,4694	0,2697
П3	1,1877	0,1297
П4	0,7011	0,0766
П5	0,4471	0,0488
П6	1,9442	0,2123
П7	0,2606	0,0285
Σ	9,1568	1

Далі необхідно перевірити матрицю на транзитивність, тобто на узгодженість суджень. Про ступінь узгодженості говорить індекс узгодженості (CI). Цей індекс дає інформацію про порушення чисельної і порядкової узгодженості. Для поліпшення узгодженості необхідно повернутися до матриці парних порівнянь і переглянути її.

Індекс узгодженості визначається наступною формулою:

$$CI = (\lambda_{\max} - n) / (n - 1); \lambda_{\max} > n,$$

де $\lambda_{\max} = (a_{11}+a_{21}+..+a_{n1})x_1 + (a_{12}+a_{22}+..+a_{n2})x_2 + ..+(a_{1n}+a_{2n}+..+a_{nn})x_n$.

Для визначення λ_{\max} необхідно перемножити матрицю попарних порівнянь на

нормований вектор:

$$\begin{pmatrix} 1 & 1 & 2 & 3 & 5 & 1 & 7 \\ 1 & 1 & 2 & 5 & 4 & 2 & 7 \\ 1/2 & 1/2 & 1 & 4 & 2 & 1/3 & 5 \\ 1/3 & 1/5 & 1/4 & 1 & 7 & 1/7 & 5 \\ 1/5 & 1/4 & 1/2 & 1/7 & 1 & 1/5 & 5 \\ 1 & 1/2 & 3 & 7 & 5 & 1 & 2 \\ 1/7 & 1/7 & 1/5 & 1/5 & 1/5 & 1/2 & 1 \end{pmatrix} \times \begin{pmatrix} 0,2344 \\ 0,2697 \\ 0,1297 \\ 0,0766 \\ 0,0488 \\ 0,2123 \\ 0,0285 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1,6489 \\ 1,9656 \\ 0,9988 \\ 0,7555 \\ 0,4237 \\ 1,8078 \\ 0,2577 \end{pmatrix}$$

Далі знайдемо відповідні відношення (y_i / x_i), що дають наближення до λ_{\max} , а також визначимо усереднене λ_{\max} як середньоарифметичну суму відношень y_i / x_i :

$$(1,6489/0,2344+1,9656/0,2697+0,9988/0,1297+0,7555/0,0766+0,4237/0,0488+1,8078/0,2123+0,2577/0,0285)/7= 58,134/7 = 8,3.$$

Визначаємо індекс узгодженості:

$$CI = (8,3 - 7) / (7 - 1) = 0,217.$$

Для оцінки прийнятності ступеня узгодженості обчислюємо відношення узгодженості (CR) за формулою [11]:

$$CR = \frac{CI}{CIS};$$

де CIS – середнє значення індексу узгодженості як випадкової величини, що одержали експериментально в результаті обробки згенерованої кількості матриць великої розмірності (при $n=7$ становить 1,32).

$$CR = 0,217/1,32 = 0,164.$$

Верхнє нормативне значення для матриці $n \geq 5$ становить 0,2; отже, матрицю попарних порівнянь можна вважати прийнятною.

Наступним етапом вирішення завдання вибору посередника за допомогою методу аналізу ієрархій є безпосередньо розрахунок значень їх рангів, що розпочинається з формування масиву значень показників для кожної альтернативи та перевірка альтернатив на принцип Парето-оптимальності. Потім необхідно здійснити порівняння альтернатив за кожним із визначених показників, зіставляючи знову матриці попарних порівнянь. Результатом стане визначення нормалізованого вектору для всіх альтернатив по всіх показниках. Завершальним етапом є розрахунок рангу альтернативи, що здійснюється за формулою [11]:

$$V_A = w_1 * V_{A1} + w_2 * V_{A2} + \dots + w_7 * V_{A7},$$

де V_A – ранг альтернативи (посередника);

w_i – вага i -того критерію;

V_{Ai} – значення важливості альтернативи за i -тим критерієм.

Таким чином, на основі методу аналізу ієрархій була запропонована математична модель щодо визначення важливості критеріїв, за якими можливо оцінити та вибрати найбільш пріоритетних посередників в каналах збуту продукції, враховуючи стратегічну направленість при їх формуванні й управлінні.

Список літератури:

1. Друкер П. Энциклопедия менеджмента [Текст] : [Пер. с англ.] / Питер Ф. Друкер. - М. : Вильямс, 2004. - 421 с.
2. Поршнева А.Г., Разу М.Л., Тихомирова А.В. Менеджмент. Теория и практика в России. // 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ФБК-Пресс, 2003.- 528 с.
3. Русинова Ф.М. Менеджмент. – М.: Б.И., 1999. – 198 с.
4. Саати Т. Л. Принятие решений при зависимостях и обратных связях: Аналитические сети. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 360 с.
5. Красноруцький О. О. Системи управління збутовою діяльністю аграрних підприємств: стратегія, механізми, інструментарій: монографія / О. О. Красноруцький. - Херсон : Грінь, 2012. - 347 с.
6. Єгоров В.П. Організаційно-економічний механізм управління системою дистрибуції підприємства: автореф. дис... канд. екон. наук: 08.00.04 / В.П. Єгоров ; Донец. нац. ун-т. — Донецьк, 2008. — 20 с.
7. Сорокина Т.В. Оценка эффективности каналов сбыта. [Электронный ресурс]:- Точка доступа:
http://www.old.kpd.ua/articles/vse_o_distributsii/otsenka_effektivnosti_kanalov_sbyita/
8. Калужский М.Л. Практический маркетинг. Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2012. – 176 с.
<http://books.google.com.ua/books?id=Z3RfgR31kgC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
9. Притыченко Т.И. Международный маркетинг [Текст]: учеб. пособ. / Т.И. Притыченко; Харьк. нац. экон. ун-т. - Х. : ХНЭУ, 2005. - 207 с.
10. Гуторов О. І. Логістика : навч. посібник / О. І. Гуторов, О. І. Лебединська, Н. В. Прозорова / Харк. нац. аграр. ун-т. – Х.: Міськдрук, 2011. – 322 с.
11. Андрейчиков А.В., Андрейчикова О.Н. - Анализ, синтез, планирование решений в экономике. - М.: Финансы и статистика, 2000. - 368 с.

*Istomin Evgeniy P., Sokolov Alexandr G.,
Russian State Hydrometeorological University,
St. Petersburg, Russian Federation*

Geo-information risk management development of spatially-distributed organizational-technical systems

Abstract. In the article based on the research of modern factor conditions considered geoinformation approach to managing geographically dispersed organizational-technical systems. The basic subspace in the space of solutions and the characteristic of the models and methods of geographic information systems to support management decisions.

Key words. Geo-information management, spatial distributed systems, risk management, decision space.

*Истомин Е.П., Соколов А.Г., Российский
государственный гидрометеорологический университет,
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Геоинформационное управление рисками развития пространственно-распределенных организационно-технических систем

Аннотация. В статье на основе исследования современных факторных условий рассмотрен геоинформационный подход к управлению пространственно-распределенными организационно-техническими системами. Выделены основные подпространства в пространстве решений и дана характеристика моделей и методов геоинформационной системы поддержки управленческих решений.

Ключевые слова. Геоинформационное управление, пространственно распределенные системы, управление рисками, пространство решений.

Современные факторные условия позволяют рассматривать систему управления как сложную, распределенную в геопространстве систему взаимодействия различных субъектов и объектов управления – что и объясняет возникновение феномена геоинформационного управления.

Определим геоинформационное управление, как управление с привлечением пространственной информации [1]. Пространство при этом следует рассматривать в широком смысле – как логически мыслимую форму, которая служит средой существования других форм и тех или иных конструкций, объектов. Объекты как конструкции пространства представляют собой точки, характеризующиеся совокупностью свойств в соответствии с определенными для пространства отношениями.

В этом смысле геоинформационное управление организационно-техническими системами (ОТС) представляет собой управление, основанное на привлечении информации об объектах, существующих в геопространстве.

Реализация геоинформационного управления в современных условиях приводит к необходимости рассматривать и реализовать систему управления деятельностью человека как многомерное пространственное явление, включающее определенным образом распределенные объективные и субъективные факторы в геопространстве, влияющие на принятие управленческих решений. Пространство решений формируется путем взаимодействия определенных подпространств:

- координатного (географического) подпространства – распределение объектов, конструкций в принятой системе координат;

- факторного подпространства – размещение в географическом пространстве объективных и субъективных факторов, влияющих на принятие и реализацию управленческих решений;

- подпространства событий – значимые происшествия, явления или иная деятельность в соответствующей точке геопространства, оказывающие влияние на управление;

- подпространства состояний объектов управления (фазовое или атрибутивное) – относится к конкретному объекту управления и характеризует динамику существования объекта во времени и пространстве;

Процессы глобализации и ускорение научно-технического прогресса привели к пространственному укрупнению организационно-технических систем, агрегированию отдельных элементов, формированию и укреплению устойчивых глобальных взаимосвязей, возникновению новых глобальных центров принятия решений. Применительно к проблеме геоинформационного управления можно выделить несколько уровней принятия решений (субъектов геоинформационного управления) – межгосударственный, страновой (государственный), региональный, муниципальный, организационный (фирма, предприятие, учреждение), личный.

В современных условиях ясно, что реализовать эффективное управление развитием систем любого уровня невозможно без учета всех элементов деятельности в ретроспективном (историческом), перспективном (стратегическом), а также в пространственном аспектах. Определяющими условиями управления развитием становятся человеческий фактор, экологические аспекты деятельности, социокультурные процессы и ограничения. Оценка качества управленческих решений предполагает исследование уровня риска и, соответственно, разработку методов управления рисками развития систем (объектов управления).

Для оценки пространственных географических аспектов риска в геоинформационном управлении должно быть реализовано совмещение пространственного распределения угроз (районы возможного возникновения опасных явлений) различной силы и частоты (или повторяемости) и проживания населения в геопространстве. Вместе с тем, оценка значимости факторов риска всегда связана с принятием управленческих решений и показателем оценки может быть принят уровень потерь (ущерба), что предполагает возможность классификации источников и факторов пространственного риска по признаку пространственного распределения ресурсов функционирования ОТС. Такой подход позволяет оценивать уровень риска в терминах ущерба и, соответственно объемов ресурсов, необходимых (реально или в прогнозе) для

устранения последствий реализации соответствующей опасности, что актуализирует теоретические модели для практического использования при управлении пространственно распределенными системами.

Феномен геоинформационного управления развитием пространственной организационно-технической системы представляет собой весьма сложную задачу, решение которой невозможно без совершенствования методического аппарата. Современные концепции устойчивого развития предполагают переход от концепции «реагировать на угрозы и исправлять» к концепции «предвидеть и предупреждать». Реализация такого подхода к управлению требует выявления опасностей (угроз) развитию ОТС, оценку риска управленческих решений и формирование системы геоинформационного управления рисками развития систем различного масштаба и сложности.

Прогнозирование поведения объектов в рискованных ситуациях основывается на различных моделях, позволяющих осмыслить поведение ОТС в динамике и оценить различные стратегии управления рисками. Сложность формализации территориальных ОТС и разнообразие видов риска не позволяет ограничиваться одной типовой моделью управления рисками. Применительно к естественным и искусственным опасностям и возможностью их использования в геоинформационном управлении наиболее часто используемые модели управления рисками включают: процессные, логико-вероятностные, сценарные и объектовые модели.

Процессные модели были одними из первых в процессе исследования систем управления. В них ОТС рассматривается как процесс, что позволяет на основе анализа поведения системы в прошлом (ретроспективный анализ) осуществить прогноз перспектив развития системы и оценить вероятность возможных рисков управленческих решений. Основное ограничение применения моделей – условие стационарности процесса и ограниченность математических моделей реальных пространственно распределенных процессов одномерными вариантами. Примером процессной модели является предложенная в [2] методика прогнозирования наводнений в Санкт-Петербурге для оценки возможного ущерба. Методика предполагает, что оценки среднего максимального значения подъема воды и среднего значения продолжительности наводнения известны. Для оценки этих параметров могут быть использованы как физические, так и стохастические модели. Расширение применимости данной методики предполагает рассмотрение стохастических математических многомерных моделей для оценки рисков управленческих решений. Многомерные модели могут рассматриваться, как многопараметрические, так и однопараметрические, где в качестве параметров используются различные виды воздействий, оказывающие существенное влияние на состояние исследуемой системы. Применение однопараметрической двухмерной модели предложено в работе [3], где рассматривается возможность представления негативного влияния погодных условия на развитие региона в виде двух случайных процессов, один из которых происходит часто (неблагоприятные метеорологические явления), а другой – редко (стихийные гидрометеорологические явления).

Логико-вероятностные модели основываются на информации, которая включает характеристики пространства событий и фазового пространства (движение) объекта управления. Исследование последовательности событий, приводящих к реализации опасностей, составляет сущность управления рисками как логико-вероятностного

моделирования управленческих решений. Такой подход к принятию решений реализуется как ретроспективный и прогностический анализ развития ОТС.

Ретроспективный анализ событий фактически представляет собой анализ имеемого опыта субъекта управления и доступной информации о результатах деятельности других ОТС. Такой анализ предполагает использование множества достаточно хорошо апробированных методов: системного анализа, исторических исследований, структурного анализа систем, ситуационного анализа, статистического анализа и др.

Прогностический анализ событий, основываясь на результатах ретроспективного анализа, представляет собой наиболее значимый для управления рисками аспект решения. Построение прогностической модели событий и оценка ее реализуемости может основываться на современных методах экспертных оценок, экстраполяции, моделирования систем, обоснования нормативов и др.

Сценарные модели представляют собой тщательно продуманный и основанный на результатах ретроспективного анализа ответ на вопрос о будущем событии применительно к исследуемой системе и динамике ее развития: «Что случится предположительно?» или: «Что произойдет, если...?» Таким образом, сценарий отличается от прогноза и видения, которые имеют тенденцию скрывать риски. Сценарий же, напротив, дает возможность управлять рисками. Поэтому сценарное планирование как элемент управления рисками подразумевает не только разработку сценариев, но нечто большее, теснее связанное со стратегическим планированием – выявление опасностей, их ранжирование применительно к целям развития ОТС, прогнозирование динамики развития ОТС в соответствии с принятыми решениями по снижению рисков. Сценарий как элемент принятия решения – это наглядное описание наиболее правдоподобных вариантов будущего. Примером современной сценарной модели управления пространственными системами является дорожная карта [4], представляющая собой всесторонне обоснованный поэтапный и многовариантный сценарий развития той или иной ситуации, определённого объекта, процесса, продукта, технологии, бизнеса, компании, отрасли и т.д. Обычно «дорожная карта» чисто технически может быть выполнена в виде графической схемы, сетевого графика, алгоритма, блок-схемы и т.д., отображающих важнейшие пути и ожидаемые результаты следования по этим путям в так называемых «узловых точках». «Узловая точка (узел)» карты – это определенный важный этап развития объекта (процесса) и одновременно пункт принятия управленческих решений, а отрезки между «узлами» – это причинно-следственные связи между ними. Также на этой схеме могут отображаться применительно к конкретным «узловым точкам» возможные риски, рекомендации по разрешению возникающих проблем, необходимые мероприятия и финансово-экономические инструменты.

Объектовые модели реализуются в фазовом пространстве и относятся к конкретному объекту моделирования, что предполагает исследование траекторий (направлений, путей) развития (движения) объекта. Использование фазовых пространств для управления рисками развития объектов может позволить:

- исследовать связи субъектов и объектов управления для различных уровней (срезов) геоинформационного управления;
- сформировать многомерные динамические модели на различных уровнях геоинформационного управления;
- создавать динамические (адаптивные) модели управления базами данных и знаний.

Основные методы разработки и исследования моделей систем в фазовом пространстве предполагают исследование динамики изменения атрибутов системы (объекта управления) во времени и пространстве – формирование динамической атрибутивной логики геоинформационного управления ОТС. В таком представлении можно говорить об отображении множества объектов на множество векторов, а отношения между объектами пространства сводятся к отношениям на множестве векторов.

Объекты могут характеризоваться не только числами, но и другими свойствами, которые не являются числами (форма, цвет, материал и др.). Совокупность таких объектов также можно рассматривать как векторное пространство. При этом свойства кодируются с помощью чисел или каких-либо символов, которые можно истолковать как составляющие векторов (объектов) пространства. Подобные коды используют для передачи сообщений, обработки информации и т.п. [5] В простейших случаях кодирование свойств исследуемого объекта может быть сведено к простой нумерации – объект рассматривается как номер (адрес) в базе данных, в которой хранится информация о присущих ему свойствах.

Можно говорить об объектах как точках пространства, не связывая эти объекты с обычным представлением о векторах, как последовательностях чисел, кодов или символов. При таком подходе пространство можно рассматривать как множество объектов (слова, понятия, люди, животные, механизмы, организации и т.п.). Операции на множестве таких объектов выполняются по специально устанавливаемым правилам, а отношения между ними выражаются в форме некоторого описания (словесного, символического и др.).

С точки зрения управления рисками нас интересуют предельные состояния объектов – состояние объекта, при котором его дальнейшее применение по назначению (реализация функций в ОТС) должно быть прекращено из-за неустранимых проблем с обеспечением безопасности или невозможности предотвратить выход параметров за допустимые пределы использования объекта. Предельное состояние устанавливается для конкретного объекта в соответствующих условиях его использования и наступает (прогнозируется) в определенный момент времени.

И вероятность, и величина ущерба как объективно-статистические характеристики ситуации влияют на поведение человека не сами по себе, а опосредованно: через рефлексию — осознание ситуации, «примеривание» ее к себе, своим возможностям. В этом случае риск выступает как вероятностная прогностическая характеристика действий личности, регулируемых рефлексивным механизмом. Это означает, что риск как психологическое понятие отражает лишь сознательную человеческую деятельность и является характеристикой сознательно действующего субъекта.

Исследование восприятия риска расширяет взгляды ученых на понимание отношения к риску, на общие и уникальные механизмы реакции, адаптации и действий, которые люди используют, когда имеют дело с неопределенными результатами. Несмотря на противоречивость, механизмы восприятия играют важную роль как противовес техническому анализу риска. В ходе эволюции люди приобрели сложное, многомерное (хотя довольно неопределенное) понимание риска, подразумевающее осторожный подход к его новым видам и лишь небольшое беспокойство в отношении тех из них, к которым человек уже привык.

Управление рисками развития территориальных организационно-технических систем следует рассматривать как функцию системы управления, представляющую процесс целенаправленного воздействия субъекта на объект управления для предупреждения или снижения уровней опасности, сокращения ущерба элементам организационно-технической системы и окружающей среде.

Решение проблемы управления рисками развития территориальной ОТС предполагает необходимость привлечения пространственной информации, т.е. для пространственно распределенных объектов управления управление рисками, в силу специфики самого объекта и пространственного распределения опасностей, приобретает смысл геоинформационного управления рисками – управления георисками. Это значит, что разработка управленческих решений и основные функции геоинформационного управления основаны на привлекаемой пространственной информации о распределении факторов риска и учете их воздействия на объекты управления с учетом пространственного положения последних. Информационное обеспечение управления при такой постановке задачи требует использования различных методов и моделей анализа решений – процессных, логико-вероятностных, сценарных, объектовых, которые и должны составить содержание геоинформационной системы поддержки управленческих решений.

Литература

1. Истомина Е.П., Кирсанов С.А., Соколов А.Г., Колбина О.Н. Феномен геоинформационного управления и принципы его реализации// Вестник СПбГУ. Сер. 7. 2014. Вып. 4. С. 180-188.
2. Истомина Е.П., Зоринова Е.М., Соколов А.Г., Слесарева Л.С. Геоинформационные аспекты управления рисками устойчивого развития приморской рекреационной территории// Известия ЮФУ. технические науки. 2013. №9, сентябрь. С. 233-240.
3. Истомина Е.П., Фокичева А.А. О некоторых вопросах управления территорией с учетом нестабильной климатической системы. Информационные технологии и системы: управление, экономика, транспорт, право: Сб. тр. Международной научно-практической конференции «Инфогео 2014». /Вып. 3 (14) /Под ред. д.т.н., проф. Истомина Е.П. – СПб: ООО «Андреевский издательский дом» - 2014 г., С. 61-65.
4. Байков Е.А. Стратегическое управление предприятиями с использованием инновационных технологий дорожного картирования. Монография. СПб.: СПбГУКиТ, 2014.
5. Разработка основ геоинформационного управления рисками устойчивого развития экономических объектов и территорий. Отчет о НИР. РГГМУ, СПб. Рег. № 5.8245.2013.

Zlatkina Olena, V.N.Karazin Kharkiv National University, postgraduate student, the school of international economic relations and tourist business

The disparity in scientific and technical potential of the regions of the PRC and the ways of its overcoming

Златкіна О.Д., Харківський національний університет імені В.Н.Каразіна, аспірант, факультет міжнародних економічних відносин та туристичного бізнесу

Диспропорція в науково-технічному потенціалі регіонів КНР та шляхи її подолання

Постановка проблеми. Національна економіка будь-якої країни базується на науково-технічному потенціалі та матеріально-технічній базі науки. В КНР він створюється зусиллями як національних, так і регіональних організацій. Аналіз та оцінка науково-технічного потенціалу дозволяють точніше визначити рівень економічного розвитку країни, ступінь її науково-технічної самостійності, можливості економічного та науково-технічного співробітництва. Зростаюча роль КНР у міжнародних економічних відносинах призводить до важливості розуміння того, як розвиватиметься Китай далі впродовж наступних років. В той же час, поглиблення різниці, не тільки в економічному, але й в науково-технічному розвитку, між окремими регіонами країни може стати одним із факторів подальшого уповільнення темпів економічного зростання країни в цілому.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Теоретичну основу дослідження склали сучасні роботи провідних вітчизняних та закордонних вчених (у тому числі й китайських дослідників), які займаються проблематикою науково-технічного розвитку країни, дослідження та дані статистичних бюро КНР тощо.

Завдання статті. Для української наукової думки є характерним аналіз науково-технічного потенціалу КНР в цілому. Проте такий підхід є дуже узагальненим, оскільки не висвітлює особливості внутрішнього розвитку країни. Тому на нашу думку, важливо розглянути науково-технічний потенціал окремих регіонів КНР.

Мета статті полягає в аналізі існуючих класифікацій поділу КНР за регіонами та вибір тієї, що відповідатиме більшості сучасних тенденцій, аналіз науково-технічного потенціалу регіонів КНР та шляхи усунення диспропорцій.

Виклад основного матеріалу.

Науково-технічний потенціал країни має багато визначень. Так, професор Мочерний С.В. вважає, що науково-технічний потенціал (НТП) – це комплексна характеристика рівня розвитку системи продуктивних сил, ресурсів, які має у своєму

розпорядженні суспільство для вирішення соціально-економічних проблем [3, с.216]. Професор Завадський Й.С. розглядає науково-технічний потенціал як сукупність передових досягнень науки, техніки та технології, їх запровадження у виробництво [2, с.197]. Тобто, НТП – це узагальнена характеристика рівню розвитку науки, інженерної справи, техніки. НТП визначається передусім економічним потенціалом країни, зокрема здатністю країни виділяти на розвиток НДДКР необхідну частку фінансових ресурсів.

Для сучасного стану НТП КНР є характерною зростаюча кількість технологічних фірм, що виходять на міжнародний рівень, проте технологічні можливості промислового сектору країни залишаються на помірному рівню. Економічне зростання продовжує істотно залежати від вдосконаленого, але трудомісткого виробництва. Найбільший економічний потенціал сконцентрований в експортно-орієнтованих берегових провінціях. Згідно із цим, зазвичай Китай поділяють на три економічні зони: Східну, Центральну та Західну. Але із рис. 1 можна побачити, що такий розподіл є не зовсім вірним, оскільки до складу кожної зон входять провінції з різним рівнем фінансування НДДКР, тому у статті ми розглянули більш дрібні економічні регіони (див. Рис. 1).

Макроекономічні регіони КНР та фінансування НДДКР у них

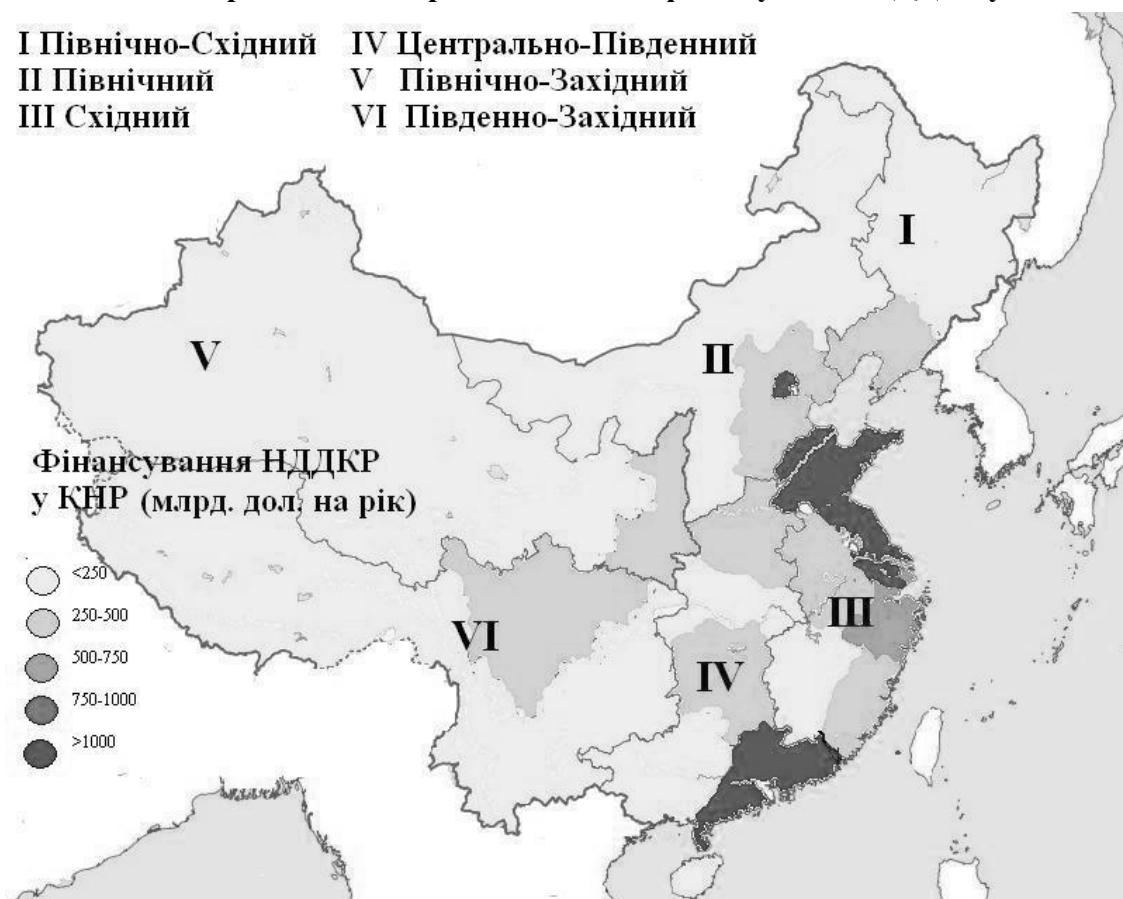

Рис. 1. Побудований автором за матеріалами [5; 6]

На основі об'єднання провінцій в регіони нами був проведений аналіз фінансування НДДКР за регіонами (див. Рис. 2) та виявлено, що Східний регіон та Центрально-Південний є двигунами науково-технічного розвитку всієї країни, тому його

об'єднання Східного регіону у єдиний макрорегіон із Північно-Східним регіоном є не зовсім вірним через велику різницю в фінансуванні; Північний регіон стає помітним «гравцем другої ліги» через стабільне збільшення фінансування НДДКР; Північно-Східний, Південно-західний та Північно-західний регіони залишаються найменш розвинутими та профінансованими з погляду НДДКР (див. Рис. 2)

Динаміка фінансування НДДКР за регіонами

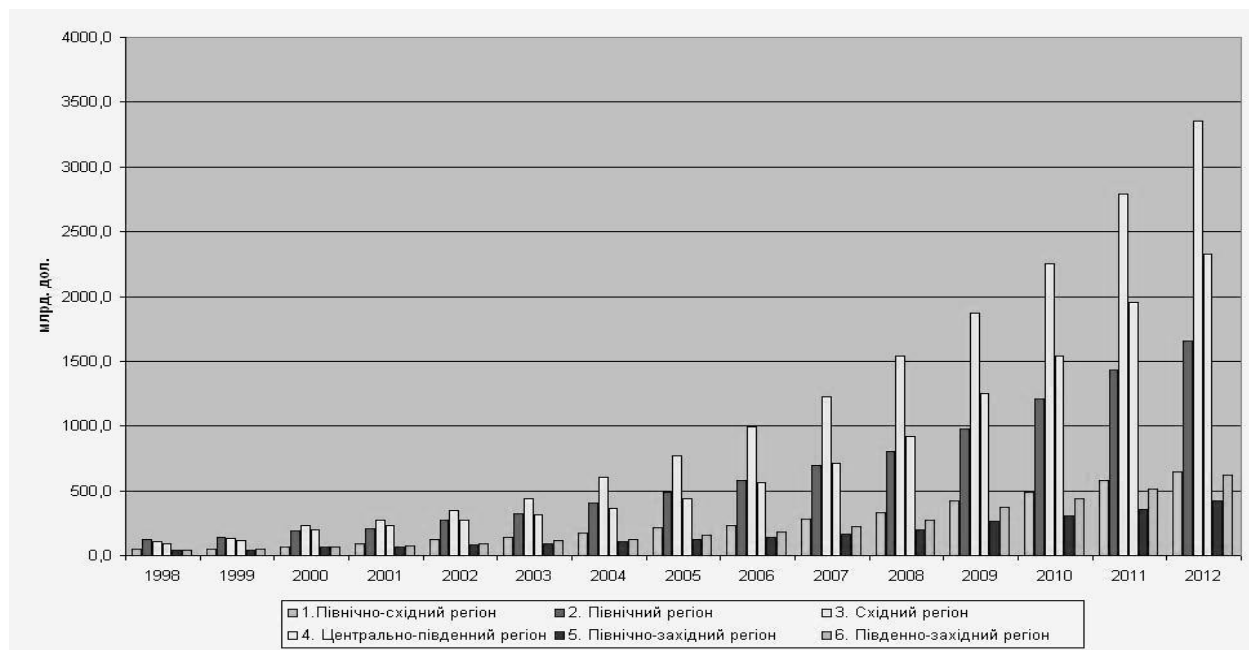

Рис. 2. Побудований автором за матеріалами [5; 6]

Основним курсом розвитку Китаю сьогодні є чітке слідування концепції, яку виробив ще Ден Сяопін [1]: «наука і технології є найважливіша продуктивна сила». Таким чином, здійснення стратегії «підйому країни в опорі на науку і освіту» є найбільшою завданням китайського уряду. Відповідно до основоположним курсом і стратегічними цілями розвитку науки і техніки в Китаї держава здійснила загальне планування роботи в науково-технічній сфері, утворивши наступну трирівневу модель розвитку, спрямовану також на всебічне підвищення конкурентоспроможності Китаю та його окремих регіонів в стратегічно важливих науково-технічних напрямках в XXI столітті [9; 7]:

1. перший рівень – програми інноваційних наукових досліджень, орієнтованих на економічне будівництво і соціальний розвиток:
 - a. Штурмовий план – план вирішення пріоритетних науково-технічних проблем державного значення;
 - b. програма «Іскра» – просування стабільного, швидкого і здорового розвитку сільського господарства і сільської економіки;
 - c. Державний план пріоритетного впровадження науково-технічних досягнень – створення сприятливого середовища та умов для організованого і планомірного впровадження передових, готових до застосування науково-технічних досягнень з метою сприяння тісного з'єднання науки і техніки з економікою;

2. другий рівень – програми розвитку високих технологій та освіти індустрії високих і новітніх технологій:
 - a. програма «863» – державна програма наукових досліджень і розвитку в області високих технологій [8];
 - b. програма «Факел» – це програма освоєння індустрії високих і новітніх технологій [4];
3. Третій рівень – науково-технічна програма посилення фундаментальних наукових досліджень:
 - a. програма «Ключові технології» – національна програма інтенсивного шляху розвитку окремих галузей [7];
 - b. програма «973» – це державний план Китаю у сфері фундаментальних науково-технічних досліджень.

Таким чином, в Китаї був прийнятий цілий комплекс державних програм науково-технічного розвитку, завдяки якому була створена нова система науки і техніки, адекватна соціалістичної ринкової економічної системи і закономірностям науково-технічного саморозвитку. Сьогодні, з одного боку, відбувається подальше зміцнення і вдосконалення створеної системи науки і техніки, реалізація тісного зв'язку науки і техніки з економікою, завершення формування структури інтеграції науки і техніки з економікою, вихід Китаю з науково-технічним рівнем в розряд 10-ти світових науково-технічних держав, а з іншого боку, відбувається подальша гармонізація рівню науково-технічного розвитку різних провінцій.

Висновки. Науково-технічний потенціал країни являє собою узагальнену характеристику рівню розвитку науки, інженерної справи, техніки та визначається економічним потенціалом країни, зокрема здатністю країни виділяти на розвиток НДДКР необхідну частку фінансових ресурсів.

За науково-технічним потенціалом Китайську Народну Республіку можна поділити на 6 макроекономічних регіонів, з яких найбільший потенціал мають Східний та Центрально-Південний регіони.

В КНР існує низка урядових багаторівневих програм, спрямованих на всебічне підвищення конкурентоспроможності Китаю та його окремих регіонів в стратегічно важливих науково-технічних напрямках в XXI столітті. Ці програми мають велике значення для Китаю, через вдосконалення технологічних можливостей країни до певного рівня та відмову від міжнародного трансферу технологій як заміні національного відтворення і створення знання.

Список літератури

1. Chang Maria Hsia The Thought of Deng Xiaoping // M.H. Chang / Communist and Post-Communist Studies. – 1996. – № 29 (4) – p. 377-394.
2. Економічний словник / сост. Й.С. Завадський, Т.В. Осовська, О.О. Юркевич. – К.: Кондор, 2006. – 356 с.
3. Економічний словник-довідник / за ред. докт. ек. наук, проф. С.В. Мочерного – К.: Femina, 1995. – 362 с.

4. Леонов С.Н. Государственная инновационная политика в КНР/ С.Н. Леонов, Е.Л. Домнич// Вестник ДВО РАН. – 2006. – № 3. – С. 39-46.
5. 1998 年全国科技经费投入统计公报 (Статистичний бюлетень фінансування науки та техніки за 1998 р.) 国家统计局 科学技术部 (Національне бюро статистики Міністерства науки і технологій) [Електроний ресурс]. - Режим доступу: <http://www.sts.org.cn/tjbg/tjgb/document/1998/20060605.HTM> Дата останнього звернення 29.09.2014
6. 2012年全国科技经费投入统计公报(Статистичний бюлетень фінансування науки та техніки за 2012 р.) 国家统计局 科学技术部 (Національне бюро статистики Міністерства науки і технологій) [Електроний ресурс]. - Режим доступу: <http://www.sts.org.cn/tjbg/tjgb/document/2013/20130927.htm> Дата останнього звернення 29.09.2014
7. Key Technologies R&D Program // Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China [Електроний ресурс]. – Режим доступу: http://www.most.gov.cn/eng/programmes1/200610/t20061009_36224.htm Дата останнього звернення 21.08.2014
8. National High-tech R&D Program (863 Program) // Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China [Електроний ресурс]. – Режим доступу: http://www.most.gov.cn/eng/programmes1/200610/t20061009_36225.htm Дата останнього звернення 21.08.2014
9. Председатель КНР подчеркнул актуальность повышения роли научно-технического прогресса в подъеме потенциала // Официальный сайт Китайской Народной Республики в Российской Федерации. [Електроний ресурс]. – Режим доступу: <http://ru.china-embassy.org/rus/kjhz/kjxx/t135556.htm> Дата останнього звернення 21.08.2014

*Vasileva Inna, Myasnikova Elena, Bezryadnova Alla,
Plekhanov Russian University of Economic, Moscow*

Nanotechnologies and the nanoproducts in our food

*Васильева Инна, Мясникова Елена, Безряднова Алла,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова*

Нанотехнологии и нанопродукты в нашем питании

Многие страны предвидят потенциальную роль нанотехнологий, которые могут оказать существенное влияние на появление новой технико-экономической парадигмы. Нанотехнологии обладают высоким потенциалом, позволяющим экономистам получить шанс развить существующие технологические платформы на основе новых решений, основанных на нанотехнологиях и говорить о формировании новых индустриальных отраслей

Современные нанотехнологии могут найти применение в приготовлении продуктов питания: с их помощью можно изменить питательные свойства еды и ее вкус. В силу своего размера (от 1 до 1000 нанометров) наночастицы легко проникают через биологические мембраны и физиологические барьеры организма, встраиваясь в живые клетки.

Применением современных технологий удастся добиться взаимодействия искусственных наночастиц с природными объектами наноразмеров - белками, нуклеиновыми кислотами и др. Тщательно очищенные, наночастицы могут самовыстраиваться в определенные структуры. Такая структура содержит строго упорядоченные наночастицы и также зачастую проявляет необычные свойства [2, с.12].

Согласно общепринятой научной терминологии, продукт может называться «нанопродуктом», если при его выращивании, производстве, переработке или упаковке использовались наночастицы, нанотехнологические разработки и/или инструменты. Нанопродукт не меняет своей атомарной структуры и не производится нанороботами.

Сторонники нанопродуктов обещают более совершенный процесс производства и упаковки, улучшенный вкус и новые питательные свойства, ожидается также производство «функциональной» еды (продукт будет содержать лекарственные или дополнительные питательные вещества), увеличение производительности и уменьшение цен на пищевые продукты [5, с.1]

За последние несколько лет крупнейшие производители продуктов питания, такие как Kraft, Nestle, Heinz, Altria, Unilever, инвестировали значительные суммы в разработки нанотехнологов.

По информации от одного из ведущих мировых аналитиков компании Helmut Kaiser Consultancy о том, что в 2012 году на рынке находилось более трехсот различных продуктов питания, которые производились с использованием нанотехнологий. А общий объем этого рынка, по их оценкам, достигает 6,5 миллиарда американских долларов.

Специалисты компании предсказывают, что уже к 2015 году нанотехнологии займут 40% пищевой промышленности. Причем эксперты уверяют, что нанопродукты будут обладать питательным составом, который не будет отличаться от естественного, а к 2040 году это станет нормой.

По оценкам специалистов, объем продаж нанопродукции российского производства к 2015 году вырастет до 300 миллиардов рублей, а объем платежей от её экспорта – до 75 миллиардов рублей.

В авангарде мировых производителей нанопродуктов выступает компания Kraft Foods, которая еще в 2000 году, опередив потенциальных конкурентов, основала компанию Nanotek Consortium, объединившую в себе более 15 университетов и научных лабораторий.

Компания сосредоточила свое внимание на так называемых «интерактивных» продуктах и напитках. Такие продукты смогут «подстраиваться» под индивидуальный вкус и потребности каждого покупателя. К примеру, это могут быть напитки, меняющие цвет в зависимости от предпочтений покупателя, или пищевые добавки, распознающие аллергию потребителя на тот или иной компонент продукта.

Наибольшее число таких продуктов продается в странах Юго-Восточной Азии и Китае. В Европе отношение к нанопродуктам пока настороженное, но они уже есть в продаже.

На прилавках голландских магазинов появилось вино Nano Wine. При комнатной температуре Nano Wine имеет вкус фруктового вина из винограда мерло, однако при изменении температуры вкус и запах напитка меняются в сторону земляных оттенков. Таким образом, покупая одну бутылку вина, можно угодить сразу нескольким людям с разными вкусами: любителям каберне, пино нуар, кьянти. Достигается это за счет изменения свойств молекулярных соединений, которые придают вину его свойства. К вину прилагается подробнейшая инструкция, рассказывающая, сколько времени и при какой мощности микроволновой печи нужно нагревать вино, чтобы оно получило то или иное свойство.

В Австралии при помощи нанокапсул, содержащих жир тунца, производители обогащают хлеб марки Tip Top Bread жирными кислотами омега-3, но при этом сам продукт не имеет запаха рыбы.

Другие пищевые гиганты, такие как Nestlé и Unilever, исследуют возможности производства эмульгаторов, которые сделают структуру продукта более однородной.

Также в заграничных магазинах можно приобрести молоко с наночастицами, позволяющее быстрее усваивать кальций, и напитки с наночастицами антиоксидантного зеленого чая.

У нас в стране также разрабатывают технологию производства нанопродуктов. Низкокалорийные хлебобулочные изделия «Вкус», разработанные и производимые малым инновационным предприятием (МИП) «Доктор Хлеб» (Улан-Удэ, Бурятия), отличаются большей устойчивостью крахмала к действию пищеварительных ферментов, пониженным

содержанием усваиваемых углеводов в результате изменения наноструктуры крахмала хлеба при технологических манипуляциях. Калорийность хлеба уменьшается в среднем на 65-70 ккал. По итогам проведенных медико-биологических испытаний и клинической апробации изделий следует, что хлеб «Вкус» из пшеничной муки высоких сортов способствует снижению уровня холестерина в крови, может использоваться в диетотерапии больных ожирением, не повышает содержание сахара в крови и поэтому может быть рекомендован в составе диетотерапии даже больным сахарным диабетом.[6, с.27].

В настоящее время в России с использованием нанотехнологий производится более 250 продуктов питания, а к 2015 году их количество возрастёт в 90 раз.

Нанопродукты неотличимы от натуральных, на их упаковке нет специальных пометок, так как сертификация в этой области пока отсутствует, поэтому, мы, сами того не подозревая, вполне можем употреблять в пищу продукты с наночастицами.

Одна из самых доступных на сегодняшний день сфер использования технологий - создание «умной» упаковки, которая сможет не только сохранять полезные свойства продукта и продлять срок его годности, но и предупреждать о порче продукта.

Одно из самых многообещающих направлений при разработке «умной упаковки» - использование нанотехнологий для создания антибактериального упаковочного материала, способного абсорбировать кислород, распознавать на продуктах возбудителей опасных заболеваний (к примеру, сальмонеллу или кишечную палочку) и предупреждать потребителей об испорченных товарах. Появление этих упаковочных материалов на рынке ожидается уже через несколько лет.

В то же время голландские ученые уходят в своих исследованиях еще дальше: разрабатываемая ими упаковка сможет не только распознавать признаки порчи продукта, но и выделять специальные консерванты для продления срока годности товара.

Однако существует довольно много менее впечатляющих, но гораздо более практичных разработок, которые уже сейчас используются в производстве. Глиняный нанокompозитный материал применяется при производстве пластиковых бутылок для увеличения срока хранения пива и придания бутылкам большей прочности. На данном этапе технология позволяет сохранять пиво свежим в течение шести месяцев, однако некоторые производители уже работают над увеличением срока хранения до 18 месяцев.

«Отец нанотехнологий» – американский инженер Эрик Дрекслер – видит в наночастицах огромный потенциал для гастрономии. «Эта пища будет получаться из клеток, растущих определенными структурами в растениях и животных. Клетки можно будет «уговорить» – запрограммировать расти по этим самым структурам где угодно. Домашние «выращиватели пищи» позволят людям есть то, что они обычно едят, никого не убивая», – описывает перспективы ученый.[3, с.35]

Однако, несмотря на несомненные преимущества, разработки в области нанопродуктов не очень хорошо известны общественности. Непрерывающиеся дискуссии о безопасности подобных продуктов, несомненно, замедляют их выход на рынок, однако, исследования и работа в этой области продолжается. Интересно, что все крупные компании хранят таинственное молчание по поводу их активной деятельности в области разработки нанопродуктов.

Поскольку мировая общественность не вполне осведомлена о ведущихся разработках в области нанопродуктов, отношение к ним еще не сформировано.

В США и Европе уже предпринимаются шаги по оценке опасностей, связанных с использованием наночастиц в пище.

Food and Drug Administration (FDA) США и Food Standards Agency Великобритании говорят о необходимости тщательного исследования воздействия наночастиц на организм человека.

В 2006 году, FDA сформирована целевая группа по изучению существующих данных о биологическом воздействии нанотехнологий, с целью разработки рекомендаций по контролю за использованием наночастиц в продуктах питания и лекарствах.

Наночастицы делятся на две категории. Первые – естественные биодобавки, концентрация которых не представляет никакого вреда. Это могут быть натуральные ингредиенты, диспергированные до размеров наночастиц (нанодисперсии прополиса, зелёный чай с наночастицами с повышенной антиоксидантной активностью, каротиноиды), а также изначальные нанообъекты (глобулярные белки, олигосахариды).

Ко второму типу относятся специально вносимые или попадающие в продукт из упаковки, нехарактерные для традиционной пищи нанодисперсии селена, серебра, оксида цинка, диоксида титана и других неорганических веществ. Именно они, по мнению экспертов, представляют потенциальную угрозу здоровью человека. Такие материалы могут обнаруживать свойства, не проявляющиеся у них на макро- или молекулярном уровнях [1, с.2].

Вопросы изучения безопасности нанотехнологий и наноматериалов в нашей стране и за рубежом в настоящий момент находятся на стадии разработки норм, требований, методологий и стандартов. Последствия использования наночастиц в продуктах питания по-прежнему слабо изучены, а исследования по этому вопросу всё ещё продолжаются.

И информация по этим направлениям должна быть открытой, чтобы потребители понимали, на что способны новые вещества и технологии.

8 октября 2008 года было создано «Нанотехнологическое общество России», в задачи которого входит «просвещение российского общества в области нанотехнологий и формирование благоприятного общественного мнения в пользу нанотехнологического развития страны.[4, с.1]

Предполагается создание групп независимых экспертов из числа членов Общества, которые должны влиять на принятие решений в области нанотехнологического политики, а также аналитическая деятельность – сбор, структуризация и анализ информации, касающейся любых аспектов развития нанотехнологий, в том числе и создания нанопродуктов питания.

Список литературы:

1. Большая европейская проблема вокруг наночастиц в пище // сайт Агентства мониторинга безопасности продуктов питания FOODCONTROL! [электронный ресурс] - Режим доступа. - <http://foodcontrol.ru/news/712>.
2. Витязь П. А. Основы нанотехнологий и наноматериалов : учеб. пособие для техн. ун-тов / П. А. Витязь, Н. А. Свидунович. - Минск : Вышэйшая школа, 2010. – 301 с.
3. Дрекслер К. Эрик. Машины создания. Грядущая эра нанотехнологии. – Москва: VSD, 2013. – 105 с.
4. Зимина Т. В России образовалось Нанотехнологическое общество // Журнал «Наука и жизнь» - 2008. - № 4. [электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://www.nkj.ru/news/14462/>.
5. Каплуненко В.Г. Нанотехнологии в сельском хозяйстве // Журнал «Зерно» - 2014. - №1 (93). [электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://www.zerno-ua.com/?p=2025>.
6. Цыбикова Г.Ц. Нанотехнологии в производстве продуктов питания // Научно-производственный журнал «Нанотехнологии Экология Производство». - 2011. - №3(10). – 27 с.

*Bykovskaya Irina Viktorovna, The North-Caucasus
federal university, associate professor,
department of commodity and customs*

Eurasian economic union, as a promising area of integration

*Быковская Ирина Викторовна, Северо-Кавказский
федеральный университет, доцент кафедры
товароведения и таможенного дела*

Евразийский экономический союз, как перспективное направление интеграции

Таможенные союзы, формирование единого экономического пространства и другие экономические союзы – высшая форма интеграции в современном мире. Вступление в таможенный союз, с экономической точки зрения, это выгодно. Прежде всего, это означает снижение барьеров на пути международной торговли, отсутствие границ и упрощение таможенного оформления и существующих на сегодняшний день всевозможных требований, предъявляемых на границе. Выстраивая интеграционные модели, важно видеть перспективы каждого из участников интеграционного объединения [1].

Как известно, 29 мая 2014 года президентами Казахстана, России и Беларуси был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе, который предусматривает более тесное взаимное экономическое сотрудничество.

Этот договор включает в себя большой объем не только кодифицированных документов Таможенного союза и Единого экономического пространства, около 70 международных договоров, но и новых норм, которые в развитие этих договоренностей были включены в документ и касаются расширения общего рынка на незатронутые ранее сегменты, в частности энергетический сектор, рынок услуг.

Следует отметить, что интеграция выступает не самоцелью, а инструментом достижения целей. Такими целями являются наращивание промышленной мощи на основе экономически взаимовыгодной кооперации, модернизация производства, уход от нефтегазовой зависимости.

Для подтверждения перспективности интеграции достаточно рассмотреть лишь некоторые экономические показатели страны-члена Таможенного союза. Благодаря интеграционному объединению и стабильной растущей промышленности Казахстана, уже сегодня можно увидеть положительные результаты работы. Прежде всего, это выражается в ускорении динамики производства на протяжении последних месяцев. Так, с января по июль 2014 года в странах Таможенного союза произошел рост производства отраслей обрабатывающей промышленности на 2,2%.

В Казахстане опережающими темпами идет машиностроение – 101,2%, производство кокса и нефтепродуктов – 101,1%, легкая промышленность – 100,7%, производство бумаги и бумажной продукции – 113,6%, производство прочих неметаллических минеральных продуктов – 105,8%, производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака – 102%, обработка древесины и производство изделий из дерева – 101,4%.

В частности, по итогам января – июля 2014 года индекс физического объема легкой промышленности составил 100,7% или 34,1 млрд тенге. Индекс физического объема производства текстильных изделий – 100,1% или 18,4 млрд тенге, одежды – 101,2% или 13,4 млрд тенге, производство кожаной продукции – 101,9% или 2,3 млрд тенге. Таким образом, поступательное углубление сотрудничества и партнерства демонстрирует хорошие экономические показатели всех стран интеграционного объединения.

Крайне важно представлять и прогнозировать ближайшие и отдаленные перспективы евразийской интеграции [1].

Президент России 3 октября 2014 года подписал закон о ратификации договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Подписание этого федерального закона стало значительным этапом в работе по интеграции России с ближайшими партнерами и союзниками.

В документе зафиксирована договоренность Российской Федерации, Белоруссии и Казахстана перейти на следующую ступень интеграции после Единого экономического пространства и Таможенного союза.

Соглашение было подписано главами указанных государств еще в мае текущего года. По прогнозам, Казахстан и Белоруссия в свою очередь ратифицируют договор в ближайшее время .

Договор должен будет обеспечить работу Евразийского экономического союза с 2015 года. Он запустит процесс развития торгово-экономических и кооперационных связей между государствами.

Документ разделен на две части: первая описывает цели и задачи объединения, дает определение союза как полноформатной международной организации. У второй части более прикладное назначение – в ней обозначаются механизмы экономического взаимодействия и указаны обязательства сторон по отраслевой интеграции.

Штаб-квартира ЕАЭС расположится в столице России, суд будет работать в Минске, а финансовый регулятор — в Алма-Ате.

В ближайшее время к Союзу может присоединиться Армения, ведутся переговоры с Киргизией.

Для армянской экономики одним из ключевых условий развития является привлечение инвестиций. По оценкам экспертов, при вступлении в Таможенный союз инвестиционные риски Армении существенно снижаются. Это значит, что инвестиционная среда в Армении улучшается, поскольку в Таможенном союзе расширяются объемы рынка. Если к этому прибавить снижение политических рисков с точки зрения экономики, это существенно повышает инвестиционную привлекательность. Так же речь идет о создании новых кооперационных связей между армянскими предприятиями малого и среднего звена с аналогичными предприятиями других стран Таможенного союза. Потенциал роста ВВП Армении при вступлении в Таможенный союз в среднесрочной перспективе оценивается до 4,5% [2].

Кроме Армении и Киргизии, как возможного члена Евразийского союза следует отметить Грецию. Присоединение Греции к евразийскому интеграционному проекту позволило бы Греции оставаться в европейском цивилизованном поле и максимально сохранить собственную самостоятельность, получить защиту и покровительство со стороны своего исторического единоверного союзника – России. Для этого имеются культурно-исторические, религиозные, геополитические и конечно экономические предпосылки.

Список потенциальных членов Евразийского экономического союза можно продолжать и далее.

Следует отметить, что Таможенный союз, Единое экономическое пространство и Евразийский экономический союз направлены на формирование стабильного и растущего рынка, а также сглаживание последствий неблагоприятных экономических ситуаций в мире.

Евразийский союз открыт для новых членов, никаких непреодолимых преград при вступлении нет и быть не может, именно такие характеристики дают новому межгосударственному образованию президенты Белоруссии, России и Казахстана.

Список литературы:

1. Нарышкин С. Е. О перспективах евразийской экономической интеграции // Проблемы современной экономики . 2013. №3 (47). С.8-9.
2. Оразалиев А.А., Якубова Э.В. Армения в Таможенном союзе: плюсы евразийской интеграции // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 сентября 2013 г. Тамбов: Бизнес-Наука-Общество, 2013. С. 124-126.

*Voronkova Maria Olegovna,
Egorshina Daria Alekseevna,
Finance University under the Government
of the Russian Federation*

Inflation in Russia: main reasons

*Воронкова Мария Олеговна,
Егоршина Дарья Алексеевна,
Финансовый Университет при
Правительстве Российской Федерации*

Инфляция в России и ее основные составляющие

Проблема инфляции в мировой экономике и в экономике России остается одной из наиболее актуальных и широко обсуждаемых как в теоретическом, так и в практическом плане. Термин «инфляция» как экономическое и финансовое явление проявляется в том, что снижается покупательная способность денег, то есть увеличивается рыночная стоимость товаров и услуг без изменения их потребительских и иных свойств. В настоящее время вопросы, связанные с инфляцией, привлекают все большее внимание в России со стороны государственных органов, представителей частного бизнеса и общества в целом.

Само понятие инфляции является жизненно важным (хотя и не до конца понятным) для населения страны, потому что инфляционные процессы действительно напрямую влияют на средний уровень жизни: на размер реальной заработной платы, пенсий, потребительской корзины товаров и услуг, служащей количественным измерением инфляции.

Исходя из этого, целью авторов является попытка выявить и проанализировать наиболее значимые факторы, определяющие уровень инфляции в экономике России и оказывающие влияние на ее динамику.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить специфические черты и проблемы инфляции;
- определить основные характеристики инфляции спроса и инфляции издержек;
- исследовать значимые параметры, оказывающие непосредственное воздействие на уровень инфляции в стране, путем корреляционно-дисперсионного анализа;
- сформулировать выводы и определить перспективы дальнейшего исследования данной проблематики.

Инфляция – тема достаточно широкая, имеющая свою историю развития и объединяющая в себе множество взглядов и точек зрения по самым различным ее аспектам. Вопросы роста цен и обесценения денег всегда находились в центре внимания исследователей, о них написаны десятки тысяч работ. Исследованию инфляционных

процессов в России посвятили свои труды многие отечественные авторы¹. Тем не менее, в научной литературе недостаточное внимание уделено анализу статистических показателей инфляции.

В экономике страны происходят постоянные изменения, и поэтому следует уделять им внимание, в том числе необходимо констатировать разнообразие факторов, обуславливающих причины инфляции в экономике России, и с учетом этого оценивать влияние и последствия каждого из них.

Для начала рассмотрим теоретический аспект инфляционных процессов. Известно, что инфляция представляет собой повышение общего уровня цен в экономике². При анализе важно понимать, что существует несколько ее классификаций.

Во-первых, инфляция может отражать дисбаланс между совокупным спросом AD (Aggregate Demand) и предложением AS (Aggregate Supply) в условиях рыночной экономики (открытая инфляция) или же в условиях экономики с фиксированными ценами, проявляясь в росте дефицита (скрытая или подавленная инфляция).

Во-вторых, по воздействию инфляции на валовой внутренний продукт (ВВП) различают низкую (до 2% в год), приемлемую и неприемлемую. Как следует из названия, приемлемая инфляция, в отличие от неприемлемой, позволяет поддерживать устойчивый рост экономики.

И наконец, выделяют инфляцию спроса и издержек. Инфляция спроса возникает в тех случаях, когда избыточный совокупный спрос превышает реальный объем производства, вследствие чего предпринимательский сектор не в состоянии удовлетворить запросы потребителей. Инфляция издержек объясняется ростом издержек на единицу продукции. Поэтому принято выделять две ее основных причины: увеличение номинальной заработной платы работников, не подкрепленное ростом производительности труда, а также увеличение цен на нетрудовые ресурсы, например, сырье, энергоносители, оборудование.

Несомненно, на практике провести различия между видами инфляции сложнее, так как факторы, воздействующие на нее, многообразны и зачастую не соответствуют теоретическим взаимосвязям.

Перейдем к анализу инфляционных процессов в России. Для этого воспользуемся корреляционным анализом. В качестве переменной y будет выступать уровень инфляции, измеряемый индексом потребительских цен (ИПЦ), а в качестве x_i – различные факторы, влияющие на инфляцию.

Для исследования были выбраны следующие показатели:

X_1 - денежная масса в национальном определении (денежный агрегат M2), млрд. руб.;

X_2 - средний номинальный курс доллара США к рублю РФ, руб.;

X_3 - средние экспортные цены на нефть, долларов за баррель;

X_4 - валовой внутренний продукт (ВВП) в ценах 2008г., млрд. руб.;

X_5 - инфляционные ожидания населения, выраженные объясняемой переменной с лагом равным единице;

X_6 - среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации, рублей/месяц.

¹ Таланова Е.А., Маркелова А.С. Инфляция в России: состояние, причины и пути решения проблемы//Общество: политика, экономика, право. 2013. №4. С.110.

² Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. Москва, 2013. С.169

Были проведены расчеты с использованием поквартальных данных в период с I квартала 2007 года по II квартал 2014 года включительно (n=30). Результаты расчетов представлены в табл. 1.

Таблица 1

	Y	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆
Y	1						
X ₁	-0,40226	1					
X ₂	-0,29199	0,666704	1				
X ₃	-0,32767	0,734223	0,077422	1			
X ₄	-0,54166	0,469696	0,100174	0,556715	1		
X ₅	0,345391	-0,40531	-0,41358	-0,10911	-0,19153	1	
X ₆	-0,56476	0,877553	0,661285	0,615357	0,69278	-0,36819	1

На основании полученных данных можно сделать следующие выводы:

1. Сравнение динамики денежной массы и соответствующего уровня инфляции свидетельствует о том, что в целом рост денежного агрегата M2 ведет не к увеличению, а к снижению инфляции ($r_{x_1y} = -0,40226$). Данное положение не соответствует теоретически прямой взаимосвязи двух рассматриваемых показателей, что дает основание предположить, что на протяжении рассматриваемого периода на зависимость между инфляцией и денежной массой значительно повлияли внешние факторы.

2. Корреляция инфляции с курсом иностранной валюты (доллара США) также имеет обратное значение ($r_{x_2y} = -0,29199$), то есть чем выше курс доллара, тем ниже темпы инфляции в России. Стоит отметить, что связь между показателями не является высокой. Предполагается, что определенное влияние на это оказывает значительная степень долларизации российской экономики и высокая доля импортных товаров в потребительской корзине россиян.

3. Расчеты показывают отрицательную взаимосвязь между инфляцией и экспортными ценами на нефть ($r_{x_3y} = -0,32767$). Это означает, что чем сильнее растут мировые цены на нефть, тем ниже будут темпы инфляции в РФ. Следовательно, экспортная валютная выручка российских компаний не всегда способствует увеличению денежной массы в стране и повышению совокупного спроса населения.

4. Прослеживается отрицательная связь между ВВП и темпами инфляции ($r_{x_4y} = -0,54166$). Действительно, чем больше объемы производства продукции в стране, тем активнее происходит насыщение национального рынка товарами, что ведет к сокращению разрыва между совокупным спросом и совокупным предложением и уменьшает темпы инфляции.

5. Наблюдается положительная зависимость инфляции от инфляционных ожиданий населения ($r_{x_5y} = 0,345391$), то есть высокие темпы инфляции в предыдущем периоде будут стимулировать ее рост в последующих периодах. Дело в том, что население, проживая в условиях постоянного роста цен, начинает считать инфляцию неизбежным явлением. Поэтому ожидаемое повышение цен закладывается в будущие заработные платы и прибыли, что, в свою очередь, приводит к новому витку инфляционной спирали.

6. Корреляция инфляции со среднедушевыми денежными доходами населения отрицательна ($r_{xy} = -0,56476$). В данном случае первостепенное значение имеет инфляция, воздействующая на доходы, а не наоборот. То есть высокие темпы инфляции уменьшают среднедушевые доходы населения в денежном выражении. При этом согласно проведенным авторами расчетам, темпы роста доходов населения находятся в прямой взаимосвязи с инфляцией ($r_{xy}=0,27$). Соответственно, чем выше темпы роста среднедушевых доходов россиян, тем выше инфляция в стране.

Произведен анализ и выявлена степень влияния отдельных факторов на уровень инфляции в России. Установлено несоответствие некоторых эмпирических данных теоретическим положениям. Это может быть объяснено совокупным воздействием основных составляющих инфляции, в результате чего корреляция между показателями меняет свое направление.

По убеждению авторов статьи, необходимость серьезного комплексного рассмотрения проблемы инфляции не утратит своей актуальности в будущем, как в условиях стабильного экономического развития, так и в периоды стагнации и кризисных явлений. Поэтому в наших дальнейших исследованиях предполагается продолжить изучение многогранных аспектов инфляционных процессов, как в экономике России, так и в мировой экономике в целом.

Литература:

1. Таланова Е.А., Маркелова А.С. Инфляция в России: состояние, причины и пути решения проблемы//Общество: политика, экономика, право. 2013. №4. С.110-112.
2. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. Москва, 2013. С.169-180.
3. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 07.10.2014).
4. Официальный сайт Банка России. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 07.10.2014).
5. Долгова С.В., Невежин В.П. Проблемы улучшения инвестиционного климата России для деятельности иностранных банков / Моделирование информационных технологий в исследовании социально-экономических систем: теория и практика : Монография. –Бердянск: ФП-П Ткачук, 2014, С. 1908-127.

Nadezhda Nesterova, Lipetsk Branch of Financial University under the Government of Russian Federation, Associate Professor, Ph.D. in Geography

The mechanism of transformation of multilevel management policy for the sustainable development of the regional economy

Abstract: the article presents the author's opinion on the issue of the transformation of management policies by sustainable economic development of the region. The main conclusion is that the transformation of the existing mechanism of management of the development of the region should be implemented on the basis of innovative development in all directions to overcome the inherent deficiencies, bringing together all of its constituent elements.

Keywords: sustainable development, region, innovative processes, transformation management systems.

In modern conditions sustainable development of such complex open socio-economic systems, as a region, is impossible without large-scale systematic application of scientific and technological activities, support for innovation. An adequate organization of innovation processes is necessary to these results will be used. And this, in turn, requires the construction of an appropriate control system which is able to assume the designated functions. [1]

The transformation of the existing mechanism of management of region development should be implemented in all directions to overcome the inherent deficiencies, all of its elements should be brought together to improve the conditions of human development, creating a sustainable socio-economic status based on its innovative development.

In our opinion, the transformations of mechanism of management actions on sustainable socio-economic development of the region require the following main areas:

- Improving the system of strategic planning. [2]

Changing priorities and target setting involves emphasis in justification of strategic plans and programs on the social effect. For comparison of alternatives it is necessary to calculate the socio-economic benefits on the basis of objective comprehensive diagnostic socio-economic situation of the region and its territorial units.

- Creating a system of regional diagnostic socio-economic situation of the region on the basis of a unified methodology and criteria for analysis of objectives, factors and conditions for effective socio-economic development, understanding of the driving forces and the problems of transformation of control actions.

-Transformation of the mechanism of management of the region development in terms of investment and innovation processes, providing the activation of these, the development of methods for quantitative and qualitative measurement of these processes for strategic planning purposes. [3]

- The establishment of mechanisms of interregional relations based on the principles of cooperation (on the principles of civilization), contrary to market competition. Formation of regional and interregional social, ecological and economic thinking based not on competition for resources and their rational, innovative reproduction in the country and regional per capita.

- Creation of regional innovative infrastructure for system development of a competitive high-tech industry, which provides the subsequent transition to an innovative model of development. [4]

- Improving the organizational structure of socio-economic development of the region, taking into account the components of management authorities and businesses.

The formation of an appropriate system of region control is a strategic task, because it lays the foundation for long-term competitiveness of the territory in many ways. The following observation lets us make such a conclusion. If you follow the chain of generation of value added, we can see a stable bond between its value and the share of the intellectual component in the cost of the product. In this case, the long-term competitiveness of the economy of the country (region) is determined by the following positions on which the company is. We emphasize that we are not talking about an individual company or competencies in the field of management as they are, in terms of the complexity of management, are specified not by the profile of activities but by the objectives and the complexity of the control set for the managers.

From these positions the development strategy of leading countries in the context of globalization comes to attracting into its territory and retains talented people and companies that are able to generate and translate new ideas. This is achieved by providing them with special conditions for the implementation of its activities. Creating such an environment is the content of the system of management of innovative processes.

According to the classical conception of the design of management systems, the first stage of this work has been the definition of the control object. In our case, a regional innovation system (RIS), which is understood as a complex of actively collaborating institutions and organizations of various forms of property in the territory of the region and the ongoing processes of creation and dissemination of new technologies, as well as organizational and legal conditions for its management, the combined effect of certain state science and technology policy, pursued at the federal level, and the strategy of socio-economic development of the region. [5]

Like any system, it has certain characteristics. Thus, it serves as a link between social and economic policies in the region, science, education, knowledge-based industry and the market. Regional innovation system must have sufficient stability, allowing it to function normally in a destabilization of the economic situation. In addition, from the RIS requires the ability to integrate into the innovative system of higher level. [6]

Having defined the object of management, it is necessary to answer the following question – the achieving of which goals should become the main for RIS system management of innovation processes. The logic of world development, reflected in the policy documents and statements of top officials of the Russian Federation, suggests the transition to an innovation economy or "knowledge economy" to be the main direction. [7]

Mainly based on the thesis of the necessity phased transfer of the regional economy on the path of innovative development, we note that there are at least two types of business entities - intensive and extensive. [8] The first is the way to economic growth through more effective

factors (higher qualifications workforce, new technology, better motivation and the organization of labor, and so on. etc.), the second - at the expense of the development of quantitative factors (attracting additional resources, the creation of new industries), former scientific and technical level.

With regard to the Lipetsk region it is not appropriate to use "pure" none of these approaches. Prospects of the region, reflected in the developed strategy of its socio-economic development (which is created by the Government of the region) are linked to the implementation of several projects to diversify the economy. In the situation of the implementation of the adopted strategy the achieving of this goal involves the "design-conservative" way. The formation of the innovation sphere on the basis of the implementation of an innovative breakthrough strategy dictates that "points of translational dynamics" are necessary; and it involves the development and implementation of a series of projects of different scale, directions, participants and the expected results in the context of a continuing strategy.

The greatest interest is the development of a "cross-linking" projects focused on the one hand, on the creation of comfortable conditions for the implementation of innovation, and on the other – on the bringing together all interested organizations and elements of RIS. Ideally, these projects should cover several areas of development, we think:

1. Diversification and modernization of technical and technological industrial base of the region on the basis of the latest achievements in the field of energy and resources, comprehensive mechanization and automation of production and management. [9]

2. Formation of a new human capacity, including training and creative activity of the inhabitants of the area, based on the widespread use of modern forms and methods of training, information and telecommunication technologies.

3. Update all forms and methods of management, including the organization of labor and production, social services, the activities of regional and local authorities and management, and others. [10]

4. Creating an efficient system of motivation, encouraging all potential participants of the innovation process to develop and commercialize innovations.

The adoption of such an ideology of work on management of innovation processes at the regional level are determined by the following:

- the main elements of the RIS are enterprises and organizations located in the region, which are independent entities and therefore direct administrative management is impossible;

- design approach to regional governance lets provide the necessary flexibility and freedom in choosing and changing priorities;

- creating the teams for the development and implementation of a project ensures the formation of a full public-private partnership, dialogue between the government, business and civil society, development of agreed solutions.

Using a design approach based on the use of "points of translational dynamics" as the main means of influencing the innovation process at the regional level transforms the familiar model of governance.

However, it is possible to offer a variant of the system of management of innovation processes. In our view, in an enlarged form, it should consist of two levels, corresponding to the

phases of development and implementation of projects. The development of the projects is better to carry out in advance. It provides the necessary intellectual reserve, additional opportunities to raise capital and the comparative effectiveness.

The project approach provides regional authorities and management, other interested organizations and individuals to influence the content and implementation of projects at all stages of implementation, from initiation to evaluation of effectiveness in an active way. The composition methodical (training projects) and expert (examination of projects) tips can be varied and include representatives from business, higher education and science, independent analytical and consulting centers, community organizations, and others.

Since the number of elements in the system is large enough, and depending on the situation varies significantly, the efficiency of its operation will largely depend on the quality of the organization of communication between its members in the development and implementation of these projects.

Turning to the substantive part of the system of management of innovation processes, it should be noted that the development of projects, of course, must take into account the initial conditions and the specifics of the regional economy, building on the selected strategy for socio-economic development.

There are several major vectors, allowing providing the ongoing development of the RIS:

1. Supporting for the creation and development of small innovative businesses.
2. Supporting for innovation processes in successful large and medium-sized companies operating in the region.
3. Creating conditions to attract to the region of large and medium-sized companies with advanced technologies.
4. Infrastructure projects.

All of these projects are designed and implemented are not separate from each other, but in the framework of a unified strategy for socio-economic development of the region. This is what creates the necessary basis for an efficient system of management of innovation processes, determines the effectiveness of this work and allows us to offer a mechanism of innovation development in the region. So, to get out of the systemic crisis it is necessary to change the strategy, but to change not only the state of the system, but also its management.

Список литературы:

1. Корнева Ж.В. Пути формирования благоприятного инновационного климата / Корнева Ж.В., Иода Ю.В. // Социально-экономические явления и процессы. 2009. №2. С.66-70.
2. Куракова Л.В. Формирование инновационной системы как стратегическое направление развития региона // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. №7 (63) С.201-205.
3. Нестерова Н.Н. Механизм реализации инновационного потенциала как условие динамичного развития территории региона / В сборнике: Стратегическое планирование развития территорий. Опыт. Современные тенденции. Перспективы материалы международного научно-практического форума. 2014. С. 21-28.

4. Осипова И.В., Решетникова Е.В. Инновационное предпринимательство: особенности развития и регулирования // Современные проблемы науки и образования. 2014. №3. С.374.
5. Данилов-Данильян В.И. Экологическое мировоззрение и экологическая альтернатива развития человеческой цивилизации // институт истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова. Годичная научная конференция. М: Диполь-Т, 2004.
6. Москвина О.С. Инновационный потенциал как фактор устойчивого развития региона / О.С.Москвина // Научный отчет по проекту № 04-02-196. Рос.гум. научн. Фонда.
7. Устойчивое развитие регионов: методология исследования, модели, управление: монография / под науч. ред. Т.Г. Пыльневой; ГОУ ВПО Всероссийский заочный финансово-экономический институт филиал ВЗФЭИ в г. Липецке: Издательство Першин Р.В., 2011. – 300 с.
8. Турганова Л.В. Систематизация подходов к определению устойчивого развития региона / Турганова Л.В., Савенкова О.Ю., Морозова Н.С. // Современные проблемы науки и образования. 2014. №3. С.382.
9. Нестерова Н.Н., Турганова Л.В. Устойчивое развитие потенциала территорий региона через диверсификацию экономики // Оборонный комплекс - научно-техническому прогрессу России. 2014. № 2 (122). С. 92-95.
10. Новикова И.И. Управление информационным обеспечением устойчивого развития предприятий аграрного сектора АПК / Новикова И.И., Савенкова О.Ю., Юдин О.И. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 5-1. С. 210-214.

Ihnatyshyn Mykola,

Mukachevo State University,

Associate Professor, Ph.D in Technical Sciences,

Faculty of Economics, Management and Engineering,

Ihnatyshyn Mariya,

Mukachevo State University,

Associate Professor, Ph.D in Economic Sciences,

Faculty of Economics, Management and Engineering

Neural network forecasting of financial market instruments

Summary. Neural network architecture and its mathematical model, adapted to forecast instruments quotation of exchange market have been built in this scientific work. When building a neural network and mathematical model the peculiar properties of representation of time series of quotations in the form of "Japanese candles" have been taken into account .

Keywords: neuron, neural network, forecasting, dynamic range, financial instruments, foreign exchange market

INTRODUCTION

Formulation of the problem. Time dynamic series is considered at the intersection of different disciplines and theories: statistics, probability theory, dynamical chaos theory, the theory of fuzzy series, game theory etc. Currently, time series forecasting with the help of intelligent technologies, in particular, the theory of neural networks is very urgent. This is evidenced by the large number of publications on the subject. The problem of forecasting financial time series provides fundamental and technical analysis of the stock market.

Neural network forecasting is one of the promising methods of technical analysis of the currency market, securities and other financial instruments.

Mathematical advantage of neural networks over other methods of forecasting is the ability of the neural network to "education." The neural network is able to simulate the qualities of intelligence as adaptation, pattern recognition etc.

Analysis of recent research and publications. The scientists have intensively studied the key issues of time series forecasting [1], methods and algorithms for solving the problem of forecasting under uncertainty [2].

Solution to the problem of time series forecasting is proposed in the papers [3] - [5] to conduct by its image in a series, whose components are tensors created as $3t$ ($t = 2, 4, \dots$) successive elements of the series. Tensor is characterized by a system of its own invariants: $I_0, I_1, I_2, I_3 \dots I_n$ (for the tensor of the second rank ($t = 2$) there are 4 main tensor invariants). Its own time series is formed for each invariant (in tensor time) for which the prediction is performed. In [6] uncertainties, including uncertainties modeled in the form of fuzzy sets as a main and associated tensors of pair ranks and their invariants have been considered, comparative

evaluation of interval modeling interval and fuzzy variable with tensor of the 2nd and 4th order has been carried out. In [7] clustering data are presented as fuzzy variables.

However, it is important to build a mathematical model to implement it in an environment of programming language MQL 4 (MQL 5), which is adapted to the platform of Forex - market, particularly - Meta Trader. Platform Forex - market can serve as a kind of proving ground for testing and improving of self-learning neural network models designed to predict any time series.

Formulation of the problem. Purpose of this article is to construct a mathematical model of a neural network for the study of time series of financial Forex market quotations and model transformation into software in MQL4 language.

RESULTS

To achieve this goal it is required to do the job of adaptation of mathematical model for further transformation into software in MQL4 (MQL5) language and to build "expert" - the program that trades automatically on financial market, considering the characteristics of time series quotations representation in the form of "Japanese candles".

Japanese candles are the kind of interval schedule and technical indicator that is used mainly to show changes in stock quotations of shares, commodity prices etc.

Object of the research is a time series of instruments quotations of financial markets. The method of research is the neural network simulation of numerical series. The theorem of Kolmogorov is mathematical basis of neural network modeling.

Theorem: Any continuous function of n variables $F(x_1, x_2, \dots, x_n)$ can be written as:

$$F(x_1, x_2, \dots, x_n) = \sum_{j=1}^{2n+1} g_j \left(\sum_{i=1}^n h_{ij}(x_i) \right), \tag{1}$$

where g_j and h_{ij} continuous functions, and h_{ij} is independent of the function F .

This theorem proved principle possibility of implementing arbitrarily complex dependencies using relatively simple neural network, of multilayer perceptron, Fig. 1.

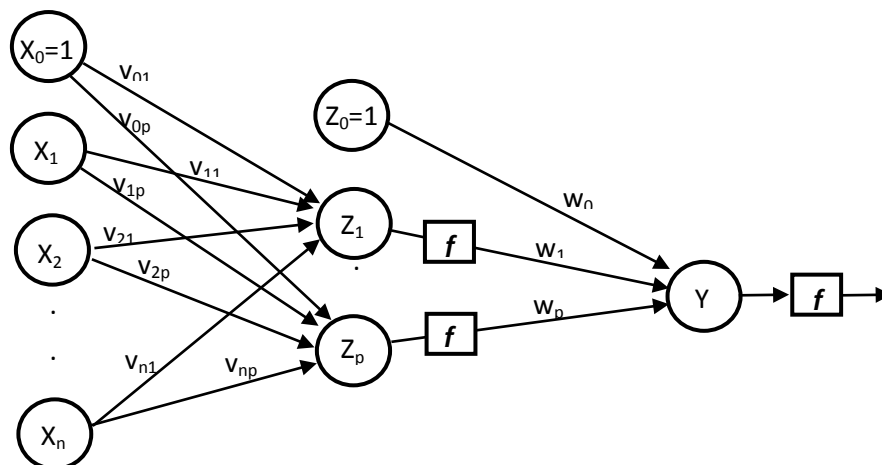

Figure 1. Multi-layer perceptron.

Such network implements the following display:

$$Y = f\left(\sum_{j=0}^p W_j f\left(\sum_{i=0}^n V_{ij} X_i\right)\right), \quad (2)$$

where f is activation function of neuron of hidden layer, V is matrix of weighting coefficients connection between input neurons and hidden layer neurons, which actually realize the activation function; W vector of weighting coefficients connection between outputs of hidden layer neurons and output neuron of network.

As activation function we choose bipolar sigmoid Fig. 2:

$$f(x) = \frac{2}{1 + e^{-Tx}} - 1, \quad (3)$$

where T - is "temperature" describes the steepness of the graph.

The network architecture is shown in Fig. 1.

Let us introduce notations:

n - is a number of input neurons ($i = 0, \dots, n$),

p - is a number of hidden neurons ($j = 0, \dots, p$).

X_i - is a signal at the input neuron,

Z_j - is a signal that comes from the hidden neuron and enters into the output neuron through activation function,

Y - is a signal coming from the output neuron,

V_{ij} - is matrix of the weight coefficients between input neurons,

W_j - is a vector of weight coefficients.

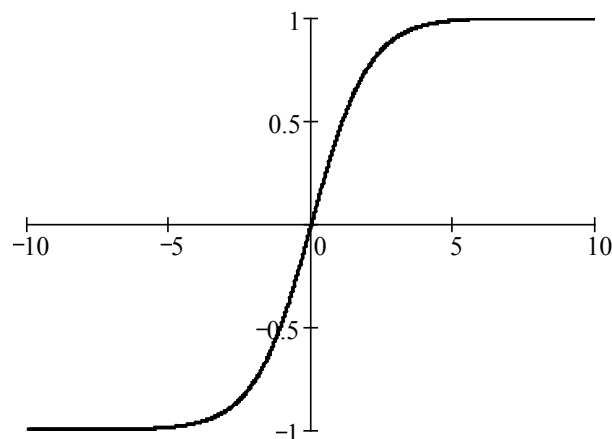

Fig.2. Bipolar sigmoid.

Algorithm for network training.

Step 0 is initialization of weighting coefficients:

$$V_{ij} = (-1)^{i+j} \cdot 0,5; \quad W_j = (-1)^j \cdot 0,5; \quad i = 0, \dots, n; \quad j = 0, \dots, p \quad (4)$$

$$V_{ij} = \frac{\beta_1 \cdot V_{ij}}{\sqrt{\sum_{i=0}^n \sum_{j=0}^p V_{ij}^2}}; \quad W_j = \frac{\beta_2 \cdot W_j}{\sqrt{\sum_{j=0}^p W_j^2}}; \quad i=0, \dots, n; \quad j=0, \dots, p \quad (5)$$

where $\beta_1 = 0,7 \cdot \sqrt{p}$ and $\beta_2 = 0,7$ - zoom factors [8].

Step 1 - steps 2 – 9 are implemented until the termination condition of the algorithm is executed.

Step 2 - steps 3 – 8 are performed for each pair { data, the target value }.

Step 3 - Each input neuron sends the received signal X_i to all neurons in the next layer (hidden).

Step 4 - each hidden neuron sums the weighted input signals:

$$Zin_j = \sum_{i=0}^n V_{ij} X_i, \quad (6)$$

and applies an activation function:

$$Z_j = f(Zin_j), \quad (7)$$

then sends the result of all elements to the original neuron.

Step 5 - output neuron sums the weighted input signals:

$$Yin = \sum_{j=0}^p W_j Z_j, \quad (8)$$

and applies an activation function, calculating the output signal:

$$Y = f(Yin). \quad (9)$$

Step 6 - output neuron receives target value - the initial value that is appropriate for a given input signal and calculates the error:

$$\sigma = (D - Y) f'(Yin), \quad (10)$$

calculates the value by which the weight of connection changes in the same way:

$$\Delta W_j = \alpha \cdot \sigma \cdot Z_j, \quad (11)$$

and sends to the neurons in the previous layer. α – speed of training.

Step 7 - each hidden neuron sums the input errors from the output neuron:

$$\sigma in_j = \sigma \cdot W_j, \quad (12)$$

and calculates the value of error by multiplying the value obtained by the derivative of the activation function:

$$\sigma_j = \sigma_{in_j} \cdot f'(Z_{in_j}), \quad (13)$$

calculates the value by which the weight of connection changes in the same way:

$$\Delta V_{ij} = \alpha \cdot \sigma_j \cdot X_i. \quad (14)$$

Step 8 - each output neuron changes the weight of its connections with the element of bias and hidden neurons:

$$W_j(\text{new}) = W_j(\text{old}) + \Delta W_j, \quad (15)$$

each hidden neuron changes the weight of its relations with the element of displacement and output neurons:

$$V_{ij}(\text{new}) = V_{ij}(\text{old}) + \Delta V_{ij}, \quad (16)$$

Step 9 - test of conditions of the algorithm termination.

The algorithm termination condition can be achievement of a total minimum quadratic error at network output, or performance of a certain number of the algorithm iterations.

As the inputs and outputs of the neural network parameters of "Japanese candles" should not be chosen but should be transformed to reduce noise information.

Fig. 3, shows "Japanese candle", its parameters, and we have adopted the notation:

- The maximum price (high) - H_i ,
- The minimum price (low) - L_i ,
- Opening (open) - O_i ,
- Close (close) - C_i ,
- Volumes (volume) - V_i ,

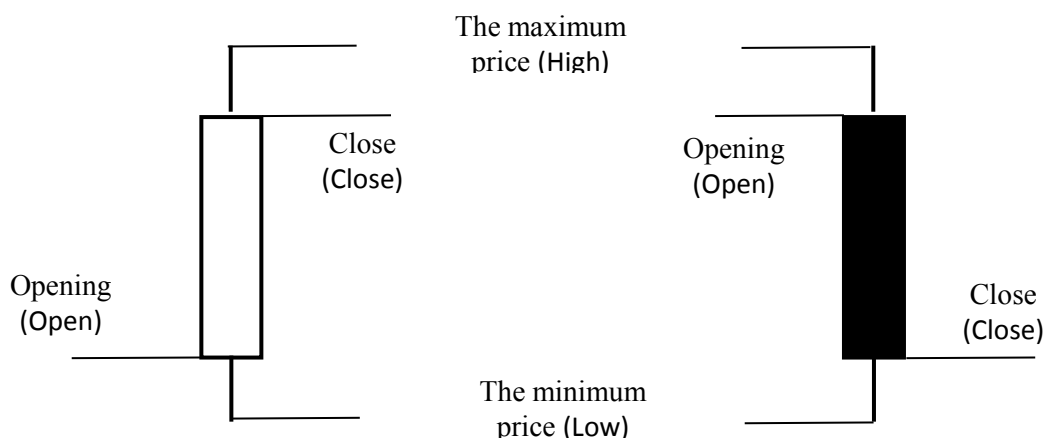

Figure 3. "Japanese Candle" and its parameters ("white light" - a growing trend, "black light" - descending trend ")

To ensure the statistical independence of the inputs of the neural network, Fig. 1, i.e., the absence of correlations between two successive values of quotations, let us submit logarithms of the relative rates of their average values to the input of network:

$$X_i = \begin{pmatrix} \text{Ln}\left(\frac{H_i + L_i}{H_{i+1} + L_{i+1}}\right) \\ \text{Ln}\left(\frac{O_i + C_i}{O_{i+1} + C_{i+1}}\right) \\ \text{Ln}\left(\frac{V_i}{V_{i+1}}\right) \end{pmatrix}, \quad (17)$$

As the result of research we have developed a program expert in MQL4 language for making trading in Forex-market automatic. Below is a piece of program designed for the transformation of "Japanese candles" parameters H_i , L_i , O_i , C_i and V_i in the value of X_i for feeding the input of the network, Figure 1. A fragment of the program that implements the transformation (17):

```
{ for (int i = shift; i < number_siches + shift + 2; i++)
{ double SC[50]; SC[i] = 10000*stLog*MathLog ((iHigh("EURUSD",PERIOD_M1,i) +
iLow("EURUSD",
PERIOD_M1,i))/(iHigh("EURUSD",PERIOD_M1,i+1)+iLow("EURUSD",PERIOD_M1,i+1)));
double CB[50]; CB[i] = 10000*stLog*MathLog
((iOpen("EURUSD",PERIOD_M1,i)+iClose("EURUSD",
PERIOD_M1,i))/(iOpen("EURUSD",PERIOD_M1,i+1)+iClose("EURUSD",PERIOD_M1,i+1));
double V[50]; V[i] = iVolume("EURUSD", PERIOD_M1,i);
V[i+1] = iVolume("EURUSD",PERIOD_M1,i+1);
double TV[50]; TV[i] = MathLog(V[i]/V[i+1]);} return (0); }
```

CONCLUSIONS AND PROSPECTS FOR FURTHER RESEARCH

Neural network architecture and its mathematical model adapted to forecast instruments quotation of exchange market have been built in this scientific work. Also, a program expert in MQL4 language for making trading in Forex-market automatic has been developed. When building a neural network and mathematical model the peculiar properties of representation of time series of quotations in the form of "Japanese candles" have been taken into account.

Further research involves testing of the program on a platform of Forex - market, improvement of the architecture of neural network and improvement of the technological cycle of prediction of market financial time series.

References:

1. Саймон Хайкин, «Нейронные сети полный курс», 2-е изд., испр. : пер. с англ. – М.:ООО «И.Д. Вильямс», 2006. - 1104 с.
2. Hecht-Nielsen R. Kolmogorov's mapping neural network existence theorem // Int. Conf.NN.IEEE Press, 1987. – Vol. 3. – P.11–13.

3. Филимонова О. Ю. Прогнозирование временных рядов в тензорном нейросетевом базисе / О. Ю. Филимонова // Містобудування та терит. планув. - 2005. - Вип. 20. - С. 367-387.
4. Филимонова О. Ю. Интеллектуальные технологии прогнозирования временных рядов [Электронный ресурс] / О. Ю. Филимонова, Ю. И. Пинаева // Містобудування та терит. планув. - 2006. - Вип. 23. - С. 314-327.
5. Жуков И. А. Особенности прогнозирования временных рядов в тензорном времени / И. А. Жуков, Ю. Н. Минаев, О. Ю. Филимонова // Электрон. моделирование. - 2006. - 28, № 2. - С. 55-70.
6. Минаев Ю. Н. Нечеткая математика на основе тензорных моделей неопределенности. I. Тензор-переменная в системе нечетких множеств / Ю. Н. Минаев, О. Ю. Филимонова // Электрон. моделирование. - 2008. - 30, № 1. - С. 43-57.
7. Минаев Ю. Н. Иерархическая кластеризация нечетких данных / Ю. Н. Минаев, О. Ю. Филимонова, Ю. И. Минаева // Электрон. моделирование. - 2012. - 34, № 4. - С. 3-22.
8. <http://habrahabr.ru/post/198268/>

*Pestereva Nina, Far Eastern Federal University,
Professor, Doctor of Geographical Sciences, the School
of Economics and Management,
Haiko Larissa, Far Eastern Branch of the
Russian Academy of Sciences,
Ph.D., a researcher at the Pacific Institute of
Oceanology, Far East Branch RAS*

Development of synoptic-statistical method of forecasting crop yields and mariculture in the south of Russian Far East

*Пестерева Нина, Дальневосточный федеральный университет, Профессор, доктор географических наук, Школа экономики и менеджмента,
Гайко Лариса, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Кандидат географических наук, научный сотрудник Тихоокеанского института океанологии ДВО РАН*

Развитие синоптико-статистического метода прогноза урожайности сельскохозяйственных культур и марикультуры на юге Дальнего Востока России

Введение. В настоящее время перспективным направлением исследования прибрежной зоны моря является поиск путей к увеличению продуктивности биологических морских ресурсов, к которым в Приморском крае, прежде всего, относится марикультура. Наличие закрытых бухт и заливов, высокая продуктивность прибрежных вод и их сравнительная чистота позволяют считать Приморский край регионом, весьма перспективным для развития марикультуры. Одним из традиционных объектов культивирования является приморский гребешок *Mizuhopecten yessoensis* (Jay).

Краткий обзор исследований. Первое опытно-промышленное морское хозяйство было создано в зал. Посъета в 1970 г. для товарного выращивания приморского гребешка *Mizuhopecten yessoensis* (Jay). Приморский гребешок является наиболее перспективным видом (из моллюсков) для искусственного выращивания на Дальнем Востоке, так как обладает высокими темпами роста и прекрасными вкусовыми качествами.

За основу культивирования приморского гребешка был принят японский опыт разведения моллюсков путем сбора личинок и последующего их выращивания на искусственных субстратах – коллекторах [1]. Это экстенсивный метод выращивания, т.е. выращивание в естественной среде.

Для рентабельного функционирования хозяйства марикультуры большое значение приобретает возможность планирования урожайности. Существующие методики прогнозирования плотности спата приморского гребешка в основном разработаны на Экспериментальной морской базе «Посъет» и основаны на выявлении эмпирических зависимостей между биологическими и гидрологическими показателями, которые в различных комбинациях использовались при составлении прогнозов [2, 3].

Для уменьшения риска производства гребешка и применения современных технологий выращивания, позволяющих адаптировать процесс производства марикультуры к климатическим или погодным аномалиям, важное значение имеет гидрометеорологическое обеспечение и, в частности, долгосрочные и краткосрочные прогнозы погоды и урожайности гребешка. Так, например, на основе краткосрочного прогноза погоды в случае появления в планктоне новых генераций личинок, как правило, рекомендуется дополнительный сбор спата или современные технологии, предохраняющие коллекторы от избыточного оседания [4].

Для решения задачи долгосрочного прогнозирования урожайности моллюсков потребовался принципиально новый подход, который давно используются при составлении прогнозов в агрометеорологии, в том числе для прогноза урожайности риса в Приморском крае [5]. Новая методология базировалась на моделировании причинно-следственных связей между гидрометеорологическими условиями и продуктивностью марихозяйств.

Методика исследования. В данной работе использован новый подход к прогнозированию урожайности молоди приморского гребешка. Предлагаемый метод прогноза урожайности учитывает реально существующие связи между погодой и особенностями атмосферной циркуляции в предшествующий период, с одной стороны, и урожайностью, формирующейся под влиянием этой погоды, с другой стороны. Такой подход к проблеме прогнозирования используется в агрометеорологии [6, 7,8]. Эти методы позволяют составлять прогнозы урожайности биологических объектов различной заблаговременности. Синоптико-статистические методы прогноза урожайности сельскохозяйственных культур разрабатывались на основе методов долгосрочных прогнозов погоды, учитывающих множество факторов, являющихся источниками долговременных аномалий погоды. В долгосрочном прогнозировании урожая в сельском хозяйстве, помимо погодных условий, учитываются и факторы, связанные с биологическими особенностями культуры и технологией ее выращивания. Эти методы позволяют составлять прогнозы урожайности различной заблаговременности.

Основы синоптико-статистического метода урожайности сельскохозяйственных культур в Приморском крае, в том числе риса, были заложены в работах Н.М. Пестеревой [6-9]. Отличительной особенностью данной методики является отдельное прогнозирование неслучайной или трендовой составляющей урожайности

сельскохозяйственных культур (Et), которая обусловлена, в первую очередь, долгопериодными колебаниями климата данного региона и уровнем технологий производства культуры, и случайной составляющей (ΔPt), формирующейся, в основном, под воздействием аномалий погоды текущего года:

$$Pt = Et \pm \Delta Pt, \quad (1)$$

где Pt – урожайность культуры, t – текущий год.

При разработке методов долгосрочного прогноза урожайности сельскохозяйственных культур, а также и марикультур особое внимание уделяется подбору предсказателей, входящих в прогностические схемы и являющихся элементами единой физической системы: стратосфера – тропосфера – подстилающая поверхность – агротехника – продуктивность культур. Взаимосвязь между абиотическими факторами и продуктивностью культур схематически представить в таком виде: влияние гелиофизических факторов на Землю → взаимодействие атмосферы и подстилающей поверхности (гидросфера и литосфера) над Дальним Востоком → тип погоды в Приморье → микроклимат → гидрологический режим прилегающей акватории → урожайность.

Как известно, схема долгосрочного прогноза урожайности наиболее устойчива, если она является многоуровневой. В данной работе за основу была принята трехуровневая синоптико-статистическая модель, которая с успехом используется для долгосрочного прогноза случайной составляющей урожая риса для юга Дальнего Востока [9]. Предложенная авторами схема учитывает также и факторы водной среды, в которой обитают моллюски. Кроме того, в данных схемах учитываются и гелиофизические факторы, которые оказывают значительное влияние на жизнедеятельность морских организмов [4].

Регрессионная модель долгосрочного прогноза случайной составляющей урожайности моллюсков (ΔP) для юга Дальнего Востока выглядит следующим образом:

$$\Delta P = a_1(A_1, A_2) + a_2B + a_3(C_1, C_2, C_3) + a_4, \quad (2)$$

где a_1 , a_2 , a_3 и a_4 – коэффициенты уравнения; A_1 , A_2 – предикторы, учитывающие космофизические факторы и/или циркуляцию стратосферы; B – предикторы, учитывающие циркуляцию тропосферы; C_1 , C_2 , C_3 – предикторы, учитывающие особенности приземного состояния атмосферы над поверхностью того района, по которому прогнозируется урожай, особенности состояния подстилающей поверхности данного района, гидрологический режим моря прилегающей акватории и биологические особенности объекта культивирования.

Результаты и обсуждение. Под термином «урожайность» принималось количество осевшей на одном квадратном метре (m^2) коллектора молоди (спата) приморского гребешка, выраженное в экзemplярах на m^2 . Для формализации метода прогноза использовался отбор, просеивание и преобразование предикторов (схема 2), затем строились прогностические модели различной заблаговременности. Первоначально было составлено 34 схемы с тремя предикторами, которые позволяли составлять прогнозы с заблаговременностью: от 9 до 2 месяцев. Прогнозы с наибольшей заблаговременностью уточнялись прогнозами с меньшей заблаговременностью. При несовпадении формулировок были использованы правила динамического комплексирования прогнозов,

разработанные в [9]. Для оценки прогнозов урожайности моллюсков использовались количественные критерии оценки урожайности моллюсков, разработанные Гайко Л.А. [10].

Отклонение фактической урожайности моллюсков от прогностического значения (количество экземпляров на квадратный метр, экз./м ²)	Оправдываемость прогноза (%)
$ \Delta P \geq 250 \text{ экз./м}^2$	100
$251 \text{ экз./м}^2 \leq \Delta P \leq 500 \text{ экз./м}^2$	75
$501 \text{ экз./м}^2 \leq \Delta P \leq 750 \text{ экз./м}^2$	50
$751 \text{ экз./м}^2 \leq \Delta P \leq 1000 \text{ экз./м}^2$	25
$ \Delta P > 1000 \text{ экз./м}^2$	00

Оказалось, что оправдываемость прогнозов, составленных с учетом случайной составляющей, на зависимом материале составила 79-86 %, что на 4-11 % выше климатического (75 %) и на 19-26 % выше инерционного (60 %). Не независимой выборке оправдываемость прогнозов была ниже на 2-10%, что является допустимым.

Заключение. Полученные результаты позволяют надеяться на то, что данный метод прогноза будет успешно использован в хозяйствах марикультуры Приморского края для повышения устойчивости урожайности моллюсков и снижения риска от неблагоприятных погодных условий при помощи современных технологий. Кроме того, авторы надеются, что данный метод долгосрочного прогноза урожайности сельскохозяйственных и марикультур будет совершенствоваться с учетом современных схем сбора и обработки гидрометеорологической информации, а также будет использоваться для других территорий и культур.

Список литературы:

1. Ито С. Разведение морского гребешка у охотоморского побережья о. Хоккайдо. Изд-во Нихон Суйсан Сиггэн Кекай /Пер. с яп. № 54598. Владивосток, 1966. 48 с.
2. Белогрудов Е.А. Биология и культивирование приморского гребешка // Культивирование тихоокеанских беспозвоночных и водорослей. М., 1987. С. 66–71.
3. Брегман Ю.Э., Седова Л.Г., Викторовская Г.И. Методические рекомендации по прогнозированию плотности спата приморского гребешка на коллекторах. Владивосток: ТИПРО, 1987. 15 с.
4. Гайко Л.А. Марикультура: прогноз урожайности с учетом воздействия абиотических факторов. Владивосток: Дальнаука, 2006. 204 с.
5. Пестерева Н.М. Синоптико-статистический метод прогноза урожайности риса до сева в Приморском крае // Вопросы моделирования атмосферной циркуляции и

- использования метеорологической информации на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1987. С. 34–41.
6. Пестерева Н.М. Некоторые особенности атмосферной циркуляции над Дальним Востоком и теплового состояния морской подстилающей поверхности в годы с высокими и низкими урожаями риса в Приморском крае // Межвуз. сборник научн. трудов: Дальневос. ун-т. Владивосток, 1984. Вып. 5. С. 46–64.
 7. Пестерева Н.М. О возможности использования параметров циркумполярного вихря применительно к долгосрочному прогнозу урожая риса в Приморском крае // Тр. ДВНИГМИ, 1985. Вып. 121. С. 10–19.
 8. Пестерева Н.М., Плотников В.В., Тарасова В.В. Качественно-физическая модель квазидвухлетней цикличности аномалий погоды и урожая риса на юге Дальнего Востока // Тр. ДВНИГМИ, 1991. Вып. 157. С. 47–62.
 9. Пестерева Н.М. Теоретические вопросы и методы прогноза продуктивности культур севооборота в специализированном рисоводческом хозяйстве на основе метеорологической информации: диссертация ... доктора географических наук, Владивосток, 1992. С. 406.
 10. Naiko L. A. The forecast yield of juvenile clams in mariculture of southern Primorye physical-synoptic-statistical method // Proceedings of the 2nd International Sciences Congress “Actual problems of the biological resources World Ocean resources”, 22–24 may 2012, Russia, Vladivostok. P. 39–44.

*Gladilin Aleksandr Vasilievich, doctor of economic sciences, professor «North-Caucasus Federal University»,
Kolomyts Oksana Nikolaevna, candidate of sociological sciences, associate professor, Branch of Federal state educational institution of the Kuban state University in Tihoretsk*

Methodical approaches to the assessment of the degree of preparedness of the regions for innovation and investment development of their socio-economic systems

*Гладилин Александр Васильевич, д.э.н.наук, профессор, «Северо-Кавказский федеральный университет»,
Коломыц Оксана Николаевна, к.соц.наук, доцент «Кубанский государственный университет», филиал в г.Тихорецке*

Методические подходы к оценке степени готовности регионов к инновационно-инвестиционному развитию их социально-экономических систем

Постановка научной проблемы и ее значение. Современный этап развития экономической науки, а также тенденции развития мировой экономики свидетельствуют о том, что основной движущей силой развития социально-экономической системы являются инновации, системно увязанные с инвестиционной деятельностью и образующие, по сути, единый инновационно-инвестиционный процесс.

Анализ исследований проблемы. В развитых странах рыночной экономики в массовом порядке создаются и внедряются технические новинки потому, что совместное действие объективных экономических законов формирует особую среду, в которой ежедневно генерируется научно-технический прогресс. Ведь возможности, связанные с НТП, позволяют участникам конкурентной борьбы обходить соперников по уровню издержек производства, скорости приспособления к меняющемуся спросу. На современных рынках, перенасыщенных товарами и услугами, опоздать с нововведением - значит обречь производство на разорение. И чем острее конкуренция, тем меньше у производителя отложенных про «запас» научных идей или технических решений и тем короче путь «наука-производство-сбыт».

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. На основе проведенных исследований нами разработана модель, отражающая системное видение механизма, осуществления инновационных процессов в социально-экономических системах (рисунок 1).

Использование данной модели дает возможность построения управляемых систем, основанных на программно-целевом подходе к реализации проектов инвестирования инноваций.

Инновационно-инвестиционное проектирование в качестве одного из важнейших этапов на начальном уровне предполагает оценку потенциальной среды реализации проекта.

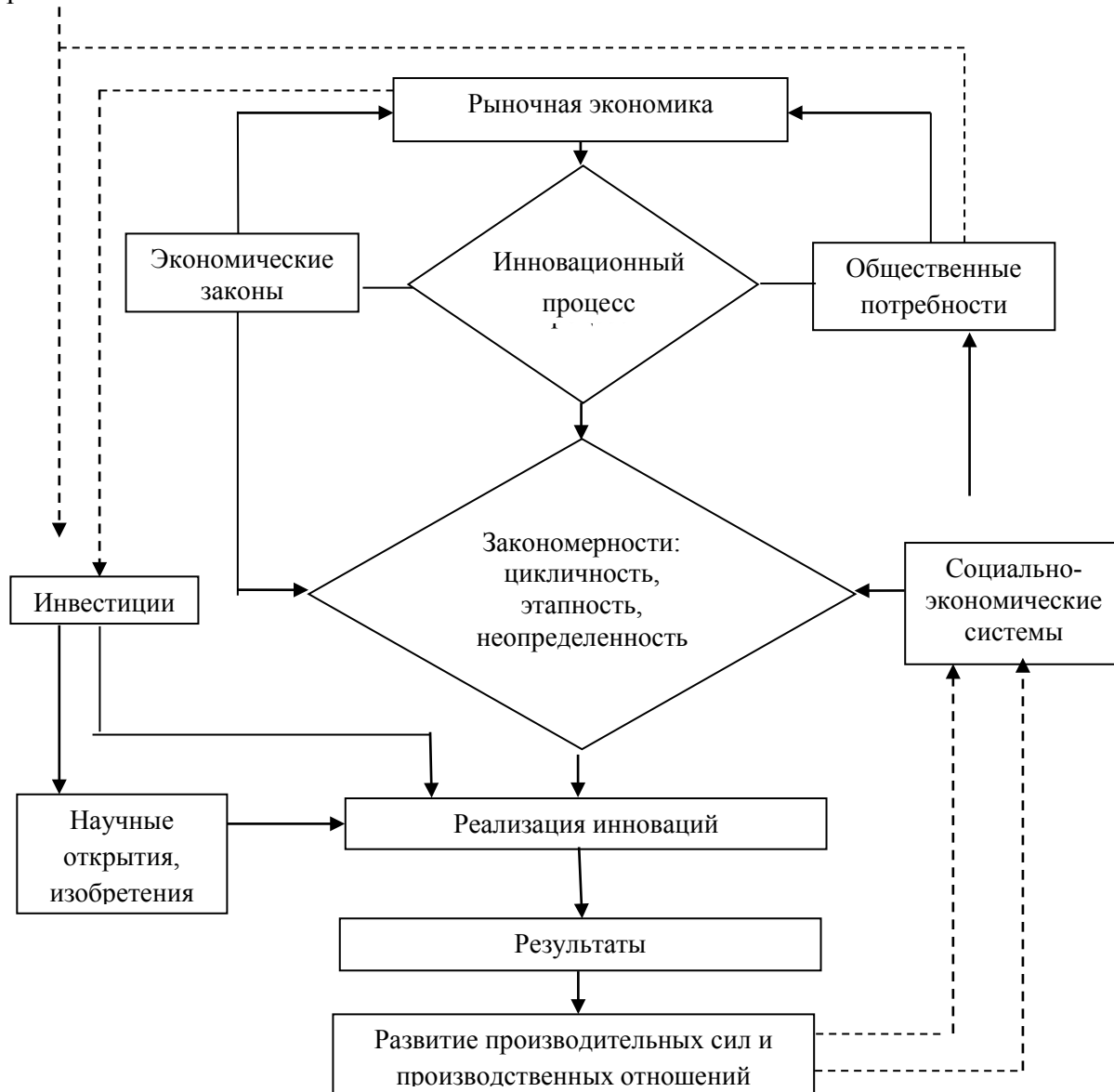

Рисунок 1 - Модель осуществления инновационных процессов в социально-экономических системах

Очевидно, что в условиях системного видения необходима комплексная оценка, базирующаяся на измерении основных факторов, формирующих инновационно-инвестиционный потенциал.

Анализ существа инновационно-инвестиционного развития показал, что в достаточно большой массе факторов можно выделить шесть основных групп: производственные, кадровые, научно-технические, финансовые, информационные, экономические.

Необходимо отметить важное условие, состоящее в том, что комплексная оценка инновационно-инвестиционного потенциала региона предполагает, во-первых, существование обоснованной и научно выверенной системы показателей, во-вторых, наличие статистической базы.

В разрезе этих групп, с учетом изложенного, выделены «ключевые» факторы, позволяющие осуществлять формирование статистических совокупностей. Система показателей и их идентификация приведена в таблице 1.

Таблица 1 - Система показателей для оценки инновационно-инвестиционного потенциала

Потенциал	Показатели
Производственный	<p>X2- инновационная активность организаций (удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций), %;</p> <p>X3 - объем инновационных товаров, работ, услуг, млн. руб.;</p> <p>X4 - выдано патентов на изобретение, ед.;</p> <p>X5 - выдано патентов на полезные модели, ед.;</p> <p>X6 - созданные (разработанные) передовые производственные технологии, ед.;</p> <p>X7 - используемые передовые производственные технологии, ед.;</p> <p>X8 - удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в общем числе обследованных организаций, %;</p> <p>X9 - удельный вес малых предприятий в общем числе обследованных малых предприятий, %</p>
Кадровый	<p>X10 - численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.;</p> <p>X11 - удельный вес исследователей, имеющих ученую степень;</p> <p>X12 - удельный вес студентов общей численности населения региона;</p> <p>X13 - численность организаций, обучающих аспирантов и докторантов</p>
Научно-технический	<p>X 14 - количество вузов, ед.;</p> <p>X15 - количество научных организаций, ед.;</p> <p>X16 - удельный вес инновационной продукции в общем объеме производства, %;</p> <p>X17 - количество грантов, проектов, разрабатываемых регионом</p>

	(в том числе образовательными учреждениями); X18 - число организаций, выполняющих научные исследования и разработки, ед.
Финансовый	X19 - внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн. руб.; X20 - затраты на технологические инновации, млн. руб.; X21 - расходы на науку и профессиональное образование из регионального бюджета; X22 - затраты на НИОКР и освоение нововведений из всех источников финансирования в % к ВРП
Информационный	X23 - удельный вес организаций, использующих широкополосный доступ к интернету в общем числе организаций, %; X24 - удельный вес населения, имеющего доступ к Интернету в домашних хозяйствах, %
Экономический	X25 - валовой региональный продукт, млн. руб.; X26 - отношение ВРП к стоимости основных фондов, %; X27 - удельный вес бюджетных средств во внутренних затратах на исследования и разработки, %; Y1 - инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.; X28 - индекс физического объема инвестиций; X29 - внешнеторговый оборот; X30 - иностранные инвестиции в экономику региона

Комплексный показатель может быть получен с помощью модуля Cluster Analysis ППП Statistica 6,0. Процедура кластерного анализа выполнялась двумя методами - методом иерархической классификации и методом k -средних.

На начальном этапе необходимо исключить нетипичные единицы (выбросы) из состава анализируемых регионов, а также определиться с предполагаемым числом кластеров, на которые следует разбить исследуемую совокупность, чтобы они были настолько различны, насколько это возможно.

Для выявления статистических выбросов в составе регионов применена функция расстояния City-block Manhattan - манхеттонского расстояния. Как следует из рисунка 2, к статистическим выбросам относятся регионы с номерами 10, 18, 26, 29, 75 (Московская область, г. Москва, Мурманская область, г. Санкт - Петербург, Республика Саха (Якутия)).

В качестве метода иерархического объединения единиц исследуемой совокупности (78 регионов) в кластеры использовался метод Уорда (Ward' method), исходя из минимальных дисперсий внутри кластеров.

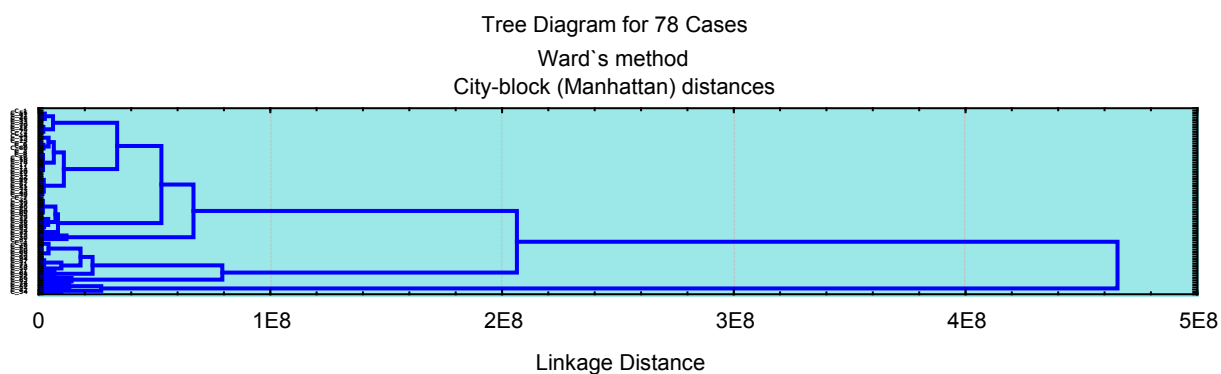

Рисунок 2 - Выявление статистических выбросов в составе совокупности регионов Российской Федерации по показателям инновационно-инвестиционного потенциала в 2013 г.

Исключение статистических выбросов и повторная классификация объектов (регионов) методом Уорда с применением евклидовой метрики расстояния позволили определить гипотетическое число кластеров (таблица 3). Дендровидное решение процедуры кластеризации представлено на рисунке 3.

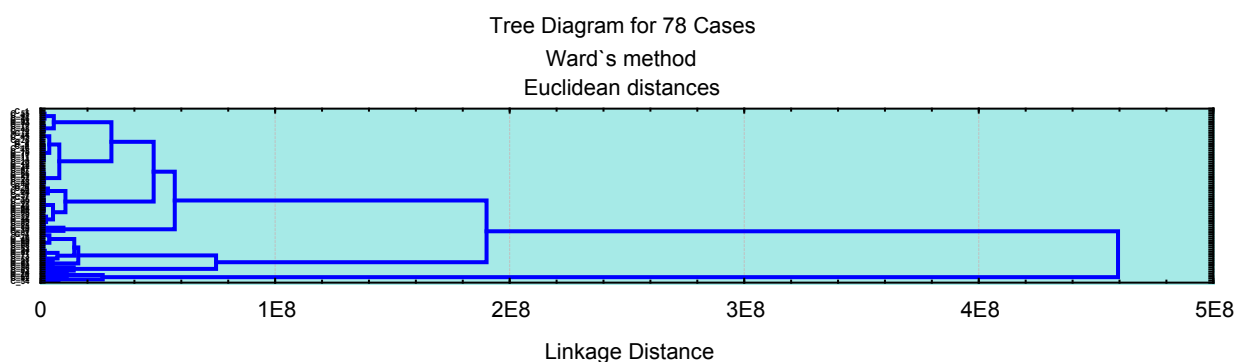

Рисунок 3 - Дендрограмма распределения регионов Российской Федерации по показателям уровня инновационно-инвестиционного потенциала в 2013г.

Выбор количества классов может определяться на основе анализа специальных функционалов качества, на основе сравнения разбиений на различное количество классов, возможности из содержательной интерпретации и других критериев. Окончательный выбор остается за исследователем.

Одним из доступных в Statistica инструментов для выбора количества классов являются график процесса объединения (Graph of Amalgamation schedule), представленный на рисунке 4.

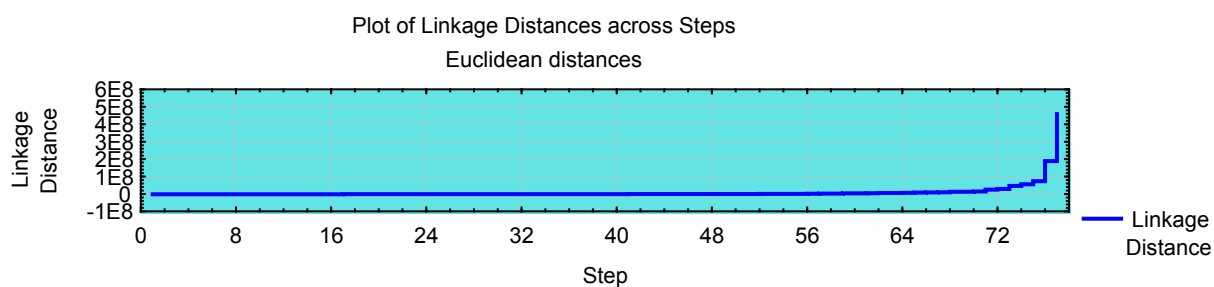

Рисунок 4 – График объединения объектов в классы методом Уорда

В нашем случае в качестве точки перелома можно рассматривать шаг под номером 76, откуда получаем $83 - 76 = 6$ классов.

В результате процедуры кластеризации рассматриваемых показателей $\{X\}$ сформировано два кластера и пять аномальных единиц (статистический выброс). В состав первого кластера вошли 73 региона, а во второй - 5 регионов.

В результате на 1-м шаге анализа получены таблица межгрупповых (между SS) и внутригрупповых (внутри SS) дисперсий переменных (таблица 3) и таблица средних значений показателей (таблица 4).

Таблица 3 - Дисперсионный анализ на 1-м шаге разделения на кластеры регионов методом k -средних

Показатели	Дисперсионный анализ результативных показателей			
	между SS	внутри SS	F	Уровень значимости P
Y1 - инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.	2,400421E+09	1,669536E+10	10,5488	0,031438
X4 - выдано патентов на изобретение, ед.	4,606909E+04	1,951193E+04	4,6069	0,040852
X21 - расходы на науку и профессиональное образование из регионального бюджета тыс. руб.	2,277195E+15	4,352139E+14	2,2771	0,011419
X22 - затраты на НИОКР и освоение нововведений из всех источников финансирования в % к	9,844579E+02	1,135452E+04	9,8445	0,316742

ВРП				
X23 - удельный вес организаций, использующих широкополосный доступ к интернету в общем числе организаций, %	8,709315E+01	1,832436E+03	8,7093	0,782169
X26 - отношение ВРП к стоимости основных фондов, %	1,058380E+03	9,920410E+03	1,0583	0,713464

Как показывают данные таблицы 4, средние значения показателей кластера 1 выше соответствующих значений кластера 2.

Как отмечается в работе И. Д. Манделя [2], близкие средние значения какого-то показателя у всех кластеров говорят о неинформативности данного показателя для классификации и о возможности его устранения.

Таблица 4 - Средние значения кластерообразующих показателей инновационно-инвестиционного потенциала в 2013 г. на 1-м шаге

Переменные	Кластер 1	Кластер 2
Y1 - инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.	93234,90	151763,12
X4 - выдано патентов на изобретение, ед.	141,55	92,82
X21 - расходы на науку и профессиональное образование из регионального бюджета, тыс. руб.	7352072,73	1540839,77
X22 - затраты на НИОКР и освоение нововведений из всех источников финансирования в % к ВРП	4,21	6,45
X23 - удельный вес организаций, использующих широкополосный доступ к интернету в общем числе организаций, %	76,76	71,36
X26 - отношение ВРП к стоимости основных фондов, %	8,52	55,04

График, построенный по средним значениям оставшихся показателей по выделенным кластерам (таблица 4), дает возможность проанализировать их соотношение и при незначительном отличии их исключить (рисунок 5)¹.

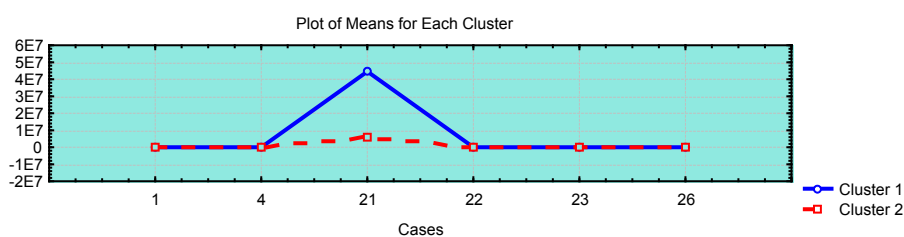

Рисунок 5 - Показатели инновационно-инвестиционного потенциала в 2013г., полученные на 1-м шаге

Таблица 3 содержит значения F-критерия соотношения внутригрупповых и межгрупповых дисперсий и вероятности (p) ошибочного отнесения объекта к соответствующему кластеру. Лучшей кластеризации соответствуют большие значения первого и меньшие значения второго параметра. Из данных этой дисперсионной матрицы были исключены показатели с большими значениями p (больше 0,05).

В результате, на втором шаге анализа получен новый вариант распределения регионов на два кластера.

Для расчетов использовался модуль Cluster Analysis ППП Statistica 6,0. В результате проведенного анализа по каждому кластеру установлены кластерообразующие переменные $Y1$, $X4$ и $X21$ (рисунок 6).

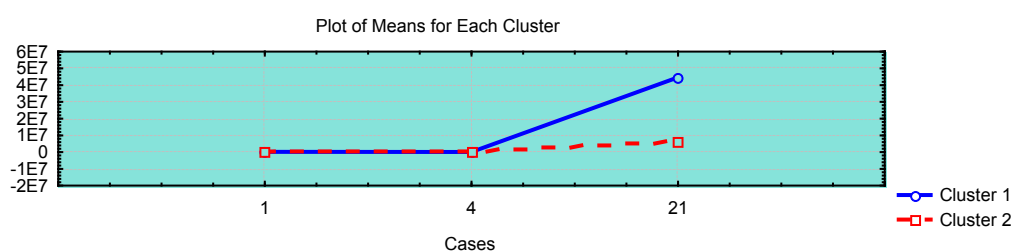

Рисунок 6 - Кластерообразующие показатели инновационно-инвестиционного потенциала в 2013 г., полученные на 2-м шаге

Таблица 5 - Средние значения кластерообразующих показателей ИИП в условиях инновационной экономики в 2013 г. на 2-м шаге

Переменные	Кластер 1	Кластер 2
$Y1$ - инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.	93234,90	151763,12
$X4$ - выдано патентов на изобретение, ед.	141,55	92,82
$X21$ - расходы на науку и профессиональное образование из регионального бюджета, тыс. руб.	7352072,73	1540839,77

Показатели дисперсионной матрицы (приложение 1, таблица 2) говорят о том, что внутригрупповые дисперсии по каждому кластеру меньше, чем межгрупповые.

Вместе с тем внутри кластеров показатели вариации средних значений (особенно во втором) имеют высокий уровень, т. е. количественно неоднородны. Поэтому выделим три кластера (рисунок 7).

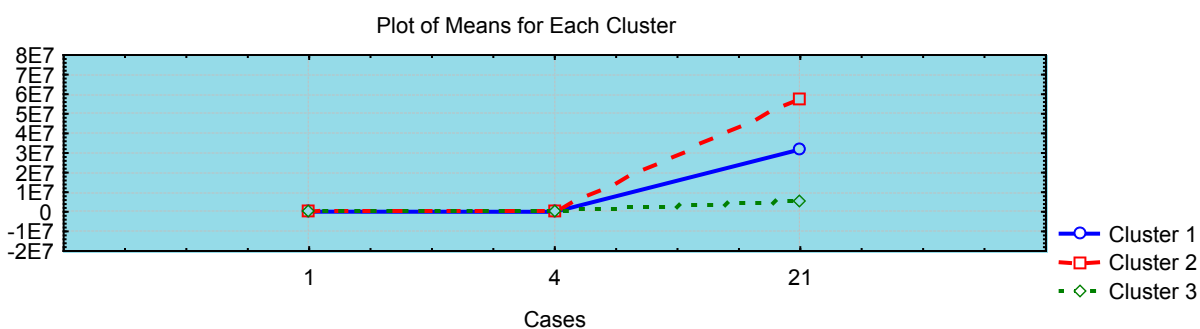

Рисунок 7 - Кластерообразующие показатели ИИП в условиях инновационной экономики в 2013г., полученные на 2-м шаге

Кластерообразующие показатели говорят не только о том, что технологические инновации невозможны без инвестиционных вложений в основной капитал, о взаимосвязи показателей расходов на науку и профессиональное образование из регионального бюджета и количестве выданных патентов на изобретение, но и о территориальных различиях в развитии ИИП в условиях инновационной экономики за рассматриваемый период.

Любая социально-экономическая система обладает специфическими, исторически сложившимися социально-экономическими, политико-правовыми, природно-географическими и культурно-нравственными факторами, оказывающими значительное воздействие на становление и развитие инновационного процесса. И, безусловно, важнейшей предпосылкой для повышения конкурентоспособности социально-экономических систем является наличие и мобилизация инвестиционных ресурсов. Каждый регион подходит к решению задач инновационно-инвестиционного развития с учетом своих особенностей и потребностей [1].

Экономико-географическое положение Южного федерального округа (ЮФО) весьма выгодно и своеобразно, что в значительной степени определяет специализацию региона в территориальном разделении труда страны и представляет огромный экономический и стратегический интерес для Российской Федерации в целом. ЮФО обладает значительной инвестиционной привлекательностью и диверсифицированным потенциалом регионального социального и экономического развития, являющиеся необходимыми предпосылками для структурной перестройки экономики [1].

Однако, помимо дальнейшего развития агропромышленного, транспортного, туристско-рекреационного комплексов в условиях инновационного преобразования экономики, необходимо формирование новых конкурентоспособных сегментов экономики, в том числе инновационного и образовательного кластеров.

При этом инвестиционный ландшафт Юга России отличается своей неоднородностью и неравномерным характером распределения инвестиционной активности по территории округа.

Для оценки инновационно-инвестиционной деятельности нами взяты показатели: объем инновационных товаров, работ, услуг, инвестиции в основной капитал на душу населения, количество выданных патентов на изобретение, расходы на науку и профессиональное образование из регионального бюджета.

Установлено, что оценку соотношений и зависимостей необходимо начинать с построения моделей рядов динамики вида:

$$Y_t = f(X_t) \quad (1)$$

где Y_t - объем инновационных товаров, работ, услуг, млн. руб.;

X_t - величина одного из трех ресурсов (инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб., выдано патентов на изобретение, ед. или расходы на науку и профессиональное образование из регионального бюджета, тыс. руб.).

Все расчеты выполнены на ПЭВМ с использованием табличного процессора MS Excel. Были исследованы как линейные, так и нелинейные виды моделей. Поскольку линейные виды соотношений и зависимостей оказались вполне приемлемыми рассмотрением их мы и ограничимся.

В таблице 6 приведены параметры и характеристики рядов динамики линейного вида по РФ, ЮФО и Краснодарского края (КК), рассчитанные нами для зависимостей объема инновационных товаров, работ, услуг от каждого из трех ресурсов-факторов. В этой таблице r^2 представляет собой индекс детерминации, показывающий степень тесноты зависимости объема инновационных товаров, работ, услуг от каждого из факторов. Значение r^2 находится в пределах 0,0006-0,98, что свидетельствует о высокой степени зависимости.

Как известно, ряды динамики парной линейной регрессии имеют вид [3]:

$$Y_t = b + mX_t \quad (2)$$

Так, уравнения для зависимости «Объем инновационной продукции от инвестиции в основной капитал» для Российской Федерации, Южного федерального округа и Краснодарского края записываются следующим образом:

$$Y = -2583545,0 + 0,4294X_1 \text{ - для РФ;}$$

$$Y = 69498,7 - 0,1479X_1 \text{ - для ЮФО;}$$

$$Y = 5849,3 - 1,5714X_1 \text{ - для Краснодарского края,}$$

где Y и X_1 - объем инновационной продукции, млн. руб. и инвестиции в основной капитал, тыс. руб.

Таблица 6 - Параметры и характеристики рядов динамики для выявления зависимости объема инновационных товаров, работ, услуг от инвестиций в основной капитал на душу населения, выданных патентов на изобретение, расходов на науку и профессиональное образование из регионального бюджета по РФ, ЮФО и КК за 2009-2013 гг.

	Россия			Южный федеральный округ			Краснодарский край		
	объем инновационной продукции от инвестиций в основной капитал	объем инновационной продукции от выдано патентов на изобретение	объем инновационной продукции от расходов на науку	объем инновационной продукции от инвестиций в основной капитал	объем инновационной продукции от выдано патентов на изобретение	объем инновационной продукции от расходов на науку	объем инновационной продукции от инвестиций в основной капитал	объем инновационной продукции от выдано патентов на изобретение	объем инновационной продукции от расходов на науку
b	-2583545	-1931977	-972116	69498,77	53553,34	25589,12	5849,307989	19157,7	10387,19
m	0,429438	3,788878	4,461197	-0,14799	8,962749	95,41743	-1,57149E-06	-0,00038	-0,00051
sey	112030,7	248019	395933,9	18195,88	18132,36	15721,1	965,0706378	387,7392	1563,505
r2	0,98	0,94	0,86	0,0006	0,007	0,25	0,62	0,93	0,02
F	181,50	35,44	12,69	0,001	0,01	0,68	3,37	31,27	0,04
ta	-7,84	-3,03	-1,21	0,74	0,52	0,51	6,69	7,29	0,38
tb	13,47	5,95	3,56	-0,03	0,12	0,82	-1,83	-5,59	-0,21

Коэффициенты (m) перед переменной (X_1) показывают, что при сложившихся динамических тенденциях за 2013г. увеличение инвестиций в основной капитал на 1 млн. руб. приводит к увеличению объема инновационной продукции по РФ на 0,4294, и уменьшению показателя по ЮФО - на 0,1479, по КК - на 1,5714 млн. руб.

Отрицательное значение коэффициента регрессии свидетельствует об обратной связи между признаками, то есть увеличение инвестиций в основной капитал на 1 млн. руб. приводит к увеличению объема инновационной продукции.

Приведем их к сопоставимому виду: если 1 млн. руб. инвестиций в основной капитал дает увеличение объема инновационной продукции на 0,4294 руб. (по РФ), то чтобы увеличить объем инновационной продукции на 1 млн. руб. требуется 78,125 млн. руб. (1: 0,4294) инвестиций в основной капитал.

Анализ значимости построенных уравнений рядов динамики с помощью F-критерия Фишера и t-критерия Стьюдента показывает, что все модели являются статистически значимыми.

При оценке соотношений, зависимостей и тенденций целесообразно использовать и модели множественной регрессии. Для показателей объема инновационной продукции, выданных патентов на изобретение, расходов на науку и профессиональное образование из регионального бюджета можно построить следующие двухфакторные модели: «объем инновационной продукции от инвестиций в основной капитал на душу населения,

выданных патентов на изобретение» и «объем инновационной продукции от выданных патентов на изобретение, расходов на науку и профессиональное образование из регионального бюджета». Показатели «инвестиций в основной капитал» и «расходов на науку и профессиональное образование из регионального бюджета» интеркоррелированы, в силу чего их нельзя включать в модель одновременно.

Соответственно, математическая запись моделей для зависимости «объем инновационной продукции от инвестиций в основной капитал на душу населения, выданных патентов на изобретение» для каждого из рассматриваемых экономических объектов будет иметь вид:

$$Y = -2990510,0 + 0,7555X_1 - 2,9667X_2 \text{ - для РФ;}$$

$$Y = 43436,6 - 8,3311X_1 + 150,7285X_2 \text{ - для ЮФО;}$$

$$Y = 26664,97 + 1,2232X_1 - 0,0006X_2 \text{ - для КК,}$$

где X_2 - выдано патентов на изобретение, ед.

Анализ статистических характеристик коэффициента детерминации (r^2), F-критерия Фишера, t- критерия Стьюдента показывает, что построенные двухфакторные модели являются значимыми.

В соответствии с приведенными выше двухфакторными уравнениями влияние инвестиций в основной капитал и выданных патентов на изобретение на объем инновационной продукции существенно отличаются. По инвестициям в основной капитал вполне понятна имеющая место закономерность - увеличение инвестиций в основной капитал на 1 млрд. руб. приводит к росту объема инновационной продукции по РФ на 0,7555, и на 1,2232 по Краснодарскому краю, снижение по ЮФО - на 8,3311 млрд. руб.

Иначе обстоит дело с фактором «выдано патентов на изобретение». Увеличение этого показателя на 1 тыс. ед. по ЮФО дает наибольший рост объема инновационной продукции (на 150,7285 млрд. руб.), по РФ и по Краснодарскому краю снижение на (29,667 и 0,0006 млрд. руб. соответственно). Что касается Краснодарского края, то здесь самый низкий показатель. Другими словами, выданные патенты на изобретение в экономике не являются для края дефицитным ресурсом.

Преимуществом линейных многофакторных моделей регрессии является возможность определения численной величины предельной нормы заменяемости одного фактора другим. Как известно эта норма представляет собой частное производное одного фактора к другому [3].

Рассчитаем предельную норму заменяемости для инвестиций в основной капитал на душу населения, выданных патентов на изобретение, расходов на науку и профессиональное образование из регионального бюджета по России, используя следующие уравнения:

$$Y = -2990510,0 + 0,7555X_1 - 2,9667X_2;$$

$$Y = -3184214 + 9,7254X_2 - 7,3965X_3 .$$

Из первого уравнения выразив X_1 через X_2 , из второго X_2 через X_3 , получим:

$$\partial X_1 / \partial X_2 = 3,9268;$$

$$\partial X_2 / \partial X_1 = 0,2546;$$

$$\partial X_2 / \partial X_3 = 0,7605;$$

$$\partial X_3/\partial X_2 = 1,3146.$$

В соответствии с чем для замены инвестиций в основной капитал в размере 1 млрд. руб. требуется 3,9268 ед. выданных патентов на изобретение. В свою очередь, чтобы заменить выданные патенты на изобретение в 1 тыс. ед. требуется 0,2546 млрд. руб. инвестиций в основной капитал.

Понятие «взаимозаменяемость» нельзя применить к ресурсам «инвестиции в основной капитал» и «расходы на науку и профессиональное образование», поскольку расходы являются дополняющим ресурсом по отношению к инвестициям в основной капитал.

Для оценки зависимости «инвестиций в основной капитал на расходы на науку и профессиональное образование» нами построены уравнения рядов динамики видов:

$$Y=3558335,35+10,7019X - \text{для РФ,}$$

$$Y=10890,61+27,7520X - \text{для ЮФО,}$$

$$Y=-128712,0+1189,1521X - \text{для КК.}$$

Согласно коэффициентам при переменных X на увеличение объема инновационной продукции в 1 млрд. руб. приходится за рассматриваемый период рост инвестиций в основной капитал на 10,7019; 27,7520; 1189,1521 млрд. руб. соответственно по РФ, по ЮФО и по Краснодарскому краю. Эти данные подтверждают положительные тенденции опережающего роста расходов на науку и профессиональное образование за счет инвестиций.

Оценке подлежат, с нашей точки зрения, и соотношения между объемом инновационной продукции и объемами промышленной и сельскохозяйственной продукции. При этом следует, с одной стороны выявить зависимость объема инновационной продукции от объемов промышленной и сельскохозяйственной продукции (как наиболее значимых отраслей реальной экономики), с другой стороны, выявить влияние объема промышленной продукции на объем сельскохозяйственной.

В таблице 7 приведены параметры и характеристики, построенных нами моделей парной линейной регрессии: «объем инновационной продукции - объем промышленной продукции», «объем инновационной продукции - объем сельхоз продукции» и «объем сельхозпродукции - объем промышленной продукции». В соответствии с данными таблицы 2 для зависимости «объем инновационной продукции - объем промышленной продукции» уравнения регрессии имеют вид:

$$Y=-4220107,0+0,1722X_1 - \text{для РФ;}$$

$$Y=93470,1-0,0161X_1 - \text{для ЮФО;}$$

$$Y=9631,2-0,0104X_1X_1 - \text{для КК,}$$

где Y и X_1 - объем инновационной продукции и объем промышленной продукции, в млрд. руб.

Таблица 7 - Параметры и характеристики рядов динамики для выявления зависимости объема инновационной продукции от объемов промышленной и сельскохозяйственной продукции по РФ, ЮФО и КК за 2009-2013 гг.

	Россия			Южный федеральный округ			Краснодарский край		
	объем инновационной продукции от промышленности	объем инновационной продукции от сельского хозяйства	промыш леность от сельского хозяйства	объем инновационной продукции от промышленности	объем инновационной продукции от сельского хозяйства	промыш леность от сельского хозяйства	объем инновационной продукции от промышленности	объем инновационной продукции от сельского хозяйства	промыш леность от сельского хозяйства
b	-4220107,0	-3839509,0	10484307,0	93470,1	130520,6	-228092,0	9631,2	13274,4	-261904,0
m	0,1722	1,9234	8,3397	-0,0161	-0,1391	4,1567	-0,0104	-0,0412	3,5462
sey	569610,4	320216,0	2856409,0	17154,4	13870,6	135952,4	518,6	446,1	59838,9
r2	0,71	0,91	0,70	0,11	0,41	0,87	0,89	0,92	0,82
F	5,09	20,46	4,83	0,25	1,44	13,40	16,59	23,12	9,52
ta	-1,57	-3,06	0,93	1,69	2,41	-0,43	7,50	7,23	-1,06
tb	2,25	4,52	2,19	-0,50	-1,20	3,66	-4,07	-4,80	3,08

Коэффициент регрессии при X_1 косвенно характеризует место промышленной продукции в объеме инновационной продукции. Чем больше коэффициент регрессии, тем меньше доля промышленной продукции в общем объеме инновационной продукции. Следовательно, ведущая роль промышленности в экономике России очевидна ($m=0,1722$ млрд. руб.). Для ЮФО и Краснодарского края промышленность не является ведущей ($m=-0,0161$, $m=-0,0104$ млрд. руб. соответственно).

Согласно коэффициентам регрессии для зависимости «объем инновационной продукции - объем сельскохозяйственной продукции» сельского хозяйства наиболее значимо для РФ ($m=1,9234$ млрд. руб.). Роль и место сельского хозяйства в экономике ЮФО и Краснодарского края становятся ниже.

Для зависимости «объем сельскохозяйственной продукции от объема промышленной продукции» получены следующие уравнения регрессии:

$$X_2=10484307,0+8,3397X_1 \text{ - для РФ;}$$

$$X_2=-228092,0+4,1567X_1 \text{ - для ЮФО;}$$

$$X_2=-261904,0+3,5462X_1 \text{ - для КК,}$$

где X_2 - объем сельскохозяйственной продукции, млрд. руб.

Как видно из величин коэффициентов регрессии, чтобы увеличить объем сельхоз продукции на 1 млрд. руб. требуется увеличить объем промышленной продукции по РФ на 8,3397; по ЮФО - на 4,1567; по КК - на 3,5462 млрд. руб., то есть справедливо соотношение: 1,000: 8,3397:4,1567: 3,5462.

Это соотношение подтверждает сформулированный вывод о роли и месте сельского хозяйства в экономике России, ЮФО и Краснодарского края.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. В заключение отметим, что за 2013 г. в развитии экономики страны, ЮФО и Краснодарского края в целом

преобладали положительные тенденции. Однако имели и продолжают иметь место и тенденции негативного характера.

Проведенный анализ подтверждает факт разбалансированности инновационной системы ЮФО и слабое взаимодействие ее основных подсистем – научно-технических исследований, инновационной инфраструктуры и промышленности. Следует отметить, что за годы реформ в России была разрушена существовавшая ранее система трансферта научно-технических разработок в промышленность, а новая ещё не сформирована. Инновационная система на сегодняшний день характеризуется неразвитостью рынка высокотехнологической продукции и отсутствием эффективной инновационной инфраструктуры. Поэтому преодолеть негативные тенденции в инновационной сфере, привлекая и мобилизуя для этого достаточный объем инвестиционных ресурсов, и перейти к инновационному типу развития возможно только сформировав новую эффективную инновационно-инвестиционную систему.

Список литературы:

1. Коломыц О.Н., Попова Л.Н. Региональный аспект в социально-экономическом развитии России: проблемы, оценки, меры. // Экономика и предпринимательство. – 2014. - №4-1. – С. 253-256.
2. Мандель И. Д. Кластерный анализ. - М.: Финансы и статистика, 1988. – С.161.
3. Эконометрика: Учебник / Под ред. И.И.Елисеевой, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2005. - 576 с.
4. Официальный сайт «Федеральная служба государственной статистики» // Электронный ресурс / режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения 29.08.2014).

*Nagornaya Oxana, Master student of the
Financial University under the Government of the Russian
Federation, Department of Applied Mathematics
and Information Technologies*

Model of investment decision-making by multisectoral retail company

*Нагорная Оксана, магистрант Финансового
университета при Правительстве Российской Федерации,
факультет Прикладной математики и
информационных технологий*

Модель принятия инвестиционных решений многопрофильной ритейловой компанией

В современной науке все большее место занимают проблемы принятия решения. На практике часто приходится решать такого рода задачи в ситуации неопределенности, в этих случаях недостаточности объективной информации используют субъективные оценки, которые основываются на знаниях, опыте, мнениях, участвующих в выработке субъективной оценки.

В данной статье задача выбора наилучшей альтернативы решается с помощью метода аналитической иерархии Т. Саати на примере реально функционирующей компании.

Финансовые ресурсы предприятия формируются за счет внутренних и внешних источников. К внутренним относится прибыль, остающаяся в распоряжении компании. В состав внешних источников финансирования в основном входят заемные средства в виде кредитов банков. Однако использование данного источника приводит к возникновению определенных проблем, связанных с необходимостью последующего погашения долговых обязательств. Поэтому необходимо четко понимать, что проект, в который направляются инвестиционные потоки, сформированные за счет кредитных средств, позволит компании не только ответить по обязательствам, но и получить прибыль. При наличии нескольких перспективных проектов возникает проблема выбора наилучшей из имеющихся альтернатив.

Так как многокритериальная задача решается в условиях неопределенности, то для решения поставленной задачи применялся Метод аналитической иерархии, разработанный американским математиком Томасом Саати. Этот метод широко используется на практике и активно развивается учеными всего мира. В основе данного метода лежит теорема Фробениуса-Перрона. [1]

Основные этапы подхода АНР

1. Структурирование задачи как иерархического устройства с несколькими уровнями: цели – критерии - альтернативы.

2. Лицо, принимающее решение (далее ЛПР), осуществляет попарные сравнения элементов каждой ступени, затем результаты преобразуют в числа. При парных сравнениях альтернатив ЛПР использует шкалу словесных определений степени значимости, причем каждому определению соответствует определенное число. [2]

Результат этого сравнения представляет собой положительную обратно-симметричную матрицу. Эти оценки выставляются независимо, но не являются действительно «независимыми». Здесь подразумевается не просто традиционное требование транзитивности предпочтений, а фактическая степень предпочтения, которая проходит через всю последовательность сравниваемых предметов.

3. После составления матрицы парных сравнений задача сводится к тому, чтобы в возможным действиям поставить в соответствие множество числовых весов, которые соответствовали бы зафиксированным суждениям, то есть необходимо вычислить вектор приоритетов по данной матрице. [3] В математическом смысле это – вычисление главного собственного вектора, нормализация которого приводит к получению вектора приоритетов. [4]

При этом исследуется согласованность суждений ЛПР. Существует определенный уровень допустимого несоответствия, который мы можем принять.

Как известно, согласованность положительной обратно-симметричной матрицы равнозначна выполнению условия равенства ее максимального собственного значения с n .

Для каждой матрицы рассчитывается индекс согласованности как мера отклонения от согласованности. А также отношение согласованности, значение которого считается приемлемым, если оно не превосходит 0,10. [5]

4. Калькулируется количественный показатель качества каждого альтернативного варианта и фиксируется наилучшая альтернатива.

Практическая реализация Метода аналитической иерархии для решения поставленной задачи осуществлялась при помощи специализированного программного продукта Super Decisions.

В рамках данного исследования была сформирована группа из 7 экспертов. Компетентность экспертов оценивалась по следующим параметрам:

- Наличие диплома о высшем образовании
- Стаж работы более 5 лет
- Срок работы в компании более 1 года
- Руководящая должность в компании

В качестве альтернатив были выбраны следующие направления:

- Недвижимость
- Строительные материалы
- Товары для дома
- Кофейни
- Садовый центр

Это наиболее крупные проекты, приносящие большую часть прибыли и требующие серьезных финансовых вложений. Они являются элементами нижнего уровня иерархии.

Критерии отбирались путем коллективного обсуждения факторов, влияющих на прибыль и привлекательность направления. В результате критерии выбора лучшей альтернативы следующие:

1. Прибыльность .
2. Возможность реинвестирования.
3. Величина вложений. Естественно, что собственники компании желают максимизировать прибыль при минимальных вложениях.
4. Ожидаемая продолжительность периода окупаемости и существования проекта.
5. Сетевые продажи. Чем больше торговых точек в сети, тем меньше затраты.
6. Готовность управленческой структуры.
7. Трудоемкость (*в смысле количества персонала по направлениям*).
8. Место расположения объектов направлений. *Здесь имеется в виду проходимость, отдаленность от центра города, удаленность от остановок общественного транспорта.*

Экспертами сравнивалась важность критериев между собой, а так же попарно сравнивались альтернативные варианты относительно каждого из критериев. Использование программного обеспечения позволяет опустить ряд вычислительных этапов: вектор приоритетов и индекс согласованности автоматически выводится на экран.

После заполнения таблиц сравнения, данные синтезируются и выводится на экран итоговый вектор приоритетов. На основе значений этого вектора альтернативы были упорядочены по значимости. Результаты исследования показали, что в первую очередь инвестиционные потоки следует направлять на развитие проекта "Строительные материалы".

На основе реальных данных была построена модель, позволяющая сочетать экспертные оценки с объективными методами определения предпочтительности проектов.

Список литературы

1. Блюмин С.Л., Шуйкова И.А. Модели и методы принятия решений в условиях неопределенности. Липецк: ЛЭГИ, 2001.
2. Saaty Th. L. On the Measurement of Intangibles. A Principal Eigenvector Approach to Relative Measurement Derived from Paired Comparisons. <http://www.ams.org/notices/201302/> //Notices of the American Mathematical Society// Issue 02 February 2013.
3. Anderson D. R., Sweeney D. J., Williams Th. A., Camm J. D., Kipp M. An introduction to management science quantitative approaches (13th edition). Cengage South-Western 2011;
4. Бодров В.И., Лазарева Т.Я., Мартемьянов Ю.Ф. Математические методы принятия решений. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004.
5. Ларичев О.И. Теория принятия решений. М.: Логос, 2000.

*Nurgatin Renat Rafisovich,
Kazan Federal University, student*

Fiscal cliff in the United States: the essence and possible consequences

*Нургатин Ренат Рафисович,
Казанский федеральный университет, студент*

Фискальный обрыв в США: сущность и возможные последствия

В последние годы многие слышали о возможности наступления фискального обрыва в США. Мне, как и всем, стало интересно, что представляет собой фискальный обрыв, и в своей статье я хочу объяснить его сущность, какими последствиями он может обернуться для США и чего ожидать ведущим мировым державам и России с ее сырьевой экономикой?

Итак, фискальный обрыв – термин, который используется для обозначения, совпавшего на кратчайшем отрезке времени комплекса мер по сокращению расходов и повышению федеральных налогов, которые законодательно закреплены или автоматически начинают свое действие. На протяжении всего 2012 и начала 2013 года, все экономические новости были связаны с тем, смогут ли договориться республиканцы и демократы о снижении государственного долга, и тем самым не допустить фискального обрыва в стране. Откуда же появилось это название «фискальный обрыв»?

Это сокращение прописано в законодательстве, и, если закон не будет изменен, то график дефицита государственного бюджета изобразит фигуру, которую глава ФРС Бен Бернанке и назвал "фискальным обрывом". Управление Конгресса США прогнозирует: сокращение дефицита бюджета (направленное на борьбу с гиперростом государственного долга, который на сегодня у США составляет 18532 миллиарда долларов, то есть 110% ВВП страны) приведёт к рецессии американской экономики. Около 5 трлн составляет долг перед иными государствами, из которых по 1,3 и 1,1 трлн — перед Китаем и Японией соответственно[1]. Учитывая кризисное состояние мировой экономики в принципе, последствия могут быть ощутимыми для всех без исключения. Именно поэтому к возможному "фискальному обрыву" прикованы взгляды всех экономических прогнозистов и аналитиков.

Резкое увеличение государственного долга США вызвало озабоченность Конгресса уже во время первого президентского срока Рональда Рейгана, результатом стало принятие в 1985 году Закона о сбалансированном бюджете и контроле над дефицитом в чрезвычайных условиях[2].

История возникновения современного фискального обрыва уходит своими корнями ещё в период президентства Джорджа Буша-младшего, администрация которого в 2000-х годах запустила, целую серию программ, предусматривающих налоговые льготы. Эти льготы были продлены Б. Обамой в 2010 году. Окончание же этих программ приходилось на начало 2013 года. Другая группа причин — это последствия компромисса, достигнутого в 2011 году между демократами и республиканцами в вопросе повышения порога государственного долга США. Республиканская оппозиция согласилась повысить потолок долга на 2,5 трлн. долларов, а Барак Обама взамен пообещал сократить государственные расходы на 2 трлн долларов в ближайшие 10 лет. Комплекс мер по обещанному сокращению расходов также должен был начать осуществляться с 1 января 2013 года. То есть, американскую экономику ожидал "двойной удар".

Фискальный обрыв в США станет окончательным и смертельным ударом кризиса по мировой экономике, пророчат пессимистически настроенные экономисты из разных стран. Им возражают оптимисты: не только не станет окончательным ударом, но даже принесет пользу, став стимулом экономического возрождения.

Замечу, что в силу политических традиций республиканцы всегда выступают против увеличения налогов, а «правящая» в США партия — демократы — против сокращения государственных расходов. Принято считать, что республиканцы выражают интересы более состоятельной части американского общества, которая и получала самую большую выгоду от объявленных в своё время Бушем «налоговых каникул». Ну а демократы традиционно «защищают» интересы среднего класса, малоимущих, безработных и национальных меньшинств. Именно эти социальные группы пострадают в первую очередь при сокращении расходов, в том числе — на медицинские услуги, пособия и иные социальные нужды. С тех пор представители обеих партий так и не смогли согласовать единый пакет мер по борьбе с дефицитом — демократы преимущественно выступают за повышение налогов, республиканцы — за сокращение расходов[3].

Содержательно "фискальный обрыв" включает в себя введение прогрессивной шкалы налогообложения, общий рост налогов, введение дополнительных налоговых сборов с наибольшей категории доходов, а также неизбежный секвестр бюджета. Акт бюджетного контроля, был подписан Бараком Обамой в 2011 году, чтобы избежать дефолта. Акт подразумевает описанный выше рост налогов в сочетании с сокращением бюджетных расходов до уменьшения дефицита бюджета более чем на триллион долларов США в течение 10 лет.

Итогом долгих переговоров стало соглашение от 1 января 2013 года, когда конгресс США одобрил Закон «О фискальном обрыве», тем самым отсрочив падение. Сильнее всего пострадали оборонные программы - для них сокращение составит 13 процентов. Основная переговорная идея демократов и Барака Обамы заключается в том,

чтобы оставить часть сокращений в силе (речь идет, в частности, о некоторых тратах в области ВПК и субсидиях фермерам), а остальное компенсировать за счет увеличения налогов на доходы самых богатых американцев. Но именно этот последний пункт и не устраивает «слонов» во главе со спикером Палаты представителей Джоном Бейнером — они хотят сохранить текущую цифру, но готовы дать возможность Обаме решить, как именно стоит распределить эти средства.

Программа секвестра бюджета США, заработала. Несмотря на все усилия со стороны Конгресса и президента, избежать чрезвычайно болезненных для экономики сокращений не удалось. Впрочем, реальный эффект от секвестра в первые годы едва ли будет заметен, так что время договориться у непримиримых на сегодняшний день противников определенно есть. В первое время население может даже не заметить последствий произошедшего, однако через некоторое время начнутся масштабные сокращения персонала в различных государственных структурах, а чуть позже и в частном предпринимательстве. Следствием тому станет повышение показателя безработицы и снижение темпов экономического роста.

В связи с этим весь занимает вопрос: есть ли возможность избежать полноценного "фискального обрыва" в будущем, и используют ли США эту возможность?

Во избежание "обрыва" необязательно бежать назад. Эксперты утверждают: совершенно необязательно бежать от "фискального обрыва", как от огня. Ведь последствия не будут катастрофическими, даже если изменить всего лишь одну из характеристик. Например, реализовать "обрыв" частично: растянуть рост налогообложения и сокращение госрасходов на определённый период (год-два). Пока будет осуществляться эта "частичная реализация", политики смогут продолжить переговоры. Конечно, в этом случае каких-то негативных последствий не избежать, однако они не будут подобны падению всей страны с огромной высоты, что чревато крахом, в том числе и политической системы.

При этом и оптимисты, и пессимисты указывают, что, если "фискального обрыва" удастся тем или иным способом избежать, то экономика США продемонстрирует небольшой, но все же рост ВВП. А в случае реализации "обрыва" вместе с США пострадают все:

- мировые финансовые рынки, уже не один раз чутко реагирующие на менее значительные проблемы американской экономики;

- Еврозона, которая по причине углубления кризиса вряд ли превысит "нулевой рост", в случае рецессии США, важнейшего торгового партнёра, также впадёт в рецессию. Франция и Великобритания и без того имеют негативные прогнозы по рейтингам, Германия тоже постепенно "сползает" в экономическое замедление.

- Япония, демонстрирующая аналогичный европейскому спад, может отреагировать на "фискальный обрыв" в американской экономике резким падением экономики.

- Китай, который, по мнению экспертов, уже не сможет взять на себя роль локомотива кризисной мировой экономики. Его собственная экономика ощутимо замедлилась. Повторить стимулирование своей экономики и экономик сырьевых стран с

помощью программ инфраструктурного строительства (как это было сделано в 2008-2009 годах), Китай уже не сможет, поскольку это бы критически углубило и без того опасные неравномерности развития в китайской экономике.

– Россия, которая теснейшим образом связана с Европой торговыми связями. А, значит, рикошет "финансового обрыва", грозящий ударить по Европе, обязательно нанесёт не менее ощутимый удар и по России, и по большинству связанных с ней постсоветских государств. Эксперты отмечают, что теоретически государства, входящие в Таможенный союз, могут продемонстрировать больший уровень устойчивости, однако гарантии этого нет.

– Такие развивающиеся и более гибкие экономики, как индийская или бразильская, зависят от экономики США не в меньшей степени, чем китайская. Темпы роста в них также ослаблены, поэтому рассчитывать на поддержку мирового экономического роста с их стороны в случае "фискального обрыва" в США не приходится.

Список литературы:

1. Max Fisher. This surprising chart shows which countries own the most U.S. debt. The Washington Post 10, 2013. – P.12
2. Стиглиц Дж. Экономика государственного сектора. Москва, ИНФРА-М, 1997. - С.59
3. Едовина Т. Фискальный обрыв сглаживается. Москва, Коммерсантъ №83, 2013. - С. 6

***Pukhyr Svitlana,**
University of Banking
of the National Bank of Ukraine (Kyiv),
Candidate of economic sciences,
Docent, PhD Student*

The system of intergovernmental relations in Ukraine: tendencies of reforming

***Пухир Світлана Тимофіївна,**
Університет банківської справи
Національного банку України (м. Київ),
кандидат економічних наук,
доцент, докторант*

Система міжбюджетних відносин в Україні: тенденції реформування

В умовах сучасної суспільно-політичної кризи в Україні актуалізуються питання удосконалення системи міжбюджетних відносин, формування ефективних місцевих бюджетів, зміцнення фінансової бази органів місцевого самоврядування з метою забезпечення громадян країни, незалежно від місця їх проживання, певним комплексом гарантованих законодавчо прав і суспільних благ. Слід зазначити, що саме міжбюджетні відносини належать до числа найскладніших із теоретичної й практичної точок зору, дуже часто вони заполітизовані, й тому завжди перебувають у центрі уваги як громадських діячів, так і науковців [1].

Метою даної статті є дослідження формування й особливості розвитку системи міжбюджетних відносин в Україні та обґрунтування основних напрямів її реформування з урахуванням досвіду країн – членів ЄС.

На початку XXI століття в Україні бюджетне забезпечення регіонального і місцевого розвитку за джерелами надходжень характеризується значною неоднорідністю. Так, у 2001 році співвідношення на користь державного бюджету склало 66,4 : 33,6, при стандартах розвинутих країн 40 : 60. Таке фінансування не дозволяло органам місцевого самоврядування відчувати себе фінансово самостійними, не сприяло виникненню у них необхідних стимулів забезпечення відповідного управління бюджетами і проведення економічної політики, спрямованої на стимулювання ділової активності.

З метою подолання цих проблем та змінення умов фінансування у 2001 році було прийнято Бюджетний кодекс України, яким на довгостроковій основі було закріплено 17 різних джерел доходів, що не враховувались під час розрахунку міжбюджетних трансфертів, проте фіскальні повноваження місцевих органів влади залишились

незначними. Водночас, у результаті дії міжбюджетних трансфертів виникла практика “зрівнялівки”, що має місце і в сучасних умовах. Місцеві органи влади позбавлені можливості самостійно вирішувати власні проблеми через залежність від дотацій або через вилучення понадпланових коштів. У місцевої влади немає стимулів для ефективного розвитку місцевого господарства – вигідніше залишатися “реципієнтом”, ніж переходити до розряду “донорів” [2].

Разом з цим, труднощі формування та виконання місцевих бюджетів в Україні, що спостерігається впродовж останніх років, поступово набувають системного характеру. При цьому новації Бюджетного та Податкового кодексів, які позиціонувалися як спрямовані на децентралізацію бюджетної системи держави, не виправили ситуації загалом, а низку проблем на рівні місцевих бюджетів навіть поглибили.

Принцип субсидіарності, що розмежовує повноваження між центральною і місцевою владами, задекларований в Бюджетному кодексі України, проте не впроваджений на практиці. Місцеві бюджети не в стані самостійно забезпечити як поточні потреби життєдіяльності території, так і розширеного відтворення соціально-економічної системи регіону, адже в їх дохідній частині власні доходи становлять незначну частку. Так, дотаційність 5 419 бюджетів місцевого самоврядування з близько 12 тис. територіальних громад становить понад 70 відсотків, 483 територіальні громади на 90 відсотків утримуються за рахунок коштів державного бюджету [3].

Принцип субсидіарності був домінантним при створенні Європейського Союзу та є одним із основних положень Європейської хартії про місцеве самоврядування.

В економічній літературі підтвердженням принципу субсидіарності є теорія децентралізації Оутса, згідно з якою за відсутності економії від централізації управління бюджетна система має бути децентралізованою [4].

При формуванні бюджетної системи України, яка відповідала б економіці ринкового типу, пріоритетним і найважливішим питанням реформи державних фінансів є бюджетна децентралізація.

Гарантування і забезпечення державою виконання повноважень місцевого характеру, фінансовою базою яких є регіональний фінансовий ресурс, як зазначають науковці Інституту регіональних досліджень НАН України, при децентралізації неможлива без одночасної передачі органам місцевого самоврядування переважної більшості повноважень місцевого характеру і коштів державного бюджету у вигляді окремих податків або їх частин. Зокрема, шляхом формування зв'язаної моделі податкової системи України, збільшення частки обсягу національних податків, які б закріплювались за місцевими бюджетами та не враховувались при розрахунку міжбюджетних трансфертів, а саме, закріплення за місцевими бюджетами частини надходжень від податку на прибуток підприємств некомунальної форми власності, перерозподілу податку з доходів фізичних осіб, адже згідно з діючим механізмом, він спрямовується за місцем реєстрації платника податків, який є податковим агентом з нарахування та сплати податку, а не за місцем його розташування.

Важко не погодитись, що розподіл повноважень місцевого самоврядування, згідно чинного законодавства, на делеговані державні та власні, а відповідно фінансових ресурсів на ті, що враховуються і не враховуються центром при визначенні міжбюджетних трансфертів не сприяв розширенню прав і відповідальності їх органів і територіальних громад за стан вирішення питань місцевого значення. Натомість проведені зміни в законодавстві не знімають постійно існуючої невідповідності випереджаючого

росту видатків місцевих бюджетів з делегованих державних повноважень і поступової передачі цього навантаження з міжбюджетних трансфертів на закріплені доходи і законодавчої зміни на користь місцевого самоврядування владних повноважень [5].

Водночас, необхідно підкреслити, що чинна система міжбюджетних відносин в Україні має чітку вертикальну структуру. Відповідно до бюджетного кодексу України, статей 97 – 101, визначено трансферти, що надаються з державного бюджету України місцевим бюджетам, кошти, що передаються до державного бюджету з бюджетів нижчого рівня, для яких у державному бюджеті визначаються міжбюджетні трансферти, міжбюджетні трансферти між місцевими бюджетами.

Як зазначає Сторонянська І.З., на сьогоднішній день в Україні залишається незадіяним такий інструмент міжбюджетних відносин як горизонтальне вирівнювання – надання трансфертів із одного бюджету до іншого, що не сприяє оптимізації використання фінансового потенціалу шляхом його перерозподілу в межах регіону [5], а також між регіонами та між місцевими бюджетами відповідно до спільних потреб територіальних громад як в межах одного регіону, так і декількох сусідніх.

Сучасна модель міжбюджетних відносин вимагає подальшого реформування з урахуванням досвіду країн – членів ЄС, для посилення самостійності місцевих бюджетів, удосконалення міжбюджетних відносин, підвищення їх результативності, що забезпечить повніше задоволення потреб населення та поліпшення його життєвого рівня.

Література

1. Кириленко О.П. Досягнення стратегічних орієнтирів удосконалення міжбюджетних відносин в Україні. Фінанси України, 2013.- С. 19.
2. Стратегія економічного і соціального розвитку України (2004 – 2005 роки) “Шляхом Європейської інтеграції”. Київ, 2004.- С. 331-332.
3. Концепція реформування місцевого самоврядування та територіальної організації влади в Україні / Розпорядження КМУ від 1.04.2014 р., № 333-р [Електронний ресурс].- Режим доступу:
<http://zakon1.rada.gov.ua/laws/shav/333-2014-%D1%80/print1391002642718171>
4. Буряченко А.Є. Функціональна децентралізація та вдосконалення системи бюджетних відносин. Фінанси України, 2014.- С. 25.
5. Громадський моніторинг бюджетів міст обласного значення Львівської області: інформаційно – аналітичне видання. Львів, 2014.- С. 87-88.

*Kruchinin Sergey, November institute of oil and gas (branch) of TSOGU, Ph.D., Associate Professor,
Zaytseva Svetlana, November institute of oil and gas (branch) of TSOGU, Ph.D., Associate Professor*

Requirements to higher education in the conditions of economic sanctions of the West

*Кручинин Сергей, Ноябрьский институт нефти газа (филиал) ТюмГНГУ, доцент, кандидат философских наук,
Зайцева Светлана, Ноябрьский институт нефти и газа (филиал) ТюмГНГУ, доцент, кандидат педагогических наук*

Требования к высшему профессиональному образованию в условиях экономических санкций Запада

Еще несколько месяцев назад введенные Западом экономические санкции в отношении России воспринимались большинством населения как некие несерьезные издержки, рассчитанные на подавление воли государства. Данной точки зрения придерживались не только обыватели, которые не обладают в полной мере необходимыми экономическими знаниями, но и многие «специалисты», обязанные в силу своего служебного положения обладать определенными профильными компетентными.

В результате можно выделить два важных момента. Положительным фактором является то, что ответственные за развитие государственной экономики лица начали работать над решением накопившихся проблем и стали искать выход из создавшейся ситуации (однако необходимо отметить, что данные меры стоило предпринять намного раньше, чтобы вообще в таком положении не оказаться). Отрицательным фактором выступает то, что времени для быстрого коренного перелома ситуации в пользу России крайне мало.¹

В настоящее время многие иностранные компании (ExxonMobil, Shell, Total) вследствие введенных против России санкций прекратили свою деятельность на территории нашей страны. При этом отечественные нефтяники способны самостоятельно реализовать только связанные с традиционной добычей нефти проекты, однако осуществление таких капиталоемких направлений, как добыча трудноизвлекаемых запасов (ТРИЗ) или бурение на шельфе требуют участия иностранных инвестиций и

¹ Винокуров М. Щит и меч против санкций – кадры и реиндустриализация. // «Аргументы Недели», № 40 (432) от 23 октября 2014. – Электронный ресурс. – Режим доступа: [<http://argumenti.ru/economics/n460/372360>].

технологий. Это в полной мере осознавало руководство США, которое приняло во внимание уже вложенные иностранными компаниями инвестиции в различные проекты, но прицельный удар пришелся именно на добычу сланцевой нефти.

Необходимо заметить, что Россия обладает самыми большими в мире запасами сланцевой нефти, они составляют 22% мировых запасов или 75 млрд баррелей (данную оценку предоставляет Управление энергетической безопасности США). Вместе с тем в настоящее время Россия отдает предпочтение добыче традиционной нефти. В Америке, наоборот, не существует альтернативы сланцевой нефти, поэтому США постоянно увеличивают темпы бурения (около 110 млн м по итогам 2013 года) и максимально сокращают имеющиеся бюрократические процедуры, которые предшествуют бурению скважин. Америка строит серьезные планы проникновения к 2020 году на рынок углеводородов в качестве весомого игрока. Эти планам препятствует добыча труднодоступной нефти в России, обеспечиваемая сотрудничеством государства с западными партнерами и поддерживаемая иностранными инвестициями.²

В этом отношении очень кстати для США оказались воссоединение Крыма с Россией, крушение Боинга, появление, так называемых, пророссийских сепаратистов и многие другие события, где поведение России трактуется США и зависимым от них Западом как неправильное, а, значит, является удачным поводом для введения экономических санкций. Наиболее серьезные из них отразились на деятельности ведущих компаний ТЭК и многих амбициозных отечественных проектах. В частности, санкции заставили Shell остановить совместный с Газпром нефтью проект по освоению труднодоступных ресурсов Западной Сибири, а компания ExxonMobil заморозила проекты на шельфах с участием Роснефти. Закупка иностранного оборудования и трансферт технологий поднимали рентабельность проектов, обеспечивая на перспективу стабильные поставки сланцевой нефти по конкурентным ценам. Многие специалисты убеждены в том, что прекращение добычи сланцевой нефти в России является конечной целью санкционной политики Запада и дестабилизации ситуации на Украине.³

Таким образом, становится очевидным, что вводимые США и их союзниками в Европе пакеты санкций имеют серьезные последствия для российской экономики. В условиях, когда на иностранные инвестиции рассчитывать не приходится, назрела необходимость развивать собственных технологий и внедрения их в масштабное производство. В связи с этим особенно актуально и остро стоит вопрос подготовки для нефтегазовой отрасли высококвалифицированных специалистов, способных в кратчайшие сроки решать объемные задачи. Существенную роль в этом вопросе играет профильная система высшего образования в России, которая должна обеспечить государству реализацию новой кадровой политики.

В целом заметим, что подготовка конкурентоспособного инженера представляет собой весьма затратный и трудоемкий процесс. Ее можно осуществить только в условиях соответствующей материально-технической базы и развитой научно-педагогической школы, создание которой занимает много лет. Однако основополагающее значение имеет

² Тархов И. Г. Перспективы развития России в условиях введенных Западом санкций // Мировая экономика, 2014, № 8. – С. 18.

³ Власов И.Г. Нефтегазовый сектор России в условиях западных санкций: проблемы и перспективы // Вопросы экономики, 2014, № 8. – С. 15.

сама атмосфера и определенный менталитет ВУЗа, которые существенно различаются в зависимости от профиля университета.

В частности, классический университет несет культ науки, педагогический ВУЗ ориентирован на детей, а технический – должен быть нацелен на обеспечение практической эффективности. Таким образом, становится очевидным, что данные ценности существенно отличаются друг от друга, однако вместе создают основу для полноценного развития экономики и общества. Именно ценности, создаваемые на основе определенных традиций, формируют ВУЗ, бренд которого выступает гарантом качества подготовки специалиста.

Рассмотрим успешный опыт подготовки специалистов для нефтегазовой отрасли на примере деятельности Тюменского государственного нефтегазового университета

В данном ВУЗе основаны известные во всем мире научно-педагогические школы: автоматизации и информационных технологий; бурения; геологии и разведки месторождений; криологии Земли; переработки нефти и газа; разработки нефтяных и газовых месторождений; транспорта углеводородов. В ТюмГНГУ сформирована система непрерывного образования: лицей, бакалавриат, магистратура, аспирантура, диссертационные советы, центры повышения квалификации и переподготовки кадров, которые на практике осуществляют концепцию «Обучение – через всю жизнь».

ВУЗ имеет 189 предприятий-партнеров, а его выпускники обеспечивают порядка 60 процентов инженерных кадров ТЭК. В частности, в «Лукойле – Западной Сибири» свыше 1500 сотрудников имеют дипломы данного университета.

ТюмГНГУ является основной площадкой для подготовки кадров для крупнейших нефтегазовых компаний: ОАО «Газпром», ОАО «НОВАТЭК», ОАО «Транснефть», ОАО «НК «Роснефть», ОАО «Сибур», ОАО «Сургутнефтегаз» и других.

По заявлению губернатора Тюменской области Владимира Якушева, в регионе проходит диверсификация экономики в подготовке инженеров, основной акцент при этом делается на ТюмГНГУ, который успешно справляется с поставленной задачей.⁴

В частности, ВУЗ, понимая основные проблемы отрасли и прогнозируя приоритетные направления развития региональной экономики, усиливает подготовку «линейных» инженеров посредством реализации профильной программы прикладного бакалавриата (в 2012 году – 20 чел., в 2014 году – 760 чел.). Полноценное развитие профессиональных компетенций при этом обеспечивается в рамках действия дуальной системы подготовки кадров, которая предполагает получение образования студентами по выбранной профессии в двух заведениях: в ВУЗе и непосредственно на предприятии. Таким образом, в ТюмГНГУ решается довольно непростая задача – формирование основных кафедр на ведущих предприятиях ТЭК. При этом согласовываются необходимые вопросы финансового и юридического характера, организовывается постоянное взаимодействие.

Здесь важен опыт создания крупными организациями отрасли корпоративных кафедр, которые отвечают взаимным интересам сторон. Ведущие компании финансируют привлечение к процессу образования своих собственных специалистов, что реализуется не в благотворительных целях, а в рамках подготовки востребованных на производстве инженеров. Компании понимают, что их будущее развитие напрямую зависит от уровня

⁴ Шафраник Ю. К. Инженерный спецназ экономики. 22.10.2014. – Электронный ресурс. – Режим доступа: [<http://shafranik.ru/news/inzhenernyi-spetsnaz-ekonomiki>].

квалификации персонала, поэтому выпускники всех кафедр гарантированно трудоустраиваются на предприятия.

Как показывает практика ВУЗа, задача подготовки инженеров-исследователей и разработчиков в рамках образовательной программы бакалавриата в настоящее время трудноосуществима, однако определенные идеи в этом направлении уже есть. Полноценная же подготовка инженеров-исследователей осуществляется в магистратуре по различным программам. Именно эта ступень образования призвана обеспечить опережающую подготовку инженеров для формирования и применения на практике передовых наукоемких технологий. В этих целях в ТюмГНГУ используются специальные индивидуальные образовательные маршруты по освоению дополнительных программ магистратуры, включая активное применение современных дистанционных и электронных технологий.

ВУЗ также осуществляет подготовку инженерных кадров для среднего и малого бизнеса, поскольку в современных условиях диверсификации экономики потребности в кадрах для новых предприятий на рынке не удовлетворяются в полном объеме. В связи с этим является очень актуальным открытие на базе ТюмГНГУ современной политехнической школы, способной удовлетворять соответствующие нужды региона.

Еще одним важным образовательным направлением системной подготовки инженеров выступает сетевая форма обучения, которая объединяет под эгидой университета компетенции и потенциалы ВУЗов разного профиля, но с обязательным участием научных институтов и ведущих промышленных компаний в российских регионах. Это, своего рода, структурированный сетевой университет, решающий задачи развития промышленности и подготовки профильных специалистов, включающих в деятельность организаций-заказчиков.

Все выше обозначенные задачи развития системы подготовки высококвалифицированных кадров для нефтегазового сектора российской экономики можно детализировать и развивать. Однако в настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что успешный опыт ТюмГНГУ должен быть распространен и на другие регионы нашей страны. Это позволит не только увеличить количество аналогичных площадок на территории государства, но и обеспечит внедрение в жизнь новых передовых идей развития, поскольку ВУЗы разных регионов, выйдя на примерно одинаковый уровень подготовки специалистов, смогут совместно строить планы на будущее и реализовывать общие проекты. Таким образом, повысится общая конкурентоспособность российской экономики, и будут сведены к минимуму последствия введенных странами Запада санкций.⁵

Необходимо также принимать во внимание то обстоятельство, что в современном мире постоянно возрастает конкуренция за высококвалифицированные кадры технического профиля не только среди организаций, но и среди государств. Активное развитие процессов глобализации, передовых технологий постоянно повышает требования к уровню качества трудовых ресурсов, их квалификационному росту. Все это определяет повышенное внимание к данной проблеме и должно демонстрировать четкую адекватную современным реалиям позицию отечественного экспертного сообщества.

⁵ Зинченко В. Л. Подготовка инженеров в современной России. // Наука, 2014, № 7. – С. 22.

Решение стратегических и тактических задач развития ТЭК уже не может проходить без обеспечения инновационной системы подготовки высококвалифицированных кадров.

Вместе с тем, к сожалению, пока российская школа подготовки профильных кадров существенно отстает от мирового уровня. Российские ВУЗы в международных рейтингах находятся на весьма низком уровне. Поэтому представляется целесообразным формирование собственной национальной системы объективной оценки результативности работы ВУЗов с участием в ней ученых, заказчиков и потребителей кадров. Это позволит существенно повысить уровень качества подготовки отечественных специалистов.

Среди наиболее значимых причин современного отрыва системы высшего образования от предъявляемых требований индустрии выступает специфика сложившейся в России ситуации, когда представители бизнеса не ставят перед собой стратегические задачи, и происходит примитивизация технологического производства. Формальный подход к решению важнейших задач увел образование в сторону от общемирового развития, и российская инженерная подготовка местами перешла в отрицательную стоимость.

При этом подготовка инженеров переживает непростое время, вызванное также и переходом государства на подушевое финансирование, снижение общих нормативов на подготовку профильных кадров, снижение оплаты труда профессорско-преподавательского состава, стипендиального обеспечения, что не может не отражаться на качестве и уровне подготовки инженерных кадров. Все эти проблемы должны решаться комплексно.

Министерство образования и науки России часто не поддерживает предложения научного экспертного сообщества по развитию системы высшего профессионального образования в нефтегазовой сфере. В частности, несмотря на мнение компетентных специалистов, из образовательных программ была исключена подготовка по специальностям «Разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений», «Бурение нефтяных и газовых скважин», «Проектирование, сооружение и эксплуатация нефтегазопроводов и газонефтехранилищ». На стадии исключения и такие чрезвычайно важные для отрасли направления, как: «Технологические машины и оборудование», «Электро- и теплоэнергетика».

Стремление быстро провести реформы в сфере профессионального образования ведет к несогласованности утвержденных образовательных стандартов. Принятый перечень специальностей не удовлетворяет требованиям нормативной базы ТЭК и запросам работодателей. В частности, специалист по направлению «Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования» не может трудоустроиться на предприятии ТЭК, поскольку на подземные работы принимают только «Горного техник-электромеханика», а данной специальности больше нет в соответствующем государственном перечне.

В настоящее время не выстроена полноценная система взаимодействия всех участников процесса образования: органы власти – ВУЗ – работодатель. В частности, в Межведомственной комиссии по проведению мониторинга деятельности государственных образовательных учреждений в целях оценки эффективности их работы и реорганизации неэффективных государственных учреждений не представлены Минприроды РФ, Минпромторг РФ, Министерство энергетики РФ, большая часть крупнейших корпоративных организаций. При этом очень важно, чтобы реорганизация ВУЗов, ведущих подготовку специалистов в нефтегазовой отрасли, проводилась с учетом мнения

экспертного сообщества о возможных последствиях данных преобразований. Здесь можно привести показательный пример. Московский государственный горный университет присоединился к НИТУ «МИСиС» и стал его структурным подразделением. Этот ВУЗ с серьезными научно-педагогическими школами и богатыми педагогическими традициями в качестве структурного подразделения НИТУ «МИСиС» может быстро утратить былое качество подготовки кадров и не добавить его в других направлениях. Перед принятием данного решения следовало провести консультации с горнопромышленниками. Последние сошлись во мнении, что Министерство образования и науки РФ отстранилось от экспертов, занимает бюрократическую позицию и не намерено работать над повышением статуса инженера. Вместе с тем подготовка кадров данной квалификации должна соответствовать требованиям особо опасных производств и объектов, развиваться согласно темпам мирового горнопромышленного комплекса.⁶

Учитывая перечисленные проблемы, Министерство образования и науки РФ выступило с инициативой о передачи части полномочий работодателям, что нашло свое отражение в продвигаемой Министерством системе независимой оценки уровня качества системы профессионального образования, обеспечении общественной профессиональной аккредитации существующих образовательных программ компетентных организаций.

Однако очень многое еще только предстоит сделать. Например, необходимо обеспечить участие профильных специалистов в мониторинге эффективности работы ВУЗов, в определении контрольных показателей приема абитуриентов на бюджетные места, и особенно – в разработке и осуществлении государственной политики в сфере высшего профессионального образования.

Принимая во внимание все изложенное выше, в кадровой политике создаваемой системы подготовки специалистов нефтегазового сектора должны участвовать потенциальные работодатели, иными словами, компании, которые осуществляют на практике поставленные задачи государства по развитию экономики. Важно своевременно принимать необходимые меры для осуществления инициатив в области развития высшего профессионального образования при обеспечении кадрами ТЭК России. В качестве одной из значимых мер является оперативное утверждение единых профессиональных стандартов для специальностей «Геология, разведка и разработка полезных ископаемых», что обеспечит создание национальной системы квалификаций для ТЭК государства. В современных условиях последствий демографического спада, снижения уровня качества общего образования, при определении контрольных цифр приема абитуриентов в ВУЗы необходимо предотвратить возможное снижение количества бюджетных мест.

Таким образом, подводя итог данной статьи, автор настоящего исследования считает важным подчеркнуть, что новая повестка развития экономики в условиях санкций стран Запада диктует необходимость развития комплексной системы подготовки высококвалифицированных кадров в нефтегазовом секторе в рамках деятельности ВУЗов. Реализация данной задачи представляется довольно сложным делом, однако иного пути в глобализирующемся мире и постоянно возрастающей конкуренции на мировых рынках просто не существует. При этом приоритетными направлениями совершенствования действующей системы профильного высшего образования в России должны быть:

⁶ Павлов Н. Н. Проблемы высшего образования в России при подготовке специалистов в нефтегазовом секторе // Экономика, 2014, № 2. – С. 9.

- 1) Распространение успешного опыта соответствующей деятельности ВУЗов в регионах России по примеру работы ТюмГНГУ, которая была рассмотрена в настоящей статье;
- 2) Сплочение для участия в общем образовательном процессе ВУЗов, органов государственной власти, нефтегазовых компаний и научного экспертного сообщества;
- 3) Совершенствование действующих образовательных программ и стандартов, устранение имеющихся в них противоречий с требованиями работодателей в ТЭК России;
- 4) Совершенствование материально-технической базы ВУЗов, повышение заработных плат в сфере образования и выплачиваемых стипендий;
- 5) Постановка государством стратегических задач развития для компаний ТЭК и контроль за их реализацией.

Список литературы:

1. Багрова Е.В. Проблемы взаимопонимания в системе отношений «учитель-ученик». //Багрова Е.В.//Вестник Тюменского государственного университета, № 1. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2007. 0,25 п.л.
2. Винокуров М. Щит и меч против санкций – кадры и реиндустриализация. // «Аргументы Недели», № 40 (432) от 23 октября 2014. – Электронный ресурс. – Режим доступа: [<http://argumenti.ru/economics/n460/372360>].
3. Власов И.Г. Нефтегазовый сектор России в условиях западных санкций: проблемы и перспективы // Вопросы экономики, 2014, № 8.
4. Зинченко В. Л. Подготовка инженеров в современной России. // Наука, 2014, № 7.
5. Зайцева С. П. Повышение эффективности управления филиалом вуза на основе системы программно-целевой экспертизы: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08: Барнаул, 2004 164 с. РГБ ОД, 61:04-13/2318
6. Митрохин А. С. Последствия экономических санкций для России // Экономический обозреватель, 2014, № 7.
7. Павлов Н. Н. Проблемы высшего образования в России при подготовке специалистов в нефтегазовом секторе // Экономика, 2014, № 2.
8. Тархов И. Г. Перспективы развития России в условиях введенных Западом санкций // Мировая экономика, 2014, № 8.
9. Шафраник Ю. К. Инженерный спецназ экономики. 22.10.2014. – Электронный ресурс. – Режим доступа: [<http://shafranik.ru/news/inzhenernyi-spetsnaz-ekonomiki>].

*Kuritsyn A.V., Branch FGBOU VPO « Rostov State
Economic University (RINH)» in Georgievsk,
Stavropol Territory, the Russian Federation,
Ph.D., Candidate of Economics, docent,
Head of Economics department,*

*Sologubov S.V., FGBOU VPO « The Russian State
Humanitarian University» branch in a Georgievsk, Stavropol
Territory, the Russian Federation,
senior lecturer of Economic, Economic,
Management and Law of department*

Innovation approach to a problem decomposition of a value index

The index method, being the major analytical means of revealing of communications between the phenomena, is based on relative parameters of dynamics, spatial comparisons, performance of the plan, expressing the attitude of an actual level of an analyzed parameter in the accounting period to its level in the basic period.

By means of this method relative change of cost of realization of production (V) from change of quantity of sales (q) and the prices (p) is represented in the form of the following formula of the interconnected indexes:

$$I_V = \frac{\sum q_1 p_1}{\sum q_0 p_0} = I_q I_p \quad (1)$$

The formula (1) is a subject of the long-term scientific discussion connected with the main problem of an index method of the analysis – a problem of a uniform way of calculation of indexes of quantity (I_q) and the prices (I_p).

In modern indexology there are two basic ways of representation of the formula (1). A methodological basis of these ways is the criterion of convertibility of the factors, demanding that product given I_q and initial I_p was equal to change of cost of the considered unit I_V [1].

According to way of construction of factorial indexes officially accepted in the Russian statistical practice, «if the generalizing economic parameter represents product of quantitative (volumetric) and qualitative parameters (factors) at definition of influence of the quantitative factor the quality indicator is fixed at a basic level, and at definition of influence of the qualitative factor the quantity indicator is fixed at a level of the accounting period» [2].

Proceeding from the above-stated, in the formula (1) should be $I_q = \frac{\sum q_1 p_0}{\sum q_0 p_0}$ and

$I_p = \frac{\sum q_1 p_1}{\sum q_1 p_0}$. But the alternative variant is possible also, at which $I'_q = \frac{\sum q_1 p_1}{\sum q_0 p_1}$ and $I'_p = \frac{\sum q_0 p_1}{\sum q_0 p_0}$. In both cases it is had

$$I_V = I_q I_p = I'_q I'_p$$

From the scientific point of view application both the first (official), and the second (alternative) ways absolutely equally accepted also is equal in rights.

The index method allows leading also decomposition under factors and absolute deviations of a generalizing parameter:

$$\Delta V = \Delta V_q + \Delta V_p \quad (2)$$

In formula (2) the absolute change of cost (ΔV) was formed under influence of changes of quantity of realized production (ΔV_q) and a market price of its realization (ΔV_p). Change ΔV_q and ΔV_p on the first way of representation of a total cost yields to us following results

$$\begin{aligned} \Delta V_q &= \sum q_1 p_0 - \sum q_0 p_0 = \sum ((q_1 - q_0) p_0) \\ \Delta V_p &= \sum q_1 p_1 - \sum q_1 p_0 = \sum ((p_1 - p_0) q_1) \end{aligned} \quad (3)$$

In case of application of the second way of representation ΔV it is received

$$\begin{aligned} \Delta V'_q &= \sum q_1 p_1 - \sum q_0 p_1 = \sum ((q_1 - q_0) p_1) \\ \Delta V'_p &= \sum q_0 p_1 - \sum q_0 p_0 = \sum ((p_1 - p_0) q_0) \end{aligned} \quad (4)$$

As well as at relative calculation, absolute change of cost of the sales, calculated by both in the ways, gives the same value:

$$\Delta V = V_1 - V_0 = \Delta V_q + \Delta V_p = \Delta V'_q + \Delta V'_p \quad (5)$$

In this connection there is a question: whether such way of decomposition of the general value index in which there would be no problem of a choice of weights at calculation of indexes of the price and quantity, on the one hand, and a problem of a choice of a kind of average is possible at calculation of indexes I_q and I_p , with another?

To answer a brought attention to the question, we shall consider in the beginning process of formation of an individual value index (i_v) as criterion of product of individual indexes of quantity (i_q) and the prices (i_p)

$$i_v = i_q i_p = \frac{q_1 p_1}{q_0 p_0}$$

Let's enter a new parameter $ir = \frac{i_p}{i_q} = \frac{q_0 p_1}{q_1 p_0}$, which we shall name the individual index attitude describing relative change of the price (i_p) in comparison with relative change of quantity (i_q).

From the formula follows $ir = \frac{i_p}{i_q}$, what $i_p = ir i_q$ and $i_q = \frac{i_p}{ir}$. Substituting the received values i_p and i_q in the formula of an individual value index, we define

$$i_v = i_q i_p = ir (i_q)^2 = \frac{(i_p)^2}{ir} \quad (6)$$

From here we find

$$i_q = \sqrt{\frac{i_v}{ir}} \quad \text{and} \quad i_p = \sqrt{i_v ir} \quad (7)$$

Absolute change of the individual index attitude gives us the result equal

$$\Delta ir = q_0 p_1 - q_1 p_0 = q_0 \Delta p - p_0 \Delta q = q_1 \Delta p - p_1 \Delta q \quad (8)$$

In the formula (8) $q_0 \Delta p$ and $q_1 \Delta p$ also is a change of a total cost of production due to change of the factor of the price « $\Delta v_p''$ » at different « q » weights, and $p_0 \Delta q$ and $p_1 \Delta q$ – change of the same cost due to the factor of quantity « $\Delta v_q''$ » at different « p » weights. Hence, at any receptions of weighing it is possible to approve, that $\Delta ir = \Delta v_p'' - \Delta v_q''$. From here $\Delta v_p'' = \Delta ir + \Delta v_q''$.

Having substituted this value $\Delta v = \Delta v_q'' + \Delta v_p''$ in the formula, we shall receive

$$\Delta v = \Delta v_q'' + \Delta v_q'' + \Delta ir = 2\Delta v_q'' + \Delta ir$$

From here

$$\Delta v_q'' = \frac{\Delta v - \Delta ir}{2} \quad (9)$$

Having replaced « $\Delta v_q''$ » on $\Delta v_q'' = \Delta v_p'' - \Delta ir$ in the formula $\Delta v = \Delta v_q'' + \Delta v_p''$, we receive

$$\Delta v_p'' = \frac{\Delta v + \Delta ir}{2} \quad (10)^1$$

¹ Formulas (9) and (10) may be received by logorifmiing the formula (7) $\lg iq = \frac{\lg iv - \lg ir}{2}$; $\lg ip = \frac{\lg iv + \lg ir}{2}$. Crossing from relative values to their absolute meaning get formulas (9) and (10)

Thus, in formulas (7 – 10) at calculations $i_q = \sqrt{\frac{i_v}{ir}}$, $i_p = \sqrt{i_v ir}$, $\Delta v_q'' = \frac{\Delta v - \Delta ir}{2}$ and $\Delta v_p'' = \frac{\Delta v + \Delta ir}{2}$, also it is possible to involve simultaneously at once all four sets of cost weights of Fisher ($q_0 p_0$, $q_1 p_0$, $q_0 p_1$, $q_1 p_1$) and by that to solve a problem of weighing [3].

If we now shall pass from individual indexes to indexes modular,

1) instead of the individual index attitude ir it is received cumulative index attitude IR

$$IR = \frac{\sum q_0 p_1}{\sum q_1 p_0} = \frac{\sum i_p q_0 p_0}{\sum q_0 p_0} \cdot \frac{\sum i_q p_0 q_0}{\sum p_0 q_0} = \frac{\sum q_1 p_1}{\sum \frac{q_1 p_1}{i_p}} \cdot \frac{\sum q_1 p_1}{\sum \frac{q_1 p_1}{i_q}} = \frac{\sum ir q_1 p_0}{\sum q_1 p_0} = \frac{\sum q_0 p_1}{\sum \frac{q_0 p_1}{ir}} \quad (11)$$

2) individual indexes of quantity $i_q = \sqrt{\frac{i_v}{ir}}$ and the price $i_p = \sqrt{i_v \times ir}$ are replaced with cumulative indexes

$$I_q'' = \sqrt{\frac{I_v}{IR}} \quad \text{and} \quad I_p'' = \sqrt{I_v IR} \quad (12)$$

2) influence of absolute change of volume « $\Delta v_q''$ » and the price « $\Delta v_p''$ » on change

$\Delta v = \Delta v_q'' + \Delta v_p''$ of cost also vary in the appropriate image

$$\Delta V = \Delta V_q'' + \Delta V_p'' \quad (13)$$

where $\Delta V_q'' = \frac{\Delta V - \Delta IR}{2}$, $\Delta V_p'' = \frac{\Delta V + \Delta IR}{2}$.

The offered way of decomposition of a parameter of a total cost of sales, in opinion of authors, represents model of rational "smoothing" of influence of kinds of averages and receptions of weighing on change of an end result to means of new statistics – individual (ir) and cumulative (IR) the index attitude to which in an offered way rather essential role is allocated. The last is caused by that, first, from the point of view of micro-economics ir and IR is original "watershed" between market interests of the seller and the buyer as by virtue of dual character of a supply and demand

- the seller, offering in the market the goods, asks the buyer of money, aspiring smaller quantity of the goods (in our case as the indicator of this interest acts $i_q < 1$ or $I_q'' < 1$) to sell under higher price ($i_p > 1$ or $I_p'' > 1$). That is the seller is interested in, that

$ir = \frac{i_p > 1}{i_q < 1} > 1 \rightarrow \max$, no less than as $IR = \frac{I_p'' > 1}{I_q'' < 1} > 1 \rightarrow \max$ in this case the seller maximizes

the function of utility;

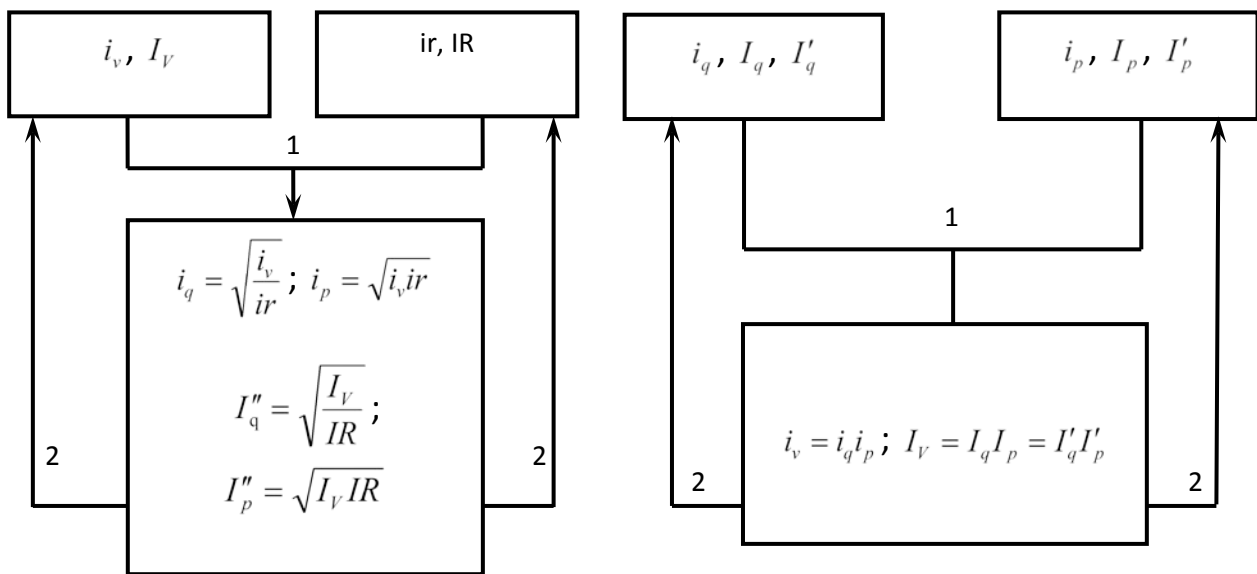
- the buyer, on the contrary, offering money, asks the necessary goods the seller, aspiring for smaller money ($i_p < 1$ or $I''_p < 1$) to buy a lot of the goods ($i_q > 1$ or $I''_q > 1$). Thus,

maximizing the function of utility, the buyer is interested in it, that $ir = \frac{i_p < 1}{i_q > 1} < 1 \rightarrow \min$ or

$$IR = \frac{I''_p < 1}{I''_q > 1} < 1 \rightarrow \min .$$

Secondly, formulas (7) and (12) give essentially other, differing from traditional, a variant of calculation of indexes of volume and the price. By means of these formulas individual and general value indexes are displayed by symmetric image on an index of the price and an index of quantity, instead of designed from them as it is accepted in traditional formulas $i_v = i_q \times i_p$ and $I_V = I_q I_p = I'_q I'_p$.

Conceptually author's scheme of a direct and return index method of the factorial analysis is presented on fig. 1.

a) the straight line index factorial analysis b) the return index factorial analysis

Figure 1. The conceptual scheme of a direct and return index method of the factorial analysis

Thirdly, the opportunity of an involvement as in individual ($i_q = \sqrt{\frac{i_v}{ir}}$, $i_p = \sqrt{i_v ir}$), and modular ($I''_q = \sqrt{\frac{I_V}{IR}}$, $I''_p = \sqrt{I_V IR}$) indexes of volume and the price equivalent and equivalent individual (ir) and average (IR) index attitudes provides a uniform way of calculation of these indexes, removing that the main problem of an index method of the factorial analysis.

Thus, methodological features of application of the index attitude, its mathematical and statistical contents testify to importance of this parameter for an index method of the factorial analysis. It will allow to give to a quantitative estimation influence of changes of the price and quantity on formation of the value index, a main task of the indexes considered today, new economic sense in which basis studying the social and economic attitudes developing between subjects of the market as a result of economic activities lays.

References:

1. ILO/IMF/OECD/UNECE/Eurostat/The World Bank Consumer price index manual: Theory and practice Geneva, International Labour Office, 2004.
2. Bakanov M.I., Sheremet A.D. Theory of the economic analysis: the Textbook. – 3 pub..., red. - M.: INFRA -M, 2011. – 352 p.: ilt.
3. Fisher I. The Making of Index Numbers. A Study of their variates, tests and reality. Houghton Mifflin Company, Boston – Massachusetts, 1 ed. 1922.

Chemarina Alisa, *G.V. Plekhanov Russian University of economy,*

Student of the faculty of business,

Tourischeva Tatiana, *G.V. Plekhanov Russian University of economy, Candidate of economics, associate professor of the chair «Accounting»,*

Keshtova Oksana, *G.V. Plekhanov Russian University of Economy, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication,*

Nikanorov Artem, *G.V. Plekhanov Russian University of economy, Student of the faculty of business*

Modern fundamentals of management analysis of leasing operations in Russia

Recently, it is sharply discussed the significant wear and tear of fixed assets of Russian companies. In many periodicals, you can find articles related to the problems of growth the share of obsolete equipment and reduce the efficiency of its use. In such circumstances, for the Russian organizations and the state governance is very important to attract investments to update them. However, it is obvious fact that the funds involved in the traditional way, is not enough for economics. That is why the study of this problem and improve knowledge in this field of leasing as ever is the most important. The main target is to study the methodology of management analysis of leasing operations in Russia.

The problem is exacerbated by depreciation of fixed assets every year more and more. On this basis, it is necessary to look for alternative forms of financing. In this situation, a new tool of investment process may just be leasing.

According to the Federal Law of October 29, 1998 №164-FZ "On the financial lease (leasing)" Chapter 1, Article 2 "Leasing - a combination of economic and legal relations arising in connection with the sale of the leasing agreement, including the purchase of the leased asset" [1].

This definition is concise, but does not reflect the nature of the economic and investment finance leasing property. Leasing is a system of relations in the field of the property and financial management. The main objective of this relationship is to acquire property for investment purpose and its subsequent transfer to rent for a fee while preserving the right of ownership in the acquirer. In the consequence of the object of lease can be sold to the user.

Practically, leasing is rather effective method of financing. It is carried out because of a contract for a specific period and under certain conditions, which the parties may be individuals or legal entities.

It should be noted that the subjects of the lease, that is, the lessor, lessee, seller or supplier could be both residents and non-residents of the Russian Federation. In addition, it can be an enterprise with foreign capital participation. Thus, in particular, with the international obligations

of the participants leasing contract are governed in accordance with the UNIDROIT Convention [2] on the international leasing.

It must be remembered that in any other method is used financing from money capital, but the leasing relations operate with capital in the form of production. This feature puts a special mark on the financial and credit relations leasing transactions, the benefits of which can be defined as:

1. Tenant will invest a small amount in the leasing object, so release the amount of cash that can be used to increase its own working capital, which can significantly increase the financial stability of the enterprise.

2. When leasing is an economy for income taxes, as lease payments are accounted for as operating expenses, thereby reducing the deductible in full (Article. 264 p.1 pp.10 Tax Code). [3]

3. It is easier to increase the production capacity; the process of implementation is faster.

4. Organizations working in high-tech industries are usually use quickly outdated equipment. Leasing can be an opportunity of insurance against the impairment of such tools.

These advantages are determined leasing as an attractive credit instrument and efficient way to invest.

However, along with the advantages and disadvantages of leasing are:

1. The risk of obsolescence of equipment rests with the lessor, as there is a risk of non-receipt of lease payments, so before leasing transaction is usually carried out extensive work on its examination;

2. Lease payments are mandatory, they are produced at a certain time, and it does not take into account the condition of the equipment and results of operations. Overall, the legal complexity of the transaction stops many investors.

However, the inherent dignity of the lease is much greater than the disadvantages. Experience in many countries shows the important role of leasing relations, and confirms its importance in upgrading production, expansion of sales and investment activity.

In the modern world, leasing becomes an integral part of the developed economies. These operations are developing rapidly, which results in the creation of a large number of Russian and foreign leasing companies. However, the proportion of the use of leasing operations in various sectors of the economy varies greatly. Thus, according to the Federal State Statistics Service of Russia, which annually conducts research in the field of business organizations engaged in the finance lease in 2013 the total value of finance lease amounted to 893.0 billion rubles. The main part of this amount is leasing of machinery, equipment, vehicles went 880.9 billion rubles.

The most actively developing financial leasing is in Moscow, St. Petersburg, Moscow, Voronezh and Tyumen regions, Primorsky Krai. The share of leasing companies located in these regions of the Russian Federation is 87.4% of the total value of contracts concluded in 2013 [4].

According to this study the total cost of lease agreements concluded by the organizations in 2013, compared with 2012 increased by 8.8%. Of course, this tendency leads to the formation of a highly competitive and as a result to improvement of these services, but at the same time to reduction of the profits of leasing organizations.

Under such conditions, so as not to be disadvantaged, lessors need to change the way of thinking, to become an innovative way of development, to seek and apply new management techniques to improve the utilization of material, labor and financial resources. Speaking about the lessee, in front of them raises the question of the usefulness of such transactions for their company. They should determine which method of investing suits to them more.

Because of these prerequisites a completely new direction in the management review has developed. It is the analysis of the effectiveness of leasing operations. The main objective of this analysis is to validate the decisions of administrative staff on the usage of leasing agreements in the selection of investment projects.

Any choice of the investment object begins with the identification of possible options and to evaluate their effectiveness. Various projects are compared with each other in terms of reliability, safety, profitability and risk-calculations. If we consider the lease agreement as an alternative financial instrument, replacing the long-term and short-term sources of funding, the advantages and disadvantages of leasing operations is advisable to compare the advantages and disadvantages of long-term and medium-term loans. Usually analysis of the effect of the using of leasing is based on the comparison of the discounted cash flows under leasing and under the credit.

Management analysis in the domestic and foreign literature is divided on the prospective and retrospective analysis depending on the time of its holding. Unfortunately, the Russian authors pay little attention to the consideration of a retrospective analysis.

However, to assess the rationality of the using of leasing as a way of acquiring the necessary equipment and additional investment in the whole, essentially to evaluate not only its effectiveness on the stage of making economic decisions, as well to analyze its rationality after the transaction.

In assessing the effectiveness of leasing transactions, not only the saving money is considered but also other advantages listed above. Very often, the system of private and general indicators is used. Similar methods are used to assess the effectiveness of capital investments. The increase in the volume of production should be measured, increase or decrease in its quality and competitiveness should be estimated, productivity growth, profits, reducing the payback period, profitability and much more should be under the control either.

The payback period for the lessee is defined as the ratio of the amount of the lease payments to the average annual amount of additional profit from the use of the object of leasing. Moreover, the profitability of the lease is calculated as the ratio of the profit to the sum of the cost of leasing.

Speaking about the increase of profit due to the use of equipment, the leased, it can be determined by one of the following ways:

- a) Multiplying the actual amount of profit on the share of output on equipment leased;
- b) Multiplying the reduction in unit costs of products manufactured on equipment leased on the actual sales of the product;
- c) Multiplying the cost of leasing on the actual costs of the enterprise profitability.

It should be noted that the effect of leasing operations could be not only an economic but also a social one. Thus, for example, can improve the working conditions of employees.

In the analysis, a comparison of performance indicators of leasing from the report with performance under the contract. Should be established the deviation and determined the reasons for such deviations (favorable or unfavorable). All the results should be taken take into account the conclusion of future transactions.

As it shown by the theory and practice, not only the lessee but also the lessor study the effectiveness of leasing operations. Thus, the effectiveness of the leasing operations for the lessor is evaluated using a system of indicators of profitability and payback period, as it was described above.

In this case, the margin will be determined by the ratio of net profit to the cost of leasing as a whole and for each contract. Moreover, the payback period for the lease set by dividing the cost of leasing the average annual amount of net income from leasing. Costs of leasing the lessor include into the cost of acquisition or lease by the manufacturer, the amount of interest for bank loans, the amount of premiums for insurance, and the amount of expenses for a guaranteed service, staff salaries and other expenses. It also calculates the risk of insolvency of tenants, which are considered and studied the previous transaction and the degree of fulfillment of contractual obligations of counterparties.

Thus, profitability, indicators of solvency, return on investment should be included into the system of performance management analysis of leasing operations for developing this system. However, this issue needs further development and improvement of methods of management analysis used in the evaluation of leasing operations. This is essential for sustainable development of Russian enterprises in market conditions and improve business performance.

References:

1. The Federal Law of 29.10.1998 N 164-FZ (as amended. From 28.06.2013) "On the financial lease (leasing)" // Information System "Consultant Plus"
2. UNIDROIT Convention "On the international financial leasing." Ottawa. May 26, 1988. // Information System "Consultant Plus"
3. Tax Code of the Russian Federation (Part I) of 31.07.1998 № 146-FZ (as amended. From 28.12.2013) // Information System "Consultant Plus"
4. Website of the Federal State Statistics Service. Electronic data. URL: <http://www.gks.ru> (date accessed 20.05.2014)

Kashlina V., student of Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University, Economics department,

Lizunova T., student of Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University), Economics department

Depositor and factors of choice

Abstract: The article covers certain features of credit cycles as well as complex impact on investors and depositors preparing to finance and invest. The object of research is a depositor with his propensities since that is the basic factor of credit transactions.

Keywords: credit cycle, trade cycle, banking sector, deposits, choice, credit, society.

Кашлина В.О., студент Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации (Финансовый Университет), экономический факультет,

Лизунова Т.А., студент Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации (Финансовый Университет), экономический факультет

Вкладчик и факторы выбора

Аннотация: В данной работе рассматривается влияние вкладчика на кредитный цикл банковского сектора. Авторы делают акцент на рассмотрении базовой части кредитного цикла, которая оказывает большое влияние на скорость и темпы оборота, а именно – депозитные вклады физических и юридических лиц. Это объясняется тем, что поведение совокупности людей, желающих сделать вклад, является основополагающим фактором при реализации кредитной операции.

Ключевые слова: кредитный цикл, цикл деловой активности, банковский сектор, вклады, выбор, кредит, общество.

Кризис финансово-экономической сферы, приведший к дестабилизации мировой экономики, позволил выявить многочисленные пробелы в теоретическом подходе и реализовавшиеся в среде практического применения противоречия глобальных экономических процессов.

В преддверии кризисных событий современные теории кредитно-финансовых отношений отстаивали позицию теоретиков, следуя которой кредитно-банковская сфера не обладает врожденной внутренней склонности к формированию шоковых явлений, а деятельность институтов кредита и вклада основывается на стремлении избежать избыточной нагрузки со стороны риска и обладает иммунитетом к тенденциям спекулятивного характера в поведении участников рынка.

Отсутствие единства теоретических положений, разнообразие подходов к анализу, так же, как и ограниченность господствовавших взглядов на принадлежащее кредитной сфере место в экономических процессах, препятствовали формированию верных инструментов и механизмов выявления изменений в движении вкладов и кредита.

Выявленное отсутствие системы представлений не может не оставлять за собой негативных последствий. Одним из таковых является фактическая сложность в установлении и ранней фиксации изменений в развитии кредитования и вкладов, а также разработки соответствующих механизмов регулирования. И несмотря на то, что развитие категорий и их цикличность носят устойчивый характер, их изучение не являлось предметом комплексного научного исследования, что определяет актуальность указанной темы.

Современный кризис, как доказательство несостоятельности современной теории кредитно-финансовых отношений, способствовал возрождению интереса к динамике движения ссужаемой коммерческими банками стоимости, который получил название кредитной цикличности. Вклады являются оборотной стороной движения кредита, так как именно вклады определяют примерно 30% пассивов банка, то есть те средства банка, которые предназначены для осуществления целей и задач по приращению банковского капитала.

В данной работе авторы сделали акцент на рассмотрении той части кредитного цикла, которая оказывает большое влияние на скорость и темпы оборота, а именно – депозитные вклады физических лиц. Ведь именно поведение совокупности людей, желающих сделать вклад, является основополагающим фактором при реализации кредитной операции.

Работа позволит выявить основные мотивы, которыми руководствуются физические и юридические лица при реализации вклада. Понимание мотивационного вектора вкладчиков, психологии поведения масс, сможет предотвратить стрессовые ситуации в банковской сфере и улучшить взаимопонимание между субъектами экономики.

Вкладчик - сторона договора банковского вклада, внесшая в исполнение своих обязательств по договору денежную сумму. Именно так определяет данного участника рынка кредитования экономический словарь. Но если отбросить формальности, то чаще всего вкладчиком является обычный человек, который решил отдать деньги банку в силу определенных причин.

По утверждению многих экспертов, современное общество обладает низким уровнем финансовой грамотности. В подтверждение этому можно привести активность проводимых программ Министерства финансов, а также Банка России среди населения. Если принять во внимание данный факт, то встает вопрос – чем же руководствуется среднестатистический обыватель при выборе банка, а также на какие факторы изменения внешней среды реагирует, чего остерегается, что привлекает вкладчика?

Для ответа на этот вопрос для начала стоит выделить мотивы, следуя которым, вкладчик осуществляет свою операцию. Нами были выделены следующие мотивы: сохранение имеющейся денежной массы; увеличение дохода, находящемся на депозите; в целях защиты (например, от грабителей или мошенников); защита от внешних факторов (например, инфляции и др.).

Следуя указанной логике, можно утверждать, что в отличие от инвестора, вкладчик ищет стабильности и защиты, имеющихся в своем распоряжении денег. Но, как и

инвестор, вкладчик является чувствительным участником рынка, который подвержен паникам, порождаемым внешними факторами.

В данной работе вкладчики рассматриваются как совокупная масса людей, способная влиять на кредитный цикл в силу непосредственного контакта с банком. Именно вклады физических и юридических лиц являются основной статьей актива коммерческого банка. Для понимания поведения подобной категории, ее следует рассмотреть более пристально через раздел психологии, который занимается характеристикой больших групп людей и называется «психология масс».

Психология масс - особенности поведения и мышления большой группы людей, имеющих общность взглядов и чувств. Под толпой, с точки зрения психологии, подразумевается не скопление людей в одном месте, а человеческая масса, совокупность, которая обладает психической общностью.

Таким образом, у совокупности индивидов отмечаются такие качества. Которыми они не обладали до момента присоединения к психической общности. Причины данного явления проявляются в следующих причинах: первая - в совокупности людей в силу одного только факта своей многочисленности, индивид испытывает чувство непреодолимой мощи, позволяющее ему отдалиться первичным позывам психики, которые он, будучи одним, вынужден был бы сдерживать. При анонимности индивида, и тем самым безответственности масс, совершенно исчезает чувство личной ответственности, сдерживающее человека в повседневности.

Следующая причина - заражаемость - также способствует проявлению у масс особых признаков, а также задает вектор их направленности. Заражаемость такого рода есть легко констатируемый, но необъяснимый феномен. В одержимой толпе каждое действие, каждое чувство становится максимально заразительным, и притом в такой сильной степени, что индивид очень легко жертвует своим эгоистичным, личным интересом в пользу интереса общего. Это - вполне противоположное его натуре свойство, на которое человек способен лишь в составе составной части массы.

Последняя, и притом самая важная причина, обуславливает у объединенных в единую совокупность индивидов особые качества, противоположные качествам индивида, изолированного от массы людей. То есть, индивид, пребывающий в продолжение некоторого времени в лоне активной массы, впадает вскоре, вследствие излучений, исходящих от нее, или по какой-либо другой неустановленной причине в особое состояние, весьма близкое к состоянию, описываемому как «зачарованность», овладевающим загипнотизированным человеком под влиянием воздействия гипнотизера. Таким образом, сознательная личность совершенно утеряна, воля и способность индивида к различению отсутствуют, все чувства и мысли ориентированы в направлении, указанном обществом.

Именно такую трактовку можно дать событиям современности: банковские паники, обрушение бирж, валютная нестабильность и другое.

Одним из наиболее заметных и политически важных видов массового поведения толпы является паника — эмоциональное состояние, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей или непонятной ситуации, либо, напротив, как следствие ее избытка и проявляющееся в импульсивных действиях. Соответственно, на основе паники возникают панические толпы со специфическим поведением.

Экономические категории подвержены паникам. Все мы наблюдали как финансовые гиганты падали из-за доверия потребителей и инвесторов. В настоящее

время, в Российской Федерации, также можно наблюдать подобное явление. Конкретнее – в банковской сфере, которая переживает кризис доверия со стороны общественности. Данной реакции предшествовала несбалансированная политика Центрального Банка РФ по отзыву лицензий у ряда банков. Политические события первой половины 2014 года также заставили многих людей предаться пессимистичному настрою, а именно: нарушение стабильности внешних отношений России с Западом, наложение санкций со стороны Евросоюза, которые сковали экономику по нескольким параметрам, банковский сектор также пострадал.

Стоит отметить, что для приведения людей к настоящей панике, стимул должен соответствовать какому-то из параметров или носить совокупный характер приведенных параметров: быть достаточно интенсивным, длительным, повторяющимся. Он должен привлекать к себе сосредоточенное, концентрированное внимание и вызывать реакцию подчас неосознанного страха. Когда необходимость скоротечной интерпретации явления становится особенно острой и требует мгновенных действий, именно это ощущение остроты часто мешает реализации логического осмысления, происходящего вокруг, что и вызывает страх. Далее мы рассмотрим основные раздражители, на которые может реагировать категория вкладчиков.

Экономический рост - увеличение объёма производства продукции в национальной экономике за определённый период времени. Именно экономический рост является основополагающим стержнем для развития сфер экономики, и соответственно он влияет на склонность людей совершать все более частые операции со своими деньгами. Прямая зависимость.

Уровень дохода населения – денежные средства, полученные населением в результате своей основной деятельности. Данный показатель является следствием экономического роста и рассматривается как совокупная, средняя величина денежных средств, получаемых обществом. Прямая зависимость.

Уровень процентной ставки - доходность денег, отданных в займы. Фактор, пришедший напрямую из банковской системы. Влияет на склонность людей осуществлять вклады с целью извлечения прибыли. Прямая зависимость.

Инфляция - обесценение денег, снижение их покупательной способности. Влияет на склонность общества вкладывать во избежание потери реальной стоимости имеющихся средств. Прямая зависимость.

Уровень криминогенности- повышенный уровень любой преступности, Прямая зависимость.

Уровень диверсификации банковского продукта – присутствующее разнообразие банковского продукта на банковском рынке, предназначенное для разных категорий населения. Прямая зависимость.

Концентрация банковской рекламы – интенсивность проводимой банками рекламной акции в населенном пункте. Чем чаще люди видят рекламу банка, тем больше доверяют ему – в силу навязываемого рекламой образа стабильного и успешного банка. Прямая зависимость.

Финансовая грамотность населения - достаточный уровень знаний и навыков в области финансов, который позволяет правильно оценивать ситуацию на рынке и принимать разумные решения. Все знают о том, что уходящее поколение имело свое развитие при командной экономике, переходных стадиях к рыночному строю. Это обуславливает некоторое недоверие со стороны старших поколений к коммерческим

банкам, предполагая тезаврацию и образование эффекта «чрезмерной бережливости». Прямая зависимость.

Страх, недоверие, капитуляция рынка и финансовые крахи – эти слова говорят о наличии условий для паники. В моменты паники, то, что казалось истиной, становится ложью, рушатся символы веры. Базовые положения экономики и самого рынка ставятся под сомнение. Доверие населения к финансовым учреждениям – одно из требуемых, основных качеств для стабильного функционирования экономики любой страны. Для изменения сложившейся ситуации необходима особая, сбалансированная система мероприятий. Государство и регуляторы, сама банковская система и образовательные учреждения должны постоянно работать с обществом, разъясняя населению все возможные риски и нюансы работы с современными банковскими продуктами. Лишь так можно сломать укоренившиеся стереотипы, которые существенно мешают нормальному развитию и российской банковской системы, и экономики в целом.

Если общество увидит, что, несмотря на непривычно низкие темпы экономического роста, банки продолжают свое развитие, что с рынка уходят в основном небольшие банки и их уход не носит обвального характера, то доверие вкладчиков начнет возвращаться. Бесперебойная работа системы страхования вкладов также может изменить отношение населения к банкам. Также важно повышать уровень текущей финансовой грамотности населения. Именно так, а не запретительными мерами возможно добиться снижения рисков. При этом всем, нельзя забывать, что в то же время как хорошо ни была бы выстроена система регулирования финансовых рынков, ответственность за реализуемые решения лежит на самом вкладчике. Чем больше он образован, тем меньше ошибок совершит.

Список использованных источников.

1. Бураков, Д.В. «Эволюция представлений о кредитной цикличности», журнал «Транспортное дело России». – 2011. - № 12.
2. Бровкина Н.Е. «Стратегическая цель развития и принципы регулирования кредитного рынка», журнал «Деньги и кредит». – 2014. - №4.
3. Вишневецкий А.А. «Регулирование поведенческого аспекта деятельности кредитного института (опыт европейских стран)», журнал «Деньги и кредит». - 2014. - №7.
4. Семенова М.В. «Стратегии вкладчиков в период финансовой нестабильности». – журнал «Банковский ритейл». - 2014. - №1.
5. Обзор банковского сектора Российской Федерации. Аналитические показатели. URL: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_ex.pdf (Дата обращения 25.09.14)

*Shtal Tatiana, Kharkiv State University of Food Technology and Trade,
Professor, Doctor of Economic Sciences, the Faculty of Economic,
Dobroskok Yuliya, Kharkiv State University of Food Technology and Trade,
Senior Lecturer, Candidate of Economic Sciences, the Faculty of Economic,
Tyshchenko Oksana, Kharkiv State University of Food Technology and Trade,
Assistant, the Faculty of Economic*

Analysis of the functioning and development prospects of TNCs in Ukraine

*Шталь Тетяна Валеріївна, Харківський державний
університет харчування та торгівлі,
Професор, доктор економічних наук, економічний факультет,
Доброскок Юлія Борисівна, Харківський державний
університет харчування та торгівлі,
старший викладач, кандидат економічних наук, економічний факультет,
Тищенко Оксана Олегівна, Харківський державний
університет харчування та торгівлі,
асистент, економічний факультет*

Аналіз особливостей функціонування та перспектив розвитку ТНК в Україні

Постановка наукової проблеми та її значення. Актуальність обраної теми обумовлена постійно зростаючим впливом транснаціональних корпорацій на процеси світового відтворення. Транснаціональні корпорації стають визначальним чинником у світовій економічній системі, адже все більше встановлюють світове панування як на товарних ринках так і в провідних сферах світового господарства, інвестиційній і фінансовій політиці.

Аналіз досліджень даної проблеми. Дослідженням проблем глобалізації світової економіки і зокрема, проблем функціонування ТНК присвячені праці таких науковців як Дж. Даннінг, В. Девідсон, А. Семенова, Є. Ендерсона та ін.

Мета і задача статті. Метою даної статті є дослідження особливостей функціонування, проблем та перспектив створення і розвитку ТНК на території України, на основі аналізу світового досвіду діяльності транснаціональних компаній.

Виклад основного матеріалу та обґрунтування отриманих результатів дослідження. На сучасному етапі розвитку економічного простору – етапі глобалізації -

визначну роль відіграють транснаціональні корпорації, які стають провідними торговими підприємствами, інвесторами, поширювачами сучасних технологій, науково-технічного прогресу, стимуляторами міжнародної трудової міграції. Саме транснаціональні корпорації заклали основу взаємозалежної економічної діяльності різних країн світу, а згодом і стали основою глобальної економіки. За офіційним визначенням ЮНКТАД транснаціональна корпорація (transnational corporation, multinational enterprise) – це підприємство, яке об'єднує юридичних осіб будь-яких організаційно-правових форм і видів діяльності у двох чи більше країнах світу і впроваджує єдину політику і стратегію завдяки єдиному центру прийняття рішень. Кількість ТНК зростає над швидкими темпами, якщо у 1970 році у світі нараховувалося 7,3 тис. компаній, і їх обіг складав близько 626 млрд. доларів. На початок 90-х років їх кількість складала 37 тис. з обігом у 7 млрд. доларів, то нині в світі нараховується близько 82 тис. ТНК та їх філій з обігом більше 30 трлн. доларів. На ТНК припадає 50% світової торгівлі та 67% зовнішньої торгівлі, також 80% винаходів і ліцензій. Доменами найбільших ТНК в основному є держави із сильними, стабільними економіками, такі як: США, Великобританія, Німеччина, Китай, Японія, Франція та ін. На територіях промислово розвинутих держав розміщено понад 80% материнських компаній і близько 33% філій іноземних доменів, у країнах, які розвиваються, відповідно 19,5% і майже 50%, у постсоціалістичних – близько 0,5% і 17%.

Під контролем ТНК знаходяться до 90 % світового ринку пшениці, кофе, кукурудзи, 85 % ринку міді, 80 % ринку чая, 75 % ринку бананів і натурального каучуку. В значній мірі підконтрольні ТНК ринки металів, енергоносіїв, лісоматеріалів, озброєння. ТНК контролюють приблизно 2/3 світової торгівлі, при чому 40% такої торгівлі здійснюється всередині ТНК, тобто вона здійснюється не за ринковими цінами, а за так званими трансфертними цінами, які формуються не під впливом ринку, а під контролем материнської корпорації. На долю ТНК припадає близько 50% світового промислового виробництва. На підприємствах ТНК працює приблизно 10 % всіх зайнятих в несільськогосподарському виробництві (з них майже 60 % працюють в материнських компаніях, 40 % — в дочірніх підрозділах. ТНК контролюють приблизно 4/5 всіх існуючих в світі патентів, ліцензій, ноу-хау.[1]

У щорічному рейтингу 500 найбільших корпорацій світу Fortune Global 500 за 2013 р, в якому компанії ранжуються за обсягом виручки за попередній фінансовий рік, очолив список нафтовидобувний гігант Royal Dutch Shell (Великобританія), річна виручка якого склала 481,7 млрд дол., а чистий прибуток – 26,6 млрд дол. На другому місці – мережа торгових центрів Wal-Mart (США). Компанія за рік заробила понад 469,2 млрд дол., що на 5 % більше ніж у 2011-му році. Третє місце посіла ще одна нафтова компанія Exxon Mobil (США) з річною виручкою 449,9 млрд дол. та чистим прибутком 44,9 млрд дол. [2]

Майже всі найбільші ТНК за національною приналежністю відносяться до «тріади» - економічним центрам нашої планети США, ЄС, Японія. В останні роки активно розвивають свою діяльність на світовому ринку транснаціональні корпорації нових індустриальних країн. В таблиці 1 наведені особливості географічного розміщення транснаціональних корпорацій у світі за 2013 рік.

Таблиця 1

Особливості географічного розміщення ТНК у світі за 2013 рік (ТОР-15 країн)

Країни світу	Кількість головних офісів національних ТНК.	Кількість філій закордонних ТНК.	Кількість країн розміщення філій національних ТНК.
США	23	66	170
Японія	16	53	180
Великобританія	13	66	145
Франція	13	67	103
Германия	10	70	131
Голландія	5	70	103
Швейцарія	3	58	87
Швеція	3	58	105
Італія	2	67	66
Канада	2	73	58
Австралія	2	73	21
Іспанія	2	77	134
Китай	1	72	14
Фінляндія	1	56	34
Мексика	1	67	14

Зростання кількості ТНК пояснюється багатьма причинами, серед яких на першому місці знаходиться конкуренція, що змушує знижати видатки при одночасному зростанні масштабів виробництва і впровадженні новітніх технологій, шукати нові ринки збуту, дешевшу робочу силу, розміщувати виробництво там, де нижче податкове навантаження.

В сучасних умовах країни-реципієнти, як розвинені так і ті, що розвиваються, схвалюють діяльність ТНК на своїй території. Більше того, у світі існує конкуренція між країнами за залучення прямих іноземних інвестицій внаслідок чого ТНК отримують податкові та інші пільги, і Україна не є виключенням. На сьогодні найбільш привабливими сферами українського господарства для провідних ТНК з країн США та Європейського Союзу є українська харчова промисловість. У харчовій індустрії лідерами ринку є швейцарська компанія Nestle, бельгійська ABInBev, американські Kraft foods та Coca-Cola Company, англо-голландська Unilever. Серед підприємств торгівлі на український ринок вже зайшли Wal-Mart Stores, Carrefour SA, McDonalds Corporation. У фінансовому секторі найкрупнішим представником ТНК є Райффайзен Інтернаціональ Банк-Холдинг АГ. У сфері фармакології найбільш відомими в Україні є німецькі BASF SE

та Bayer AG. Саме в цих галузях обіг капіталу є швидким, а комерційні ризики – мінімальні. Привабливим для ТНК із промислово розвинутих країн є також інвестування в інфраструктуру бізнес-послуг для обслуговування, насамперед, підприємств з іноземними інвестиціями. Російським ТНК та компаніям, які зареєстровані в офшорних зонах, до недавнього часу були властиві інші пріоритети в інвестуванні, насамперед це український паливно-енергетичний комплекс, хімічна промисловість та металургія. Ця ситуація пояснюється тим, що саме в цих галузях російські ТНК мають конкурентні переваги на світовому ринку і фінансові можливості для закордонного інвестування, та розширення своєї ринкової влади за рахунок придбання виробничих потужностей у постсоціалістичних країнах.

Проведене дослідження дозволяє стверджувати, що протягом останніх двох років на різних рівнях розглядається можливість створення в енергетичній галузі державної вертикально-інтегрованої компанії «Нафта України» на базі «Укрнафти», ЗАТ «Укртатнафта» і НПК «Галичина», яка мала б у своєму складі 700-800 АЗС і контролювала до 15% ринку світлих нафтопродуктів країни. У той же час впритул до створення вітчизняної ТНК - інтегрованої нафтової компанії з усіма елементами технологічного ланцюжка «видобуток - переробка - збут» підійшли Приватбанк та УкрСиббанк. Структури Приватбанку (група Приват) володіють найбільшою в Україні мережею АЗС «Сентоза», контрольним пакетом акцій НПЗ «Нафтохімік Прикарпаття» і більше 30% акцій НПК «Галичина». Значну увагу створенню вітчизняних ТНК, підтримці, розвитку та підвищенню конкурентоспроможності на світових ринках продукції українських підприємств приділяє керівництво провідних харківських промислових об'єднань і облдержадміністрація. Така робота проводиться на основі пріоритетності за галузевим принципом. В області авіабудування потенційними учасниками ТНК є Харківський авіазавод і завод «ФЕД», енергообладнання - ВАТ «Турбоатом» і об'єднання «Електроважмаш», електроніки - Харківський електроапаратний завод, ВО «Моноліт», Харківський релейний завод. [3]

Діяльність транснаціональних корпорацій в Україні має як позитивні так і негативні наслідки. До позитивних наслідків, на нашу думку, слід віднести: значне інвестування капіталів в економіку України, створення додаткових робочих місць та підвищення кваліфікації робітників, збільшення податкових надходжень до бюджету країни, поживлення внутрішньої торгівлі в середині країни, насичення ринку високоякісними товарами та послугами, впровадження інновацій, ноу-хау та найновіших розробок, модернізація підприємств та поширення міжнародних стандартів виробництва. Водночас, в ході дослідження нами були встановлені і негативні наслідки діяльності ТНК на території України, адже держава стає фінансово залежною від стратегії діяльності ТНК; ТНК впливають на уряди країн, диктуючи правила гри на ринку, відстоюючи власні інтереси, інтенсивно використовуючи природні та трудові ресурси. Транснаціональні корпорації придушують національних виробників, які мають низьку конкурентоспроможність продукції на світовому ринку, використовують небезпечне та шкідливе виробництво для власного збагачення тощо.

Для подолання негативних наслідків діяльності ТНК, на нашу думку, українському уряду необхідно: ухвалити законодавчі акти в яких було б чітко прописано межі та контроль за діяльністю ТНК; здійснити модернізацію вітчизняних підприємств, підвищуючи конкурентоспроможність вітчизняної продукції, сфер та галузей; вкладати фінансові ресурси у власне виробництво і не залежати від діяльності закордонних ТНК; створювати сприятливий інвестиційний та бізнес-клімат для залучення інвестицій та удосконалювати вітчизняне законодавство.

Висновки та перспективи подальших досліджень. Отже, як було встановлено в ході дослідження Україна займає досить слабе місце в структурі країн-доменів міжнародних корпорацій, тому створення відповідного внутрішнього та зовнішнього середовища для залучення іноземних інвестицій, сприяння підвищенню конкурентоспроможності українських виробників на зовнішніх ринках, і забезпечення за рахунок інвестиційних ресурсів ТНК розвитку вітчизняних товаровиробників, що має стати одним із стратегічних пріоритетів української державної політики. Перспективи подальших досліджень полягають у дослідженні перспектив створення, розвитку та діяльності українських ТНК у глобальному економічному середовищі.

Література:

1. Онгоро Т.Н. Экономическая глобализация // Проблемы современной экономики. – 2006. - № 3/4.
2. Рейтинг 500 найбільших корпорацій світу [Електронний ресурс]. - Режим доступу: <http://fortune.com/global500/>
3. Державна служба статистики України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.ukrstat.gov.ua/>

*Koshkina Yuliya Evgen'evna, Kel'maeva Anna Sergeevna,
Financial University under the Government of the Russian Federation, students*

Problems of the formation and development of the national payment system of the Russian Federation

*Кошкина Юлия Евгеньевна, Кельмаева Анна Сергеевна,
Финансовый университет при Правительстве РФ, студенты*

Проблемы становления и развития национальной платежной системы Российской Федерации

При использовании как бумажных, так и кредитных денег необходимы особые правила их обращения. Именно поэтому в последнее время происходит формирование особой системы передачи такой платежной информации, называемой платежной системой. В рамках собственной финансовой системы для каждой страны обязательно должна формироваться самостоятельная национальная платежная система (НПС). Помимо этого, все большую популярность в современном мире приобретают электронные деньги: так с их помощью люди оплачивают различные товары, работы, услуги и многое другое.

На сегодняшний день, национальная платежная система является одним из основных компонентов финансовой инфраструктуры экономики России. С помощью НПС формируется общий денежный спрос в экономике, а также поддерживается доверие населения к национальной валюте как средству платежа¹. Исходя из этого, основной идеей данной работы является выявление ключевых проблем создания НПС и определения мер, которые позволят сократить влияние данных проблем в России.

Первые попытки создания НПС России начали предприниматься еще в середине 1990-х гг. В 1993 году были созданы платежные системы «НСС», «ЗОЛОТАЯ КОРОНА», «СБЕРКАРТ». Но, к сожалению, признания широких масс данные платежные системы не заслужили. Позднее, в 2011 гг. был создан федеральный закон «О национальной платежной системе», но на развитие российских платежных систем он не оказал должного влияния. Помимо этого, российские платежные системы подавляло широкое развитие в 2000-2010 гг. международных платежных систем (МПС), которые вскоре и поглотили весь рынок.

¹ <http://www.cbr.ru/publ/PRS/prs28.pdf>

Таблица 1 Показатели, характеризующие российский рынок платежных карт, в разрезе российских и МПС, 2009-2011 гг.

Показатель		2009		2010		2011	
		Исходное значение	Доля показателя, %	Исходное значение	Доля показателя, %	Исходное значение	Доля показателя, %
1	Количество эмитированных платежных карт (тыс.шт.)	126033	100,00	144479	100,00	200170	100,00
	международных платежных систем	111473	88,45	126834	87,79	152750	76,31
	российских платежных систем	14560	11,55	17585	12,17	47420	31,04
2	Объем операций, совершенных с использованием платежных карт (млрд.руб.)	10068,5	100,00	13013	100,00	17257	100,00
	международных платежных систем	8900	88,39	11870	91,22	16085	93,21
	российских платежных систем	1168,5	11,61	1143	8,78	1172	6,79

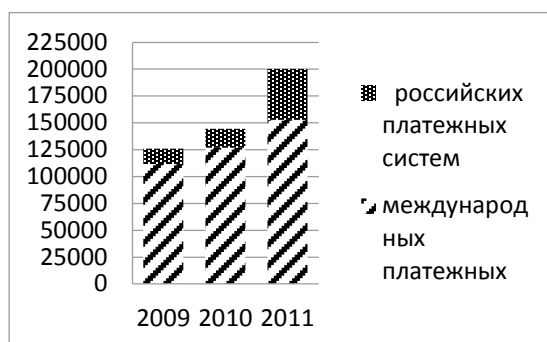

Рисунок 2 Объем и структура эмитированных платежных карт в разрезе российских и международных платежных систем в 2009-2011 гг., тыс. штук (составлено авторами по данным таблицы 1)

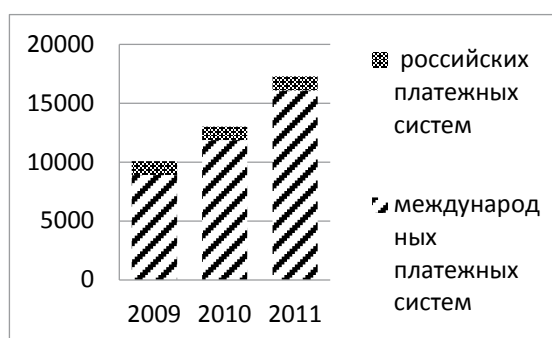

Рисунок 1 Объем и структура операций, совершенных с использованием платежных карт в 2009-2011 гг., млрд. руб. (составлено авторами по данным таблицы 1)

На основании таблицы 1, а также рисунков 1 и 2 можно сделать следующие выводы: как количество эмитированных платежных карт, так и объем операций с их использованием динамично растет на протяжении 2009-2011 годов. Если говорить об объеме выпущенных карт, то значительную долю составляли карты международных

платежных систем, однако к 2011 году доля карт российской платежной системы резко увеличилась до 31%, что может быть связано с выходом закона и стимулированием таким образом развития рынка российских платежных систем. Если же рассматривать структуру объема проводимых операций, то доля операций, проводимых с использованием национальных платежных систем, на протяжении рассматриваемого периода сокращалась. Это, к сожалению, свидетельствует о том, что увеличение количества выпущенных карт не привело к росту совершаемых населением операций.

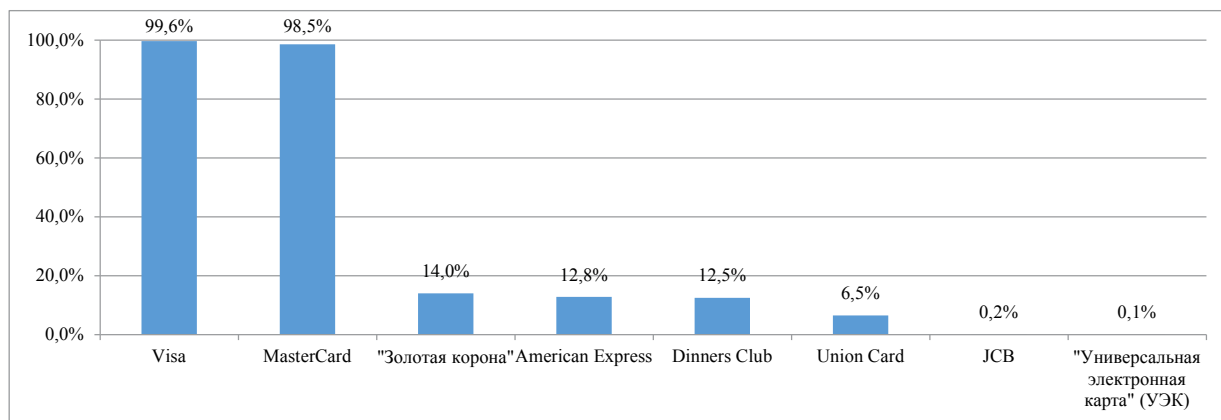

Рисунок 3 Самые популярные платежные системы РФ, 2014 г. Источник: 2GIS, <http://info.2gis.ru/novosibirsk/company/news/2gis-proanaliziroval-populyarnost-platezhnyh-sistem-v-rossii/>

В 2014 году экспертами службы «2ГИС» было проведено исследование более чем 1,5 млн организаций в 220 городах страны, в ходе которого было выявлено, что абсолютными лидерами на рынке платежных систем России являются «VISA» и «MASTERCARD».

Исходя из данных рисунка 3 можно утверждать, что наибольшее преимущество остается на стороне «VISA» – ее карты принимают 99,6% фирм и «MASRECARD» – 98,5%.

Но, несмотря на то, что Российская Федерация уже долгое время использовала МПС в своих платежах, 21 марта 2014 г. платежные системы «VISA» и «MASTERCARD» прекратили обслуживание карт нескольких российских банков, таких как банк «РОССИЯ», «СОБИНБАК», «СМП» банк, «ИНВЕСТКАПИТАЛБАНК» из-за санкций, которые были введены США в связи с событиями на Украине². Именно поэтому снова встал вопрос о создании НПС в России, причем на этот раз события стали развиваться куда более ускоренными темпами. Уже 5 мая В.В.Путин внес поправки в закон «О национальной платежной системе». Суть этих поправок заключается в том, что риски блокировки карточных операций российских банков со стороны МПС необходимо сглаживать. Поправки вступили в силу 1 июля. Таким образом, можно сделать вывод о том, что создание НПС может привести к серьезным изменениям деятельности банковского сектора и экономики страны в целом. Впоследствии это может повысить надежность финансовой системы страны и защитить ее от различных неблагоприятных финансово-экономических факторов.

² <http://www.kommersant.ru/doc/2434393>

В ходе острых дискуссий между экспертами, учеными и главами коммерческих банков сложились три основные точки зрения по поводу создания и функционирования НПС РФ. Первая группа экспертов считает, что необходимо полностью отказаться от МПС и использовать только собственную НПС при осуществлении платежных операций. Нельзя не отметить, что данная точка зрения является весьма категоричной, так как невозможно осуществить единовременный переход на НПС. Большое количество российского населения постоянно выезжает за рубеж, где приходится осуществлять банковские операции с помощью МПС, более того, вряд ли удастся в один момент убедить российское общество в надежности НПС. Также нельзя допустить сценария «железного занавеса» СССР, так как сегодня наша экономика очень сильно завязана с мировой экономикой. Другая группа экспертов говорит о том, что не должна идти речь о создании собственной НПС, все должно остаться на своих местах. «Создаваемая Центробанком Национальная система платежных карт (НСПК) не имеет рыночных перспектив, а выделенные на нее деньги будут использованы неэффективно³», - такой вывод следует из запроса депутата Госдумы, председателя попечительского совета Института инновационного развития Ильи Пономарева главе Банка России Эльвире Набиуллиной. Но если оставить все на своих местах, то экономике нашей страны просто не избежать повторения мартовских событий, и нивелировать риски не получится. Банковская система не сможет спокойно развиваться, каждый день банки и другие кредитные организации, а также пользователи банковских операций будут находиться в стрессовом состоянии. Последняя точка зрения, которой и придерживаются авторы, утверждает, что необходимо создание собственной НПС, но отказываться от МПС ни в коем случае не допустимо, стоит лишь усилить к ним требования с различных сторон.

Но даже в отношении данной точки зрения у исследователей возникли разногласия по поводу базы НПС: одни говорили о том, что необходимо построить НПС на базе платежной системы «Золотая корона», другие – на базе платежных систем нескольких российских банков, третьи – на базе системы «УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ КАРТА» («УЭК»). К счастью, эксперты смогли определиться и было принято решение создавать НПС на базе «УЭК». В качестве организационной формы для НПС было выбрано публичное общество, в котором 100% акций будет принадлежать Центробанку.

Какие же проблемы могут возникнуть при создании и функционировании НПС? В разрезе материального аспекта, могут возникнуть высокие затраты: на создание НПС; на локализацию расчетов в России; на распространение НПС в других странах; на создание инфраструктуры. Относительно психологического момента можно отметить следующие возможные проблемы: необходимо «подсадить» на собственную НПС население и бизнес, убедить их в ее надежности; до сих пор существует неразвитость рынка розничных платежных услуг; присутствует недоверие населения к безналичным формам расчета. Огромное количество проблем может возникнуть касаясь технологического оснащения НПС: необходимо реорганизовать все банковское оборудование, а для этого нужны существенные инвестиции; могут возникать сбои в системе, так как НПС первое время будет работать в тестовом режиме; не исключено появление определенных трудностей, связанных с получением доступа к удаленным межбанковским системам других стран; в

³ <http://izvestia.ru/news/576589>

России – крайне низкий уровень обеспеченности предприятий товаров и услуг POS-терминалами. В отношении правового аспекта также можно выделить ряд ключевых проблем: недостатки и недоработки в ФЗ «О национальной платежной системе РФ»; отсутствие четкой нормативной базы в отношении электронных денег. Помимо этого, существует также проблема, связанная с временными лагами: по подсчетам Банка России, необходимо около полугода на создание инфраструктуры для запуска и порядка двух лет – для распространения НПС. Важно отметить и определенные барьеры для выхода на рынок со стороны уже функционирующих МПС.

Какие же меры необходимо предпринять для того чтобы минимизировать последствия выявленных проблем? В целях минимизации материальных затрат можно предпринять следующие шаги: не создавать что-то новое, а приобретать уже существующие системы технологий и наработок, которые будут использоваться в дальнейшем. Меры по упрощению технологического оснащения: развитие системы межхостовых соединений между субъектами банковской сферы; создание расчетно-клирингового центра для проведения внутривнутрироссийских операций с пластиковыми картами. Психологический аспект включает в себя следующие меры: целесообразно предложить системно значимым банкам стать акционерами НПС – то есть поучаствовать своими деньгами в ее развитии, получив в ответ возможность участвовать в формировании тарифов и правил системы; проводить различные рекламные акции, связанные с распространением «УЭК» и безналичных платежей. Касаясь правовой стороны необходимо предпринять следующее: предъявить требование к операторам МПС физически размещать свои центры в РФ и обрабатывать операции без передачи финансовой информации о них за рубеж; взимать громадные штрафы в случае попытки блокирования работы НПС; для платежных систем, которые не являются национально-значимыми установить уплату Банку России обеспечительного взноса; создаваемая российская НПС должна быть объединена с МПС.

Таким образом, проанализировав проблемы, которые могут возникнуть при создании и развитии НПС, а также меры, которые РФ может предпринять в целях сокращения влияния данных проблем, можно сделать следующие выводы. Во-первых, внедрение «УЭК» позволит сократить объем наличных расчетов, что, в свою очередь, позволит сократить возможные злоупотребления и коррупцию. Во-вторых, переход к собственной НПС ускорит путь перехода отечественной экономики на инновационный путь развития. В-третьих, если НПС будет интегрирована с национальными платежными системами стран Таможенного Союза, СНГ и Дальнего Востока, то появятся дополнительные возможности для перехода в экспортно-импортных операциях на расчеты в национальной валюте, без использования долларов и евро. И, в заключение, создание НПС позволит усилить финансовый рынок внутри страны и увеличить уровень национальной безопасности страны.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 05.05.2014) "О национальной платежной системе" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2014) (27 июня 2011 г.), http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158430/

2. Герауф Ю.В., Чернета О.А., Проблемы и перспективы развития национальной платежной системы в России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета – 2014.- № 8 (118). –С.149-153.
3. Коптева Ж.Ю., К вопросу о создании национальной платежной системы банковских карт в России: экономико-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. – 2014.-№1.-С. 83-85.
4. Криворучко С.В., Мониторинг рисков функционирования платежных систем // Управление в кредитной организации. – 2010. - №4.
5. Мищенко С. В., Проблемы формирования и развития национальной платежной системы // Социальное управление, экономика и право. ученые записки. – 2010. №9. – С. 144-151.
6. Панина Д.С., Базовые критерии оценки экономической эффективности и безопасности платежной системы России // Вестник ОГУ. – 2010. - №8 (114). – С.172-177.
7. Тамаров П. А., Вопросы обеспечения бесперебойности функционирования и управления рисками платежных систем НПС // Деньги и кредит. – 2012. - №4. – С. 16-22.
8. 2GIS, 2ГИС проанализировал популярность платежных систем в России, <http://info.2gis.ru/novosibirsk/company/news/2gis-proanaliziroval-populyarnost-platezhnyh-sistem-v-rossii/>
9. Банк России, Обзор рынка розничных платежных услуг в Российской Федерации за 2011 год, http://www.cbr.ru/PSystem/analytics/Survey_2011.pdf
10. Бюллетень банковской статистики // Центральный банк Российской Федерации. — 2013. — № 12(247.). — С.156 -157, <http://www.cbr.ru/publ/BBS/BBS1312r.pdf>
11. Взгляд. Деловая газета. Идем в обход, <http://vz.ru/economy/2014/4/16/682422.html>
12. Известия. В Госдуме засомневались в необходимости НСПК, <http://izvestia.ru/news/576589>
13. Газета Коммерсантъ. Герман Греф разыграл национальную карту, <http://www.kommersant.ru/doc/2443958>
14. Газета Коммерсантъ. Visa и MasterCard перестали оказывать услуги банку «Россия» Юрия Ковальчука и СМП Банку братьев Ротенбергов, <http://www.kommersant.ru/doc/2434393>
15. Газета Коммерсантъ. Слишком национальная платежная система, <http://www.kommersant.ru/gallery/2464880>
16. Газета.ru. Путин перевел зарплату в «Россию», <http://www.gazeta.ru/business/2014/03/21/5958853.shtml>
17. Новостной портал МФО, Visa и MasterCard заморозили операции по картам, <http://mfonews.ru/visa-i-mastercard-zamorozili-operacii-po-kartam/>

**Nabil Alnasser¹, Osama Samih Shaban^{1*}
and Ziad Al-Zubi,¹**

¹*Al-Zaytoonah University of Jordan,
Accounting Department, Amman, Jordan*

The Impact of Accounting Ethics in Improving Managers' Behavior and Decision Making in the Jordanian Companies

1. INTRODUCTION

The nature of this study aims to examine the impact of accounting ethics in improving managers' behavior and decision making. As we are all now realize that most of the financial crisis and business failures is due to unethical behavior of employees, employers, or management. The ethical dilemma is too wide to be covered in a research paper, but we will try to figure at least some parts of this problem and its consequences.

Ethics is a code of conduct that applies to everyday life. It addresses the question of whether actions are right or wrong. Ethical actions are the product of individual decisions. When an organization is said to act ethically or unethically, it means that individuals within the organization have made a decision to act ethically or unethically. When a company uses false advertising, cheats customers, pollutes the environment, treats employees poorly, or misleads investors by presenting false financial statements, members of management and other employees have made a conscious decision to act unethically. In the same way, ethical behavior within a company is a direct result of the actions and decisions of the company's employees [1].

Ethical decision-making arises from two levels of moral reasoning: (1) the intuitive level consisting of one's personal feelings and ideas as to the right and wrong of a particular situation feelings derived from beliefs formulated out of personal knowledge and experiences; and (2) the critical evaluative level consisting of reasoned judgments and evaluations of the situation. As to the

application of moral reasoning to a given situation, one's intuitive response is always immediate and personal; it is our initial impression or gut-feeling. It simply comes to us that this is correct or incorrect, right or wrong. The critical evaluation level, on the other hand, is a decision we arrive at by applying ethical theory, moral principles, and professional rules, standards, codes and laws to the specific situation which must be decided. Critical evaluation is seasoned thought. Relevant to the application of moral reasoning is the fact that while ethical rules and standards are helpful to critical thinking, they can be inadequate for some situations. Similarly, theory can be too abstract making it difficult for one to derive practical and specific applications. Therefore, people place a heavy reliance on ethical principles for the resolution of their problems [2].

Business ethics formulates now the main part of industry growth especially after the financial scandals that hit many famous industries. Most of these scandals embodied illegal actions, bribes, misuse of power, financial corruption and embezzlement. As a result of these actions, the necessity to ethical standards has raised. Generally, Ethical standards work as a framework that determines its relations with employees, customers, business and public. It also works as a guideline to firm's objectives and future plans [3].

The core of accounting or auditing job is ethics. An accountant has to perform his duties with utmost care and honesty. The accuracy of the financial statement does not mean it is reliable and faithful. A reliable financial statement means that it is verifiable, is a faithful representation, and is reasonably free of error and bias. Faithfulness means that the numbers and descriptions represent what really existed or happened. The accounting numbers and descriptions agree with the resources and events that these numbers and descriptions purport to represent [4]. In Other words, financial accountants in the performance of their professional duties are called on for moral discernment and ethical decision making. The decision is more difficult because a public consensus has not emerged to formulate a comprehensive ethical system that provides guidelines in making ethical judgments.

Recent studies indicated that nearly all accounting textbooks have focused on ethics and its importance, in 1988, Stephen E. Loeb proposed that accounting students need to be educated so that they attain the following objectives: [5].

1. Understand both the composition of and the mechanism for enforcing the various codes of ethics that exist within accounting.

2. Understand the social control mechanism that society can use to assure itself that the public accounting profession regulates itself and, also, to sanction a public accountant who does not comply with professional standards.

3. Are able to respond effectively to ethical dilemmas that arise in accounting.

4. Are able to deal with the dynamic nature of the ethics environment that exist today in accounting

One of the main audit failures from the 1980s up to now is due to improper ethical values. As we mentioned earlier in the introduction that the accounting profession is very critical to society, both, the internal and external users are benefited from the accountant outcomes. Accordingly, the information they provides helps in making critical decisions, but at the same time these decisions may cause disruption to the capital market and the society at the same time. So the presence of a code of ethics will work on organizing the financial outcomes and accordingly organizing the capital market and the society as a whole.

Importance of the current study can be derived through management practices and behavior. Unethical behavior of accountant will lead to harmful consequences to both managers and auditors. An effective code of ethics will regulate the profession and its outcomes, and control the fraudulent actions. It's important that every company should have a code of ethics that can minimize risk, and ensure reliable financial statements.

The current study aims to examine the impact of accounting ethics in improving managers behavior and decision making. The environment of accounting profession has a dynamic nature, so every step in performing the accounting cycle should be executed in top ethical care. As Unethical behavior will lead to harmful consequences to all users of financial information, the need to have reliable and ethical financial outcomes is the aim of this research study.

2. LITERATURE REVIEW

Ethics, sometimes known as philosophical ethics, ethical theory, moral theory, and moral philosophy, s a branch of philosophy that involves systematizing, defending and recommending concepts of right and wrong conduct, often addressing disputes of moral diversity. The term comes from the Greek word ethos, which means character. Philosophical ethics investigates what is the best way for humans to live, and what kinds of actions are right or wrong in particular circumstances [6].

Professional ethics is a code of conduct that applies to the practice of a profession. Like the ethical conduct of a company, the ethical actions of a profession are a collection of individual actions. As members of a profession, accountants have a responsibility, not only to their employers and clients but to society as a whole, to uphold the highest ethical standards.

Historically, accountants have been held in high regard. For example, a survey of over one thousand prominent people in business, education, and government ranked the accounting profession second only to the clergy as having the highest ethical standards [7]. It is the responsibility of every person who becomes an accountant to uphold the high standards of the profession, regardless of the field of accounting the individual enters [8].

Every accounting board should adopt codes of professional conduct, in order to ensure that its members understand the responsibilities of being professional accountants. Fundamental to these codes is responsibility to the public, including clients, creditors, investors, and anyone else who relies on the work of the certified public accountant. In resolving conflicts among these groups, the accountant must act with integrity, objectivity, and independently, even to the sacrifice of personal benefit.

Jackling, Philomena & Steven, in their article Professional Accounting Bodies' Perceptions of Ethical issues, Causes of Ethical Failure and Ethics Education determined the top nine factors that contributed to ethical failures for accountants based on a survey of 66 members of the International federation of Accountants IFA. The factors include: [9].

1. Self Interest Self Interest
2. Failure to maintain objectivity and independence
3. Inappropriate professional judgment
4. Lack of ethical sensitivity
5. Improper leadership and ill-culture
6. Failure to withstand advocacy threats
7. Lack of competence
8. Lack of organizational and peer support
9. Lack of professional body support.

The interest of the public is the primary ethical objective which should be taken into consideration when an accountant or an auditor performs his job. There job should be performed according to the accounting standards and according to a code of ethics. Codes of ethics are suggested means for

institutionalizing ethical behavior. Top management demonstrates its commitment to the code through its daily behavior. In addition, the organization reinforces ethical behavior through punishment and e rewarded consistently. The performance evaluation system can be a very important mechanism for demonstrating management's commitment to ethical behavior [10].

There are many stakeholders in many countries who report several concerns in the usage of rules-based accounting. According to recent studies, many believe that the principles-based approach in financial reporting would not only improve but would also support an auditor upon dealing with client s pressure. As a result, financial reports could be viewed with fairness and transparency. So many countries have switched to International Accounting Standards IAS, as they are composed that this would bring changes especially to accounting ethics. Recently most countries have adopted the International Financial Reporting Standards IFRS as these standards are based on understandability, relevance, materiality, reliability, and comparability.

The accurate application of a code of accounting ethics will protect accountant, investors, and the firm from all kinds of manipulation, fraud, and embezzlement. Many accounting bodies have sanctioned several rules in order to support higher ethical behavior. The code of conduct is used by many companies in order to express the company's values and obligations to its stakeholders. The code of conduct also contains a detailed plan of implementing its activities, values and mission. In addition, it has all the restricted and forbidden behaviors [11].

IFAC recognizes that the accountancy profession throughout the world operates in environments with different cultures and regulatory requirements. The International Ethics Standards Board for Accountants has, nevertheless, established an international Code of Ethics for Professional Accountants. Professional values and ethics relate directly to IFAC s mission to develop and enhance the profession to enable it to provide services of consistently high quality in the public interest. It mentioned that, the program of professional accounting education should provide potential professional accountants with a framework of professional values, ethics and attitudes for exercising professional judgment and for acting in an ethical manner that is in the best interest of society and the profession. The required values, ethics and attitudes of professional accountants include a commitment to comply with the relevant local codes of ethics which should be in conformity with the International Ethics Standards Board for Accountants Code [12].

2.1 Factors that Influence the Ethical Environment of an Organization

2.1.1 Mission and values

Mission and values help the organization to create a clear common sets of beliefs that guide the decision-making process [13]. Where these are built around strong moral values that can enhance the standards of ethical decision-making. In addition, the increase of ethical decisions will identify strong managers and eventually strong organization.

2.1.2 Leadership and management influence

Superior staffs are always the example to junior staff, not the ethics policy. Juniors always imitate their superior in actions and behavior, so enforcing good attitude through seniors will create best behavior among juniors resulting in more ethical decisions.

2.1.3 Peer group influence

Individuals will adhere to group norms even though this may be against what they would do as individuals [14]. Peer groups influence attitudes because individuals want to be accepted by others. Juniors seek approval by sharing similar attitudes or by modifying attitudes to comply with those of group.

2.1.4 Procedures, rules and codes of ethics

A defined code of ethics and procedures will result in a high ethical behavior; it will create better perception about the organization and its objectives. Rewards and sanctions will make the code of ethics more effective.

2.1.5 Ethics training

Appropriately focused ethics training, particularly that focus on a practical training rather than philosophical emphasis. This kind of training can assist in encouraging ethical decision- making, and can make codes of ethics concrete, but should be consistent with the other factors.

2.1.6 Rewards and sanctions

Rewards power is often used to back up the use of legitimate power. Reward power works best when employees understand how they can achieve rewards and are kept abreast of their status toward earning the reward. Accordingly, ethical behavior will increase if it is connected to reward, and vice versa [15].

2.1.7 Religion and ethics

Religion plays an important role in influencing an individual ethics. Generally, a religious employee has a self-motivation to act ethically compared to an employee with low level of religiosity [16].

2.2 Factors that Influence Ethical Decision Making

When a decision involves an ethical conflict, managers have to counter a real problem. Managers in such situations face difficult alternatives the sweetest of them is bitter. Values pervade the decision-making process, encompassing not only the individual's economic and legal responsibilities but his ethical responsibilities as well. When managers make a choice to act unethically, the consequences are felt by the organization, its shareholders, employees, and customers. When managers make a wrong decision, they are likely reluctant to admit that they have made a wrong decision, then they will try to reduce their dissonance by using many excuses such as; seeking information to support the wisdom of their decision, or adopt a less favorable view of the forgone alternatives, or trying to minimize the importance of the negative aspect of the decision and exaggerate the importance of the positive aspect, eventually, a great deal of such behavior could easily harm organizational effectiveness [17].

2.3 Factors that Influence Managers' Behavior

Ethical behavior cannot be legislated. It is a combination of strong values and the impact of the example set by peers and superiors. To better appreciate ethics, individuals must understand how factors such as values, norms, convictions, integrity, choices and courage interact with each other to

impact managers' behaviors and decisions. Together they provide the guidelines that define managers' behavior [18].

3. METHODS

The primary data needed for the study objectives were collected through a survey conducted among Different Jordanian companies. A questionnaire has been designed for this purpose, and it was employed from different literature in order to cover the purpose of the study, then it was distributed randomly to the working employees taking part in actions and activities on carrying out business in their companies in November 2013, and to different management levels. The number of questionnaires analyzed were (100) questionnaires. Resolution data were analyzed using the statistical program Smart PLS. The questionnaire contents can be seen in the appendix.

Quantitative data were collected using a self-administered questionnaire, in which the employees were asked to state the likelihood (on a 5-point scale: [5] strongly agree; [4] agree; [3] neutral; [2] disagree; [1] strongly disagree), 100 copies of the questionnaire were delivered by hand on the respondents, 92 copies were returned (percentage of 92%); these 92 copies were accepted and used in the actual analysis (percentage of 92%) of the original distributed copies). The numbers of questionnaire used as a pilot study were 20 copies.

Other Data is collected from secondary sources. Secondary data is collected from articles published by the well-known periodicals, books, and dissertations.

4. Statistical Analysis

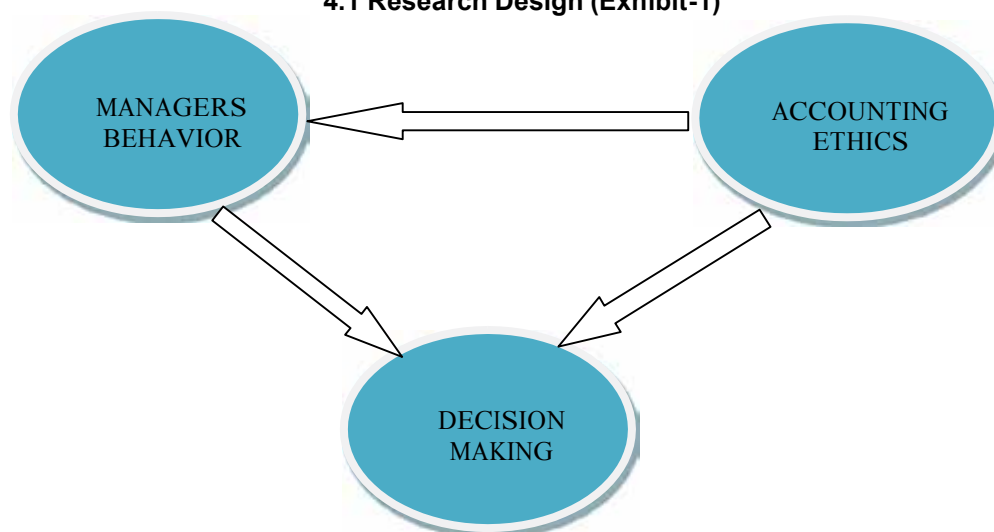
The Statistical Package for Social Sciences Smart PLS was applied in analyzing the data received; Statistical Analysis tools include the followings:

1. Descriptive Statistics, mainly frequencies and percentages, were used to analyze sample characteristics according to job, educational level, professional certificates, and experience.

2. Correlation, Inter-correlation, and Path Coefficient were used to analyze and describe study variables from a statistical point.

3. Reliability Test using Cronbach's Alpha was used to test the reliability of the scale.

4.1 Research Design (Exhibit-1)

Research design is formed out of three main elements which constitute the research design. The Model in Exhibit-1 shows the effect of accounting ethics on managers' behavior and decision making, and the effect of managers' behavior on decision making.

4.2 Study Hypothesis

H1: There is impact of accounting ethics in improving managers' behavior and decision making.

The subordinate hypothesis from the H1 can be made as follows: There is impact of accounting ethics in improving managers' behavior.

The first subordinate hypothesis inquire whether accounting ethics embodied in a form of code of ethics can make managers' behavior characterized by honesty, integrity, trustworthiness, fairness and a sense of justice.

There is impact of accounting ethics in improving decision making.

The second subordinate hypothesis inquire whether accounting ethics embodied in a form of code of ethics can make decision making more accurate, more valuable, and without bias.

H2: There is impact of managers' behavior in improving decision making.

The second hypothesis inquire whether managers' behavior characterized by honesty, integrity, trustworthiness, fairness and a sense of justice can make decision making more accurate, more valuable, and without bias.

4.3 Data Analysis and Findings

4.3.1 Reliability test

Cronbach's alpha was used to test the internal reliability of the measurement instrument. In this study 0.60 or higher is considered acceptance [19]. As shown in Table (2) the Cronbach's Alphas (D) ranged from 0.779 to .965, thus establishing the reliability of the survey questionnaire. It is obvious that all values of alpha are high. This indicates that for each measurement of a variable, the items are highly correlated and hence highly consistent. Table (1) shows the Cronbach's alpha for each scale:

Table 1. Cronbachs Alpha

	Cronbachs alpha
Accounting Ethics	0.965982
Decision Making	0.900804
managers Behavior	0.779072

4.3.2 Sample characteristics

The respondents were 67.4% male and 32.6% female; most of them were between the age of 25 years and 45 years. Most respondents had average experience more than 5 years. The Job title of 46.7% of the respondents were Accountants, 23.9% Accounting officer, Head of accounting department 14.1% and finally 15.2% were Chief financial officers CFO. Most of respondents 70.7% had Accounting degree, JCPA 19.6%, and 9.8% having CPA degree. Demographic data is shown in Table No. (2).

4.3.3 Smart PLS results

The structural model results are shown in Exhibit 2. Examining the path coefficients; the numbers on the screen enables us to determine, that Accounting ethics has the strongest effect on Decision making (0.806), followed by Managers' Behavior (0.803), and the effect between Managers' Behavior and Decision making was (0.175). Moreover, the three constructs explain 63.3 percent of the variance of the endogenous latent construct

Managers' Behavior ($R^2 = 0.633$), and endogenous latent construct Decision making ($R^2 = 0.904$). Table 3 illustrates the r square results.

Table 2. Demographics data for the pivot study

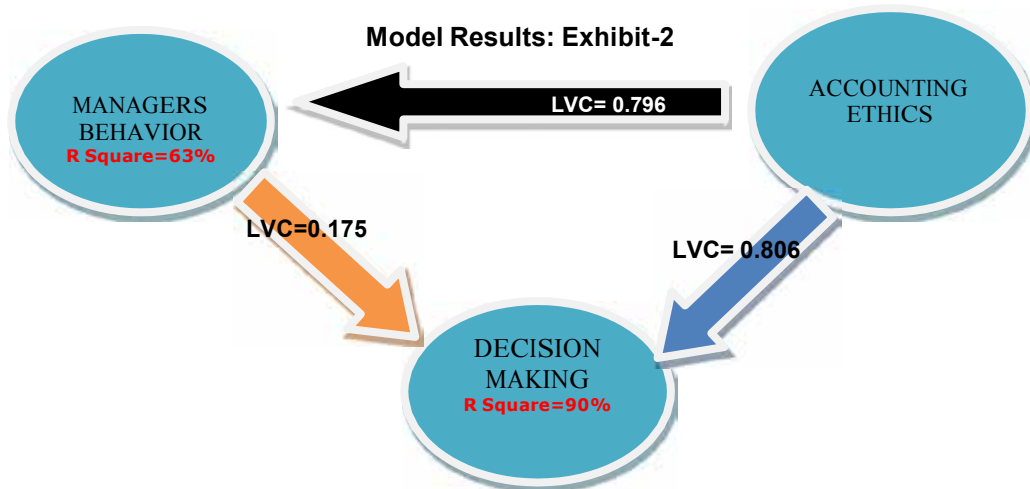
Variable	Group	Frequencies	%
Sex	Male	62	67.4
	Female	30	32.6
Total		92	100%
Age	Less than 25 years	13	14.1
	From 26 years 35 years	29	31.5
	More than 36 years 45 years	29	31.5
	More than 46 years	21	22.8
Total		92	100%
Professional Certificate	JCPA	18	19.6
	CPA	9	9.8
	Accounting Degree	65	70.7
Total		92	100%
Job Title	Accountant	43	46.7
	Accounting officer	22	23.9
	Head of Accounting Dept.	13	14.1
	CFO	14	15.2
Total		92	100%
Experiences	Less than 5 years	16	17.4
	From 6 years — 10 years		39.1
	More than 11 years — 15 years		23.9
	More than 16 years	18	19.6
Total		92	100%

Table 3. The R square of the variables

	R Square
Accounting Ethics	
Decision Making	0.903925
managers Behavior	0.633198

The results show that the relationship between the three variables is statistically significant. Based on their path coefficient scores, it would appear that the influence of Accounting Ethics and Managers' Behavior on Decision Making is significant. However, it seems very unlikely that the hypothesized path relationship between Managers' Behavior and Decision Making (0.175) is relatively weak compared to path relationship between Accounting Ethics and managers' Behavior (0.796), and Accounting Ethics and Decision Making (0.806) but still significant, as the findings of Smart PLS rule explains that the path Coefficient is significant if it is above 0.015.

The convergent validity assessment is associated with the Average Variance Estimated (AVE) value. The evaluation of validity criterion in Table 4 illustrates that the AVE values of Accounting Ethics (0.565) and Decision Making (0.528) are above the cutoff point of 0.50.

Therefore, these two reflective constructs demonstrate high levels of convergent validity. As for the Managers' Behavior construct, although its AVE values is relatively lower than the threshold (.42), this construct has a high composite reliability score (.82), as composite reliability scores could be used as another approach to assess a constructs' convergent validity, and thus demonstrating a valid construct [20].

Table 4. Quality Criteria

	AVE	Composite Reliability	R Square	Cronbachs Alpha
Accounting Ethics	0.565723	0.972605		0.965982
Decision Making	0.528384	0.921204	0.903925	0.900804
managers Behavior	0.423595	0.822338	0.633198	0.779072

Table 5. AVE Root Square

	AVE	Accounting Ethics	Decision Making	managers Behavior
Accounting Ethics	0.565723	0.752145		
Decision Making	0.528384	0.749743	0.726900	
managers Behavior	0.423595	0.603433	0.625016	0.650841

Discriminant validity is established through examining the cross-loadings comparisons between constructs. Specifically, the AVE of each latent construct should be higher than the construct s highest squared correlation with any other latent construct [21]. This notion is identical to comparing the square root of the AVE with the correlations between the latent constructs. The square roots of the AVE values of all constructs were calculated, and compared with correlations between construct, as in Table 5. The results in Table 5 indicate that all the three constructs in the research model (accounting ethics, decision making, and managers' behaviour) achieved this criterion as none of the off-diagonal elements exceeded the respective diagonal element [22]. Thus, discriminate validity was demonstrated.

Table 6. Path Coefficients

	Accounting Ethics	Decision Making	Managers' Behavior
Accounting Ethics		0.749743	
Decision Making			0.625016
Managers' Behavior			

The path coefficient is illustrated in Table 6. The path coefficient between accounting ethics and decision making equals 0.749, and path coefficient between decision making and managers' behaviour equals 0.625, which means that, there is a linkage between the construct variables in the research model.

4.4 Conclusion and Recommendation

4.4.1 Conclusion

The results show that the relationship between the three variables is statistically significant. Based on their path coefficient scores The path coefficients results shows that accounting ethics has the strongest effect on decision making followed by managers' behavior, and there is less effect of path coefficient on managers' behavior and decision making. The analysis also shows that there is a significant influence of accounting ethics on managers' behavior and on decision making. The results also confirm the first sub research hypothesis stating that, there is impact of accounting ethics in improving managers' behavior, also the results confirm the second sub research hypothesis stating that, there is impact of accounting ethics in improving decision making. The results also confirm the second hypothesis, which stating that, there is impact of managers' behavior in improving decision making.

We can conclude that, the factors influence ethics, managers' behavior, and decision making should be deeply investigated. Accountants must understand how factors such as values, norms, convictions, integrity, choices and courage interact with each other to impact managers' behaviors and decision making. Also a clear mission and values help create the shared sets of beliefs that guide decision-making. The study concluded that, every company should have a code of ethics that can minimize risk, and ensure reliable financial statements, and the best ethics guide that staff can follow is their manager's real behavior, and a strong ethical values that reinforce the norms of ethical decision-making. Rewards and sanctions affect ethical behavior, either by increase or decrease

effect depending on type of rewards or punishment. Generally they work as an essential approach in responding to positive and negative behavior.

4.4.2 Recommendation

According to the study conclusions the researchers recommend the following: As accountant's ethics affect managers' behavior and the process of decision making, management should Promote care, courtesy and respect for others, Promote self- esteem, self-discipline, honesty and positive relationships, and Ensure there is fair treatment for all regardless of position, gender, race, ability and disability. In other words management should ensure the highest ethical standards embodied in a strong code of conduct that can maintain high ethical performance by current and future employees.

Finally, Management should ensure that the company s expectations of behavior are clear and understood by employees, and stakeholders.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Belverd E Needles, Powers Marian, Sherry K Mills, Henry Anderson R. "Principles of Accounting" 7th ed. Houghton Mifflin; 1999.
2. Lot of essays "Ethical Issues" Accessed; 2013. Available: <http://www.Wikipedia.org>.
3. Beverly Jackling, Barry J. Cooper, Philomena Leung, Steven Dellaportas. Professional Accounting Bodies' Perceptions of Ethical Issues, Causes of Ethical Failure and Ethics Education" . Managerial Auditing Journal. 2007; 22(9):928-944.
4. Kieso, Weygandt, Warfield. "Intermediate Accounting" 14th edition. Wiley and Sons; 2012.
5. Stephen E Loeb. Teaching Students Accounting Ethics: Some Crucial Issues in Accounting Education. 1988;3:316 329.
6. Wikipedia.org (Definition of Ethics) Accessed; 2013. Available: <http://www.Wikipedia.org>.
7. Ross. Touch & Co, "Ethics in American Business" New York: Touch Ross & Co. 1988;7.

8. Needles, Belverd E, Powers Marian, Sherry K Mills, Henry RAnderson; 1999.
9. Jackling, Beverly, Barry J. Cooper, Philomena Leung, Steven Dellaportas; 2007.
10. Gibson, Ivancevich, Donnelly, "Organizations behavior, Structure, Processes" 11th edition, McGraw-Hill Inc;2002.
11. Wikipedia org (Definition of Ethics) Accessed; 2013.
Available: <http://www.Wikipedia.org>.
12. IES 4, International Education standards (Professional Values, Ethics and Attitudes) Accessed 17 April 2014. Available: <http://www.IFAC.org>.
13. Grusenmeyer, David. (Mission, Vision, values), Accessed; 2013.
Available: <http://www.msu.edu>.
14. Loeb, Stephen E. The Evaluation of Outcomes of Accounting Ethics Education. *Journal of Business Ethics*; 1991:10(2):77-84.
DOI:10.1007/BF00383611.
15. Gibson, Ivancevich, Donnelly. *Organizations behavior, Structure, Processes* 11th edition, McGraw-Hill Inc; 2002.
16. James Rest, Darcia Narvaez, Muriel J. Bebeau, Stephen J. Thoma. *Post conventional Moral Thinking: A Neo-Kohlbergian Approach*, Mahwa, NJ: Lawrence Erlbaum Associates; 1999.
17. Gibson, Ivancevich, Donnelly. *Organizations behavior, Structure, Processes* 11th edition, McGraw-Hill Inc; 2002.
18. Bendaraz, Timothy F. *leader to leaders* accessed 12 Feb 2014 Available at www.Majorium Business Press.com; 2011.
19. Uma, Sekran. *Research Method for Business: A Skill Building Approach*. 7th Edition, John Wiley and Sons, New York; 2003.
20. Fornell C, Larcker D.F. Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement error. *Journal of Marketing Research*.1981;18(1):39-50.
21. Fornell C, Larcker D.F. Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement error. *Journal of Marketing Research*. 1981:18(1):39-50.
22. Hull and John. Use of Partial least Squares (PLS) in Strategic management. 1999;20:2.

APPENDIX

Table 1. Elements of mission and values

No.	Elements of mission and values
1	The company clearly identify the purpose of its existence
2	All employees clearly know the reason for being exist
3	All employees clearly know for whose benefit does the company exist
4	All employees clearly know how does the company pursue its strategic objectives
5	All employees clearly identify the commercial rationale for the business.
6	All employees clearly know what does the company believe in
7	All employees clearly know how the company set its priorities and basic beliefs,
8	The company had established the moral rationale for business.
9	The company had established its aspirations plans, and philosophical priorities
10	The company had established its standards of behavior (How does the company act or behave?)
	Total

Table 2. Rewards and sanctions

No.	Elements of rewards and sanctions
11	Ensure a consistent approach in responding to positive and negative behavior
12	Promote care, courtesy and respect for others
13	Promote self-esteem, self-discipline, honesty and positive relationships
14	Encourage a whole company and management involvement in the implementation of this policy
15	Ensure that the company s expectations of behavior are clear and understood by employees, stakeholders, and management.
16	Ensure there is fair treatment for all regardless of position, gender, race, ability and disability
	Total

Table 3. Ethics training

No.	Elements of ethics training
17	Management is involved in the process of identifying training content.,
18	Management makes independent suggestions to identify appropriate training content
19	Commitment and action by management is the keystone for ensuring the integrity of an agency's ethical culture.
20	Management provides in-house training or hires a specialized ethics training company for seminars or online training of employees.
21	There is continuous development of ethics training programs.
	Total

Table 4. Leadership influence in improving the ethical environment

No.	Elements of Information & Communications
22	Leaders make clear through their words and actions that ethics is a priority
23	Leaders communicate clear expectations for ethical practice
24	Leaders practice ethical decision making
25	Leaders support their facility's ethics program
	Total

Table 5. Procedures, rules and codes of ethics

No.	Elements of procedures, rules and codes of ethics
26	Practice their profession with integrity, honesty, truthfulness and adherence to the absolute obligation to safeguard the public trust.
27	Act according to the highest goals and visions of their organizations, professions, clients and consciences
28	Inspire others through their own sense of dedication and high purpose
29	Improve their professional knowledge and skills, so that their performance will better serve others
30	Value the privacy, freedom of choice and interests of all those affected by their actions
31	Adhere to the spirit as well as the letter of all applicable laws and regulations
32	Avoid even the appearance of any criminal offense or professional misconduct
33	Encourage colleagues to embrace and practice these ethical principles and standards
	Total

Table 6. Elements of Peer group influence

No.	Elements of Peer group influence
34	Employees learn to develop relationships with others in the social system, particularly teaching other employees customs, social norms, and different ideologies
35	Employees can serve as a venue for teaching members
36	Employees influence individual members' attitudes and behaviors on many cultural and social issues, such as: fraud, violence, and academic achievement
37	Employees provide an influential social setting in which group norms are developed and enforced through socialization processes that promote in-group similarity
38	Employees within the organization help other employees form their own identity.
	Total

Table 7. Impact of religion and

No.	Elements of religion and ethics
39	Your religion is your guide which control your moral and behavior
40	Job performance can suffer if a worker s religious practices is neglected
41	Employees are protected from discrimination or harassment according to their religion in the workplace.
42	Employees who are religious were significantly more likely to be trustful,
	Total

Table 8. Impact of ethics on decision making

No.	Impact of ethics on decision making
43	Employees have the right to safe working conditions
44	Employees have the right to a minimum wage
45	Employees are treated with respect and dignity according to human rights
46	Managers put the interest of the organization over their personal interest.
47	Managers, before making a decision put into their consideration, who will be affected by the decision and to what extent will the various parties affected by this decision be harmed or benefited?
48	Managers, before making a decision put into their consideration, whether the decisions are according to law, and how does this decision square with the canons of justice?
	Total

Table 9. Impact of ethics on managers' behavior

No.	Impact of ethics on managers' behavior
49	Managers behavior should be characterized by honesty, integrity, trustworthiness, fairness and a sense of justice.
50	Managers should always do the right things
51	Managers should always act unbiased by self-interest and within the framework of one's values and norms
52	Managers put the interest of the organization over their personal interest.
53	Managers, before making a decision put into their consideration, who will be affected by the decision and to what extent will the various parties affected by this decision be harmed or benefited?
	Total

Ehren Lee Sze Tseng^{1*}

and Rashad Yazdanifard,^{1*}

¹*Department of Marketing and Human Resources,
Centre of Southern New Hampshire University (SNHU)
Programs, HELP College of Arts and Technology, Kuala Lumpur*

Education or Experience: The Potentiality in Yielding the Best Productivity at the Working Environment

1. INTRODUCTION

In this era of new generations, parents focus more on education for children. They assume that by letting their children go through a stable education, they will have a better chance of workplace in the future. But, is it that easy to achieve a high academic level? It will be easy as most education focus more on the exam itself compared to the contents of teaching. Students intend to memorize and remember every topic taught by the teacher. In actual fact, they score pretty well in their examination and eventually forget about it. This is what definition of education is now in our time. Practically speaking, education isn't the problem. It is the person that delivers the information or how they try to create a successful teaching method whereas the students are able to pass using focused topics. In a sense, we will think that experience is more important than education. It is a fact that it is more important than education based on the first-hand experience of people. People who are exposed to situations are more likely to understand and correct their mistakes, which will eventually improvise on the mistake. Working the way up the organization, it is very important to have a high education level in the society, because the implementation of mind-set is there and the success of their education level explains that they are willing and hardworking enough to strive for it. It may seem that the effort placed is futile but the results yield would increase and so does productivity. Wind energy instructor of Cloud Country Community College, Bruce Graham, warns that a person without a certificate or a degree will not advance as fast as a person that satisfies the

requirement. Suzanne Tegen, Energy Analyst of U.S. Department of Energy, explains that job doesn't actually require a college degree but it requires training. Even though it is said that way, Tegen encourages students to further their education after high school. With a better educational background, working with anybody is easy with a set of skills [1].

2. THE SIGNIFICANCE OF EDUCATION

According to Marafi [2], education is the main part of the sector in a country that links to the country's economy and the life of the people in the country itself. Investing on tertiary education sector would boost the economic factors of the country. According to Boyd [3], education is important to determine a person's job and income. It relates to the benefits of health care, paid holiday, and pension plans from the company itself. Education seems to be perceived as the main objective to social and economic development of the democratic society. Primarily, salaries and benefits of the working staff are mainly focused on the training and knowledge achieved, and with the aid of certification level of education. This shows that higher professional status of a person leads to higher paying salaries. Even in the working life, managers play an important role to educate employee about the importance of innovation in affecting the company and their goals [4].

3. EDUCATION BENEFITS FOR WORK

According to Clark [5], as the requirements of human resource changes, the concept of educability changes as well. Education changes over time as how it is required in work force. According to LoCastro, cited by Hanlon [6], schools in this present period have started to provide the real-life experience to the students in order to help prepare them for real world. According to Eadie and Lymbery [7], the establishment of education have to emphasize on the importance of ideals that are to be delivered and the quality of the profession which is required to create workers with the capabilities of functioning productively in an organisational work environment. Both the term technology education and vocational education are closely related to each other. Washington State define the term "vocational education" as planned learning experiences with specific objectives to prepare individuals for employment as semi-skilled or skilled professionals in occupations [8]. This type of education proves to be effective as it focuses mainly on the various set of skills that will be able to help during

work in the future. According to Kuchinke [9], work is essential for human existence. Academic preparation is clearly essential but it is insufficient. The concept of vocational education is proposed to enhance the development of vocation in a person. To realize the full potential in vocational ability among humans is important to human for progression of the world in terms of social and economic development. In 2006, the term Career and Technical Education (CTE) is adopted to replace the previous accepted term. It is agreeable by the CTE teachers that they should focus more on technical skills that are required for success in the workplace, due to the needs of ever changing workplace. As the requirement in the work market evolves, CTE changes along to meet its requirement in terms of postsecondary education and career [10].

4. THE DOWNFALL OF EDUCATION

Today, presence of doubt occurs on the importance of receiving a quality education for the children to reach their maximum potentiality [11]. The social work education could differ from organizational requirements due to its lack of form in training that prepares students to comply with rules, standards, or law. According to Mendlowitz, cited by Hanlon [6], 50 years ago, schools offer strong foundation in accounting and control systems. School education programs today are irrelevant to students' requirement needed for work. Student's expectation for college is mainly onto employment first and a good study experience later [12]. Students mainly further studies to college only to receive the degree to suit their future work requirements. According to Nelson, as cited by Deppe, Smith and Stice [13], most graduates from a bachelor's degree are being lured by the employers stating that the time spent on actual practice would be better than continuing with the program to reach master's qualification. According to Hutchins, cited by Ainley [11], learning has to be adapted in a large versatile system to create a whole student experience. If this isn't the answer to what learning should be, the question would be what are the students actually learning? Studies have shown that most teaching programs and textbooks do not help to improve the students' knowledge and understanding of a course. Teaching outcomes depends on the potential of teachers' inheritance of knowledge and teaching methods. During learning, there are restrictions and limitations that mainly focus on the group of students about the nature of team, whereas during the working environment, students are exposed to various types of perspective on rules and practice it to establish a critical view towards the classroom-based learning [7]. Having to learn and apply is two different methodologies to obtain

knowledge. By learning a topic would be mainly limited to the theoretical part of understanding while by applying what had been learnt would be about experiencing a situation and changing accordingly to suit the issue. Gramming is one of the problems in education that is considered to be harmful, but it is widely practiced in school. It is true because they have to memorize information in a short period of time to be recalled later on [14].

5. CORE CONCEPT OF EXPERIENCE

The concept of John Dewey's experience is just certain modes of interaction [15]. To gain experience is to start an interaction of certain aspect. Walter Benjamin observes that the poverty of the poor children in their daily life is ravaging through trash. Benjamin found and concludes that those children are able to develop through their daily activity and improvisation occurs without any restriction [15]. According to the research conducted by Motlagh, Bin Hj Hassan, Bin Bolong, and Osman [16], Journalist who had more than 10 years of working experience are more likely to make fair ethical decision. In results, people that have higher working experience are more likely to make decision to produce a better productivity. According to Nash [17], the improvement for efficiency of the school system will produce a generation without basic literacy skills. It is because the school system mainly focuses onto the education but do not monitor on the inputs and outputs. Teachers are the main source of knowledge for the students as they deliver valuable information known to be knowledge to the students. According to Horn, cited by Hanlon [6], experienced Professor would have a greater impact when teaching. It is an ineffective way to learn if work is based on books and theories due to lack of strong standing confidence. According to MA [18], college graduates realize that in the future, their place in the job market lies in the hands of their competency and expertise traits. It will eventually lead to a selection of the best out of the rest due to supply of the students surpassing greater than the demand of the company. A person working will experience many different situations. This term refers to work experience. Once a person starts to work on different stations, they start to have control over their work, increasing the desire to be better. The person will pursue their goal by producing the best productivity; to be promoted to a higher level [19]. Social workers have to learn to survive according to organizational demands, so that they are able to sustain adequate careers [7]. The need of those workers to experience first-hand torture would be the efficient learning method to cope with the working environment.

Thus, improvisation is required to improve work quality in order to yield better productivity.

6. TECHNOLOGY DRIVEN SOCIETY

In the new modern era we live in today, technology changes the humans' lifestyle. Change is inevitable as technology is constantly improving [20]. Technological revolution has changed the workplace today. Employees have to learn how to adapt to the new technology as work can be carried out faster and more efficiently. According to Mageni and Slabbert, cited by Marafi [2], due to the advancement of technology as years goes by; employees can start to work from home. According to Jin [21], rapid globalization of technology in modern days appears to be the condition for economic success. The set of knowledge needed are important to be able to make full usage of technology. People who are familiar with computers are able to cope better during work to improve productivity. Technological revolution has made it crucial for students to be able to familiarize and adapt with technology in their undergraduate education [22]. It eases the burden of pen and paper and to be driven purely into the technology era. As technology improves, education improves along. Thus, E- learning comes to the approach. E-learning is identified as the process of education via computer over the Internet. Studies have shown that e-learning offers advantages to students in education. It is due to its flexibility and response to diversity. It is convenient to gain full access on educational experience. The benefit of E-learning in the working environment will be the increasing of computer literacy [23].

7. THE IMPORTANCE OF EDUCATION AND EXPERIENCE COMBINED

Eadie and Lymbery (2002)'s, the aim of which their article is aimed to provide educational experience to stimulate students to handle the organisational requirements they will be working on [7]. It reflects firstly based on the foundation of the teaching in the beginning of the module, and secondly focuses on educational experience to clarify the basic themes in the module for the students. The first module starts by identifying the nature of problem through research. It examines the external factors that affect the recent changes of welfare organizations. Moving on to the internal environment factors by knowing the team's nature and teamwork, the second module starts from the outline of the structure and understands the learning theories in the design. The module links to broader issues and it explains the tendency to fulfil the multiple purposes.

According to Smith [24], the article is about an experience he had, drawing ideas from high education's learning and teaching, and applied them in a Masters course. Smith had a traditional concept towards teacher as a conveyor of knowledge. Once he had completed a course for teachers, higher education introduced him the idea to learn and teach. Apparently, the knowledge existed was from experiences of those who worked in the field rather than theoretical studies.

8. WELL BALANCED WORK LIFE

It was suggested that an employee is able to exert high productivity level if he/she is having a positive work life balance. Thus, it leads to higher salaries paid. Job contribution refers to the extent of how a person is showing interest and commitment to their job [25]. Therefore, job satisfaction is important as it plays the emotions and feelings of an employee's experience at their work place. When having a greater productivity in work, eventually it leads to job satisfaction. According to Locke, cited by Gill, Sharma, Mathur, and Bhutani [19], Job satisfaction is defined as the self-fulfilment state of which the results of one's job in achieving the objectives of the job value. It creates positive feelings among workers, reacting towards the desire for reaching high goals.

9. DISCUSSION

Education is changing to adapt to the working lifestyle of today. As the requirement of work changes, so does the concept of education as well. The teachings of programs in school are irrelevant towards the working society, as the teachings only cover the syllabus of the topic and grant them the certificate of achievement of certain level of education. This does not necessarily imply that education is meaningless in the eye of society. Nonetheless, the concept of vocational education exists to enhance the development of vocation in a person. Vocational education focuses more on the technical skills that meets the requirement to strive for success in a work area. Furthermore, the theory of experience is about interaction. It is an interaction towards certain aspect of life which in return gains experience on the other hand. Experience helps in making better decision in life. For an experienced Professor, the Professor will be able to share out more information based on the experience he had throughout his entire life. Books and theories are useless if we were not to practice it. It is because to understand is to experience it. In the age of technology, we are to adapt to

certain changes and use it for our benefit of easing work. We have to have experience in computer literacy to provide better productivity in work. In short, the existence and advancement of technology makes our life easier and better throughout our daily life. In comparison of whether education or experience being better, why not consider both together? This will help create an ideal solution in achieving a better work quality.

10. CONCLUSION

In summary, education differs from experience. Going through the path of education, one will only know what they have learnt whereas going through the path of experience, one is able to improvise and reflect upon their mistakes in due time. In other words, education and experience are both similar but different in their own ways. Ultimately, the need of knowledge of education and experience is important to diversify our actions against certain situations. Knowledge is infinite, a never ending learning process. Humans will continue to learn as long as they live.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Fitzgerald S. Working in the wind. *Career World*. 2009;37(4):23-25.
2. Marafi H. Perception of work life balance-an investigation of education sector of east and west. *Asian Journal of Business Management*. 2013;5(1): 174-180.
3. Boyd M. I love my work but... the professionalization of early childhood education. *Qualitative Report*. 2013;18(36):1-20.
4. Todhunter J. Innovate or perish. *Baseline*. 2008;(90):12-14.
5. Clark S.M. Changing meanings of equal educational opportunity. *Theory Into Practice*. 1976;15(1):77.
6. Hanlon P. Business school education: then and now. *New Jersey CPA*. 2012;(32):34.
7. Eadie T, Lymbery M. Understanding and working in welfare organisations: Helping students survive the workplace. *Social Work Education*. 2002; 21(5):515-527. OOI:10.1080/0261547022000015212.

8. Litowitz LS, Warner SA. Technology education: A contemporary perspective. *Phi Oelta Kappan*. 2008;519-521.
9. Peter Kuchinke K.K. Education for work: A review essay of historical, cross-cultural, and disciplinary perspectives on vocational education. *Educational Theory*. 2013;63(2):203-220. OOI:10.1111/edth.12018.
10. Stone III J.R. Standing still in a time of change. *Techniques: Connecting Education & Careers*. 2003;78(8):24.
11. Ainley P. The varieties of student experience-an open research question and some ways to answer it. *Studies In Higher Education*. 2008;33(5):615-624. OOI:10.1080/03075070802373222.
12. Khan S. What college could be like. *Communications of the ACM*. 2013;56(1):41-43. OOI:10.1145/2398356.2398370.
13. Oeppe LA, Smith JM. The debate over post-baccalaureate education: One university's experience. *Issues In Accounting Education*. 1992;7(1):18-36.
14. Ilyenkov EV. A contribution to the discussion on school education. *Journal of Russian & East European Psychology*. 2007;45(4):50-55. Ooi:10.2753/RPO1061-0405450403.
15. Imai Y. Walter Benjamin and John Dewey: The structure of difference between their thoughts on education. *Journal of Philosophy of Education*. 2003;37(1):109-125. OOI:10.1111/1467-9752.3701008.
16. Motlagh N.E, Bin Hj Hassan M, Bin Bolong J, Osman M. Role of journalists' gender, work experience and education in ethical decision making. *Asian Social Science*. 2013;9(9):1-10. OOI:10.5539/ass.v9n9p1.
17. Nash R. Equality of educational opportunity: In defence of a traditional concept. *Educational Philosophy & Theory*. 2004;36(4):361-377. OOI:10.1111/j.1469-5812.2004.00075.x.
18. M.A J. On teaching economics and management from entrepreneurship education perspective. *Cross-Cultural Communication*. 2012;8(6):71-74. OOI:10.3968/j.ccc.1923670020120806.1871.
19. Gill A, Sharma S.P, Mathur N, Bhutani S. The effects of job satisfaction and work experience on employee-desire for empowerment: a comparative study in Canada and India. *International Journal of Management*. 2012;29(1):190-200.
20. Prabhakaran A, Mishra H. Technological change in libraries: The evolution of techno stress. *Researchers World: Journal of Arts, Science & Commerce*. 2012;3(1):131-135.

21. Jin Z. Globalization, technological competitiveness and the 'catch-up' challenge for developing countries: Some lessons of experience. *International Journal Of Technology Management & Sustainable Oevelopment*. 2005;4(1):35-46. OOI:10.1386/ijtm.4.1.35/1.
22. Kalbers L, Rosner R. An investigation of the emerging trend towards a laptop requirement for accounting majors in the USA. *Accounting Education*. 2003;12(4):341-372.
23. Madoc-Jones I, Parrott L. Virtual social work education—theory and experience. *Social Work Education*. 2005;24(7):755-768. OOI:10.1080/02615470500238678.
24. Smith M. Applying ideas from learning and teaching in higher education to develop professional identity: The case of the M.Sc. in advanced residential child care. *Child & Youth Care Forum*. 2005;34(4):261-277. OOI:10.1007/s10566-005-4094-7.
25. Sathya Narayanan S.S, Umaseelvi MM, Ibrahim Hussein M. Quality of work life and its impact on behavioural outcomes of teaching faculty: An empirical study in Oman higher education context. *Skyline Business Journal*. 2012;8(1):23-28.

Bakhshinejad Mahmoud,^{1*}

¹*Department of Economics, Faculty of Human
Science, Islamic Azad University, Shahrekord
Branch, Shahrekord, Iran*

The Economic Survey of Walnut Production In Iran

1. INTRODUCTION

Walnuts are part of the tree nut family. This food family includes hazelnuts (filberts), pistachios, pecans, pine nuts and walnuts [1,2]. Walnuts are a rich source of heart-healthy monounsaturated fats and an excellent source of those hard to find omega-3 fatty acids, walnut seeds are high density source of nutrients, particularly proteins and essential fatty acids. 100 grams of walnuts contain 15.2 gram protein, 65.2 gram fat, and 6.7 gram dietary fiber. The protein in walnuts provides many essential amino acids. Like most nuts, they can easily be added to your Healthiest Way of Eating [3,4].

There are two major varieties of walnuts grown for its seeds, the English walnut and the Black walnut, the English walnut originated in Persia. The commercially produced walnut varieties are nearly all hybrids of the English walnut. Various species of walnuts are economically important trees for both their wood and their edible fruits which may be gathered in the wild but are now mostly grown in plantations. In Iran, walnut is one of the most valuable tree species based on price per board foot. It has long been in high demand throughout the world for wood products because of its beautiful color, strength, durability, dimensional stability after drying, and excellent machining qualities. Besides wood products, walnut trees produce edible nuts, wildlife food, and beauty, while protecting soil and water resources. When you plant and care for walnut trees, you are making an investment that may pay off handsomely in future years [1].

Production of walnuts in Iran has oscillated over the last two decades but has also followed an increasing trend (Fig.1). Much of the variability in production is due to the alternate bearing nature of walnut trees. Of course, yields per acre have also been variable over the years and also have shown more significant decreases in the last decade. Walnut yields have generally decreased from about 5.5 tons per acre in the early 1983s to around 2.9 tons per acre in 2010. According to government policies regarding the development of walnut cultivation in Iran, two new varieties of Persian walnuts Jamal and Damavand in Iran is growing. The two new varieties yield more than five tons per hectare [5] (Fig. 2).

The value of production of walnuts in Iran has followed a clear upward trend for decades, although sometimes notably. The Iran values of walnut production in 2009 totaled a record \$1734 million, which made walnuts the 4th highest valued fruit and treenut, crop in Iran [6].

Bearing acreage of walnuts increased from 1983 into the early 2010s. Acreage increases were noticeable after 1995; when each subsequent year acreage remained either at present levels or increased. In 2010, bearing acreage reached a record 122000 acres [5] (Fig.3).

Roughly 99.99 percent of Iran walnut production is utilized domestically, with an additional .01 percent kept for export market [6] (Table 1).

Table 1. The export of shelled walnuts and walnuts with shell

1961		1980		2000		2010	
Ton	Percent	Ton	Percent	Ton	Percent	Ton	Percent
0	0	0	0	23.5	3.18	62	0.4
2952	7.03	850	2.71	21	0.018	217	0.171

**Source: Trade promotion organization of Iran*

Despite the significance of walnut in the economy of Iran, walnut production has been subject to instability due to fluctuating weather, changing government policies, rising cost of production (particularly because of high prices of fertilizers, insecticides and pesticides) and year to year variability in output prices. This has adversely affected the profitability of walnut growers as well as the welfare of Gardening sector. It has been generally believed that Iran has an overwhelming competitive advantage in the production of walnut, even without additional technological change but it does not specialize as much as would have been profitable.

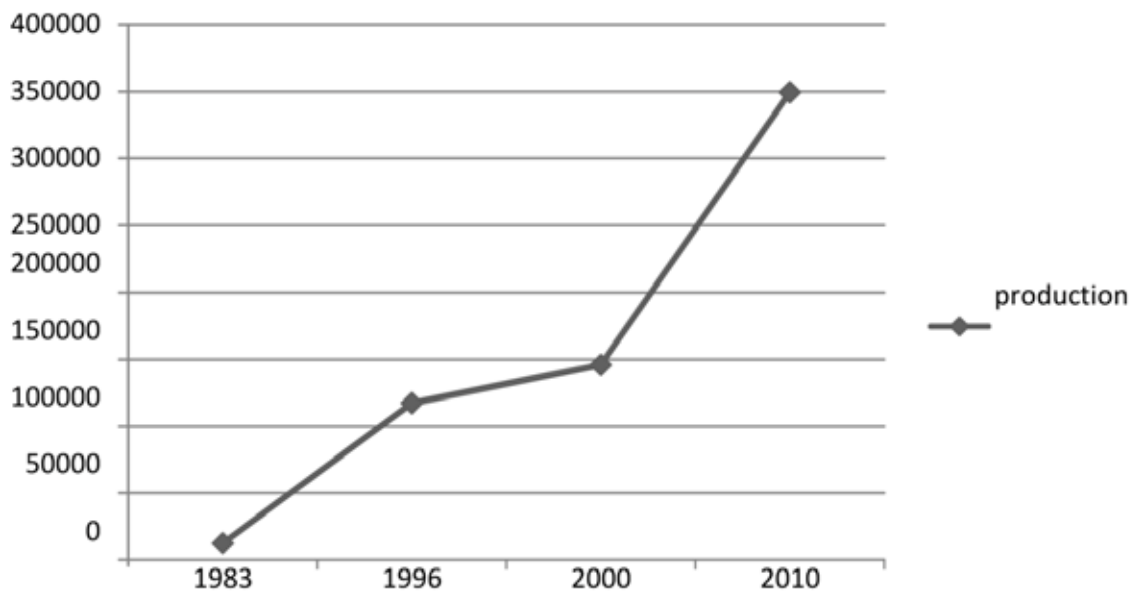

Fig. 1. The trend of production

* Source: Ministry of agriculture of Iran

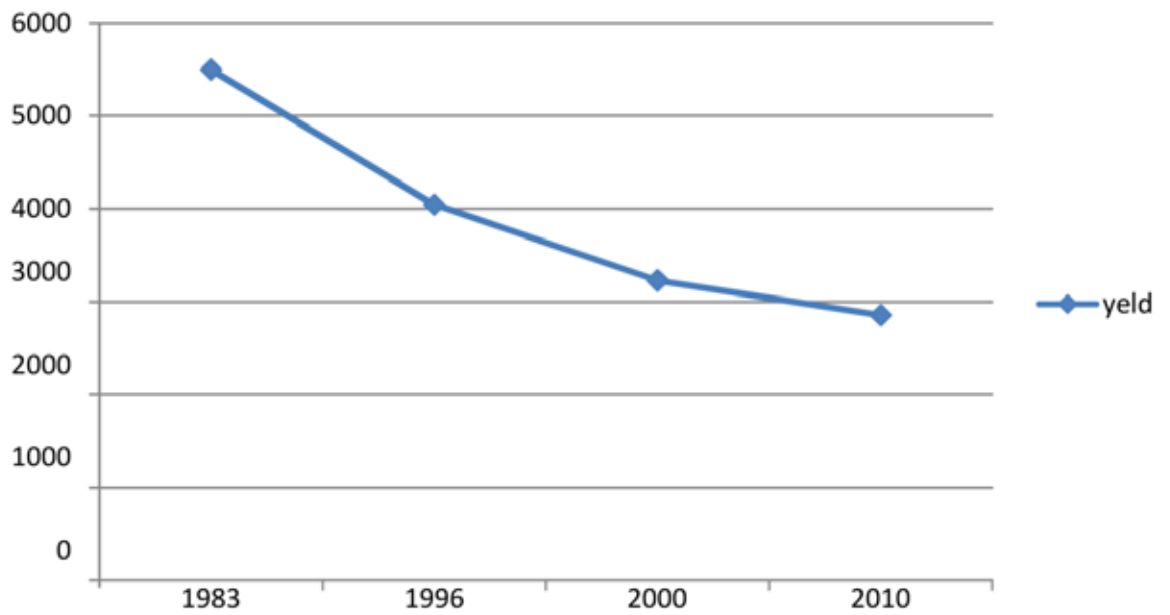

Fig. 2. The trend of yield per hectare

* Source: Ministry of agriculture of Iran

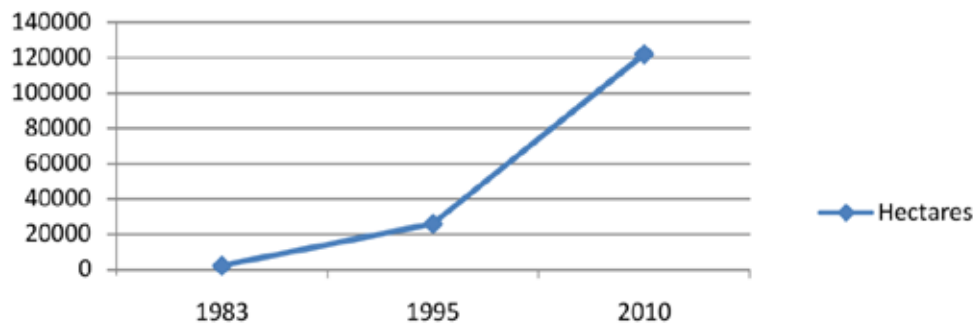

Fig. 3. The trend of harvested area in Iran

**Source: Ministry of agriculture of Iran*

However, trade liberalization under WTO regime, increasing competition and relative competitiveness of different countries poses a challenge to the competitiveness to the Iran walnut. One of the most important questions that arise is, should we specialize in walnut production or should we diversify our cropping system and produce several crops so that total gains from the production of many crops are maximized. It necessitates that the allocation of limited resources to different crops should be guided by some economic performance criteria of which the international competitiveness stand out to be the most critical [7]. It brings in the principle of comparative advantage to use it as a guiding factor in the allocation of scarce resources. So comparative advantage and policy analysis are of crucial importance for planners, policymakers, administrators, price fixing authorities and others concerned with the farming sector, to know whether or not current set of policies are consistent with the comparative advantage [8,9,10].

In economics, the law of comparative advantage refers to the ability of a party (an individual, a firm, or a country) to produce a particular good or service at a lower opportunity cost than another party. It is the ability to produce a product with the highest relative efficiency given all the other products that could be produced. It can be contrasted with absolute advantage which refers to the ability of a party to produce a particular good at a lower absolute cost than another. Comparative advantage explains how trade can create value for both parties even when one can produce all goods with fewer resources than the other. The net benefits of such an outcome are called gains from trade [11]. It is the main concept of the pure theory of international trade (Pearson et al.) [12,13]. Here, after Bruno [14]. Leontief . [15] Heley [16]. Tweeten [17]. Hook [18].

Memedovic [19]. Winter [20]. Fang al [21]. Shahabuddin and Dorosh [22]. Huang [23]. Lagos and Mardones [24]. Khan et al. [25]. investigated the comparative advantage of agricultural and industrial products in different countries; Haji Rahimi [7]. Hadrbody [26]. Dehghani [27]. Mahanta [28]. Karbassi et al [29]. Azizi and Yazdani [30]. Mehdipour and Nejad [31]. Shahnvshy et al. [32]. Daneshvar et al. [33]. Zhu X., Demeter R. and Oude Lansink A.[12]. andAhmed. [13]. Quddus [34]. Reviewed the policy and comparative advantage.

The objective of this study is to develop a basic, yet systematic framework for assessing country comparative advantages in competing walnut production activities, discuss how this framework can help entrepreneurial and policy decision-making in walnut development, and illustrate the practical application of the framework. The study was conducted to determine international competitiveness of Iran walnut and to assess that how far the current sets of policies are consistent with existing pattern of comparative advantage.

2. MATERIALS AND METHODS

The PAM is a computational framework, developed by Monke and Pearson (1989) and augmented by Masters and Winter-Nelson (1995), for measuring input use efficiency in production, comparative advantage among commodities, and the degree of government intervention. The basis of the PAM is a set of profit and loss identities that are familiar to any businessman (Nelson and Panggabean, 1991). The basic format of the PAM is a matrix of two-way accounting identities (Table 2) [13,35].

Table 2. Policy analysis matrix

	Value of input	Value of input		profit
		Tradable	Domestic cost	
Private profit	A	B	c	N
Social profit	D	E	F	O
Output transfer	G	H	I	P
Private profit	$N = A - (B+C)$	Input transfer	$H = B - E$	
Social profit	$O = D - (E+F)$	Factor transfer	$I = C - F$	
Output transfer	$G = A - D$	Net policy transfer	$P = N - O$	

Developed by Monke and Pearson [35,41]

The data in the first row provide a measure of private profitability (N), defined as the difference between observed revenue (A) and costs (B+C). Private profitability demonstrates the competitiveness of the agricultural

system, given current technology, prices for input and outputs, and policy. The second row of the matrix calculates the social profit that reflects social opportunity costs. Social profits measure efficiency and provide a measure of comparative advantage. In addition, comparison of private and social profits provides a measure of efficiency. A positive social profit indicates that the country uses scarce resources efficiently and has a static comparative advantage in the production of that commodity at the margin. Similarly, negative social profits suggest that the sector is wasting resources that could have been utilized more efficiently in some other sector. In other words, the cost of domestic production exceeds the cost of imports, which indicates the sector cannot survive without government support at the margin. The third row of the matrix estimates the difference between the first and the second rows. The difference between private and social values of revenues, costs, and profits can be explained by policy intervention [36].

The PAM framework can be used to calculate important indicators for policy analysis [35]. The nominal protection coefficient (NPC), a simple indicator of the incentives or disincentives in place, is defined as the ratio of domestic price to a comparable world (social) price. The other two indicators that can be calculated from the PAM include the effective protection coefficient (EPC) and domestic resource cost (DRC) [2,15,23].

Domestic resource cost the most useful indicator of the three, is used to compare the relative efficiency or comparative advantage between agricultural commodities, and is defined as the shadow value of non-tradable factor input used in an activity per unit of tradable value added ($F / (D-E)$) [37]. The DRC indicates whether the use of domestic factors is socially profitable ($DRC < 1$) or not ($DRC > 1$) [31,38,39].

The study covers the analysis of three major producing regions i.e. Hamadan, Fars and Semnan provinces of Iran, for the period of five years from 2008-2012. The provinces were selected on the basis of their contribution to total walnut production. The Hamadan, Fars and Semnan accounts for 56 percent in production. In our study, production cost estimates were based on data obtained from Ministry of Agricultural. The data were also supplemented by domestic and international prices of inputs and outputs to get representative budgets for walnut crop. The data collected were analyzed by using the Domestic Resource Cost analysis (DRC), through the Policy Analysis Matrix (PAM)

approach given in Table 1. Empirically, the policy analysis matrix (PAM) is a convenient tool for the DRC analysis [32,40].

The approach was used to determine international competitiveness of Iran Walnut and the effect of current set of policies on the existing pattern of comparative advantage of Iran Walnut.

3. RESULTS AND DISCUSSION

In this study, financial processes, including costs and revenues is reviewed from walnut producer in the province of Hamadan, Fars and Semnan. Costs include rent, labor, land, equipment, water, machinery, fertilizer and etc. Income includes income from product sales a year. Clearly after the shadow price of production and raw materials, possible indicators of comparative advantage comes from providing walnut production. Tables 3 show the results of policy analysis matrix. DRC in Table 3 is less than one. This means that there is comparative advantage in walnut production.

Table 3. Domestic resource cost (DRC) coefficients of walnut

Year	Hamadan	Fars	Semnan
2007 - 2008	0.28	0.34	0.39
2008 - 2009	0.29	0.36	0.40
2009 - 2010	0.31	0.38	0.42
2010 - 2011	0.35	0.38	0.45
2011 - 2012	0.37	0.39	0.47
Average	0.32	0.37	0.43

Source: Author's computation

Historically Hamadan has been the leading province in walnut production due to its natural and geographic location.

4. CONCLUSION

This study is an application of policy analysis matrix (PAM) to measures the international competitiveness of walnut in Iran, and determines whether or not the existing policies are consistent with the existing pattern of production and export. Overall results of the study depict that Iran under WTO regime has comparative advantage in producing walnut as export crop. However, agricultural policies are not consistent with the existing comparative advantage [41]. The findings of the paper suggest exploiting available potential in the cultivation of walnut to cater the local needs as well as for the earning of foreign exchange.

Concerted efforts are needed to improve performance of walnut production and processing sectors. In the face of emerging WTO challenges macroeconomic policies need to be conducive, for which following are suggested.

As one percent of walnut production in Iran is exported at the present time, and this amount does not match to the walnut production in Iran, It is necessary to stabilize the prices in order to increase the export of this product [10,42]. Moreover, the government should subsidize the required things for the walnut production such as chemical fertilizers and pesticides to increase the walnut export [2]. At par with reform of factor markets, the efficiency of input delivery system should also be improved. Black marketing, under invoicing and sale of substandard fertilizers and pesticides should be eradicated through strict punitive actions, open market sales and breaking the grading and standardization of the products to bring them at par with international standards must be ensured [32]. Iran should invest heavily in packaging, grading and procurement and delivery system technologies for an effective entry to export market. Along with other factors the total productivity of the crop depends on the quality of walnut. Therefore, production and provision of quality seed must be ensured indirect tax regime should be revisited in order to reduce cost of production. Reduction in indirect tax will help reduce cost of production. However the benefits of trade reforms accruing to Iran are heavily dependent on the response of developed countries to reform measures especially in terms of opening up of their markets.

COMPETING INTERESTS

Author has declared that no competing interests exist.

REFERENCE

1. Hassani D. Comparison of superior genotypes foreign walnut cultivars. Agricultural Research and Education Organization. Seed and Plant Improvement Institute. Karaj Iran. Persian; 2005.
2. Morgan J.M, Horton K, Reese D, et al. Effects of walnut consumption as part of a low- fat, low-cholesterol diet on serum cardiovascular risk factors. *Int J Vitam Nutr Res.* 2002;72(5):341-7.
3. Blomhoff R, Carlsen M.H, Andersen L.F, Jacobs D.R Jr. Health benefits of nuts: potential role of antioxidants. *Br J Nutr.* 2006;96:52-60.

4. Gillen LJ, Tapsell LC, Patch CS, Owen A, Batterham M. Structured dietary advice incorporating walnuts achieves optimal fat and energy balance in patients with type 2 diabetes mellitus. *J Am Diet Assoc.* 2005;105(7):1087-96.
5. Iran. Ministry of Agriculture. Planning and Programming Service. Available on: <http://www.maj.ir/portal/Home/Default.aspx>.
6. Iran. Trade Promotion Organization. Planning and Programming Service. Available on: <http://www.tpo.ir/>.
7. Haji Rahimi M. Economic incentives and comparative advantage of crop production in Fars province. M.S Thesis, Shiraz University. 1999;8645tr.
8. Ismaili A.G, Gharleghi B, Jafari Y, Hosseinidoust E, Najla Sg. The Impact of Domestic Resource Cost on the Comparative Advantages of Iran Crude Steel Sector. *MPRA*, 2009;26381(4).
9. Mahlanza B, Mendes E, Vink N. Comparative Advantage of organic. wheat production in the Western Cape. *Agrekon.* 2003;42(2).
10. Muhammad A, Mustafa Usman. Comparative Advantage of Major Crops Production in Punjab: An Application of Policy Analysis Matrix *ACADEMIC JOURNAL ARTICLE* By Quddus, The Lahore Journal of Economics. 2006;16:1(PAM).
11. Junning C. Ping Sun L. Nathanael H. Assessment of comparative advantage in aquaculture Framework and application on selected species in developing countries, *FAO, Fisheries and aquaculture technical paper.* 2010;528.
12. Zhu X, Demeter R, Oude Lansink A. Competitiveness of Dairy Farms in Three Countries: The Role of CAP Subsidies, Paper presented at the 12 Th EAAE Congress, Gent, and Belgium. 2008;27-30.
13. Ahmed I.M. Economic Efficiency of Resource Use in Rice Production in Pakistan, *Pakistan Journal of Agricultural Economics (PJAE).* 2011;7:66-72.
14. Bruno M. Domestic Resource Cost and effective protection: Clarification and synthesis, *J. Politic. Econ.* 1963;80:33-16.
15. Leontief W. Domestic production and Foreign Trade: The American Capital position Re-Examined. *Economic International.* 1974;7.
16. Heley SL. The Theory of Agricultural Comparative Advantage. Unpub, Ph. D. diss, *purdue University, West Lafayette;* 1985.
17. Tweeten Luther. Impact of Domestic Policy on Comparative Advantage of Agriculture in the South. *Southern Journal of Agricultural Economics.* 1986;18:67-74.

18. Hook J.P. The Comparative Advantage of Agricultural Economics. *American Journal of Agricultural Economic*. 1992;1059-1065.
19. Memedovic O. On the Theory and Measurement of Comparative Advantage: An Empirical Analysis of Yugoslav Trade in Manufactures with the OECD Countries. 1994;1970-1986. Amsterdam: Thesis Publishers.
20. Winter N.A. Measuring the comparative advantage of agricultural activities: domestic resource costs and the social cost-benefit ratio. *Am. J. Agric. Econ.* 1995;243-250.
21. Fang C, Beghin J. Food Self-Sufficiency, Comparative advantage, and Agricultural Trade: A Policy Analysis Matrix for Chinese Agriculture. Working Paper 99-WP 223, Center for Agricultural and Rural Development, Iowa State University; 2000.
22. Shahabuddin Q, Dorosh P. Comparative advantage in Bangladesh crop production, International Food Policy Research Institute. Washington D.C. 2002;47.
23. Huang J, Song J, Qiao F, Fuglie O. Sweet potato in china: Economic aspect and utilization in pig production. International Potato Center (IPC).Bogor, Indonesia; 2003.
24. Lagos G, Mardones F. Development Domestic Resource Cost Approach to identify the economic and environmental impact of trade: The mining sector of Chile, Catholic University of Chile Santiago; 2003.
25. Khan P.N, Rana Muhammad Ashiq. Comparative Advantage of Cooton Production in Pakistan, *Pakistan Journal of Agricultural Economics, Agricultural Prices Commission, Islamabad*. 2004;5(1):1-16.
26. Hadrbody G.H. In order to predict wind speed used in the equations of water evaporation (case study Zabol region).Proceedings of the first national conference review strategies to deal with water crisis. 2001;2.
27. Dehghani A. Review the relative benefits of selected agricultural products. Research Institute for Agricultural Planning and Economics, Management and Processing Affairs Research Findings; 2003.
28. Mahanta A.K. The Comparative Advantage of Agricultural Economics. *Am. J. Agric. Econ.* 2005;156-165.
29. Karbassi A.S, Karim K, Hashemite M. Review of comparative advantage in producing cotton blue Golestan province. *J. Agric. Econ. Dev.* 2005;50:29-53.
30. Azizi A, Yazdani S. Check the apple export market with an emphasis on the principle of comparative advantage export. *J. Construct. Res.* 2006;73:145-155.

31. Mehdipour A.S, Kazem Nejad M.V. Review of comparative advantage to produce potatoes in Iran. *J. Agric. Sci.* 2006;1:15-25.
32. Shahnvshy N, Dehghanian S, Mohammad G, Azarinfar YA. Comparative advantage analysis of cereals in Khorasan province. *J.Agric. Sci. Nat. Resour.* 2007;14:1-19.
33. Daneshvar K,Dhqanyan M, Pythian Q.H. Review of comparative advantage of wheat in Mashhad plain water and dry. *J. Agric. Sci. Ind.* 2007;21:45-52.
34. Quddus Muhammad A, Mustafa U. Comparative Advantage of Major Crops Production in Punjab: An Application of Policy Analysis Matrix. *The Lahore Journal of Economics.* 2011;1 16:63-84.
35. Monke E.A, Pearson SR. The policy analysis matrix for agricultural development. Cornell University Press, Ithaca and London; 1989.
36. Sabaouhi M, Ghanbari¹ A, Rastegaripour F, Tavassoli A, Esmailian Y. Economic evaluation and applications of the policy analysis matrix of sole and intercropping of leguminous and cereals case study: Shirvan city-Iran. *African Journal of Biotechnology.* 2011;10(78):17948-17953.
37. Appleyard D. Comparative advantage of agricultural production systems and its policy implications in Pakistan. Rome: FAO.1987;68.
38. Pearson S, Gotsch S, Sjaiful B. Introduction to the Policy Analysis Matrix, Applications of the Policy Analysis Matrix in Indonesian Agriculture, Published in Indonesia by Development. Alternative Inc, Food Policy Support Activity, First edition. 2003;17- 45.
39. Nelson C.G, Panggabean M. The costs of Indonesian sugar policy: a policy analysis matrix approach. *Am. J. Agric. Econ.* 1991;73:703-12.
40. Rastegaripour F, Tavassoli A, Rastegaripour N, Piri I. Comparative advantage analysis of bottled drinking water factory: A case study of Khorasan Region, Iran, *African Journal of Business Management.* 2011;5(30):11978-11983.
41. Yao S. Comparative advantage and crop diversification: a policy analysis. Matrix for Thai Agriculture, *J. Agric. Econ.* 1997;48:222-211.
42. Tsakok I. Agricultural price policy: A practitioner's guide to partial equilibrium analysis. Ithaca and London: Cornell University Press. 1990;196

Daniel Ibrahim Dabara^{1*},
Ankeli Ipkeme Anthony¹, Odewande Adeleye Gbenga¹
and Oluwasegun Adeyanju¹,

¹*Estate Management Department, Federal
Polytechnic Ede, Osun State, Nigeria*

Decision Theory and Its Relevance to Real Estate Development Decisions

1. INTRODUCTION

One of the important aspects of financial management is proper decision-making in respect of investment of funds. Successful operation of any real estate developmental project depends upon the investment of resources in such a way as to bring in benefits or best possible returns from such investment(s). An investment can be simply defined as expenditure in cash or its equivalent during one or more time periods in anticipation of enjoying a net inflow of cash or its equivalent in some future time period or periods ([1], [2], [3]). Since resources are limited, a choice has to be made among the various investment proposals by evaluating their comparative merits and making decisions on the viability of such investment. This would facilitate the identification of relatively superior proposals keeping in mind the limited available resources ([4],[3], [5]).

It is now widely recognized that the decision to invest is a decision to exercise a real option and that many insights from the theory of financial options apply to real estate development decisions ([6,7]). Real estate development for investment purposes involves taking risk by the investor(s). A real estate development project starts with an available opportunity to construct a new building in which people can live, work, shop etc. This opportunity has to be developed from an idea into something real. At the moment a real estate developer takes a development opportunity, it has to manage risks pertaining to the acquisition of land, permits, the design and construction process, and of

course the lease and sale of the completed real estate developmental project. Since risk is involved vis-a-vis alternative options, the investors have to make an informed decision before committing investment funds to any real estate developmental project.

The field of decision theory and its companion methodology of decision analysis come to play in the real estate sector by giving a glimpse of the merits of making viable decisions with respect to real estate investments. Decision theories as developed by philosophers, economists, and mathematicians over some 300 years, have been used by many disciplines, these disciplines have developed many powerful ideas and techniques, which exert major influence over virtually all the biological, cognitive, and social sciences. Their uses range from providing mathematical foundations for microeconomics to daily application in a range of fields of practice, including finance, public policy, medicine, real estate appraisal etc [8]. Every decision to invest in a real estate project implies that risks are to be taken, as risk taking is essential and unavoidable for real estate development. This study examined decision theories with respect to real estate development decisions. This will reveal how real estate development organizations and real estate appraisers have developed and institutionalized skills and procedures to deal successfully with the risky nature of real estate development decisions [9].

Hence, the major purpose of this study is to critically examine decision theory with a view to evaluating its relevance to real estate development decisions. With this in view, the paper addresses the following questions: What is decision theory? And how relevant is decision theory to real estate development decisions? The answers to these questions are central to identifying the relevance of decision theory to real estate development decisions and the proffering of viable recommendations for better decision making with respect to real estate development. The paper is organized as follows: the next section (2) reviews related literature, section three (3) presents the summary of findings, Conclusion and Recommendation.

2. REVIEW OF RELATED LITERATURE

Formal studies of decision making was said to have their origins in the seventeenth century, reaching a point of maturity in the mid and late 1940s with reasonably solid mathematical foundations and reasonably practical quantitative methods Just as it attained this maturity, however, Herbert Simon and others led

an exodus from the new theory, charging it with requiring excessive information, memory, and reasoning power [8]. According to Jon and Richmond [8], decision theory and decision analysis provide answers to four main questions:

1. **What Is a Decision?** A decision is a choice made by some entity of an action from some set of alternative actions. Decision theory has nothing to say about actions— either about their nature or about how a set of them becomes available to the decision maker. The main branch of decision theory treats decisions of individual actors, and other branches treat decisions made by groups of individuals or groups of groups.
2. **What Makes a Decision Good?** A good decision identifies an alternative that the decision maker believes will prove at least as good as other alternative actions. Variant decision theories, provide different answers, such as calling a decision good if it identifies an alternative that the decision maker considers good enough, even if not as good as other alternatives that might have been found through further deliberation.
3. **How Should One Formalize Evaluation of Decisions?** Good decisions are formally characterized as actions that maximize expected utility, a notion involving both belief and goodness. Decision theory develops this notion in stages.
4. **How Should One Formulate the Decision Problem Confronting a Decision Maker?**

One identifies alternatives, outcomes, probabilities, and utilities through an iterative process of hypothesizing, testing, and refining a sequence of tentative formulations.

2.1 Decision Theory: A Truly Interdisciplinary Subject

As noted earlier, modern decision theory has developed since the middle of the 20th century through contributions from several academic disciplines. Although it is now clearly an academic subject of its own right, decision theory is typically pursued by researchers who identify themselves as economists, real estate appraisers, statisticians, psychologists, political and social scientists or philosophers. A political scientist is likely to study voting rules and other aspects of collective decision-making. A psychologist is likely to study the behaviour of individuals in decisions, and a philosopher the requirements for rationality in decisions, while a real estate appraiser is likely to study the viability of different real estate development options. However, there is a large overlap, and the

subject has gained from the variety of methods that researchers with different backgrounds have applied to the same or similar problems [10].

2.2 Decision Theory: Process and Models

Decision theory is theory about decisions [10]. Decision theory is the study of how people model "judgment" and from that how they determine their choice. These may be probability- based models; loss functions models or other forms of statistical representations of judgments ([11], [10]. Sven [10] identified the subdivision of the decision process as follows:

1. Identification of the problem
2. Obtaining necessary information
3. Production of possible solutions
4. Evaluation of such solutions
5. Selection of a strategy for performance and
6. Implementation of the decision

In a related study, Robert [12] identified different types of decision-making situations as: Single decisions under uncertainty; Sequences of decisions under uncertainty; Choice between incommensurable commodities; Choices involving the relative values a person assigns to payoffs at different moments in time and Decision making in social or group environments. Sven [10] and Robert [12] categorized decision theory as Normative and Descriptive. The Normative decision theory is concerned with identifying the best decision to make assuming an ideal decision maker who is: fully informed, able to compute with perfect accuracy and fully rational. While the Descriptive decision theory is concerned with describing what people actually do. The distinction between normative and descriptive decision theories is, in principle, very simple. A normative decision theory is a theory about how decisions should be made, and a descriptive theory is a theory about how decisions are actually made ([10,12]). French [13] identified a third model referred to as Prescriptive model. This model uses normative models to guide the decision maker within other limiting cognitive parameters.

2.3 Real Estate Development: Concept and Process

Real estate connotes land and other immovable objects attached to land [14]. Real property also refers to the interests, benefits and inherent right in

the ownership of the physical land. However, for the purpose of this study real estate or property means land and buildings, which are categorized into different types according to the various uses to which they are being put and for which they are designed. These uses include residential, commercial, industrial, agricultural, recreational etc.

Development on the other hand is the process of carrying out works involving a change in the physical use or in the intensity of an existing use of land or buildings [15]. The term 'development' as defined in section 2(1) of the Nigerian Town and Country Planning ordinance of 1948, states that "development in relation to any land includes any building or rebuilding operation and any use of land or any building thereon for a purpose which is different from the purpose for which the land or building was previously being used". Ogedengbe and Adesopo [16] pointed out that among the Architects, Planners, Engineers and Surveyors, the word development generally means "the process of carrying out construction involving a change in the intensity of the use of land or with a re-establishment ranging from the humble addition of a bedroom or a garage to a private house or the ambitious re-development of a city centre".

Real estate development can also be seen as the transformation of an idea for newly built space into a real property ([17,18,19]). Real estate development projects can take the form of the development of a new block of houses on former agricultural land, the transformation of former industry sites into a multifunctional centre with a combination of retail, residential and office buildings, or the redevelopment of a (part of the) city centre [9]. For any viable developmental project, an initial development appraisal for informed decision to be made is imperative.

A development appraisal is a method used by appraisers to decide whether a proposed development will be viable. In principle, the method of approach is to ascertain the capital value of an estimated future income (sale price of the completed development), and then to deduct from that the cost of all works needed to complete the development to a standard able to command such a future income. In essence it is a quantification of the development process to determine the value of some predetermined benchmark [11].

2.4 The Complex and Uncertain Nature of Real Estate Development

Real estate developments for various purposes are usually characterized by certain complexities and inherent uncertainties. Basically, there are four

pointers that explain the nature of real estate development. First is its multidisciplinary character which is related to the many activities. These activities start with an idea for real estate development stimulated by an opportunity for investment or other useful ventures. The process continues with a thorough search for a suitable site. The investor or developer after the purchase of such site commissions designers, including an architect, an urban designer, and a structural and mechanical engineer to design the desired structure. It is important to note that obtaining approval of plans and a valid building permit is imperative. Once the permits have been granted, a building team is assembled which consists of: Architects, Building Engineers, Estate Surveyors, Land Surveyors, Quantity Surveyors etc. A competent contractor is then hired for the construction and the developer supervises it. In the meantime, the Estate Agent (Estate Surveyor and Valuer in Nigeria) initiate marketing activities for the sale or rental of the property as soon as the project is completed. All these activities are internally financed or have the backing of financial institutions.

Secondly, a real estate development project is distinguished by the unique characteristics of its location. A combination of the conditions and features of the land and surroundings, the legal status of the landed property, availability or otherwise of basic infrastructures and characteristics of the neighborhood, accessibility and the local property market characteristics influences its development opportunities.

Thirdly, real estate development processes are characterized by their long duration. Because of the cyclical character of the real estate market it is hard to predict construction costs, rental or sales revenues [20]. While pre-investments are made at the start of a process, the market conditions on the construction and the property market at the moment of tender or the moment of completion of the project are likely to change. This might lead to the completion of a real estate project when demand has already diminished. The market dynamics in combination with the duration of real estate development process make prognostications difficult.

Finally, real estate market indices are dynamic and can change at any given time. Hence, a real estate developer is encumbered with uncertainties associated with real estate markets. A developer has to balance an investment portfolio that includes real estate by cost cutting and delivering a structure that meets the market demands at the moment of completion inculcating flexibility and sustainability to make a project more valuable for investors with a long time

horizon. Hence justifying the investment made on real estate as against investment in other alternative options.

2.5 Decision Theory and Real Estate Development Decision

In a real estate development project one has to deal with many risks that occur non-frequently, which means that probabilities cannot be readily calculated, such as by tossing coins, throwing dice or drawing cards. Neither can probabilities be assessed by recurrence of risks, such as the frequency of failure in serial industry. For both the assessment of probability and impact, decision makers in real estate development have to rely on subjective estimates. Although risk analysis techniques and decision theories are adjusted to deal with subjectivity to a certain extent the reliability of the outcomes of a risk analysis can be questioned when probability estimates are hard to make [21].

MacCrimmon and Wehrung [22] pointed out that another aspect on which the practice of real estate development differs concerns the management perspective. In case of a gamble, giving its static nature, the consequences cannot be influenced after a decision has been made. Examples of these types of decisions are gambling decisions made in a casino or decisions to buy shares. The outcome (gain or loss) of these decisions can only be awaited. However, given the dynamic nature of real estate development, risks can be influenced by preventing, recognizing and intervening in the development process.

2.6 Relevance of Decision Theory to Real Estate Development Decisions

Decision theory is found to be relevant to different fields of human endeavor ([13, 23, 21, 3]). The real estate sector as mentioned earlier is encumbered with great risk and uncertainties; there are also other viable investment options to which funds can be committed to apart from real estate developmental projects. Hence, the need for decisions to be made by the investors/developers whether individuals or institutional. Similarly in every stage of the development process, decisions had to be made to ensure a suitable and profitable end product [24].

It has been observed that factors, both quantitative and qualitative, influence decisions in real estate development projects. Since no one can make a perfect forecast, risks cannot be all together eliminated hence the need for

informed decisions to be made. Alter [25] asserted that comprehensiveness of the decision contexts can be improved by investigating alternative scenarios and by examining data sensitivity. Similarly, understanding the impact of development factors, each with its own variations, can also enable real estate investors and developers to understand the risks-return profiles of such real estate and therefore be aided in making informed decisions. Sensitive factors with high impact on real estate development performance can also be identified in the decision process. Doing so allows the real estate developer to focus on control factors that influence potential causes of the impacts in order to prevent performance from falling out of the acceptable range or standard. Through informed decisions, the developer has some degree of control over the possible variation in the real estate development variables, as with the cost of construction through the choice of specification, materials, etc. Furthermore, decisions with respect to real estate development strategies based on a comprehensive grasp of the economic situation and its impact on the real property market, the product, and of the related venture scenarios would most certainly enhance the probability of having a successful real estate developmental project. Yosaporn [26] pointed out that a relevant real estate decision model or system that provides real estate developers with comprehensive data and sensitivity would minimize development and investment risks. Hence, the relevance of decision theory to real estate development decision cannot be overemphasized ([25, 26, 21, 3, 24]).

3. FINDINGS/CONCLUSION AND RECOMMENDATION

The study examined decision theory and its relevance to real estate development decisions. The study revealed that real estate development involves taking risk and is often characterized by great complexities and inherent uncertainties. Hence, the successful operation of any real estate developmental project depends upon the investment of resources in such a way as to bring in benefits or best possible returns from the investment. The study showed that since resources are limited, a choice has to be made among the various real estate development investment alternatives by evaluating their comparative merits and making decisions on the viability of such investment. Decision theory models in real estate development appraisals are used by appraisers to decide whether a proposed real estate development will be viable.

Ultimately, decision theory is very much relevant in real estate development decisions because by assessing the risks, complexities and uncertainties associated with real estate development, the decision maker is better placed to make a more informed and "better" decision.

It is recommended that real estate appraisers should familiarize themselves with the various relevant decision models appropriate for real estate development decision-making. This will help them to better serve their clients by making better decisions on viable real estate developmental projects.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Apostolopoulos T.K, Pramataris K.C. Information technology investment evaluation: telecommunication infrastructure. *International Journal of Information Management*. 1997;19(4):287-296.
2. Ballantine J, Stray S. Financial appraisal and the ICT investment decision making process. *Journal of Information Technology*. 1998;14:3-15.
3. Koen M, Monique S, Raf H. Evaluation of the applicability of investment appraisal techniques for assessing the business value of IS services. 2010. Retrieved on 5/02/2012. Available: https://lirias.kuleuven.be/bitstream/123456789/247210/1/KBI_0910.pdf
4. Lee J. Financing Infrastructure Investment in Asia: Need and the Role of Development Partners," presentation given at the conference "The Economics of Infrastructure in a Globalised World: Issues, Lessons and Future Challenges," Sydney, 18-19 March. 2010. Retrieved on 5/05/2012. Available from: http://cama.anu.edu.au/Infrastructure_Conference.asp.
5. Fatoki O, Okubena O, Herbst G. An investigation into the impact of investment appraisal techniques on the profitability of small manufacturing firms in the Nelson Mandela Bay Metropolitan Area, South Africa. *African Journal of Business Management*. 2010;4(7):1274-1280, 4 July, 2010 Retrieved on 7/02/2012. Available:<http://www.academicjournals.org/ajbm/PDF/pdf2010/4July/0lawale%20et%20al%202.pdf>
6. Dixit A, Pindyck R. *Investment under Uncertainty*. Princeton University Press, Princeton; 1994.

7. Dennis R, Yuming L. Optimal Land Development Decisions Journal of Urban Economics. 2001;51:123–142. Retrieved on 22nd July 2012.
Available:<http://business.fullerton.edu/finance/yli/Selected%20Publications/Optomallan dDevelopmentDecisions.pdf>
7. Jon D, Richmond H.T. Background to Qualitative Decision Theory; 1999. Retrieved on the 5th June 2012, from:
<http://groups.csail.mit.edu/medg/ftp/doyle/qdt99.pdf>
8. Ellen, G. Knowingly taking risk Investment decision making in real estate development. 2008. Retrieved on 6th April 2012, from:
9. http://www.primonederland.eu/files/2011/05/Dissertation-Gehner_20081202.pdf
10. Sven O.H. Decision Theory: A Brief Introduction. 2005. Retrieved on 6th July 2012, from: <http://home.abe.kth.se/~soh/decisiontheory.pdf>
11. Elizabeth A, Nick F, Laura G. Decision Theory and Real Estate Development A Note on Uncertainty; 2006. Retrieved on 5th August 2012.
Available: <http://www.reading.ac.uk/REP/fulltxt/0905.pdf>
12. Robert J. Bayesian Decision Theory. 2005. Retrived on 5th June 2012, from:
Available:http://www.ipam.ucla.edu/publications/gss2007/gss2007_7200.pdf
13. French S. Decision Theory: An introduction to the Mathematics of Rationality. Ellis Horwood, Chichester; 1986.
14. Megarry B. Manual of the Law of Real Property 6th Ed. Stevens & Sons Ltd., London.
15. Balchin P, Kieve J.L, Bul N. Urban Land Economics. The Macmillan Press Ltd., London; 1988.
16. Ogedengbe P.S, Adesopo A.A. Problems of Financing Real Estate Development in Nigeria. Kamla-Raj 2003 J. Hum. Ecol. 2003;14(6):425-431. Retrieved on 6th August 2012, from:
<http://www.krepublishers.com/02-Journals/JHE/JHE-14-0-000-000-2003-Web/JHE-14-6-405-03-Abst-PDF/JHE-14-6-425-03-1117-Ogedengbe-P-S/JHE-14-6-425-431-03-1117-Ogedengbe-P-S-Tt.pdf>.
17. Miles M, Wurtzebach C.H. Risk analysis in the real property development process: a conceptual framework and a computer simulation model. Journal of Business Research. 1982;5(4):325-357.

18. Peiser R.B, Frej A.B. Professional Real Estate Development: The ULI Guide to the Business, Washington D.C.: Urban Land Institute; 2003.
19. Nozeman E. Handboek Projecton twikkeling, Voorburg: Neprom; 2008.
20. Louw E. Real estate and spatial distribution of offices: Literature explorations hypotheses, Delft: Delftse Universitaire Pers; 1993.
21. Beach L.R, Connolly T. The psychology of decision making: people in organizations, Thousand Oaks: Sage; 2005.
22. MacCrimmon K.R, Wehrung D.A. Taking risks: the management of uncertainty, New York: Free Press; 1986.
23. Eisenhardt K.M, Zbaracki M.J. Strategic decision making. Strategic Management Journal. 1992;13:17-37.
24. Ankeli I.A, Dabara I.D, Okunola A.S. The Estate Management Handbook, Ibadan, ASEDA Publishing; 2013.
25. Alter S. Decision Support Systems: Current Practice and Continuing Challenges. Reading, M.A: Addison-Wesley; 1980.
26. Yosporn L.A. Decision support system for income-producing real estate development feasibility analysis and alternative assessment; 2005. Retrieved On 22nd July 2012.
Available: <http://repository.tamu.edu/bitstream/handle/1969.1/2402/etd-tamu-2005A-URPL-Leelara.pdf?sequence=1>.

America I. Zamora-Torres^{1*}

and Francisco Javier Ayvar Campos¹,

¹Universidad Michoacana de San Nicolas de Hidalgo Institute for Economic Research and Business, Ciudad Universitaria, ININEE, Mexico

Impact of Customs Regulation in the Efficiency on International Trade

1. INTRODUCTION

A few years ago the role of customs was to be able to enforce regulation tariffs, non- tariffs and administrative regulations for all products that enter or leave the countries, following international trade agreements [1]. However, consumers demand has been changing as international trade with it. Whereby, customs under this trend should be facilitators of foreign trade through the tax and regulatory simplification.

Overall, the role of the customs service is to be a business facilitator, policy adviser and implementer and safety provider. The proper execution of these functions can foster a fair market, ensure timely delivery and reduce costs of international trade, which leads to the competitive advantage of firms and nations in the global value chain [2].

Currently, customs are confronted to a rapidly changing environment: changing patterns of production and consumption intensified international trade, new global threats In this context, customs play a major role by ensuring a constant balance between protecting society and simplification of trade.

Customs efficiency has a significant impact on reducing cost associated with trade and business performance management, so a close link between competitiveness in international trade and customs can be identified [2]. In the other hand, a poorly function of customs administration may indeed affect the

improvements that have been made in other areas related to international trade [1].

In such conditions customs administrations are relevant regulatory operators on international trade and goods movements, with more important roles and complex tasks. Customs administrations are expected to facilitate and accelerate international trade and transport [3].

The main questions of this paper are: 1. how big is the trade impact caused by customs regulation across countries on economic variables such as efficiency and 2. What measures should be taken in order to achieve the efficiency goal. The objective of this research is focused on determining the relative efficiency of countries customs as a key of international trade. This paper is concentrated on research into the relative efficiency of 29 countries Customs Service s organizational units. For this purpose, dimensions of customs service efficiency, and relevant inputs and outputs were identified. Data have been collected from Work Bank data base and the World Customs Organization, and Data Envelopment Analysis is used for the purpose of data processing and quantifying relative efficiency.

2. LITERATURE REVIEW

Every organization that want to stand out or survive the past of the time is looking for be efficient. When we talk about efficiency different concepts pop out. The efficiency defined as the degree of optimization of the result obtained in relation with the resources used [4]. Efficiency as the relationship between goods and services consumed and the goods and services produced; or what is the same, services provided (outputs) in relation to the resources used to such an effect (inputs), [5]. Whereas in the private sector inputs and outputs are expressed in financial terms, identification of inputs and, especially, outputs in the public sector is much more complex [3].

Observing the public sector, *effectiveness*, which can be defined as *capacity to achieve goals*, gains a greater importance than efficiency [6]. In the public services there is no direct correlation between revenues and expenses [7]. The political system is oriented primarily to the achievement of goals defined in the political process, regardless of the cost-benefit ratio.

The assessment of the performance of the public sector has long been a topic of interest to economists, public administration scholars and management scientists [8] and [9]. Some studies analyzed the productivity of government and

compared the productivity of whole public sectors of different countries. That is the case of [10] have carried out an international comparison of public sector efficiency based on the public sector performance (PSP) and efficiency (PSE) indicators. These indicators comprise a composite and seven sub- indicators. Four of them are “opportunity sub-indicators that take into account administrative, education and health outcomes and the quality of public infrastructure and those that support the rule of law and a level playing-field in a market economy. Three other indicators reflect the standard “Musgravian tasks for government: allocation, distribution and stabilization. After defining indicators, the efficiency is measured via the non-parametric frontier technique.

[11] performed a study of efficiency using Free Disposal Hull (FDH) –FDH model has a discrete nature, i.e. the efficient reference point for an inefficient DMU is not chosen as a point on a continuous efficiency frontier, but among the existing DMUs- model based on sixteen countries of European Union, United States and Japan where he used as inputs variables such as health spending, GDP, population, spending on health, spending on public order and security. [12] examined the tax efficiency of twenty countries of the Organization for Economic cooperation and Development (OECD) using as inputs the public expenditure on education (PPA) and public expenditure on health and as output the PISA test performance, death rate and infant mortality and maternal.

Other studies focus on the public sector productivity measurement can also take place at the level of the organization and from a “bottom up or service-user perspective [9]. The World Bank has adopted this approach with regard to assessing some aspects of the effects of regulation with the development of their Doing Business database, where three indicators from the database are particularly relevant to the assessment of public administration quality and productivity.

Some customs administrations have developed some systems to measure efficiency. The European Commission has established its Measurement of Results (MoR) project for the customs services of member states. Work on measuring the results of customs activities performed by member states is underway and the results achieved enable member states to compare their performance to the Community standard and act to improved customs operations where necessary. [3] focus on research into the relative efficiency of the Croatian Customs Service s organizational units considering the number of employees and cost as inputs and number of customs declarations, public revenues and number of offences as outputs.

3. MATERIALS AND METHODS

The method used in this study is the Data Envelopment Analysis known as DEA, developed by [13] and [14]. The DEA approach has been widely applied to address various decision analysis problems due to its usefulness in evaluating multi-criterion systems and providing improvement targets for such systems. DEA is a non-parametric mathematical programming technique that determines an efficient frontier of the most efficient decision-making units (DMUs) regarding the notion of Pareto optimality and calculates the efficiency of each DMU relative to this efficient frontier based on multiple observed inputs and outputs. An efficiency score of a DMU is generally defined as the weighted sum of outputs divided by the weighted sum of inputs, while weights need to be assigned. To avoid the potential difficulty in assigning these weights among various DMUs, a DEA model computes weights that give the highest possible relative efficiency score to a DMU while keeping the efficiency scores of all DMUs less than or equal to one under the same set of weights [16].

DEA defines the ratio between all weighted relevant outputs and inputs, so it could be presented by following equation [1]

$$efficiency = \frac{\sum_{r=1}^s u_r y_r}{\sum_{i=1}^m v_i x_i}$$

Where:

y_r = amount of output r ,
 u_r = weight assigned to output r ,
 s = total number of output r ,
 x_i = amount of input i ,
 v_i = weight assigned to input i ,
 m = total number of input i

Another useful output obtainable from DEA Another useful output obtainable from DEA model is reference or lambda weights. Reference weights can be used to identify where along the efficient frontier a particular DMU would be located if that DMU were efficient. Efficient DMUs receive a reference weight of one and for DMUs, which are not efficient, reference weights varying between zero to one are calculated mathematically by DEA model referencing one or more efficient DMUs [18]. These reference weights indicate the proportion of each of these efficient DMUs criteria values which, when summed together, determine the point of efficiency for the inefficient DMUs being evaluated. In this way, DEA can identify not only how efficient a particular DMU may be, but also

provide a benchmark on the non-inferior frontier, where the DMU would be efficient. This benchmark can then be used as a value for negotiation with inefficient DMUs and necessary improvement [19].

Data envelopment analysis was initially introduced by [13] Charnes, Cooper and Rhodes in 1978. They proposed the basic DEA model, which was named the CCR model, departing constant returns to scale (CRS) where a change in the levels of inputs leads to a change in proportional output level. The mathematical formulation for the model developed by [13] is:

$$\begin{aligned} & \max \sum_{k=1}^s v_k y_{kp} \\ \text{s.t.} & \sum_{j=1}^m u_j x_{jp} = 1 \\ & \sum_{k=1}^s v_k y_{ki} - \sum_{j=1}^m u_j x_{ji} \geq 0 \quad \forall i \\ & v_k, u_j \geq 0 \quad \forall k, j \end{aligned}$$

where:

- $k = 1 \text{ a } s$
- $j = 1 \text{ a } m$
- $i = 1 \text{ a } n$
- y_{ki} = Amount of output K produced by DMU i
- x_{ji} = Amount of input j produced by DMU i
- v_k = Weight given by the output k
- u_j = Weight given by the input j .

Banker, Charnes and Cooper modified the CCR model by adding a constraint for the calculation of the variable returns-to-scale (VRS). The new model is called the BCC model [14,15] being this model:

$$\min o_k$$

Subject to:

$$\begin{aligned} o_k x_{ik} - \sum_{l=1}^n o_l x_{il} & \geq 0, \quad i = 1, 2, \dots, M \\ \sum_{l=1}^n o_l y_{il} & \geq y_{jk}, \quad j = 1, 2, \dots, S \end{aligned}$$

$$\prod_{l=1}^n \theta_l = 1$$

DEA methodology allows to determine CCR and VRS models of efficiency [20]. The main differences between two models are presented in Fig. 1.

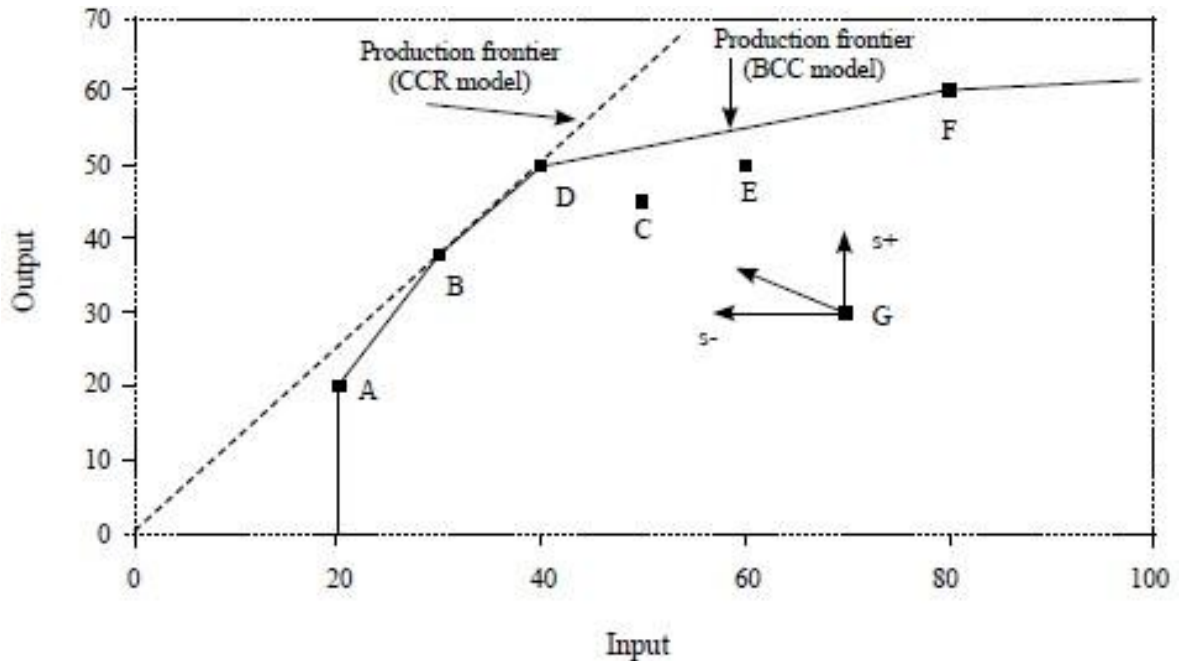

Fig. 1. Differences between CCR and BCC models

Source: Cooper, Seiford and Tone (2006)

3.1 Choice of DEA Model, the Selection of the Input and Output and Efficiency

Assessment

From the literature review and the descriptions of the main customs functions described it is possible to recognize the economic and social purpose of the customs service, i.e. by meeting the main functions, customs services achieve their outcome that represents an impact on society of a particular public sector activity [21].

Customs service uses inputs similar to those of other organizations. In general, human and financial resources, assets and information can be highlighted [3].

When creating the model for the assessment of efficiency using DEA methodology, it is necessary to take into account several elements. In this study, these elements are the orientation of the model, differences in returns-to-scale that DEA models assume and the number of analyzed inputs and outputs. Anyway, in order to obtain reliable results, it is necessary to know the characteristics of business processes of the analyzed DMUs.

At the beginning, it is necessary to define the orientation of the model, i.e. make a choice between input, output or input-output (mixed) oriented models. Given the needed rationality in using inputs, for this research, the most suitable are input-oriented models. In addition, because of the present financial and economic situation of most of the countries, rationalization of inputs is the most suitable option.

DEA models assume constant (CRS) or variable (VRS) returns-to-scale. It is not possible to determine reliably which models are more suitable before the analysis, because the real characteristics of returns-to-scale are not known. This is the reason why authors of DEA recommend the application of both, constant and variable returns to-scale models. When the results of both models coincide to a large extent, it is proper model that assumes constant returns-to-scale. Otherwise, a more suitable model is that which assumes variable returns-to-scale [18].

One of the limitations of DEA is the total number of inputs and outputs that can be included in the analysis. Specifically, it is advisable for the number of analyzed DMUs to be at least three times greater than the sum of inputs and outputs included in the analysis [22]. Therefore, one of the main problems is the selection of relevant inputs and outputs that depict the best way the business processes of the analyzed DMUs. Based on previously conducted research, for this study the following inputs and outputs were selected:

3.1.1 Inputs

- o Number of employees. Human resources are the basis for building strategy of organization, and all other resources arise from their activities [23]. Their skills, capabilities, quality and ethics are among the most important determinants of organizational efficiency, including customs services. In other words, human resources are the basis of the administrative capacity of every

customs system, and they are the most important and unavoidable factor that affects all aspects of customs services organization [3].

- o Cost. Financial resources are needed to achieve the preconditions for the purchase of necessary assets and other material resources and the recruitment of human resources in customs service.

- o Number of customs agencies. Assets and material resources are constituted by different kinds of buildings and equipment.

Number of documents required. In the knowledge society information is a very important input. The basis on which to obtain quality information is a quality information system capable of collecting and processing large amount of data in order to select those that are important for the direction of the customs services resources. However this not necessarily implies the use of extensive paper works that ends as bureaucratic ballast.

3.1.2 Outputs

- o Collected public revenues. Although customs revenues are decreasing due to the liberalization of international trade and reduction of tariffs, customs services still retain an important role in financing public needs. Therefore, measuring revenue leakages gives information to customs services about effectiveness and efficiency in collecting taxes.

- o Volume of the international trade and value of the international trade. Participation in international trade has become one of the key factors in the international competitiveness of nations and customs. Conditions in the business environment in past decades have changed under the influence of the relevant growth of trade volume (as the result of elimination of tariffs and other barriers to trade, i.e. consequence of trade liberalization), growth of trade complexity (under the influence of globalization, many different countries organize production of commodities, and many of them have concluded treaties that regulate international trade flows), increased speed of trade (information technology and technological development) in general allow the application of “just in time production, which requires fast and seamless cross-border movement of goods [24].

For the purposes of this study, inputs and outputs of customs houses from 2012. 2012 was the year when the economies start to grow after been hit by the

world financial crisis. The data recollected for the inputs and outputs was obtained from the [24,25,26,27,28].

4. RESULTS AND DISCUSSION

Technical scores (CRS and VRS) and scale efficiency have been estimated in an input- oriented model. The Table 1 shows that, according to the global technical efficiency, which departs from constant returns to scale (CRS), 8 customs houses were efficient. While the scores of the pure technical efficiency (variable returns-to-scale), 14 customs houses were efficient. The efficiency of de CRS efficiency to VRS efficiency increase which is particularly significant. This gives rise questions on the role played by the effect of the variable returns to scale in the inputs behavior of customs houses.

Table 1. Efficiency scores: CRS, VRS and SE

DMU	CRS	VRS	SECRS/VRS	Rank	Type
Argentina	0.70	0.73	0.97		increasing
Australia	0.94	0.96	0.97		decreasing
Chile	0.93	1.00	0.93	1	decreasing
China	1.00	1.00	1.00	1	constant
Costa Rica	0.71	0.83	0.85		increasing
Hong Kong	0.98	1.00	0.98		increasing
India	1.00	1.00	1.00	1	constant
Indonesia	0.53	0.58	0.91		increasing
Panama	1.00	1.00	1.00	1	constant
Singapore	1.00	1.00	1.00	1	constant
Sweden	0.68	1.00	0.68		increasing
Switzerland	0.96	1.00	0.97		decreasing
Thailand	0.56	0.65	0.86		increasing
Venezuela	0.36	0.52	0.69		increasing
Belgium	0.78	0.90	0.87		increasing
Brazil	0.88	0.88	1.00		increasing
Canada	0.77	0.86	0.89		increasing
Denmark	0.79	0.94	0.84		increasing
France	0.82	1.00	0.82		decreasing
Germany	1.00	1.00	1.00	1	constant

Italy	0.60	0.73	0.82		increasing
Japan	0.78	0.83	0.94		increasing
Korea	1.00	1.00	1.00	1	constant
Mexico	0.65	0.80	0.81		increasing
Russian Federation	1.00	1.00	1.00	1	constant
Spain	0.96	1.00	0.96		decreasing
Turkey	1.00	1.00	1.00	1	constant
United Kingdom	0.78	0.84	0.93		increasing
United States	0.65	0.82	0.79		increasing

Source: Author's calculation

The customs with lowest scores of efficiency were Venezuela with 0.36 score, followed by Indonesia with 0.53 score in the first analysis (CRS) and with scores of 0.52 and 0.58 scores respectively at the second analysis (VRS), meaning that they should be able to attain the same level output using only 52 and 58 per cent of the inputs they are currently using. The average value of scale efficiency is 0.91 in the model. The average scores are quite high indicating a strong efficiency among customs houses.

It should be noted that although some customs houses show values of efficiency some of the them shows a type of diminishing performance (the increase of a factor generates an increase of minor proportion to the initial increase). For example, Chile, Switzerland, France and Spain custom houses show a diminishing performance.

At the opposite some customs houses do not show efficiency of any type but the increase of a factor generates an increase of major proportion to the initial increase as it is the case of the customs houses as Argentina, Costa Rica, Indonesia, Thailand, Venezuela, Belgium, Brazil, Canada, Denmark, Italy, Japan, Mexico, United Kingdom and United States.

Relatively efficient houses appear in the reference set of relatively customs inefficient customs houses. So, frequency of occurrence in the reference set can be considered as indicator of whether the customs house is a model for other customs houses. Particularly, if a relatively efficient customs house is not a member of any reference set, that means that it is relatively efficient, but it does not appear as a model that should be achieved by the other customs houses. On the other hand, a higher frequency of occurrence in the reference set means a higher probability that it is an example of a good performance. Therefore, Fig. 2 shows the frequency of relatively efficient in the reference set of relatively inefficient customs houses.

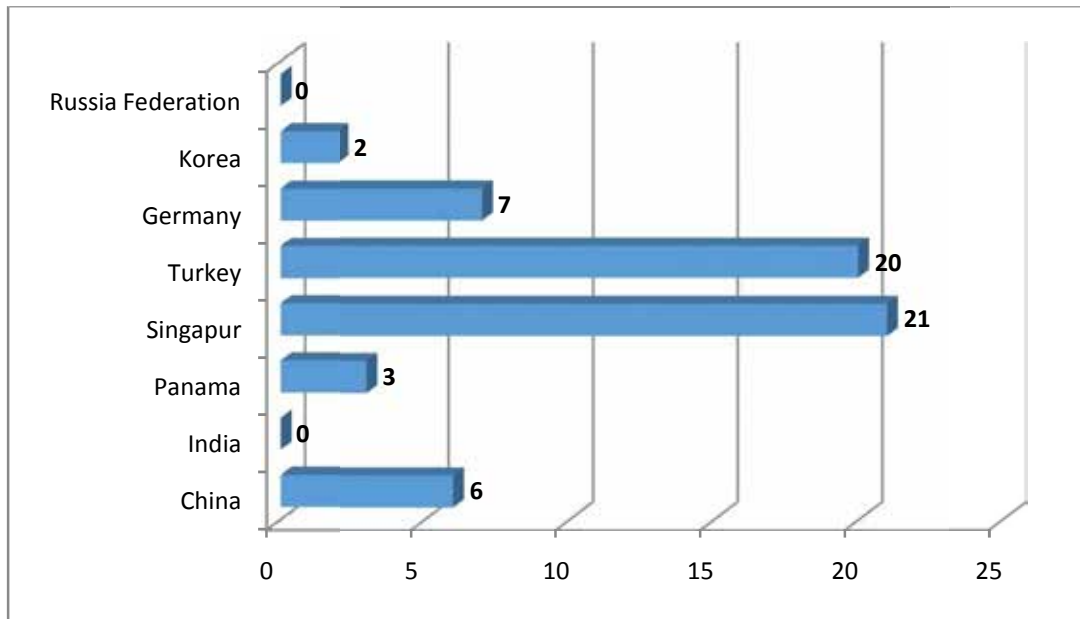

Fig. 2. Frequency in reference set

Source: Author's calculation

After examining occurrences in inefficient customs houses references set, it can be concluded that customs houses of Singapore. Turkey, Germany and China are the most frequent DMUs in the reference set. This means that mentioned customs houses are models of efficient performance and their scores are targets for the inefficient.

Analyzing the frequency set by input and output individually it can be observed which countries are the most used as reference by variable and which countries could be observed as a role model by country. In the case of Mexico as we can observed in Table 2 Singapore is a good role model for number of customs, while Sweden is a good example for customs expenses and Turkey for the employment of human resources.

Table 2. Frequency in reference set by inputs and outputs

Unit name	Customs number{Input}	Customs expenses {Input}	Humans resources{Input}	Papers {Input}	Taxes {Output}
Argentina	Germany	Singapore	Sweden	Turkey	
Australia	Germany	Chile	China	Singapore	Turkey
Belgium	Germany	Singapore	Sweden		
Brazil	Panama	Singapore	Turkey		

Canada	Germany	Singapore	Sweden	Turkey
Costa Rica	Singapore	Sweden	Turkey	
Denmark	Germany	Singapore	Sweden	
Hong Kong	Singapore			
Indonesia	Singapore	Turkey		
Italy	Singapore	Turkey		
Japan	Singapore	Turkey		
Mexico	Singapore	Sweden	Turkey	
Switzerland	Singapore	Turkey		
Thailand	Singapore	Turkey		
United Kingdom	Singapore	Turkey		
United States	Singapore	Turkey		
Venezuela	Singapore	Turkey		

Source: Author's calculation

With regard to the question addressed of what measures should be taken in order to achieve the efficiency goal? The Table 3 shows a final analysis by country of each one of the inputs and outputs used divided in three stages: the actual value of the input/output, the target value, and the improvements that need to be done.

Taking for example the case of Mexico, the Table 3 shows in order to achieve efficiency (keeping the same number of outputs) costs are necessary to cut down the number of these by 19 percent; take down the total expenses by 26 percent and even reduce the number of employees from 14,992 to 12,028 employees.

There are several targets that need to be apply toward efficiency, but as we can observe in Table 3 there isn't a common strategy for all the customs due to each country has different problems to solve if each country wants to have a better customs administration which lead eventually an even better performance at global markets.

Table 3. Actual, target and slacks analysis by inputs and outputs

Unit	Score	Actual	Actual customs expenses {}	Actual Human	Actual doc numb {}	Actual revenues {}	Actual trade vol {}	Actual trade value {}	Target Customs	Target	Target doc numb {}	Target revenues {}	Target trade vol {}	Target trade value {}	Slacks Customs	Slacks	Slacks Human resources {}	Slacks doc numb {}				
Argentina	72.51	3	2.55	14995	3	22.85	191.5	292.6	2.175	1.266	10873	2.175	22.85	211.3	332.3	0	0.197	0	0	0.022	0.034	
Australia	96.43	2	1.4	14994	3	22.85	169.2	383	1.929	1.35	14459	2.519	22.85	254.1	383	0	0	0.047	0	0.094	0	
Belgium	90.2	2	1.15	14996	2	20.1	131.1	256.8	1.804	1.037	13527	1.416	21.69	187.5	267.3	0	0	0.049	0.063	0.063	0.009	
Brazil	88.15	3	2.49	14996	2	21.33	201.4	432.7	2.545	1.226	13219	1.763	21.34	318.8	432.7	0	0.327	0	0	5E-04	0.13	0
Canada	86.33	2	1.42	14987	2	20.1	109.9	174	1.727	1.136	12938	1.727	20.1	175.1	265.4	0	0.03	0	0	0.072	0.078	
Costa Rica	83.07	3	2.53	14363	2	19.85	201.6	214.4	2.145	1.131	11931	1.661	22.37	201.6	297.9	0	0.328	0	0	0.1	0	0.071
Denmark	93.96	2	1.07	14465	2	20.1	130.6	218	1.879	1.005	13592	1.306	22.41	194.1	271.2	0	0	0.072	0.092	0.07	0.045	
Hong Kong	100	2	1.03	14994	1	24.37	182.6	219.8	2	0.9	14159	1	24.93	215.5	284.5	0	0.044	0	0.022	0.036	0.055	
Indonesia	57.86	5	2.47	14990	5	21.54	158.1	358.7	2.563	1.429	8672	2.688	24.13	234.1	385.5	0	0	0.026	0.104	0.084	0.023	
Italy	72.94	4	1.66	14990	4	20.1	102.2	225.8	2.331	1.211	10935	1.992	24.46	226.4	343.8	0	0	0.116	0.174	0.138	0.101	
Japan	83.11	3	1.28	14991	4	23.22	137.1	198.3	2.174	1.064	12460	1.523	24.68	221.2	315.8	0	0.053	0	0.225	0.059	0.093	0.1
Mexico	80.23	4	2.37	14992	2	19.87	140.3	205.9	2.042	1.14	12028	1.605	19.87	177.3	265.2	0	0.257	0	0	0.041	0.051	
Switzerland	99.56	4	1.12	12800	2	24.72	174.3	272.1	2.145	1.036	12744	1.435	24.72	220.3	310.6	0.306	0.027	0	0.069	0	0.051	0.033
Thailand	64.99	5	2.04	14994	5	19.26	211.5	348.9	2.453	1.326	9744	2.359	24.29	230.5	365.8	0.133	0	0	0.111	0.201	0.021	0.014
United Kingdom	83.59	3	1.27	14934	3	22.89	120.6	174.7	2.172	1.062	12483	1.516	24.69	221.2	315.3	0.056	0	0	0.124	0.072	0.112	0.12
United States	81.76	3	1.33	14942	4	19.45	135.1	184.6	2.199	1.087	12216	1.598	24.65	222.1	320.3	0.042	0	0	0.209	0.208	0.096	0.116
Venezuela	52.12	6	2.9	14997	8	15.99	141.3	288.5	2.651	1.512	7817	2.952	24.01	237	401.2	0.079	0	0	0.152	0.32	0.106	0.096

Source: Author's calculation

4. CONCLUSION

The purpose of this study has been to estimate the characteristics of technical and scale efficiency of the customs for 29 countries. DEA methodology has been adopted in order to construct an efficient boundary against which to measure the degree of efficiency of the involved units.

This methodology does not require a uniform reduction of all inputs, as in the standard model. Instead, this method minimizes the distance friction for each input and output separately. As a result, the reductions in inputs and increases in outputs necessary to reach the efficiency frontier are smaller than in the standard model.

The results of our study can be summarized as follows:

1) The level of the global technical efficiency is equal, on average, to 83%, the level of pure technical efficiency on average is 89 %. This means that the same levels of output could be provided using around the 83 - 89% of the original amount of input.

2) According with the result obtained of scale efficiency on average the scores is 91%, what shows the necessity of reduction of inputs for most of the economies.

3) These results also show the similar degree of performance on the economies considerate for this study.

4) It also important remarks the type of performance that the countries had according to the analyzed indicators. As it is the case of some countries with a low efficiency score but with an increasing performance, or at the opposite behavior countries with an efficient score but with a decreasing performance. These results point out the

importance on the improvement of the inputs used.

5) Examples of good performance for most of the countries analyzed are the customs houses from Singapore and Turkey. These leads to look closer the strategies and politics implemented in these countries related to customs administration.

The aim of the study concerns the identification of the strength and weaknesses in customs houses of 29 countries, not only in order to know which customs houses performance is efficient and which not. But also to guide through these study the behavior of the public administration in these matter. However, it is necessary to be careful with the judgment and conclusions that can be drawn from the results. The comparison between the outcomes with the targets settled will determinate if performance is satisfactory. The scope of this study is just a

comparative analysis of the activity conducted by the customs houses as a key of international trade.

There are several points where the research has placed its emphasis that deserve further studies. The analysis indicates that the organizational structure of some Customs Administration is inadequate. This stems from the fact that if particular customs houses reduced their inputs to the desirable level, their existence would not be possible, because in particular cases, projected inputs are so low that they could not ensure fulfillment of main customs houses tasks. Thus, future research should focus on finding and proposing a more adequate organizational structure.

Contemporary circumstances in which customs services operating imply new challenges at global markets. From the initial, primarily fiscal role, customs services in developed and most other countries, have transformed, or are in the process of transformation into organizations with broader and still very important tasks.

In addition, further efforts should be focused on the quantification of undetected irregularities and the size of tax evasion. Besides the possibility of obtaining a more reliable assessment of efficiency, "the detecting of the undetected provides an opportunity for quality risk assessment and eventually for increasing overall efficiency and effectiveness.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. De Wulf L, Sokol J.B. Customs modernization handbook. Washington, D.C.: The World Bank; 2009.
2. Shujie Z, Zhao S. The implication of customs modernization on export competitiveness in China, Chapter 5. En U. N. (ESCAP), Impact of trade facilitation on export competitiveness: A regional perspective. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP). 2009;121-131.
3. Benazic A. Measuring efficiency in the croatian customs service: A data envelopment analysis approach. Financial Theory and Practice. 2012;36(2):139-178.
4. IGAE I.G. Goal setting and performance measurement in the public domain. Madrid: MEH; 1997.

5. AECA A.E. Performance indicators for public entities. Document No. 16, Series of Accounting principles of management, Madrid: 2da Edition; 1997.
6. PusiD E. Meouovisnostdjelatnosti and organization in upravnim organizacijama. In E. Pusic (Ed.) Javnauprava in demokratskomdrutvu. Zagreb: Institut za javnu upravu. 1999;1-26.
7. Von Mises L. Birokracija. Zagreb: Institut za javne financije; 2005.
8. Lowell CAK. Performance assessment in the public sector. In K. J. Fox (Ed.) Efficiency in the Public Sector. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers Group. 2002:11-35.
9. Boyle R. Measuring public sector productivity: Lessons from international experience. Dublin: Institute of Public Administration; 2006.
10. Alfonso A, Schuknecht L, Tanzi V. Public sector efficiency: An international comparison. European Central Bank. Workingpaper no. 242, Germany; 2003.
11. Eugene B. The efficiency frontier as a method for gauging the performance of public expenditure: A Belgian case study. Working paper research. National Bank of Belgium. Brussels; 2008.
12. Verhoeven M, et al. Education and health in G7 countries: Achieving better outcomes with less spending. IMF Working paper. Fiscal Affairs Department. Washington; 2007.
13. Charnes A, Cooper W, Rhodes E. Measurement the efficiency of decision making units. European Journal of Operational Research. 1978:429-444.
14. Banker R, Charnes, Cooper W. Some models for estimating technical and scale inefficiencies in data envelopment analysis. Management Science.1984:1078-1092.
15. Banker R, Charnes A, Cooper W, Swarts J, Thomas D. An introduction to data envelopment analysis with some of its models and their uses. Research in governmental and non profit accounting. 1989;5:125-16.
16. Liu J, Ding F, Lall V. Using data envelopment analysis to compare suppliers for supplier selection and performance improvement. Supply Chain Management: An International Journal. 2000;5(3):143-50.
17. Degota A. Comparative analysis efikasnosti prodajnih objekata retail. Doctoral thesis. Zagreb: Ekonomski fakultet in Zagreb; 2003.
18. Mahammady R.A data envelopment analysis approach based on total cost of ownership for supplier selection. Journal of Enterprise Information Management. 2006;19(6):662 -678.

19. Weber C.A. A data envelopment analysis approach to measuring vendor performance. *Supply Chain Management: An International Journal*. 1996;1(1):28-39.
20. Navarro CL. The efficiency of the electricity sector in Mexico. Mexico: UMSNH; 2005.
21. Smith P. *Measuring Outcome in the Public Sector*. London: Taylor & Francis; 1996.
22. Cooper W.W, Seiford M.L, Tone K. *Introduction to data envelopment analysis and its uses*. New York: Springer; 2006.
23. MaruDiD S. *Upravljanje ljudskim potencijalima*. Zagreb: Ekonomski institut; 2001.
24. OECD. *Trade facilitation reforms in the service of development*. Paris: OECD; 2003.
25. WCO. *World Customs Organization, Annual Report 2011-2012*. Bruselas: World Customs Organization; 2013.
26. Banco Mundial. *Facts about World Bank national accounts files and data on national accounts OECD*. Washington: Banco Mundial; 2003.
27. OMC. *World Trade Organization*. Available ["http://www.wto.org/indexsp.htm"](http://www.wto.org/indexsp.htm)
<http://www.wto.org/indexsp.htm> (Retrieved 19th January 2013).
28. OMC. *International Trade Statistics 2012* Geneva, Switzerland: OMC; 2013.

Oon Fok-Yew^{1*} and Hartini Ahmad^{1*},

¹School of Business Management, College of Business, Universiti Utara Malaysia, Sintok, Kedah, Malaysia

The Effect of Change Management on Operational Excellence in Electrical and Electronics Industry: Evidence from Malaysia

1. INTRODUCTION

The rapidly changing landscape in the globalized market has put new demands on organizations. In order to stay ahead of competition, companies need to re-invent itself by injecting new ideas and strategies to achieve business excellence. Excellence can be achieved by meeting or exceeding the expectations of all stakeholders. Furthermore, pursuing excellence keeps companies on right track to achieve their goals and mission. More important, companies today face incredible pressure to continually improve the products quality while simultaneously reducing cost, remain flexible, to meet short lead time delivery, everlasting legal, environmental and social requirements. The ability to achieve these goals depends to a large extent on how the managing its resources against the ongoing changing environment [1].

Recent studies on operational excellence focused on industrial context such as security [2], oil and gas [3], and university [4]. On a contextualized perspective, the Electrical and Electronics Industry is crucial to be revealed particularly on the soft issues which have been neglected in many ways by the previous studies. This is in line with [5] stressed the failure of system implementation such as ERP is because of the lack of attention to the soft issues. Hence, the latest development on the management of change and operational excellence has evolved. The focus is on the enhancing of the customer value and ensures the sustainability (for example, [5,6]. [6] stated the departure from the status quo to a desirable state in accordance to the

challenges and opportunities faced by the companies. Furthermore, the alignment is necessary in the hard and soft factors with the company strategy.

To guide organizations on their journey towards excellence, investigations have largely focused on the identification of critical variables that might better explain how organizational change can be managed to the best effect [7,8]. Therefore, this study will provide an insight in understanding the contemporary influential systems that affect business excellence, particularly excellence in operations. The influential systems may serve as pre-conditions for any companies before embarking on the management of organizational change. The influential systems could be categorized either a 'soft' or a 'hard' [9]. [9] recognised the important of soft dimension in terms of skills, staff, style, system and shared values along with structure and strategy of hard dimension. Furthermore, [10] described hard system have precise objectives that can be expressed in mathematical terms while soft systems are used in relation to human activities where there is unlikely to be agreement about the precise objectives of the system.

In discussing the operational excellence, most of the researchers and practitioners like to relate it with manufacturers. The fact is, manufacturing operation is one of the prime strategic functions in any business. Manufacturing operation whether achieves its competitive position and strategic potential or not solely depends on how it runs its business [11]. Additionally, as manufacturing firms encounter global competition and the pressure to become global, there is a demand for firm's ability to manage its organizational resources with the desire to attain operational excellence at global level.

When review the development in the world business market such as the issues of globalization, fierce competition and technology advancements, [12] suggested that manufacturing organisations in Malaysia need to have an ability to adjust and change to survive the challenging business environment. Organizations need to have a new set of capabilities to ensure their survival and growth in the market. Managers in a firm need to build its own internal competencies to deal with organization issues, change and strategizing. Even through E&E manufacturing sector is an important contributor to Malaysia's economic with manufacturing output, exports and employment, however, Malaysian E&E industry faces significant challenges in maintaining growth with growing competition from Taiwan, Singapore, China and other Asian countries. The E&E's share of Malaysia's exports has gradually declined from 59 percent in 2000 to 41 percent in 2009 [13]. Therefore, Malaysia E&E's organizations

need to have a new set of capabilities to ensure their survival and growth in the market. Managers in a firm need to build their own internal competencies to deal with organization at issues, changes and strategies.

Operational management and performance have been an issue in both academia and industry for over three decades. The literature on operational excellence is growing, but Malaysian manufacturing industry is often lacking in these discussions. In Malaysia, studies of business or organizational performance were focus mainly in Small Medium Enterprises (SMEs) and little research solely in Electrical and Electronics (E&E) manufacturing. Among the studies in Malaysia manufacturing industry included Total Quality Management (TQM) practices [14,15] and best practices [11,16]. Therefore, present study attempts to understand further of Malaysia electrical and electronics firms managing change pertaining to operational excellence. In fact, the electrical & electronics (E&E) industry is the leading sector in Malaysia's manufacturing sector, contributing significantly to the country's manufacturing output (26.94%), exports (48.7%) and employment (32.5%) [17]. Due to that, the finding of this study is important and may contribute to the country economic.

2. LITERATURE REVIEW AND THEORITICAL FRAMEWORK

2.1 Resource-based View (RBV)

The RBV is the dominant theory being used in the empirical literature on organization's internal resources or capabilities and performance. The RBV theory emphasized the use of its internal resource and its developing capability within the firm as a source of competitive advantage. Numerous of its capabilities and resources on which competitive advantage are based, live entirely in its operational function [18]. The RBV deals with the competitive environment facing the organization but takes an '*inside-out*' approach. Its starting point is the organization's *internal* environment. Thus, its internal capabilities determine the strategic choice it makes in competing in its external environment. For example, build up a high performance team for a company to remain competitive and long term success in both economic and social aspects.

On the operational excellence, RBV is found appropriate, presenting internal resources as a crucial element to gaining a sustained competitive advantage and superior performance that is the operational excellence [19,20].

The current study corresponds to the soft factors in E&E to the operational excellence. The core competencies explain the companies' competitive success based on their competencies [21].

The resource-based view (RBV) highlights the firm as a unique collection of resources [22,23], but emphasizes that not all resources possess the potential to provide the firm with a sustained competitive advantage [24]. Previous literature on the RBV has frequently focused on resources as a stable concept that can be identified at a point in time and will endure over time [25]. RBV focus on strategic context, presenting resources and capabilities as essential to gaining a sustained competitive advantage and superior performance [20].

Furthermore, RBV points to intangible resources as the main drivers of the sustainability of performance differences across firms. In fact, such assets that are scarce, specialized and difficult to trade, imitate, or appropriate are viewed as intangible [19]. A variety of definitions have been offered when refer to these resources [26]. Therefore, the argument established in this study is focus on the managing firm's resources as determinants for operational excellence. The changes of the firm internal resource were identified through the operational excellence indicators.

2.2 Operational Excellence

According to [27], assessment of excellence is the process of evaluating an organization against a model for continuous improvement in order to highlight what has been achieved and what needs improving. European Foundation for Quality Management [28] defines excellence as "outstanding practice in managing the organization and achieving results". [29] argued that operational excellence is not just a matter of cost reduction and quality improvement, but also being smart about how to handle people and resources. It requires solid change management capability and strong leadership to become operational excellence. Operational excellence is also very much dependent on employees' empowerment, ownership and a culture of continuous improvement. Its adoption and introduction usually confronts a company with the need to change the way its employees think and act.

[30] conducted an investigation the use of business excellence in Asian organizations. Organizations in the manufacturing sector accounted for more than 40 percent of the total survey population. Even through organizations

believe that deploy business excellence is important in helping them reach key objectives but the Asian region still suffers from some barriers including lack of development of a business excellence culture, a lack of resources and a failure to fully train the staff in business excellence. This study has examined the deployment of business excellence in five Asian countries (Japan, India, China, Thailand and Singapore) would be a gap undertake future study on other Asian counties which maybe at different stages of business excellence maturity.

[31] analyzed the success rate factors of company in achieving the excellence of business subjects in the Slovak Republic. The results showed that success rate factors do not lie in monetary values but in the overall functioning of the company. In other words, in de facto non-economical factors which reflect the level of innovations, employee's satisfaction, customer's satisfaction and social responsibility. Therefore, identification of correct factors of success rate serves more and more for the needs of looking for correct decision of organization. In view of this, non-economical factors of success rate, also known as non-monetary factors are substantiated for the needs of a business company. On the other hand, [32] analyzed the meaning of sustainability and its relation to excellence in an era of management transformation, integration and evolution. They found that sustainability and excellence are two interrelated concepts. These two interrelated concepts have contributed in shifting the national, corporate and sometimes individual mentality to include the world and the society. The rapid enlargement and intensity of environmental and social consequences of the dominant global model push organizations towards an adoption of sustainability challenges and maintain their competitiveness through excellence.

[33] identified important challenges to sustaining business excellence amongst award winning companies in Australia. The challenges included strategy, leadership support, people, process, data and information and customers. [33] also suggested future research could consider different stages in the process of pursuing business excellence, for example, implementation, development, maturity and sustainability. In recent study, [34] examined factors that lead to sustained excellence whether they are "evergreen" or stayed the same over time. The eight factors included organizational design, process, strategy, technology, leadership, individuals and roles, culture, and external orientation. The finding shown that nearly 90 percent of the factors that create excellence found in studies done in and before 1995 are also found in studies done after 1995.

Although the characteristics of factors may shift from time to time, however, those factor found to seem qualify as "evergreen of excellence" that are always crucial for creating and maintaining a high performance organization. In this respect, the research into factors that create excellence, as found in the earlier or recent literature, are constant over time.

In this study, results from application of operational excellence are focused operational performance and organizational sustainable performance. Operational performance reflects the performance of internal operations of a company in terms of quality improvements, flexibility improvement, delivery improvement, productivity improvement, cost and waste reduction. The organizational sustainable performance indicator measures in present study are environment performance and social performance, while the financial measures such as sales growth, profit growth, return on equity (ROE), return on assets (ROA) and gearing [35] will be ignored. In fact, many E&E manufacturing firms in Malaysia are owned by foreign investors and may listed in the their home country, thus the respondents may not be privy to the information and data related to financial performance. Although performance can be measured either as financial performance or as operational performance, operational priorities are more relevant than financial goals at the plant level [36]. It is therefore the discussed performance indicators (quality, time, flexibility, cost and sustainability) will be used to measure firm performance in achieving operational excellence. More specific, the dependent variable, operational excellence will be operationalized by quality, flexibility, speed, cost, social and environmental in present study. Moreover, managing people, technology, leadership, strategy, structure, culture and employees' involvement to change are important variables affect the operational excellence.

2.3 Evolution of Excellence

During the last 30 years, both definition and sustainability of excellence evaluations have undergone repeated changes. [37] have synthesized 'excellence' into five main stages and defining each excellence stage in details in literature. The synthetic conclusion of excellence is shown in Fig. 1.

Stage	Synthesized	Time	Explanations
Excellence 1.0	"Soft is important"	The early 1980s	Peters and Waterman (1982) reminded the world of professional managers that 'hard is soft'. In order to obtain hard results organizations need to take into account the soft side of the firm. Hard factors: system; structure; strategy; Soft factors: shared values; skills; style; staff.
Excellence 2.0	"Change"	1987	<i>Thriving on Chaos</i> (Peters, 1987). A new type of excellence is required: "Excellence firm don't believe in excellence – only in constant improvement and constant change".
Excellence 3.0	"Learning"	1990	<i>The Fifth Discipline</i> of Peter Senge (1990). Senge's analysis is at the base of a renewed interest for the concept of "learning organization".
Excellence 4.0	"Excellence models"	1990s	Increasing interest in "Excellence model" can be seen during the

Excellence 5.0	"Integrated development"	2000s	Difference schools of thought (e.g. social-technical, social-economic school) try to merge different approaches in order to better respond to management and organizational challenges, or the changing management paradigm.
----------------	--------------------------	-------	--

Fig. 1. Synthetic Conclusion of Excellence

Source: Adapted from Hermal and Pujol (2003)

[37] further explain that the series of excellence stages proposed are only tentative and could certainly be disposed in many different ways. They just hope that the different points addressed are at the base of production debate. In authors view, operational excellence via best practices in business organizations seems to be a natural evolution going forward. As present, the term of *operational excellence* is widely used approaches to measure the business excellence either by the corporations themselves, management consultants, academicians, government authorities, etc. Furthermore, the very definition of "operational excellence" has been continuously modified to accommodate for the context of rapid changes in the global business environment.

2.4 Change Management

Due to the fact that the future and success of every organization depends on how well manager handle change [38], therefore, discussion on this research is assessing the relationship between change management and operational excellence. In addition, the integration of soft systems to predict operational excellence may not have a profound understanding by both academic and practitioners. This paper focuses on the soft systems in the E&E industry.

In the past organizational changes processes, many organizational only focus their efforts on hard factors. However, [9] argued that most successful companies work hard at the soft factors. Indeed, the soft factors can make or break a successful change process simply because we cannot impose hard systems on the organization without considering the effect on people [10]. With this approach, the researcher attempt to integrate the 'soft' elements under the Management of Change (MOC). Based on literature review, three soft elements were identified in this study were included leadership style, human resource and organizational culture.

2.4.1 Leadership style

Leadership is the other key component of successful change. Leadership is the first criterion of the European Foundation for Quality Management (EFQM) Excellence Model, a model of organizational excellence which is used by more than 30,000 organizations across Europe [39]. While change management depends on leadership to be enacted, specifically, the leadership style that is primarily concern with the capabilities required enacts change successfully [40,41]. Recent study by [42] further addressed the importance of success in enacting change is a crucial issue faced by today's organizational leaders of today. Indeed, most of the research on the leadership paradigms has focussed on its relationship to followers [43,44]; the success of TQM programs [45]; organizational outcomes such team performance [46,47] and financial performance [41]. Based on researchers' knowledge, there were limited literatures done on leadership styles and its impact on operational excellence in manufacturing industry, especially in the Malaysian setting.

Leadership has been recognized as a major factor on organization success and this has been empirically validated throughout many fields. However, a leadership style in the context of change management and its impact on operational excellence in manufacturing industry has not been as widely research. Moreover, a transformational style of leadership is perceived can produce positive organizational change and create exceptional performance than transactional and laissez-faire leadership [40,48,49]. In the present study, we are interested in examining the positive impact of transformational leadership style on operational excellence. Hence, the researchers offer the following statement of hypotheses: H₁: The inclination towards the transformational leadership style leads to achieving operational excellence.

2.4.2 Human resource

Any change program would revolve around people, changing their mind set, behaviour and motivational level. Human resource has always been central to organizations, to-day it has taken on an even more central role in building a firm's competitive advantage. Success increasingly depends on "people-embodied know-how". Thus, includes the knowledge, skills, and abilities imbedded in an organization's member. [38] argued that Human Resource is an intellectual asset, the sum total of the knowledge, skills and competencies that an organization processes and channelizes for sustained organizational excellence. Excellence is surpassing on outstanding achievement, achievable by the use of Human resource strategies and practices as tool.

[50] suggested the future role of the Human resource function should focus on helping their organization to learn how to build a capability to change. In authors view, the human resource practices are Human resource tools use by organization to achieve excellence. It helps to develop human capabilities and organizational competencies to achieve success. However, very little attention has been paid to address the impact of managing human resource change on operational excellence. The universal use of Human resource practices such as recruitment and selection, training and development, performance appraisal and compensation and benefits [38,51,52,53] could be explored in present study to predict operational excellence. New knowledge generate from this study could inform theory building efforts in the Human resource field, particularly as it related to human resource- based view to meaningful organization outcomes and in due course excellence. Therefore, we hypothesize that human resource practices lead to positive impact to operational excellence. H₂: Effectiveness of human resource practices leads to an impact on achievement of operational excellence.

2.4.3 Organizational culture

Operational excellence is an enterprise culture that improves the way a corporation delivers products and services to its customers. Operational excellence calls for more than subject matter expertise and a talented internal team. It requires a deep commitment and a culture of change. Changing to a culture of continuous improvement usually requires a paradigm shift. This change requires taking risks, opening up the firm culture and a great capacity to learn [54]. [55] suggested that a link between corporate culture traits such as

consistency, mission, involvement, and adaptability and business performance exists. These four different aspects of culture can be stressed by different functions. Its *consistency* and *mission* either tend to encourage or promote stability. However, the *involvement* and *adaptability* allow for change. Furthermore, consistency and involvement see culture as focusing viewpoint on internal dynamic of the organization. It mission and adaptability see culture as a way of life in addressing the relation between the organization and its external environment.

The present study embraces on managing change and focus on internal organization, therefore, the *involvement trait* (Internal Focus) is the best dimension to evaluate its effecting desired change within organization [55,56]. This trait is measured by the three indices namely empowerment, team orientation and capability development. In addition, [57] found empirical support for the involvement view of culture, higher levels of employee participation were correlated with better organizational performance. Whilst organizational culture has been researched worldwide, little research has been done in Malaysia, with its unique culture and concentrated business environment. This leads to the following hypothesis: H3: Higher levels of individual involvement cultural trait leads to an impact on operational excellence

Overall, literatures indicate that firm managing change is vital in ensuring competitive advantage to the firms [58]. In essence, effective approaches in organizational change will involve not only one system but also have to understand other relevant systems of entire organization. Moreover, change management and these soft systems have not being integrated in any research which develop new knowledge in the study of operational excellence. Integrating change management maturity with associated soft systems in order to remain competitive, is absent in most Operational Excellence initiatives.

2.5 Hypotheses and the Research Model

Based on the previous literature, three hypotheses were proposed. The relationship among the various factors discussed in this literature is depicted in a framework as shown by Fig. 2 below. Based on the literated syntheses, the authors develops a linkage that the change management systems are likely to have impact on operational excellence of the organization only in situations where change management practices are implemented.

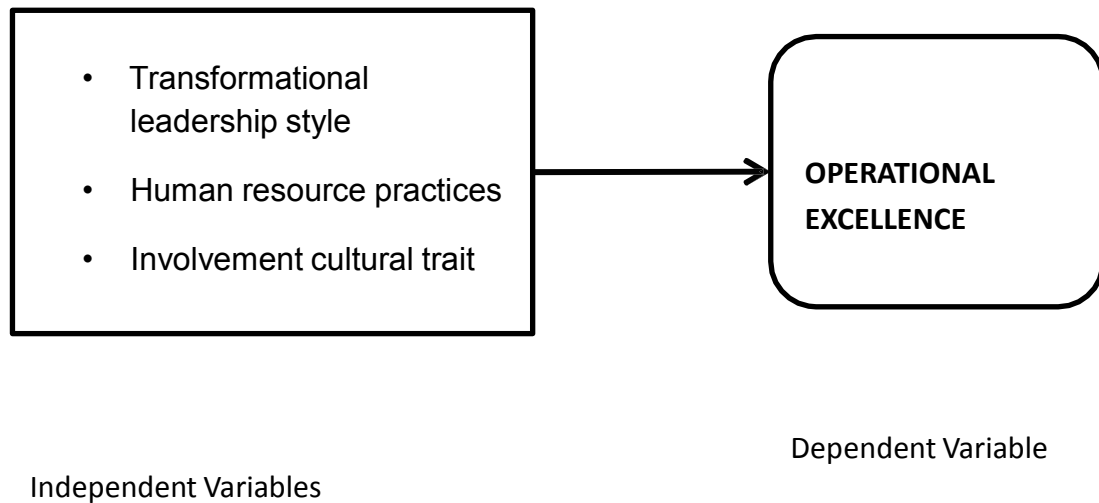

Fig. 2. Theoretical framework

3. RESEARCH METHODOLOGY

3.1 Population and Sample Size

The nature of the problem in this study determines that it leans more towards a causal. The main goal of causal research is to identify cause-and-effect relationship among variable [59]. The literature review was carried-out in sufficient details to provide the understanding on the change management and operational excellence. The researchers also investigated how the previous studies done in order to study the relationship of both change management and operational excellence. Therefore, the researchers believed that it is appropriate to consider the manager who involved in the manufacturing operations to give inputs on the subject matter. In this context, samples of the population are drawn from the FMM-MATRADE Industry Directory Electrical and Electronics Malaysia 2007/08 [60] and Federation of Malaysian Manufacturers (FMM) Industry Directory 2012 of Malaysian Manufacturers [61]. The sampling frame of this study is the manufacturing companies from electrical and electronics industry situated in Malaysia. By using systematic random sampling method, 321 firms were identified from population of 1952 firms. All questionnaires were distributed to the respondents using postal mail. The unit of analysis for this study was

organizational where one respondent represent one organization. Between February 2013 and June 2013, a total of 121 usable questionnaires were obtained which yielding a response rate of 37.7 percent. Therefore, the response rate was normal and acceptable as compared with past studies in Malaysia.

3.2 Instrument Development and Measurement

The survey questionnaire was developed based on early studies [35,55,57,62,63,64,65,66]. The Table 1 summarizes the reliability test of the measures. The results showed that all the Cronbach's Alphas measures were above the lower limit of acceptance ($\alpha > .70$). Therefore, all the measures were highly reliable [67].

Table 1. Summary of variable measurement

Variables Names	Cronbach's	Alpha	N of Items	Authors
Operational excellence	.942		23	Laugen et al. (2005); 31* Hubbard (2009); Kuruppuarachchi & Perera (2010).
Transformational leadership	.915		12	Bass & Avolio (1992).
Human resource	.843		12	Snell & Dean (1992)
Involvement cultural trait	.772		9	Denison et al. (2003);

In a Likert scale, each respondent will be asked to indicate the extent of each statement on a five-point. The options given in the questionnaires for Section A are "strongly disagree (1)"; "disagree (2)"; "Neutral (3)"; "agree (4)" and finally "strongly agree (5)". For Section B, respondents are requested to rank their answers to 5-points Likert-type interval scale, ranging from 1 for "worst in industry (1)"; 2 for "bad in industry"; 3 for "average in industry"; 4 for "good in industry" and 5 for "best in industry". Thus, researchers were able to solicit answers about the given statement through a set of response keys.

3.3 Respondent's Profile

3.3.1 Profile of the respondent companies

The E&E industry is further breakdown to four sub-sectors which included (1) consumer electronics (2) electronic components (3) industry electronics and (4) electrical products [16]. As presented in Table 2, the majority of the manufacturing firms that responded to the survey were under the electronic component sector which comprised 43.8 percent of the number of respondents, followed by those in industrial electronics (24.8%), consumer electronics (15.7%) and electrical products (15.7%).

Table 2. Respondents by sub-sector

Sub-sector	Frequenc	Percent	Valid	Cumulative
Electronic components	53	43.8	43.8	43.8
Industrial electronics	30	24.8	24.8	68.6
Consumer electronics	19	15.7	15.7	84.3
Electrical products	19	15.7	15.7	100.0
Total	121	100.0	100.0	

3.3.2 Profile of the respondents

For ease of understanding is a tabulation of the profiles of the respondents as per Table 3. In terms of gender, the majority of the respondents were male which comprised of 71.9 percent as compared to their counterparts at 28.1 percent. Generally, 45.5 percent of the respondents are from the age between 36 and 45 followed by age above 46 (34.7%), then age between 18 and 35 with a response if 19.8 percent. This showed that majority of the questionnaire were answered by the middle and senior management from manufacturing companies. Most of the respondents (33.1%) have less than 5 year's tenure employment to their current companies. In contrast, 31.4 percent of the respondents have more than 16 years attaching to their current companies. The remaining respondents were between 6 to 10 years are 21.5 percent and between 11 to 15 years are 4.0 percent respectively. Almost half of the questionnaires are answered by the managers (44.6%). Other respondents, which represent 19.0 percent of senior

executive or senior engineer, 5.8 percent of section head and assistant manager respectively, 14.0 percent of senior manager, 6.6 percent of directors, 4.1 percent of director and of professional. The professional group includes Consultants and Advisors. The results imply that majority of the E&E manufacturing companies have followed the requirements as stated in the cover letter which attached with the questionnaire.

Table 3. Profile of the respondents

Characteristics		Percent	
Frequency		(n = 121)	(Total
Gender:	Male	87	
	Female	34	28.1
Age:	Between 18 to 35	24	19.
	Between 36 to 45	55	45.
	Above 46 years	42	34.7
Number of years working in this company:	Less than 5 years	40	33.
	Between 6 to 10	26	21.
	Between 11 to 15	17	14.
	More than 16 years	38	31.4
Position held:	Senior Executive I Senior	23	19.
	Section head	7	5.8
	Assistant Manager	7	5.8
	Manager	54	44.
	Senior manager	17	14.
	Director	8	6.6
	Professional	5	4.1

3.4 Factor Analysis

The factor analysis was based on principal component analysis (PCA) with Varimax rotation for all components. In determining the factorability of the dimensions, the Bartlett's test of Sphericity had to be significant and the Kaiser-Meyer-Olkin (KMO) Measure of sampling adequacy had to be more than 0.50 in order to be acceptable [67]. The following Table 4 shows the results of all variables. The Kaiser-Meyer-Olkin (KMO) measures of sampling adequacy from

0.692 to 0.906 which all above 0.5 acceptable level [68]. All results indicate that factor analysis can be conducted on the data [62,69]. Moreover, there is a sufficient correlation among the analyzed items when Bartlett's test was significant (Sig.0.000).

Table 4. KMO and Bartlett's test

		OPX	TLS	HRP	ICT
Kaiser-Meyer-Olkin	Measure of Sampling	.881	.906	.797	.692
Bartlett's Test of	Approx. Chi-Square	1590.599	757.645	555.269	410.166
	Df	190	66	66	36
	Sig.	.000	.000	.000	.000

OPX=Operational excellence; TLS= Transformational leadership style; HRP= Human resource

practices; ICT=Involvement cultural trait

3.5 Data Analysis

The data analysis tools such as Statistical Package for Social Science (SPSS) software will be used to process the data obtained from this survey. Responses on all parts of the questionnaire will be analyzed using frequency, means, standard deviations, reliability, and inter correlations to calculate different characteristics of the data. Factor and reliability analyses to test the goodness of measures, descriptive statistics to describe the characteristic of respondents and correlation analysis to describe the inter correlation among the variables. Moreover, multiple regression analysis was used to achieve the objective with testing the hypothesis.

4. RESULTS AND DISCUSSION

4.1 Descriptive Analysis

The means and standard deviations of each variable were shown in Table 5. The results of Pearson's correlation test for independent variables and dependent variable was shown in Table 6. This result revealed that all the independent variables and dependent variable were positive and significant at a level of 99 percent. The strength of relationship varies from lowest at 0.561 and to the highest at 0.639. These findings support the notion that change management systems as predictor variables had a positive correlation and linear with operational excellence. On the other hand, the correlation was also further evidence of validity and reliability of the measurement scales used in this study.

Table 5. Means and standard deviations

	N	Mean	Std. Deviation
Transformational leadership style	121	3.6515	.56765
Human resource practices	121	3.7576	.48233
Involvement cultural trait	121	3.7530	.41857
Operational excellence	121	3.7373	.48899

Table 6. Pearson's correlation test for independent variables and dependent variable

	Transformational	Human resource	Involvement	Operational
Transformational leadership style	1			
Human resource practices	.586**	1		
Involvement cultural trait	.561**	.586**	1	
Operational excellence	.616**	.639**	.563**	1

** Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed)

* Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed)

4.2 Testing of Hypotheses

In order to measure the combined effect of all the soft systems in the change management towards operational excellence, the analysis of multiple regressions was performed on the variables in question. Refer to Table 7, results from the analysis of multiple regression show that among soft systems of change management which were proposed to have a significant relationship with operational excellence, all of them namely transformational leadership, human resource practices and involvement cultural trait were significantly supported.

Table 7. Results of multiple regression analysis of change management and operational excellence

Variable	Coefficient			Model Summary
	B	T	Sig.	
Transformational leadership	.296	4.160	.000*	R square: .505
Human resource practices	.323	3.832	.000*	Adjusted R square:
Involvement cultural trait	.211	2.101	.038*	F: 39.839, P < .000
				Durbin-Watson: 1.996

** Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed) * Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed)

All the soft systems were found to have positive and significant ($p < 0.05$) relationship toward operational excellence. This statistical result suggested that a human resource practices, with Beta value of .323 has the strongest effect (most important) on operational excellence in this study, follow by transformational leadership style (important), with Beta value of .296. Organizational culture has least important, with Beta value of .211 to produce sufficient support of significance in its relationship towards operational excellence.

In *Model Summary* at Table 7, the adjusted R Square (.505), which is explained the change management (composite independent variables) accounted 50.5 percent of the variance (R squared) in operational excellence (dependent variable). According to [70], R Square between the range of 1.0 to 5.9 percent is consider as small size, follow by the moderate range between 5.9 to 13.8 and range which is above 13.8 percent is consider large. In the result of multiple regression analysis, the R Square, .505 means 50.5 percent consider large effect. Therefore, the results explain that is 50.5 percent of the variance (R Square) in operational excellence has been significantly explained by the three independent variables under change management.

4.3 Discussions

This paper is focused on linking between the change management to operational excellence within E&E companies of Malaysia. Furthermore, the paper organises the burgeoning change management literature soft systems, which are transformational leadership, human resource and organizational culture. The purpose of this study is to give an increased understanding of the operational excellence in Malaysian manufacturing industry and its implication on activities concerning organisation and managing change.

The respondents were top managers and those identified as responsible in running the companies which closely linked to manufacturing operations including General Manager, Operation Manager, Factory Manager, Production Manager, Engineering Manager, Manufacturing Manager, Planning Manager, Materials Manager, Lean Manager and Project Manager (involve in Change Management or Continuous Improvement programs). So this study cannot be used to represent the operational of others industry because the effect of change management to operational excellence could be different.

Responding to the hypotheses, this study found all three soft systems of change management have effect on the achievement of the company's operational excellence. In respond to the findings, *transformational leadership*

style, human resource practices and involvement cultural trait were found to have an effect on the achievement of operational excellence for Malaysian E&E manufacturing companies. The hypotheses were positive and significant and thereby confirmed.

This study has provided evidence that transformational leadership style have a significant positive effect on operational excellence. The hypothesis, H1 accepted is not surprising because strong theoretical and practical support transformational leadership is enacting change successful. Present study also concur with the findings of past study by [48,49] who claimed that the transformational leadership style can produce positive organizational change and create exceptional performance. Furthermore, transformational leadership is directly correlation to long-term high performance [71], therefore, towards business sustainability.

This study adds another perspective into the earlier findings conducted in Malaysia, [41] found that the transformational type of leaders will give impact to company performance if best practices management takes place. Under these argument, transformational leader who promote the adoption of best practices leads to superior performance. This finding is consistent with the results from prior studies [11,16,62,72] on companies that adopted best practices showed better operation performance. In this study, the effect of transformational leadership style on achieving operational excellence is supported. In other word, lower and middle management of Malaysian E&E manufacturing companies perceived their top management use transformational leadership style in pursuing excellence.

The statistical result also revealed that the human resource practices have effect on operational excellence of Malaysia E&E manufacturing companies in this study. Therefore, the hypothesis, H2 is fully supported. This finding is consistent with earlier studies by [38]who argue human resource is an intellectual asset that channelizes for sustained organizational excellence and has a positive effect on the firm's performance [73]. This study also support past studies that the human resource practices included recruitment and selection, training and development, performance appraisal and compensation and benefits, are human resource tools use by organization to achieve excellence [38,51,52,53].

The aforementioned results have also provided the required empirical support that influence of human resource practices indicating positive and significant relationship on organizational performance in the area of research for the past 25 years [74]. The finding of present study provides empirical evidence again on the role of human resource practices on the achievement of operational

excellence. Obviously, the human resource has taken into account as a crucial factor in E&E organizations to develop internal capabilities for better fit with changing environment.

The result indicates that the involvement cultural trait, H3 does significantly have impact in achieving operational excellence. The involvement cultural trait comprises of empowerment, team orientation and capability development did played a major role in the effectiveness of operational excellence in E&E firms. This finding appears to be consistent with previous study that argued involvement as the most important dimension of culture for firms whose focus was employee satisfaction and overall performance [75]. Past studies by [76] stated that organizational culture is a key foundation for the high-performance work practices and employee involvement such as teamwork, capability development and empowerment positively influence outcomes measures. For example, high performing firms motivate their employees to achieve superior results by making decisions at the lower level. In addition, high performing firms have organizational structure based on teams, therefore they encourage teamwork. Moreover, these firms continually invest in improving their employees' skills. Hence, the high levels of employee involvement in the company's activities did play an important and integrated role in achieving operational performance outcomes.

The success of organization lies on how well the employees are empowered to take decisions through building their capabilities and harnessing their skills. Indeed, an organization with a high level of employee involvement will develop the employees' capability at all levels and create a sense of ownership, responsibility and loyalty toward their organization. Another plausible reason of significant relationship between involvement cultural trait and operational excellence was in the way the culture trait was measured. Past research showed that internally focus traits involvement is generally better predictors of operating performance measures such as quality, flexibility, employee satisfaction [57,77] and change [56]. The finding of present study pointed to high involvement of employees as relatively important influential culture traits in determining operational excellence in the context of the Malaysia E&E industry.

Furthermore, present study supports resource-based view (RBV) theories. The RBV on inimitable recourses and dynamic capabilities suggest that organizational should have their own competence according to knowledge resources. These competencies must be rare and unique. Moreover, researchers

also found many of resources and capabilities on which competitive advantage is based reside in the operations function [18]. Firstly, RBV may assist operations reach up to the leadership of excellence. Secondly, RBV helps to providing clear rules to develop and train human resource and retain talents in a systematic manner. Thirdly, the involvement cultural trait that is originated from organizational culture is unique and hard to imitate by any rival firms. Thus, the argument established in this study was transformational leadership style, human resource practices and involvement cultural trait.

5. CONCLUSION, LIMITATIONS AND FUTURE RESEARCH

5.1 Summary of Finding

This study is on the relationship among the change management and operational excellence. The multiple regression results revealed that the transformational leadership style, human resource practices and involvement cultural trait statistically significantly and positive relation with the achievement of operational excellence. Approaches to theory uses, this study utilize resource-based view.

5.2 Limitation and Directions for Future Research

The conclusions drawn from present study should be interpreted in a limited way, which would potentially represent opportunities for further exploration in future research. First, this study is a cross sectional study, as it is carried out once and represents the issue at a specific time. Therefore, future study may look into a longitudinal study in order to expand the findings that are pre-changes and post-changes. Second, this study used the Electrical and Electronics (E&E) manufacturing firms that have high foreign ownership but also many restrictions in responding to the study. It is suggested that using Malaysian local owned firms like small-medium enterprise (SME) or small-medium industry (SMI) may add more insight. In addition, future study in service industry will add richness to the area of interest. Third, this study had proven the important of few change management systems in affecting the achievement of operational excellence. In contrast, further studies could focus on others systems or dimensions which have been excluded in this study. Fourth, future study can also investigate the change management due to external environment. Perhaps it will be able to provide a

new insight on how firm react to external force and also improve the operational performance.

5.3 Implication and Conclusion

An evident in the data analysis findings above, this study has provided several contributions to practice, methodology and theory. The practical implications for E&E manufacturing organization is success in change initiatives depends on proper integration of transformational leadership style, human resource practices and involvement cultural trait. Hence, management is advised to establish policy, systems and process that integrate three soft systems in their planning and strategic direction. On the other hand, the finding is hoped to provide the managers with the insight in order to assist them to identify the appropriate operational excellence model based on organizational needs. As for methodology contribution, this study was add-on sustainability performance metrics (non-economic measure) on top of the conventional performance metrics (economic measure) in a composite performance index by averaging scores across the six performance indicators. Since sustainability is very important aspects of today business environment [35,78], therefore, this methodology can be validated in future research to measure operational excellence or business excellence. The new measurement method in this study could fill up the perceived performance gaps by merging both economic and non-economic measures. From the theoretical perspective, it is discovered the originality in terms of the model to reflects a growing interest in extending operational management paradigms to emerging in developing country context, particularly on the knowledge on the insight of change management and operational excellence. In contrast to most previous studies identified each of system separately, this paper will be among the first few studies that examine the soft systems of change management to predict operational excellence. The integration of soft systems in this study has developed new knowledge that could assist theory building efforts particularly in the operation management field and organizational change management. The researcher might use the findings for further research.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Duggan K.J. Design for Operational Excellence: A Breakthrough Strategy for Business Growth; 2011. Accessed 3 March 2012.
Available: <http://books.google.com.my/books>
2. Yilmaz S, Ozgen H, Akyel R. The impact of change management on the attitudes of Turkish security managers towards change. *Journal of Organizational Change Management*. 2013;26(1):117-138.
3. Sudarmo. Influence of business principles, organizational culture, fundamental safe work practices, operational excellence expectations and corporate commitment to the tenets of corporate operations and corporate performance: Oil and gas Chevron Indonesia. *Journal of Accounting-Business & Management*. 2013;20(1):71-90.
4. Samuel K. The effect of change management in an organisation: A case study of National University of Rwanda (NUR). *Wyno Journal of Management & Business Studies*. 2013;1(1):1-18.
5. Al-Ghamdi A.A. Change management Strategies and Processes for the successful ERP System Implementation: A Proposed Model. *International Journal of Computer Science and Information Security*. 2013;11(2):36-41.
6. Hurn B.J. Management of Change in a multinational company. *Industrial and Commercial Training*. 2012;44(1):41-46.
7. Kanter R.M, Stein B.A, Jick J.D. *The Challenge of Organisational Change: How Companies Experience It and Leaders Guide It*. Free Press, New York, NY; 1992.
8. Saka A. Internal change agent's view of the management of change problem. *Journal of Organizational Change Management*. 2002;16(5):480-496.
9. Peters T.J, Waterman R.H. *In Search of Excellence: Lessons from America's Best Run Companies*, 1st ed., Harper & Row, New York, NY; 1982.
10. Kirk D. Hard and soft systems: a common paradigm for operations management. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 1995;7(5):13-16.
11. Yusuff R.M. Manufacturing best practices of the electrical and electronic firms in Malaysia. *Benchmarking. An International Journal*. 2004;11:361-369.
12. Mokhtar SSM, Yusoff R.Z. Exploring the relationship of Key Strategic Orientation towards Sustainable Organizational Performance. *International Journal of Business and Management Science*. 2009;2(1):79-87.
13. ETP (Economic Transformation Programme) Annual Report 2011. Accessed 15 January 2013.

- Available:http://etp.pemandu.gov.my/annualreport2011/12_National_Key_Economic_Areas-@-Electrical-%e2%97%98-Electronics.aspx
14. Arumugam V, Ooi K.B, Fong TC. TQM practices and quality management performance: An investigation of their relationship using data from ISO 9001:2000 firms in Malaysia. *The TQM Magazine*. 2008;20(6):636-650.
 15. Abdullah MMB, Uli J, Tari J.J. The influence of soft factors on quality improvement and performance: Perceptions from managers. *The TQM Journal*. 2008;20(5):436-452.
 16. Anuar A, Yusuff R.M. Manufacturing best practices in Malaysia small and medium enterprise (SMEs). *Benchmarking: An International Journal*. 2011;18(3):324-341.
 17. MIDA (Malaysian Investment Development Authority) 2012. Accessed 21 November 2012. Available: <http://1web.mida.gov.my/env3/index.php?page=ee>
 18. Lucas M.T, Kirillova OM. Reconciling the resource-based and competitive positioning perspectives on manufacturing flexibility. *Journal of Manufacturing Technology Management*. 2011;22(2):189-203.
 19. Barney J.B. Resource-based theories of competitive advantage: a ten year retrospective on the resource-based view. *Journal of Management*. 2001;27(6):643-650.
 20. Ferreira J, Azevedo S. Entrepreneurial orientation as a main resource and capability on small firm's growth, Munich Personal RePEc Archive. 2007;5682:1-20.
 21. Ritter T, Gemunden HG. The impact of a company's business strategy on its technological competence, network competence and innovation success. *Journal of Business Research*. 2004;57:548-556.
 22. Barney J.B. Firm resources and sustained competitive advantage. *Journal of Management*. 1991;17(1):99-120.
 23. Wernerfelt B. A resource-based view of the firm. *Strategic Management Journal*. 1984;5:171-180.
 24. Clulow V. The resource based-view and value: The customer-based view of the firm. *Journal of European Industrial Training*. 2007;31(1):19-35.
 25. Wright P.M, Dunford B.B, Snell S.A. Human Resources and the Resource Based View of the Firm. *Journal of Management*. 2003;27:701-721.
 26. Villalonga B. Intangible resource, Tobin's q , and sustainability of performance differences. *Journal of Economic behaviour & Organization*. 2004;54:205-230.

27. Hillman G.P. Making self assessment successful. *The TQM Magazine*. 1994;6(3):29-31.
28. EFQM (European Foundation for Quality Management). *The Excellence Model*, EFQM, Brussels; 1999.
29. Van Assen M.F. *Operational Excellence for Services*. Center of operational excellence; 2011. Accessed 29 February 2012. Available: <http://www.vanassen.info/wp-content/uploads/Position-paper-Operational-Excellence-for-Services.pdf>
30. Mann R, Adebajo D, Tickle M. Deployment of business excellence in Asia: an exploratory study. *Deployment of business excellence in Asia: an exploratory study*. *International Journal of Quality & Reliability Management*. 2011;28(6):604-627.
31. Jankalova M. Conceptions Based on Definition of Business Factors of Successfulness for the Support of Reaching the Excellence of Enterprise Subjects. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2012;81:531-535.
32. Anninos & Chytiris. The sustainable management vision for excellence: implications for business education. *The International Journal of Quality and Service Science*. 2012;4(1):61-75.
33. Brown A. Managing Challenges in Sustaining Business Excellence. *International Journal of Quality & Reliability Management*. 2012;30(4):461-475.
34. Waal A.A. Evergreens of excellence. *Journal of Management History*. 2013;19(2):241-278.
35. Hubbard G. Managing Organizational Performance: Beyond the Triple Bottom Line. *Business Strategy and the Environment*. 2009;19:177-191.
36. Brown S, Squire B, Blackmon K. The contribution of manufacturing strategy involvement and alignment to world-class manufacturing performance. *International Journal of Operations & Production Management*. 2007;27(3):282-302.
37. Hermal P, Pujol F.R. An evolution of excellence some main trends. *The TQM Magazine*. 2003;15(4):230-243.
38. Kalyani M, Sahoo MP. Human Resource Strategy: A Tool of Managing Change for Organizational Excellence. *International Journal of Business and Management*. 2011;6(8):280-286.
39. EFQM (European Foundation for Quality Management). *The Excellence Model*, EFQM, Brussels; 2010.

40. Burke W.W, Church A.H. Managing Change, Leadership Style and Intolerance to Ambiguity: A Survey of Organization Development Practitioners. *Human Resource Management*. 1993;31(4):301-318.
41. Idris F, Ali KAM. The impacts of leadership style and best practices on company performances: Empirical evidence from business firms in Malaysia. *Total Quality Management*. 2008;19(1-2):163-171.
42. Abrhiem T.H. Managing Transformation and Change for the Business Leader. *Business and Management Review*. 2013;3(2):14-22.
43. Burns J.M. *Leadership*. New York: Harper and Row; 1978.
44. Shin S.J, Zhou J. Transformational leadership, conservation, and creativity: Evidence from Korea. *Academy of Management Journal*. 2003;46(6):703-714.
45. Choi T.Y, Behling O.C. Top managers and TQM success: one more look after all these years. *Academy of Management Executives*. 1997;11 (1): 37-47.
46. Sauer S.J. Taking the Reins: The Effects of New Leader Status and Leadership Style on Team Performance. *Journal of Applied Psychology*. 2011;96(3):574-587.
47. Mannheim B, Halamish H. Transformational leadership as related to team outcomes and contextual moderation. *Leadership & Organization Development Journal*. 2008;29(7):617-630.
48. Bass B.M. *Leadership and performance beyond expectations*, New York: Free Press; 1985.
49. Boehnke K, Bontis N, DiStefano JJ, DiStefano AC. Transformational leadership: an examination of cross-national differences and similarities. *Leadership & Organization Development Journal*. 2003;24(1):5-15.
50. Court T. How the HR function can build the capacity to change. *Development and Learning in Organizations*. 2011;25(1):16-18.
51. Ferguson K.L, Reio Jr T.G. Human Resource Management Systems and Firm Performance. *Journal of Management Development*. 2009; 29(5):471-494.
52. Gurbuz S, Mert IS. Impact of the Strategic Human resource Management on Organizational Performance: Evidence from Turkey. *The International Journal of Human resource Management*. 2011;22(8):1803-1822.
53. Dimba A.D. Strategic Human Resource Management Practices: Effect on Performance. *African Journal of Economic and Management Studies*. 2010;1(2):128-137.

54. Markovic M.R. Managing the organizational Change and Culture in the Age of Globalization. *Journal of Business Economics and Management*. 2008;9(1):3-11.
55. You CLK, Coulthard M, Petkovic-Lazarevic S. Changing Corporate Culture to Improve Business Performance: Case of the Australian. *Journal of Global Strategic Management*. 2010;7:53-63.
56. Denison D.R, Haaland S, Goelzer P. Corporate culture and organizational effectiveness: is there a similar pattern around the world? *Advances in Global Leadership*. 2003;3(2):205-227.
57. Denison D.R. *Corporate Culture and Organizational Effectiveness*. New York, John Wiley & Sons; 1990.
58. Kotter J.P. Leading change why transformation efforts fail. *Harvard Business Review*. 2007;85(1):96-103.
59. Zikmund WG. *Business research methods (7th ed.)*. Ohio: Thomson South Western; 2003.
60. FMM. *FMM-MATRADE industry directory electrical and electronics Malaysia 2007/08 (3rd ed.)*. Kuala Lumpur: Federal of Malaysian Manufacturers (FMM); 2008.
61. FMM. *Directory of Malaysian Industries*. Federation of Malaysian Manufacturers (FMM); 2012.
62. Laugen B.T, Acur N, Boer H, Frick J. Best manufacturing practices: What do the best performing companies do? *International Journal of Operation & Production Management*. 2005;25:131-150.
63. Kuruppuarachchi D, Perera HSC. Impact of TQM and Technology Management on Operations Performance. *The IUP Journal of Operations Management*. 2010;15(3):23-47.
64. Nahm A.Y, Vonderembse M.A, Koufteros X.A. The Impact of Organizational Structure on Time-based Manufacturing and Plant Performance, *Journal of Operations Management*. 2003;21:281-306.
65. Bass B.M, Avolio B.J. *Multifactor Leadership Questionnaire-Short form 6S*. Binghamton, NY: Center for Leadership Studies; 1992.
66. Snell S.A, Dean Jr J.W. *Integrated Manufacturing and Human Resource Management: A Human Capital Perspective*. *Academy of Management Journal*. 1992;35:467-504.
67. Hair J.F, Black B, Babin B, Anderson R.E. *Multivariate Data Analysis: A Global Perspective, Seven Edition*, Pearson; 2010.

68. Igbaria M, Iivari J, Maragahh H. Why do individuals use computer technology? A Finnish case study. *Information & Management*. 1995; 29: 227-238.
69. Coakes S.J, Steed L.G. *SPSS: analysis without anguish: version 11.0 for Windows*. Brisbane: Jacaranda Wiley; 2003.
70. Cohen J.W. *Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences* (2nd ed.). New Year. Erlbaum; 1998.
71. Bass B.M, Riggio R.E. *Transformational leadership*. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates; 2006.
72. Voss C.A. Alternative paradigms for manufacturing strategy. *International Journal of Operations & Production Management*. 1995a;15(4):5-16.
73. Otterlo RCH. Does human resource management help a company's financial result? *Journal of Service Science and Management*. 2013;6:273-282.
74. Qureshi M.T, Hijazi T.S, Ramay I.M. Impact of Human Resource Management Practices on Pakistani organizations. *J. Bus. Policy. Res.* 2007;3(2):128-138.
75. Nasir and Lone. *VISION. The Journal of Business Perspective*. 2008;12(11).
76. Gupta V. Cultural basis of high performance organizations. *International Journal of Commerce and Management*. 2011;21(3):221-240.
77. Denison D.R, Mishra A. Towards a Theory of Organisational Culture and Effectiveness. *Organisational Science*. 1995;6(2):204-223.
78. Muogboh O.S, Salami A.A New Perspective on the Manufacturing Strategy: Performance Relationship. *International Journal of Business Research*. 2009;9(3):114-126.

Daniel Ibrahim Dabara^{1*},
Ankeli Ipkeme Anthony¹,
Oluwasegun Adeyanju¹ and
Odewande Adeleye Gbenga¹

¹*Estate Management Department, Federal
Polytechnic Ede, Osun State, Nigeria*

Occupiers' Perception of Commercial Leases: Empirical Evidence from Ede, Nigeria

1. INTRODUCTION

Landlords, occupiers and lenders in the real property sector always focused on ways in which they can minimize their risk of loss and liability by designing lease structures, terms and durations that favor them [1,2,3,4,5]. The pressures arising from the shortage of rental properties in Nigeria are felt strongly in the real estate sale and rental markets. Properties are generally over-valued, lease terms and duration unfavorable and rental rates mostly unjustifiable [6,7]. In Nigeria, commercial leases, which encompass extent and duration of such lease, start from one year and above [5].

According to Wessel [8] for most applicants of rented properties, there is a lack of information available about their future landlord, their track record, and the condition of the properties available for letting. Wessel also noted that most tenants sign a lease agreement with typically only a brief, largely subjective viewing of the demise property, rarely reading and comprehending the lease structures and terms. Several researchers in both developed and developing economies had carried out studies on leasing practices, examples include: [9,10,11,12,5]. Despite these researches, there are still gaps in the knowledge concerning the attitude of occupiers to leasing. This study seeks to fill one of these gaps; the perception of occupiers with respect to lease structures, terms and duration (LSTD) in Ede, Nigeria. In order to address occupiers' attitudes towards LSTD, a survey of a number of commercial occupiers was undertaken in Ede, Nigeria.

The main aim of this study is to critically examine the perception of shop occupiers' towards LSTD in Ede, Nigeria, using data drawn from questionnaire survey in the study area. The availability of such data provides a unique opportunity to examine the perception of commercial occupiers' towards LSTD empirically. In this respect, the paper addresses the following questions: What is the perception of occupiers in the study area towards LSTD? What lease terms are problematic for commercial occupiers in the study area? Are occupiers in the study area satisfied with their current lease duration? What areas do occupiers in the study area desire adjustments in their LSTD? The answers to these questions are central to understanding the perception of commercial occupiers' towards LSTD in Ede. It will also serve as a basis for viable recommendations on how to address the mismatch between what occupiers' desire and what lenders or lessors provide, thereby making the rental market more vibrant and acceptable by all stakeholders. The paper is organized as follows: the next section (2) reviews related literature; section three (3) describes the study area and discusses the research methodology; section four (4) presents the summary of findings and discusses the results; Conclusion and recommendation are contained in section five (5).

2. RELATED LITERATURE

There is great variety in the proportion of people in different cities who are residential and commercial occupiers, from cities where less than 10 percent are tenants to cities where more than 80 percent are tenants [13,14,15]. Tenants are often particularly vulnerable to rapid economic, social and urban changes. They generally have little or no effective legal protection and can be displaced from their accommodation by the owners at short notices, even where contracts exist between occupiers and owners in the form of lease agreement. Occupiers are often subjected to unpalatable conditions and rises in rent, especially when landlords are themselves suffering economically and making the lease structures, terms and duration favor them becomes necessary to maintain their incomes [16,12,17].

In order to curb the excesses experienced in the rental market, property owners, property managers, governments and investors in the real property sector the world over, have invested enormous resources in developing model leases, tenancy agreements, and other instruments that are routinely used in connection with the development and operation of land and landed properties. The rights and obligations contained in these instruments are of great practical use when they are enforced in an efficient and effective manner [18,19]. However, it is

observed that occupiers and lenders have divergent attitudes towards these instruments, most especially as regards its structure, terms and duration [12].

A lease structure, terms and duration for a property that is sufficient enough and satisfactory from the lessor's point of view may or may not be satisfactory and sufficient enough from the occupier's point of view [20]. To enhance occupiers' satisfaction, Onibokun [5] promotes the concept of user satisfaction by incorporating four interactive subsystems: the tenant subsystem, the dwelling, the environment, and the management subsystem. Using these subsystems, an occupier can base his or her needs on all four areas according to his or her expectations, rather than just one, two or three areas alone. The fewer the number of areas considered, the more likely the tenant will be dissatisfied with their properties and with the lease structure, terms and duration. To reduce the probability of occupiers' dissatisfaction, the landlord should strive to incorporate all four interactive subsystems.

DETR [21] asserted that lease structures were more influenced by: the sector, size of the letting, the quality of the location within the town, the quality of the building and the tenant type. Although, lease structures do differ by the above factors, lease structure trends tend to be similar across the whole rental market. Similarly, [12, 19, 13] confirms this assertion by identifying the factors crucial in influencing occupier's perception of lease structures as: the surrounding neighborhood and community, crime, social interaction within the community, lease length, problematic clauses in the lease term, renters associations for neighborhood involvement, condition of repairs of the rental unit and quality of the homes or apartments.

There was some evidence in the DETR, [21] and Neil et al, [12] studies that there exists a mismatch between what occupiers required and what they were offered in leasing practices. The studies revealed that the attitudes of occupiers towards their lease structures, terms and duration was that of dissatisfaction. In the world today UK leases are considered very long by international standards. The average lease length of all real property in UK metropolitan areas is between 10 to 25 years with upwards – only rent reviews every 5 years, as against leases of less than 10 years in Australia, United States of America, Africa and Asia [22,23,24,25].

The leasing arrangement in the rental market is bedeviled by many problems. The most problematic lease term for most occupiers is the lease length with many occupiers commenting on the mismatch between business planning horizons and lease length [26]. Other areas of problems include: Assignment/ Sub-letting, Rent level, Break Clauses, Repairs and Insurance, Review Type and Period (the major issue is the upwards-only review), Rights to renew, dispute

resolution, service charges, alteration and dilapidation etc [9,11,27]. The solutions offered by occupiers to the problems were largely predictable: Shorter leases, more breaks and up/down reviews were suggested and a relaxation of restrictions on a range of issues such as breaks, assignment, sub-letting, consents for improvements, etc. The mechanism by which such changes should be delivered was hardly mentioned at all, with only a few specific calls for government intervention, most notably in the area of the upwards-only review clauses [11,12,17].

3. METHODOLOGY

The study area for this study is Ede, Osun state Nigeria, the study was restricted to prime commercial areas in Ede which included: Oke gada, Osogbo Road, Orita oloki, Sabo Street, Araromi Street, Polytechnic Road, Agip area and Eleyin Street. Commercial property (specifically shops) was the major property type used for the study. In this study, the survey research design was used to obtain data from the field. The targeted population for the study consisted of 917 shops in Ede, Nigeria. The sample size adopted was 12% of the population (this percentage is considered to be a fair representation of the entire population). The random sampling technique was used in selection of the sample size for the study (this gives each shop within the population an equal opportunity or probability of being selected for the study). Data collected for this study were sought from the field surveys conducted through the administration of a set of well-structured questionnaires. The questionnaires were designed to elicit for occupiers opinion with respect to their perception of their commercial leases in the study area.

The survey consisted of two main types of questions: those which required a specific response from a limited set of choices and those where respondents were asked to indicate their opinions in their own words. The questionnaires were administered to shop owners in the study area, which totaled 150. However, only 113 questionnaires were retrieved (i.e 75% response rate). Given the number and distribution of the responses, it is felt that this sample size and response rate provided a good representation of large occupiers within the study area. The variables used for this study were obtained from existing literature; the variables were used to test the perception of occupiers in Ede, Nigeria to see whether it will be congruent with what is obtainable in literature or otherwise. The results from the 113 responses were collated and analyzed and these results are set out in the next section of the paper.

The data collected from the field was analyzed using both descriptive and inferential statistics. A multiple regression model was adopted to determine

the interrelationships between occupiers' perception of LSTD (dependent variable) and the isolated predictors (i.e. occupiers age, level of education, quality of shop, state of shop repairs, location of shop, environmental quality of neighborhood, duration of rental period, composition of clauses in lease agreement and level of sales in the area) which are the independent variables. The model is not only capable of handling the problem of interactions amongst the independent variables but also it enables us to know the contributions or the importance of each variable to the explanation of variation in the dependent variable.

The regression equation adopted was

$$Y = a + b_1X_1 + b_2X_2 + b_3X_3 + b_4X_4 + \dots + b_nX_n \quad (1)$$

Where:

Y is the dependent variable

X₁, X₂,X_n are the independent variables.

b₁, b₂b_n are multiple regression coefficients for the independent variables

"a" is an error term which points to the fact that a proportion of the variance in the dependent variable Y is unexplained by the regression equation.

However, the application of the model to our case study shows that

$$\begin{aligned} \text{OPLSTD} = & a + b_1\text{OCCA} + b_2\text{OCCI} + b_3\text{OCCG} + b_4\text{OCCLE} + b_5\text{QORH} + \\ & b_6\text{COHR} + b_7\text{OCCRB} + b_8\text{OCCO} + b_9\text{EQON} + b_{10}\text{HOLA} + b_{11}\text{LORP} + \\ & b_{12}\text{PPRA} + \\ & b_{13}\text{CCLA} + b_{14}\text{NOTB} \end{aligned} \quad (2)$$

Where:

Y = Occupiers' Perception of commercial LSTD (OPLSTD) OCCA = Occupier's Age (X₁)

LOE = Occupier's Level of Education (X₂) QOS = quality of shop (X₃)

SOSR = state of shop repairs (X₄) LOS = location of shop (X₅)

EQON = environmental quality of neighborhood (X₆) DORP = duration of rental period (X₇)

CCLA = composition of clauses in lease agreement (X₈) LOSA = level of sales in the area (X₉)

4. RESULTS AND DISCUSSION

This section presents the results obtained from analysis of data obtained from the field and discusses the results.

Table 1. Lease agreement between occupiers and landlords in Ede

Lease agreement	Frequency	Percent	Cumulative percent
Yes	94	83	83
No	19	17	100
Total	113	100	

Field Survey, June 2012.

Table 1 show that 83% of commercial property occupiers in Ede signed a lease agreement before occupation of the demise property while 17% of the occupiers indicated that they did not sign any lease agreement. From the data above it can be seen that most of the occupiers in the study area entered into a lease agreement before occupation of the demise property.

Table 2. Lease duration

Duration	Frequency	Percent	Cumulative Percent
Yearly	81	71.7	71.7
Two years	19	16.8	88.5
Three years	8	7.1	95.6
Above four years	5	4.4	100
Total	113	100	

Field Survey, June 2012.

From Table 2 above 71.1% of respondents signed a yearly lease, 16.8% signed a lease for two years, 7.1% signed a lease for three years and 5.4% of the respondents signed a lease of above four years. It can be seen from the data above that the leases in Ede are mostly a yearly (renewable) leases as indicated by 71.7% of the respondents. This is contrary to what is obtainable in the UK, Australia and the US as shown in the similar studies [22,23,25].

Table 3. Occupiers' perception of lease structures, terms and duration in Ede

Level of satisfaction	Lease structure	Lease terms	Lease duration
Very Satisfied	30.5(27)	15.8(14)	53.1(47)
Fairly Satisfied	58.8(52)	44.1(39)	39.6(35)
Undecided	11.3(10)	13.6(12)	7.9(7)
Fairly Dissatisfied	9.1(8)	22.6(20)	10.2(9)
Very Dissatisfied	3.4(3)	16.9(15)	2.3(2)

Field survey, June 20121

Note: figures in bracket denote percentages.

Table 3 presents the perception of occupiers with respect to their lease structure, terms and duration. 47% of the respondents are very satisfied with their lease duration, 52% indicated that they are fairly satisfied with their lease structure, while 39% are fairly satisfied with their lease term. On the other hand, only 2% of the respondents were very dissatisfied with their lease duration, similarly 3% and 15% of the respondents were very dissatisfied with their lease structures and lease terms respectively. The data presented above shows that majority of the respondents are satisfied with their lease duration which is mostly yearly (renewable) but are hardly satisfied with their lease structures and terms (most especially with certain clauses in the lease arrangement that does not favor the occupiers). This finding refuted the findings of Crosby & Murdoch [25] which indicated that leases in the UK can be up to 25 years in duration and occupiers in the UK are dissatisfied with their 25 years lease duration.

Table 4. Problematic lease terms for occupiers in Ede

Lease item	Very satisfied	Fairly satisfied	Undecided	Fairly dissatisfied	Very dissatisfied
Lease duration	78 (69.03)	27 (23.89)	01 (00.89)	04 (03.54)	03 (02.66)
Ability to Assign/Sublet	33 (29.20)	08 (07.08)	04 (03.54)	35 (31.00)	23 (20.35)
Repairs	15 (13.27)	28 (24.78)	08 (07.08)	40 (35.40)	22 (19.47)
Rental Review Period	32 (28.32)	42 (37.17)	06 (05.31)	23 (20.35)	10 (08.85)
Dispute Resolution Procedure	49 (43.36)	10 (08.85)	16 (14.16)	31 (27.43)	07 (06.20)
Consent for Alteration	29 (25.66)	38 (33.63)	01 (00.89)	33 (29.20)	12 (10.62)
Service charges	34 (30.09)	38 (33.63)	11 (09.74)	15 (13.27)	15 (13.27)
Rent charged	27 (23.89)	20 (17.70)	23 (20.35)	17 (15.04)	26 (23.01)

Field survey, June 2012.

Note: figures in bracket denote percentages.

Table 4 shows occupiers level of satisfaction with some lease terms ranging from very satisfied to very dissatisfied. From the data above, it can be seen that occupiers have problem with their ability to sublet, state of shop repairs, and consent for alteration. This is congruent with the findings of other studies [13,22,5].

Table 5. Model summary of regression analysis

Model	R	R square	Adjusted R square	Std. error of the estimate
	0.913	0.833	0.818	0.37

Analysis of Survey Data, June 2012.

Table 5 shows the regression model summary result, which indicates a high positive correlation of 0.913 between all the variables.

Table 6. ANOVA (Analysis of variance)

Model	Sum of squares	df	Mean square	F	Sig.
Regression	69.728	9	7.748	56.502	0.000
Residual	13.986	102	0.137		
Total	83.714	111			

Analysis of Survey Data, June 2012.

Table 6 tests the overall significance of the coefficients (β 's). The results indicated that the overall model is statistically significant, [F (9,102) = 56.502, P = 0.000].

Table 7. Coefficients

Model	Unstandardized coefficients		Standardized coefficients	t	Sig.
	B	Std. error			
Constant	0.821	0.123		6.688	0.000
Occupiers Age	0.1	0.065	0.16	1.532	0.129
Level of Education	0.035	0.064	0.054	0.551	0.583
Quality of Shop	0.171	0.066	0.242	2.602	0.011
State of Repairs	0.022	0.082	0.032	0.267	0.79
Location of Shop	0.177	0.092	0.2	1.92	0.058
Environmental Quality of Neighborhood	-0.545	0.121	-0.59	-4.521	0.000
Duration of Rental Period	0.728	0.086	0.972	8.434	0.000
Composition of Clauses in Lease Agreement	0.002	0.119	0.028	0.171	0.865
Level of Sales in the Area	-0.234	0.087	-0.25	-2.703	0.008

Analysis of Survey Data, June 2012.

Table 7 presents the coefficients, the Enter Method was employed in the analysis (this will cause all predictors to be included in the output). Looking at the significance values of the individual β 's, it is discovered that of all the predictors, only the following significantly predicts occupiers perception of their lease structures, terms and duration: Quality of Shop, Location of Shop, Environmental Quality of Neighborhood, Duration of Rental Period, and Level of Sales in the Area, with $t = 2.602$, $p = 0.011 < 0.05$; $t = 1.92$, $p = 0.058 < 0.05$; $t = -4.521$, $p = 0.000 < 0.01$; $t = 8.434$, $p = 0.000 < 0.01$; $t = -2.703$, $p = 0.008 < 0.01$ respectively, hence they are statistically significant (note that 0.05 and 0.01 above indicates the significance levels at 5% and 10% respectively).

The regression equation therefore is

$$Y = 0.821 + 0.171X_3 - 0.177X_5 - 0.545X_6 + 0.728X_7 - 0.234X_9 \quad (3)$$

Which can be presented as:

$$\text{OPLSTD} = 0.821 + 0.171(\text{QOS}) - 0.177(\text{LOS}) - 0.545(\text{EQON}) + 0.728(\text{DORP}) - 0.234(\text{LOSA}) \quad (4)$$

5. FINDINGS, CONCLUSION AND RECOMMENDATION

The study examined the perception of occupiers of commercial properties (shops) in Ede, Nigeria towards their lease structures, terms and duration. Findings from the study refuted what was found in literature as the study revealed that most occupiers in the study area are satisfied with their lease duration. However, occupiers in the study area indicated that some of the clauses contained in the lease terms are problematic for them such as rent reviews, repairs of demise premises, etc. Occupiers in the study area indicated that they desired adjustments in their lease structures and lease terms. They indicated that they would prefer lease terms/clauses that are more tenant friendly.

From the study, it can be concluded that to satisfy occupiers of commercial properties in Ede, there is need for adjustments in the current lease structures and terms in the study area, however the lease duration is satisfactory and needs no adjustment. It is recommended that the government should intervene in the Nigerian rental market by harmonizing the lease structures, terms and duration in the country. The government should also see to the removal of certain clauses from the lease terms that only favor the lessors. Leases should be structured in such a way that it will be acceptable and satisfactory to both the lessees and the lessors. This will help in the mitigation of the constant conflicts experienced among stakeholders in the Nigerian rental property market as well as address the mismatch between what occupiers' desire and what lenders or lessors provide.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Ojo B. Management and Maintenance of Multi-Tenanted Properties in a Depressed Economy: A Case Study of Okunola Shopping Complex, Osogbo, Osun State. Thesis Submitted for Election into Corporate Membership of the Nigerian Institution of Estate Surveyors and Valuers; 2003.
2. Olatoye O. Borrowers' Perception of the Degree of Cumbersomeness of Lenders Requirements in Housing Financing in Southwestern Nigeria.

- Conference Proceedings, Brisbane, Australia. 2005, retrieved on 8th March 2012. Available: http://www.rics.org/site/download_feed.aspx?fileID=2015&fileExtension=PDF.
3. Akomolede K. Estate Agency Practice in Nigeria. Lagos: Bamboo Books; 2006.
 4. Francis M. Nigeria: Landlord & Tenant - the Right to Shelter and Statutory Protection of Tenants. Daily independent, Lagos. Retrieved on 9th April 2012; 2011. Available: http://www.iut.nu/members/Africa/Nigeria_articleMarch4_2009.pdf.
 5. Dabara I.D, Olatoye O, Okorie A. An examination of the tenancy agreement as a shield in property management in Nigeria. International Journal of Business Administration. 2012;3(4):54-66. Available: <http://www.sciedu.ca/journal/index.php/ijba/article/view/1474/725>.
 6. Mabagunje A. Housing Delivery problems in Nigeria. Punch, Wednesday, May; 2002.
 7. Okupe O. Problems of Real Estate Developers in Nigeria. A paper presented at a workshop organized by the Nigerian Institute of Quantity Surveyors. Abuja; 2002.
 8. Wessel T. Housing and living conditions. An analysis of the survey of housing and Living condition. Project Report 111 (Oslo: Norwegian Building Research Institute); 1998.
 9. Crosby N, Gibson VA, Murdoch S. Office Lease Lengths. Paper to the RICS Cutting Edge Conference. London. September; 2000.
 10. Gibson VA. Evaluating Office Space Needs and Choices. Research Report for MWB Business Exchange. University of Reading; 2000.
 11. Neil C, Virginia G, Melanie O. Lease Structures, Terms and Lengths: Does the UK lease meet current business requirements? Retrieved on the 20th June 2012; 2001. Available: <http://www.reading.ac.uk/rep/lease.pdf>.
 12. Neil C, Virginia G, Sandi M. UK Commercial Property Lease Structures: Landlord and Tenant Mismatch. Journal of Urban Studies. 2003;40(8):1487-1516.
 13. Adesoji D.J. Evaluating Tenants' Satisfaction with Public Housing in Lagos, Nigeria. Urbanistika Ir Arhitektora. 2009;33(4):239-247. Retrieved On 6th May 2012. Available: Http://Hercules.Gcsu.Edu/~Doetter/Lib_Stud/Pubs/Scarboro_0912.Pdf.

14. UNEP. Owner-Tenant Engagement in Responsible Property Investing; 2009. Retrieved on 17th May 2012. Available: <http://www.unepfi.org/fileadmin/documents/TenantEngagementReport.pdf>.
15. MHC. Empowering Private Sector Tenants – Establishing a System of Reputational Regulation in the Private Rented Sector; 2011. Retrieved on 24th June 2012. from: Available: <http://www.consumerfocus.org.uk/files/2011/02/Empowering-Private-Sector-Tenants-establishing-a-system-of-rep-reg-in-the-PRS-Mojo-Housing-Consultancy-Ltd-FINAL.pdf>.
16. Green G. A case study of housing tenure and rental accommodation in Santa Cruz, Bolivia" in UNCHS (1990), Rental Housing: Proceedings of an Expert Group Meeting. UNCHS (Habitat), Nairobi. 1990;56-66.
17. Sumit A, Brent W.A, Hongming H, Yildiray Y. The Term Structure of Lease Rates with Endogenous Default Triggers and Tenant Capital Structure: Theory and Evidence Journal of Financial And Quantitative Analysis. 2011;46(2):553–584. Retrieved on 27th June 2012. Available:[http://www.smeal.psu.edu/ires/documents/Term Structure of Lease Rates JFQA revision 2c.pdf](http://www.smeal.psu.edu/ires/documents/Term%20Structure%20of%20Lease%20Rates%20JFQA%20revision%202c.pdf).
18. Andrew C.L. The Role of Rental Housing in Developing Countries: A Need for Balance. Washington D.C: World Bank, Report No. UDD-104; 1987. CIA world fact book. Nigerian Annual Growth Rate; 2011. Retrieved on 23/02/2011. Available: <http://www.indexmundi.com/g/g.aspx?c=ni&v=24>.
19. Gilbert A. Slums, tenants and home-ownership: on blindness to the obvious. International Development Planning Review. 2008;30(2).
20. Oladapo A.A. A Study of Tenant Maintenance Awareness, Responsibility and Satisfaction in Institutional Housing in Nigeria. International Journal of Strategic Property Management. 2006;10:217–231.
21. DETR. Monitoring the Code of Practice for commercial leases. (Department of The Environment, Transport And The Regions) London; 2000.
22. Crosby N, Murdoch S. Changing lease structures in commercial property markets: right space: right price? RICS Research Report Paper 2, Royal Institution of Chartered surveyors, London; 1998.
23. Worzala E, Bernasek A. European economic integration and commercial real estate markets: an analysis of trends in market determinants. Journal of Real Estate Research. 1996;11:159–181.

24. JLW. Office lease terms and expiry: Syney CBD. Jones Lang Wootton Research and Consultancy Pty Ltd.; 1993.
25. Dipasquale D, Wheaton W.C. Urban Economics and Real Estate Markets. New Jersey: Prentice Hall; 1996.
26. Oriana B. Contract Duration and Investment Incentives: Evidence from Land Tenancy Agreements Journal of the European Economic Association. 2007;5(5):953–986. Retrieved on 27th June 2012.
Available: Http://Econ.Lse.Ac.Uk/Staff/Bandiera/Papcontr2005_Oct.Pdf.
27. Mary A. Social Assistance Recipients and Tenancy Conditions in the Private Rental Market Housing Studies. 2010;25:591–605. Retrieved on 24th June 2012. Available:
<http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/02673037.2010.483581>.

Robert T. Ngidlo^{1*},

¹*Research and Development Department, Ifugao State University, Nayon, Lamut, Ifugao, Philippines*

Impacts of Pesticides and Fertilizers on Soil, Tail Water and Groundwater in Three Vegetable Producing Areas in the Cordillera Region, Northern Philippines

1. INTRODUCTION

The Cordillera region is home to the largest vegetable industry in the Philippines. It is composed of 6 provinces namely: Benguet, Mt. Province, Ifugao, Abra, Kalinga and Apayao. The region supply 70% of temperate vegetables in the Philippine market chiefly potato, cabbage, beans and carrots [1]. The study covered 3 major farming communities that are found in Benguet, Mt. Province and Ifugao. The farming communities included in the study are: Balili, Mankayan, Benguet, Sadsadan, Bauko, Mt. Province and Tinoc Poblacion, Tinoc, Ifugao. The three study sites differ in terms of the evolution of the gardening industry in each of the sites. In Balili, the vegetable industry started way back in 1957 followed by Sadsadan in 1960 and Tinoc in 1998. Over the years the vegetable industry is known to rely heavily on commercial fertilizers and pesticides. Farmers use fertilizers and pesticides to enhanced yield and control pest and diseases. Aside from chemical inputs, the gardening industry has a long history of using fresh chicken manure to remedy nutrient deficiencies in the soil. The use of chemical inputs is sometimes concomitant with the presence and persistence of fertilizer and pesticide residues in soil and water. The lingering negative connotation associated with pesticide use led some people to believe that soil and water inside garden areas are heavily polluted with chemical residues detrimental to human health. Still others refuse to eat vegetables believing that they contain high levels of pesticide residues. The study was made primarily to provide evidences to repudiate or affirm some of the prevailing assumptions regarding the impacts of pesticides and fertilizer on soil and water. The main objectives of this study are: 1) to assess the farmers level of awareness on the negative impacts of agrichemicals on health and environment 2) to obtain information on the types of

agricultural chemicals used by vegetable farmers, 3) to determine the effects of agricultural chemical on soil and water 4) to identify major sources of pollutants in the area aside from agricultural chemicals and 5) to recommend solutions for mitigating the negative effects of soil and water contamination that affects people's health and their communities. The direct beneficiaries of the study are the vegetable farmers who are handling agricultural chemicals pursuant to their vegetable production. Fertilizers and pesticides are inseparable components of the vegetable industry and growers should know the negative impacts of these farming inputs to soil and water. Farmers themselves and their families including their animals are the ones working with the soil and having access to water resources within the vicinity of their garden areas and it will always result to poor health and even death in the long-term.

Understanding the impact of agricultural chemicals on soil and water quality will have a direct bearing on how farmers should use their agricultural chemicals in such a way that it will not continue to contaminate soil and water resources. It would hopefully raise people's awareness on these important environmental issues and develop mitigation measures to address these issues for the benefit of both present and future generations.

2. MATERIAL AND METHOD

Three vegetable growing barangays in 3 provinces in the Cordillera region were selected as the site of this study. The sites are Balili, Mankayan, Benguet, Sadsadan, Bauko, Mt.

Province and Tinoc Poblacion, Tinoc, Ifugao. Twenty five farmers in each of the community were interviewed as key informants. Level of awareness was measured using a 4 point rank order scale such as: not aware (NA), less aware (LA), adequately aware (AA) and very much aware (VMA). Focus Group Discussion (FGD) was used to validate the data that was gathered.

Soil samples were gathered at the upper, middle and lower portion of the garden landscape. A line sampling method was employed for each subunit and 10 subsamples were gathered per subunit. Thus, one composite sample is made up of 10 subsamples. Soil samples were collected from the upper 15 cm soil surface and inner 200 cm soil depth. Grab water samples were collected at the point source of natural springs and at the tail-end of creeks that are found inside the garden areas. Soil samples were brought to the regional analytical laboratory of the Department of Science and Technology in La Trinidad, Benguet, Philippines for analysis. On the other hand, water samples were brought to the

National Pesticide Analytical Laboratory in Quezon City, Philippines for the corresponding analysis.

3. RESULTS AND DISCUSSION

3.1 Level of Awareness on the Impacts of Pesticides on Health

Better awareness on the harmful effects of fertilizers and pesticides is the key to the proper handling and disposition of such hazardous materials. To obtain farmers level of awareness on the impacts of pesticides on human, a four point awareness question was floated. On a scale of 1.00-4.49, the farmers' level of awareness on the key issues on the impacts of pesticide were ranked accordingly. Farmer's level of awareness is high ranging from adequate to very much aware indicative of a high level of understanding on the negative association between pesticide utilization and human health. The farmers' level of awareness on the impact of pesticides on human health is shown in Table 1.

Table 1. Farmers level of awareness on the impacts of pesticides on human health

Items of awareness	Study sites			Mean	Description
	Tinoc	Balili	Sadsadan		
Pesticides generally affect people's health	3.60	3.41	3.59	3.53	Very Much Aware
Pesticides can cause skin and eye irritation	3.64	3.38	3.52	3.51	Very Much Aware
Pesticides can cause stomach irritation and vomiting	3.60	3.43	3.30	3.44	Adequately Aware
Pesticides can cause dizziness	3.48	3.38	3.56	3.47	Adequately Aware

3.2 Level of Awareness on the Impacts of Pesticides on Soil and Water

Pesticides may influence the quality of soil and water found inside garden areas but may also affect the health of people using these pesticides. With no other recourse, gardeners have to deal with pesticides and herbicides everyday to control pest and diseases and weeds, respectively. The concern for environment and human health relative to the use of hazardous farming inputs are the two important aspects of agriculture. Awareness on the negative impacts of pesticides on environment and human health is the key to the proper handling and utilization of pesticides. To determine the farmer's level of awareness on the impacts of pesticides on soil and water, a seven point awareness question was floated. Using the same scale of 1.00-4.49, the farmer's level of awareness was ranked accordingly. Result indicates that farmer's are adequately aware of the negative

impacts of pesticides on soil and water. It is however, evident that farmer's level of awareness on the impacts of pesticides on soil and water appears to be lower compared to their awareness on its impact on human health. It may imply that farmers are more concern in protecting their health when handling pesticides than protecting the environment.

Farmers' level of awareness on the impacts of pesticides on human health and soil and water is high which ranges from adequate to very much aware. However, it appears that awareness did not influence the way farmers handle pesticides in their respective farms. During field work it was observed that farmers do the easy way by putting pesticide bottles along farm corners and boundaries. It was also noted during the field work that farmers do not use adequate protective gears while spraying pesticides. The failure of farmers to use the appropriate protective gears during spraying may have exposed themselves to the risk of pesticide poisoning. However, there were no reported cases of direct poisoning due to pesticide spraying. The only reported cases are intentional ingestion of pesticides particularly gramoxone, sumicidin and some unnamed pesticides for purposes of committing suicide. In Tinoc for instance, there were five cases of suicide attempts from CY 2010-2011. Of the five intentional cases, 4 died and one survived. In Sadsadan, only one case of suicide was reported which occurred in 2008. In Balili, there were 6 reported cases of intentional ingestion from 2008-2010. Fortunately, five (5) of them survive and only one died of complication from high blood pressure. Farmer's level of awareness on the negative impacts of pesticides on environment is indicated in Table 2.

Table 2. Farmers level of awareness on the impacts of pesticides and fertilizer on soil and water

Items of Awareness	Study Sites			Mean	Description
	Tinoc	Balili	Sadsada		
Pesticides can kill beneficial organisms in the soil	3.16	3.41	2.29	2.95	Adequately Aware
Pesticide can pollute the air we breath	3.28	3.41	3.15	3.28	Adequately Aware
Pesticide can kill fishes and shells in rivers and other water bodies	3.28	3.18	3.52	3.33	Adequately Aware
Pesticide residues can remain for many years in the soil	3.00	3.27	2.59	2.95	Adequately Aware
Pesticide residues can be retained in the vegetables produced	3.24	3.23	3.07	3.18	Adequately Aware
Commercial inorganic fertilizer	3.24	2.95	2.22	2.80	Adequately

Makes soil hard and difficult to cultivate					Aware
Commercial inorganic fertilizer is carried by rain and pollute rivers/creeks and springs	3.32	3.05	2.33	2.90	Adequately Aware
<i>Scale: 1.00-1.49 Not Aware 3.50-4.49 Very Much Aware 1.50-2.49 Less Aware 2.50-3.49 Adequately Aware</i>					

3.3 Pesticides, Herbicides and Fertilizers Used by Farmers in the Three Study Sites

At the time of interview, the three study sites were using ten (10) brands of pesticides, five (5) brands of herbicides and an undetermined number of commercial fertilizers in its solid or liquid form. Of the 10 common brands of pesticides, five of which belong to the pyrethroid class of pesticides, four organophosphate and two under the carbamate class of pesticides. Nobody is using any organochlorine compound but farmers claimed they have been using DDT and Endrin prior to their restriction in the 1980's. On-site utilization of pesticides and other farming inputs is driven by sales agent, farmers' cooperatives and private agricultural traders. With this arrangement farmers have continuous access to the latest information and pesticide being sold in the market. Table 3 shows the pesticides, herbicides and commercial fertilizers used by farmers in the 3 study sites.

Table 3. Pesticides, Herbicides and Commercial Fertilizers used in the 3 Study Sites

Name of Insecticide	Active ingredients	Length of Usage	Pesticide Class	Name of Herbicides	Name of Commercial Fertilizers
Sumicidin	Fenvalerate	15	Pyrethroid	Power	Urea
Bida	Cyhalothrin	10	Pyrethroid	Gramoxone	Complete Fertilizer (14-14-14,16-20-0)
Karate	Cyhalothrin	10	Pyrethroid	Clear out	Foliar Fertilizers
Nurell	Cypermethrin	2	Pyrethroid	Afalon	Fresh Chicken manure
Selecron	Profenofos	5	Pyrethroid	Bio 480	
Tamaron	Methamidophos	10	Organo-phosphate	Redeem	
Silicron	Dimethoate	5	Organo-phosphate		
Lorsban	Chlorpyrifos	3	Organo-phosphate		
Cartap	Dymethylamin	10	Carbamate		

3.4 Disposal of Pesticide Waste

The most common type of spraying pesticides in the three study sites is the use of knapsack sprayers. It was observed that some farmers are also using power sprayers. In terms of the management of pesticide bottles, farmers do not follow any definite procedure for disposing these bottles and washing sprayers after use. During the field work, the research team came across empty pesticides bottles piled along farm corners and boundaries. Some of the bottles are partly buried with soil indicating that it had been there for many years. Bottles with leaking rusted caps can be filled with rain water and slowly release poisonous liquid that can leach to underground springs and surface water bodies. In the same manner, farmers washed sprayers in rivers and creeks or to any water they can access such as springs, rice field or irrigation canals. The improper disposal of empty pesticide bottles and indiscriminate washing of sprayers posed a direct hazard to soil and water. Safe disposal should become a part of the solid waste management program of the barangay through the Local Government Units (LGU's) pursuant to RA 9003 or otherwise known as the Ecological Solid Waste Management Act of the Philippines. It may also be the responsibility of private salesmen and pesticide dealers to educate gardeners on the proper disposal of toxic chemical waste. The construction of centralized leak proof concrete waste vaults for storing pesticide bottles is one way of containing the indiscriminate disposal of bottles. The different ways by which gardeners dispose of empty bottles of pesticides and clean their sprayers is shown in Table 4-5.

Table 4. Methods of disposal of empty bottles of pesticides employed by farmers in the 3 study sites

Method of Disposal	Study sites			Total
	Ifugao	Mt. Province	Benguet	
Leave empty bottles in the farm	15	21	12	48
Keep the bottles at home	3	2	9	14
Leave bottles in waste bins	7	2	4	13
Total	25	25	25	75

Table 5. Methods of cleaning sprayers employed by farmers in the 3 study sites

Method of Cleaning Sprayers	Study Sites			Total
	Ifugao	Mt. Province	Benguet	
Washing of sprayers in rivers/creeks	13	10	12	35
Washing in spring	2	9	7	18
Washing in irrigation canals	1	5	2	8
Washing in rice fields	9	1	0	10
Total	25	25	21	71

Statistical analysis using the Analysis of Variance (ANOVA) showed no significant relationship between farmers' level of awareness and disposal of pesticide waste. The insignificant relationship confirmed the observation that farmers' level of awareness did not influence the way farmers dispose of pesticide waste. Farmers do the easy way by leaving empty bottles of pesticides in the farm and wash sprayers anywhere where they can find water.

3.5 Soil Quality Status of the Three Study Sites

Soil samples were obtained from October to November of CY 2011. Crops grown during field sampling include cabbage, carrots, Chinese cabbage and potatoes. The crops were fertilized with urea and complete fertilizers at least twice prior to soil sampling. The fertility and pH status of soils in the three study sites is shown in Table 6.

Soil pH ranges from moderate to strong acidity. The low pH can be attributed to the excessive use of fertilizers. To raise the pH level it may be necessary for farmers to consider applying lime. The nitrogen (N) content of the soil is low below the typical range of 1.0 percent indicative of nitrogen deficiency. Nitrogen deficiency can be attributed to the high uptake of nitrogen by actively growing vegetables. Farmers ameliorate nutrient deficiency in two ways: the application of commercial fertilizers such as urea and complete fertilizers (NPK), and the application of fresh or semi-decomposed chicken manure. Chicken manure is applied one time per cropping cycle at a rate of 100-120 cavans (35-40 kilos per cavan) per hectare. The vegetable industry is a net importer of fresh chicken manure from the lowlands.

Phosphorous (P) is another nutrient needed by plants in large quantities. The Phosphorous content of soil in the 3 study sites is above the standard limit (Olsen) of 2-60 ppm. The high P content can be attributed to the low pH level of the soil. Under acidic soils, P is fixed by iron and aluminum. Busman et al. [11] pointed out that the low availability of P is very pronounced in acidic soil (pH<5.5) and alkaline soil (pH >7.3). The low pH range of surface soils in the 3 study sites ranging from 4.9-5.7 possibly accounted for the fixation of P in the soil. Recent application of P fertilizer in the area may have contributed to the observed high levels of P concentration in the surface soil. Further lowering of soil pH would mean the greater fixation of P. To enhance the availability of P to plants, farmers may have to raise the soil pH by applying lime.

The typical range of K in soils is from 50-700 ppm with greater than 900 considered excessive (<http://www.soiltestlab.com/forms/soil-handout.pdf>). The importance of potassium (K) in ensuring normal growth and production of quality vegetables is well recognized in literatures (Bidari and Hebsur 2011, Kanwar 1976). In all the study sites, the soils contain small amounts of K nutrients below the minimum level. The inadequate concentration of K in the garden soil is indicative of the rapid uptake of K during and in between the active growth stages of vegetables. K deficiencies can be ameliorated through the application of K fertilizers in its pure or mixed with other nutrients.

Magnesium (Mg) is a secondary nutrient needed by plants in large quantities that are typically readily available in the soil. The typical range of magnesium in soil is from 2-30 me/100g soil. The relatively newer garden soil in Tinoc contain higher amounts of Mg than the older garden soils in Balili and Sadsadan but still below the required minimum Mg level to sustain the normal growth and development of garden crops. The low concentration of Mg in all the study sites can be attributed to the natural properties of Mg nutrients which are quite soluble in water. Their soluble properties may have caused them to deteriorate quickly either by hydrolysis, microbial action or leach into the inner soil layers during watering or rainfall. The soils across all study sites do not contain the required minimum levels of Mg for efficient growth of vegetables. The garden soil is in need of Mg supplementation through fertilization.

Calcium is another secondary nutrient essential for many plant functions. Calcium is found in many of the primary or secondary minerals in soils. Calcium (Ca) is not considered a leachable nutrient. The typical amount of Ca in garden soil is from 5-50 me/100g soil. In natural soils, the availability of Ca is conditioned by soil pH where soils with higher pH (alkaline soils) have more Ca content than soils with lower pH (acidic soils). Under intensive gardening, calcium is lost in the soil by the rapid uptake of growing vegetables without replenishment. In other words, the deposition of calcium from decaying plants parts is slow while the rate of depletion is very fast. The newer garden sites in Tinoc have more adequate calcium content than the soils in Balili and Sadsadan. The calcium deficient soils in Balili and Sadsadan can be attributed to many years of repeated cropping and too much extraction of calcium by rapidly growing crops. To replenish the calcium deficient soil, it may require supplementation through fertilization. However, before fertilization, it may be necessary to raise the soil pH toward the neutral range so as to increase the availability of calcium in the soil.

Table 6. Fertility and pH status of the upper 15 cm. and 200 cm. soil depth in the three study sites

Study Sites	Sampling Depth	pH	N (%)	p (ppm, Olsen)	K me/100g Soil	Ca me/100g Soil	Mg me/100g Soil
Poblacion, Tinoc, Ifugao	Upper 15 cm.	5.7	0.28	73	0.98	9.22	1.71
	200 cm	5.3	0.16	4.3	0.55	6.02	1.84
Sadsadan, Bauko, Mt. Province	Upper 15 cm.	4.9	0.44	176	0.70	3.84	0.39
	200 cm	4.6	0.40	25	0.43	1.66	0.39
Balili, Mankayan, Benguet	Upper 15 cm.	5.4	0.16	80	0.36	4.10	0.79
	200 cm.	4.7	0.39	1.5	0.44	1.79	0.39

3.6 pesticide Residues in Soils of the Three Study Sites

Pesticide residues were detected in all composite samples obtained in the surface soils of Balili and Sadsadan. The pesticide residues detected were: chlorpyrifos, profenofos, cyhalothrin, cypermethrin and fenvalerate. The residue chlorpyrifos, cypermethrin and fenvalerate were detected in the soils of Sadsadan and Balili exceeding the Limit of Determination (LoD). The observed higher levels of pesticide residue concentration in soil above the Limit of Determination (>LoD) can be attributed to the current application of these chemicals a few days prior to sampling. The residue chlorpyrifos could have come from Lorsban insecticide, cypermethrin from Nurell, profenofos from Selecron and fenvalerate from Somicidin. There was no detection of organochlorine compounds in spite of the fact that farmers reported having used them in the 1980's. Garden soils in Tinoc are still pesticide free. No residue was detected in the 200 cm depth implying that pesticides did not leached into the inner soil layers. Most of the pesticides currently in use by farmers are known to have a short half life and given the relatively short half lives of these pesticides, it is likely that residues detected came from current season application and that there was a high probability that it may have degraded prior to leaching into the inner soil layers. The short half-life and degradable nature of pesticides therefore explained the absence of residues in the inner 200 cm soil layer. The pesticide residue content of the garden soils of the three study sites are shown in Table 7 below.

Table 7. Pesticide Residues Found in the Garden Soils of Tinoc, Ifugao, Sadsadan,

Mt. Province and Balili, Mankayan, Benguet Pesticide Residues

Study Sites	Organo-Chlorine	Organo-phosphate	Pyrethroid	Residue Level	Remarks
Tinoc					
Upper 15 a. cm	nd	nd	nd	nd	nd
b. 200 cm	nd	nd	nd	nd	nd
Sadsadan					
Upper 15 a. cm	nd	Chlorpyrifos Profenofos	Cypermethrin Cyhalothrin	0.05,0.009 0.01, 0.01	>LoD,<LoD <LoD,<LoD
b. 200 cm	nd		nd	nd	nd
Balili					
Upper 15 a. cm	nd Profenofos	Chlorpyrifos, Cyhalothrin Fenvalerate	Cypermethrin 0.01,0.01 0.03	0.05,0.01 <LoD, <LoD >LoD	>LoD, <LoD
b. 200 cm	nd	nd	nd	nd	nd

*Limit of Determination (LoD) using Gas-Liquid Chromatography: Organochlorine = 0.005 mg/kg or ppm, Organophosphate= 0.02 mg/kg or ppm. Pyrethroid= 0.02 mg/kg or ppm, nd= no detection.

3.7 Water Quality Status of the Three Study Sites

Grab water samples were collected from point source of natural springs (level 1 spring as defined by DOH AO No. 2007-0012) [2] and tail-end of creeks. Water samples were transported to the BPI- Pesticide Analytical Laboratory in Baguio City for pesticide residue analysis and at the DOST Regional Standards and Testing Laboratory in La Trinidad, Benguet for the other water quality parameters.

The presence of pesticide residue in water make it toxic unsuitable for use by both humans and animals. Laboratory analysis done on water samples did not reveal any traces of pesticides in all the three study sites. It is quite uncommon that after many years of pesticide application, surface water and underground natural springs are still pesticide free. Again, the absence of any pesticide residue in water samples highlighted the short half-life and degradable nature of newly manufactured pesticides being used by farmers. The pervasive assumption that inland waters within garden areas are heavily polluted with pesticides is not true and not supported by the findings of this study. The water quality status of the three project sites is summarized in Table 8.

Table 8. Water quality status of the three study sites (Tinoc, Sadsadan and Balili)

Study Sites	Pesticide (ppm)	Nitrate (mg/L) (LoD=50 mg/L max)	Total Coliform Count(<1.1 MPN/100 ml (PNSDW)	Total Suspended Solids
Tinoc (Creek water)				
Mulmog creek	nd	0.57	>8 MPN/100 ml	41.6
Pipingew creek	nd	0.42	>8 MPN/100 ml	0
Jerry creek	nd	0.41	>8 MPN/100 ml	1.80
Tinoc (Natural spring water)				
Gadingan spring	nd	1.24	>8 MPN/100 ml	0
Dangla Spring	nd	<LoD (LoD= 0.18 mg/L)	<1.1 MPN/100 ml	0
Sadsadan (Creek water)				
Cawanagan creek	nd	1.00	>8 MPN/100 ml	0.60
Baobao Creek	nd	<LoD (LoD= 0.18 mg/L)	< 1.1 MPN/100 ml	1.70
Sadsadan (Natural spring water)				
Kinawanagan proper Drinking water	nd	0.90	< 1.1 MPN/100 ml	0
Mabilig spring	nd	0.24	< 1.1 MPN/100 ml	0.40
Baobao spring	nd	1.00	< 1.1 MPN/100 ml	0
Saad spring	nd	1.29	> 8 MPN/100 ml	3.90
Cawanagan-Sadsadan Spring	nd	0.66	> 8 MPN/100 ml	14.6
Balili (Creek water)				
Dagadag creek	nd	2.77	> 8 MPN/100 ml	0
Sil-ak creek	nd	4.39	> 8 MPN/100 ml	2.80
Balili (Natural spring water)				
Dagadag spring	nd	4.91	> 8 MPN/100 ml	0
Munoz Spring	nd	<LoD=0.18 mg/L	> 8 MPN/100 ml	0
Upper Cada spring	nd	0	< 1.1 MPN/100 ml	0

Nitrate is one of the many determinants of water quality. Clean and healthy water must be free from nitrates or does not exceed the required maximum level of 50 mg/L. Nitrates in drinking water interfere with the ability of red blood cells to carry oxygen. Children and infants are more vulnerable to nitrate poisoning. Babies can turn blue when there is not enough oxygen transported by their blood. Water samples collected from springs and creeks in the study sites contain small amount of nitrates below the Philippine Department of Health (DOH) prescribed maximum allowable nitrate level. Nitrates may occur naturally in soil and water, but there is no doubt that the traces of nitrates found in the water samples may have come from the recent application of commercial fertilizers and chicken manure. The older garden sites of Sadsadan and Balili contain higher amounts

of nitrates than the relatively new garden sites in Tinoc. The nitrate levels had not reach toxic levels yet, but there are indications that it will continue to rise as the use of commercial fertilizer and animal manure expands in the future. In another gardening community in Atok, Benguet, Tirado [3] found higher concentrations of nitrate in surface water and ground-wells above WHO recommended minimum standards of 50 mg/1 NO₃ due to the intensive use of nitrogen fertilizers.

Springs/wells are the natural sources of drinking water for the gardening communities. The presence of coliform in natural springs/wells indicates that the wells are prone to fecal contamination. The Philippine National Standard for Drinking Water [2] set the acceptable limit for total coliform count at <1.1 MPN/100 ml of water. Of the total number of creeks and springs sampled, only one spring in Tinoc (Dangla spring) and two springs in Sadsadan (Kinawanagan proper drinking water and Mabilig spring) met the national standard for drinking water of <1.1 MPN/100 ml. On the other hand, only one spring in Balili (upper Cada spring) met the national standards for drinking water. All the other springs sampled contain high levels of coliform bacteria. There were no other sources of pollutants noted in the area such as piggery and poultry projects. In the absence of such point sources of pollutants, it is likely that the source of coliform contamination came from decaying vegetable left in the soil surface or thrown into bodies of water, human waste diverted to these bodies of water and fresh chicken manure applied to the gardens. It is clear that the location of natural springs/wells relative to garden areas and population centers influenced the presence or absence of coliform contaminants. Clean springs and wells in the three study sites remain unspoiled by garden areas and population centers. Their strategic location within the landscape prevents point and non-point pollution from reaching the water sources. Definitely, the intrusion of people and garden areas within these well/spring sites endanger these clean water sources from coliform bacteria. Thus, the communities using these wells should develop policies and mechanisms to safeguard these wells from human intrusion to maintain its clean and potable water status.

Total Suspended Solid (TSS) are water pollutants made up of suspended materials such as soil, silt, decaying plants and animals, industrial waste and sewage. Total Suspended Solids (TSS) carried by water is indicative of the effect of surface run-off influence by management, vegetation and slope. Water with high TSS has less clarity and may often mean higher concentrations of bacteria, nutrients, pesticides and metals in the water [4]. TSS is often related to turbidity and it can be remedied by flocculation, sedimentation and filtration. The Philippine

National Standards for Drinking Water [2] did not specify any standard for TSS but specifically set a standard for turbidity at no higher than 5 NTU. Cole-Palmer International [5] set the maximum standards for TSS at 100 mg/L or 100 ppm using the gravimetric method with soils dried at 103-105°C.

Some of the creeks and natural springs sampled have zero loads for TSS while others have small amounts of TSS carried with it. Across all three study sites, the TSS load is below the limit set forth by Cole- Palmer [5] at 100 mg/L of water. Farmers mitigate runoff by establishing plot along the contours and planting vegetables densely in each of the plots.

4. CONCLUSION

Farmers apply fertilizers and pesticides to enhance yield and control pest and diseases. It constitutes the major bulk of farming inputs used by the farmers. Although these farming have meritorious impact on crops it may have deleterious effect on both humans and environment. Based on the findings of the study, the following conclusions are drawn:

Farmers high level of awareness on the negative impacts of pesticides did not influence the way they utilize pesticides and treat pesticide waste.

Garden soil in the three study site is obviously sick with declining pH range. This can be attributed to the excessive use of fertilizers.

Pesticide use for many years did not show any severe negative impact on soil and water. The findings of this study did not confirm the widespread assumption that soils and inland waters found in garden areas are severely contaminated with pesticides.

Coliform bacteria are severely contaminating natural springs and other water bodies. The primary sources of coliform are chiefly fresh chicken manure, decaying plant organics thrown into water bodies and human fecal waste.

Nitrate levels in water are still below the required limit of 50 mg/l but have the potential to rise due to continued use of nitrogen fertilizers.

RECOMMENDATIONS

1. The continued use of fresh chicken manure and the disposal of vegetable organics in soil and water coupled with human waste should be discouraged. A solid waste management program addressing these issues should be developed through the intervention of the Local Government Unit and the

Department of Health. For chicken manure, it may be necessary to process these fresh manures into safer forms of organic fertilizers before they are use in the gardens.

2. Best Management practices should be observed in the utilization of commercial fertilizers and manures to mitigate the contamination of wells and springs with coliform bacteria and deposition of nitrates. The one time application of fertilizers and chicken manure should be discouraged to be replaced by split applications. This will enable crops to absorb all the nitrogen content of applied fertilizers before another split application is done.

3. Water quality surveillance should be in place in all vegetable producing areas to continually evaluate the microbial quality of water. Water quality surveillance will ensure that springs/wells or centralized water system used by gardening communities are free from diseases causing organisms as a pro-active response to possible outbreaks that may result from water borne pathogens.

4. Gardeners to consider using organic fertilizers that satisfied organic safety requirement as a substitute to fresh chicken manure. This would help reduce coliform contamination of water bodies and at the same time improve soil tilth.

5. Farmers need to consider mitigating acidity by the application of lime prior to cropping.

6. There is a need to inform individual households to treat their drinking water by boiling to eliminate existing pathogens. For the clusters of households using centralized water distribution systems, treatment with chlorine may be necessary to remove water borne pathogens.

7. It is also necessary for communities with clean natural springs to develop policies at the barangay (community) level to protect and safeguard these wells by enacting local resolutions to declare them off-sites to gardening and human settlement to protect its potable water status.

ACKNOWLEDGEMENTS

The author acknowledged with sincerest gratitude and appreciation the National Research Council of the Philippines (NRCP) for providing the financial grant that was used in the conduct of this research project. The same strong appreciation goes to the Ifugao State University (IFSU) for the opportunity given to the author to do this research project. To the Local Government Units (LGU's), particularly the Municipal Mayors and Barangay officials for their support during

the field work. To all the gardeners who participated in the study, my sincerest gratitude to all of you.

COMPETING INTERESTS

Author has declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Bagyan L, Gimenez F. The Impact of Liberalization of Agricultural Trade on the Peasantry of Northern Luzon. Cordillera Agri-Situationer (2004). Available: http://www.cpaphils.campaigns/cordi_agri-sit_4731.html.
2. DOH, Philippine National Standard for Drinking Water; 2007.
3. Tirado R. Nitrates in Drinking water in the Philippines and Thailand. Greenpeace Research Laboratories. Technical Note 10; 2007.
4. Available: (<http://bcn.boulder.co.us/basin/data/BACT/info/TSS.html>).
5. Cole-Palmer International, Total Suspended Solids Standards. 625 East Bunker Court, Vernon Hill, Il. USA; 2010.

**M. I. Hossain¹, A. M. Shahabuddin^{2,6*},
M. A. B. Bhuyain³, M. A. Mannan⁴,
M. N. D. Khan² and R. Ahmed⁵,**

¹*Gazi Fish Culture Ltd, Koilashgong, Khulna, Bangladesh.*

²*Graduate School of Bioresources, Mie University, Mie Prefecture, Japan.*

³*Institute of Marine Sciences and Fisheries,
University of Chittagong, Bangladesh.*

⁴*Department of Fisheries Management, Bangladesh
Agricultural University, Bangladesh.*

⁵*Department of Fisheries, Ministry of Fisheries and
Livestock, Dhaka, Bangladesh.*

⁶*Department of Fisheries, Sher-e-Bangla Agricultural
University, Bangladesh*

Scaling Up of Stocking Density of Tiger Shrimp (*Penaeus monodon*) under Improved Farming System in Khulna Region of Bangladesh

1. INTRODUCTION

Shrimp farming is a century-old practice in many Asian countries. It is one of the most exportable frozen products of Bangladesh [1]. The culture of shrimp received maximum importance due to its high value in the world market as well as its unique taste; high nutritive value making it's a quick profit item in the country. Until a decade ago, this commodity was generally considered a secondary crop in traditional fish farming practices. Shrimp fry trapped in salt beds, coastal paddy fields or brackish water fishponds were allowed to grow to marketable size and harvested as secondary crop. However, in recent years when higher income are derived from the harvest of shrimp than the principal crop, many farmers have converted their rice fields, salt beds and fishponds into shrimp farms [2].

In Bangladesh the shrimp farming mostly concentrated in the southern region and about 80% of the areas are in Khulna region that covers more than 145 thousand hectares of land. Most of the culture techniques are done through extensive method where production never goes above 120 kg/ha/year [3]. In the traditional farming system, the ponds are stocked with fry either collected from the wild or concentrated through tidal water entering the ponds [4]. Subsequently yield is very low because of inefficient control of predators and competitors, full dependence on natural food, inadequate pond depth and water quality management. Some improvements of the traditional farming systems have been made in the past years. Stocking density of shrimp can be increased through better management practices. As a result, pond yield has correspondingly increased. However, expansion of the shrimp farming industry is still restricted due to the lack of suitable culture technology and disease problems in Bangladesh.

The success in the mass production of shrimp can be achieved to 4–5 tons/ha through improved pond culture techniques, water quality management and artificial feeding. Shrimp farming has now developed into an important export-oriented food industry especially in South Asian countries. The perception of an unlimited market demand, high export price, generation of employment and increase in foreign exchange earnings may have encouraged many countries in the region rich in aquatic resources to place high emphasis on the development of the shrimp culture industry. However till now optimization of stocking density in shrimp farming in Bangladesh is the triggering factor for maximizing the survival rate and boost up production. Stocking density also related to the culture system and environmental condition of the agro-ecological conditions. Most of the research findings are concentrated on the extensive farming system and pond dynamics of shrimp farms in Bangladesh [5-7]. Some of the research works on stocking density and total production by Shofiquzzoha and Ahmed [8], Apud et al. [9], Islam et al. [10], Islam and Alam [11], Nuruzzaman et al. [12], were showed that in all cases the stocking density were within the 5 pcs/m² and the production were not more than 760 kg/ha, that is much lower compare to the neighboring countries [3]. Information on improved farming system compare to the present conventional system with higher stocking density is still lacking. However, there is little research on the improved farming system in the farm scale. That is why the present experiment was carried out for scaling up of stocking density of black tiger shrimp (*P. monodon*) under improved shrimp farming system in Khulna region of Bangladesh.

2. MATERIALS AND METHODS

The experiment was carried out in the farm station of Gazi fish culture Ltd. at Koilashgong, Dakop upazilla of Khulan, Bangladesh from March to July 2011. Nine ponds were selected for three treatments with three replications. All ponds were prepared according to the general pond preparation system. Black soil of the pond was eliminated and pond bottom was allowed to sun dry. The average pH was calculated and required amount of lime was applied to maintain the optimum pH. The ponds were fenced by net to prevent entering other species. PCR tested post larvae at 15 days old (PL15) average weight 0.05g were stocked in each pond maintaining three different stocking densities i.e. 8 pcs/m² in Treatment 1 (T1), 15 pcs/m² in Treatment 2 (T2) and 22 pcs/m² in Treatment 3 (T3). The experiment was set up according to the completely randomized design (CRD) protocol.

Ponds were filled with water by filtration with small mesh size filter net. The initial water levels in the ponds were maintained at 60 cm level. After filling the pond, crab net was fixed along the pond perimeter. Ponds were bleached with bleach containing 30% chlorine at the rate of 60 ppm [13]. Inorganic fertilizers were applied weekly for producing natural food in the culture ponds at a rate of 28 kg N/ha/week and 7 kg P/ha/week [14]. Different types of chemicals and minerals such as dolomite, sodamix, nutrilake and A-soil were applied to the pond in the three days interval during the pond preparation. After three weeks the ponds were ready for stocking and the seeds were acclimatized to the pond environment. After acclimatization seeds were released slowly to the ponds water.

Commercial shrimp feed were applied in all the treatments (Table 1). Blind feeding was done for first 30 days. Later the feeding was adjusted based on the check tray observation and body weight sampling. Four check trays were installed in each pond for monitoring the shrimp health conditions and feed intake. The feed ration was divided into 4 times a day as 25%, 20%, 30% and 25% in the morning at 6.00 a.m., 11.00 a.m., 6.00 p.m. and 10.00 p.m. respectively. The ingredients of the feed include Fish meal, Cod liver oil, Shrimp/prawn meal, Squid meal, Wheat flour, Binder, Soybean meal, Broken rice, Phospholipid, Cholesterol, Vitamins and Minerals, Di calcium phosphate etc.

Table 1. Composition of commercial feed applied during the culture period

Composition	Percentage
Moisture	11 (maximum)
Crude Protein	38 (minimum)
Fat	5 (minimum)
Fiber	4 (maximum)

Additional water exchange was not done for the first 60 days. After that 12 cm of water was added regularly in every 15 days interval till harvesting and water level was maintained around one meter in all the ponds. Commercial probiotics were collected from local market. Based on the water quality parameters and health conditions of shrimp, probiotics were applied in all the treatments during the culture period (Table 2). Sampling was done in the pond every week during early hours of the day with cast net for checking the healthiness and growth rates. The water quality parameters of the culture pond were regularly monitored. Monthly water sample were collected for analysis. The water level was measured by using a handmade wooden scale with cm marking. The water salinity of the pond was measured by using a hand refractometer (Erma-Japan). The pH, alkalinity, total ammonia nitrogen (TAN) of the pond water was recorded by using pH test kit, alkalinity kit and ammonia test kit respectively (Advance Pharma, Thailand). Water temperature was measured by using a standard centigrade thermometer. The dissolved oxygen (DO) was estimated by DO test kit (Advance Pharma, Thailand). Transparency was observed in terms of light penetration by using Secchi disc.

Economic analysis was done considering all variable costs to the expenditure and respective shrimp sales of the treatment to the gross return. One way ANOVA was done to observe the differences in growth, survival rate, production, FCR values and economic return among different treatments.

Table 2. Name of probiotics used during the experimental period

Name of probiotics	Bacterial Composition	Concentration	Doses
Super P S	Rhodobacter sp, Rhodococcus sp	$\pm 10^9$ CFU/ml	20 Lt/ha
Super Biotic	Bacillus sp		5 Kg/ ha
Mutagen	Enzyme compound		10g/kg Feed
Zymetin	Enzyme compound		5g/kg Feed
Pro-w	Bacillus subtilis, Bacillus licheniformis	5×10^{10} CFU/g	250g/ha
Pro-2	Bacillus subtilis, Bacillus licheniformis, Bacillus pumilus	2×10^{10} CFU/g	10g/kg Feed

3. RESULTS AND DISCUSSION

Salinity was found between 10-18 ppt during the culture period. The average pH was fluctuated within the range of 7.7 to 9.4 in different treatments (Table 3). DO remained within the suitable limit and DO was recorded maximum 8.5 mg/l and minimum 3.5 mg/l. The temperature of the water was ranged between 27 to 34°C during entire culture period. Transparency ranges from 25 to 55 cm during the culture period. Total ammonia nitrogen (TAN) was 0.1 to 0.5 mg/l in culture period. The highest was observed in the T3. Most of the time the

unionized ammonia level in three treatments were between 0.002 to 0.004. However with increasing the pH and temperature sometimes it was increased. The water quality parameter in different treatments did not show any significant difference among the treatments.

Table 3. Water quality parameters in different treatments during the experiment

Parameters	Treatment 1 (T1)	Treatment 2 (T2)	Treatment 3 (T3)
Salinity (ppt)	10-17	12-18	11-17
pH	7.8-9.2	7.7-9.1	7.9-9.4
Temperature (°C)	27-34	27-34	27-34
Transparency (cm)	26-50	27-54	20-35
Dissolved Oxygen (mg/l)	3.5-8.5	4.0-8.0	3.5-8.5
Total ammonia Nitrogen (TAN) (mg/l)	0.1-0.25	0.1-0.2	0.1-0.5
Un-ionized ammonia (mg/l)	0.004-0.151	0.0024-0.098	0.0039-0.302
Total alkalinity (mg/l)	120-135	125-130	110-130

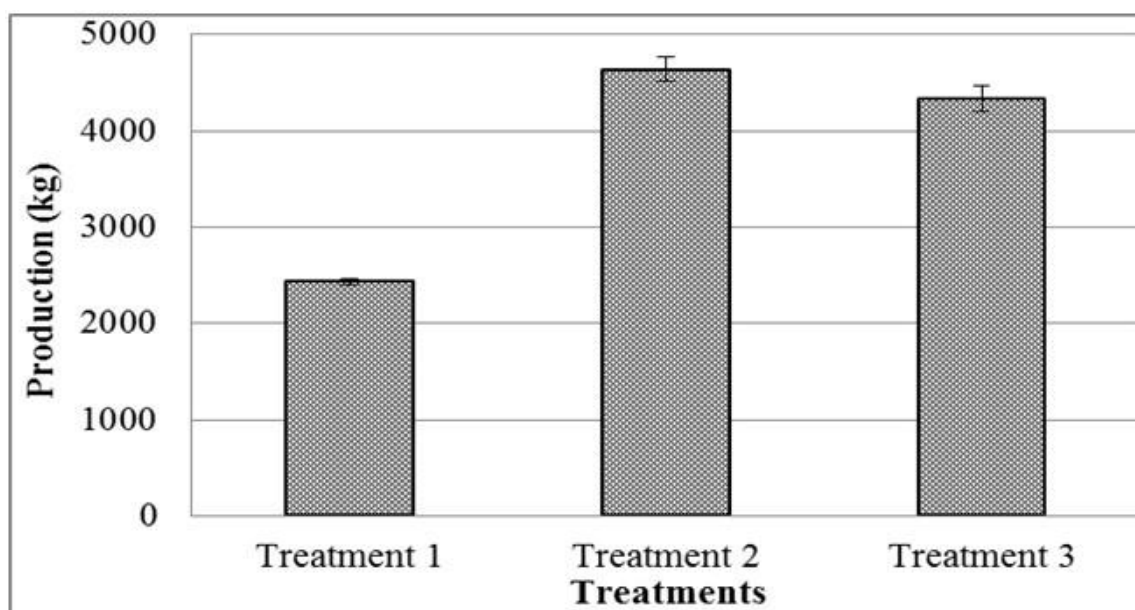
The growth rates and production data of *P. monodon* are shown in Table 4 and 5. Shrimps were cultured for 144 days. The harvesting size of shrimp varied from 29.0 ± 1.5 g to 38.5 ± 0.5 g. The lowest was observed in T3 that was significantly lower than T1 and T2 ($P < 0.05$). Daily weight gain of shrimp was significantly different among treatments. Treatment 3 showed lowest value than other treatments and the value was 0.20 ± 0.00 g/day ($P < 0.05$). The highest survival was found in T2 (82 ± 4). The survival rate was found lowest in T3 (68 ± 2) that was significantly lower than T1 and T2 ($P < 0.05$) (Table 4). The average production in different treatments showed significant difference ($P < 0.05$). Stocking density 15 pcs/m² and 22 pcs/m² exhibited the highest production of 4635.1 ± 128 kg/ha/crop and 4328.7 ± 138.2 kg/ha/crop respectively, and lowest was observed in lowest stocking density of 8 pcs/m² (2431.3 ± 35.2 kg/ha/crop) in T1 (Fig. 1).

Total amount of feed used in different treatments were significantly different among the treatments as the number of PL was different in three treatments ($P < 0.05$). The highest amount of feed was used in T3 (3963.7 ± 77.3 kg). FCR in T3 was significantly different than T1 and T2 ($P < 0.05$). Highest FCR value was observed in T3 and the value was 1.83 ± 0.03 . However, there was no significant difference among the FCR value between T1 and T2 (Table 4).

Table 5. Economic analysis of *Penaeus monodon* farming under different stocking densities

Parameters	Treatment 1 (T1)	Treatment 2 (T2)	Treatment 3 (T3)
Feed used (kg)	1741.0±21.7 ^a	3508.7±131.3 ^b	3963.7±77.3 ^c
Feed cost (tk)	144503.0±1801.3 ^a	291219.3±10901.6 ^b	328984.3±6412.4 ^c
Probiotics cost (tk)	17333.3±1453.0 ^a	89333.3±6984.1 ^b	88333.3±4409.6 ^b
Chemical cost (tk)	12333.3±1453.0 ^a	32666.7±1453.0 ^b	49333.3±3480.1 ^c
Total Cost (tk)	304169.7±4030.2 ^a	560719.3333±15817.9 ^b	631651.0±7662.5 ^c
Net profit (tk)	650535.0±16679.7 ^a	1242844.6±16576.4 ^b	707766.0±54557.7 ^a
Profit percent	213.7±7.7 ^a	221.8±3.5 ^{ab}	111.3±7.5 ^c

The cost of feed was also significantly different among the treatments. The highest feed cost was observed in T3 (328984.3±6412.4 tk) and lowest was in (144503.0±1801.3 tk) (Table 5). For the prevention and control of diseases probiotics and chemicals were used in all the treatments. The cost of the probiotics in T1 was significantly different than T2 and T3 ($P < 0.05$). The cost of probiotics was lowest in T1 than other treatments. On the other hand the costs of chemicals were significantly different between each treatment. The highest cost was observed in T3 (49333.3±3480.1 tk) and lowest was observed in T1 (12333.3±1453.0 tk) (Fig. 2).

Fig. 1. Production of *P. monodon* in different treatments during the experiment

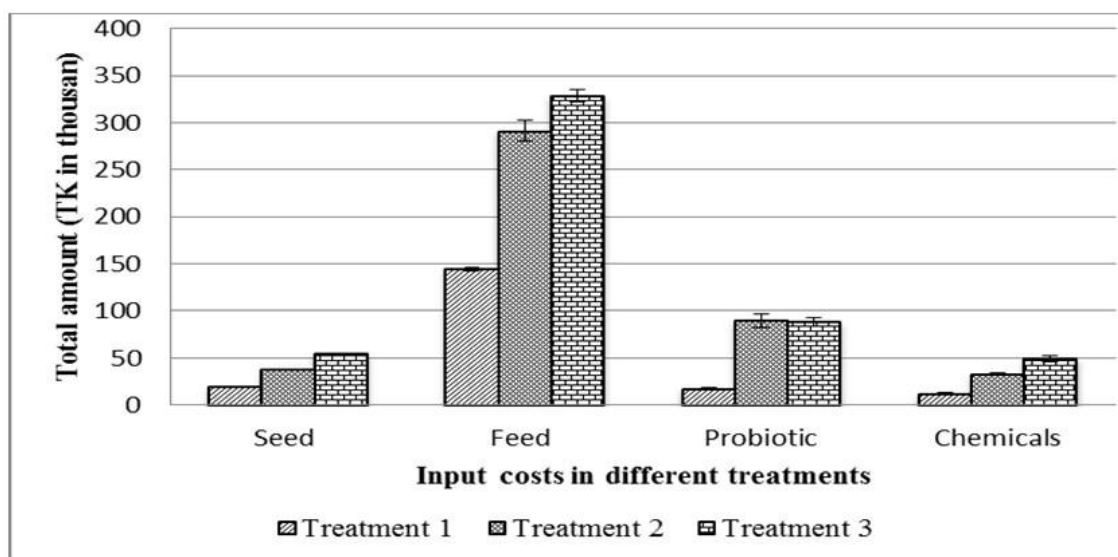

Fig. 2. Major expenses during the experimental period in different treatments

The farming of the black tiger shrimp has been increasing in Bangladesh due to high demand and price in the international market. But there are lot of obstacles in shrimp farming to makes it as a sustainable aquaculture business. To make shrimp farming sustainable, stocking density of post larvae in a pond is determined in accordance with the production capacity of the pond and the culture system, which included the soil and water quality, food availability and seasonal variations, target production. Moreover, farmers experience is also essential. In the present study the production of *P. monodon* was found better in the stocked density of 15 and 22 pcs/ m², that is similar to the statements of Ramanathan et al. [15]. They also found that stocking density between 10-20 pcs/m² was ideal for successful shrimp farms and for the nursery of shrimp Khan et al. [16] suggested the stocking density of 100 pcs/m².

All the common water quality parameters were within the range for shrimp. Salinity, pH, Temperature, Dissolve oxygen were within the limit according to Boyd [17-18]. Sometimes with increasing the pH and temperature the unionized ammonia was increased specially in the T 3, It might be due to the large amount of feed used. In such situation proper aeration and probiotics were used to control it. Probiotics might also helpful in controlling the toxic ammonia. Feed is one of the essential inputs in shrimp production and increase profits. Feed management is very important, as feed consumption cannot be directly observed. Excess nutrients which may affect pond water quality and increase cost of farming [19]. In the present experiment the total amount of feed given to the different treatments was 1741.0±21.7 kg, 3508.7±131.3 kg, 3963.7±77.3 kg in T1, T2 and

T3 respectively. The FCR value was higher in T3 (1.8) compare to other treatments. Lowest FCR value was found in T1 (1.4). Paul [20] reported that the average food conversion ratios of shrimp were varying 1.5 to 1.75. Cheekait [21] observed the food conversion ranges were varying from 1.50 to 1.55 when microencapsulated diets were used. Saha et al. [22] observed that the food conversion ratios of 1.31 to 1.58 in low saline ponds and 1.35 and 1.68 in high saline ponds. In the experiment the FCR value of T1 and T2 were within the recommended limit.

The survival rate was 79 ± 2 , 82 ± 4 , 68 ± 2 , in the T1, T2 and T3 respectively. The lowest survival rate was found in highest stocking density and this might be due to the cannibalism, higher level of ammonia and other water quality parameters as in this treatment highest amount of feed were applied. Due to the lack of facility it was not possible to analyze the Nitrate-nitrogen and Nitrite-nitrogen. Krantz and Norris [23] stated that survival rates of 60 to 80% are to be expected for *P. monodon* under suitable rearing conditions. Reddy [24] got 76% survival during the culture of shrimp. The author suggested that 70-80% survival is possible if the idle conditions are maintained for *P. monodon*. In the present study the average body weight of the shrimps were calculated as 38.5 ± 0.5 g, 37.6 ± 0.74 g and 29.0 ± 1.53 g in T1, T2 and T3 respectively. The average body weight of tiger prawn 35.2 g was found by Reddy [24] that is similar to the present experiment.

In normal practice of shrimp culture in south western region of Bangladesh farmers are using extensive culture system without any supplemental feed. In this experiment we used higher stocking density than the normal practice with commercial feed, probiotics and proper management system. It was found that the production of shrimp was 4635.1 ± 12.8 kg/ha/crop with stocking density 15 pcs/m². The production of shrimp in the stocking density of 22 pcs/m² was 4328.7 ± 138.2 kg/ha/crop where as in the lowest stocking density (8 pcs/m²) it was 2431.3 ± 35.2 kg/ha/crop. But there was no significant difference among the production shrimp in T2 and T3. In T1 the harvesting size was highest and lowest was in T3. However due to the lowest stocking density in T1 the production was lowest in the treatment

Treatment two showed best production performance and this might be due to the optimum stocking density for this improved aquaculture practice. However due to the lower survival in T3, the final production was lower the treatment. In all the treatments probiotics and chemicals were used for the prevention of diseases and maintain water quality parameters. Islam and Alam [11] reported that production of shrimp culture for 120 days with stocking density 5 pcs/m², 7

pcs/m², 9 pcs/m² was 759.14 kg/ha, 670.77 kg/ha and 701.24 kg/ha respectively. In another experiment by Apud et al. [9] showed that production of shrimp was 340 kg/ha with stocking density 4 to 5 pcs/m² for 125 days with supplemental feed and improved water exchange system. However, in these experiments the stocking densities were lower than the present experiment. None of these experiments used probiotics for prevention and control of diseases. The average production of shrimp found in the present study in all the treatments were much more higher than those reported in the above mentioned authors for the shrimp culture in the south-western region of Bangladesh. This might be due to the use of PCR testes post larvae (PL), proper management techniques, use of probiotics, control of water quality parameters and prevention of diseases in appropriate time.

Though there was no significant difference between the total production of shrimp in T2 and T3, but total cost was higher in T3 than T2. That is why the net profit was significantly higher in T2 compare to other treatments. This might be due to the higher cost of seed, feed, chemicals for the highest stocking density and lower harvesting size of shrimp in T3. This indicated that stocking density of 15 pcs/m² is best suitable for improved shrimp farming system that will give better profit to the shrimp farmers as well as will increase the shrimp production in the country.

4. CONCLUSION

With the improvement of culture technology, management system and higher market price of shrimp, it is needed to increase production from the limited resources. Considering the improvement of shrimp culture in neighboring countries and infrastructural facilities and environmental condition in the agro-ecological conditions of the south-western region of

Bangladesh, it could be concluded the stocking density of 15 pcs/m² is the best stocking density for improved shrimp farming system to boost up the production of shrimp many folds than the present farming culture system. However, further research could be done on environmental stress within the prescribed stocking density.

ETHICAL APPROVAL

All authors hereby declare that "Principles of laboratory animal care" (NIH publication No. 85-23, revised 1985) were followed, as well as specific national

laws where applicable. All experiments have been examined and approved by the appropriate ethics committee.

ACKNOWLEDGEMENTS

The authors would like to express their sincere gratitude to the authority of Gazi Fish Farm Ltd. for their support to conduct the research in their shrimp farm. The authors also would like to give thanks to the entire field workers in the farm.

COMPETING INTERESTS

Authors declare that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Aftabuzzaman. Sustainable Environment-Friendly Aqua-culture. In: Centre for Policy Dialogue, Environmental Consequences of Export Oriented Shrimp Culture in Bangladesh, CPD Dialogue Report No. 18, Centre for Policy Dialogue, Dhaka, Bangladesh; 1998.
2. Kungvankij P. Overview of penaeid shrimp culture in Asia. In Taki Y., Primavera J.H. and Llobrera J.A. (Eds.). Proceedings of the First International Conference on the Culture of Penaeid Prawns/Shrimps, 4-7 December 1984, Iloilo City, Philippines (pp. 11-21). Iloilo City, Philippines: Aquaculture Department, Southeast Asian Fisheries Development Center; 1985.
3. Ahmed S.A, Mallick D.L, Ali M.L and Rahman A.A. Literature review on Bangladesh shrimp. individual partner report for the Project: Policy Research for Sustainable Shrimp Farming in Asia (PORESSFA), a comparative analysis of Bangladesh, India, Thailand and Vietnam with particular reference to institutional and socio-economic aspects. European Commission INCO-DEV Project PORESSFA No.IC4-2001-10042, CEMARE University of Portsmouth UK and BCAS, Dhaka, Bangladesh; 2002.
4. Ahamed F, Hossain M.Y, Fulandaa B, Ahmed Z.F and Ohtomi J. Indiscriminate exploitation of wild prawn post larvae in the coastal region of Bangladesh: A threat to the fisheries resources, community livelihoods and biodiversity. *Ocean and Coastal Management*. 2012;66:56-62.
5. Islam M.L, Alam MJ, Rheman S, Ahmed S.U and Mazid M.A. Water quality, nutrient dynamics and sediment profile in shrimp farms of the Sundarbans

- mangrove forest, Bangladesh. *Indian Journal of Marine Sciences*. 2004;33(2):170-176.
6. Wahab M.A, Bergheim A, Braaten B. Water quality and partial mass budget in extensive shrimp ponds in Bangladesh. *Aquaculture*. 2003;218:413-423.
 7. Wahab M.A, Bergheim A, Braaten B, Islam MS, Rahmin MM. Observation on some of the environmental parameters of selected shrimp farms in Khulna, Bangladesh. *Bangladesh Journal of Fisheries Research*. 2001;5(1):75-84.
 8. Shofiquzzoha AFM, Ahmed S.U. Improving soil, water and productivity of gher fishery. Final Report (Contart Research Project, ARMP, IDA Credit No 2815-BD). Bangladesh Fisheries Research Institute, Mymensingh, Bangladesh; 2001.
 9. Apud F.D, Gonzales K and Deatras N. Survival, growth and production of *Penaeus monodon* fabricus at different stocking densities in earthen ponds with flow-through systems and supplemental feeding. *Fish. Res. J. Philippines*. 1984;6(2):1-9.
 10. Islam M.S, Milstein A, Wahab M.A, Kamal AHM, Dewan S. Production and economic return of shrimp aquaculture in coastal ponds of different sizes and with different management regimes. *Aquaculture International*. 2005;13:489-500.
 11. Islam M.L, Alam M.J. Optimization of stocking rates of tiger shrimp under modified culture system. *Journal of Bangladesh Agricultural University*. 2008;6(2):341-348.
 12. Nuruzzaman M, Anwari B, Shahjahan M, Moniruzzaman M. The dynamics and diversity of the shrimp farming in Bangladesh. Final Report. Fourth Fisheries Project, Shrimp and Coastal Aquaculture Component, Department of Fisheries, Bangladesh; 2001.
 13. Newman SG. Effective management of WSV in Shrimp, *Global aquaculture advocate*; 2012.
 14. Yi Y, Lin C.K. A manual of fertilization and supplemental feeding strategies for small- scale Nile tilapia culture in ponds, *Aquaculture and Aquatic Resources Management*, Asian Institute of Technology, Thailand; 2008.
 15. Ramanathan N, Padmavathy P, Francis T, Athithian S, Selvaranjitham N. Manual on polyculture of tiger shrimp and carps in freshwater, Tamil Nadu Veterinary and Animal Sciences University, Fisheries College and Research Institute, Thothukudi; 2005.
 16. Khan MSA, Alam M.J, Rahman F, Shah MMR. Optimization of stocking densities of *Penaeus monodon* post-larvae in brackish water pond. *Bangladesh Journal of Zoology*. 2004;32(1):101-107.

17. Boyd CE. Water quality standards: pH. The advocate; 2001.
18. Boyd CE. Water quality management and aeration in shrimp farming. Fisheries and Allied Aquaculture, Development Series No. 2. 83 pp. Alabama Agricultural Experiment station, Auburn University, Alabama, USA; 1989.
19. Briggs MRP and Funge-Smith SJ. A nutrient budgets in intensive shrimp ponds: implications for sustainability. Aquaculture. 1998;164:117-133.
20. Paul Raj B.B. Eco-friendly feed and management system for sustainable shrimp culture. Fisheries World; 1999.
21. Cheekait N.G. Micro-encapsulation applications in aquaculture. Aquaculture International; 1995.
22. Saha SB, Bhattacharyya C, Choudhury A. Preliminary observations on culture of *Penaeus monodon* in low saline waters. Naga. 1999;22(10):30-33.
23. Krantz, G.C, J Norris. Proceedings of 6th Annual World workshop, Mariculture Society, Seattle, Washington, 27-31, January, 1975;6:48-51.
24. Reddy R. Culture of the tiger shrimp *Penaeus monodon* (Fabricus) in low saline waters. M.Sc., dissertation, Annamalai University; 2000.

Section 2. History, Philosophy & Jurisprudence

*Alexander Kolomak,
North Caucasus Federal
University of Stavropol, Associate Professor,
PhD in Philosophical
Sciences, Humanitarian Institute*

Conceptions of positive and negative freedom in the limits of social-philosophic tradition

Contemporary comprehension of freedom requires some new versions of classical conceptions and interprets more critically social conditionality situation of freedom's forms. «The dynamics of social processes assigns the necessity to widen methodological reasons in the study of given phenomenon, ways of description and definition» [1].

The philosophical description of freedom's problem is highly specific and it is well known to the experts in this field. It is very interesting to write about freedom because this topic refers to a category of an omnitemporal topical subject and it is worked out *largo di molto* not only in philosophy but also in literature, art and cinema. However different opinions on this theme are not easy for verification, their logics is almost always based on personal existential author's position of preference (some type of sociality, some culture, period of time etc.). The problem of freedom phenomenon can be related to the times of philosophical thought formation, it is one of the oldest philosophical concepts in the search of the truth and presently it doesn't lose its significance. The study of freedom's phenomenon in modern global society is also claimed as in ancient Greek polis. However, any result received at one or another stage of human thought development history, as a rule was not convenient for next generations of explorers and thinkers. It was a stimulus for new quests and interpretations. German philosopher G.W. Hegel considered that the idea of freedom is indefinite, multivalent, accessible to greatest misunderstandings and therefore it is really subjected to them. [5].

It is not always possible to give unambiguously positive definition to freedom as the social practice phenomenon, this possibility is directly connected with the methodological system of coordinates in which this phenomenon is considered. For instance, there is no room for freedom when we talk about «care». These two concepts displace each other, they don't mate by several reasons. Firstly, it should be a theatre of actions out of all-absorbing maintenance of living base described in terms of care. Secondly, it should be space of care relative to self-fulfillment. (A slave doesn't take care of himself, he is under guardianship of others, in this case «a slave» can be interpreted broadly – from peasants to loyal subjects of state. Slavery is a state of insouciance whereas freedom is care) [7].

Hence, there is no «freedom» in the phenomenal world where a man is determined by conditions of his existence both physical and social (among which social-cultural conditions are

especially notable). Being a naturalistic creature the man is subjected to laws of nature and being a civil creature, he is obeyed the laws of society. Only the creation as a game of consciousness, as a free designing, form construction, making rules, samples, new norms breaks the determined existence. Exactly, in seeking freedom the man makes «jumps into the transcendental», becomes like God and creates world by means of imagination.

Freedom in social-philosophic aspect is a universal concept connected inseparably with human nature and staying of individual as a social subject in the society. Freedom phenomenon becomes the foundation by the presence degree of which it is said about some stage of contemporaneity or archaism of social system. If we look at social changes, using the foundation and criterion of freedom, it comes that any «turn» of social-historic changes contains the transformation of individual refinement in social structures, in other words the change of his freedom degree. Social history of Europe counts at least three such «turns».

The first stage is so called Jasper's «axial time», which gave a powerful impulse to the development of personal freedom and independence of the man from society. During this epoch ancient man gained his real dignity which is not dependent from his membership to a clan or cultural community. Freedom and dignity of ancient man are formed rather as the chance; its real acquisition will be after two thousand years.

The second stage is linked with the period of elimination of people personal dependence on each other, gaining by the man not only negative freedom (it means freedom «from»), but positive too, which means self-adequacy of man. It means that in the process of new European standardization the idea of certain cultural minimum is formed in European society, it is like a combined standard which makes the man as a personality and includes him into social relations and social spheres (therefore, not only equal potential opportunities were introduced for people but equal limiters of freedom – rules of behavior and at the same time the idea of equality for all people before the law).

The third stage of change of human freedom degree and its reflection starts from the moment when individual's determination by social environment loses fully its meaning and self-determination comes instead of it as the most important character of personality and the unique way of its formation. Furthermore, the degree of man's freedom from the society is though essentially increased but it doesn't become absolute. As before, uncontrolled by people forces and their combinations have effect in all spheres of public life. Moreover, with the increase of human capacities social risks are grown many times reaching global scales and they start to bear determine influence on the man' behavior from their part. Z. Bauman noted correctly that «...residing in free country means commit acts on his own responsibility» [2].

Modern theoretical and practical vision of freedom phenomenon is still varied between the poles of its «negative» and «positive» comprehension. These two polar conceptions *de facto* received into itself the whole remaining spectrum of complicated and different definitions of freedom. «Negative» conception of freedom in social philosophy is set out on the definition of «non-intervention space». «Positive» conception searches the reasons or determinants of human activities [3].

Considering the conception of «positive» freedom I. Berlin noted that positive meaning of freedom occurs from the tendency of man to be the master of his fate. A person wants his life and decisions made by him be dependent on him but not on the action of some external forces. He doesn't want to be a tool of other people will but he wants to depend only on his own will. I. Berlin writes: «I want to be a subject but not an object, I want I was moving by my own motives and purposefully set goals but not by the reasons acting from outside. I want to bea figure

making decisions and I don't want to be a man on behalf of whom other people can decide, I want to be managed by myself and I don't want to be under the influence of external nature or other people as likely as I was an object, an animal or a slave ... » [4].

«Negative» comprehension of freedom is connected with the notion «compulsion», designating somebody's will, deliberate obstacle which hinders the man doing the proper things according to his discretion. If the point at issue is that such difficulties like a case, circumstances, natural physical or spiritual restrictions impede the man, then the point at issue is not about not being free as such. Not being free can only happen in the case when the goal cannot be reached owing to coercion, prohibition from the part of other people. Full incapacity of achieving object doesn't mean not being free yet, and French philosopher and psychologist C. Helvetius noted the following: «Free individual is a person who isn't put in irons, isn't in prison, isn't intimidated by fear of punishment as a slave. <...> It would be absurd to call not being free that we are not able to rush under clouds like an eagle, to live under water like a whale....» [6].

Social role of those people who impede a person to do his will becomes a criterion of coercion or oppression. And in this sense freedom is everything that other social subjects don't impede to do. Freedom is not only people's goal, sometimes goals of worthy standard living ensuring become more urgent (or the point of issue is survival). I. Berlin said, «...freedom cannot be equality, honesty, justice, culture human happiness or calm conscience» [3].

When the issue concerning freedom's degree is referred to a civil society, social layers of intellectuals, scholars, people of art, then in this case the degree of freedom must be greater and state control lesser. History didn't know any society where the degree of freedom would be equal for everybody. In the process of self-organization the hierarchy on freedom's criterion was drawn up in any social organism. Essentially, following other thinkers I. Berlin pointed out that the function of the law just consists in the prevention of people collision claiming for different degree of freedom. He noted that positive and negative freedoms were not always being developed historically in one direction that brought them to direct clash nowadays. The real *Ego* of a man is divided sometimes on so called empiric «*ego*» and true *Ego*. The last one is identified with a the certain social whole in the capacity of which may be a tribe, race, religion, state, human community etc. In our opinion, the principal sense of Berlin's speculations consists of the following: the state, charismatic leaders, wise men or prophets mustn't obtrude for single persons their understanding of higher freedom and welfare, guide them to their welfare in spite of their will. It is difficult to argue against this conception, especially at our times when the manipulation with public opinion is widely used. However, we cannot subscribe to the opinion of Mr. I. Berlin that on this basis it's nothing to speak of some positive freedom except as an individual self-determination according to individually comprehended amenities. If so, then these individually comprehended amenities will intersect inevitably and come into collision having made problems of stated amenities concordance and demarcation of their contact. F. Hayek wrote that the final goal of freedom is the expansion of human abilities allowing everyone to make his contribution of increased knowledge, moral and aesthetic ideas to already available intellectual potential of society. He points out that to make imperatives of freedom practically usable we can do in the case if we agree to pay for it somehow. Very often the charge just predetermines the pace of our development. Extending freedom we accelerate our movement forward and *vice versa*. Payment for freedom implies not only direct financial expenses but the compensation of disfavor which can follow after our struggle for the progress. F. Hayek writes: «Freedom requires the person to have possibility to pursue his own goals.... Similar freedomis becoming possible owing to the definition of person rights clear borders and differentiation of spheres in the limits of

which everyone can use accessible resources for his own goals, in other words, legalized sphere of freedom is fixed for every person...» [8].

Therefore, modern conceptions as a rule are formed up on negative comprehension of freedom phenomenon. When we talk about struggle for freedom, we often have in mind just the independence. All human history is consistent conquest of new areas of the independence. Moreover, contrary to the opinion of I. Berlin and J.-J. Rousseau, we would say that it is necessary to talk not only about the independence from unkind human will but about the independence from natural objective forces in front of which the man was at first completely weak but then gradually and steadily he overmastered these forces. Concerning the positive freedom we should talk about freedom as the self-determination and self-actualization of the man as a subject of the society in the limits of diverse social practices of contemporaneity.

References

1. Andriyanova, E. V. The Evolution of freedom forms: socio-philosophical aspect of the analysis. Abstract from thesis ... PhD. – Ekaterinburg, 2006. – P.23.
2. Bauman, Z. Freedom / Zygmunt Bauman. – M. : New PH, 2006. – P. 13.
3. Berlin, I. Two concepts of freedom / I. Berlin / Modern liberalism: Ralls, Dvorkin, Berlin, Kimlika, Sendel, Waldron, Taylor. – Moscow: Progress-Tradition: Intellectual House Books, 1998. – P. 19-43.
4. Berlin, I. Philosophy of freedom. Europe / Isaiah Berlin. – Moscow: New Literary Review, 2001. – P. 136.
5. Gadamer, G.-G. The urgency of the beautiful / Hans-Georg Gadamer. – Moscow: Art, 1991. – P. 324 p.
6. Helvetius, K. A. Works in 2 volumes / Claude Adrian Helvetius. - Vol.1, Moscow: Mysl, 1973. – P. 175.
7. Iliyina, V. Philosophical anthropology / Vladimir Iliyina. – Moscow, KDU, 2006. – P. 168.
8. Hayek, F.A. Fatal self-sufficiency. Errors of socialism / Friedrich August von Hayek. – Moscow: Novosti, 1992. – P. 110-111.

*Kayagin Andrey Borisovich, Troitsk branch
Chelyabinsk state university, director*

Role and place of the constitution of Russia in system of social values

*Каягин Андрей Борисович, Троицкий филиал
Челябинского государственного
университета, директор*

Роль и место конституции России в системе социальных ценностей

Конституция Российской Федерации занимает особое место в системе социальных ценностей россиян. Прежде всего, это с признанием ценности Конституции как «юридического монодокумента», устанавливающего основополагающие аксиологические императивы государственно-организованного общества, а также ценностные ориентиры правопорядка в различных сферах деятельности государства и социума [1].

Говоря о значимости Конституции, многие авторы связывают ее, прежде всего, с тем, что Основной закон представляет собой высшую универсальную форму легитимации российского государства с его конституционными параметрами и одновременно является правовой основой организации России в виде современного государства как политического сообщества народа под властью права. Таким образом, Конституция является «системным юридическим выражением основных юридических ценностей, которые определяют лицо новой и исторически преемственной России»: верховенство права, неотчуждаемые права и свободы человека, демократическое федеративное, правовое и социальное государство, суверенитет [2].

Являясь результатом существенной перемены модели развития российского государства, Конституция Российской Федерации воплотила в себе качества, обусловленные потребностями развития реального конституционализма: сочетание гарантий государственной и экономической целостности России с разнообразными традициями ее многонационального народа; создание правовых предпосылок для оформления в России демократического конституционного строя, основанного на господстве права; обеспечение возможности рецепции ценностей и тенденций развития современной мировой цивилизации при учете своего исторического и культурного опыта; способность обеспечить сплочение общества на базе новых правовых ориентиров и принципов [3]. Исходя из этого, Конституция 1993 года стала выражением социального компромисса в расколотом обществе, обозначив начало перехода от номинального конституционализма к реальному [4].

Вместе с тем следует отметить, что не все конституционалисты связывают ценность Конституции со свойством общественного компромисса. Так, С.М. Шахрай, являющийся одним из разработчиков проекта Основного закона, подчеркивает, что, во-первых, он заключает в себе ряд идей и принципов, одинаково важных для всех граждан независимо от их политических взглядов. К таким идеям относятся признание высшей ценностью человека, его прав и свобод, политическая стабильность и территориальная целостность страны, социальный характер государства, выборность органов власти и местное самоуправление, уважение к культуре и традициям всех национальностей, составляющих многонациональный российский народ. Во-вторых, Конституция, представляющая собой лаконичный и в значительной мере процедурный документ, по объективным причинам не содержит ответы на все вопросы, возникающие в процессе государственно-политических преобразований; однако это компенсируется наличием в ее содержании правил и процедур, предназначенных для решения проблем, связанных с реформированием. В-третьих, что является наиболее важным, Конституция была создана как образ желаемого будущего, а не как фотографическое отображение ситуации, существовавшей на момент создания закона. Ее назначение заключалось в том, чтобы показать, какой станет Россия в случае реализации этой Конституции, что будут представлять собой новая система государственной власти, новая модель федерализма, экономики, общественных отношений и т.д. [5].

Это утверждение является достаточно существенным для понимания не только буквального выражения, но и духа Основного закона. Необходимо признать, что на современном этапе развития России отдельные конституционные нормы часто подвергаются критике в связи с их декларативным характером на основании того, что положения Конституции не отражают реально существующих в государстве общественных отношений. В этом смысле следует осознавать, что Основной закон представляет собой документ программно-целевого характера, и выраженная в нем цель, является идеальной моделью будущего, пронизывает содержание всей правовой материи, определяя систему юридических норм и принципов правового регулирования во всех сферах общественных отношений. Таким образом, получая отражение в праве, цель оказывает стимулирующее, организующее, направляющее воздействие на деятельность всех субъектов права по ее практической реализации [6].

Социальные ценности, отраженные в Конституции РФ, представляют собой, по утверждению Н.С. Бондаря, «качественные характеристики государственно-правовых явлений высшего порядка, связанные с осознанием обществом – через призму общедемократического опыта и национально-исторической практики – идей человеческого достоинства, добра и справедливости, фундаментальных целей и норм развития, наиболее целесообразных форм общественного и государственного устройства». Будучи закрепленными на высшем уровне, они преобразуются в конституционные идеи и принципы и приобретают формально-юридическое выражение. Воспринимаясь отдельными субъектами общественных отношений, их группами и социумом в целом, эти феномены становятся элементом конституционного правосознания [7].

Аналогичная точка зрения высказана Г.Б. Ройzmanом. Автор отмечает, что принятие той или иной конституционной доктрины само по себе свидетельствует о признании государством и обществом системы определенных конституционно-правовых ценностей. Оно выражает воспринятые и осмысленные в общественном сознании представления об организации и развитии государства. Вопрос заключается в том,

насколько данная система ценностей приобрела основополагающее значение на уровне государственной политики, в какой степени ее действие будет гарантировано в социальной практике и в какой мере гражданское общество готово следовать этой системе ценностей [8].

Таким образом, значимость Основного закона в общественном сознании, степень признания и готовности следовать его идеям определяется способностью закона обеспечить максимальное соответствие реального государственного устройства и общественных отношений их конституционной модели; в то же время решение этой задачи возможно только в условиях высокоразвитого правосознания членов социума. Так, Н.С. Бондарь отмечает, что конституционные ценности находятся в тесной эксплицитной и имплицитной связи с нормативной энергией Конституции, являясь, с одной стороны, ее социально-правовым генератором, а с другой – регулятором фактически складывающихся аксиологических конституционных отношений. В первом случае это качество обусловлено тем, что конституционные ценности обеспечивают перевод правил социальной жизни, фактически признаваемых обществом в качестве общезначимых и общепользовательных, в нормативное содержание конституционного текста. При этом, с момента приобретения ими свойства формально-юридической нормативности, они обязывают всех субъектов права, включая государство. В основе второго аспекта их действия лежит то обстоятельство, что конституционная формализация системы социально-правовых ценностей означает приобретение ими качества принудительного регулятора фактических общественных отношений, поскольку последние могут развиваться только при условии их «коррелирующего взаимодействия с формально закрепленными правилами и нормами». Таким образом, в случае, когда фактические социально-правовые ценности соответствуют нормативно установленным, их потенциал удваивается. Напротив, расхождение реальных ценностей с их нормативной моделью снижает доверие к Конституции, ее ценность в глазах общества и эффективность основанного на ее положениях правового регулирования [9].

Сходную точку зрения выражают в своих исследованиях и другие авторы. Например, Н.Н. Балагурова считает, что Конституция Российской Федерации одновременно обладает двумя качествами, определяющими ее как самостоятельную ценность. Первое из них заключается в том, что Конституция служит важнейшим инструментом преобразования государства и общества посредством установления целевых ориентиров их развития, установления направлений реализации их программного потенциала. Одновременно содержание конституционных норм отражает достижение российским народом, как субъектом принятия Основного закона, того уровня правового развития, который необходим для осознания ценности демократических институтов. Оба эти качества взаимообусловлены в силу того, что восприятие социумом программных конституционных положений, с одной стороны, зависит от степени «материализации» этих установок, а с другой – определяет эффективность их реализации [10].

Анализ становления и развития российского конституционализма, позволяет сделать заключение, что аксиологическая значимость Конституции РФ определяется и ее интегрирующим воздействием на общество. Например, В.Д. Зорькин в своих работах подчеркивает, что на протяжении первого десятилетия действия Основного закона наибольшую угрозу представляла собой реальная опасность развала страны. В отличие от других негативных явлений – дефолта, нарастания социального неравенства и иных социальных пороков в виде преступности, коррупции, иных социальных кризисов и

асоциальных явлений – преодолеть эту угрозу невозможно, и предотвращение полного распада российского государства стало осуществимым благодаря опоре на действующую Конституцию [11].

Согласно исследованиям Т.Я. Хабриевой, ценность Конституции определяется и ее доктринальным значением. С точки зрения автора, объем понятия «конституционная доктрина» может значительно различаться. Так, в контексте конкретных практик конституционного строительства оно может включать совокупность результатов научных исследований, отражающих представления о деятельности государственных органов и получивших впоследствии правовое оформление, в том числе и в формулировках конституций. Однако конституционная доктрина такого рода не является единственно возможным научным базисом конституционного моделирования развития государства. Это объясняется тем, что достаточно лаконичные формулировки норм Конституции сами по себе являются «отправной точкой» научной разработки, направленной на отражение сущности явления и потребности конституционного регулирования. В некоторых случаях результат такой деятельности, сформулированный в виде юридического выражения краткого тезиса, обладающий научным авторитетом и обязывающим характером, «пронизывает конституционное и иное правовое регулирование данного вида отношений». Такими свойствами обладают выступления высших должностных лиц государства, имеющие программный характер и получающие развитие и конкретизацию в законодательстве, решениях органов конституционного контроля, доктринальном и официальном толковании [12].

Н.С. Бондарь, характеризуя сущность Конституции, приходит к выводу, что такая характеристика предполагает анализ и уяснение ее роли не только в качестве Основного закона государства, но и в качестве нормативного базиса, «политико-правового ядра высшей формы правового сознания». В этом контексте ученый подчеркивает значимость конституционного мировоззрения, предлагая понимать под ним «систему принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений, определяющих отношение личности, социальных групп, общества в целом к государственно-правовой действительности, их понимание конституционных начал демократической организации общества и государства, правовых механизмов обеспечения свободы личности, равно как и формирование у соответствующих субъектов конституционных установок и представлений по поводу перспектив социально-правового развития в соответствии с ценностями современного конституционализма» [13].

Таким образом, Конституции РФ принадлежит приоритет в выражении ценностных установок современного государства и общества. Например, В.Е. Чиркин отмечает, что современные конституции воспринимают общечеловеческие ценности прошлого, поднимают их на новый уровень и формулируют новые приоритеты. Во многих случаях они представляют собой не реалии, а программы, требующие дальнейшего развития [14]. Такое развитие, осуществляемое посредством формулирования на базе указанных положений конституционных идей, направлено на становление конституционализма, состояние которого как раз и определяется уровнем фактической реализации конституционной модели как своеобразной «идеальной формулы» деятельности государства и общества. Эта взаимосвязь выделена и М.В. Баглаем, который замечает, что «если конституцию можно рассматривать как сумму самых лучших идей, положенных на бумагу, то конституционализм – это нечто большее: это жизнь Конституции, реальность, которая может быть и не лучшей» [15].

Необходимо подчеркнуть, что несовпадение идеальной модели и реального конституционализма не является признаком, присущим исключительно Конституции России. По мнению авторов, эта черта – расхождение конституционных норм с практикой их применения – присуща конституциям в целом, причем степень такого расхождения достаточно велика. В.И. Лафитский обосновывает это тем, что судебное толкование и текущее законодательство, направленные на конкретизацию конституционных положений, могут исказить их первоначальное значение. Кроме этого, на действие указанных положений оказывают существенное влияние постоянно меняющиеся факторы политического, социального и идеологического характера. Впрочем, заключает В.И. Лафитский, от конституций и нельзя ожидать зеркального отражения политической системы, поскольку они «не могут охватить ее во всем многообразии ее структурных и функциональных характеристик. В лучшем случае они ограничиваются закреплением ее «несущих конструкций» - основных институтов и принципов их функционирования, иными словами, основ конституционного строя» [16].

Признавая известную справедливость этого утверждения, важно заметить, что оно не означает несостоятельности Конституции РФ как самостоятельной и глобальной национальной ценности. В этом аспекте мы согласны с мнением В.И. Крусса. Ученый подчеркивает разрушительность научно-правовых подходов и суждений, которые выражаются в представлении Конституции РФ в качестве символической фигуры, ссылки на которую полезны и необходимы, но которую не следует «воспринимать всерьез в контексте влияния на актуальные отношения, приоритеты, обретения и судьбы их участников». По мнению автора, восприятие Конституции РФ возможно только во всей полноте ее типологических качеств, свойств и функций [17].

Исходя из выше сказанного, можно сделать заключение, что лишь системный подход способен обеспечить понимание и восприятие Конституции Российской Федерации в качестве одной из важнейших социальных ценностей. Ее значимость заключается в том, что она устанавливает фундаментальные основы государственного строя, права человека и корреспондирующие им обязанности государства; обеспечивает политическое единство народа при сохранении идеологического и политического многообразия; определяет аксиологическую композицию государства и общества и порядок государственной защиты основных ценностей; выступает в качестве глобального фактора интеграции и консолидации общества и, таким образом, создает все необходимые предпосылки, условия и гарантии эффективного развития российского конституционализма.

Список литературы:

1. Бондарь Н.С. Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия // Журнал российского права. 2013. № 11.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации (под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева). М.: «Эксмо», 2010. С. 4–6.
3. Демидов В.Н. Конституция РФ и единство конституционно-правового пространства Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 6.
4. Витрук Н.В. О социально-правовой сущности и легитимности Конституции Российской Федерации 1993 года // Российское правосудие. 2008. № 2. С. 10.
5. Интервью с С.М. Шахраем, заслуженным юристом РФ, доктором юридических наук, профессором // Законодательство. 2008. № 12.

6. Насырова (Хабриева) Т.Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона. Казань, 1988. С. 13–27.
7. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. С. 170.
8. Ройзман Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: Дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 40.
9. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. С. 170–171.
10. Балагурова Н.Н. Действие Конституции Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: Дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 32.
11. Зорькин В.Д. Об угрозах конституционному строю в XXI веке и необходимости проведения правовой реформы в России // Журнал российского права. 2004. № 6.
12. Хабриева Т.Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2.
13. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. С. 72.
14. Чиркин В.Е. Современная модель конституции: прежние и новые приоритеты // Правоведение. 2003. № 2. С. 57.
15. Баглай М.В. Конституционализм и политическая система современной России // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 10.
16. Лафитский В. Конституционный строй США. М., Статут. 2011. С. 349–350.
17. Крусс В.И. Современная национальная конституция и наука права / Конституция, конституционализм, конституционализация правовых систем: актуальное соотношение понятий и трендов / сб. материалов по итогам научно-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции РФ, Тверь, 17–18 мая 2013 года / под общей редакцией профессора В.И. Крусса. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. С. 160–170.

*Sizenko Andrey Grigorievich, Rostov State University
of Civil Engineering, Associate Professor of
History and Philosophy Science Department*

Attendance of the Don Army by Grand Duke Mikhail Pavlovich in 1817

*Сизенко Андрей Григорьевич, Ростовский
государственный строительный университет,
доцент кафедры Истории и философии*

Посещение войска Донского Великим князем Михаилом Павловичем в 1817 г.

С окончанием Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813-1815 гг. Высочайшие Особы Дома Романовых возобновили практику посещений территории верного Им войска Донского, заведенную еще со времен императора Петра I. Поездки носили зачастую ознакомительный характер с местностью, населением, администрацией и образом жизни казаков. В первую очередь это было необходимо для Особ, заканчивавших свое обучение и которым важно было узнать свою страну изнутри, чтобы в дальнейшем принимать правильные политические и стратегические решения.

Отечественная историография, в силу целого ряда объективных и субъективных причин, не изобилует исследованиями о путешествии по Дону Великого князя Михаила Павловича. Можно выделить воспоминания А.Х. Бенкендорфа да дневник В.П. Рубашкина [1]. Вместе с тем существует незначительный массив архивных документов, позволивший более полно осветить поездку Михаила Павловича по территории войска Донского.

В конце лета 1817 г. четвертый сын императора Павла I Великий князь Михаил Павлович (1798-1849) предпринял путешествие по России в сопровождении генерала И.Ф. Паскевича и кавалеров А.П. Аделинского и Г.А. Глинки. Именно Г.А. Глинка составил научную программу великокняжеского путешествия, утвержденную вдовствующей императрицей – матерью. Однако автор этой программы скоро сам разочаровался в ее пользе: «Поездка наша по России совершенно курьерская, много видим..., но мало приобретаем основательных о России сведений» [2]. В свою очередь И.Ф. Паскевич отмечал следующее: «Поведение Великого князя Михаила Павловича, его щедрость (которая привлекла к нему все сердца: он все раздавал бедным, а себе ничего не хотел тратить) и приветливость со всеми дают мне право радовать императрицу» [3].

На границе войска Донского Великого князя, от имени атамана графа М.И. Платова, встречал генерал-майор И.И. Жиров. Переночевав в станице Казанской, торжественная процессия утром переправилась через реку Донец на подготовленных

плотах. По предложению А.Х. Бенкендорфа Михаил Павлович возглавил казачий конвой из 500 человек. Казаки во время пути устраивали показательные атаки и маневры. Местное население на всем протяжении пути встречало брата царя восторженными криками и: «Нам в изобилии приносили корзины с виноградом, лучшие фрукты и самые тонкие донские вина» [4].

В восьмом часу вечера 16 сентября 1817 г. Великий князь Михаил Павлович, в сопровождении свиты, окруженный Атаманским полком и донскими офицерами подъехал к Новочеркаску. Офицеры, урядники и казаки в полной боевой амуниции были собраны в донской столице еще 8 сентября [5]. В город Его Высочество вошел пешком, где его ожидали 2000 казаков, уже не служивших в силу возраста и тяжелых ранений, украшенных боевыми крестами и медалями, под командованием генерала И.Д. Иловайского 4-го. При артиллерийском салюте 24 орудий и не прекращающимся колокольным звоне, под Триумфальной аркой Великого князя встретил войсковой атаман М.И. Платов. К кафедральному собору они подъехали вместе на коляске, запряженной лошадьми, предоставленных местными помещиками и под управлением урядников: П. Мелентьева станицы Новочеркасской, Т. Чернолебова станицы Кривянской и М. Наумова станицы Грушевской [6].

В церкви по клиросам стояли две вокальные капеллы – войсковая и графская. На молебне Михаил Павлович расположился рядом с атаманом, несмотря на многократные просьбы последнего, чтобы Его Высочество находился впереди его, на заранее подготовленном месте. После службы Великий князь отправился на квартиру, освещавшейся 7000 плошек.

17 сентября, отслушав литургию, в 9 часов утра, Михаил Павлович принял участие в смотре 2 конно-артиллерийской роты. Смотр завершился театральным сражением – представлением между казаками и «турками». В результате боя, «неприятеля» отбросили за горизонт. Внук графа М.И. Платова, «мальчик лет 14», подвел к Его Высочеству, так называемых пленных [7]. Во второй половине дня Великий князь удостоил визитом канцелярию, гимназию, аптеку и новостроящийся собор. Между ознакомительными посещениями, Михаил Павлович отобедал в доме генерала Курнакова, где вечером в его честь донским дворянством был дан великолепный бал [8].

Ранним утром 18 сентября Михаил Павлович во главе сотни Атаманского полка направился в станицу Старочеркасскую, предварительно позавтракав в имении графа М.И. Платова. В станице более всего Его Высочество поразила соборная церковь, ее убранство, старинные церковные принадлежности. Необычный интерес Великого князя неоднократно выражался словами: «богатый собор, богатый!» [9]. В дальнейшем Михаил Павлович остановился около Преображенской и Донской церквями, спешивался с лошади и прикладывался к кресту, подносимыми священниками В.П. Браиловским и М.И. Красовским соответственно.

Пообщавшись около получаса с М.О. Иловайской в ее доме и отобедав у генерала Грекова, Великий князь отправил свои экипажи в Нахичевань, а сам на специальной подготовленной, празднично украшенной шлюпке, в сопровождении атамана М.И. Платова, поплыл по Дону. На протяжении плавания «нас развлекали видом рыбной ловли, результаты которой убедили нас в изобилии этой красивой реки» [10].

19 сентября, прибыв в Таганрог, Михаил Павлович осмотрел достопримечательности и общественные места города: госпиталь, казармы, гимназию, гавань «Государя Императора Петра I». В своем походном дневнике Великий князь не

удовлетворился только перечислением увиденного, но и дал краткую историческую справку каждому объекту. Например, «1-й. Госпиталь, построен в 1806 году для двух гарнизонных батальонов» [11].

На заключительном этапе плавания Его Высочество посетил Азов, и, наконец, отобедав в Нахичевани, отправился в дальнейшее путешествие по стране.

Таким образом, во время трехдневного пребывания на Дону Великий князь Михаил Павлович смог познакомиться с администрацией, с военными и священнослужителями, был участником показательных смотров и маневров. В свою очередь для войска Донского приезд Его Высочества стал генеральной репетицией перед будущей встречей императора Александра I Павловича в Новочеркасске в мае 1818 г.

Список литературы:

1. Бенкендорф А.Х. Воспоминания 1802-1837. М., 2012.; О посещении Черкаска замечательными особами. Из дневника священника В. Рубашкина. //Дон. (Новочеркасс). 1887. №9.
2. Божеяров И.Н. Памяти Великого князя Михаила Павловича (1798-1898)// Русская старина. Т. 93. №2. – С 404.
3. Там же.
4. Бенкендорф А.Х. Воспоминания 1802-1837. М., 2012. – С. 290.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 344. Оп. 1. Д. 253. Л. 18.
6. Там же. Л. 23.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 666. Оп. 1. Д. 52. Л. 27.
8. О посещении Черкаска замечательными особами. Из дневника священника В. Рубашкина. //Дон. (Новочеркасс). 1887. №9. – С. 27.
9. Там же.
10. Бенкендорф А.Х. Воспоминания 1802-1837. М., 2012. – С. 291.
11. ГАРФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 52. Л. 29.

*Vershkov Anatoliy, Krasnoyarsk institute of
Economics – Branch of the St. Petersburg
University of Management and Economics,
Candidate of technical sciences, Associate professor,
Chair of «the humanities»*

Co-evolution strategy and practice of nature usage

*Вершков Анатолий, Красноярский институт
экономики – филиал Санкт-Петербургского
университета управления и экономики,
кандидат технических наук, доцент, кафедра
«гуманитарных дисциплин»*

Козволюционная стратегия и практика природопользования

Существующие подходы к преобразовательной деятельности человека можно свести к стратегии покорения природы, ведущей к экологическому кризису и деградации окружающей природной среды и стратегии сотрудничества с природой, направленной на гармонизацию взаимоотношений природы и общества. Этим подходам соответствуют две стратегии природопользования. Первую стратегию можно назвать технологической, вторая альтернативная стратегия названа нами коэволюционной.: Стратегии реализуются через практику природопользования. В соответствии с двумя стратегиями практику природопользования можно разделить на технологическую и коэволюционную.

Мы называем коэволюционной стратегией природопользования, направленную на гармонизацию отношений общества и природы. Какой должна быть коэволюционная стратегия природопользования? В литературе приведено немало примеров стратегий, которые можно отнести к коэволюционным. Например, концепция «неособирательства» А.Д. Урсула [1], под которым понимают «такое природопользование, когда используются не окультуренные растения и одомашненные животные, а именно дикие, но в пределах экологически и эволюционно обусловленных мер, не разрушающих естественные экосистемы и популяции». Представленная стратегия заслуживает самого пристального внимания, однако, на наш взгляд, кроме учета экономических факторов и экологических ограничений, разработка стратегии должна не просто учитывать, а основываться на национальных культурных, религиозных и других традициях страны, для которой она разрабатывается. С.Н. Чернышев пишет, что каждый народ, живя на земле, выработал свою философию природопользования и без такой философии народ не может

существовать. Отказ же от национальных традиций и чрезмерное заимствование опыта других наций ведет к разрушению природы [2].

Мы считаем, что современная коэволюционная стратегия природопользования в России должна основываться на отечественной идее домостроения, на строительстве гнезда, домашнего очага, на встраиваемости человека в природные процессы и разумном их преобразовании. Стратегия должна быть основана на возрождении народных традиций русского народа, имеющих глубокие корни и незаслуженно забытых в настоящее время.

Чернышев С.Н. в работе «Русские народные традиции общения с природой и природопользования»[2] отмечает такие принципы отечественного природопользования, как:

- самоограничение потребностей;
- возможно более полное использование всего взятого им у природы;
- укрепление земли посредством своего труда.

При этом самоограничение потребностей проявлялось в соблюдении постов, в обязанности брать у природы только необходимое (в рыбной ловле, охоте). Полного использования всего, что дает природа, русский народ достигал путем реализации принципа безотходного производства, с одновременной экономией ресурсов и очисткой природной среды от отходов.

Многие основы науки домостроения выражены в трудах «Домострой»[3], в том числе в русском «Домострое», памятнике экономической мысли русского народа XVI века. Главные идеи «Домостроя» - это «замкнутое саморегулируемое русское хозяйство, ориентированное на разумный достаток и самоограничение (нестяжательство), живущее по православным нравственным нормам»[4].

Линия «Домостроя» проходит через всю русскую научную мысль и находит свое продолжение в трудах известных русских ученых экономистов и философов А.Т. Болотова, А.В. Чайнова, С.Н.Булгакова, Н.Я. Бердяева, О.А. Платонова и др.

Домостроение имеет и нравственное обоснование в православной этике и частности православной этике труда, характеризующей отношение русских людей к труду как добродетели, как к нравственному деянию.

Рассматривая коэволюционную практику природопользования в различных отраслях народного хозяйства, мы полагаем, что в области энергетики такой практикой являются гелиоэнергетика, ветроэнергетика, использование энергии земных недр, энергии приливов и отливов, водородная энергетика, т.е. виды энергетики, использующие для получения энергии природные процессы, или процессы, подражающие природным.

В сельском хозяйстве к коэволюционной практике относятся:

- ориентация земледелия на использование естественных природных процессов, например, повышение плодородия почв не внесением минеральных удобрений, а активизацией естественного почвообразующего процесса, путем запуска механизмов, контролирующей численность живых организмов;
- переход к экологическому сельскому хозяйству, предполагающему отказ от применения различного рода химикатов, в том числе нитратов, гербицидов и пестицидов;

- переход к экологохозяйственной деятельности, включающей такие отрасли как рыбководство, пчеловодство, лесоводство, экособирачество, промыслы, адаптивные зерноводство и животноводство,

- этологическая инженерия, т.е. использование для сбора урожая животных: птиц, рыб, млекопитающих на строгой научной основе.

По нашему мнению перспективно применение в сельском хозяйстве нанотехнологий. Согласно данным работы[5], нанотехнологии позволят:

- повысить безопасность производства и качество продукции;
- сократить затраты при выращивании растений;
- улучшить качество посевного материала;
- снизить заболеваемость и повысить устойчивость к вредителям;
- получить экологически чистую продукцию.

Кроме указанных достоинств нанотехнологии могут, по мнению ученых, стать ключом к решению проблемы бедности во всем мире. Рассмотрим также такую отрасль как рекреация. Здесь, по-нашему мнению, к коэволюционной практике относится экологический туризм. Экологический туризм предлагает принципиально новые ценности, такие как созерцание природы, духовное обогащение от общения с ней, сопричастность охране природного наследия и поддержка традиционной культуры местных сообществ (Ю. Мазуров).

В работе «Зеленая» экономика: утопия или реальность?» отмечается, что экологический туризм трактуется как составная часть «зеленой» экономики, предложенной на IV саммите по устойчивому развитию, прошедшему в Рио-де-Жанейро в 2012 г.

Что дает основание говорить нам об указанных процессах как коэволюционной практике? Обосновывая свою точку зрения, отметим общие черты, присущие коэволюционной практике. По нашему мнению, прежде всего, коэволюционная практика природогенна. Под «природогенностью» понимают свойство природоподобия, природоподражания, т.е. генерация и создание таких идей, схем, проектов и вещей, которые не противоречат природе (А. Свитин).

Следующая черта – совместимость. Именно совместимость отличает коэволюционную практику от технологической. Создаваемые человеком артефакты второй природы должны быть совместимы с первой природой. Мы полагаем, что причиной возникновения глобальных экологических проблем в том, что человечество стало совершать поступки несовместимые с первой природой.

Следующее свойство – экологичность. Коэволюционная практика должна быть построена на процессах, не загрязняющих окружающую природную среду вредными отходами.

Все приведенные выше процессы, по нашему мнению, соответствуют указанным требованиям.

В заключение отметим, что стратегия и практика коэволюционного природопользования, еще нуждается в дальнейшей разработке.

Список литературы.

1. Урсул А. Д., Урсул Т.А., Тупало В.Г., Энгель А.А. Устойчивое развитие, безопасность, ноосферогенез. Монография. Москва, 2008. – С.56.
2. Чернышов С.Н. Русские народные традиции общения с природой и природопользования /Православие и экология. Московский патриархат. Отдел религиозного образования и катехизации. 1999. - С. 272.
3. Вершков А.В. Домостроительство как форма отношения человека к природе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №106. С.64-70.
4. Платонов Олег Русская экономика без глобализма. М, 2006.- С.10.
5. Каплуненко В. Г., Косинов Н. В., Бовсуновский А. Н., Черный С. А. Нанотехнологии в сельском хозяйстве / URL: www.zerno-ua.com
6. Виктор Лось «Зеленая» экономика: утопия или реальность? // Государственная служба. 2012. №6. С.69-73.

*Yevgenya Levchenko, Donetsk National University,
graduate student, Department of philosophy*

Religious recovery in post-Soviet society as a manifestation of social extremity

*Левченко Євгенія, Донецький національний
Університет, аспірант, кафедра філософії*

Релігійний підйом в соціумі пострадянського простору як прояв соціальної екстремальності

Філософське знання завжди розглядало питання онтології, гносеології, етики як варіативні в своєму розумінні, як відносні, суб'єктивні. У сучасних гуманітарних науках ми стикаємося сьогодні з такими категоричними поняттями, як девіантність, екстремальність, екстремізм, що створює враження про те, що рамки адекватної поведінки в соціумах задані апріорі і для всіх членів суспільства. Говорячи про ці рамки або норми в суспільствах пострадянського простору ми неухильно визнаємо претензію наукової атеїстичної істини на формування ідеалів цієї адекватності.

У зв'язку з цим, ми змушені міркувати про прояви релігійності в пострадянських країнах, як про щось, що виходить за рамки загальноприйнятої адекватності, про щось екстремальне.

Популярною в наукових вітчизняних колах як окрема соціальна проблема вже давно стала проблема екстремізму. Однак, як висловився дослідник А. І. Мумінов: «Релігійний екстремізм як такий принципово неможливий через морально-етичний характер релігії як соціального явища...» [1]. А якщо ми говоримо про тенденції постсучасного соціуму дотримуватися наукової картини світу, яка виключає прояв ірраціонального з точки зору наукової істини, то будь-який прояв релігійності порушує цю саму головну норму, провідну до всієї побудови життєдіяльності суспільства і є ні чим іншим, як проявом екстремальності.

А. А. Бодальов, кажучи про екстремальні ситуації, зазначає що їх екстремальність виражається в тому, що, втручаючись з великими негативними наслідками у відносно усталений потік життя людини і в алгоритми діяльності, що стали звичними, вони можуть позначитися на здоров'ї і життєвих планах людини, на її способі життя, кар'єрі, відносинах зі значимими для неї людьми, на її загальному благополуччі і в крайніх випадках навіть викликати її смерть. Екстремальні – такі ситуації, які відрізняються від нормальних [2, с. 127].

А й справді, якщо розглядати процес долучення людини до певної релігійної течії, то можна без сумнівів дорівняти це до екстремального процесу, через те що такий процес підпадає під вище зазначене визначення. Приєднуючись до тієї чи іншої віри, релігійної спільноти, людина неодмінно змінює повністю свій світогляд, що не може не нести певних наслідків. Новий світогляд позначається в першу чергу на відносинах цієї людини з оточуючими. Те, що було для новонаверненої людини звичним і повсякденним враз змінюється, перевертається згори дотолу. Це неодмінно змінює спосіб життя, життєві плани, а головне – соціальні зв'язки. Рідко буває таке, коли подружжя водночас змінює віросповідання, не кажучи про сім'ю загалом. Особливо незвичайною така ситуація є в нашій країні. Згідно державних статистик та релігієзнавчих досліджень кількість віруючих різних конфесій збільшується з кожним роком, але все ж таки, прояви міцної віри, чи то християнської, чи то іншої, сприймаються в суспільстві зняковілістю та подивом, іноді з острахом чи навіть агресією.

Відкрите сповідання тієї чи іншої віри є дійсно доволі екстремальною ситуацією майже не кожного разу – розрив сімейних зв'язків, нерозуміння з боку колег, насмішки та кепкування невіруючих друзів та знайомих – стандартна ситуація для людини, яка приймає релігійну ідею і практикує її в своїй поведінці на тлі пострадянського суспільства.

Таким чином, ми констатуємо що відкрите сповідання віри та релігійна практика є в тій чи іншій мірі екстремальною ситуацією. В такому контексті релігійність на сучасному етапі функціонування суспільства можна поставити в один ряд зі спортивною чи туристичною екстремальністю, яка сьогодні вже нікого не дивує. Тож постає логічне з точки зору внеконфесійного дослідника питання: чому люди свідомо йдуть на такий екстрим? В чому причина такого навмисного провокування екстремальності?

Відповідь на це питання, на думку багатьох фахівців, полягає в тому, що всі корінні зрушення в житті суспільства припинилися, і не тільки в житті, а й у свідомості людей [3, с. 148].

Науковці сьогодення вказують на притаманне сучасному суспільству розповсюдження феномену екстремальності, викликаного власною ініціативою людини. «Екстремальність, як носій нового культурно-ціннісного змісту і форма інтенсивної діяльності затребувана в умовах невизначеності та соціальної нестабільності» – пише Н. Г. Волкова [4]. Причиною такої дивної поведінки деякі вчені віднаходять в рутинізації сучасного життя. «Адже людська історія з її конфліктами ґрунтується на існуванні «протиріч»: тут прагнення стародавньої людини до визнання, діалектика пана і раба, перетворення природи і оволодіння нею, боротьба за загальні права та дихотомія між пролетарем і капіталістом. В загальнолюдській же державі вирішені всі протиріччя і вгамовані всі потреби. Немає боротьби, немає серйозних конфліктів, тому немає потреби в генералах і державних діячів; а що залишилося, так це головним чином економічна діяльність», – зазначає американський футуролог Фр. Фукуяма [5]. В своїй книзі «Кінець історії» вчений зазначає, що для суспільства скінчилися глобальні потрясіння (війни, революції, катастрофи), через що суспільству сьогодні не вистачає чогось «гострого». В суспільстві споживання немає місця цивілізаційним зрушенням, масовим депресіям та

ідеологічним рухам. «Насправді люди довели, що здатні переносити будь-які матеріальні негаразди в ім'я ідей, існуючих виключно в сфері духу, байдуже чи то йде мова про священних корів чи то про Святу Трійцю», – каже Фр. Фукуяма [5]. Але що робити в ситуації, коли такі великі ідеї, що потребують самовіддачі, жертв та певного екстриму, відсутні?

В такому випадку ми трактуємо розповсюдження релігійної ідеології на сучасному етапі як один з викликів рутинізації сучасного суспільного життя. Духовне відродження, початок якого припадає на 60-70-ті роки минулого століття в більшості західних країн, а на пострадянському просторі протягом останніх десятиліть з масовим розповсюдженням нових релігійних течій є своєрідною екстремальною відповіддю суспільству споживання. Останнє в своїй однотипній формі поведінки призводить до «самовідчуження індивідів, фрагментації людського буття, релятивізму, втрати ідентичності та ціннісних орієнтацій, аномічного стану, розриву соціальних зв'язків, апатії, незатребуваності «великих» цілей і цінностей, нарцисизму і гедонізму, дезадаптації настільки характерної для сучасної реальності. У зв'язку з цим відбувається ослаблення емоцій, відповідальності, співчуття, будь-яких прихильностей. Дані проблеми постіндустріального суспільства, описані різними філософами і активно обговорюються і вирішуються учасниками нових релігійних течій» [6].

Релігійність зі своїми екстремальними наслідками в площині соціальних відносин таким чином відповідає на потребу індивідів у виклику, в гостроті, в адреналіні, в екстремальності одним словом, вирішуючи тим самим і ряд важливих соціальних і духовно-культурних проблем сучасності.

Тож, ми доходимо таких висновків: вчені розглядають релігійність з точки зору незаангажованої, внеконфесійної, атеїстичної наукової істини, яка в свою чергу конструює навколо себе культурно-соціальну систему та весь світогляд постсучасної людини. Під таким кутом будь-яке релігійне проявлення для середньостатистичної людини видається доволі екстремальним явищем. Ми можемо констатувати це по декільком пунктам: релігійний світогляд виходить за рамки повсякденного, релігійна практика подекуди не може бути пояснена з точки зору наукової раціональності, окрім того стереотипне а забобонне народне мислення, не основане на фундаменті наукової істини також відіграє не останню роль в оцінці адекватності релігійності і сприйняття її як прояву екстремального. Але, знаходячись в такій «невигідній», з точки зору атеїстичного глузду, становищі, релігійність нікуди не зникає, а навпаки тільки зростає, що вказує нам на відкрите віросповідання як на потребу екстремальності, на її штучне будівництво. І в цьому плані релігійність може виконувати не тільки традиційні функції як світоглядну та компенсаторну по відношенню до існуючої соціальної системи, але й актуалізують функції соціалізації та ідентифікації, а також здійснюють інформаційно-інтелектуальну, конструктивно-творчу та рекреаційну функції.

Література:

1. Муминов А. И. Религиозный экстремизм как угроза современному обществу: социально-философский анализ: дис...канд. филос. наук / А. И. Муминов. – М., 2007. – 195 с.
2. Бодалев А. А. О человеке в экстремальной ситуации (эмоциональная и интеллектуальная составляющая отношения в выборе поведения) / А. А. Бодалев // Мирпсихологии. – 2002. – №4. – С. 127–134.
3. Фукуяма Фр. Конец истории и последний человек / Фр. Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.
4. Волкова Н. Г. Экстремальность в обществе риска. Автореферат дис... канд. филос. наук: 09.00.11 / Самар. гос. техн. ун-т. – Саратов, 2011. –17 с.
5. Фукуяма Фр. Конец истории? / Фр. Фукуяма // Вопросы философии. – М.: Наука, 1990. № 3.
6. Быков Р. А. Новые религиозные движения как способ формирования социокультурного опыта в постиндустриальном обществе: диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Нац. исслед. Том. политехн. ун-т. – Томск, 2011. – 147 с.

*Elnikova Galina, Belgorod University of
Cooperation, Economics and Law,
Professor, Doctor of Social Sciences*

Russian woman from the «tower» to the throne: the dynamics of the gender order of Russian society in the XVI-XVIII centuries

*Ельникова Галина, Белгородский университет
кооперации, экономики и права, профессор,
доктор социологических наук*

Русская женщина от «терема» до трона: динамика гендерного порядка российского общества в XVI-XVIII веках

Одной из существенных черт современной российской социокультурной реальности является ее аномичность. Она, прежде всего, проявляется в отсутствии в российском обществе представлений о единых социальных нормах жизни, что вызывает множественность противоречий и порождает потенциальную возможность кардинального изменения векторов его развития. Это проявляется во всех сферах жизнедеятельности общества, во всей совокупности его системы социальных отношений.

Неопределенность норм и ценностей, присущая аномии, эксплицируется и в гендерных отношениях, квинтэссенцией которых являются взгляды на место женщин в публичной сфере, за пределами семейного мира. В современном российском обществе нет единства мнений о том, какую роль должны выполнять женщины в общественной сфере. Более того эти мнения, репрезентируемые как мнения большинства, постоянно меняются, и за последние 20 лет их траектория отражает движение от стремления «вернуть женщину в семью» к признанию ее активного участия во всех сферах общественной жизни и вновь к ностальгированию по традиционному гендерному разделению труда.

Эта ностальгия часто обращена к некому историческому прошлому, когда, с точки зрения значительной части россиян, женщина занималась только домом, и ее общение с внешним миром было строго ограничено. В исторической науке такими чертами характеризуется, прежде всего, так называемый «теремный период» (с середины XVI в). Поэтому научное изучение этого периода и широкое распространение достоверных, опирающихся на исторические факты знаний о нем актуализировано потребностями современной социокультурной реальности. В то же время тенденция к постоянным изменениям представлений современных россиян о месте женщины в общественной жизни диктует необходимость эксплицировать и те изменения, которые происходили в положении женщин в процессе исторического развития России. С этой точки зрения, наиболее показательным является хронологический отрезок, включающий в себя XVI-

XVIII вв. и демонстрирующий кардинальные трансформации в гендерном порядке российского общества.

Обозначенный исторический период, являясь частью общей истории женщины в России, стал предметом научного интереса историков уже в середине XIX века (работы И.Е. Забелина [1], А.В. Терещенко [2]). На рубеже XIX-XX вв. в связи с обострением внимания к «женскому вопросу» актуализировалась и проблема ретроспективного исследования места и роли женщины в общественном пространстве. В этом плане особое место занимают работы А.П. Шапова [3] и В.О. Ключевского [4].

Однако начало системного изучения истории женщин в России было положено лишь в 80-е годы XX в. Создателем современной российской школы истории женщин можно считать Н.Л. Пушкареву, работы которой охватывают исторический период с IX по XVIII в. [5].

Но по-прежнему «белым пятном» остается *гендерная история* России, в рамках которой только и можно рассмотреть специфику гендерного порядка периода, начавшегося с эпохи «терема» и закончившегося «царством женщин» и датируемого серединой XVI-XVIII вв.

Цель данной статьи – рассмотреть с точки зрения гендерного подхода динамику изменения положения русской женщины в общественном пространстве российского общества с середины XVI по XVIII в. включительно.

Задачами статьи являются характеристика гендерной системы российского общества и его трансформаций в период с середины XVI по XVIII в. включительно; экспликация места женщины в общественной жизни в названный период; выяснение причин динамики гендерного порядка российского общества в исследуемый период; репрезентация на основе исторического опыта невозможности длительного (и продуктивного) исключения женщин из публичного пространства общества.

Характеристика гендерной системы российского общества, прежде всего, требует определиться с самим термином «гендерная система». Гендерная система нами понимается как определенного типа социокультурная целостность, структуратором которой выступает гендер и которая включает в себя социальные институты, социальное разделение труда, социальное поведение, социальные взаимодействия, социальную регуляцию сексуального поведения [6]. Термин «гендерный порядок», исходя из его ставшего уже классическим определения – «гендерный порядок – исторически заданные образцы властных отношений между мужчинами и женщинами – складывается в определенных обществах на институциональном, идеологическом, символическом и повседневном уровнях» [7], в статье употребляется как синоним «гендерной системы».

При исследовании гендерной системы, сложившейся в российском обществе к середине XVI в., мы сразу сталкиваемся с ее неоднородностью. Можно говорить, по крайней мере, о трех гендерных системах (порядках) российского общества, так как в нем эксплицируются три основных, слабо соприкасающихся друг с другом социальных мира: мир высшего сословия (боярства и зарождающегося дворянства); мир купечества и мир крестьянства. Существующие в рамках этих миров гендерные взаимодействия имеют как определенную схожесть, так и существенные различия. Гендерные порядки этих трех миров объединяет единый принцип устройства семейной сферы, основанный на «Домострое» и трактуемый через постулат «Да убоится жена мужа своего». В общественном пространстве, наоборот, проявляется разнообразие гендерных взаимодействий.

Крестьянский мир характеризуется неразделенностью семейной и общественной (точнее сказать, производственной) сфер; отсутствием четкого гендерного разделения труда в сельскохозяйственном производстве. Гендерная система крестьянского мира в рамках традиционного общества стабильна и практически не меняется на протяжении многих столетий.

Мир купечества в XVI в. – мир закрытый, имплицитный. Процесс становления купечества как сословия находится еще в самом начале, поэтому данных, благодаря которым можно составить единую картину гендерного порядка купеческого мира, недостаточно. Однако имеющиеся сведения говорят об уже существующем делении купеческих домов на женскую и мужскую половину и гендерном разделении труда. Но женщина из купеческой семьи не закрыта в тереме; она является активной помощницей мужчины в его трудовой деятельности.

Наступившее в середине XVI в. резкое ухудшение положения женщин и возникновение так называемой «теремной системы» касается только представительниц высшего сословия. До сегодняшнего момента в научной литературе нет однозначного ответа на вопрос об основных причинах появления «теремной системы». Выдвигаются кардинально различные точки зрения: от необходимости защиты русских женщин из богатых семей от представителей золотоордынской элиты, желавшей породниться с русской знатью, до признания виновности женщин (как сосредоточения всего греховного в жизни человека) в самом установлении монгольского ига. Между этими кардинальными точками зрения существует еще множество других. Рассматривая «теремную систему» как элемент гендерной системы российского общества XVI в., в ней можно увидеть проявление процесса установления самодержавия, свертывания демократических начал, изменения всей структуры властных отношений в государстве. Произошло значительное сужение поля политической деятельности представителей именитых боярских родов, поэтому формирование «теремной системы можно, в определенной степени, рассматривать и как своеобразную компенсацию за это явление.

«Теремная система» просуществовала до конца XVII в. Следующий виток в трансформации гендерной системы в России приходится на XVIII в. Его начало связано с реформами Петра I. Россия была разбужена могучей энергией царя-реформатора, у нее появились новые ценности, поменялись человеческие идеалы. Перед ней стояла задача встать в единый ряд с ведущими западными державами, и она стремилась вписаться в экономическую, политическую и культурную жизнь Европы. Преобразования Петра I означали крутой перелом в социокультурном развитии страны. Они коренным образом изменили облик государства, охватив все стороны общественной и частной жизни. Петровским преобразованиям необходимы были новые люди, энергичные, образованные, активно участвующие в жизни общества и государства. Среди таких людей оказались выходцы из самых разных слоев общества, в том числе и низших. Во времена Петра I в политической сфере складывается уникальная ситуация, которая заключается в том, что, с одной стороны, в России усилилась власть самодержца – царя и императора; с другой стороны, доступ к вершинам власти оказался открыт наиболее талантливым и предприимчивым представителям низов российского общества.

Новые потребности в организации управления обществом диктовали изменения и в гендерной системе российского общества. Изменение положения русских женщин-представительниц высшего сословия в обществе коррелировались с трансформациями в

быту, в основе которых лежало активное проникновение в российское общество элементов западноевропейской культуры.

Петр I, желая европеизировать русское общество, пошел на слом «теремной системы». Свои преобразования в данном направлении он начал с введения «ассамблей», на которых непременно должны были присутствовать женщины – жены и дочери бояр. После почти двухвекового затворничества, строгого запрета даже на разговор с посторонними мужчинами, женщины должны были танцевать с чужими мужчинами и поддерживать с ними беседу. В ассамблеях мужчины и женщины участвовали, в определенной степени, как равноправные партнеры. Женщины высшего общества становились видимыми.

Однако следует обратить внимание на то, что и у мужчин (даже высшего сословия), несмотря на все прогрессивные преобразования Петра, в России того времени тоже не было практически никаких прав, они полностью зависели от воли царя. Поэтому и участие женщин в различных мероприятиях и собраниях вместе с мужчинами чаще всего воспринималось как прихоть государя и еще не меняло коренным образом отношения к женщинам в обществе.

Более радикальный перелом в отношении к женщине в русском обществе произошел уже после смерти Петра I, когда на престол взошли одна за другой российские императрицы. В сложившейся ситуации тезисы о неполноценности женщин, о необходимости подчинения женщины мужчине как «вещем законе» должны были быть пересмотрены. Что, в конечном итоге, и происходило в российском обществе, меняя, прежде всего, идеологическую составляющую гендерной системы. Был создан прецедент руководства женщиной мужчинами.

Именно в это время женщина *провозглашается* полноценным членом общества. Однако это *не означало признание ее равноправия* с мужчиной. Вопрос о допущении женщин к публичной деятельности был только поставлен и решался преимущественно отрицательно (с вынужденным признанием отдельных исключений). Подавляющее большинство представителей российского общества, делая акцент на биологических различиях, по-прежнему отводили женщине лишь роль хранительницы домашнего очага. Однако при этом была сделана попытка поднять статус женщины-матери, которая, воспитывая детей, занята общественно важным делом. Высокий статус матери хорошо вписывался в женское правление; «матерью российского государства», «матерью всероссийской» называют императриц. Депутаты Уложенной Комиссии 1767 года преподнесли императрице Екатерине II титул «Великой и Премудрой Матери Отечества».

«Женское царствование» российских императриц XVIII века (от Екатерины I до Екатерины II), хоть и означало, на наш взгляд, определенный перелом в самом взгляде на возможность женщины управлять государством, все же представляло собой «игру женщин на мужском поле» с соблюдением соответствующих правил игры. Более того, в полной мере самостоятельным было правление только Екатерины II. Личности остальных императриц (даже Елизаветы Петровны) в политических действиях, предпринятых в годы их правления, просматриваются слабо.

Таким образом, рассмотрение динамики гендерного порядка российского общества в XVI-XVIII вв. дает нам основание для выдвижения концептуального положения о тесной взаимосвязи между степенью демократизации общества и гендерной конфигурацией ее политической системы: более высокий уровень демократизации способствует более заметному и активному участию женщин в общественной жизни; и,

наоборот, в обществе с сильной авторитарной властью, как правило, снижается политическая активность как мужчин, так и женщин, что ведет к стремлению мужчин вытеснить с общественного поля женщин. Исключения из данного правила могут объясняться спецификой конкретной социокультурной ситуации.

Изучение истории дает возможность глубже понять проблемы современности, ответить на вопросы, поставленные сегодняшним днем. Гендерная история в качестве составной части исторической науки может помочь в определении тенденций развития гендерной системы общества как его важнейшей структуры. Гендерная история России находится только в начале своего становления; ее предметом стали лишь отдельные этапы отечественной истории, поэтому перед ней имеется широкое поле для исследований.

Список литературы:

1. Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI-XVII столетиях. Москва, 1869.
2. Терещенко А.В. Быт русского народа. Т. 1-2. Санкт-Петербург, 1848.
3. Щапов А.П. Положение женщины в России по допетровскому воззрению // Сочинения. Т. 2. Санкт-Петербург, 1906. - С. 105-154.
4. Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра I // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. Москва, 1983. - С. 98-99.
5. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. Москва, 1989.
6. Ельникова Г.А. Регулирование гендерной системы российского общества в условиях трансформации и риска // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. - 2009. - № 2 (57). – С. 215.
7. Connell R. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge University Press, 1987. – P. 98-99.

*Moskvitina Irina Vladimirovna, FSBEI HPE
“VSPU”, student of Biology and Chemistry Department*

History inside us: males and females

*Москвитина Ирина Владимировна, Волгоградский
государственный социально-педагогический
университет, студентка биолого-химического факультета*

История в наших телах: мужчины и женщины

В начале жизни мы не сознаем себя отдельно от мира или мир отдельно от себя. Различия нет. Но постепенно оно возникает, благодаря тому, что границы тела выделяют нас из окружения: наше первое отождествление – это отождествление с телом. Это «Я» - соматическое, телесное, плотское, вещественное.

Через тело мы узнаем, кто мы такие – когда видим его и физически ощущаем. Важным является то обстоятельство, что в образ «Я» входят психические, эмоциональные и исторические аспекты, а именно, что мы чувствуем, что мы думаем и то, как сформировал нас весь предыдущий опыт. Мирка Кнастер отмечает, что мы формируем образ «Я» «не через физиологию и перцепцию, как следовало бы, а собираем его через различные социальные фильтры – от семьи, сообщества, этнической группы и религии», которые, в свою очередь, вобрали это в себя от предшествующих поколений [1]. Впоследствии данная тенденция существенным образом определяет наше отношение к себе как к женщине или мужчине, а последнее закономерно формирует культурное самосознание, которое по факту взаимообусловленности рано или поздно становится компасом, направляющим этнос, цивилизации, эпоху.

История является, прежде всего, становлением, инновацией, обновлением, но вместе с тем история есть память, хранение, преемственность. На вопрос: что является органом исторической памяти, - Платон отвечал «душа»; «тело», - отвечает постницшеанская философия. Социализация не представляет собой только ментальный процесс усвоения норм, знаний, идей, только историю разума, подчиняющего тело и контролирующего его природу. Идея становится исторической силой, не просто когда она овладевает массами, их сознанием, а когда она персонифицируется, обретает плоть, телесные формы. История протекает в наших телах [2]. И в этом смысле история – это не смена мировоззрений и идеологий, не смена технологий, а смена типов телесности человека.

Когда история обращается к телу, предметом реконструкции становится самая суть материальной цивилизации, образ действий и чувствований, противостояние стихиям, то есть собственно человек, или, если пользоваться словами Люсьена Февра, «живой человек из плоти и крови» [3]. Историю тела помогает воссоздать ближайший мир, который меняется вместе с материальными условиями, устройством жилищ, способами обмена и

изготовления предметов, задавая различные модальности чувственного восприятия. Создавая культуру, человек меняется вместе с ней, на что одним из первых указал Марсель Мосс, установив, до какой степени наше поведение, наши самые индивидуальные, естественные жесты и телодвижения – то, как мы ходим, играем, производим на свет детей, спим или едим, – зависят от общепринятых норм. Отсюда возможный размах исторической любознательности: от мира неспешного к стремительному, от живописного портрета к фотографическому, от индивидуального ухода к коллективной медицинской профилактике, от нравственно окрашенной сексуальности к сексуальности психологизированной, – сколько временных динамик, столько и разнообразных видений мира и различных оценок тела [4]. Как отмечал Жак Ле Гофф, телесные свидетельства участвуют в «полноценном воскрешении прошлого» [5] не потому, что они природны, но в силу своего культурного характера.

Тело в истории, культуре воспринималось не только как точка отсчета приложения власти, но и в качестве освобождающего начала. Помимо оппозиции «принуждение – свобода», необходимо иметь в виду и оппозицию «равенство – неравенство», где, прежде всего, речь идет о постепенной демократизации, которой характеризуются новые времена. Есть множество примеров, подтверждающих, что и тут тело играет центральную и чрезвычайно сложную роль: разве постепенное и неоспоримое распространение в современных обществах таких качеств, как телесное превосходство и красота, не сопровождаются упорной дискриминацией, когда по-прежнему не у всех есть возможность ухаживать за собой, когда ожирением страдают самые бедные, а забота о себе, качество ухода, зависят от среды? Неравенство выражено телесно, анатомически.

Гендерные исследования, в свою очередь, уже давно показали: история женского тела – это история подавления, о чем свидетельствует набор эстетических критериев: в первую очередь традиционное требование всегда «целомудренной», девственной красоты, которая долгое время находилась под строгим надзором, пока не произошла решительная эмансипация, воплощенная в более приемлемых формах, контурах и движениях, более открытых улыбках и обнаженном теле [4].

Иными словами, история тела не может полностью уйти от истории гендерных моделей и идентичностей. Этот принцип и положен в основу написания данной статьи. Цель и задачи которой заключаются в том, чтобы проникнув в суть исторических, культурологических явлений гендерной идентичности, обрести ментальную и осязаемую основу для объяснения современных форм отражения телесности и отношения к ней, кульминацией чего будет отдельная статья. В данном случае половое различие в осмыслении тела рассматривается как фактор и причина положения мужчины и женщины в обществе, их взаимообусловленность, приобретения социальной роли в каждой конкретной эпохе, исключив из этого перечня современность, которая будет представлена в статье, завершающей данный тематический цикл.

Отметив, что история тела остается «граничной точкой» между сферами социального и субъективного, для более глубокого понимания тенденций современности, для обретения прочного фундамента обратимся к вопросу: как представлены мужская и женская телесность в античности, Средневековье, эпохе Возрождения и Новом времени?

АНТИЧНОСТЬ

Древнегреческое общество, во всех его формах, – типично мужская цивилизация, в которой женщинам отводилась подчиненная, зависимая роль [6]. В архаических полисах,

вроде Спарты, девочки воспитывались вместе с мальчиками, но позже эта практика прекратилась. Как писал Аристотель о спартанских женщинах, «слишком вольготное положение женщин оказывается вредоносным с точки зрения той главной цели, которую преследует государственный строй, и не служит благополучию государству вообще» (Аристотель. Политика, II.6.5).

В целях сохранения добрачного целомудрия афинские девушки воспитывались отдельно от юношей. Вся жизнь замужней женщины проходила на женской половине дома. Женщины не имели политических прав, не могли посещать спортивные игры или театр, им не разрешалось вмешиваться в поведение мужа за стенами дома. Роль афинянок сводилась к сексуальному обслуживанию мужа (причем здесь женам приходилось конкурировать не только с рабынями и гетерами, но и с гомосексуальными привязанностями супругов), рождению и воспитанию детей, ведению домашнего хозяйства.

Иначе было с мужчинами. В древнегреческом мире все, включая представления об анатомии, осмысливалось и строилось по мужскому образцу, который казался эллинам совершеннее женского. Согласно Аристотелю, пол существует для изменения и размножения, причем мужчина это действующая причина этого процесса, а женщина – материальная. Женщина – лишь уменьшенная копия мужчины. То, что находится снаружи у мужчины, у женщины помещается внутри тела: влагалище – эквивалент пениса, матка – аналог мошонки, а менструации – подобие семяизвержения. Яичники, которые в 19 веке стали синонимом женственности, в античности не имели даже собственного названия. Представления о главенстве мужского начала продержались в науке очень долго.

Однако господствующий статус вовсе не избавлял греческих мужчин от тревог и сомнений по поводу собственной маскулинности. Жесткое соперничество и соревновательность, характерные для любого мужского сообщества и особенно развитые у греков, распространялись и на телесный облик. Для греческого мужчины были важны не только физическая сила и социальные достижения, но и телесная красота, ценителями которой были отнюдь не женщины, а другие мужчины. Этим и объясняется повышенное внимание культуры к эстетике мужского тела.

Закономерно, что в древнегреческой скульптуре мужское тело появилось раньше и изображалось чаще, чем женское. И это в одинаковой мере касалось как богов, так и людей. Зевса могли извлекать нагим, Геру – никогда. Единственная богиня, которую изображали нагой, да и то лишь с IV века до н.э., – Афродита. Эротические росписи на вазах, как правило, изображают нагих гетер, флейтисток, но никогда – уважаемых женщин, матерей или дочерей.

Зато «нагой мужчина, одетый только в свою силу, красоту или божественность» [7], - излюбленный объект изображения в искусстве Древней Греции на протяжении всей его истории [8]. Однако хотя изящные античные скульптуры и ваялись с конкретной натуры, были не столько портретами реальных мужчин, сколько образцами идеальной и потому недостижимой или труднодостижимой красоты.

Вместе с тем интересным является то, что на некоторых вазах видно как древнегреческие воины сражаются одетыми. Как и другие народы, тела убитых врагов греки оголяли исключительно ради их унижения. В то время как атлетические соревнования и спортивные игры действительно требовали абсолютной наготы, которой

греки гордились, видя в этом свое главное отличие и преимущество перед варварами. Важным является то, что древнегреческие спортивные состязания проводились не только развлечения ради, это ритуальное действо, возникшее из древних мужских инициаций и первоначально имевшее магический смысл [9].

Положительное отношение греческой культуры к мужской наготы – результат длительного исторического развития. Положим, в поэмах Гомера нагота обычно ассоциируется со стыдом, уязвимостью, смертью и бесчестьем и только к концу V века до н.э. правило соревноваться и упражняться голыми («гимнос») распространилось по всей Греции. Однако традиция древнегреческих атлетов выступать нагими несколько не исключала стыдливости. Греческая культура – культура самообладания: эксгибиционизм и распущенность ей не были свойственны.

В классический период образы мужского тела становятся более разнообразными [10], причем, коррелируя с общим духом цивилизации, в них прослеживаются 2 главные оппозиции.

Во-первых, мужское начало решительно противопоставлено женскому.

Во-вторых, сильное мускулистое тело воина и атлета противопоставляется мягкому, изнеженному телу женственного андрогинна и «кинеда», к которому греческая культура относилась с осуждением и презрением.

По мере развития искусства Древней Греции менялся и эталон мужской красоты. Древнейшие статуи не выглядели особенно изящными, да и не претендовали на элегантность. Сила и маскулинность были важнее всего. В начале V века до н.э. образец мужской красоты становится аристократичнее и тоньше. Все большее значение приобретала пропорциональность, хотя мужские тела оставались телами воинов. Тело перестает быть агентом действия, а становится объектом созерцания как воплощение идеальной гармонии и красоты.

Под резцом Праксителя не только у мальчиков и юношей, но и у взрослых мужчин появляются черты мягкости, женственности [11]. Их телесная красота («калос») неотделима от нравственного благородства («агатос»). Самым знаменитым воплощением мужественной, но одновременно и мягкой юношеской красоты и изящества стала статуя «Аполлона Бельведерского» предположительно работы Леохара [11, с. 97].

Важно акцентировать внимание на том, что лица античных статуй значительно менее интересны. Черты их правильны, но не отмечены мыслью. Греческой статуей можно любоваться, отмечает И. Кон, - но с ней нельзя поговорить.

Завершая разговор об античности, отметим: древнегреческие образы были адресованы не женщинам, а мужчинам, которые таким путем выражали и удовлетворяли гомоэротические чувства. Однополая мужская любовь для древнегреческой культуры абсолютно нормальна, многие философы ставили ее выше любви к женщинам.

Каким бы греки ни изображали мужское тело, они всегда видели в нем воплощение красоты, эталон, чего не сказать об изображаемых ими лицах. Лица древнегреческих скульптур психологичны и потому неинтересны, римские же портреты, положим, даже парадные, отличаются индивидуальностью, чего не сказать об отражении телесности. Едва ли не единственное достижение римской культуры в изображении обнаженного мужского тела – многочисленные статуи любимца императора Адриана красавца Антиноя [11, с. 102], но и у него лицо порой выразительнее тела.

Итак, особый интерес древнегреческой культуры к обнаженному мужскому телу был обусловлен рядом уникальных обстоятельств:

1. Наличия мужской власти и отмежевания мужского мира от женского;
2. Превращения закрытых мужских инициаций в общегреческие атлетические соревнования нагишом и связанного с этим культа спортивных достижений и телесных упражнений;
3. Институционализированного, или, по меньшей мере, допускаемого культурой гомоэротизма.

Важно, что в древнегреческом искусстве обнаженное мужское тело впервые становится не просто символом власти и силы, но и публичным эротическим объектом. Оно не только действует, но и показывается, ориентируясь на этико-эстетические нормы социума.

Однако идеализированный канон маскулинности не позволял индивидуализировать субъективные образы и желания [11, с. 103]. В Древнем Риме это воплощается в искусстве портрета, где главное внимание акцентировано на выражении лица. Обнаженное и полуобнаженное мужское тело становится абсолютно безличным.

ДУХОВНОСТЬ ПРОТИВ ТЕЛЕСНОСТИ: СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Средневековье, прежде всего, мир христианский, в котором отношение к телесности принципиально иное, чем в античности. Христианство – религия Слова, и потому теперь искусство отказывается от античного прославления телесности, противопоставляя ей взвешенное, духовное начало. Тема телесности в христианстве настолько обширна, что требует более глубокого и детального изучения, чем предусматривает настоящая статья, и поэтому в данном обзоре мы ограничимся характеристикой «воплощения телесности» в повседневной жизни эпохи средневековья. Этот обзор является самодостаточным хотя бы потому, что бытовое поведение людей значительно разнообразнее ритуального [11, с. 117] и нормативные предписания для разных социальных ситуаций здесь неодинаковы.

Средневековое общество не имело ни объективных, ни субъективных условий для приватности. В раннем Средневековье индивидуальных постелей и спален еще не было; не только супруги, но и их многочисленные чада и домочадцы спали в одной общей комнате, а часто и в одной большой постели. В крестьянской среде такая бытовая скученность сохранялась до XIX в., а кое-где и позже. Это не позволяло людям быть особенно стыдливими.

Жизнь мирян регламентировалась менее строго, чем жизнь многочисленной монашеской братии средневековья. В Средние века, несмотря на призывы церковников, бедные люди, чтобы не тратиться на дорогое белье, спали в супружеских постелях голыми. Ночная одежда, которую надевают, ложась в постель, равно как и терминологическое различие «нательного» и «постельного» белья, в Западной Европе вошли в обиход в XVI в. [12]. Не было особенно строгих правил и относительно купания [13].

Важная черта средневекового общества – наличие карнавальной, «смеховой» культуры. В исполненном веселья и эротике карнавале участвовали даже духовные лица, и тут не было деления на зрителей и исполнителей. Унаследованные от языческого

прошлого оргиастические праздники и обряды, предполагавшие ритуальную наготу, сохранялись на протяжении всего Средневековья.

Откровенно сексуальное, грубое, «гротескное тело» народной культуры, выпячивавшее все то, что подавляла и запрещала церковь, не только позволяло людям расслабиться, но и помогало сохранить те грубые и зримые элементы маскулинности, без которых мужское сообщество оказалось бы нежизнеспособным. Именно к народной культуре апеллировала позднейшая ренессансная реабилитация плоти.

Значимым является то, что как и античные предшественники, средневековые авторы считали мужские и женские качества противоположными. Под это подводилась даже псевдоэтимологическая база, положим Исидора Севильского (560/ 50 – 636). Однако каноны не были универсальными. Сословными были не только нормы красоты, мужественности, но и добродетели. Как и в античности, «логоцентризм» оказывается в противоречии с «фаллоцентризмом».

Эволюция средневекового канона мужской красоты ярко отражается в истории одежды. «Костюмные» споры раннего Средневековья вращались вокруг двух главных тем: стремление лучше прикрыть гениталии (довод в пользу длинных плащей) то и дело противоречило с заботой о том, чтобы посильнее отличаться от женщин (довод в пользу коротких плащей и камзолов).

Проявление первого было характерно для восточной моды, которая в XI в. распространяется в Западной Европе и особенно осуждается епископом Лиутпрандом, считающим его «женственным». Он утверждал, что «длинные плащи делают мужчин «мягкими и похожими на женщин. А женственность в мужчине – проявление содомского греха, который несовместим с честными обычаями предков» [11, с. 177]. Это имело свои последствия. В XIV – XV вв. мужская и женская дворянская одежда развивалась в противоположных направлениях: женская – удлинялась, мужская – укорачивалась, как и всегда тон в этом отношении задавала молодежь.

Резюмируя, следует заключить, что хотя в Средневековье мужчина и признавался образом и подобием Господа, его внешность должна строго соответствовать изменчивым, но выдаваемым за вечные, представлениям и вкусам его современников (женщин последнее касалось по умолчанию). Поскольку представления эти были неодинаковыми в различных сословиях, о телесном каноне и критериях красоты нужно говорить во множественном числе. Однако можно утверждать, что с развитием цивилизации число таких канонов увеличивается, а споры вокруг них обостряются, и эта борьба отражается в изобразительном искусстве.

Поскольку наш обзор Средневековья был в некоторой степени искусственным, справедливости ради следует подчеркнуть, что религия оказывала серьезное влияние на умы. И в своей книге «О злоупотреблении наготой» французский аббат Жак Буало в 1677 г. [14] написал: «Бог ненавидит наготу тел, потому что она обнажает душу и постоянно показывает ему нашу внутреннюю бедность, а дьявол любит телесную наготу, потому что она напоминает ему, как ловко он сумел лишить нас всех добродетелей, которые украшают нашу душу». И несмотря на то, что практическая эффективность запретов была невелика, они укрепляли в сознании людей чувство стыдливости. В Средние века и в начале Нового времени к таким вещам относились уважительно, объясняя их религиозностью.

«Дисциплинирование тела, включая запреты на его обнажение и изображение, можно рассматривать как извне, со стороны общества, так и изнутри, со стороны личности.

ВОЗРОЖДЕНИЕ: РЕБИЛИТАЦИЯ ПЛОТИ

Итальянское Возрождение отменило многие средневековые запреты. Искусство XIV – XV вв. реабилитировало телесность, включая наготу. Обнаженное тело, как женское, так и мужское, стало предметом гордости, эстетического созерцания и художественного воплощения. К примеру, Поллайоло первым из художников начинает специально изучать анатомию и работать с трупами/

Однако сильная и зрелая мужественность предшествующих эпох не была созвучна эстетическому идеалу большинства художников Ренессанса, они симпатизировали изящным юношеским и женственно-андрогинным телам, что особенно заметно в работах Леонардо да Винчи. Он превосходно знал анатомию и, подобно своим современникам, считал женское тело вторичным, производным от мужского. Его самые знаменитые образы «Иоанн Креститель» и «Вакх» - откровенно женственны, что в равной степени относится и к лицу и к телосложению.

Интерес к мужскому телу Возрождения несколько отличался от интереса античного и не только пристрастиями художников. Хотя женские ню продавались гораздо лучше мужских, моделями художникам чаще всего служили мужчины. Профессии натурщика в то время еще не существовало, художники обычно писали собственных учеников, подмастерьев и младших братьев по цеху, где по историческим причинам женщин не было априори. И потому неудивительно, что в уже готовых женских образах знаменитых художников, от Микеланджело до Давида, дотошные искусствоведы обнаруживают мужские анатомические «компоненты» [11, с. 141].

Своеобразный двойной стандарт в изображении женского и мужского тела демонстрирует Тициан [15]. Похоже, - отмечает И. Кон, - что самого художника, как и его заказчиков, в мужчинах больше интересует лицо, а в женщинах тело. В картинах мифологической концепции, таких как «Вакх и Ариадна» и «Венера и Адонис», Тициан изображает раздетых женщин в обществе одетых мужчин. Хотя в групповых сценах у Тициана много полуобнаженного мужского тела, нагими он рисует преимущественно богинь, чаще всего Венеру. В то время как на портретах художник тщательно изображает одетых мужчин, концентрируя внимание на их неповторимо индивидуальных лицах и руках.

Эпоха Возрождения изобилует продуктами выразительного творчества. И, конечно, идеальное мужское тело предполагало гармоничное сочетание силы и изящества, но, похоже, что художник среднего дарования одновременно может выразить только одно из двух. Поэтому мужская сила часто выглядит чрезмерно животной и грубой, а мужская красота – слишком мягкой и женственной. Закономерным, однако, является то, что и то и другое одинаково привлекали ценителей.

Проводя параллель со Средневековьем интересно заметить, что художники Ренессанса сумели представить обнаженное и связанное (религиозными догматами) мужское тело не столько страдающим, сколько пассивным и получающим удовольствие от своей беспомощности. Таким образом, они не только объективировали свои (и

зрительские) садомазохистские чувства и желания, но и подрывали традиционный фаллический стереотип мужчины как субъекта и хозяина положения/

Наряду с развитием у людей саморефлексии одновременно с жанром автобиографии возникает и жанр обнаженного автопортрета, что было связано с желанием «естественного, обыденного вида».

Реабилитация обнаженного тела, начавшись в Италии, постепенно распространилась и на другие страны. Однако в Северной Европе сложилась собственная художественная традиция, где чаще встречаются не античные, а библейские сюжеты, здесь меньше фронтальной наготы, а изображения мужского тела более наивны и натуралистичны, в них меньше идеализации [16]. Но, в общем, эпоха Возрождения продолжила эротизацию мужской одежды.

Подводя итоги, отмечаем, что цивилизационный процесс предполагает ослабление поляризации мужского и женского начал, основанной на анатомических чертах, выдвигая на первый план более тонкие социальные градации. Это создает впечатление феминизации мужского тела, которая проявляется и в одежде, и телосложении, и манерах. Интересно, что изобразительное искусство отражает и одновременно стимулирует этот процесс.

Разумеется, феминизация была условной. Да и ко всему прочему в середине 18 века против нее восстала эстетика классицизма. Главный общий принцип классицизма – создание идеального видения мира, способного вдохновлять людей благородством, авторитетом, рациональностью и правдой, проявлением которой является красота. Но и идеальное человеческое сообщество, и идеальное тело представлялись в 18 веке мужскими.

Согласно эстетике классицизма, мужское тело не только объективно отличается от женского, но и вызывает иные чувства. «... Идеальное женское тело имело в искусстве относительно простую функцию обозначения чувственной красоты как объекта желания, не осложненной ассоциацией с более строгими идеями свободы и героизма».

Однако философия классицизма имела и другие культурологические корни. Обожествление мужской красоты есть проявление гомосоциальности, что обозначает свойственную многим мужчинам потребность общаться и группироваться преимущественно с другими мужчинами. В разные исторические эпохи эта эмоциональная потребность реализуется по-разному – от архаических «мужских домов» до объединений современных футбольных фанов.

ЕСТЕСТВЕННОСТЬ ПРОТИВ КРАСОТЫ

Перемены в художественной культуре конца XIX в. были тесно связаны с изменившейся философией повседневной жизни.

Культ свободного тела, характерный для этого периода – не простое подражание античным образцам. Его идейные корни уходят в традиции французского Просвещения и немецкого романтизма. Ничем не стесненная нагота – неотъемлемый элемент руссоистской философии естественности и близости к природе. Снять одежду – значит хотя бы на время освободиться от навязанной социальной маски [11, с. 230].

Особенное развитие культ наготы получил в трудах Ф. Ницше, последняя треть XIX в. в противоположность христианскому аскетизму и «аполлоновскому» идеалу спокойной сдержанности. Ницше утверждает, что тело «богаче души». Ханжи и лицемеры

проповедают презрение к телу [17]. Важно, что нищиеанский культ тела разделяли многие выдающиеся художники и мыслители того века. О. Уайльд писал в 1885 г.: «Я нахожу землю такой же красивой, как небо, а тело – таким же прекрасным, как душа» [18].

Философия дополняется практикой. В 1870-х гг. сначала в Германии, а позже и в других странах возникает целое движение «культуры наготы» («нудизм», «натуризм»). Характерно, что Пудор в своем 3-х томном труде «Культура наготы» (1906) пропагандирует культ холодной воды и солнца, хождения и физических упражнений голышом, а заодно вегетарианства, социальных реформ и расовой гигиены, включая распространенный в тогдашней Германии антисемитизм. Однако когда Ганс Сурен начал преподавать физкультуру в армии голышом, его уволили. Кох был тесно связан с нудистским движением, открыл множество спортивных школ, которые гитлеровцы впоследствии закрыли.

Не обошла новая философия жизни и театральную эстетику. Главной новацией был танец Айседоры Дункан, примеру которой последовала немецкая школа «нагого танца». Однако «художественная нагота» в противовес каждой из предшествующих эпох была исключительно женской.

За изменением телесного канона вообще и мужского в особенности стояли макросоциальные сдвиги. В конце XIX в. в европейской культуре появился новый «центральный сюжет» – «человек массы», или «человек обыкновенный» [19]. Распространяется установка на изучение обыденного, массового, что выражалось в следующем: обычное тело должно принадлежать не мифологическому существу, герою или аристократу, а простому человеку; оно не должно претендовать на идеальность и исключительность; обычное тело – это уже не нагое, а голое тело, изображение которого предполагает совсем другую эстетику.

Интересно и то, что за изменением облика мужского тела в изобразительном искусстве XX в. стоят не только новая эстетика и психология, но и новые социальные реалии, включая трагический опыт обеих мировых войн [20]. Безобразное, искалеченное тело – такая же социальная и психологическая реальность XX века, как холеное и натренированное тело атлета. Одна ипостась маскулинности не заменяет другую. Какая из них более уместна и созвучна эпохе – решает художник.

Важную роль в деконструкции идеализированной маскулинности и в переходе к художественному исследованию обычного голого тела сыграла фотография, появившаяся в 1840-х.

Фотография, по выражению Ролана Барта, – «область чистой случайности» [21]. Фиксируемое камерой тело всегда единично и схвачено в определенный момент и потому она изображает человека не таким, каким он хочет или должен казаться, а таким, как он выглядит на данный момент. Это крайняя степень объективации. Фотография обнаженного тела подрывает основной принцип традиционной репрезентации маскулинности: мужчина становится объектом, не зрителем, но спектаклем. Многие героические действия и жесты, уместные в парадной картине, на фотографии выглядят смешными. И фотография «напоминает нам, что мужское тело походит на скульптуру значительно меньше, чем побуждает нас верить античное искусство» [22].

Исключительно важную роль в изменении телесного канона и в особенности мужского сыграло развитие физической культуры и спорта и их популяризации СМИ. И

теперь, прежде чем показать свое тело, мужчина (а позднее и женщина) должны его «сделать». И поскольку красивое, сильное тело – не природная данность, а личное достижение, результат труда и дисциплины оно свидетельствует не только о физическом, но и о нравственном здоровье.

В годы I мировой войны и сразу после нее милитаризация художественной репрезентации мужского тела резко усилилась. Всякая война влияет на мужское самосознание, усиливая традиционные «воинские» ценности. Чувство силы мужского братства окопной жизни в высшей степени телесны.

Характерно, что культ мускулистого тела взяли на вооружение итальянский и германский фашизм. В обеих странах для этого существовали историко-культурные и эстетические предпосылки.

Конечно, мускулистая маскулинность в жизни может быть очень привлекательной, но всегда возникает вопрос – чему служит и кому угрожает это красивое тело и есть ли у него, кроме мускулов, собственная душа и незаемный разум?

После того как во второй половине XX в. однополая любовь была так или иначе снова принята «высокой культурой», ученые стали писать и об особенностях гомосексуального тела.

Гомоэротический взгляд сыграл огромную роль в истории изобразительного искусства и культурного самосознания. Поскольку женщины практически до последней трети XX в. не имели права обсуждать мужскую наготу, а гетеросексуальные мужчины ее стеснялись, только гомосексуальный взгляд мог «расколдовать» наглухо закрытое мужское тело, снять с него фаллическую броню и представить достойным восхищения. Красоту женского тела открыли мужчины. Красоту мужского тела открыли гомосексуальные мужчины. Не случайно поэтика мужского тела появилась именно в античной Греции.

Перевертыванию подвергаются не только половые и гендерные, но и психологические характеристики. Превознося эстетические ценности выше этических, гомосексуальное искусство становится иронически-подрывным, заставляет думать и тем самым делает жизнь более разнообразной.

В период между двумя мировыми войнами и, особенно в последней трети XX в. женское художественное видение становится более разнообразным и свободным, чему способствовали разные, зачастую противоположные идейные течения, идеи, связанные с феминизмом. Характерно, что сексуальная революция XX в. была преимущественно женской революцией [23].

Мы видели, что историческое изменение образов мужского и женского тела неразрывно связаны с конкретными социальными стереотипами маскулинности и феминности.

Эстетика тел зависят от гендерной стратификации и особенностей жизнедеятельности мужчин и женщин, причем разные образы не только сменяют друг друга, но и сосуществуют. Чем сложнее культура, тем больше в ней нормативных вариаций и индивидуально-групповых различий, особенно заметных в повседневной жизни и в то же время формирующих ее. Перспектива настоящего исследования заключается в продолжении написания цикла статей о гендерной телесности с попыткой

выхода на объяснение тенденций, характеризующих и слагающих современное общество, включая положение в нем мужчины и женщины.

Список литературы

1. Мирка Кнастер. Мудрость тела. / Пер. с англ. – М.; Изд-во Эксмо, 2002. – С. 64 – 65.
2. Архетипы телесности (российский и западный контексты): Сб. статей / Под. ред. И.В. Кузина – СПб, 2014. – С. 80.
3. Febre L. Pour une histoire a part entire. Paris: SEVPEN, 1962. Pp/ 544 – 545.
4. История тела: В 3-х т. / Под. ред. Алена Корбена, Жан-Жака Куртина, Жоржа Вигарелло. Т. I: От Ренессанса до эпохи Просвещения, 2012. – С. 5 – 6, 8 – 9.
5. Le Goff J., Truong N. Une histoire du corps au Moyen Age. Paris: Liana Levi, 2003. P. 15.
6. Foxhall L. and Salmon J. Thinking men: masculinity and its self-representation in the classical traditional, 1998, 1999.
7. Hollander A. Seeing through Clothes, 1978. - P. 12.
8. Himmelmann N. Ideale Nacktheit in der griechischen Kunst, 1990.
9. Raschke W.J. The Archeology of the Olympics, 1987.
10. Stewart A. Greek sculpture. An exploration, 1990.
11. Кон И. Мужское тело в истории культуры, 2003. – С. 94.
12. Dibia P. Ethnologie de la chambre a coucher, 2000.
13. Martin A. Deutsches Badewesen in vergangenen Tagen, 1906.
14. Bologne J.C. Histoire de la pudeur, 1986. - P. 141.
15. Wethy H.E. The paintings of Titian. The complete edition, 1969 – 1975.
16. Grewenig M.M. Der Act in der deutschen Renaissance, 1987.
17. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч. в 2 т. Т. 2, 1990 – б. - С. 24
18. Ellmann R. Oscar Wilde, 1988. - P. 267
19. Мириманов В. Искусство и миф. Центральный образ картины мира, 1997. - С. 146
20. Bourke J. Dismembering the male. Men's bodies, Britain and the Great War, 1996.
21. Барт Р. Camera lucida, 1997.
22. Davis M.D. The mail Nude in Contemporary Photography, 1991. - P. 13
23. Кон И. Человеческие сексуальность на рубеже XXI в. // Вопросы философии, 2001.

Spivak M.V., doktorant of Institute of the state and right the name of V. M. Koreckogo to the National academy of sciences of Ukraine

Values of policy of health protection

Співак М.В., докторант Інституту держави і права ім. В. М. Корецького Національної академії наук України

Цінності політики охорони здоров'я

Постановка проблеми. У системі цінностей, якими дорожить будь-яка цивілізована нація особливе місце відводиться здоров'ю людей. Протягом багатовікової історії людства, на різних етапах розвитку суспільства вивченню проблем здоров'я завжди приділялася велика увага. Представники різних наук та фахів робили спроби проникнути в таємниці феномена здоров'я, визначити його сутність для того, щоб навчитися вміло керувати ним, економно використовувати здоров'я протягом усього життя та знаходити засоби для його збереження.

Слід зазначити, що сьогодні більшість країн світу стоять перед серйозними проблемами в галузі охорони здоров'я, які пов'язані з демографічними і епідеміологічними зрушеннями, посиленням соціально-економічних нерівностей, дефіцитом ресурсів, розвитком технологій і запитами населення, які постійно зростають. Зазначені проблеми особливо загострилися в умовах сучасної економічної ситуації. Саме тому експерти ВООЗ, у співпраці з представниками сфери охорони здоров'я Європейського регіону закликають керівництва країн до запровадження державних програм щодо покращення здоров'я населення та доступності послуг з охорони здоров'я в умовах економічної кризи. Актуальність цієї проблеми на загальнолюдському рівні зростає у силу того, що ми бачимо появи і наростання глобальних проблем людства, негативні наслідки яких неминуче пов'язані з порушенням здоров'я в планетарному масштабі.

Аналіз останніх досліджень свідчить, що одним з перших, хто почав розробляти теорію цінностей був В. Тугарінов. Спираючись на дослідження попередників з цього питання і свої власні, він сформулював загальне поняття цінностей: «Цінності є предмети, явища та їх властивості, які потрібні членам певного суспільства або класу або окремої особи в якості засобів задоволення їхніх потреб та інтересів, а також ідеї та спонукання як норми, цілі або ідеалу» [1].

Цікавими є погляди викладені у працях Т. Андрущенко, О. Бабкіна, В. Горбатенко, Н. Жабінець, В. Корнієнко, Д. Карамішева, Т. Семигіної, Н. Удовиченко, Ю. Шайгородського, Ю. Щербакова та ін. На окрему увагу заслуговують дослідження проведені European Social Survey, результати проекту НІТТ-CIS, що присвячені вивченню динаміки стану здоров'я населення та системи охорони здоров'я в країнах СНД (Вірменія, Азербайджан, Білорусь, Грузія, Казахстан, Киргизстан, Молдова, Росія, Україна, Узбекистан).

Мета статті – посилити увагу міжнародної спільноти до здоров'я як до основної цінності у політиці держав.

Виклад матеріалів дослідження необхідно розпочати із загального розуміння того, що проблема цінностей, насправді, є однією з найважливіших та дискусійних проблем. Кожна держава Світу самостійно будує політику охорони здоров'я. Здоров'я – особлива цінність для кожної людини і людства в цілому. Здоров'я людей належить до числа як локальних, так і глобальних проблем, тобто тих, що мають життєво важливе значення як для кожної людини, кожної держави, так і для всього людства в цілому.

Необхідно підкреслити те, що сьогодні Європа постає не стільки географічним поняттям, скільки ціннісним, бо європейські цінності складають основні підвалини ліберально-демократичних інститутів західноєвропейського простору, кордони якого не обмежуються географічними ознаками приналежності країн до європейської частини світу. Європейські цінності втілені та втілюються і в Америці, і в Азії, і в Австралії. Європа дала людству світську філософію, християнство в якості світової релігії, релігійну терпимість, толерантність до переконань інших людей та інших цінностей.

Цінності є ядром культури кожного народу, нації, суспільства. Г. Хофштеде, сучасний дослідник цінностей, переконаний, що цінності знаходяться на найглибшому рівні серед важелів прийняття рішень, бо саме вони визначають ідеологічні переконання індивідів та мотивацію їх вчинків. Саме до цінностей, на думку відомого американського соціолога Т. Парсонса, звертаються люди для остаточного обґрунтування своїх дій. Цінності виходять за межі конкретних ситуацій (що можуть вирішуватися індивідом під впливом інтересів і переконань), бо визначають головні цілі й сенс життя, тому вони найяскравіше проявляються в кризові моменти для індивіда або соціуму [2].

Наприклад, сутність цінностей, які покладені в політику держав ЄС зводяться до наступного «Союз заснований на цінностях поваги людського достоїнства, свободи, демократії, рівності, правової держави, а також дотримання прав людини. Це цінності загальні для країн-членів співтовариства, яке характеризується плюралізмом, терпимістю, справедливістю, солідарністю та відсутністю дискримінації» [3].

У Договорі про Європейський союз у версії 2009 року відзначено: «Керуючись культурною, релігійною й гуманістичною спадщиною Європи, з якого розвилися загальні цінності, що становлять нерушимі та невід'ємні права людської особистості, так само як свобода, демократія, рівність і правова Держава» [4].

Опитування європейців доводять, що на першому місці серед ідеалів для опитуваних у 27 країнах ЄС виявилися права людини (37%), потім у списку – мир (35%), демократія (34%), верховенство закону (22%), повага до інших культур (17%),

солідарність (15%), повага до життя людини (14%), рівність (13%), особиста свобода (11%), толерантність (10%), самовираження (4%), і на останньому місці у переліку цінностей – релігія, яка виявилася важливою для 3% опитаних. Щоправда, 5% респондентів не знали, що відповісти на запитання, чи можливо вважали, що європейських цінностей не існує [5]. Важко сказати по якій причині така цінність, як «здоров'я», не знайшла своє відображення у цих показниках. Можливо, переважна більшість європейців розглядають цінність здоров'я через загальні права людини чи право на повагу до життя.

Деякі автори, зокрема, М. Попов критично ставиться і до самого визначення поняття здоров'я ВООЗ (здоров'я – це стан повного фізичного, душевного та соціального благополуччя, а не тільки відсутність хвороби чи фізичних вад), вбачаючи у ньому виключно гносеологічний зміст [6]. Керуючись засадами ціннісного підходу, М. Попов вважає, що поняття здоров'я має включати здоров'я людини – особисте, спадково-родове (генетична основа); здоров'я особистості і суспільства (соціально-психологічне, морально-культурне). Пропонує таке визначення поняття здоров'я: «Оптимальне функціонування генетичних і соціокультурних закономірностей системи «людина-особистість», яке забезпечує виконання оптимуму фізіологічних та соціальних функцій організму людини та всього людства» [7].

Науковці склали карту вимирання людства, згідно з якою Україна вимре у проміжку від 3000 до 3299 року, а Росія – у 2888 році, тобто через 800 років. Вчені пояснюють, що прогноз вимирання тих чи тих країн спирається на так званий чистий коефіцієнт відтворення населення – середнє число дівчат, народжених за все життя середньою жінкою в тій чи тій країні і які дожили до кінця репродуктивного періоду за даних рівнів народжуваності і смертності. Приблизно у 120 країн світу цей коефіцієнт більший за одиницю, тобто з кожним поколінням зростає не просто кількість жителів, але кількість дівчаток, і вимирання такій країні не загрожує. За даними науковців, більшість цих країн – у стані розвитку, із загальним високим рівнем народжуваності, проте є й цілком розвинені, такі як Ірландія, Ізраїль, Нова Зеландія. У 73 країнах він менший за одиницю, тобто рано чи пізно жінок у такій країні не залишиться, а самовідтворюватися без них населення (чоловіки) ніяк не зможе.

Науковці отримали дату, коли помре остання жінка країни і самовідтворення населення припиниться (в переліку таких, що вимирають, опинилися не тільки Росія, ОАЕ і більшість країн Заходу, але також Тринідад і Тобаго, В'єтнам і М'янма). За словами дослідників, карту було складено, виходячи з останньої дати – смерті останньої жінки.

10 країн, які вимруть раніше за всіх: Макао (2628 р.), Гонконг (2740 р.), Боснія і Герцеговина (2770 р.), Росія (2888 р.), Мальта (2908 р.), Словаччина (2957 р.), Сингапур (2978), Румунія (3074), Угорщина (3104), Україна (3200).

10 країн, які вимруть найпізніше: США (177773), Віргінські о-ви (15787), Сент-Люсія (15176), Туніс (14898), Франція (12519), Південна Корея (9955), Азербайджан (8759), Австралія (8602), Антильські о-ви (7984), Норвегія (7977).

З глобальних проблем які загрожують існуванню людства є зникнення бджіл на планеті, що може посилити продовольчу кризу. Як писав Альберт Ейнштейн, якщо

бджоли вимруть, то через чотири роки після цього вимруть і люди. Відомий соціобіолог, професор Гарвардського університету Едвард Вілсон стверджує, що резерви біосфери досить обмежені, а головне – їх неможливо поповнити. Це стосується переважно запасів води та їжі. За його словами, максимум, що зможе витримати наша планета, це 10 мільярдів осіб населення [8].

Глобальне потеплення, про яке так часто йдеться останнім часом, на думку вчених, може стати причиною підвищення рівня смертності у літній період в усьому світі. Дослідники Школи екологічного здоров'я при Гарвардському університеті вважають, що до 2100 року середня температура на Землі збільшиться з 1,7 до 4,9 градусів Цельсія.

Кліматичні зміни, за даними гарвардських експертів, послужили причиною смерті більш ніж шести з половиною мільйонів американських громадян з 1989 по 2000 рік у 50 різних містах США.

Сильні перепади температурного режиму також призвели до негативних наслідків і в Європі – тридцять п'ять тисяч людей померло на хвилі європейської спеки 2003 року. Вчені Колумбійського Університету в результаті дослідження отримали дані, які показують, що процес глобального потеплення в майбутньому призведе до масштабнішого розповсюдження інфекційних захворювань, а також до перенесення подібних захворювань зі спекотних широт у регіони з помірним і холодним кліматом [9].

І це тільки деякі аргументи в межах даної публікації на захист здоров'я як найважливішої цінності, якій кожна держава повинна приділяти належну увагу.

Підводячи підсумки викладеного та говорячи про перспективи подальших досліджень у цьому напрямку слід сказати, що по-перше, закладаючи цінності здоров'я в основу політики кожна держава таким чином продовжує існування людства. По-друге, здоров'я – це природна, абсолютна життєва цінність, яка повинна займати верхню ступінь на ієрархічній градації цінностей, а також у системі таких категорій людського буття, як інтереси, ідеали, гармонія, краса, зміст і щастя життя, творча праця, програма і ритм життєдіяльності. По-третє, кожна держава впроваджуючи цінності повинна розуміти людські потреби як відносини між суб'єктом та умовами його існування. Цінності являють формотворчу складову політики. Цінності є ядром важливих спрямовуючих компонентів політичної діяльності – політичної ідеології, політичної культури, політичної системи. По-четверте, уряд кожної держави, світова спільнота повинні враховувати реалії сучасної науки і наукову обґрунтованість, вплив вірогідних чинників на здоров'я при нормотверенні.

Список літератури:

1. Виноградов В.Д. Політичні цінності в життєдіяльності людей // Тугаріновські читання. Матеріали наукової сесії. Серія «Мислителі», випуск 1. – СПб.: Санкт-Петербурзьке філософське товариство, 2000. С.11-14.
2. Амельченко Н.А. Цінності об'єднаної Європи. Лабораторія законодавчих ініціатив. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://parlament.org.ua/upload/docs/European>. Дата доступу 02.10.2014.

3. Договір про запровадження Конституції для Європи (проект) Європейський Союз; Договір, Проект, Конституція [...] від 18.07.2003 № 2003/C169/01. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_647. Дата доступу 02.10.2014.
4. Гервас Стелла. Європейські цінності: між ідеалом, дискурсом і реальністю. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://rethinkingdemocracy.org>. Дата доступу 02.10.2014.
5. Цюпин Б. Права людини – основа європейських цінностей. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://khpg.org/index.php?id=1381354219>. Дата доступу 02.10.2014.
6. Кукса В.О. До еволюції визначення поняття «здоров'я». Актуальні проблеми навчання та виховання людей з особливими потребами: Зб. наукових праць. – К.: Університет «Україна», 2004. – 448 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://library.rehab.org.ua>. Дата доступу 03.10.2014.
7. Попов М.В. Аксиологія і медицина. / Найвища цінність, що не має ціни. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://m-l.com.ua/?aid=251>. Дата доступу 04.10.2014.
8. Карта вимирання людства. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.newsru.ua/world/24oct2011/ludstwo.html>. Дата доступу 02.10.2014.
9. Глобальне потепління призведе до вимирання людства. Кореспондент. Журнал. 4 липня 2007 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ua.korrespondent.net/tech/296950-globalne>. Дата доступу 04.10.2014.

*Shkurko Natalja Sergeevna,
North-Eastern Federal University named after M.K.Ammosov, Russia,
associate Professor of the Department of cultural studies,
Novikov, Anatoly Georgievich,
North-Eastern Federal University, named after M.K.Ammosov, Russia
Professor and mentor of the Department of philosophy*

Political mythology as a mechanism of organizing the life of modern Russian society at the Federal and regional levels

*Шкурко Наталья Сергеевна,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, РФ,
доцент кафедры культурологии
Новиков Анатолий Георгиевич,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, РФ,
Профессор-наставник кафедры философии*

Политическая мифология как механизм организации жизнедеятельности современного российского общества на федеральном и региональном уровнях

Постановка научной проблемы. Общественный спрос на образное понимание политической реальности во все времена порожден доступностью и простотой изложения мифа. Пережившая в конце XX века распад Советского Союза и острый социокультурный кризис новая российская государственность создала собственные мифсюжеты, чтобы контролировать формирование нужных представлений о мире, государстве и обществе, заданные ценностные ориентиры, схемы мышления и модели поведения на общероссийском уровне и на уровне субъектов РФ.

Региональная мифология выступает структурным элементом региональной идентичности, позволяет преодолеть комплекс провинциализма, является механизмом придания позитивной известности региону, средством культурно-политической интеграции местного населения на основе разделяемого чувства «малой родины» и поддержки местного политического курса. В ходе реализации манипулятивного потенциала регионального мифа меняются параметры массового политического сознания и поведения.

Необходимо изучить сущность процессов конструирования и использования регионального политического мифа для более глубокого осмысления регионального политического процесса, а также для преодоления негативных последствий мифологизации массового сознания

Цель работы – прояснить особенности регионального политического мифа в современном российском политическом процессе;. Задачи: 1) рассмотреть сущность и функциональную значимость политического мифа; 2) осмыслить роль политических мифов в жизнедеятельности современного российского общества; 3) на материале регионального политического мифа «Мост в будущее» прояснить особенности воздействия на электорат.

Изложение основного материала. На каждом этапе исторического развития человечество использует мифы для создания собственных вариантов духовно-интеллектуального освоения мира. Известные исследователи (Н. А. Бердяев, Э. Дюркгейм, Э. Кассирер, А. Ф. Лосев, Ф. Ницше, Ж. Сорель, Э. Тейлор, Д. Фрейзер, М. Элиаде, К. Юнг) трактуют мифы в качестве древнейших спутников человечества. Миф - сложная саморазвивающаяся знаково-символическая система, которую ученые рассматривают как литературу (патриархальный, традиционный миф) или как жизнь (современный социокультурный, политический миф); как непосредственную реальность или ее «мистический» образ; как цель, память, норму и основу жизни; критерий или абсолютный идеал жизни общества.

Уже духовные лидеры античного мира Платон и Аристотель отмечали, что мифы в обществе действует в качестве своеобразной «узды», используемой правителями, чтобы добиваться повиновения от народа. Идеи парадигмой христианского сообщества стала в средние века расширенная и переосмысленная в неоплатоническом русле Августином Блаженным библейская концепция «небесного Града», который не только набирает «граждан из всех народов», но и распространяет милосердие на все мироздание - «вся тварь, начиная с ангелов и кончая массами неорганического вещества, приходит к совершенному единству с Создателем» [1,19]. Идеологи Французского Просвещения (Ф. Вольтер, Ш. Монтескье и др.), утверждая разум в качестве единственного критерия просвещенного, достойного соотечественника, создали социокультурные мифы об образовании, науке и техническом прогрессе как наиболее эффективных механизмах преобразования общества по законам социального равенства и справедливости.

Э. Кассирер выявил специфику политического мифа. Миф как социальный и политический феномен, мифы и идеология – вошли в круг научных интересов Р. Барта, Ж. Сореля, К. Хюбнера и М. Элиаде. Классическая концепция политической культуры разработана Г. Алмондом, С. Вербой, Л. Паем, Г. Экстайном и др. Специфика функционирования российской и региональных политических культур анализируется А. С. Ахизером, Л. Е. Бляхером, Д. В. Гудименко, В. Л. Коганским, В. Д. Нечаевым, Е. Б. Шестопаем, Н. Г. Щербининой и др.

В последней трети XX века, подвергаясь ежедневно «brain washing» со стороны СМИ, массовое сознание населения развитых стран стало благодатной средой для формирования мифологии. В. М. Пивоев дифференцирует такие параметры

мифотворческой ситуации, как «потребность в «иллюзиях» и характер ее удовлетворения; уровень общественной доверчивости; уровень и характер общей культуры (для интеллектуалов нужны более изощренные и глубокомысленные мифологические построения); обеспеченность информацией (чем ее меньше, тем легче принимаются суррогаты правды); отсутствие объективной информации обо всем происходящем в мире; неуверенность в завтрашнем дне и эмоциональное напряжение; коллективность переживания и взаимозаражение; этнопсихологические и этнокультурные предпосылки и особенности» [2, с.31]. Мифы имеют аксиологическую и/или идеологическую направленность, интегрируют различные представления увязаны в единую образную картину мира, сочетающую в себе реальность и фантазию, естественное и сверхъестественное, знание и веру, мысль и эмоции.

Читатели таблоидов и электронных газет, блоггеры, телезрители, участники социальных сетей являются одновременно и потребителями, и сотворцами индустрии по производству и распространению различных видов мифов (социокультурных, политических). Современный человек включается в мифологию с рождения, в процессе социализации осваивая как ценностные установки и идеалы старших поколений, так и создавая в подростково-юношеском возрасте и позднее собственные идеи, ценности, нормативы.

Современный политический миф - это превращенная форма политического сознания, в котором знание и понимание фактов политики замещается образами, символами, легендами и верой в них. Кр. Флад трактует политический миф как «идеологически маркированное повествование, воспринятое социальной группой и претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего» [3, с.14]. В рамках данной статьи политический миф определяется Н.С.Шкурко как способ объяснения политической и социокультурной действительности, апеллирующий не только к разуму, но и к эмоциям потребителей данного мифа.

Профессионально сконструированные политические мифы отличаются от архаических и религиозных, хотя основным объектом мифологизации остается прошлое конкретного региона, реальные люди и события, сохраняющие свою значимость. Применяемые в качестве инструмента борьбы за влияние, поскольку за каждым политическим мифом стоят интересы конкретных групп, локальные политические мифы моделируют политическое пространство региона: «спрессовывают», низвергают социокультурные основы, демонстрируют приверженность традициям этноса или формируют новые идеалы [4, с.36].

Отечественное общество столетиями из-за политики изоляционизма и ограниченности собственных знаний о мире было носителем политических мифов, которые создавали позитивную картину мира, примиряя личность и массы с трудностями и враждебным окружением. Так, в Стране Советов на основе мифа о православной (правильной, единственно верной для спасения души) империи был создан миф о первом в мире социалистическом государстве трудящихся. Большевицкий «Третий Рим» имел свой пантеон, состоящий из основоположников марксизма и большевизма,

государственных деятелей и мучеников за дело мировой революции, свой некрополь и свою историю, которая начиналась с залпа крейсера «Аврора» 25 октября 1917 года и последовавшей Великой революции (вся предшествующая отечественная история трактовалась как царство угнетения и несправедливости).

Советский Союз в 60-80-е гг. XX века воспринимался как один из центров дуполярного мира, «Мекка коммунизма». «Вся история Азии, Африки и Южной Америки сложилась бы совершенно иначе, не будь грозящего империализму СССР, дотировавшего из своего не слишком богатого бюджета программы индустриализации опекаемых стран, строившего заводы, растившего национальные кадры и элиты» [5, с.341-342].

Особенность организации жизнедеятельности современного российского социума заключается в том, что в информационном пространстве РФ сталкиваются машины по производству мифов различных политических сил, преследующие свои цели. Помимо политических мифов федерального уровня, к которым относится модернизированный вариант имперского мифа о «возрождающейся великой державе», в регионах России функционируют собственные политические мифы, имеющие локальную адресность и «оформляющие» потребности местных (этнонациональных) политических элит. Анализ регионального политического мифа в современном политическом процессе России такими исследователями, как В.А.Ачкасова, Л.Е.Бляхер, А.А. Вилков, А.К. Магомедов, Д.Ш. Мурзина, В.Н. Шнирельман выявил его специфику, обусловленную функциональной ролью и содержательным наполнением. Региональная мифология в политическом пространстве российских регионов используется преимущественно как средство манипуляции сознанием. Также она выступает структурным элементом региональной идентичности, позволяет преодолеть комплекс провинциализма, является механизмом придания позитивной известности региону, средством культурно-политической интеграции местного населения на основе разделяемого чувства «малой родины» и поддержки местного политического курса. К тому же региональный миф, укореняясь в массовом сознании регионального сообщества, закрепляет в нем установку к политическому действию, и в этом плане служит идейным обоснованием процесса принятия политических решений на местах..

Рассмотрим на примере Республики Саха (Якутия), как конкретно создавались отдельные проекты в региональной системе мифов. В этнических республиках, язык и культура титульного этноса - становятся ценными политическими ресурсами, значимость которых при создании аттрактивного имиджа резко возрастет, если удастся продемонстрировать их древние истоки. Поэтому проявляется особая забота о поддержании или даже об усилении этнического своеобразия, например, о сохранении чистоты родного языка или богатой фольклорной традиции. Так, при активной поддержке региональных властей в Якутии раскручиваются бренды, ориентированные на преосмысление роли народа саха в окружающем мире: ● «Якутия - вторая прародина человечества» (в 140 км от Якутска находится древнейшая стоянка человека - Диринг-Юрях, возраст которой региональными специалистами определен в пределах 2,5- 1,8 миллионов лет); ● народ саха – прямой потомок легендарных воинов древности

(концепции о родстве народа саха с легендарными курыканами или монгольскими воинами Чингиз-Хана - «Оэлун-учжин мать Чингис Хаана была родом из самых уважаемых людей среди племени олхонутов»); ● Народ саха - хранитель тенгрианства – «матери всех мировых религий», несмотря на 300-летнюю историю изучения российскими и зарубежными учеными шаманизма.

К популярным локальным политическим мифам Якутии относятся:

1. «Прорыв в мировое сообщество» - достижения властей в области индустриального производства, добычи полезных ископаемых. Так, первый Президент Якутии – М.Е. Николаев предпринял попытку создания «алмазного эмирата. Второй Президент РС(Я) В.А. Штыров (2002-2010 гг.) привлек внимание Президента РФ В.В.Путина своей Концепцией развития Южной Якутии (КРЮЯ). Реализуемый проект должен был стать новой «точкой роста» в стратегически важном для страны Дальневосточном федеральном округе. Создание в 2015-2020 годах предприятий по добыче и глубокой переработке полезных ископаемых (железных, урановых, апатитовых руд, природного газа, угля) и объектов гидроэнергетики обеспечивало более 30 тыс. квалифицированных рабочих мест, повышало уровень жизни населения региона за счет мультипликативного эффекта. Превращение КРЮЯ в российский мегапроект принесло Якутии признание в качестве лучшего региона страны (2003), а президенту В.А. Штырову были вручены в знак общественного признания статуэтка «Золотой Олимп» и орден «За честь и доблесть» (2004).

Но уже первые шаги реализации мегапроектов Южной Якутии показали серьезные просчеты в стратегическом планировании, управлении и социальной ответственности пришедших в республику крупных российских бизнес-структур. Так, неофициальное звание самой «плохой» компании прочно удерживает «Мечел», сокративший сразу после покупки градообразующего комбината «Якутуголь» каждого шестого работающего там нерюнгринца. Спустя 7 лет почти 62 % респондентов (согласно опросам отдела социально-политических исследований Института гуманитарных исследований СО РАН, 2011) из Нерюнгри категорически не приемлют проводимую стальной группой политику по освоению Эльгэйского угольного месторождения и сворачивание социальных программ.

2. «Мост в светлое будущее республики». Так называли эксперты уникальный мост на вечной мерзлоте через реку Лену протяженностью 3,2 км, чтобы обеспечить круглогодичную связь столицы республики и левобережной территории с сетью железных дорог РФ. Его стоимость возросла в 7 раз за 15 лет ожиданий. Как объект целевой госпрограммы «Развитие транспортного комплекса Республики Саха (Якутия) на 2005–2010 годы» железнодорожно-автомобильный мост должен быть сдан в эксплуатацию в 2012 году. Но в 2010 году новый президент Якутии Е.А.Борисов с командой стали рассматривать альтернативный проект – подводный туннель под руслом реки стоимостью в 100 млрд рублей. Во время избирательной кампании будущий глава региона обещал населению республики построить мост. 19.10.2014 года в утвержденном правительством прогнозе социально-экономического развития Якутии (СЭР) до 2019 года, строительство моста через реку Лена не предусматривается.

Такие мифы закрепляют в массовом сознании имидж властей региона как защитников интересов населения и умелых руководителей.

Вывод: В современной России федеральные и региональные политические мифы выступают как механизмы воздействия на массовое сознание населения. Руководство РС(Я), актуализируя прежние мифологемы и создавая новые, сохраняют власть, а также закрепляет имидж защитника народных надежд в сознании населения региона, преследуя при этом собственные властные интересы.

Список литературы:

1. Августин Блаженный. О Граде Божиим. - М.: АСТ, 2000. - 1296 с.
2. Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира: Автореферат дисс.... д.филос.н.. – М., Ин-т философии РАН, 1993. – 38 с.
3. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 264 с.
4. Бальнская Н.Р. Особенности функционирования журналистики в процессе формирования современного мифа // Ценности интеллигентного мира. Вып.2. - Магнитогорск: Изд-во МГТУ им Г.И. Носова. 2005. - С.31-37.
5. Панарин А.С. Народ без элиты. – М.: Изд-во Алгоритм, 2006. – 352 с.

*Oleg V. Voronin, Tomsk State University,
Professor, Juris Doctor Degree, Law Institute*

Typology of public prosecution

The literature, as a rule, describes two main types of the Prosecutor's Office depending on its main functions:

- 1) the Prosecutor's Office as a body of criminal prosecution (the prosecutor as a legal representative of the prosecution);
- 2) the Prosecutor's Office as a body of legal supervision (the prosecutor as a guardian of the laws).

Besides the main function, the Prosecutor's Office of any type exercises a number of additional functions, which makes it possible to speak about the mixed model of the Prosecutor's Office that exercises numerous functions. An example is the modern Prosecutor's Office in Russia.

The first type of the Prosecutor's Office historically derives from the judicial system of prosecution ("the judicial magistracy"). In this case the Prosecutor's Office is a body of criminal prosecution that supports prosecutes on behalf of the state. This model of prosecution is characteristic for the adversarial type of criminal proceedings. The prosecutor pursues the goal of indictment only: s/he is to publicly charge a person with a crime and assign a fair punishment. Thus, the only function of the Prosecutor's Office is prosecution on behalf of the state or, in more general terms, criminal prosecution. The relationships between the prosecutor, the court and the counsel for the defense are of adversarial character. The court often acts as a body that monitors prosecution. In particular, the court grants permission for the prosecutor to use coercive measures necessary to collect and present evidence. In some cases, the court affirms the initial and final indictment. When considering the merits of the case, the court verifies whether the prosecutor complies with the requirements concerning the burden and limits of proof. Formally, the Prosecutor's Office has equal legal opportunities with the counsel for the defense, but in fact procedural advantage is on the side of the prosecution because the prosecutor is the party that initiates criminal prosecution in the court to punish the guilty.

Recently, the Prosecutor's Office of the first type generated a new type of the prosecutor (attorney) who acts as a representative of justice. As in the first case, the prosecutorial activities focus on the administration of justice in criminal cases. However, the fundamental difference is that the prosecutor in the basic model is the main engine of criminal proceedings, as it is him/her who initiates and applies criminal law, while in the second model the right to initiate a criminal procedure belongs to other participants of criminal proceedings. Thus, indictments and prosecution go by the wayside, giving way to legal assessment of procedural activities of other parties to criminal proceedings. In this case the role of the prosecutor is similar to that of the "judicial assistant". The difference is that the prosecutor has a greater autonomy in assessing others' evidence, but is less active in establishing other circumstances relevant to the application of the rule of law. Formally, the prosecutor performs the function of prosecution, but his/her goal

is to ensure public interests in resolving the social conflict caused by the offence rather than to expose the perpetrators of crimes and assign a fair punishment to them. Thus, the prosecutor's basic procedural goals are to find out whether the society is interested in pursuing the act and whether there are methods to restore social justice alternative to criminal punishment. The prosecutor as a representative of justice is a part of the judicial system. Meanwhile, s/he has neither practical nor formal privileges in relation to the defense.

The second type – the Prosecutor's Office as a body of legal supervision – historically derives from the judiciary and administrative as well as fiscal components of prosecution. The main objective is supervision over legality, which is the fulfillment of the requirements laid down in laws as acts of higher legal force. All other functions, including criminal prosecution and bringing charges, are subject to the main function and determined by it. The prosecutor's supervision covers all public bodies, institutions and individuals, including other control, law enforcement and judiciary bodies. In fact, the Prosecutor's Office is a supervisory body and quite often refers to the law enforcement agencies that are entitled to apply state coercion measures under the simplified procedure (out of court). In the course of proceedings the prosecutor has formal or practical procedural privileges over other actors as well as overt or covert supervisory powers in relation to court.

Nowadays the above mentioned serves as the base for a new type of prosecutorial activities that can be designated as "the Prosecutor's Office as a law enforcement body" ("the prosecutor as a legal advocate" or "the prosecutor as a human rights defender"). The principal difference from the basic definition is that the traditional concept of legality as the main subject of the prosecutor's activity becomes less significant, being replaced by a more traditional category of public interest that refers to protection and defense of public benefits, values and relations rather than compliance with the law. The prosecutorial activities concerning public interest include protection and defense of the interests of the state and society as well as the legal status of the individual. Moreover, the rights and freedoms of man and citizen are a priority as a protected public benefit equivalent to other public values. The second distinguishing feature is the limited scope of bodies supervised by the Prosecutor's Office. This scope does not include the court as the main guarantor of the legal status of the individual as well as restoration of infringed public interests that are to be ensured through administration of justice. The prosecutor has an exceptional procedural position. As neither a party to the proceedings nor a body connected with any of the parties to the proceedings, the prosecutor acts as a disinterested independent observer – an expert in law enforcement who has the right to participate in proceedings. In a way, this status is similar to that of the "judicial assistant", though, unlike judicial assistants, the prosecutor is not a part of the judicial system. Furthermore, for the purpose of law enforcement, the judicial interests of the prosecutor may not coincide with the interests of the parties and other participants of certain proceedings. In this case the activities of the Prosecutor's Office include surveillance (supervision) and judicial and procedural activity (participation of the prosecutor in court hearings). Other activities, including criminal prosecution and prosecution on behalf of the state, are either not applicable to or insignificant for this type of prosecution.

A specific national model of prosecution bodies is a symbiosis of several types of prosecutorial activities with the features of one type prevailing. For instance, the current Russian legislation enshrines the model that contains elements of all four types, with supervisory functions prevailing. This can be concluded on the basis of provisions of Articles 1, 21, 35 of the Law "On the Public Prosecution Service", Articles 21, 37, 221, 226, 244, 246 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Article 45 of the Code of Civil Procedure of the

Russian Federation, Article 52 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, Article 25.11 of the Administrative Offences Code of the Russian Federation as well as other provisions.

The main factors that influence the formation of the national model of the prosecution bodies and institutions are: the type of criminal proceedings, the content and ratio of dispositivity and publicity in law enforcement as well as the role of prosecution bodies and institutions in the current national system of authorities.

The role of the Prosecutor's Office in the modern system of state authorities of the Russian Federation is in the center of heated debate. This issue has a number of historical and legal prerequisites.

Firstly, as it has already been noted, the role of the Prosecutor's Office has been revised many times during over three hundred years. Initially, it was established as a body of Imperial supervision. The supervisory institution turned into a justice institution to serve the interests of justice. In Soviet times, the Prosecutor's Office was revived and developed as a body of legal supervision.

The year of 1992 brought about the multifunctional type of the Prosecutor's Office. Thus, it is rather difficult to determine which historical type of the Prosecutor's Office is the most characteristic for Russia. Moreover, it is unlikely to be of any use, provided that almost all European Prosecutor's Offices also evolved from fiscal and supervisory to law enforcement or other types of activities.

Secondly, the theoretical bases of prosecutorial supervision and activities formed mainly in the Soviet period. The Soviet state building doctrine did not officially recognize the separation of powers. The Prosecutor's Office was traditionally regarded as an independent system of supervisory bodies reporting to the Supreme Soviet of the USSR as the highest state body. The recognized priority of the separation of powers in the modern state-legal structure caused some scholars to think over the role of the Prosecutor's Office in the system of public authorities considering the classic triad of the separation of powers. The lack of theoretical and legal traditions led some of the scholars to define its institutional identity by referring to one or another traditional branch, while the others recognized the special state-legal nature of the Prosecutor's Office.

Finally, the lack of clear-cut approaches to the subject under discussion is caused by the uncertainty of the current legislation regarding the nature of prosecutorial bodies. On the one hand, Article 11 of the Constitution of the Russian Federation does not include the Prosecutor's Office into the list of state authorities. On the other hand, Article 129 of the Constitution of the Russian Federation defines the legal status of the Prosecutor's Office together with that of judicial bodies in Chapter 7. However, it fails to define the nature of their interrelations as well as the legal nature of the Prosecutor's Office. In its turn, the Law "On the Public Prosecution Service" establishes the jurisdiction, organization and procedure of the Prosecutor's Office, yet leaves the questions about its state-legal nature and role in the government open. Apparently, such a legislative approach predetermines various theoretical models of the Prosecutor's Office, including rather radical ones.

In this context, the Prosecutor's Office is either referred to one of the traditional branches of government (representative [1], executive [2] or judicial [3]) or treated as playing a special role in the current system of government bodies [4], which does not exclude its belonging to the presidential structures [5] or special bodies of power [6].

All these assertions, though seemingly consistent, demonstrate some deficiencies.

Firstly, they suffer from the lack of legal argumentation. All the aforesaid assertions either do not conform to or contradict the current legislation. Secondly, as a rule, the proponents of the aforesaid assertions reduce the role of the Prosecutor's Office to a single function (preferably supervisory), while in modern Russia the Prosecutor's Office is a multifunctional body. The disregard for other activities of the Prosecutor's Office results in inadequate understanding of how significant the Prosecutor's Office is in the Russian state apparatus. Finally, the aforesaid assertions constitute a near-successful attempt to modify the Soviet legal doctrine approach to identify the institutional affiliation of the Prosecutor's Office based on the theory of the separation of powers. Thus, as a rule, the Prosecutor's Office is formally referred to a certain branch on the basis of a single feature without disclosing the nature and significance of the prosecutorial bodies in general. For instance, as the Prosecutor's Office was hosted within the Ministry of Justice for quite a long time, it can be referred to the executive branch. As the basic provisions defining its status were included in Chapter 7 *The Judicial Power* of the Constitution of the Russian Federation, it can be referred to the judicial branch. As the Prosecutor's Office was accountable to the Supreme Soviet of the USSR as the highest legislative body, it can be considered as belonging to the legislative branch.

I believe that it is more reasonable to consider the Prosecutor's Office not within the traditional or newly-designed branches of power, but as a body that does not belong to any branch, yet has an exceptional position in the system of state authorities. This approach was first laid in the Concept of the Prosecutor's Office Development for the transitional period (hereinafter referred to as the Concept).

According to the Concept, the traditional branches of power – legislative, executive and judicial – represent the sovereignty and its separation, though they do not rule out other independent legal institutions, like the Prosecutor's Office. With its functional relationship to each of the government branches, the Prosecutor's Office, however, does not fully belong to any of them. This exceptional position in the state system, on the one hand, allows the Prosecutor's Office to act as an independent efficient element of the system of checks and balances and, on the other hand, to exercise numerous functions assigned to it by law.

Due to its exceptional position among state authorities the Prosecutor's Office exercises numerous functions that are performed by various branches of power. For instance, criminal prosecution is mainly the function of executive bodies, while the supervisory function is exercised mainly by representative bodies (at least when it comes to supervision over the execution of laws). Then, public prosecution and participation of the prosecutor in other cases are primarily to promote the administration of justice, which is the objective of the judicial branch of the government.

Speaking about the exceptional position of the prosecutorial bodies, it should be born in mind that the Prosecutor's Office in foreign countries can hardly be referred to a particular branch of power either (moreover, no one discusses the problem in such terms).

For instance, the literature describes four groups of countries basing on the role of the Prosecutor's Office in the system of state authorities: "1) countries where the Prosecutor's Office is a part of the Ministry of Justice, although it can belong to judicial bodies, act in courts, and prosecutors can belong to the judiciary ("magistracy"); 2) countries where the Prosecutor's Office is fully incorporated into the judicial system and acts in courts or has the administrative autonomy within the judicial branch; 3) countries where the Prosecutor's Office is an independent system accountable either to the Parliament or the Head of State, and 4) countries where there is no Prosecutor's Office or its direct analogue " [7].

This classification serves as the basis for the following typology of national Prosecutor's Offices:

1. The American and British types of the Prosecutor's Office. The main function for this type of the Prosecutor's Office is criminal and public prosecution, support of public prosecution as well as participation in court hearings as a representative body of the public authority. It exercises no prosecutor's supervision. Organisationally, the Prosecutor's Office is not a body of public authority (at least in the continental sense), but a set of professional corporations of lawyers in the public service (hired by a client who represents the public authority). This group includes two subtypes of the Prosecutor's Office: American and British.

The American model is determined by a higher degree of inclusion into the state apparatus at the federal level. The traditional Russian term *prokuratura* corresponds to a number of institutions and officials in the USA: the Attorney Service headed by the *US Attorney General* who is also the Minister of Justice; the Solicitor Service headed by *the US Solicitor General*, and *the Independent Counsel* acting in the special presence and appointed by the *Special Division of Appointing Independent Counsels of the U.S. Court of Appeals for the District of Columbia*. While at the federal level the U.S. Attorney's Office is a unified system of bodies and officials, at the state-level *the Attorney's Office for the Commonwealth, Attorney's Office for the People, Attorney's Office for the State* are professional corporations of lawyers representing the interests of the state (public authorities) in criminal proceedings and in court cases rather than an independent centralized service. There is no direct hierarchy of federal and state attorneys. Their interrelations are just coordinated.

The British model represents a public corporation of lawyers based on the principles of professional cooperation rather than on the principles of centralization and unity. The corporation is headed by the *Attorney-General* whose status is equal to that of the MP, though s/he is not a member of the Cabinet of the UK. As the highest official of the British Lawyers Society, the Attorney General of the United Kingdom prosecutes on behalf of the government in court hearings for major criminal cases and represents the interests of the government as a plaintiff or a defendant.

2. The Prosecutor's Office in Continental Europe. The Prosecutor's Office of this type aims at implementing criminal prosecution, prosecution on behalf of the state and participation in court hearings. Besides, these Offices act on behalf of states and carry out some supervisory powers.

Thus, European Prosecutor's Offices are often referred to law enforcement bodies or judicial authorities. Organizationally they have a dual position. On the one hand, they are in administrative subordination to Ministers of Justice (i.e., they formally belong to the executive branch), while on the other hand they refer to and exercise their functions in courts (i.e. they function within the judicial system). Unlike the American-British type, they enjoy a high degree of centralization and subordinate relations between higher-level and lower-level prosecutors. The most typical of this type are the French, German and Russian Prosecutor's Offices.

The French Prosecutor's Office (*Ministère public, parquet*) has the basic features of the Prosecutor's Office as a judicial authority. The Prosecutors of the Republic (*les procureurs de la république*) who operate in a larger process tribunals report to the Prosecutors General of Courts of Cassation and Appeal (*les procureurs généraux de La Cour de cassation, les courts d'appel*) appointed and dismissed by the President of the Republic on recommendation by the Minister of Justice. The French Prosecutor's Office carries out a number of functions: criminal prosecution, prosecution on behalf of the state, supervision over preliminary investigation and police inquiry,

participation in civil court proceedings, representation of public authorities in courts. It should be noted that in exercising their powers French Prosecutors have the right for extrajudicial use of state coercion.

The German Prosecutor's Office (*Staatsanwaltschaft*) is a law enforcement agency by its nature that serves the interests of justice. Its basic function consists in criminal prosecution. In a broader sense, it includes the pursuit of criminal proceedings, the procedural lead of preliminary investigation, formulation, direction and support of the charges in courts, and participation in enforcement proceedings. The Prosecutor's Office in modern Germany is almost devoid of supervisory powers, which allows considering it as a separate type. Another distinguishing feature is its lesser degree of centralisation, which is partly due to the federal structure of Germany.

The Soviet (Russian) Prosecutor's Office has a special place in the system of European prosecution bodies. As it was mentioned above, it was initially instituted and later functioned on the basis of special principles. What was special about the Soviet the Prosecutor's Office is that all types of prosecutorial institutions here had supervisory powers.

In most cases the Russian Prosecutor's Office was a system of independent bodies with the external features of judicial bodies. Its main objective was to ensure the interests of the central government throughout the state by implementing supervision. Thus, it has always been a law enforcement body that is entitled to apply the state coercion measures under the simplified procedure (out of court). All other functions derived from its supervisory power. Later, under the Soviet influence, this model became defining for a number of countries that had not known, used or had refused the US-British or European traditions of legal construction before.

References:

1. Казарина А.Х. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов (сфера предпринимательской и иной экономической деятельности). Москва, 2005. – С. 8.
2. Гуляев В. России – надежные властные структуры // Советская юстиция. 1992. № 2. – С. 23.
3. Бородин С.В., Кудрявцев В.Н. О Судебной власти в России // Государство и право. 2001. № 10. – С. 25.
4. Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиулин А.Г. Прокурорский надзор за расследованием преступлений. Москва, 2000. – С. 21.
5. Кулагин П. Прокуратура должна стать органом президентской власти // Законность. 2001. № 10. - С. 29.
6. Чиркин В.Е. Государствоведение. Москва, 1999. – С. 358.
7. Додонов В.Н., Крутских В.Е. Прокуратура в России и за рубежом. Москва, 2001. – С. 5.

*Kutsos Olga, Odessa I.I. Mechnikov National University,
PhD, Doctor of Philosophical Sciences*

Scientific basic of empirical studies of the national mentality

*Куцос Ольга, Одесский национальный
университет им. И.И. Мечникова,
кандидат философских наук*

Научные основы эмпирического изучения национального менталитета

Менталитет – это одно из основных понятий современного гуманитарного знания. Оно включает в себя главные характеристики этноса и является одним из ведущих критериев при сопоставлении наций друг с другом. Несмотря на неопределённость и неоднозначность данного понятия, в общем смысле под менталитетом понимаются социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. Так, М.Ф. Юрий отмечает, что «определённым аналогом понятия «ментальность» в украинской традиции, которая достаточно давно сложилась в историко-философских школах диаспоры, является понятие национального характера» [1].

Менталитет является предметом рассмотрения нескольких гуманитарных наук, изучающих этносы. Психологические и психические особенности наций рассматривает психология. Она сопоставляет народы, исходя из национальной особенности мышления. Сравнительные исследования социальных институтов, а также социальных проблем жизнедеятельности этносов, проводит социология. Взаимоотношение этнического сознания и языка изучает лингвистика. Рассмотрение наций в контексте культурных особенностей – прерогатива культурологии. Однако, на наш взгляд, исследование, ограниченное рамками какой-либо одной науки, всегда будет односторонним. Именно поэтому эмпирическое изучение менталитета должно быть полидисциплинарным, а обеспечить такую многовекторность может философия как особая форма познания мира, вырабатывающая систему знаний о наиболее общих характеристиках и фундаментальных принципах реальности и познания, бытия человека, об отношении человека и мира.

Анализ трудов украинских исследователей менталитета выявил их сугубо теоретическую направленность. Так, В.В. Буяшенко [2] и Т.Е. Гетало [3] характеризовали ментальность как онтологическую парадигму, О.В. Гриб [4] исследовал ментальность как социокультурный феномен, Р.А. Додонов [5] анализировал её в контексте учения о детерминантах мыслительных автоматизмов. Вместе с тем, изучение теоретического базиса категории ментальности является недостаточным для формирования целостной картины «национального характера». В связи с этим, опираясь на полипарадигмальную

научную методологию, мы разработали методические материалы для всестороннего анализа менталитета.

Разработанная нами брошюра состоит из четырёх блоков заданий, предлагаемых испытуемым. Первый блок базируется на использовании лингвистического метода и предполагает проведение ассоциативного эксперимента. Проведение эксперимента проходит по следующей формуле: испытуемому предлагается список слов и даётся задание по прочтению каждого слова записать рядом первое пришедшее на ум. При этом во время устного инструктажа экспериментатор подчёркивает, что анкетирование проводится анонимно и что подолгу размышлять над каждым словом нет необходимости. Испытуемому предлагаются слова-стимулы, которые можно отнести к моральным ценностям («добро», «зло», «любовь», «счастье» и т.д.) и к значимым этическим образам («бог», «дом», «душа», «семья» и т.д.).

Второй блок предполагает использование контент-анализа – метода, применяемого в различных социальных науках. В целом его можно охарактеризовать как количественный анализ текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей. Контент-анализ применяется при изучении источников, инвариантных по структуре или существу содержания, но внешне бытующих как несистематизированный, беспорядочно организованный текстовый материал. Мы предлагаем испытуемому написать небольшое эссе на тему «Современный представитель нации» (в частности, украинские испытуемые пишут эссе на тему «Современный украинец»). Кто он? Каковы его чувства, мысли, желания, цели? Каков его характер и взгляды на жизнь? Экспериментатор акцентирует внимание на том, что писать следует о том, что считает важным сам испытуемый.

Третий блок базируется на использовании психологической методологии. Испытуемому предлагается поучаствовать в психологическом тестировании (психодиагностическом обследовании), предполагающем процедуру установления и измерения индивидуально-психологических отличий. Участники эксперимента получают стандартизированные задания и, прослушав инструктаж, выполняют их. Для выявления личностных особенностей, наглядно иллюстрирующих характерные черты национального менталитета, мы предлагаем использование тестов, направленных на выявление: 1) ценностных ориентаций; 2) смысло-жизненных ориентаций; 3) личностной зрелости; 4) самооотношения; 5) коммуникативных особенностей и т.д.

Четвёртый блок имеет общеметодологический характер. Он содержит разработанную нами анкету, включающую разнообразные вопросы социокультурного характера. Часть вопросов предполагает выбор одного ответа из нескольких, другая часть – ранжирование вариантов ответов. При инструктаже подчёркивается, что здесь нет правильных и неправильных ответов – мы собираем различные точки зрения, и для нас имеет значение мнение данного конкретного человека.

Таким образом, проводя исследование в соответствии с обозначенными смысловыми блоками, мы получаем картину национального менталитета, претендующую на целостность и всесторонность.

Безусловная важность такого исследования заключается в том, что в эпоху глобализации знание особенностей национальных менталитетов имеет огромное значение. Это обусловлено тем, что в современном мире всё более активно налаживаются связи между различными странами, между представителями различных культурных групп. Вместе с тем, иногда международное взаимодействие осложняется незнанием и

непониманием ментальных особенностей партнёров. На наш взгляд, сотрудничество Украины и других стран может быть плодотворным во многих культурных, социальных, экономических сферах. Для того чтобы различия в восприятии мира не мешали этому, всем сторонам необходимо знать и понимать основные языковые и культурные особенности друг друга. Вышесказанное обуславливает наши дальнейшие планы – осуществить компаративный анализ украинского и других национальных менталитетов.

Список литературы

1. Юрій М.Ф. Соціокультурний світ України. – Київ, 2004. – С. 582.
2. Буяшенко В.В. Ментальність як парадигма співбуття: Дисертація кандидата філософських наук. – Київ, 1997. – 170 с.
3. Гетало Т.Є. Онтологія ментальності: філософсько-культурологічний аналіз: Дисертація кандидата філософських наук. – Харків, 1999. – 160 с.
4. Гриб О.В. Національна та етнічна свідомість як соціокультурний феномен: Дисертація кандидата соціологічних наук. – Львів, 1998. – 173 с.
5. Додонов Н.А. Этническая ментальность: Опыт социально-философского исследования. – Запорожье, 1998. – 192 с.

*Badmayev Valeriy, State University of Kalmykia
Professor, Doctor of Philosophy, the Faculty of Philosophy,
Polyakova Raisa, State University of Kalmykia,
Post-graduate student, the Faculty of Philosophy,
Russian Economic University named after G.V. Plekhanov,
Assistant Professor Department of technology
and management of food enterprises*

Identity and Cultural diversity in a global perspective

*Бадмаев Валерий, Калмыцкий государственный университет,
профессор, доктор исторических наук, философский факультет,
Полякова Раиса, Калмыцкий государственный университет,
Аспирант, философский факультет
Российский Экономический Университет им. Г.В. Плеханова,
Ассистент кафедры технологии и организации предприятий питания*

Идентичность и культурное многообразие в глобальной перспективе

Успехи современной цивилизации в области человеческого развития (экономика, технологии, образование, наука и т.д.) сопровождаются и новыми глобальными вызовами человечеству, связанными с повышением уязвимости индивида и окружающего его мира, в котором он живет. В этом плане можно согласиться с авторами Доклада о человеческом развитии - 2014 «Обеспечение устойчивого прогресса человечества: Уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости», что учет прогресса в человеческом развитии является неполным без анализа и оценки уязвимости¹. Среди системных источников уязвимости человеческого развития, человеческого потенциала, на наш взгляд, особого внимания заслуживают вопросы соотношения культурного многообразия и современных процессов глобальной универсализации.

Глобализация релятивирует прежние культурно-цивилизационные границы. Мир находится в точке культурной бифуркации, отражающей критический период современной истории. Период, который характеризуется тем, что человечество переходит от состояния, когда оно существовало и развивалось в форме многих и различных самостоятельных цивилизаций, к состоянию, когда мир становится единым, внутренне целостным организмом.

¹ См.: Доклад о человеческом развитии 2014. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: Уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости. Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир». 2014 г.

Во многом это связано с неустойчивостью, неопределенностью, нестабильностью, непредсказуемостью современного мира, противоречивостью, разновекторностью его развития. Процессы глобализации изменяют устоявшиеся представления о центре мировой цивилизации и траекториях ее развития. Каждая точка в глобально-цивилизационном пространстве (в силу динамично изменяющейся рыночно-экономической конъюнктуры, технико-технологических и информационных обменов, международных миграционных потоков, стирающих границы между государствами и т.д.) в любой момент может быстро превратиться в мировой центр глобально-сетевое развитие. И также стремительно исчезнуть. Указанные процессы демонстрируют глубокие противоречия в развитии современной цивилизации, некогерентность и негармоничность, нелинейность и турбулентность мировых процессов. Все это требует переосмысления роли и места локального в глобальном, так же как и глобального в локальном. В данном контексте могут быть пересмотрены и подходы к анализу этнокультурной идентичности – необходимо не только исследование пространства этноса в современном мире, но и анализ того, как современный глобализирующийся мир отражается в пространстве бытия этноса. Важно понимание взаимозависимости и взаимосвязанности картины мира и бытия этносов с тенденциями развития современного динамично изменяющегося мира. Именно в данном ключе, как нам представляется, возможен поиск наиболее перспективных вариантов синхронизации процессов глобализации и этнокультурной локализации.

Можно отметить некоторую парадоксальность ситуации. Рост объективных интегративных тенденций во всем мире, которые ведут к взаимодействию во всех сферах жизни современного общества - экономической, политической, культурной - сопровождается не менее устойчивым, параллельным процессом противодействия проявлениям интернационализации экономики и духовной сферы в форме протестов отдельных этнических и социальных общностей в разных регионах и странах. Более того, боязнь утратить свой язык, культуру, самобытность, уникальность в этих условиях, характерная практически для всех народов, проявляется и на уровне государств, отстаивающих свои национально-государственные интересы, свою национальную идентичность.

В условиях возрастающей целостности и взаимозависимости мира стремление индивидов сохранить разнообразные формы своей этнокультурной идентичности, защитить свои традиционные практики и модели жизни можно рассматривать как ответ на культурную унификацию, попытки избежать негативных последствий процессов глобализации. Нередко эти тенденции принимают достаточно жесткие и противоречивые формы (национализм, религиозный фундаментализм, сепаратизм и др.).

Современной мировой тенденцией является обострение межэтнических противоречий. При этом границы «размежеваний» в современных как западных, так и не западных обществах все больше приобретают характер межконфессионального, межэтнического противостояния².

Мир, связанный глобальной взаимной зависимостью, нуждается в новом подходе к анализу идентичности и культурного многообразия. В условиях принятия множественной идентичности в обществе дискутируются следующие вопросы. В какой мере между нами

² См.: Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современности. Материалы научно-практической конференции «Глобальный кризис и его последствия: обострение этносоциокультурных противоречий» // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 11-12.

допустимы различия? Насколько схожими мы должны быть? Ведь признание множественной самобытности влечет за собой серьезную трансформацию общества.

Собственно говоря, данные вопросы в том или ином контексте всегда стояли перед народами. И народы, цивилизации по-своему отвечали на эти вызовы своей истории. Так, например, в начале VII века., в 604 г. н. э. японский принц-буддист Сетоку принял конституцию кемпо (одну из самых либеральных того времени, известную как «конституция семнадцати параграфов»). В ней говорилось: «Мы не должны обижаться на то, что у других есть иная точка зрения, отличная от нашей. У каждого человека есть сердце, а у каждого сердца – своя склонность. Их правота - для нас заблуждение, а наша правота – заблуждение для них»³. Человек, имеющий и настроенный лишь на одну идентичность, рассматривает весь окружающий его мир сквозь призму только этой одной идентичности. Отсюда непонимание других, отсутствие диалога, и как следствие – неизбежные конфликты.

Другой пример. В 1572 г. мусульманский правитель Индии Акбар провозгласил религиозную терпимость основой государственной политики. Отметим - мусульманский правитель, что перечеркивает современные упрощения, будто ислам – это фундаментализм, а фундаментализм – это терроризм.

Эти мысли, высказанные в древности, созвучны и нашим дням. Так, например, профессор Гарвардского университета, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1998 г. Амартья Сен в своей работе «Identity and Violence: The Illusion of Destiny», подчеркивая связь между идентичностью и проблемами насилия, отмечает, что каждый человек в каждый момент времени имеет множество социальных ролей, и далеко не обязательно какая-то одна из них оказывается основной⁴. Иначе «будут утрачены многие ценности человеческой жизни, и люди окажутся как бы помещенными в маленькие ящички», что автор называет «миниатюризацией человека».

Главная мысль А. Сена заключается в том, что многие конфликты и жестокости в мире основываются на иллюзии существования одной-единственной идентичности, которой нет альтернативы. Он выводит простую логическую цепочку: навязывание идентичности ведет к отказу от многообразия социальных ролей; сужение социальной роли ограничивает кругозор личности; в этой ситуации малейшие отступления от того, что кажется верным, воспринимаются как оскорбление; оскорбление требует отмщения; финалом становятся религиозная или национальная ненависть и насилие.

В действительности допущение того, что людей можно идентифицировать исключительно на основе религии или культуры, является недооцененной причиной многих потенциальных конфликтов в современном мире. Зачастую мир рассматривается только как собрание религий (или цивилизаций, или культур), отвлекаясь от других идентичностей, которые имеют и ценят люди, основанием которых выступают в том числе язык, наука, пол, профессия, мораль, политика. Такая односторонняя градация развязывает больше конфликтов, чем универсум плюралистических и разнообразных идентичностей, отличающих мир, в котором мы сегодня живем. Единственное, что необходимо в этой ситуации, - признать, что мы все «по-особенному различны».

³ См.: Доклад о развитии человека за 2004 год. Культурная свобода в современном многообразном мире. Нью-Йорк, 2004.

⁴ Amartya Sen. Identity and Violence: The Illusion of Destiny. New York, London, W.W. Norton&Co., 2006.

Действительно, в условиях усложнения процессов глобального культурного взаимодействия, расширения контактных зон проблемы и перспективы диалога культур и цивилизаций приобретают новое измерение, базирующееся на мультивидении глобального мира и мультиидентичности современного человека.

Народы, индивиды действительно должны отказаться от жестких рамок неизменной и фиксированной идентичности, чтобы вступить в диалог друг с другом. В диалоге важно не только то, что нация, индивид думают о себе, но и то, что другие нации, индивиды думают о них. Ведь, чтобы исчезла почва для конфликтов, народы должны увидеть друг друга, принимая несходство за благо, а не за оскорбление. Для того же, чтобы увидеть другого, необходимо прежде увидеть себя, самоидентифицироваться. Максимально возможным органическое взаимообогащение делается лишь тогда, когда сами культуры достигают достаточно отчетливого понимания своей «самости». Осознать же себя, можно лишь зная свое прошлое, свои истоки; осознав свое культурное предназначение, свое место в мире. Кто осознал себя, не может не признавать самобытность другого. Только при этих условиях самобытность и культурное многообразие будут процветать в мире.

Как свидетельствует история, религия может быть источником раздора. Но она также может и способствовать преодолению конфликтов. Нам достаточно известно первое, но второе, к сожалению, остается редкостью. Собственно говоря, ценностные установки на налаживание диалога есть во многих религиозно-культурных традициях. Ярким примером этого является тот факт, что межконфессиональный диалог не является чем-то исключительным. Во многих странах, в том числе и России существуют межконфессиональные советы при правительственных органах, совместные конференции, направленные на выработку совместного подхода к осознанию и решению проблем современности, в том числе и проблем молодежи и образования.

Так, например, главный раввин Великобритании лорд Сакс в своей книге с символическим названием «Достоинства различия. Как избежать столкновения цивилизаций» отмечает необходимость научиться жить в разнообразном мире, постигнув дарованное нам Богом, обогащающее мир достоинство различия. Он приводит притчу, где рассказывается о двух людях, которые всю жизнь переносят камни. Один переносит бриллианты, другой булыжники. Однажды каждому из них было поручено отнести мешочки с рубинами. Кто из них сможет оценить новую ношу? Тот, кто привык переносить бриллианты, знает, что камни могут быть ценными, даже если они не бриллианты. Но другой, кто переносил только булыжники, думает о камнях только как о тяжести. Он не знает их ценности. Рубины – вне его разума. То же самое и с верой. Если мы ценим нашу веру, тогда мы поймем ценность и других верований. Мы можем воспринимать нашу веру как бриллиант, а другую как рубин, однако мы знаем, что обе они – драгоценные камни. Но если мы видим в вере только тяжесть, мы не оценим ни нашу веру, ни веру кого-либо другого. Для нас они обе будут одинаково бесполезными. Смысл притчи в том, что истинная терпимость исходит не из отсутствия веры, но из ее живого воплощения. Осознание особого смысла того, что важно для нас, есть лучший путь к признанию ценности того, что важно для других⁵.

⁵ Джонатан Сакс Достоинства различия. Как избежать столкновения цивилизаций. М., 2008. С. 314-315.

Для снятия противоречий «глобализация - локализация», «культурная интеграция - мультикультурализм», традиционное - инновационное», «партикуляризм – универсализм» важен переход от их социокультурной дихотомии к ценностному консонансу культур, который позволил бы, и способствовал бы объединению вокруг универсальных (в позитивном смысле) ценностей, ориентиров (мир, толерантность, культурное многообразие, гуманизм, ненасилие и др.). Особенно важно отметить, что готовность признать существование этого многообразия, а также способность не использовать оценочный подход «хорошо/плохо», «правильно/неправильно» могли бы стать отправной точной для такого подхода.

Конечно, это очень сложно. Более того, сегодняшняя реальность показывает, что наш мир, к сожалению, еще не избавился от войн, конфликтов. Но ведь все зависит от самого человека, от самих народов. Приведем в этой связи одну восточную мудрость. Индийский ученый и практик буддизма Шантидева однажды заметил, что, хотя мы не можем и надеяться отыскать столько кожи, чтобы покрыть всю землю, уберегая свои ноги от колючек, на самом деле это и не нужно. Вполне достаточно прикрыть подошвы наших ног. Другими словами, хотя мы не можем всегда изменять обстоятельства так, чтобы они нас устраивали, мы можем изменить свое отношение к ним. Быть может это и будет нашим первым шагом на пути к диалогу и предотвращению конфликтов.

В этом смысле можно говорить о цивилизации диалога, об универсальной цивилизации, которая должна существовать на основе признания многообразия мира и объединять все человечество, подтверждая тезис - сила в единении, а не в одинаковости.

Список литературы:

1. Доклад о человеческом развитии 2014. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: Уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости. Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2014 г.
2. Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современности. Материалы научно-практической конференции «Глобальный кризис и его последствия: обострение этносоциокультурных противоречий» // Мировая экономика и международные отношения, 2013. № 11-12.
3. Доклад о развитии человека за 2004 год. Культурная свобода в современном многообразном мире. Нью-Йорк, 2004.
4. Amartya Sen. Identity and Violence: The Illusion of Destiny. New York, London, W.W. Norton&Co., 2006.
5. Джонатан Сакс Достоинства различия. Как избежать столкновения цивилизаций. М., 2008. С. 314-315.

*Latyshev Sergei, Volgograd Cooperative Institute,
Associate Professor, Candidate of Law,
the Faculty of management and law,*

Legal aspects of the exercise of Executive power in the system of local self-government in the Russian Federation

Латышев Сергей, Волгоградский кооперативный институт, доцент, кандидат юридических наук, факультет управления и права

Правовые аспекты осуществления исполнительной власти в системе местного самоуправления в Российской Федерации

Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяет местное самоуправление не только как один из уровней публичной власти и институт гражданского общества, но и как механизм реализации государственных задач. Данное положение определяет необходимость научного исследования основных параметров и направлений взаимодействия органов местного самоуправления с государственной властью, а также формирования перспективных подходов к пониманию места и роли исполнительной власти в системе местного самоуправления. Без изучения правовых и организационных форм осуществления исполнительной власти в системе местного самоуправления этого добиться невозможно.

Актуальность выбранной проблематики обусловлена следующими факторами:

- увеличением и усложнением роли исполнительной власти в системе местного самоуправления для укрепления основ реального российского федерализма;
- необходимостью перехода к новому курсу, предусматривающему больший учет реализации социально-экономической политики на местном уровне, и активизации участия населения и институтов гражданского общества в решении вопросов местного значения;
- значимостью специфики исполнительной власти в системе местного самоуправления и объективной потребностью исследования основных параметров и направлений взаимодействия органов местного самоуправления с государственной властью;
- сохранением ситуации, при которой вопросы правового, организационного, финансового, экономического характера, остаются определяющими для развития местных сообществ и имеют реальную ценностную значимость в условиях существующих разнообразных моделей местного самоуправления в Российской Федерации.

Подробное исследование правовых и организационных форм осуществления исполнительной власти в системе местного самоуправления в Российской Федерации позволило сформулировать следующие выводы.

На основе проведенного системного анализа местного самоуправления и его публично-властных прерогатив раскрывается его двойственная политико-правовая природа, имеющая и государственную, и общественную составляющие. При этом элементы государственной природы имеют преобладающее значение. Это позволяет раскрыть местное самоуправление как конституционно-правовой институт, содержательная ценность которого определяется его правовым характером, децентрализацией управления, самостоятельностью местных органов, обеспечивающих создание условий для устойчивого развития местного сообщества с учетом исторических, социальных, национальных, культурных и иных традиций.

В настоящее время местное самоуправление необходимо рассматривать как разновидность публичной власти, не являющейся государственной, что подтверждается в решениях Конституционного суда Российской Федерации и находит свое отражение в законодательстве. Однако анализ статуса муниципальных образований и деятельности органов местного самоуправления показывает, что они не обладают абсолютной независимостью, а их самостоятельность по отношению к государству и его органам относительна.

Данный аспект усиливается авторской обоснованностью невозможности существования полностью автономного местного самоуправления. Попытки исключения местного самоуправления из единой системы власти и управления в России препятствуют согласованности реализации общенациональных задач, эффективности деятельности муниципальных органов, создают почву для злоупотреблений на местах и др.

При исследовании взаимодействия органов местного самоуправления и исполнительной власти в Российской Федерации необходимо отметить, что данные взаимоотношения определяются юридическим, функциональным, организационным характером. В авторской концепции отстаивается позиция о том, что принцип организационной самостоятельности местного самоуправления, закрепленный в ст. 12 Конституции Российской Федерации 1993 г., не нарушает принципа единства системы публичной власти, которая в целом направлена на укрепление демократических основ российской государственности.

На основе исследования качественных характеристик органа местного самоуправления предлагается изложить п. 13 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г. в следующей редакции: орган местного самоуправления – это орган публичной власти муниципального образования, действующий на основе федерального законодательства, законодательства субъекта Российской Федерации и устава муниципального образования, формально-юридически не входящий в систему органов государственной власти, обладающий собственными полномочиями по решению вопросов местного значения и полномочиями, делегированными ему органами государственной власти, и осуществляющий свою деятельность в интересах населения.

Обстоятельное изучение действующего законодательства, правотворческой и правоприменительной практики позволило выявить, что содержание вопросов местного значения муниципального образования, полномочий его органов как собственных, так и в рамках осуществления отдельных государственных полномочий, свидетельствует о их

исполнительно-распорядительном характере. Нормотворческие полномочия органов местного самоуправления имеют подчиненное значение и направлены на реализацию положений федерального и регионального законодательства, а также решение вопросов жизнеобеспечения муниципального образования.

В развитие обозначенного положения подтверждается необходимость корректировки ч. 1 ст. 34 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», закрепляющей то, что только местная администрация является исполнительно-распорядительным органом муниципального образования, при этом не устанавливается характер деятельности иных органов местного самоуправления. В связи с этим предлагается исключить из данной статьи слова «исполнительно-распорядительный орган муниципального образования».

В Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», регламентирующем деятельность органов местного самоуправления, не закрепляется принцип разделения властей на муниципальном уровне. Тем не менее целесообразно установить на муниципальном уровне принцип разграничения компетенции представительных и исполнительных органов местного самоуправления. В данной позиции видится основа стратегии дальнейшего развития местного самоуправления в России, которая должна основываться на следующих концептуальных и научно-обоснованных принципах.

Представительный орган определяет общий характер деятельности исполнительных органов, устанавливает обязательные для исполнения правила на территории муниципального образования, контролируя их исполнение.

Кроме того, представительный орган определяет формы и сроки отчетности исполнительных органов перед населением и представительным органом и не вмешивается в текущую, оперативную деятельность исполнительных органов.

Исполнительные органы осуществляют оперативное управление на территории муниципального образования, обладая для этого исключительной компетенцией.

Важным итогом научной работы стало исследование правовой природы муниципальных правовых актов как особой разновидности актов, направленных на организацию исполнения и обеспечения соблюдения правовых норм. Обоснованность данного положения заключается в том, что они являются актами правореализации. Это в значительной степени относится и к уставу муниципального образования, положения которого сводятся в основном к воспроизведению норм федерального и регионального законодательства во всех значимых вопросах местного значения. Раскрывая типичное в уставах муниципальных образований, отмечается недостаточность в них правовых норм, призванных закреплять существующие самобытные и исторически сложившиеся местные особенности, которые требуют постоянного и соответствующего учета в организации деятельности местных органов.

Таким образом, в современных условиях следует целенаправленно на научной основе с повышением роли муниципальной правовой политики переходить к качественному развитию территорий муниципальных образований с участием институтов гражданского общества. Это одновременно отвечает созданию реальной самостоятельности муниципалитетов, которая позволит избавить их от избыточной регламентации сверху и даст импульс к дальнейшему развитию местного самоуправления в Российской Федерации.

*Sorokin Sergey Anatolievich,
University of Nizhni Novgorod,
Ph.D., Institute of Economics and Business*

Features demography shogun Tokugawa

*Сорокин Сергей Анатольевич, Нижегородский
государственный университет, кандидат
технических наук, Институт
экономики и предпринимательства*

Особенности демографии сёгунов рода Токугава

Анализ демографической истории Японии предполагает рассмотрение различных и взаимосвязанных процессов. Исследованию подлежат: происхождение народа и его этническая принадлежность; начальный момент исторической жизни народа; процессы формирования территорий; мобильность населения, динамика его численности и плотности; динамика показателей смертности, рождаемости, продолжительности жизни и т. д.; эпидемиологический характер исторических периодов; взаимосвязь форм общественного производства с типом воспроизводства населения; процессы урбанизации и т.д. Некоторые из названных процессов проанализированы автором и ожидают возможности быть опубликованными.

Целью настоящей работы является решение частной задачи, раскрывающей демографические особенности, присущие высшим слоям общества периода феодальной империи Токугава.

Демографы, анализируя воспроизводство населения, оперируют статистической информацией и оценочными данными, относящимися, в большей степени, к женской части населения (витальный, прокреационный и репродуктивный исходы, брачная рождаемость и т. д.): мужчине в этом случае отводится второстепенная роль – роль случайного фактора в жизни женщины. Однако акценты меняются, когда речь идет о привилегированной части мужского населения.

О периоде правления сёгунов рода Токугава историкам известно многое, особенно хорошо известны подробности жизни самих сёгунов. В работе А. Прасола приводятся сведения о продолжительности жизни и длительности правления, о количестве жён и наложниц, о количестве детей от жён и от наложниц всех пятнадцати сёгунов рода Токугава [1]. Однако некоторые подробности биографии одиннадцатого сёгуна Токугава Иэнари историкам неизвестны.

Согласно правилу эпохи, супруга сёгуна, выходя к 30 годам из детородного возраста, уступала своё место в спальне молодой наложнице. Наложницы к 30 годам тоже выходили в отставку. Число официальных наложниц ограничивалось штатным расписанием женской половины императорского двора. Императору разрешалось иметь до 12 наложниц, удельным князьям и *хатамото*¹ – до 8, их прямым вассалам – не более 5, рядовым самураям – не более 2 (в соответствии с завещанием Токугава Иэясу – первого сёгуна рода Токугава). Однако сёгун был вправе менять штатное расписание, так, например, одиннадцатый сёгун Иэнари имел более 40 наложниц (их точное количество неизвестно). При этом численность потомства Иэнари, рожденным от наложниц, было наибольшим – 54.

Общая численность потомства для каждого из 15 сёгунов распределяется от нуля до 55 человек. Официально наложницами были рождены 127 детей сёгунов. В действительности детей наложниц было большее количество (не все наложницы получали придворный ранг). Наличие потомства и его количество зависели от ряда факторов: физического здоровья сёгуна, продолжительности его жизни, количества жен, количества наложниц, длительности правления сёгуна, прочих факторов (социальных, политических и т. д.), которые учесть трудно. Однако, такой фактор, как общее количество женщин (общее количество жен и наложниц), поглощает большинство из названных факторов.

Попробуем уточнить взаимосвязь между названными факторами и численностью потомства сёгунов эпохи Токугава.

Из продолжительности жизни сёгуна выделим *продолжительность его жизни до правления* (t), которую используем для выяснения количества детей, рожденных в браке (K_1), характерного для аристократической части самурайства, не находящейся у верховной власти.

Продолжительность правления является фактором, влияющим на количество потомков сёгуна от наложниц. Как было отмечено, и продолжительность правления, и количество наложниц, поглощаются другим фактором – общим количеством женщин (w).

Такие факторы, как физическое здоровье сёгуна, социальные и политические факторы (вплоть до интриг в борьбе за власть внутри рода Токугава и т. д.) отнесём к случайным факторам (ε_i), характерным для каждого сёгуна индивидуально.

Продолжительность жизни сёгунов до правления. Обращаясь к Таблице 1, исключая из рассмотрения сёгунов, не имевших детей в браке (за исключением седьмого малолетнего сёгуна Иэцугу), замечаем, что количество детей, рождённых в браке (K_1), имеет тенденцию к насыщению: медленный прирост сменяется быстрым, а затем он вновь замедляется, стабилизируясь на некотором уровне.

¹ *Хатамото* (подзнаменные) – военачальники, исторические союзники Токугава Иэясу до 1600 года. Хатамото являлись непосредственными вассалами сёгуна. На иерархической лестнице стояли сразу за даймё. Имели право на аудиенции у сёгуна, владели поместьями с доходом от 100 до 10 тысяч коку или получали жалованье такого же размера.

Таблица 1. Жёны, наложницы и дети сёгунов рода Токугава [1].

Сёгун	Годы жизни		Годы официального правления		Количество во жен	Количество наложниц	Численность потомства	
							от жен	от наложниц
1 Иэясу	1542	1616	1603	1605	2	19	2	17
2 Хидэтада	1579	1632	1605	1623	1	2	3	6
3 Иэмицу	1604	1651	1623	1651	1	9	0	7
4 Иэцуна	1641	1680	1651	1680	1	2	0	0
5 Цунаёси	1646	1709	1680	1709	1	3	0	2
6 Иэнобу	1662	1712	1709	1712	1	4	2	4
7 Иэцугу	1709	1716	1712	1716	0	0	0	0
8 Ёсимунэ	1684	1751	1716	1745	1	6	0	5
9 Иэсигэ	1711	1761	1745	1760	1	2	0	2
10 Иэхару	1737	1786	1760	1786	1	2	2	2
11 Иэнари	1773	1841	1786	1837	1	40 ²	1	54
12 Иэёси	1793	1853	1837	1853	1	7	3	23
13 Иэсада	1824	1858	1853	1858	3	1	0	0
14 Иэмоти	1846	1866	1858	1866	1	0	0	0
15 Ёсинобу	1837	1913	1866	1867	1	2	2	5

Подобная динамика может быть формализована различными способами, остановимся на уравнении Ферхюльста:

$$K_1(t) = \frac{K_{balance} K_0 e^{\beta_1 t}}{K_{balance} - K_0 (1 - e^{\beta_1 t})}. \quad (1)$$

Коэффициенты уравнения (1) получены посредством оптимизации:

$$\sum_{j=1}^8 (K_{1j} - K_1(t_j))^2 \rightarrow \min,$$

$$\beta_1 = 0.36, \quad K_0 = 0.016, \quad K_{balance} = 2.356.$$

Результаты вычислений показывают (Рис. 1), что количество детей сёгунов, рожденных в браке, стремится к равновесному состоянию $K_{balance}$:

$$\lim_{t \rightarrow \infty} K_1(t) = K_{balance} \approx 2.$$

Максимальная скорость роста численности потомства сёгунов Токугава в браке $\left(\frac{dK_1}{dt}\right)$ наблюдается в 14-летнем возрасте сёгуна, а к 30 – 35 годам стремится к нулю.

² Официальных наложниц у Иэнари было более 40, их точное количество неизвестно [1].

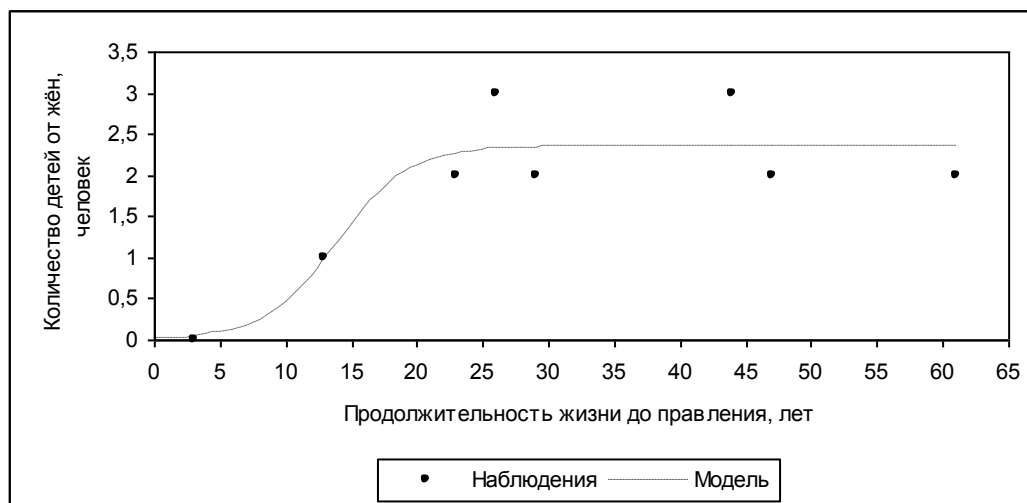

Рис. 1. Численность потомства сёгунов Токугава в браке.

Дети от жён и наложниц. Общее количество детей сёгунов, рождённых, как в браке, так и от наложниц $K_2(w)$, представляет почти линейную зависимость (Рис. 2):

$$K_2(w) = \alpha w, \quad (2)$$

где $\alpha \approx 1.28$.

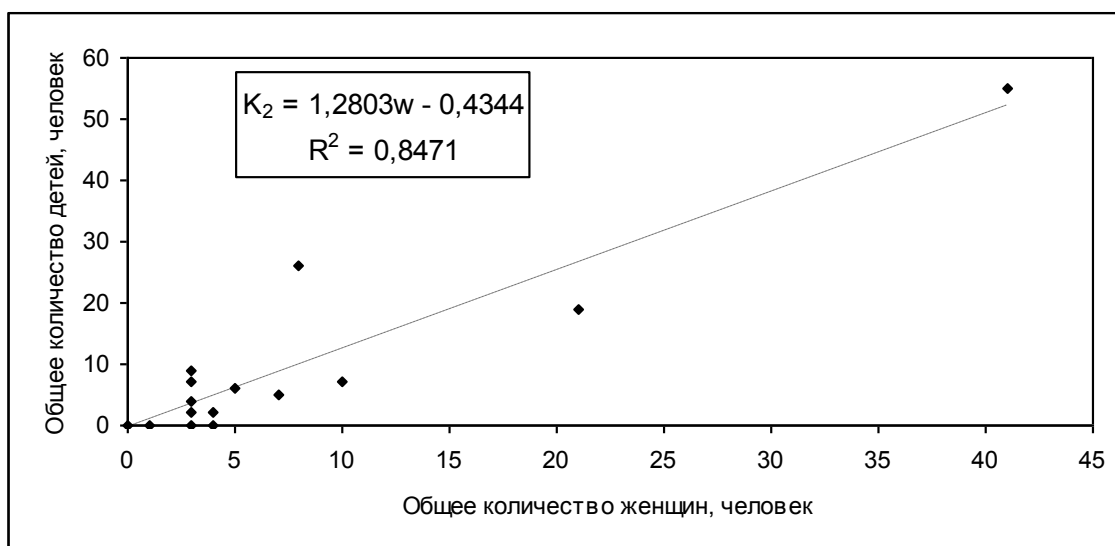

Рис. 2. Общая численность потомства сёгунов Токугава.

Отклонения результата от линейной зависимости оценим, используя индивидуальный стохастический фактор.

Индивидуальный стохастический фактор. Если следовать статистическим данным (Таблица 1), четверо сёгунов рода Токугава вообще не имели детей: ни от жён, ни от наложниц. Для седьмого сёгуна Иэцугу, прожившего всего 7 лет, 4 из которых он «правил», факт бездетности укладывается в модель (1). Необходимо учесть фактор бездетности для оставшихся троих сёгунов рода Токугава: 4-го сёгуна Иэцуна, 13-го сёгуна Иэсада, 14-го сёгуна Иэмоти. Биографические подробности троих названных сёгунов рода Токугава можно найти в работе Н. Ф. Лещенко [2].

Четвертый сёгун Иэцуна являлся старшим сыном третьего сёгуна Иэмицу, рожденным от наложницы. С рождения Иэцуна был слабым и болезненным ребенком. В

десятилетнем возрасте после внезапной смерти отца Иэцуна становится сёгуном, однако, даже повзрослев, в силу собственной болезненности, он являлся лишь номинальным правителем. Всеми делами администрации сёгуната управлял *родзю*³ Сакаи Тадакиё.

13-й сёгун Иэсада с рождения был болен, прожил 34 года. После смерти отца (12-го сёгуна Токугава Иэёси) находился на посту сёгуна всего пять лет, вплоть до своей смерти. Из-за болезни Иэсада даже не принимал непосредственного участия в переговорах с США и европейскими державами в период «открытия» Японии.

Поскольку Иэсада не оставил наследников, на пост 14-го сёгуна был выдвинут внук 11-го сёгуна Токугава Иэнари. 12-летний Ёситоми был объявлен сёгуном, и ему сменили имя на Иэмоти. Выдвижение Ёситоми (Иэмоти) было связано с противостоянием реформаторов (приверженцев императорского двора) и консерваторов (сторонников сёгуната). В целях примирения двора и сёгуната Иэмоти женился в 1862 году на принцессе Кадзу – сестре императора Комэй. Во время одного из визитов к императорскому двору Иэмоти заболел и умер в замке Осака.

Чтобы учесть фактор бездетности для троих сёгунов рода Токугава (4-го сёгуна Иэцуна, 13-го сёгуна Иэсада, 14-го сёгуна Иэмоти), введём в модель случайную индивидуальную составляющую ε_i :

$$K(w, \varepsilon_i) = \varepsilon_i K_2(w), \quad (3)$$

где $K(w, \varepsilon_i)$ – общая численность потомства, зависящая от общего количества женщин и случайной индивидуальной составляющей.

Минимизируя сумму квадратов отклонений статистических данных от результатов линейной зависимости

$$\sum_{i=1}^{15} (K_i - K_2(w))^2 \rightarrow \min ,$$

находим вектор случайных индивидуальных составляющих ε_i :

$$\varepsilon_i = \{0.71, 2.34, 0.55, 0, 0.39, 0.94, 0, 0.56, 0.52, 1.04, 1.05, 2.54, 0, 0, 1.82\}^T ,$$

$$i = \overline{1;15} .$$

Можно заметить (Рис. 3), что ошибка (ε_i) линейной модели ($K_2(w)$) находится в зависимости от отношения $\left(\frac{w_i}{K_i}\right)$:

$$\varepsilon_i = \varepsilon\left(\frac{w_i}{K_i}\right) = \beta \exp\left(-\gamma \frac{w_i}{K_i}\right), \quad (4)$$

где

$$\beta = 3.8757, \quad \gamma = 1.529 .$$

³ *Родзю* – старший государственный советник.

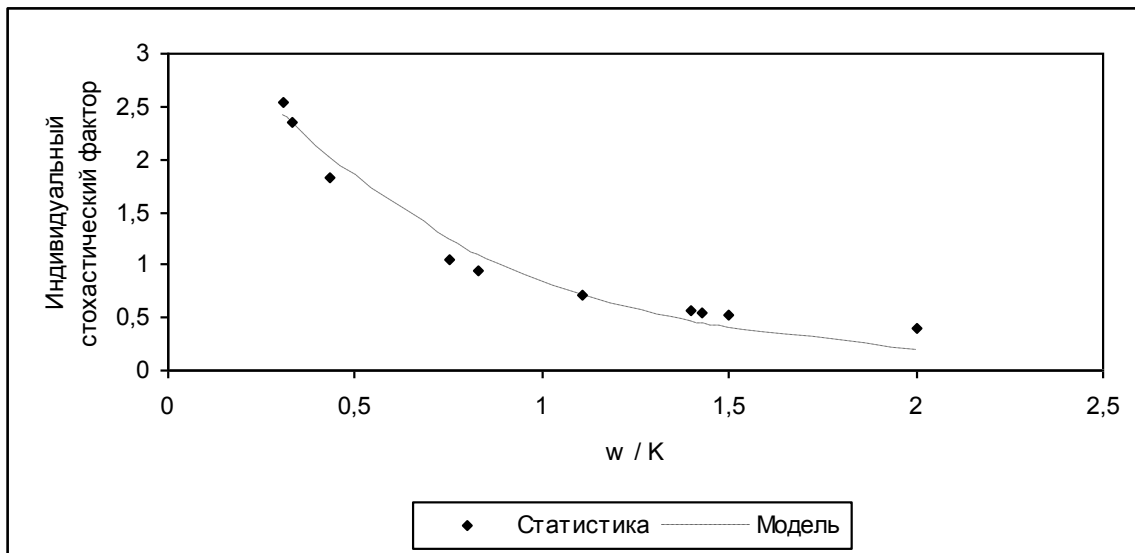

Рис. 3. Индивидуальный стохастический фактор.

Численность потомства. Общее количество детей каждого сёгуна (K) в зависимости от общего количества женщин (w) и индивидуального стохастического фактора (ε_i) представим следующим образом:

$$K(w, \varepsilon_i) = \varepsilon_i \alpha w, \quad (5)$$

где

$$\varepsilon_i = \varepsilon \left(\frac{w_i}{K_i} \right) = \begin{cases} \beta \exp\left(-\gamma \frac{w_i}{K_i}\right), & K_i > 0, \\ 0, & K_i = 0, \end{cases} \quad (6)$$

$$\varepsilon_i \geq 0, \quad i = \overline{1;15}.$$

Средняя квадратическая погрешность моделирования невелика (0.76), но индивидуальная ошибка для 11-го сёгуна Иэнари составляет примерно 10 человек (Рис. 4). Однако следует вновь обратить внимание на тот факт, что историкам неизвестно точное число наложниц Иэнари: поскольку их было более 40, в расчетах использовалось общее число женщин $w_{11} = 41$ (жена и 40 наложниц).

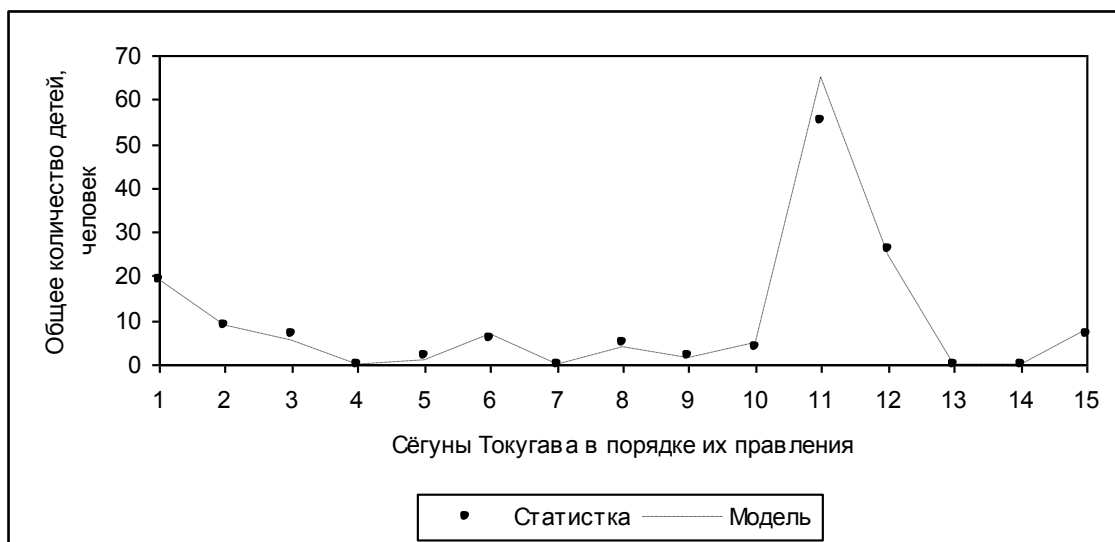

Рис. 4. Общая численность потомства сёгунов рода Токугава.

Модель позволяет спрогнозировать (уточнить) количество наложниц 11-го сёгуна Токугава Иэнари так, чтобы общее количество его потомков более точно соответствовало модели. Если число наложниц Иэнари равно 61 ($w_{11} = 62$), результат будет точнее. При этом параметры модели следует пересчитать заново (с учетом изменения входных данных):

$$\alpha = 0.8744, \beta = 5.5168, \gamma = 1.5004.$$

Средняя квадратическая погрешность моделирования снизится до 0.21 человека (Рис. 5).

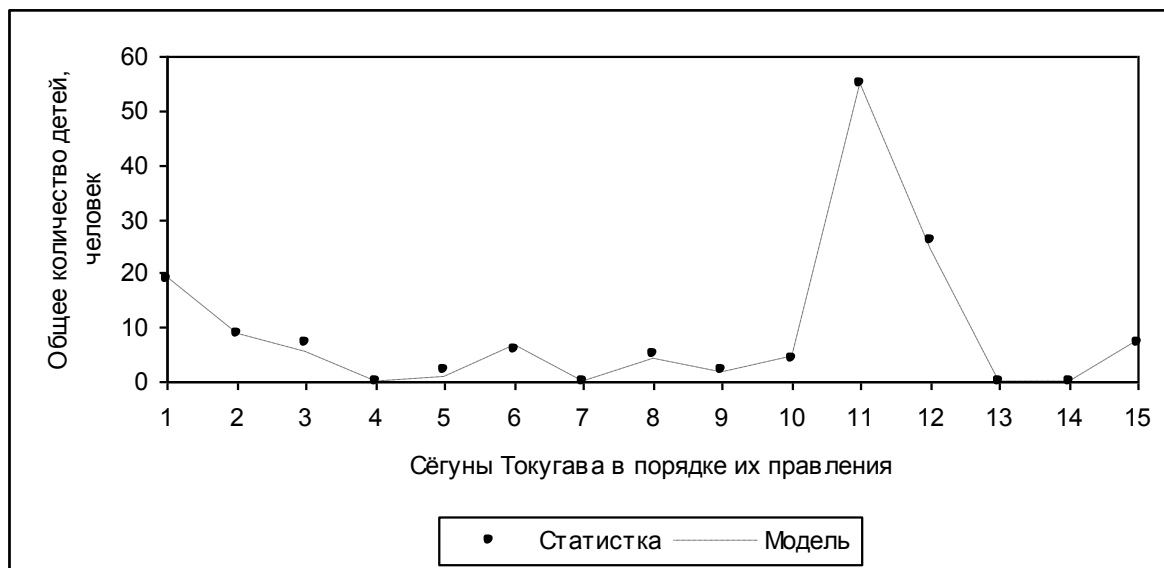

Рис. 5. Общая численность потомства сёгунов рода Токугава.

Итак, если наши рассуждения верны, то в Таблицу 1 следует ввести поправку: количество наложниц 11-го сёгуна Токугава Иэнари равно 61. Продолжительность жизни Токугава Иэнари составляет 68 лет, наибольшая продолжительность жизни среди сёгунов эпохи наблюдалась у Ёсинобу (76 лет) и Иэясу (74 года). Продолжительность официального правления Иэнари была самой длительной – 51 год. Токугава Иэнари оставил наибольшее количество потомков – 55 человек, 54 из которых были рождены, вероятно, от 61 наложницы.

Список литературы:

1. Прасол А. От Эдо до Токио и обратно: культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава. Москва, 2012. – С. 450.
2. Лещенко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава. Москва, 1010. – С. 96–120.

*Neduzhko Yury Victorovich,
Volyn Institute for Postgraduate Education,
Professor, Doctor of Historical Sciences*

Initial Conditions and Causes of Struggle of Foreign Ukrainians for State Independence of Ukraine in 40-es-90-th years of XX Century.

*Недужко Юрій Вікторович,
Професор Волинського інституту післядипломної
педагогічної освіти, доктор історичних наук*

Передумови і причини боротьби української діаспори за державну незалежність України в 40-х – 90-х роках ХХ століття.

Наша держава виділяє як пріоритетний напрямок поглиблення контактів і налагодження тісних взаємовідносин з українською еміграцією. Про це, зокрема, свідчать прийняття Верховною Радою України 4 березня 2004 року Закону України "Про правовий статус закордонних українців", розробка та реалізація Державної програми співпраці із закордонними українцями на період до 2015 року, а також "Національної концепції співпраці із закордонними українцями". В Конституцію України включена спеціальна стаття 12, яка проголошує: "Україна дбає про задоволення національно-культурних потреб українців, які проживають за межами держави" [1].

Велике значення в цьому належить вітчизняній історичній науці, зважаючи на необхідність правдивого висвітлення минулого зарубіжних українців, їх самовідданої безкомпромісної боротьби за відродження державної незалежності України, що однозначно буде сприяти консолідації світового українства, стане однією з форм співпраці із закордонною українською громадою. Саме на це й орієнтована дана наукова праця.

На жаль, історія зарубіжних українців висвітлена надзвичайно фрагментарно. Правозахисна діяльність української діаспори, незважаючи на важливість проблеми, взагалі являється "білою плямою" української історіографії. Серед праць, в яких можна знайти інформацію про боротьбу зарубіжних українців за права людини та демократію в Україні, необхідно відзначити роботи Мирона Куропася, Івана Базарка та Ігнатія Білинського, Майкла Бойара, Марії Дюплак, Олекси Калиника, Леоніда Полтави, Євгена Скоцька в яких докладно проаналізована політична ситуація в середовищі української еміграції США [2].

Багато уваги висвітленню процесів в середовищі української громади країн Заходу присвятили відомі вітчизняні вчені О. Бажан, Є.Камінський, М. Лендвел, А.Русначенко, А.Уткін, К.Чернова та інші [3]. Взаємозв'язкам урядових структур і громадських кіл України з українською громадою Канади в другій половині 1940-1980-ті роки

присвячений збірник документів та матеріалів “На скрижалях історії”, підготовлений академіком НАН України П.Т.Троньком, вченими Інституту історії України НАН України О.Г. Бажаном та Ю.З.Данилюком[4]. Багато інформаційного матеріалу про життя і діяльність зарубіжних українців міститься в монографії українських науковців Трощинського В.П. та Шевченко А.А. [5]. Ряд наукових публікацій присвятив висвітленню боротьби української діаспори за демократію та державну незалежність України і автор цих строк[6].

Проте, всі вони лише побіжно торкаються зазначеної проблеми. Тому дослідження і висвітлення довголітньої боротьби еміграції за демократію і незалежність України викличе значну зацікавленість як професійних науковців, так і представників політичних партій, громадського загалу і може становити суспільну користь за нинішніх складних умов перехідного періоду українського державотворення, стане однією з форм співпраці із зарубіжними українцями.

Метою даної статті є висвітлення боротьби української діаспори за державну незалежність України. Серед завдань статті: показати передумови і причини державотворчої діяльності української діаспори.

Протягом багатьох сотень років територія сучасної України була розділена на частини та перебувала в складі інших держав, а український народ, відповідно, знаходився під владою іноземних правителів. Українці вели активну боротьбу за власну державність. Свідченням цьому є діяльність гетьманів України Богдана Хмельницького та Івана Мазепи, органів влади УНР і ЗУНР, УГВР і УПА.

Українська діаспора – це частина українського народу, яка через політичні, військові чи соціально-економічні обставини була вимушена залишити рідні землі. Незважаючи на поступові процеси асиміляції переважна її більшість завжди вважала себе українцями за походженням. На переконання багатьох із них, основна причина їх негараздів і, відповідно, перебування поза межами Батьківщини це відсутність власної незалежної національної держави. З батьківською землею їх досить часто пов’язували не тільки спогади про минуле, але й наявність родинних зв’язків. Значна частина українських емігрантів мала близьких родичів та друзів на українських землях. Їх доля та становище не були для них байдужими. Тому закордонні українці брали активну участь та здійснювали значну допомогу в справі боротьби за державну незалежність України.

Відомий американський вчений Джеймс Мейс писав з цього приводу: «Треба знати, що таке політична еміграція: група людей, вигнана зі своєї батьківщини якоюсь злісною силою й з’єднана однією думкою, як визволити її від загарбника. Це результат довготривалої війни за виживання української нації, різноманітність рухів та своєрідний архаїзм, який неминуче існує в усіх політичних еміграціях. Втім, почасти, саме подібні еміграції стають носіями, охоронцями і оборонцями національних цінностей, заборонених на батьківщині. І не можна не захоплюватися мужністю українців, які через чисельні лихоліття все ж зберегли скарби мови, культури, духовності, які ще й досі не освоїла людська цивілізація» [7].

Історично першими політичними емігрантами-борцями за державну незалежність України, зарубіжні українці вважали сподвижників та оточення гетьмана Івана Мазепи, які в 1709 році після поразки в битві під Полтавою залишили Україну. Як відомо,

наступник Івана Мазепи Пилип Орлик на еміграції проводив активну боротьбу за українську державність.

В ХХ столітті його справу продовжував екзильний уряд УНР, який в листопаді 1920 року залишив Україну та перебрався до Тарнова (Польща), де і розгорнув боротьбу за відновлення української державності. Задля історичної об'єктивності необхідно відзначити, що саме він забезпечував безперервність української державницької традиції в країнах Заходу протягом 1920-1992 років. До 1926 року його очолював Голова Директорії УНР Симон Петлюра, а з 1926 року – його заступник Андрій Лівіцький, якого в 1948 році обрали Президентом УНР в екзилі[8].

Досліджуючи Державний центр УНР в екзилі неможливо обійти увагою проблему періодизації його діяльності. Голова уряду УНР в екзилі Ярослав Рудницький визначив такі етапи його розвитку:

1)1920-1948 рр. - політична діяльність із перевагою індивідуальної дії прибічників С. Петлюри;

2)1948-1978 рр. - політична діяльність партійно-групового сектору української діаспори на базі Української національної ради (УНРади);

3)1979-1989 рр. - політична діяльність із тенденцією збалансування партійно-групового і непартійно-індивідуального чинників (“відпартійщення ДЦ УНР”);

4)1989-1991 (з епілогом у 1992) - політична діяльність із перевагою партійно-групового сектору української діаспори (“нове запартійщення ДЦ УНР”) [9].

Іншу періодизацію діяльності екзильних органів влади УНР можна побачити в збірнику під редакцією Любомира Винара та Наталії Позуняк “Державний Центр Української Народної Республіки в екзилі: статті і матеріали”:

перший етап (1920-1948 рр.) – діяльність екзильних органів влади УНР;

другий етап (1948-1992 рр.) – діяльність Державного центру УНР в екзилі[10].

Останній Президент УНР в екзилі Микола Плавюк вважає, що діяльність ДЦ УНР в екзилі за напрямом, змістом і формою поділялася на два періоди:

Перший – 1921-1944рр. В основі діяльності ДЦ УНР в екзилі - ставка на досягнення державної незалежності України за допомогою іноземних держав та зовнішнього військового втручання;

Другий – 1945-1992рр. Діяльність ДЦ УНР в екзилі орієнтована на консолідацію світового українства навколо ідей УНР та підтримку державотворчих прагнень українського народу за допомогою, переважно, міжнародно-інформаційних та правозахисних акцій. Ставка в досягненні державної незалежності України робилася на український народ[11].

Крім екзильного уряду УНР боротьбу за державну незалежність України підтримували громадсько-політичні структури, створені гетьманом Павлом Скоропадським і його прибічниками. Це Український союз гетьманців-державників, який діяв в Канаді, Великобританії і Німеччині та Українське гетьманське об'єднання Америки в США. Гетьманці, на відміну від республіканської демократичної форми правління, яку сповідували представники уряду УНР, дотримувалися поглядів про майбутню українську державу з монархічним устроєм[12]. Саме через це, а також зважаючи на роль діячів УНР у поваленні влади гетьмана Павла Скоропадського в Україні в 1918 році – ці еміграційні

політичні сили не могли об'єднатися і діяти спільно в боротьбі за національну державність.

Зі створенням в 1920 році Українського військового об'єднання, яке в 1929 році трансформувалося в ОУН, за кордоном з'явилася ще одна політична сила, яка активно включилася в боротьбу за державну незалежність України[13]. Відповідно, крім власне цієї організації, яка активно діяла на Західній Україні та в країнах Європи, в США і Канаді виникли громадсько-політичні об'єднання, які підтримували її діяльність. Це, зокрема, Українське національне об'єднання в Канаді, Український Золотий Хрест і Організація державного відродження України в США [14]. З розколом ОУН в 1940 році названі організації підтримали мельниківську її частину.

В 1940 році в Канаді і США виникають “парасолькові” організації, які об'єднують під своїм дахом всі не комуністичні громадсько-політичні професійні, допомогові, жіночі та молодіжні організації української еміграції. Одним із основних завдань новостворених Українського конгресового комітету Америки та Комітету українців Канади була підтримка українського народу в боротьбі за національну державність[15].

Діяльність багатьох вищенаведених організацій української діаспори була призупинена на час Другої Світової війни. Проте активно відновилася напередодні її закінчення. Наснаги в підтримці боротьби за державну незалежність України, їм надавала діяльність УГВР, ОУН і УПА на західноукраїнських землях, а також зміна міжнародного політичного клімату після поразки нацистської Німеччини, викликана початком протистояння країн Заходу та СРСР в ході “холодної війни”, що могло надати додатковий шанс українському народу нарешті здобути вимріяну століттями державність.

Боротьбу української діаспори за державну незалежність України після завершення Другої Світової війни зумовив також цілий комплекс інших причин. Політичні причини були викликані політикою, яку проводили стосовно України і її народу органи влади СРСР, Польщі, нацистської Німеччини, а також українські громадсько-політичні організації в Україні і діаспорі. Саме боротьба за владу і контроль над Україною зумовили виникнення УГВР на українських землях та активну збройну боротьбу ОУН і УПА на три фронти, участь закордонних українців у “холодній війні” проти СРСР.

Потрібно відмітити, що до політичних причини боротьби закордонних українців за державну незалежність України необхідно віднести наявність в еміграції великої кількості представників політичних партій, держапарату, наукових інституцій – загалом інтелектуальної української еліти, яка через відсутність власної незалежної держави не могла повноцінно реалізувати себе. В Україні на них чекали репресії через інший, відмінний від комуністичного, світогляд і політичні переконання. В країнах Заходу ці люди почувалися чужими. Переважна більшість із них не могла включитися в політичне життя країн Заходу, зважаючи на походження з України та відсутність необхідних зв'язків. Ці люди могли сподіватися лише на свої сили та підтримку української громади. Проте, вони мали певний політичний досвід, знання та лідерські якості. Саме тому, невдовзі вони розбудували систему громадсько-політичних установ еміграції та почали брати активну роль в українському еміграційному політичному житті, основною метою якого було здобути підтримку якнайбільшого числа української еміграції в справі боротьби за державну незалежність України. Наявність значної кількості прибічників, для політичних партій надавало їм кадровий резерв, фінанси за рахунок внесків і пожертв,

контроль за діяльністю громадських, професійних, жіночих, наукових, молодіжних організацій і установ та, відповідно, вплив на українську громаду в світі. Все це, з рештою, надало можливість певним чином впливати на органи влади та політичні сили країн Заходу, виступаючи від імені національної етнічної спільноти.

Важливу роль в політичних причинах боротьби за державну незалежність України відігравали особисті амбіції лідерів українських емігрантських об'єднань, які прагнули збереження своєї влади та привілейованого становища в українській громаді. Для цього потрібно було перед нею поставити велику політичну мету діяльності. Цією метою і була боротьба за державну незалежність України.

Таким чином боротьба за державну незалежність України поступово перетворювалася в національну ідею української діаспори. Вона дозволяла консолідувати її в певних межах, переборювати асиміляцію, збирати фінансові кошти, організовувати та надихати закордонних українців на нові звершення в ім'я майбутньої незалежної України. Боротьба за українську державність стала сенсом існування багатьох організацій зарубіжних українців та загалом сприяла успішному розвитку і становленню громадсько-політичного, наукового і культурного життя української громади в світі.

Це досить яскраво видно, якщо порівняти другу і третю політичні хвилі еміграції з одного боку, та першу і четверту – трудові з іншого. Для одних характерна висока громадська активність, розбудова організаційних структур, участь в справах громади, активна позиція. Інші ж, особливо на перших етапах, були слабо охоплені членством в українських організаціях та знаходилися поза українським громадським життям – самі по собі.

Соціально-економічні причини також відігравали значну роль в справі боротьби за українську державність. До соціально-економічних причин боротьби української діаспори за незалежну українську державу, необхідно віднести вкрай погане матеріальне становище третьої хвилі української еміграції в перше повоєнне десятиліття, особливо, під час перебування у таборах для переміщених осіб в Німеччині і Австрії[16]. Третя хвиля еміграції пройшла своє становлення через жахи Другої Світової війни, боротьбу на два, а часом і на три фронти (проти німців, радянських військ та польських націоналістів), через концтабори і примусову працю в Німеччині, репресії радянської та польської влади. Вона формувалася в таборах переміщених осіб, під посиленням психологічним тиском через загрозу насильницького повернення до СРСР, у вкрай важких соціальних умовах. Її виїзд в США і Канаду був обумовлений розрухою в країнах Європи після війни та відсутністю роботи, яка могла б прогодувати не тільки себе, але й часом родину. Чоловіки вимушені були йти у вартові сотні при американських чи англійських військах. Іншої роботи не було. Ці напіввійськові об'єднання несли охоронну функцію, забезпечуючи недоторканість складів, баз, приміщень та іншого військового майна армій США та Великобританії. Подібні причини сприяли залученню українських науковців та журналістів до співпраці з Інститутом вивчення історії і культури СРСР та радіостанцією “Свобода” . Таким чином, українці в умовах “холодної війни” вже опинялися на боці західних союзників через неможливість працевлаштуватися в іншому місці.

Іншим джерелом доходів українців в таборах, після різкого зменшення допомоги з боку UNRRA, була підтримка з боку української еміграції США і Канади, яка проте роздавалася переважно ЗЧ ОУН, або ж ОУН (м). Членство в цих структурах і відповідно

підтримка їх діяльності, спрямованої на відродження державної незалежності України, дозволяли у важкі повоєнні часи матеріально забезпечувати не тільки себе, але й родину. Кошти, які розподілялися цими організаціями, відчутно сприяли українцям та дозволяли активно збільшувати членство ОУН(м) та ЗЧ ОУН в еміграції.

Таким чином, наявність значної невдоволеної життям, соціально незахищеної нової української політичної еміграції, чисельністю майже 200 тис. осіб, надавала політичним партіям можливість, спрямовувати їх енергію і силу у вигідне для себе русло – підтримку боротьби за незалежність України та збільшувати за їх рахунок кількість свого членства.

Важливою причиною продовження боротьби зарубіжних українців за державну незалежність України, стало сприятливе міжнародне становище в світі, викликане “холодною війною” між СРСР та його союзниками з одного боку та країнами Заходу з іншого. Лідери українських політичних партій та організацій сподівалися, що очікувана війна між двома провідними військово-політичними блоками надасть українцям ще одну можливість відновити власну державність та активно готувалися до цього.

ЗЧ ОУН та ЗП УГВР налагодили активні відносини з ЦРУ та “Інтеллідженс Сервіс” та отримували від них підтримку в своїх операціях, спрямованих на допомогу УПА. Загалом ЗЧ ОУН в другій половині 40-х – початку 50-х років сповідувала концепцію підтримки активної боротьби УПА до часу, коли війська західних союзників не вступлять на територію України.

ОУН (м) та інші політичні структури української еміграції схилилися до потреби збереження кадрів, створення тайників зі зброєю та розбудови підпільної мережі в Україні, готової в будь-який момент піднятися на збройну боротьбу за українську державність. Партії, що входили до УНРади критикували позицію ЗЧ ОУН як таку, що вела до масової безцільної загибелі кращих синів України, а відтак, послаблювала визвольний рух та сприяли, за допомогою Ресорту військових справ екзильного уряду УНР, формуванню кадрового військового резерву та комбатантських організацій. Нагадаємо, що в 40-х – 50-ті роки це були люди здатні носити зброю та брати участь у військових діях. Саме тому ДЦ УНР в екзилі приступив до формування кадрової української армії на еміграції. Це мало суттєве значення на випадок війни країн Заходу та СРСР для української визвольної справи. Проте, було актуальним лише в 40-х – 50-х роках минулого століття через об’єктивні процеси старіння та втрати військової вправності серед колишніх українських вояків. В подальші роки певне теоретичне значення мали їх знання про військові дії, які передавалися і з покоління в покоління у вигляді мемуарів та праць на військову тематику з історії визвольних змагань.

В 50-х роках минулого століття, коли в середовищі української еміграції згасли надії на військовий сценарій розвитку відносин між СРСР та США та зважаючи на поразку УПА, українська еміграція переорієнтувалася з підтримки військових сценаріїв розвитку подій на інформаційну психологічну війну проти СРСР задля здобуття державної незалежності України. Українська діаспора, як окрема політична сила, почала брати активну участь в “холодній війні”. Вона виступала формально союзником країн Заходу, зважаючи на те, що закордонні українці були громадянами західних держав. Тоді як уряди західних країн ставила собі за мету лише послабити і стримати СРСР, українська діаспора висунула концепцію “поневолевених народів” серед яких чільне місце, завдяки чисельності, займав український та домагалася розпаду СРСР на національні держави та

відновлення української державності. Проте в ряді моментів, інтереси закордонних українців та органів влади країн Заходу співпадали. Тому українцям не перешкоджали в їх акціях, а в деяких випадках навіть підтримували.

Становище української діаспори в справі боротьби за державну незалежність України, зміцнювалося через наявність подібних вимог з боку еміграційних середовищ народів СРСР та країн Східної і Центральної Європи. Їх спільні, разом з українцями, акції примушували органи влади та політичні сили країн Заходу прислуховувалися до вимог своїх громадян – етніків та часом задовольняли їх.

До психологічних причин боротьби закордонних українців за державну незалежність України необхідно віднести патріотизм української діаспори, викликаний тугою за рідними землями та турботою за долі рідних і близьких людей, які залишилися в Україні. Інформаційні компанії, спрямовані проти радянського способу життя та СРСР, які проводили західні мас-медіа, досить часто у викривленому вигляді представляли для пересічного закордонного українця реальний стан справ в УРСР. Те, що він бачив з телеекрану, чув по радіо, читав в газетах, примушувало співчувати Батьківщині та надавати підтримку громадсько-політичним об'єднання еміграції в боротьбі за державну незалежність України. Наявність серйозних розбіжностей між соціально-економічним, політичним та культурним становищем в Україні та інформацією західних мас-медіа, змушувало керівників організацій української діаспори домагатися обмеження контактів між українцями з УРСР та країн Заходу під приводом протидії агентам КДБ. Проте, це не означало, що проблеми підняті зарубіжними українцями були надуманими.

Крім того, знищення тоталітарною владою УГКЦ і УАПЦ в Україні додавало борцям за державну незалежність України додаткових моральних сил, адже вони боролися з атеїстичним ворогом за власну віру, народ і державу. Це був сильний моральний стимул. Насильницька ліквідація УГКЦ і УАПЦ в УРСР, проведення державної політики атеїзму в СРСР зачепили духовні струни українського народу. В умовах існування в діаспорі досить потужних УГКЦ в УАПЦ та зважаючи на їх визначну роль в житті української громади країн Заходу, боротьба закордонних українців проти атеїстичної, “безбожної” влади СРСР за незалежну Українську державу, була майже святим обов'язком кожного національно свідомого українця. А таких в діаспорі було декілька мільйонів.

Переважає більшість борців за державну незалежність України була представниками націоналістичних політичних середовищ. Їх опоненти в Радянському Союзі виступали носіями комуністичного світогляду. Врешті боротьба за державну незалежність України була також боротьбою ідеологій і світоглядів. Одні вбачали мету своєї діяльності в побудові національної державності, інші – комуністичного безкласового суспільства в світовому масштабі. Були ще й інші, які проводили імперську політику на території України під виглядом боротьби за комуністичні ідеали, а дещо пізніше намагалися прибрати до своїх кишень майно Радянської України під демократичними гаслами.

Проте, крім політичних, соціально-економічних, історико-ідеологічних та міжнародних причин боротьби української діаспори за національну державність були і інші. Це, насамперед, бачення українською діаспорою соціально-економічного становища в УРСР та оцінка політики, яку проводили по відношенню до Радянської України органи влади СРСР. Зупинимося на цьому докладніше.

Українська діаспора трактувала СРСР, як пряме продовження Російської імперії під комуністичними гаслами та владою КПРС. Відповідно Радянську Україну зарубіжні українці вважали «колонією Москви». Вони рахували УРСР «бутафорною державою», органи влади якої виконували роль «весільних генералів» та були цілком підзвітні Москві.

На переконання української еміграції, справжня влада України була підмінена «окупаційним урядом – маріонеткою». Прийняття УРСР в ООН було ідеологічною хитрістю органів влади СРСР, щоб продемонструвати західному світу існування української державності, хоча насправді це була фікція. Саме тому закордонні українці повинні були не піддаватися омані та продовжувати боротьбу за державну незалежність України. Представляти Україну в ООН, повинен був не окупаційний уряд, а Державний центр УНР в екзилі, чи згодом СКВУ[17].

Зважаючи на те, що на переконання більшості української діаспори, УРСР була «колонією» Москви, в ній не могло існувати повноцінного політичного життя, а єдина політична партія - КП(б)У була лише відділенням всесоюзної КПРС. З 30 українських міністрів 26 напряму підпорядковувалися Москві. Міністерства оборони та закордонних справ виконували бутафорну функцію. Такою на думку представників діаспори було становище в політичному житті України.

Становище в соціально-економічній галузі українська еміграція трактувала як «колоніальний грабунок» України. Цим, на їх переконання, і пояснювалася мізерна заробітна плата в УРСР, недостача продуктів харчування у містах та загальна бідність українців. Крім того, на думку закордонних українців, в Україні існувала вкрай неефективна економічна система, заснована на примусі та «рабській» примусовій праці робітників і селян[18].

Закордонні українці вважали, що ситуацію здатна врятувати приватна власність та дозвіл на приватну ініціативу. Адже тоді від самих трудівників будуть залежати результати їх праці. В розпорядженні селян повинна бути надана земля та засоби виробництва. Адже за оцінками закордонних українців один відсоток присадибних ділянок українських селян на 30% наповнює ринок селянсько-господарської продукції України. На їх думку фермерські селянські господарства зможуть не тільки забезпечити всю Україну, але й зробити її житницею Європи. Проте для цього потрібна була зміна ладу та державна незалежність України. Адже в іншому випадку все вироблене українським селянством буде вивезено в Росію. Причини, які викликали Голодомор 1932-1933 років в Україні українська діаспора ніколи не забувала. Щодо фабрик та заводів, закордонні українці також вважали необхідним приватну ініціативу та приватну власність. Але це стосувалося тільки малого та середнього бізнесу. Українська діаспора наполягала, що ні в якому разі не можна приватизувати чи продавати іноземцям стратегічні українські підприємства. Адже вони формували бюджет держави. Подібна політика на їх думку привела б до нового «закріпачення» України, перетворення її в напівколонію західних країн [19].

Якщо переважна більшість партій УНРади орієнтувалася на демократичний розвиток України та ліберальну або соціально-орієнтовану ринкову економіку, то організації Українського визвольного фронту пропонувала свою специфічну форму державного ладу України, яка заперечувала ліберальну демократію та комуністичний тоталітаризм та ґрунтувалася на особливому українському шляху розвитку в основі якого

лежала націоналістична ідеологія, сильні державні інститути, приватна трудова власність на землю та засоби виробництва, дотримання ряду прав людини, зокрема, індивідуальної свободи та свободи віросповідання [20].

Оцінюючи становище в галузі свободи слова, закордонні українці відзначали, що такого в УРСР просто не існувало, мас-медіа піддавалися жорсткій цензурі та були вимушені виконувати накази владних структур[21].

Переслідування за релігійні переконання стало нормою в атеїстичній державі. Знищена УАПЦ, загнана в “катакомби” УГКЦ та заборонені релігійні організації протестантів. Ось лише не повний перелік закидів української діаспори до органів влади УРСР. На їх думку, лише офіційна Руська православна церква могла більш-менш вільно діяти в Радянському Союзі. На Україні ж її діяльність дозволялася лише з метою перешкоджання підпільній діяльності УГКЦ та залишків УАПЦ[22].

Становище в галузі культури виглядало жахливо, зважаючи на політику “русифікації”, яку проводили органи влади СРСР. Навіть делегація лояльного прокомуністичного Товариства Об’єднаних Українців Канади та Комуністичної Партії Канади була стурбована процесами “русифікації” в Україні та порушенням прав людини [23]. Органи влади СРСР замість виправлення становища в рамках соціалістичної демократії, здійснили тиск на керівництво Комуністичної Партії Канади з метою не допустити публікації звіту, що яскраво демонструвало псевдо-комуністичний характер політичної влади СРСР та проблеми з дотриманням прав людини в країні Рад [24]. Систематичне порушення прав людини, арешти і переслідування українських поетів, письменників, журналістів, правозахисників, релігійних діячів, на думку української еміграції, стали нормою в Україні. Влада боялася Руху Опору тому безжалісно розправлялася з інакодумцями.

За оцінками діаспори, в Україні вільно розвивалися лише точні науки. Науки гуманітарного профілю, насамперед історія України та українська мова і література пригноблювалися. Вільні дослідження в галузі українознавства в Україні неможливо було проводити. Свідченням українофобської політики органів влади СРСР, на думку зарубіжних українців, став підпал унікального архіву, який зберігався в будинку Академії Наук УРСР[25]. Подібне становище, на їх переконання, було і в інших національних республіках СРСР, тому політична еміграція з них виступала стратегічним союзником закордонних українців.

Такий стан речей на Батьківщині не міг задовольнити українську діаспору. Її представники небезпідставно вважали, що тільки з досягненням Україною державної незалежності можна перетворити її в багату і могутню демократичну європейську країну. Саме тому українська діаспора і проводила інтенсивну діяльність метою якої було створення незалежної демократичної України. Таким чином, боротьба української діаспори за державну незалежність України була об’єктивним історичним явищем, викликаним самим ходом історичних процесів в Україні і світі.

Серед перспективних напрямків подальших досліджень висвітлення участі закордонних українців у процесі розбудови незалежної демократичної України.

Література.

1. Конституція України.: Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 черв. 1996 р. – К.: Преса України, 1997. – С. 6.
2. Kuropas M. The Ukrainians in America. – Minneapolis: Lerner Publ. Co., 1972. – 86 p.; Bazarko Ivan and Bilinsky Ignatius. The Establishment and Activities of the Ukrainian Congress Committee of America. // The Ukrainian Heritage in America.-New York, 1991. – P. 23-71.; Boyar Michael H. The Ukrainian Hetman Movement in America.// The Ukrainian Heritage in America.-New York, 1991. – P. 447-453.; Duplak Marie. Organization for the Defense of Lemkivshchyna in America.// The Ukrainian Heritage in America.-New York, 1991. – P. 504-507.; Kalynyk Oleksa. Society for Ukraine's Liberation.// The Ukrainian Heritage in America.-New York, 1991. – P. 476-480.; Poltava Leonid. Organization for the Defense of Four Freedoms for Ukraine.// The Ukrainian Heritage in America.-New York, 1991. – P. 469-475.; Skotzko Eugene. Ukrainian Revolutionary Movement and ODWU, its American Auxiliary. // The Ukrainian Heritage in America.-New York, 1991. – P. 454-467.
3. Бажан Олег. Ініціативи української діаспори з протидії політиці русифікації УРСР (друга половина 1950 - 1970-і роки) // Друга Міжнародна науково-практична конференція «Діаспора як чинник утвердження держави Україна у міжнародній спільноті . Українська діаспора у світовій цивілізації». Тези доповідей 18-20 червня 2008 р., м. Львів, Україна. – Львів, 2008. – С. 108-113.; Камінський Євген Євгенович. Політика США в українському питанні (1917–1990): Автореф. дис. д-р іст. наук: 07.00.03 / Київ, ун-т ім. Т.Шевченка. - К., 1993.–36 с.; Лендвел Мирослава Олександрівна. Політична взаємодія української етнічної групи та державної влади США в 1945–1991 рр. Дис. канд. іст. наук. 00.07.02 / Ужгород. держ. ун-т.– Ужгород, 1998.–211с.; Русначенко Анатолій. М.О.Ветухів і Інститут вивчення СРСР. //Михайло Ветухів перший Президент УВАН у США. – Нью-Йорк-Київ-Львів.: Видавництво “Місіонер”, 2004. – С.207 – 212.; Уткин Александр Иванович. Информационная деятельность политических, общественных и религиозных объединений украинской диаспоры в странах Запада (1945–1991 гг.): Дис. д-р ист. наук: 07.00.01 / Киев. ун-т им. Т.Шевченко – К., 1993–405с.; Чернова Катерина Олексіївна. Співробітництво України з діаспорою США і Канади: витоки, еволюція і перспективи. Дис. канд. іст. наук. 07.00.03 / Київ. ун-т ім. Тараса Шевченка – К.: 1994.–188 с.
4. На скрижалях історії: З історії взаємозв'язків урядових структур і громадських кіл України з українсько-канадською громадою в другій половині 1940-1980-ті роки. Зб. док. та матеріалів. Кн.1 / Упоряд.:О.Г. Бажан, Ю.З.Данилюк, П. Т. Тронько.-К., 2003.-862 с.
5. Трощинський В. П. Шевченко А. А. Українці в світі-К.,Видавничий дім “Альтернативи”, 1999.-352 с.
6. Недужко Ю.В. Культурні ініціативи інтелігенції української діаспори в контексті боротьби за відродження державної незалежності України (кінець 50 –х – друга половина 60-их років ХХ ст.) // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Вип. ХХІ. Серія: Історія: Збірник наукових праць / За заг. ред. проф. П.С. Григорчука -Вінниця, 2006. - С.299-

- 304.; Недужко Ю.В. Освітньо-виховні аспекти діяльності української діаспори країн Заходу в контексті боротьби за державну незалежність України (середина 40-х - 80-ті роки ХХ ст.) // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей на пошану професора П.П.Гузенка / Відп. ред. В.М. Даниленко - К.: Інститут історії України НАН України, 2007. - Вип.12.- С.416-433.; Недужко Ю.В. Культурна діяльність СКВУ в контексті боротьби за відродження державної незалежності України (кінець 60 –их – початок 80-их років ХХ ст.). // Український вимір. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції “Українська діаспора: історичні пошуки, еміграційні явища, культурно-мистецькі набутки, функціонування наукових установ”. – Випуск шостий. - Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2007. - С. 132-135.; Недужко Ю. Українська діаспора США в боротьбі за демократію та державну незалежність України (сер. 50-х – кін. 60-х рр. ХХ ст.) // Україна в нас єдина: Матеріали засідань наукових секцій IV Всесвітнього форуму українців, 18-20 серпня 2006 р. м. Київ / Уклад. Д.В. Павличко, В.М. Зуєв, Л.М. Кононко – К.: Екопаксервіс, 2007.- С.211-215.; Недужко Юрій. Боротьба української діаспори країн Заходу за відродження державної незалежності України в середині 40-х- на початку 90-х років ХХ ст. // Тези доповідей Другої Міжнародної науково-практичної конференції “Діаспора як чинник утвердження держави Україна у міжнародній спільноті” 18-20 червня 2008 року., м. Львів, Україна, 2008. – С.126-127.
7. Мейс Дж. Діяльність Комісії Конгресу США з вивчення голоду в Україні // Голод 1932-1933 років в Україні: причини та наслідки. – К.: Наукова думка, 2003. – С. 809.
 8. Недужко Ю.В. Державний центр УНР в екзилі: боротьба за демократію та незалежність України // Український вимір. Міжнародний збірник інформаційних, освітніх, наукових, методичних статей і матеріалів з України та діаспори. – Ч.4.- Кн.1.- Ніжин: Видавництво НДУ ім. М. Гоголя, 2005. - С. 129-147.
 9. Рудницький Яр. ДЦ УНР в екзилі між 1941 і 1991/2 роками. – Оттава, 1994. – С.17.
 10. Державний Центр Української Народної Республіки в екзилі: статті і матеріали/ Під ред. Л. Винара і Н. Позуняк. – Філадельфія – Київ – Вашингтон: Фундація ім. С. Петлюри в США, вид-во “Веселка”, 1993 – 493 с.
 11. Плав’юк Микола. Україна – життя моє. Том 2. – Особисто причетний. Вибрані статті, промови, інтерв’ю. – Київ. Видавництво імені Олени Теліги, 2002. – С.588.
 12. Boyar Michael H. The Ukrainian Hetman Movement in America // The Ukrainian Heritage in America.-New York, 1991. – P. 447-453.
 13. Панченко Олександр. Організація українських націоналістів за кордоном в контексті українського державотворення.-Видавництво “Гадяч” , 2003. – 466 с.
 14. Skotzko Eugene. Ukrainian Revolutionary Movement and ODWU, its American Auxiliary // The Ukrainian Heritage in America.-New York, 1991. – P. 454-467.
 15. Kuropas M. The Ukrainians in America. – Minneapolis: Lerner Publ. Co., 1972. – 86 p.
 16. Маруняк Володимир. Українська еміграція в Німеччині і Австрії по другій світовій війні. Т.1 Роки 1945-1951. –Мюнхен: Академічне видавництво д-ра Петра Белея, 1985 – 429с.; Міттенвальд 1946 – 1951. З нагоди 50-ліття Таборів Українських Біженців в Міттенвальді, Німеччина. –Воррен – Мічиган, 2001.
 17. ЦДАВОУ. Ф.5235, опис 1, справа 174, арк..1-2.

18. Винар Богдан. Економічний колоніалізм в Україні та інші праці / Українське Історичне Товариство, Наукове Товариство ім. Шевченка в Європі, Національна Академія Наук України, Львівська наукова бібліотека ім. Стефаніка. Ред. Любомир Винар. Нью-Йорк; Париж; Львів:2005.-476 с.
19. ЦДАВОУ, ф.5235, опис 1, справа 4, арк.. 103-105.
20. Стецько Я. Твори: У 2-х т. Українська визвольна концепція. – Мюнхен: ОУН, 1987-1991.Т.1.–1987.–528с. Т.2. – 1991. – 468 с.
21. Матеріали Першого Світового Конгресу Вільних Українців. - Вінніпег-Нью-Йорк-Лондон, 1969. – С. 370.
22. Hvat Ivan. The Catacomb Ukrainian Catholic Church and Pope John Paul II. Ukrainian Studies Fund Harvard University, Cambridge, Massachusetts 1984.– 45p.; Bohdan R. Bociurkiw Historische Perspektive Der Sowjetischen religionspolitik in der Ukraine.–Bern – Zurich, 1986.– 43 p.; Sysyn E. Frank. The Ukrainian Ortodox question in the USSR. Ukrainian Studies Fund Harvard University, Cambridge, Massachusetts, 1987.–36 p. ;Von Robert Hotz. Die “Taufe Russlands”. // Wochenend Journal. – 1988. – Nr. 13; Von Robert Hotz. Die “Taufe Russlands”. // Wochenend Journal. – 1988. – Nr. 13.
23. ЦДАГОУ, ф.1,оп.25, спр.4, арк..4-65.
24. ЦДАГОУ, ф.1, оп.25, спр.104, арк. 23-25.
25. Матеріали Першого Світового Конгресу Вільних Українців. - Вінніпег-Нью-Йорк-Лондон, 1969. – С. 295.

Section 3. Education

Chien-Heng Lin^{1} and Yu-Chiung Lou²,*

¹*Department of Early Childhood Education, Asia University, Taiwan,*

²*Department of Social Work, Asia University, Taiwan*

A Framework of Multimedia Integration Based on Teacher's Perspectives

1. INTRODUCTION

The highly developing of computer technology allows multimedia information to be presented variously and vividly, and the speedy connection of internet allows people to gain information easily and swiftly. Thus, the application of multimedia technology in classroom is very pervasive and is integrated into different levels of education in classroom teaching. The definition of multimedia is a function of computer system which transmits visual and aural information to user interactively [1]. The idea of integration of multimedia in teaching is to connect different multimedia elements, such as text, image, audio, animation, and video, to create digital teaching materials and to apply it in classroom teaching, which intends to improve the quality of teachers' teaching and students' learning [2]. Many researchers claimed that applying multimedia materials can create many positive effects in classroom teaching. For example, there are researchers indicating that the integration of computer technology helps teachers to build a more visualized and more interactive learning environment in their classroom teaching [3]. Researchers also alerted that various products of computer technology are very powerful teaching tool adopted to achieve powerful interactive teaching, which increases learner's interest and help them to engage intensely in their learning objects [2,4]. Many researches also indicated that the application of computer technology has great potential to increase students' motivation, help learners to connect various information sources, provide opportunities to work collaboratively, and allow teachers to have more time for facilitation in classroom [5,6,7]. As [8] declared, one of the advantages of integrating multimedia is that it allows students to assess the teaching content easily and helps them learn to be more effective.

However, some researchers declared that digital media materials have no direct effect on students' learning achievement [9,10]. According to [11] theory of cognitive load, he declared that human's learning in brain is just like a data processing machine, and the learning achievement is based on how people

process and arrange the information. Based on this theory, [12] developed multimedia cognitive learning theory and advocated theories of how multimedia elements influence student's learning effect. They declared that too many multimedia materials or inappropriate arrangement in teaching may cause negative influence on student's learning achievement [13].

Therefore, the integration of multimedia in teaching does not simply focus on how many digital materials are involved in the curriculum but how proper the materials are used. The volume of using multimedia is not the main concern. What we really need to focus on is how to utilize this strong tool to create positive effect in teaching and learning [14,15].

In order to promote the efficiency and effectiveness of the technology integration in classroom, numerous frameworks are constructed to help teachers to involve computer technology in curriculum ably and efficiently [16,17,15]. However, researchers and educators indicated that integrating computer technology into curriculums has not been accomplished

well yet. Researchers indicated that teachers have not really integrated digital technology into their classroom teaching but only into their personal documentary work. These developed frameworks or models are too theoretical and idealistic in reality [15] and do not consider the angle of teacher user and teacher designer normally [18]. Even if teachers can understand some principles, design concepts, and standards, they often forgo these principles and frameworks in actual teaching implementation. Therefore, researchers suggest that digital technology integration must take into account of teachers' specific habits of applying technology [19,20,21].

Furthermore, due to the heavy load of teachers' daily routine work, teachers used to adopt the published multimedia materials for assisting their teaching, such as instructional CD- ROM, DVD, or internet platform. However, these published digital materials do not fit teachers' essential needs normally. Teachers only can adopt only limited useful parts of the published materials and strive to reorganize the content. Therefore, the current packages of digital teaching aid do exist with a great gap between teacher's actual need in teaching. On the other hand, it is quite time-consuming for teachers to find appropriate multimedia teaching aids. These have brought tremendous obstacles for teachers in multimedia integration.

To solve these problems, teacher's role should be transformed from user to both designer and creator. Due to the pervasive use of computer technology, teacher's competency of using computer technology has been improved tremendously, and increasing numbers of teachers can operate and design multimedia materials. If teachers can arrange and produce multimedia teaching aids by themselves, the integration of multimedia in classroom teaching will be more effective and efficient and close to teachers' actual needs. However, from being a user of digital material to being a designer does exist a gap and prove long way to go. For this reason, this study tends to explore the entire process of

how teacher designer integrates multimedia materials in classroom teaching and to induce a framework based on teacher's position to help his/her integrating multimedia in their teaching. Therefore, the research question of this study is to investigate what a teacher may experience in the entire process of integration and to clarify various kinds of consideration, difficulty, possible problems, and solution which a teacher designer may meet in his/her integration.

2. MATERIALS AND METHODS

The research method in this study was based on the criterion of a qualitative approach. Teachers' views of how they integrate computer technology and the entire process of how they integrate multimedia material were investigated. Both approaches of in-depth interviews with teachers and observations of the real classroom teaching were adopted. A semi-structured interview technique was adopted as our research interview method was due to the main topics being fixed, although the sequence of our interview question was not necessarily the same for all interviewees, as shown in appendix. All interviews were audio-recorded and the transcriptions were completed on the same day. The classroom observation was implemented with note taking and video recording concurrently by the researcher.

Instead of random sampling, purposive sampling was adopted in this investigation [22,23]. Through contacting and visiting numerous kindergartens which are well known for integrating multimedia materials in their curriculum in Taichung City in the middle of Taiwan, researchers selected the research participants who were more willing and appropriate for this study. In total, ten kindergartens, twenty-five classrooms, and thirty-two qualified preschool teachers were involved in this study. The selection of the interviewees and the observation classrooms were based on recommendations by the school principals who were more familiar with their own situation in technology integration. The period of each classroom observation was at least five days and was supplemented by referring to the teacher's lesson plans. The number of participants was decided by saturation of the researched data, that is, when the informants could raise no more new issues and start to repeat the same issues as compared with previous interviewees or classroom observation, it may be valueless to collect more data.

Through a series of qualitative analysis steps, the researcher analyzed the collected data systematically from the raw data corpora, generated codes, and built some initial low level concepts; thus gradually we developed some more abstract themes, and then substantive theories were constructed in the final stage [24]. The qualitative analysis of the data helped us to refine and deduce how kindergarten teachers integrate computer technology into classroom teaching, and how they apply multimedia materials to designing digital teaching aids for classroom teaching. These results provided the researcher with various themes

and codes to help constructing a substantial model for teachers in their integration of multimedia.

3. RESULT AND DISCUSSION

This study is based on the empirical investigation of teacher's actual use of multimedia in their classroom teaching. This research deeply looks into teacher's considerations, challenges, and struggles when they integrate multimedia into their classroom teaching. The process of designing and making digital multimedia materials was also explored. Through the inductive analysis of the qualitative data, the researcher concludes a framework with 5 procedures for teachers in their integration of multimedia, as shown in Table 1. The sequent procedures are: preparation and analysis, plan and design, detail manufacture, test and modification, implementation and reflection. Every procedure has consideration in detail. The sequence of the identified procedures has a logic connection with the former and latter procedures. These identified stages start from the macroscopic self-analysis to the intermediate arrangement, to the microcosmic practical manufacture, and back to the amendment, and finally to the macroscopic amendment and reflection from user and learner.

3.1 Preparation and Analysis

In the first stage of the procedure, the researcher concludes that teachers have to do self- evaluation including teacher's internal factors and external factors from teacher's environmental reason. This stage strongly influences whether teachers will actively or passively integrate multimedia into their classroom teaching. If teachers' perspectives of using multimedia in this stage are pessimistic, they tend to decide not to use multimedia as their teaching materials. This stage is much closer to teachers' self-analysis of their motivation of adopting or using multimedia. The influenced factors can be divided into two parts: the internal self-analysis and the evaluation of external environments. The former includes teachers' perspective and attitude of adopting multimedia in teaching, teachers' confidence and competency of using multimedia, teachers' will or motivation to spend time and effort on it. One teacher with a positive perspective declared that:

In fact, I am very interested in multimedia stuffs. When we turn on the computer, it is full of multimedia information. These are very useful materials, and I believe it can bring very positive effect in classroom teaching. According to my observations, students seem to have very good responses to multimedia teaching aids. Personally I am very willing to use or make multimedia teaching materials. (T16)

The other teacher with a negative opinion declared that:

I think young children should reduce the stimulations from digital multimedia. They are surrounded by different kinds of digital materials and overused them. I feel it is too early for them to contact digital materials and so on. Habitually I don't use digital multimedia in my classroom teaching because I don't think it can bring any help in my teaching and students' learning. (T6)

Furthermore, many teachers believed that their computer competencies were not sufficient and lacked of knowledge and experiences of using digital multimedia so that they might feel anxious for using multimedia. The other consideration was the time consuming. Many teachers claimed that to adopt multimedia materials needs to spend more time in organizing and editing digital materials. To sum up, the above considerations, many teachers do tend to give up using multimedia in their classroom. One of the teachers commented that:

At the time when we were students, multimedia technologies did not exist yet. These new stuffs are what only the young generation can use. To be honest, we cannot use them at all except the easy one, for example, PowerPoint. Our working load in everyday's routine work is already very heavy. To spend more time learning and making multimedia materials for classroom use is not practical and realistic. (T14)

Thus, teachers have to experience this internal self-evaluation procedure in the initial stage. They have to overcome their negative perspectives to multimedia and increase their willingness to use it in their curriculum. As researchers have reported, a teacher's computer attitude or computer self-efficacy will decide whether the teacher will adopt computer technology in the teaching [25,26,27,28].

Except teacher's internal factor, there are still many essential external factors which may affect teacher's use of multimedia and which need to be analyzed and examined in the initial stage. Through the analysis of teachers' perspectives in this point, the researcher concluded five external factors which might influence teachers' decision of applying multimedia materials. Those are support from school ideology and policy, school equipment of computer software and hardware, support from school manager (principal or director), technique aid and consultation, and peer review and support. Teachers advocated that once these external factors are supported, they may willingly integrate multimedia into their classroom teaching.

In my school, the policy is to encourage teachers to use and make multimedia materials. The principal has proposed this idea a lot. She thinks it is a future tendency to be digitalized for teaching. Every Wednesday's routine meeting she arranged some teachers who often used multimedia for teaching to teach and share how they have worked in integrating multimedia. I think the equipment for using digital multimedia in my classroom is quite sufficient. Each classroom has a computer and a projector....Actually I will not use multimedia materials in my teaching if our school doesn't support these essential facilitators. Due to the

request and advocacy from the school supervisor, we have no option but just follow this order without hesitation to integrate multimedia in teaching. (T21)

I think the implementation of adopting multimedia for teachers' classroom teaching was mainly influenced by the school adviser or principal's recognition and advocacy. Teachers normally will not do this work actively. In fact, they are required by their supervisor to use it; for example, teachers are asked to make student's digital portfolio. Every student will have one CD or DVD disk with multimedia elements on it. They have no choice but just have to complete this job. (T18)

Researchers claimed that school leader has great influence on teacher's use of computer technology [29]. Researchers also alerted that school-related policies, equipment support, and teacher professional training of multimedia technology have played an essential role for teachers to integrate multimedia in their classroom teaching [30]. Their research also reveals that school policies are often underdeveloped and underutilized in developing teacher's use of technology in classroom.

Therefore, to be a multimedia user and designer, teachers have to implement self-analysis of their perspective and confidence of applying multimedia in teaching and extinguish whether their external environment has sufficient support. If these considerations were not to reach certain level, teachers might not go forward to the next procedure of integration. If teachers are lack of confidence in involving new technology for teaching after the above considerations, most of the teachers may decide to neglect or abandon this new tool [14].

3.2 Plan and Design

When a teacher's internal and external motivation are satisfied, the teacher designer may have the motive force to move on further. Once teachers have entered the process of planning and designing, there are several points which the researcher has concluded need to be considered carefully. This stage focuses on the design of the whole integrative picture or plan which includes decision of learning objective, arrangement of curriculum and pedagogy, selection of multimedia resource, and methods of integrating into teaching activities. Teachers in this stage need, firstly, to decide their teaching objective, do lesson plan, and design teaching activities which can reach their teaching goals. Secondly, they have to think about what or which multimedia resources are available, what teacher's ability of editing multimedia is, which activities need to involve multimedia, what place in the activity should involve multimedia, and how to deposit. One of the respondents claimed:

The most difficult part of integration of multimedia for me is how to design and involve multimedia in curriculum and teaching activities. It means I have to decide which place, what kind of, and how to use multimedia in teaching.... On the

other hand, we have to consider its essentiality. We use it because we do need it, and we expect it to create good influence on our teaching and students' learning. (T2)

As researchers have advocated, the role of using technology is to be an effective and efficient tool but not to be a purpose [31]. [15] coincided that designer has to justify why the use of multimedia is essential, what value or advantage it will create, and how it can support classroom teaching. Thus how to plan and arrange multimedia to be a useful and effective teaching tool is the main task for teacher designers to consider and think carefully in this procedure

3.3 Detail Manufacture

After teachers have planned the method and strategy to integrate multimedia in curriculum, the next step is to make the idea materialized. In this procedure there are three dimensions which need to be concerned by designers: teacher user, student learner, and expression of the multimedia content. Firstly, we have to consider whether it can be easily operated by user and whether the interface of operation should be too complicated. The inconvenient and complex interface used may cause problems for teachers to their operating. This discontinues teachers' teaching flow and disturbs students' concentration of learning. As what [22] have emphasized in the usability of the technology, the designed digital material has to be operated easily. Even though the content is plentiful and attractive to learner without convenience and ease for user to use, the tool still cannot reach its expected achievement. One of the participants claimed that:

What we hate most in teaching with multimedia is the complicated operation procedure, unfriendly operational interface, or unsolvable technical problems for teachers. For example, when we have to play a video file, we may need to try different driver or need to install new software. To deal with these operative problems causes interruption of my teaching and break student's concentration on learning. Sometimes the problems may not be solved instantly, teachers are forced to quit the lesson and substitute with other activities. (T11)

Thus, a teacher who wants to be a designer has to consider several essential elements in the views of user when they are making digital teaching materials, such as whether it can be operated easily by user, is it too complicated, have we selected the proper computer software, and so on.

Furthermore, a designer also has to conceive the angle of learner including their age, studying grade, learning style, and cognition level, and so forth. For example, the ability of preschool students to recognize abstract script is not sufficient. They need to use more graphic, image, or animation to facilitate their comprehension of the information. In this case, teacher designers can reduce the part of script illustration and aid some more digital materials with cartoon characters, which can activate learners' learning motivation and interest.

However, some teachers indicated that using too many multimedia materials may cause opposite influence to student's learning effect and efficiency. Designers also have to consider learner's limit in the volume of learning content and time of concentration. One of the teachers has commented that:

As we can usually observe when we play video program or cartoon for students to watch. In the first minutes they are so attracted by the program. Once it is longer than 10 minutes, some students start to lose their concentration, talk to their neighbor, turn their head and look around, or leave their site.... Although these digital materials are very attractive to them, we can see that it doesn't always work and needs to be arranged properly (T28).

This point coincides with [13] explanation in the theory of cognitive load. Based on the idea of cognitive load, human being's learning is limited, and too much information and stimulation in the teaching may cause increase of student's cognitive load, which may reduce learner's learning effect and efficiency. Due to the consideration of learner's nature of learning, teachers can avoid the mistake of inappropriate use of multimedia and bring more positive effect to students' learning [32].

Beside, in this stage whether the multimedia has presented the teaching content properly need to be thought carefully. When designers have transformed or manipulated the teaching content into the multimedia materials, they have to check the completed work to see whether it has missed or deviated from the main teaching stream. As one of the participants' comment has said:

We may choose many digital teaching aids or materials to help our teaching. However, on many occasions, the chosen materials have limited components related to our teaching objectives which can be adopted for actual teaching. Teachers used to put all the materials into their teaching even though these are very slightly related to their teaching objective. Sometimes the published digital materials may contain various subjects. When teachers use it in the unrelated topic, students may lose their focuses easily. Therefore, it is a very essential issue for teachers to spend more time to filter the right materials for their teaching use (T1).

Furthermore, in this stage designers have to consider whether their designed multimedia aids have involved the function of interactivity. The interactivity in multimedia teaching has been emphasized by many researchers [33,29,34]. The interaction of multimedia can be classified into four types: learner-instructor, learner-content, learner-interface, and learner- learner [35]. In this stage the researcher emphasizes the interactivity between instructor- content. Except teacher's teaching pedagogy has to be interactive, the interactivity between teacher and multimedia plays an essential role in facilitating teacher to teach interactively. One teacher commented that:

Traditionally, the idea of multimedia integration is alone to play video or animation with CD- ROM driver and have very little interactivity between the teacher and the students. Nowadays, the technology of multimedia has been

developed swiftly and can allow designer to develop the interactive function for user to operate. For example, on the operational interface, it increases the controlling function, such as pre-page, next- page, pause, back to the main menu, hyperlink click, etc. These interactive controlling functions allow teachers to operate more fluently and create more opportunities for them to teach interactively. (T22)

Moreover, the expression of multimedia teaching aids usually consists of several multimedia elements [2], such as the electric picture book involves still images and words, and the animation of picture book involves the element of words, images, animations, and auditory effects. Thus, in this stage teacher designers have to decide what multimedia elements are appropriate to be applied in their work, and they also need to choose what multimedia software is more convenient to be operating and can create the best effect.

3.4 Test and Modification

When the first edition of the multimedia is completed, we will go to the next stage of check and modification. Before we start to use the completed work of multimedia teaching aids, it is very essential for us to confirm whether it has defect or gap and to amend those inaccuracies to be proper. As one teacher has mentioned:

According to my personal experience, when we check the first edition of the completed digital work, we usually find some gaps or defects in the original design and this may be far from our initial expectation. This is because the problems or difficulties appear only when we are dealing with the details. Therefore, it is very necessary to go back to the original idea, check the present work, and then do the proper modification. (T26)

In this stage, teacher designers usually need to go back to the second and third procedure of the entire process to investigate all the details about whether the designed multimedia has fulfilled our teaching needs. These may include whether the content of the multimedia can reach the teaching objectives, the digital materials are convenient and easy to be used, the expression of multimedia materials are artistic and can create student's learning interests, and the arrangement of the sequence and time are suitable and allows learner to obtain the best learning effect. This process can be completed through peer review, by which teachers or school supervisors estimate and conceive what possible results may be caused, what aim the multimedia may reach, and then what modification may be done. Once they discover the fault, the designer may need to go back to the second procedure to reorganize or the third procedure to remake until the final check has been completed in this procedure, and then we can apply it practically in actual teaching in the next step.

3.5 Implementation and Reflection

When the former process of modification has been completed, the next step is to implement. The completed multimedia aid was used to the classroom teaching practically, and the feedbacks from teachers and students will be collected in this stage as well. The feedbacks from teacher's teaching, student's learning, and peer review have to come back to the designer. Through clarifying the feedbacks and suggestions, teacher designers can inspect their work and accumulate more experiences of multimedia integration. This process of reflection not only can help designers to correct the defect at this time but also help to avoid making the same mistake in the future integration. It also offers an example for other teacher designers to refer. One teacher commented that:

When I was using multimedia to help my teaching, I could always uncover what was missing, what was lacking, and what was not proper. Through few times of experience of integration, I improved a lot and have less confusion and obstacle now.... Our colleagues do learn from each other. In Wednesday afternoon we have a routine meeting. We used to share our work with using multimedia to other teachers and check others' work, too. We got the experiences and suggestions from colleagues' checking and reflection. (T9)

The reflection may consist of various aspects: school policy, teacher's individual motivation to the practical design, detail manufacture, and the implementation in the classroom teaching. The following list concludes the significant points in the procedure of reflection, which contains the aspects of multimedia factors, pedagogies, teaching objectives, and facilitation from school.

- › Whether the software and hardware equipment or facilitation are sufficient?
- › Have the school policy or school supervisor supported adequately?
- › Whether the teaching activities with multimedia aids can help to achieve the teaching objectives?
- › Whether the multimedia technology can effectively assist the process of activity teaching?
- › Whether we have better substitution to replace the present way of using multimedia in teaching activity?
- › Whether the application of multimedia material has been arranged properly so that it helps students to achieve the best learning effect?
- › How to construct the multimedia teaching aid efficiently, usably, and artistically?
- › Whether the designed or used multimedia materials are fit for the learner's learning character?

3.6 A Model of Integrating Multimedia in Classroom

Based on the above analysis and discussion, a model of multimedia integration can be constructed based on the views of teacher designers and the process they have to go through, as shown in Fig. 1. The model consists of five main procedures and links up a dual funnel form to unfold and connect their relations in the process of multimedia integration. This model illustrates how a teacher designer proceed his or her journey of integration from the macroscopic view of applying multimedia to the microscopic detail manufacture and then come back to the macroscopic view of modification and reflection.

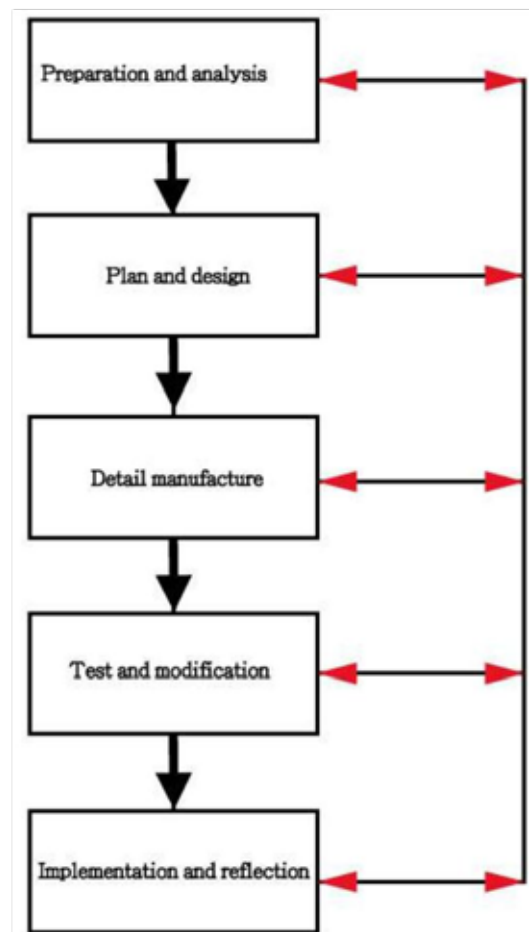

Fig. 1. A model of integrating multimedia

In the initial stage, teacher designers need to do the superficial self-analysis in some aspects and to do the initial preparation for their decision of multimedia integration. The self-analysis includes teacher's subjective perspective and will of using multimedia and the objective evaluation of the environmental support. The result of the self-analysis in this stage may influence teachers' motivation of continuing to apply multimedia materials in their teaching. When they have experienced the macroscopic analysis stage, they enter into the plan and design procedure. In this stage, designers narrow down their vision to the curriculum arrangement and strategies of integration, and they have to plan where, how, and what the multimedia can be involved in the teaching activities. The followed procedure is to go into the process of detail production. Teacher designers have to focus on doing every single multimedia component, which needs to consider various points of view from the user and learner so that the way of multimedia content can be expressed. Once the digital multimedia is completed, it still needs to be tested and modified. In this stage, teacher designers need to pull their views back to the higher stance, examine whether the completed multimedia aids are proper to be used, and then adapt it again. When the modified multimedia teaching aids are first implemented in the classroom teaching by teachers, these aids may not be used perfectly at this stage. User, learner, and teacher designer may reflect some deficiencies or suggestions. Therefore, designers need to push themselves to a deeper and broader viewing angle and conceive every procedure of the multimedia integration carefully. Through this reflection procedure teacher designers can find out the apt way to improve their integration and accumulate more experiences to help their next multimedia integration to be more effective and efficient. Every procedure in the model is reversible, which can go back to the previous stage to do examination and modification.

4. CONCLUSION

Technology integration in classroom teaching has been a trend, which is not possible to be reversed [16,17,36]. However, the present published multimedia materials are difficult for fulfilling individual teacher's needs, so teachers cannot always rely on the existed baggage of digital materials. Teacher's role in multimedia integration is not only a user but also a designer and producer, by which teachers can manipulate more appropriate multimedia aids and fulfill teachers' essential needs. Only few models of integrating multimedia or computer technology are based on the stance of teacher and on the analysis of the integrating process. In this paper, the researcher constructs a

framework of multimedia integration based on teacher designer's perspectives of designing multimedia teaching aids and the integration of digital teaching materials in teaching. This model describes an entire process of how teacher designers construct an integration of multimedia in their teaching. This model also provides a proper guide to teachers who want to integrate multimedia teaching aids into their classroom. Through the application of this model, the researcher expects that teachers can easily design the digital teaching aids which are fit for their real needs and allow teachers' teaching to be more efficient and effective.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Gonzalez R. Disciplining multimedia. *IEEE Multimedia*. 2000;7(3):72-78.
2. Giller S, Barker P. An evolving methodology for managing multimedia courseware production. *Innovations in Education and Teaching International*. 2006;43(3):303-312.
3. Moos D.C, Marroquin E. Multimedia, hypermedia, and hypertext: Motivation considered and reconsidered. *Computers in Human Behavior*. 2010;26:265-276.
4. Schraw G, Lehman S. Situational interest: A review of the literature and directions for future research. *Educational Psychology Review*. 2001;13:23-52.
5. Moallem M. An interactive online course: A collaborative design model. *Educational Technology Research and Development*. 2003;51(4):85-103.
6. Roblyer M.D, Edwards J, Havriluk M.A. Integrating educational technology into teaching. 4th ed. Upper Saddle River: N.J Prentice Hall; 2004.
7. Wilson B, Lowry M. Constructivist learning on the web. *New Directions for Adults and Continuing Education*. 2000;88:79-88.
8. Carver C.A, Howard R.A, Lane W.D. Enhancing student learning through hypermedia courseware and incorporation of student learning styles. *IEEE Transactions on Education*. 1999;42(1):33-38.
9. Bartscha R.A, Cobern K.M. Effectiveness of PowerPoint presentations in Lectures. *Computers & Education*. 2003;41:77-86.
10. Sun P.C, Cheng H.K. The design of instructional multimedia in e-Learning: A Media Richness Theory-based approach. *Computers & Education*. 2007;49:662-676.
11. Siegel J. The state of teacher training. *Electronic Learning*. 1995;14(8):43-53.

12. Mayer R.E, Chandler P. When learning is just a click away: Does simple user interaction foster deeper understanding of multimedia messages? *Journal of Educational Psychologist*. 2001;93(2):390-397.
13. Mayer R.E, Heiser J, Lonn S. Cognitive constraints on multimedia learning: When presenting more material results in less understanding. *Journal of Educational Psychologist*. 2001;93(1):187-198.
14. Dooley K.E. Towards a Holistic Model for the Diffusion of Educational Technologies: An Integrative Review of Educational Innovation Studies. *Educational Technology & Society*. 1999;2(4):35-45.
15. Wang Q, Woo H.L. Systematic planning for ICT integration in topic learning. *Educational Technology & Society*. 2007;10(1):148-156.
16. Heinich R, Molenda M, Russell J.D, Smaldino SE. *Instructional media and technologies for learning*. 7th ed. Englewood Cliffs: NJ Prentice Hall; 2001.
17. Hoffman B, Ritchie D. *Teaching and learning online: Tools, templates, and training*, Society for Information. Technology and Teacher Education International Conference. Washington, D.C; 1998.
18. Culp K.M, Honey M, Mandinach E. A retrospective on twenty years of educational technology policy. *Journal of Educational Computing Research*. 2005;32(3):279-307.
19. Becker H.J. Who's wired and who's not: Children's access to and use of computer technology. *The Future of Children: Children and Computer Technology*. 2000;10(2):44-75.
20. Harris J. Our agenda for technology integration: It's time to choose. *Contemporary Issues in Technology and Teacher Education*. 2005;5(2):221-234.
21. Wilson J. Evolution of learning technologies: From instructional design to performance support to network systems. *Educational Technology*. 1999;39(2):32-35.
22. Kirschner P, Strijbos J.W, Kreijns K, Beers P.J. Designing electronic collaborative learning environments. *Educational Technology: Research and Development*. 2004;52(3):47-66.
23. Morse J.M. *Qualitative Nursing Research: A Contemporary Dialogue*. Newbury Park, CA: Sage;1989.
24. Denzin N.K, Lincoln Y.S. *The Landscape of Qualitative Research: Theories and Issue*. London: Sage Publications; 1998
25. Kay R.H. An exploration of theoretical and practical foundations for assessing attitudes toward computers: The computer attitude measure (CAM). *Computers in Human Behavior*. 1993;9(4):371-386.

26. Levine T. Computer Use, Confidence, Attitudes, and Knowledge: A Causal Analysis. *Computers in Human Behavior*. 1998;14(1):125-146.
27. Paraskeva F, Bouta H, Papagianna A. Individual characteristics and computer self- efficacy in secondary education teachers to integrate technology in educational practice. *Computers & Education*. 2008;50(3):1084-1091.
28. Teo T. Modelling technology acceptance in education: A study of pre-service teachers. *Computers & Education*. 2009;52:302-312.
29. Dawson C, Rakes G.C. The influence of principals' technology training on the integration of technology into schools. *Journal of Research on Technology in Education*. 2003;56(1):29-49.
30. Tondeur J, Van K.H, Van B.J, Valcke M. ICT integration in the classroom: Challenging the potential of a school policy. *Computers & Education*. 2008;51:212-223.
31. Norton P, Gonzales C. Regional educational technology assistance initiative- Phase II: Evaluating a model for statewide professional development. *Journal of Research on Computing in Education*. 1998;31(1):25-48.
32. Johnson S.D, Aragon S.R. An instructional strategy framework for online learning environments. *New Directions for Adult and Continuing Education*. 2003;100:31-43.
33. Beauchamp G, Kennewell S. Interactivity in the classroom and its impact on learning. *Computers & Education*. 2010;54:759-766.
34. Wang Q. A generic model for guiding the integration of ICT into teaching and learning. *Innovations in Education and Teaching International*. 2008;45(4):411-419.
35. Chou C. Interactivity and interactive functions in web-based learning systems: A technical framework for designers. *British Journal of Educational Technology*. 2003;34:265-279.
36. Lin C.H, Shen M.L, Lee S.J. The development of an Investigation Scale to Determine Preschool Teachers' Computer Attitudes. *Asian Journal of Arts and Sciences*. 2010;1(1):141-153.

APPENDI

X Questions of Semi-Structure Interview

1. What is your perspective of using multimedia technology in classroom teaching?
2. What are your considerations before you decide to involve multimedia technology in your teaching?
3. Could you please tell us what challenges and obstacles you may have to face when you integrate multimedia technology into classroom teaching?
4. Could you please share with us how you manage and arrange multimedia technology in your classroom teaching?
5. Could you tell us what the main concerns are when you are making multimedia teaching aids?
6. What are the students' responses after your teaching with multimedia technology?
7. What is the reflection of your integration of multimedia technology in classroom teaching?

Table 1. Significant factors emerge from the analysis

Identify category	
Preparation and analysis	Internal self-analysis(teacher's perspective and attitude of adopting multimedia in teaching, teacher's confidence and competency of using multimedia, and teacher's will of using computer technology)
Plan and design	Evaluation of external environments (school ideology and policy, school equipment of computer software and hardware, support from school manager, technique aid and consultation, and peer review and support). Design teaching objective Lesson planning Design teaching activities Searching available multimedia resources
Detail manufacture	Making interface for teacher user Making interface for student user Expression of the contents
Test and modification	Confirm whether it has defect or gap Amend inaccuracies to be proper
Implementation and reflection	Using the digital aids in the classroom teaching Clarifying the feedbacks and suggestions Significant points in the procedure of reflection,

Olibie Eyiuche Ifeoma^{1*} and Ezeoba Kate Oge²,

¹*Department of Educational Foundations,
Nnamdi Azikiwe University Awka, Anambra State, Nigeria,*

²*Department of Curriculum Studies and Educational
Technology, School of Education, Nwafor
Orizu College of Education, Nsugbe, Anambra State, Nigeria*

Effects of Guided Inquiry Method on Secondary School Students Performance in Social Studies Curriculum in Anambra State, Nigeria

1. INTRODUCTION

Curriculum is the vehicle for facilitating education. It is the planned and guided learning experiences and intended learning outcomes, formulated and provided under the auspices of the school, for the learner's continuous and wilful growth in cognitive, affective and psychomotor competence. It is a programme of studies and activities designed so that learners will attain as far as possible, certain educational goals and objectives. Curriculum thus involves all the actions of the school, which are aimed at getting the child to begin a course and at the end attain educational goals [1]. According to [2], it comprises of the courses or subjects and their contents to be studied by learners at all levels of education. Among such subjects are Social Studies.

In Nigeria, there is a major concern about students' performance in Social Studies as manifested in their tests and examinations grades. In this study, performance is defined according to how well a student performs in tests, examinations and participates in lessons. [3] observed that in recent years, Nigerian secondary school students' achievement in Social Studies on average has remained flat or has declined. This resonates with [4] and [5] that students have continued to achieve poorly in Social Studies Examinations. Students' poor achievement in junior secondary school Social Studies also affects their interest and achievements in related courses like Geography, Law, Sociology and above

all, makes them unable to apply desirable social and citizenship skills to their daily challenges of living.

Another issue of concern is the question of gender stereotypes in Social Studies. A study on the teaching and learning of Social Studies in secondary schools in Nigeria by [4] lamented the prevalence of gender stereotype in Social Studies. This has become a source of worry, as it is difficult in the present day society to address the issue of national development without recourse to gender factor [6]. Thus, male and female students ought to participate equally in Social Studies education, which is a vital tool in the development of nation.

One of the leading causes of students poor performance in Social Studies in Nigeria as reported by [4], [5] and [7] has to do with the instructional methods used by teachers, which are inadequate to bring about desired level of achievement and classroom participation in both male and female students. Some of the methods used by teacher are expository and makes students to become very passive. [3,8,9] also found that many Nigerian Social Studies teachers mostly used the Traditional Lecture Method that centers on the teacher, text book, the chalk and the chalkboard. Under this scene, the teacher is seen as a disseminator of knowledge, the knower of the answer and a lecturer who heavily relies on textbooks as the only available instructional material; conveys facts and procedures to students and hardly encourages students to engage in practical and creative learning activities. The Traditional Lecture Method of teaching has been largely criticized for stifling interest and creativity in students thereby limiting academic achievement [10,11,12,13,]. There is therefore a need to use innovative teaching methods to see if there will be improvements in students achievement in Social Studies.

To improve performance in Social Studies, several investigators including [3,7] and [8] have catalogued the instructional strategies recommended in the National Junior Secondary Schools Social Studies curriculum implementation guidelines. One of such methods is the guided inquiry method. Guided inquiry is an aspect of transformational teaching which has been spurred by the development of several learning principles and methods of instruction, including active learning, student-centered learning, collaborative learning, experiential learning, and problem-based learning [14]. It is a student-centered method of teaching whereby students interact actively, question assumptions and provide their viewpoints on any area of subject matter. As described by [15], in this approach to instruction, the teacher facilitates and prompts students to conduct investigations and construct their own meaning of the events and phenomena that occur naturally. It is through such investigations at the students own rates and levels of ability that learning takes place. Guided Inquiry also emphasizes

higher-level thinking skills and collecting, analyzing and synthesizing information and data from multiple sources and viewpoints [16]. A teacher using this method presents concrete experiences of authentic problems and the research materials that students would examine in order to reach a conclusion about the problem. The teacher also asks lots of questions and uses speculative statements with many speculative interactions designed to raise issues for students discussion. Students are allowed to probe public issues based on instructional content. This method involves the use of classroom discussions, projects, pre-learning, student-generated activities, collaborative learning, problem-solving, role-plays and question prompts. [17] noted that through guided inquiry method of instruction, teachers facilitate students movement from the stage of collecting data to a higher cognitive level of thinking as they interpret data and make sense of discoveries. Thus guided inquiry address calls for authentic inquiry [3,10], which aligns well with social studies pedagogy.

Many researchers have found positive results when using inquiry-based instruction as opposed to traditional instruction in sciences and languages [10,16,18,19,20,21,22]. Others did not find significant effects [23,24]. However it appears that studies conducted on the effects of this method on students achievement in social studies are few and have not provided consistent and conclusively positive results [3,8,15]. Making matters even more complicated is that research that examines the effectiveness of guided inquiry for improving students achievement relative to gender have also produced inconsistent results. Some studies are found that males perform better than females [25,26,27]. On the other hand, some studies indicated that there are some differences in using guided inquiry in online learning between male and female students [28,29], while others did not [3, 30]. In the light of inconclusive results for gender effects with regard to student success in guided inquiry, the present study has included gender as a moderating variable that could affect students achievement in Guided Inquiry. It is against this background that the purpose of this study is to compare the effects of the use of Guided Inquiry Method [GIM] and Traditional Lecture Method [TLM] on students performance in Social Studies.

1.1 Theoretical Framework

The theoretical framework for the guided inquiry method used in this study derives mainly from the Kolb s experiential learning theory [ELT]. Experiential learning theory [ELT] defines learning as "the process whereby knowledge is created through the transformation of experience and knowledge results from the combination of grasping and transforming experience" [31]. The ELT theory

comprises four-stage learning cycle with two dialectically related modes of grasping experience, Concrete Experience [CE] and Abstract Conceptualization [AC] and two dialectically related modes of transforming experience — Reflective Observation [RO] and Active Experimentation [AE]. According to the four-stage learning cycle, immediate or concrete experiences are the basis for observations and reflections. These reflections are assimilated and distilled into abstract concepts from which new implications for action can be drawn. These implications can be actively tested and serve as guides in creating new experiences. Thus, ELT is posited mainly on the belief that the effective learning involves the learner moving from controlled practice, through guided work to mastery of knowledge structures in an enabling environment [32].

Using guided inquiry, concrete experiences could be provided by engaging students in hands-on, real world observation and inquiry in their local environment. Hands-on involvement refers to the amount of experiential exposure students have to the content they are exploring in direct contact. Real objects and field experiences contribute opportunities for students to have hands-on involvement [13]. In social studies, this would involve visit to museums or cultural places, watching media debates on social affairs, role-playing, debates, case studies, and reading media to obtain information. These activities would help to ground learning in local phenomena and students lived experience.

Upon offering a variety of experiences which stimulate self activity on the part of the learner, abstract conceptualization occurs when students become curious or challenged as they try to make meaning out of the experiences. Such abstract conceptualizations occasioned by lower levels of teacher involvement and higher levels of student hands-on involvement and responsibility for learning might propel students to ask the teacher more questions. To overcome abstraction, the Guided Inquiry environments may include direct instruction provided on a just-in-time basis once students indicate a need to know the information presented [26]. Thus a mini-traditional or over-view lesson presenting key information from teacher to students is used when students understand the necessity of that information and its relevance to their problem-solving and investigational practices. Such just-in-time direct instruction promotes knowledge construction in way that makes knowledge available for future use in relevant contexts.

Student responsibility for learning can be seen as linked to their personal reflections and how much teacher guidance is given during instruction. Students deciding how to tackle the problems, forming their own questions for study, designing their own studies and determining how to present data and conclusions — and being responsible for seeking assistance when it is

needed — characterize reflective observation and active experimentation in which students have more responsibility for learning [33, 34, 35]. It is within this milieu that learning becomes meaningful, integrative, value-based, challenging and exciting.

1.2 Research Questions

Three research questions have been stated to guide the study. They are as follows:

1. What are the mean achievement gains of students taught Social Studies with the Guided Inquiry Method [GIM] and those taught with Traditional Lecture Method?
2. What are the mean achievement gains of male and female students exposed to Social Studies with the Guided Inquiry Method [GIM] and those taught with Traditional Lecture Method?
3. To what extent does GIM encourage students participation in lessons more than TLM?

1.3 Null Hypotheses

The under listed null hypotheses, tested at the 0.05 level of significance, have been formulated for the study.

H01 There is no significant difference between the mean achievement gain scores of students taught Social Studies with Guided Inquiry Method [GIM] and those taught with the Traditional Lecture Method [TLM].

H02 There is no significant difference between the mean achievement gain scores of male and female students taught Social Studies with Guided Inquiry Method [GIM] and those taught with the Traditional Lecture Method [TLM].

2. METHODOLOGY

2.1 Research Design

The study is a quasi-experimental design. Specifically, the pre-test-post-test quasi experimental design was used. It involved two groups of students [experimental and Control], and two dependent variables [achievement and interactions]. One of the groups was the experimental group taught the Social Studies topics using the Guided Inquiry Method [GIM] while the other was the control group that was taught using the Traditional Lecture Method. A pre-test was

administered on the two groups before the experiments. At the end of the experiments, a post-test was also administered on the groups after reshuffling the items to ascertain Achievement gains.

2.2 Sample and Sampling Technique

Sample involved 163 JSS III Social Studies students [80 boys and 83 girls] selected through stratified random sampling technique from public secondary schools in Anambra State of Nigeria for the 2011/2012 academic year. Stratification was based on the gender of the schools [i.e Boys Schools and Girls Schools]. 2 boys and 2 girls schools were selected. Then, in each of the selected schools, one intact JSS class was selected totaling 4 intact classes of 163 JSS III students. The classes were further randomly assigned to experimental and control classes.

2.3 Instrumentation

A Social Studies Achievement Test [SSAT] was used in this work. The test consisted of 30- item objective questions that were adopted from Basic Social Studies Tests for Junior Secondary Schools III and modified by the researcher for this study. The modification involved restructuring and aligning the content to reflect the concepts outlined in the scope of the study. This test was used, as a pre-test to determine the comparability of the groups and determine the extent of Social Studies knowledge already possessed by subjects before the study. The same test was used at the end of the experiment as a post-test for the purpose of measuring the achievement gains of the students as a result of the treatments. The marks obtainable for each of the objective questions was 2 marks [total 60 marks] while each of the essay questions carried 10 marks [total 20 marks].

A Classroom Observation Rubric [COR] was also used by researchers to record the significant processes in students and teachers activities during the lessons. The rubric required researchers to note at the end of every classroom visit, the most prevalent features of students interaction and teachers interventions as they engaged in the process of guided inquiry. The COR contained three rows and eighty-three columns as well as an open ended space for writing sketchy notes on observed teachers activities. The rows focused on the number of turns taken by each participant, the competition for turns and students engagement in tasks, while the columns were used to record the observations made for each student. For each observation in number of turns

taken, the researchers put an X for the student in question. For instance, if student number 2 took 3 turns within a particular lesson, the researchers entered XXX for the student. The total number of X was computed to show the actual number of turns taken per student at the end of the experiment. The rows for competition for turns and students engagement in tasks had a rating scale of 12 per criterion (range=1 to 12). For each observation, the researchers circled the score they deemed most appropriate based on the students activities. The evaluation guide used for the interpreting the coding was as follows: Scores 1-3 =Poor; 4 - 6 = Average; 7-9 Very Good, while 10-12 =Excellent.

The SSAT, COR and lesson units were presented to two experts in Social Studies and one expert in measurement and evaluation for face validation. Along with these instruments, the research purpose, scope, research questions, hypotheses, and the Social Studies syllabus were also submitted to these experts. The experts reviewed the items in terms of language use, appropriateness of concepts, and to ascertain if the test would be covered within the time specified on it. Corrections were made on the final draft of the questionnaire based on the reviewers suggestions.

To reliability of the items in the SSAT was determined using Cronbach Alpha scale analysis in order to determine the homogeneity of items with content clusters as contained in the content of test blue print. Coefficient values obtained for the three content areas were as follows: 0.66 for items in the origin and nature of man, 0.71 for items on social environment, and 0.68 for items on socialisation and social instability

2.4 Extraneous Variables and Their Control

A major strength of the non-equivalent control group design is its ability to control such sources of internal invalidity such as history, maturation, testing, instrumentation and selection. However there were attempts to control other extraneous variables that could have threatened the study. Such variables include non-randomization effect, novelty effect and experimenter bias.

2.4.1 Non-randomization effect

In view of the fact that it was not be feasible to select subjects at random, efforts were made to ensure similarity among students in terms of gender, school background, and teaching method. In this regard, each of the two teaching methods was used in one boys and one girls class. All the classes were chosen

from public schools to ensure similarity in school background. To make the classes compatible in terms of academic achievement, intact classes were used and the schools chosen were at the same level of coverage of their scheme of work.

2.4.2 Novelty effect

To avert novelty effect, regular social studies teachers in the participating classes taught the students after being trained on the instructional techniques by the researchers. The teachers used prompts and reflective questions to guide students whenever the students in the GIM group appeared to be overwhelmed by the new instructional techniques.

2.4.3 Experimenter bias

To reduce the problem of experimenter bias, the researchers developed two different lessons plans to be used as they relate to each of experimental and control groups. The same lesson units and content were presented to the two groups. The researchers also visited the classes at random to observe if the teaching processes were as stipulated in the lesson units. Moreover, both the pre-test and post-test were marked according to the same marking scheme worked out by the researchers.

2.5 Experimental Procedure

Two weeks before the commencement of the actual quasi-experiment, 4 intact classes of one hundred and sixty-three JSS III Social Studies students were randomly assigned into two groups of two classes each. One of the groups [N=82] was randomly assigned to be taught Social Studies with GIM. The other group [N=81] was taught Social Studies through the Traditional Lecture Method. The GIM group was the experimental group while the EM group was the control group. Students in both the experimental and control groups were then given a pre-test two weeks prior to the initiation of Guided Inquiry Method [GIM] and Traditional Lecture Method [TLM]. Here, the test scores were used to determine the existing levels of Social Studies knowledge among students prior to the commencement of the experiments.

Four regular Social Studies major who were teachers participated as research assistants in the study. The teacher-participants were informed and trained for this study at the beginning of their second term. The training was

carried out on a Monday and lasted for two hours. It involved a description of the study's scope and intent, as well as a brief overview of what teachers should do, how they should do it and the curriculum that would be covered. The teachers were then assigned to each of the four classes to teach students using GIM and TLM.

For those to teach the GIM group, the researchers further trained them for another two hours on a Tuesday. Training covered explanations of what Guided Inquiry Involved, descriptions of the lesson plans, and demonstrations on how to use the guided inquiry activities in the lesson plans in classes. The essence of the COR was also discussed. After the training, the teachers practiced GIM for 2 lessons of 40-minutes each. The researchers noted and reinforced the teachers' expertise and correct GIM usage.

The actual quasi-experiment was designed to last for seven weeks using the normal 40 minutes per period allocations for Social Studies in the participating schools. Two different sets of lesson plans on Social Studies were prepared to be administered on the experimental and control groups over a period of seven weeks. The content of the lesson plans were drawn based on the JSS III scheme of work for 2nd term. These lesson plans emphasised the GIM and TLM methods of instructions as relevant to the treatment for the experimental and control groups respectively.

The lesson plans utilized in the GIM groups were designed to take place both inside and outside the classroom with an experiential focus. Inside the classroom, the teachers carefully planned and delivered lessons with a variety of explanations, demonstrations and community resources. Guided notes were given that contained the terms and concepts which students would need mastery of to complete their tasks. Students used these notes to guide them in completing projects inside and out-side of the classroom. After the direct instruction, the teachers assigned students to observe concrete experiences and examples of the civic life of their communities, examine local culture, and include social environmental problems.

For instance, in a lesson on the origin and nature of man, teachers took students outside the class to sit under a tree. They asked students to observe the environment and write the things they could see [concrete field experiences]. They also asked students to write down the differences between the things in the environment and man [abstraction, reflection experimentation]. They pointed at students at random to use the observed differences to describe the nature and characteristics of man [reflection and experimentation]. The lessons were rounded off by teacher summary. For the next lesson, some social activities were introduced to encourage participants to familiarize themselves with the origin and

nature of man. Students were required to ask their parents where and how people from their family came to be. They also read their Social studies textbook and the Bible to get more information. When they came for the next lesson, with guided questions from the teachers, they were able to use the three sources of information [parents, textbook and bible] to write major points on the origin and nature of man. As the students worked mostly in teams, each student team was required to note and present to the class, short piece of critically reflective writing on an aspect of their own points. A referencing quiz and some discussion scenarios were also facilitated by the teachers to further provoke inquiry. The teachers used students answers to the quiz and discussions to build a chalkboard summary of the origin and nature of man. They teachers finally gave them guided notes which were marked at the next class. These activities are in line with the underlying premise for reflection and experimentation in guided inquiry method in that knowledge is discovered and constructed by students and transformed into concepts to which students can relate [13,26,30].

In order to arrive at an estimation of agents of socialization and social stability, students were asked to read newspapers and write reports on actions depicting social instability. Students also spent time outside the classroom in churches, families, markets, forest edge gathering data and utilized this data in their project. They then role-played a youth group

meeting where they simulated problems of youth violence which led to social instability. These activities presented with concrete experiences. Some of the central questions students needed to answer were "What do people learn from their families/church/school/community? Describe the responsibilities people have to their families/church/school/community? Justify how youth groups contribute to community development? In what ways can group functioning affect social stability? As they tried to answer these questions, the students engaged in abstractions and hypotheses testing [30]. By way of reflection, the students were required to justify their recommendation in a report that detailed the various agents of socialization and how these agents contribute to social interactions among people in a community. Having the students examine a researchable problem that affects their community using data, met the criteria for inquiry.

The Traditional Lecture Method applied involved teachers presentation of content in a logical sequence through a lesson unit format while the students listened and took down notes. The teachers introduced the lessons, gave definitions of concepts, made explanations, clarified ideas and asked students questions on relevant topics. As the teachers taught, they built a chalkboard summary of the lesson. They also paused from time to time to answer students questions. Then they wrote notes for students to copy.

In the experimental and control groups, the Social Studies text book and workbook assignment were used as instructional materials. At the end of each lesson, the students were given assignments as indicated in the lesson notes. As the lessons went on in both the experimental and control groups, the researchers conducted ongoing classroom observations twice in a week to confirm that each teacher taught the curriculum model actually meant for each group to use and observe classroom interactions.

2.6 Administration of Tests

Two weeks prior to the experiments, the subjects in all the groups were given a pre-test. The scores on the tests were used to determine the extent of knowledge of Social Studies already possessed by subjects before the study. It also served as a comparison to the post-test to determine if any achievement gains occurred after the experiments. The research assistants [regular Social Studies teachers] administered the test to the groups during the continuous assessment periods. At the end of the seven weeks, the tests were repeated following the same procedures as in the pre-test. The essence of this post-test was to determine the academic achievement gains of the students as a result of participating in the experiments. The pre and post tests were duly marked and scored.

2.7 Method of Data Analysis

Mean, standard deviation and gain scores were used in analyzing the data for the research questions. Gain scores were calculated by subtracting the summated pre-test scores from the summated post-test scores. For the test scores only mean scores of 60% and above were regarded as a high level of achievement. The mean scores obtained from the achievement Tests [pre-and post-tests] were subjected to Analysis of Covariance [ANCOVA] at the 0.05 significance level. ANCOVA was used to test the two hypotheses. The ANCOVA serves to adjust the post-test scores for pre-test differences.

3. RESULTS AND DISCUSSION

Analysis in Table 1 reveals that the mean of the control group [Traditional Lecture Method] on the pretest was 40.28 while that of the Experimental Group [Guided Inquiry] was 40.56. This indicates that there were variations between the pre-test mean scores of students taught Social studies with the Guided

Inquiry method and those taught with the Traditional Lecture Method. The mean pre-test score of the Guided Inquiry group was less than that of the Traditional Lecture Method group.

However, in the post test, the control group [Traditional Lecture Method] and the experimental group [Guided Inquiry] got mean scores of 44.65 and 56.90 respectively. The control group obtained a mean gain score of 4.37 while the Experimental Group [Guided Inquiry] got a mean gain score of 16.34. Therefore, the mean academic achievement gain of students taught Social Studies with the Guided Inquiry method was higher than that of those taught with the Traditional Lecture Method.

Table 1. Means, standard deviations and gain in achievement of experimental and control groups

Treatment Groups	N	Pre-test		Post test		Gain [treatment Effects]
		\bar{x}	SD	\bar{x}	SD	\bar{x}
Control Group [Traditional Lecture Method]	81	40.28	16.25	44.65	16.04	4.37
Experimental Group [Guided Inquiry]	82	40.56	16.08	56.90	12.73	16.34

Analysis in Table 2 shows that students taught with the Guided Inquiry Method performed significantly better than those taught with the Traditional Lecture Method on the Same Social Studies Achievement test. The analysis reveals that all the F-calculated values are significant. Specifically, with 1 and 160 degrees of freedom [$p < 0.05$], the calculated F value for the main effect is 8886.31. This value is greater than the F-critical value of 3.84. This led to the rejection of the null hypothesis. The decision is that there was a significant difference between the mean achievement gains of students taught Social Studies with Guided Inquiry Method [GIM] and those taught with the Traditional Lecture Method [TLM].

Table 2. Analysis of covariance for the pre test and post test scores of experimental and control groups [P.05]

Source of Variation	Sum of Squares	Degree of freedom	Mean Square	F- Cal	F-Crit [$p < 0.05$]
Corrected Model	1472.77	1	1472.77	45.45	3.84
Intercept	287940.82	1	287940.82	8886.31	3.84
TreaTLMent	1472.77	1	1472.72	45.45	3.84
Error	5216.84	161	32.40		
Total	294894.00	163			
Corrected Total	6689.61	162			

In Table 3, there were also some variations in mean achievement gains of male and female students taught Social Studies with the Guided Inquiry Method [GIM] and those taught with

Traditional Lecture Method. The table shows that the pre test means of male students in the control group [Traditional Lecture Method] was 37.89 while that of male students in the Experimental Group [Guided Inquiry] was 37.34. In the post test, male students in the control group [Traditional Lecture Method] got mean scores of 42.05 indicating a mean gain of 4.96. The post test mean score for male students in the experimental group [Guided Inquiry] was 54.63 with a mean gain of 17.29.

For female students in the control group, their mean pretest score was 43.02, their post test score was 47.79 while their mean gain score was 4.70. Their counterparts in the Experimental Group [Guided Inquiry] had a pre test mean score of 43.24, a post test mean score of 58.44 and a mean gain score of 15.2. These analyses indicate that male and female students in the experimental group [Guided Inquiry] gained higher mean scores in Social Studies than those taught with the Traditional Lecture Method.

Table 3. Means scores and gain in achievement among of male and female students in experimental and control groups

Treatment Groups	N	Pre-test		Post test		Gain [treatment Effects]
		\bar{x}	SD	\bar{x}	SD	\bar{x}
Males Control Group [EM]	39	37.89	15.90	42.05	15.21	4.96
Experimental Group [GIM]	41	37.34	13.93	54.63	11.68	17.29
Females Control Group [EM]	42	43.02	16.66	47.79	16.80	4.70
Experimental Group [GIM]	41	43.24	17.40	58.44	13.84	15.2

A t-test analysis was performed to determine if the differences in the mean scores of male and female students taught with the Guided Inquiry. Data presented in Table 4 shows that the t-calculated values between male and female students in the Guided Inquiry group were

1.34 in the pre-test and 1.69 in the post test. These values were less than the t-critical value of 1.96 at 80 degree of freedom [$p < 0.05$]. The decision is therefore to accept the null hypotheses and uphold that there was no significant difference between the mean scores of male and female students taught Social Studies with the Guided Inquiry method.

Table 4. Independent samples test for pre-test and post test mean scores of male and female students in the Guided Inquiry group

	Gender	N	Mean	Std. Deviation	Df	t-cal	t-crit	p value
Pretest	males	41	37.34	13.9277	80	1.34	1.96	0.039
	females	41	43.24	17.3980				
Post test	males	41	54.63	11.6807	80	1.69	1.96	0.047
	females	41	58.43	13.8384				

3.1 Discussion of Results

The findings of the study revealed that the mean achievement gain of students that were taught Social Studies with guided inquiry method [GIM] was higher than that of those students taught with the Traditional Lecture Method. It was observed that students in both the experimental and control groups were at a similar level of academic achievement in

Social Studies before the commencement of the study as measured by their scores on the pre-test. However, after the experiment, the GIM group obtained the highest post-test mean gain score. This proves that students in the experimental group had improved their scores after participating in Guided Inquiry Method that the TLM group. These results indicate that both traditional and Guided Inquiry Methods led students to high social studies achievement, but in line with studies by [3] and [26,27], achievement was higher for students taught with Guided Inquiry.

The test of null hypothesis one showed a significant mean difference in Social Studies Test between GIM and TLM groups. This led to the rejection of the null hypothesis. It was upheld that there was a significant difference in academic achievement between students taught Social Studies with GIM and those taught with the Traditional Lecture Method. This significant difference was in favour of the GIM group who had higher post test mean scores than the TLM group. Thus, GIM enhanced students achievement in Social Studies Test more than TLM. This finding gave empirical support to earlier findings in this area [19, 30] which found that GIM was very effective in teaching academic concepts and increasing students academic gains over and above the Traditional Lecture Method.

The results indicated that whereas the pre-test mean scores of the male and female students in the experimental and control groups were similar, their post test means differed. Moreover, the mean academic gains of male and female students in the experimental group were above those of male and female students in the control group. However, data for this study indicated that while male students in both the experimental and control groups had more academic gains than female students in both groups. This finding suggests that male students in both groups performed better than the female students. On the other hand, the finding disagrees with that of [34] who found that male and female students in Nigeria taught chemistry with inquiry method did not perform better than those taught with the expository lecture-demonstration method. This disagreement could be because the present study was on Social Studies, while [34] s study was on Chemistry. Besides, in their study, [34] separated the inquiry method and the project method as two different teaching methods. However, the present study included projects as part of the guided inquiry activities.

This finding is also contrary to [26,27] whom found that gender discriminated in favour of males in Guided Inquiry. Those authors explained that their finding was because boys are typically guided towards scientific/technological knowledge rather than in Social studies which is not a science subject. The present finding could be because the emphasis on equal educational opportunities has began to yield positive results as boys are now actively tackling challenges that were hitherto the reserves of girls. And yet another reason would be because the current sensitization campaigns against dwindling male enrolments in schools had stirred up interest in studies among boys in Anambra State. Perhaps, male students have recognized as [3] advocated the potentiality of Social Studies as a subject for effective citizenship and thus, worked harder on the subject just as their female counterparts did.

However, it was observed that the differences in the mean achievement scores of male and female students exposed to GIM were not significant. The null hypothesis was therefore accepted. Although achievement slightly improved more for male students exposed than for female students, such improvement was not significant. In essence, the achievement gain might not have been caused by the gender of students. Rather, the differences were likely to be due to treatment because achievement significantly improved for both gender after the experiment. This finding is in parallel to some previous research results [3,30] who found no significant gender effects on the achievement of students that participated in inquiry-based instruction.

The findings of the study directly derived from the experiential learning theoretical framework. In line with the experiential learning theory, the

researchers introduced concrete experiences that exposed students to hands-on, real world observation and inquiry in their local environment [19] and tried hard to avoid gender stereotyping in the guided inquiry activities. Both male and female students were given the same opportunity and materials to engage in concrete experience, participate actively in the process of knowledge inquiry, experimentation, reflection and acquisition. Although both participating teachers were females, they were highly instructed to avoid gender-stereotypes. Besides, care was taken to ensure that the lesson notes were gender friendly. Both male and female students were fully involved in the teaching/learning activities so their achievement gains were not a matter of chance but as a result of the treatment given to them. Researchers worldwide struggle with how to change traditional instructional approaches to ensure gender equity and strive to educate a wider range of male and female students [6,21]. Hence, the present researchers suggest GIM as a possible solution for gender equity in secondary schools, especially in social studies classrooms. Based on the present findings, educators should be confident utilizing GIM in secondary social studies education.

Analysis of data from Classroom Observation Rubric [COR] indicated that Guided Inquiry encouraged participation among students more than Traditional Lecture Method. Three particular areas of participation among groups in terms of the collaboration and number of turns taken by each participant, the competition for turns and students engagement in tasks were noted.

At the first visit, students in the GIM group were unsure of what to do and had trouble working with each other. This is in line with Kolb's (1984) abstract conceptualization. The teachers then adjusted their approach by providing questions to stimulate students thoughts and actions. By so doing, the teachers channeled the students activities towards Kolb's modes of transforming experience so that by the time of the researchers second visit (day five of the experiment), students were working in full collaboration with each other. This supports [32] that experiential learning facilitates collaboration among students. It was observed that individual participants in the Guided Inquiry group took different number of turns in class activities. However, while working in teams, the team leaders tend to dominate the activities. Other members of the teams were given few opportunities to contribute. When such happened, some students looked unmotivated and bored in their groups. However, when teacher quizzes were introduced, it appeared to limit team leaders monopoly and give other students more opportunities to contribute ideas to the discussion just as [33] observed.

Competition for turn was observed to be higher for the Guided Inquiry group than the Traditional Lecture Method group. Interestingly, this competition

was not for the Guided Inquiry students to give discussions and profound guidelines to guide their reflections. The competition was to get more correct answers to the reflective quizzes. For the traditional lecture method group, competition was minimal and the teacher had to call on participants to make contributions. Besides maybe because the Guided Inquiry group had varieties of questions to answer and resources to guide them, they engaged in fierce competitions to make sure that they exhausted every facility and become the "team giant". At some stages, students appeared to lack self-discipline while doing their tasks. In most cases, the teachers appeared to be unaware of their responsibilities and called on only the team leaders to present group findings, thus turn taking became controlled. The COR also showed that in

line with [23,24], teachers appeared to experience problems with time management, controlling students' indiscipline, and unexpected emergency situations arising from students' competition in group work in guided inquiry. This implies the need for training of teachers on the effective strategies for the use of GIM within the time available for instruction.

Students in the Guided Inquiry Group were more engaged in tasks and activities than the students taught with the Traditional Lecture Method. They followed the guided notes, reviewed and studied them carefully, did their assignments timely and evaluated them by themselves. Within these activities, they engaged in Kolb's (1984) Reflective Observation [RO] and Active Experimentation [AE]. Within the stage of abstract conceptualizations, they frequently asked the teachers questions when faced with problems, and they attended their group discussions during the experiment. Most of the students within each team engaged in little brainstorming to find answers. Mostly the students made suggestions for answers, or rejected answers and offered counter-suggestions, with few examples and explanations for those suggestions or rejections. Each of them strived to get a chance to try out their ideas or suggest to the person responding to try a possibility until someone comes up with the correct answer. Most of them were eager to interact with their peers and teachers. This finding thus corroborates that of [32] that once students are engaged in experiential learning, their levels of peer interactions in class tasks improve. On the other hand, some students taught with Traditional Lecture Method did not attend the classes regularly and they did not prepare assignments to pass on teachers' demand. Similar studies have found that increased engagement occurs when inquiry teaching methods are used compared to when traditional lecturing is employed [18,20,22]. One can argue that the total involvement of students in GIM might have made it possible for them to understand the lessons better than the students taught with the Traditional Lecture Method.

4. CONCLUSION

This study reveals that Guided Inquiry Method had a significant positive effect on students performance in Social Studies more than the Traditional Lecture Method. Specifically, GIM enhanced students ability to achieve higher scores in Social Studies Achievement Test and participate actively in Social Studies lessons more than TLM. GIM students outperformed peers who learned from a traditional curriculum in social studies lessons. In addition, gender was not a significant factor in the students mean achievement in Social Studies, under the guided inquiry method. This implies that opportunities for functional learning for both male and female students could be provided through the use of a variety of stimulating instructional strategies such as GIM. This would enable students to learn basic Social Studies skills and gain confidence in their ability to reliably gather and interpret facts as they learn from their own inquiry. New activity-based instructional strategies such as GIM should be adopted in secondary schools especially in teaching Social Studies to Junior Secondary School students. The teacher-training programmes in Nigeria should include Guided Inquiry Method in order to equip would be Social Studies teachers with the techniques and processes involved in the strategies. The teachers need to be trained on how to manage time, class participation, interactions and turn taking in guided inquiry environments. The teachers must always expose male and female students of every ability levels, to a variety of guided tasks, activities and interaction patterns in classrooms so as to inspire and improve student s performance in Social Studies.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Ivowi UMO. The school-industry linkage. Nigerian Journal of Curriculum Studies. 2003;10(1):4-11.
2. Teachers Mind. What is a curriculum? 2013; Accessed on 13th Feb 2013 from <http://www.teachersmind.com/curriculum.html>.development.
3. Edinyang S.D, Ubi I.E. Relative effectiveness of inquiry and expository methods of teaching social studies on academic performance of secondary students in Akwa Ibom State Nigeria. British Journal of Arts and Social Sciences. 2012;8(1):95-102.

4. Ayodeji I. Gender and middle basic social studies curriculum: A conceptual overview. *Nigerian Journal of Curriculum Studies*. 2009;16(4):199-209.
5. Edozie G.C. Citizenship education in primary schools social studies curriculum: Some blind spots. *Journal of Childhood and Primary Education*, 2009;6(1):48-58.
6. Salman M.E Yahaya L.A. Adewara A.A. Mathematics education in Nigeria: Gender and spatial dimensions of enrolment. *Int. J Edu Sci*. 2011;3(1):15-20.
7. Okobia E.O. The teacher factor in enhancing quality assurance in the teaching/learning of social studies. *Review of European Studies*. 2012;4(4):148-156.
8. Osakwe E.O, Oganwu P. Teachers instructional strategies and cognitive style as factors in students achievement in social studies. *Journal of the World Council for Curriculum and Instruction*. 2005;5(1):179-194.
9. Eze P.I. Effects of resource persons on junior secondary school students achievement in social studies. *Nigerian Journal of Curriculum Studies*. 2009;16(4):279-284.
10. Alrfooh A.T. Effectiveness of applying inquiry strategy on the achievement of ninth grade students in Arabic language grammars in Petra / Jordan. *Universal Journal of Education and General Studies*. 2012;1(1):323-330.
11. Bell S. Project-based learning for the 21st century: Skills for the future. *The Clearing House: A Journal of Educational Strategies Issues and Ideas*. 2010;832:39-43. doi:10.1080/00098650903505415.
12. Svinivki M, McKeachie WJ. McKeachie s teaching tips: Strategies research and theory for college and university teachers. Thirteenth ed. Wadsworth: Belmont CA; 2011.
13. Summers E.J, Dickinson G.A longitudinal investigation of project based instruction and student achievement in high school social studies. *Interdisciplinary Journal of Problem-based Learning*. 2012;61. Available at: <http://dx.doi.org/10.7771/1541-5015.1313>
14. Rosebrough T.R, Leverett R.G. Transformational teaching in the information age: Making why and how we teach relevant to students. Alexandria: Association for Supervision and Curriculum; 2011.
15. Akinlaye F.A. Teacher-guided inquiry guided-discussion and students learning outcomes in some aspects of social studies. PhD Thesis University of Ibadan Nigeria; 1998.
16. Wilson C.D, Taylor J.A, Kowalski S.M, Carlson J. The relative effects and equity of inquiry-based and commonplace science teaching on students knowledge reasoning and argumentation. *Journal of Research in Science Teaching*. 2010;47:276-301.

17. Blanchard M.R, Southerland S.A, Granger D.E. No silver bullet for inquiry: Making sense of teacher change following an inquiry-based research experience for teachers. *Sci Edu*. 2009; 932:322-360.
18. Gautreau B.I, Binns C. Investigating student attitudes and achievements in an environmental place-based inquiry in secondary classrooms *International Journal of Environmental Science Education*. 2012;7(2):167-195.
19. Minner D.D, Levy A.J, Century J. Inquiry based science instruction - what is it and does it matter? Results from a research synthesis years 1984 to 2002. *Journal of Research in Science Teaching*. 2010;47:474-496.
20. Krajcik J.S, Blumenfeld P. Project-based inquiry learning. In R. K. Sawyer Ed. *The Cambridge Handbook of the Learning Sciences*. 2006;317-334. New York: Cambridge.
21. Nugent G, Kunz G. The impact of a field-based inquiry-focused model of instruction on preservice teachers science learning and attitudes. *Electronic Journal of Science Education Southwestern University*. 2008;12(2):20-28. Accessed on 13th March 2013 from <http://ejse.southwestern.edu>
22. Ibe D.O. Effects of gender and teaching methods on science process skills acquisition among senior secondary school students. *Int J Educ Research*. 2006;1(1):141-147.
23. Kirschner P.A, Sweller J, Clark R.E. Why minimal guidance during instruction does not work: An analysis of the failure of constructivist discovery problem-based experiential and inquiry-based teaching. *Edu Psy*. 2006;41:75-86.
24. Johnston A. Demythologizing or dehumanizing? A response to Settlage and the ideals of open inquiry. *J Sci Teacher Edu*. 2008;19:11-13.
25. Akinbobola A.O, Afolabi F. Constructivist practices through guided discovery approach: the effect on students cognitive achievements in Nigerian senior secondary school physics. *Bulgarian Journal of Science and Education Policy (BJSEP)*. 2009;3(2):233-252.
26. Kurumeh M.S, Jimin N, Mohammed A.S. Enhancing senior secondary students achievement in algebra using inquiry method of teaching in Onitsha educational zone of Anambra State, Nigeria. *Journal of Emerging Trends in Educational Research and Policy Studies*. 2012;3(6):863-868.
27. Opara J. Inquiry method and student academic achievement in biology lessons and policy implications. *American-Eurasian Journal of Scientific Research*. 2011;6(1):28-31.
28. Barrett E, Lally V. Gender differences in an on-line learning environment. *Journal of Computer Assisted Learning*. 1999;15(1):48-60.

29. Arbaugh J.B. An exploratory study of the effects of gender on student learning and class participation in an Internet based MBA course. *Management Learning* 2000;314:533-549.
30. Azizmalayeri K, Jafari M, Sharif M, Asgari M, Omid M. The impact of guided inquiry methods of teaching on critical thinking of high school students. *Journal of Education and Practice*. 2012;3(10):42-47.
31. Kolb D.A. *Experiential learning theory and case-based reasoning*. San Mateo CA: Morgan Kaufmann; 1984.
32. Kolb D.A, Boyatzis R, Mainemelis C. *Experiential Learning Theory: Previous Research and New Directions*. In R. J. Sternberg and L. F. Zhang Eds. *Perspectives on cognitive learning and thinking styles* pp. 1-13 NJ: Lawrence Erlbaum; 1999.
33. Govaris C, Kaldi S. Project-based learning to enhance recognition and acceptance of cultural diversity in the elementary school. *International Handbook of Migration Minorities and Education*. 2012;403-418. doi:10.1007/978-94-007-1466-3_26.
34. Agboola O.S, Oyemedede E.O. Effects of project inquiry and lecture-demonstration teaching methods on senior secondary students achievement in separation of mixtures practical test. *Educational Research and Review*. 2007;2(6):124-132.
35. Blanchard M.R, Southerland S.A, Osborne J.W, Sampson V.D, Annetta, L.A, Granger E.M. Is inquiry possible in light of accountability? A quantitative comparison of the relative effectiveness of guided inquiry and verification laboratory instruction. *Sci Edu*. 2010;944:577-616.

David F. Samuel¹ and Babalola J. Ogunkola^{1*},

¹School of Education, The University of the West Indies, Cave Hill Campus, Barbados, West Indies

Elementary Teachers Educational Beliefs and Their Instructional Approaches: In Search of a Meaningful Relationship

1. INTRODUCTION

The general quality of science instruction in schools has suffered almost constant criticism from as far back as the early 20th century. At that time, John Dewey proclaimed his displeasure at the way science as a school subject was being portrayed as simply a body of knowledge rather than a process of inquiry [1]. Dewey's assertion actually highlights the dichotomy which formed the basis of arguments concerning appropriate strategies of science instruction up to the present day. This dichotomy stems from whether science should be regarded as the body of knowledge that has accumulated over the centuries, or as the process of scientific inquiry that resulted in that body of knowledge, or indeed as a combination of both.

Researchers are in general agreement that science has, up to the present day, been taught in schools as predominantly a body of knowledge [2,3,4,5,6]. That this continues in the modern era could be regarded as surprising considering the focus of teacher education science curricula as well as the science curricula of both elementary and secondary schools on the teaching of science as a process of inquiry. This is inquiry-based instruction (IBI) and has been articulated as the recommended approach for science instruction by reputable researchers and organizations for over half a century.

It is important to now consider the possible reasons why teachers, despite receiving training in the use of IBI during their period of teacher education, would generally fall back on the use of the traditional, content focused instructional

strategies. One area of research over the last 30 years is in teachers thought processes and its influence on their day to day instructional decisions.

Since the 1980s, there have been several studies investigating the role of individuals beliefs in their actions and decision making. Pajares [7] did a synthesis of such studies and indicated that they were generally based on the assumption that beliefs are the best indicators of the decisions individuals make throughout their lives (e.g. Bandura, 1986; Dewey, 1933; Nisbett and Ross, 1980; Rokeach, 1968). Pajares therefore concluded that research into teachers beliefs is important since it may inform educational practice in ways that had previously not been accomplished by the educational research of the time.

Irez [8] also noted Dewey's interpretation of the crucial importance of beliefs in that it: " covers all matters of which we have no sure knowledge and yet, which we are sufficiently confident of to act upon (p.17)

Sigel (1985) provided a definition which took into consideration the importance of individual's experiences in the development of beliefs. According to Pajares [7], he defined beliefs as "Mental constructions of experience, often condensed and integrated into schemata or concepts are held to be true and that guide behavior (p. 313). This definition also highlights the view that beliefs do not necessarily require a condition of truth. Irez [8] synthesized the definitions of a number of researchers (e.g. Clark and Peterson, 1986; Nespor, 1987; Pajares, 1992; Richardson, 1996) and provided the general definition that:

"Beliefs are psychological constructs that (a) includes understandings, assumptions, images or propositions considered to be true, (b) drive a person's actions and support decisions and judgments, (c) have highly variable and uncertain linkages to personal, episodic and emotional experiences, (d) although undeniably related to knowledge, differs from knowledge in that beliefs do not require a condition of truth (p.17)

The assumption can therefore be made that, teachers instructional decisions in their science lessons may be a function of a number of factors, one of which is the educational beliefs that they hold. The question that now arises is how do teachers beliefs that affect their instructional practice originate? Even more importantly, what is the nature of the beliefs which would cause trained teachers to move away from the teaching approaches and strategies learnt and practiced at teachers college and instead use strategies deemed inappropriate by the education literature? To answer these questions one needs to understand the nature of the recommended inquiry-based approaches compared to the traditional content-focused approaches. In addition, what is the possibility that particular educational beliefs may favour one approach or the other?

1.1 Instructional Approaches to Science Instruction

In the context of the classroom, an approach to instruction can be considered to be the way in which a teacher conceptualizes instruction and how it should be conducted to best facilitate student learning. This is related to teachers pedagogical content knowledge (PCK) which was described by Shulman [9] as teachers representation of how their content knowledge and general pedagogical knowledge of a subject discipline interact to produce understandings of how particular topics and issues could be organized and represented in instruction to cater for the diverse needs and interests of learners. This combines with teachers knowledge of context to form what Grossman [10] refers to as the four general areas of teachers knowledge. However, he also claimed that PCK probably had the greatest impact on teachers instructional practices.

Magnusson, Kracjik and Borko [11] linked teachers PCK to their instructional approaches in science when they identified various orientations to science teaching as components of PCK. They, in effect, defined these orientations as the general way in which teachers viewed science teaching within particular grade levels. Nine orientations to science teaching were proposed which were later categorized by Friedrichson [12] into two groups:

- a. Teacher centered orientations: Didactic and academic rigor.
- b. Orientations based on the reform initiatives and curriculum projects of the 1960s and continuing: Process, activity driven, discovery, conceptual change, project-based science, inquiry and guided inquiry.

The first category is taken to represent the traditional approaches to science instruction, while the second represents IBI approaches.

Anderson and Smith described teachers orientations as the combination between teachers thought processes and their actions [13]. These thought processes include the knowledge structures identified by Grossman (1990) and also teachers educational beliefs related to that knowledge. The actions represent the instructional strategies used by a teacher related to these thought processes. The determination of a teacher s approach to instruction can therefore best be determined by using a 'conceptual yardstick that would allow some kind of measurement to be made along a continuum of 'teaching practice identified earlier as ranging from teacher-centered traditional approaches to student-centered inquiry-based approaches, with the latter being identified as the preferred approach for effective science instruction.

1.2 Traditional, Content Focused Instructional Approaches

Chiapetta and Koballa characterized much of the science teaching that presently occurs at all levels of the education system as teaching the 'products of science' [4]. This assertion is targeted at the widely held view that generally the teaching of the science is focused on the content found in textbooks and other curriculum documents with comparatively less attention placed on the methods of scientific inquiry used to generate that knowledge.

The teaching of science as a 'body of knowledge' has arguably remained the primary approach to science instruction at all levels of the education system up to the present day. Hence the references to this approach as 'traditional'. It is a teacher-centered approach where the teacher is, as described by Ibrahim, primarily focused on content coverage and sees the students as knowledge reservoirs [5]. Damnjanovic also described the students as regarding their teachers as expert knowledge sources and responsible for their learning [14]. The OECD [14] goes further and describes this approach as direct transmission, with the teachers role being to: "communicate knowledge in a clear and structured way, to explain correct solutions, to give students clear resolvable problems, and to ensure calm and concentration in the classroom (p.92)

Referring to the orientations to science teaching, traditional science instruction is represented by the didactic and academic rigor orientations. Magnusson et al. [11] described the teacher with a didactic orientation as one whose goal is to "transmit the facts of science (p 100). The goal of one with an academic rigor orientation is to "represent a particular body of knowledge (p 100). For science instruction this would include rigid verification exercises like laboratory work and demonstrations.

Recent developments in the U.S. give compelling evidence of the resilience of these traditional approaches to science instruction. In 2011, the National Research Council (NRC) published their 'Framework for k-12 Science Education' which gives clear indication of teachers' reluctance to move away from traditional approaches. For example, there is the claim that k-12 science instruction still focuses on breadth rather than depth of content and students generally are not made to experience how science is actually done [16].

That research evidence suggests that this approach is still the most popular one used by teachers is an indication that, for a number of reasons, teachers are making the decision to stick with it despite their assumed knowledge of the preferred inquiry based approaches. The research literature actually provides some of these reasons, a few of which appear quite compelling. For example,

there is the argument that teachers' experiences during their many years as students results in attitudes and beliefs about teaching and learning that far outweigh their teacher education experiences [6,7,15,17,18]. With regards to science instruction, these attitudes and beliefs may cause teachers to generally be more comfortable using the instructional strategies they were used to as students.

Another argument is related to the emphasis of many schools on student success at examinations. Duffy and Raymer linked this to a general tendency of teachers to use traditional instructional strategies which are more aligned to content coverage [19]. They also linked this to students' superficial learning of content since they tended to be more focused on identifying what will be on a test than developing a deep understanding of the subject matter.

Jones and Carter also raised the argument that some teachers may actually believe that traditional approaches are most effective for science teaching [6]. Reasons given for this included teachers actually experiencing success as students being taught science by a 'favourite teacher using traditional approaches, teachers themselves continually being appraised as effective teachers using traditional approaches, and, as expounded by Jones and Carter, teachers who either, lack content knowledge or student-centered pedagogical skills, and are therefore more comfortable using traditional didactic approaches [6].

Despite these possible reasons for the predominance of traditional approaches to science instruction, most modern researchers are of the view that, as indicated by Levitt, passive instruction is an ineffective tool for learning science concepts [11], and, according to Chiappetta and Koballa, encourages poor learning strategies such as memorization of poorly understood facts [4].

1.3 Inquiry Based Instruction

In the early 20th century, Dewey criticized the content-focused science instruction of the time, arguing instead for IBI where the focus was on the development of the thinking and reasoning skills as well as the methodological skills of scientific inquiry [1]. These views actually formed the basis for the curriculum initiatives that started in the U.S. in the 1960s and spread to countries worldwide. This curriculum reform movement focused on primary and secondary school curricula and emphasized student centered instruction, development of scientific attitudes and process skills, the use of practical experience for students, and a focus on breadth rather than depth of content [21]. The process, activity, and discovery orientations to science teaching outlined by Magnusson et al. stemmed from these curriculum initiatives [11]. They

described the goal of teachers with a process orientation as helping students develop process skills. Those with an activity orientation have the goal to involve students in hands-on activities, while those with a discovery orientation have the goal of providing opportunities for students to discover science concepts through their own activities.

These curriculum reform initiatives, however, did not have the expected improvement in science instruction in the U.S. This was revealed by a series of publications in the 1980s including Project Synthesis supported by the National Science Foundation, and 'A nation at risk' by the National Council on Excellence in Education. These reports resulted in renewed emphasis on curriculum reform but, according to Bybee, Powell and Trowbridge [1], it was through a series of benchmarks and standards for IBI published by the American Association for the Advancement of Science [22] and the National Research Council [23]. These benchmarks and standards were adopted by curriculum developers internationally, and formed the basis for their curriculum development initiatives.

Although many definitions of IBI were since put forward by researchers and organizations, the one originally put forward by the NRG [23] encompasses most of them: "a multifaceted activity that involves making observations, posing questions, examining books and other sources of information, planning investigations, reviewing what is already known in light of experimental evidence, using tools to gather, analyze and interpret data, proposing the results, use of critical and logical thinking, and consideration of alternative explanations (p. 23)

This definition illustrates the project-based science as well as inquiry orientations to science teaching put forward by Magnusson et al [11]. They indicated that the goal of the teacher with a project-based science orientation is to "involve students in the investigation of authentic problems (centered on) driving questions (p 100). The goal of a teacher with an inquiry orientation is to represent science as inquiry using investigation-centered instruction.

The NRG definition also highlights particular differences between IBI and traditional instruction that may actually influence teachers' decisions as to their day to day instructional strategies. For example, the activity oriented nature of IBI may not appeal to teachers who are primarily focused on content coverage. Teachers may also question whether they can actually access all the required resources for IBI. Also of importance is whether teachers consider that they are confident enough, or possess the necessary science content knowledge to have the level of classroom discourse that would stimulate the critical and logical thinking required by IBI.

Justice, Rice, Roy, Hudspeth and Jenkins outlined Dewey's ideas of IBI as a belief that students need to develop critical thinking skills rather than

memorization skills [24]. They therefore defined IBI as: “ instructional practices designed to promote the development of higher order intellectual and academic skills through student-driven and instructor-guided investigations of student generated questions (p.843)

This definition focuses attention on inquiry as an intellectual process. It brings out the important point that student experiments and other manipulative activities cannot on their own be considered to be following an inquiry process. There must be some critical examination and production of ideas, problems, experimental results, conclusions etc. Another key element of this definition is the student-driven, instructor-guided investigations of student-generated questions. This illustrates a most basic aspect of inquiry: the curiosity of human beings. Teachers are expected to stimulate student curiosity relevant to the topics being covered, which will lead to student investigations of their own questions. The instructor acting as a guide through this process illustrates the guided inquiry orientation to science teaching, the goal of which is to form a “community of learners whose members share responsibility for understanding the physical world [11].

Also of relevance to IBI is the conceptual change model of learning which stemmed directly from constructivist ideology and is based on the view that by the time learners encounter the formalized science instruction in the classroom, they have already constructed a multitude of pre-conceptions about the natural world. These pre-conceptions have been given names such as misconceptions, alternative conceptions, and native theories since they often do not correspond well with the scientific knowledge that is taught [4]. Wandersee, Mintzes and Novak described these conceptions as tenacious and resistant to change by conventional teaching strategies [25]. So in the science classroom, teaching strategies must, in effect, facilitate a process of conceptual change in students.

Magnusson et al [11] described the conceptual change orientation to science instruction where the teachers goal is to “facilitate the development of scientific knowledge by confronting students with contexts that challenge their native conceptions (p.100). Liang and Gabel [26] identified a number of conceptual change teaching approaches that have been developed and have been shown to promote students conceptual understanding of science as well as improving their attitudes towards science teaching and learning (e.g. Driver, 1988; Gabel, 1998; Hand and Treagust, 1991; Heuson and Heuson, 1983; Stofflette and Stoddert, 1994). Chiappetta and Koballa [4] gave a general description of these approaches indicating that students prior knowledge is elicited and they are made to reflect on and confront their pre-conceptions of phenomena. Opportunities are

also provided for students to find personal meaning with the new concepts from their interactions with objects, events and people.

Elementary teachers have themselves been on the receiving end of these instructional approaches due to their experiences as students. In addition, it is in the years of teacher education that they are formally exposed to the science instructional strategies that fall under the umbrella of either traditional approaches or IBI approaches. These experiences would most likely have resulted in the development of particular educational beliefs which may actually be instrumental in influencing their preferred instructional approaches. It is therefore pertinent to understand the nature of the educational beliefs that may occur in teachers as a result of their experiences with the aim of determining the appropriate interventions needed that would lead to a more effective implementation of IBI.

2. ELEMENTARY TEACHERS EDUCATIONAL BELIEFS

2.1 Importance of Studying Teachers Thinking Processes

Clark and Peterson [27] actually classified the process of teaching into two major domains: (1) teachers thought processes, and (2) teachers actions and their observable effects. They were clearly alluding to a strong influence of these thinking processes on the actions of teachers. This was further discussed by Fang [28] when he identified two underlying assumptions of research on teachers thinking as:

1. Teachers are professionals who make reasonable judgments and decisions within a complex and uncertain community.
2. Teachers thoughts, judgments and decisions guide their classroom behaviours.

2.2 Resiliency of Teachers Beliefs

An important reason cited in the literature for attention given to teachers beliefs is the resiliency of beliefs, even in the face of compelling factors contrary to these beliefs. Pajares [7], in his synthesis of belief research, alluded to the difficulty of belief change even under circumstances when it is logical or necessary for them to. This raises an important question. Are all beliefs of the same intensity, and hence equally resistant to change? Rokeach [29] was of the view that beliefs do differ in intensity and power. He posited that beliefs vary along a central-peripheral dimension, and the more central the belief, the more it will resist change

Rokeach's ideas bear important implications for teachers' beliefs and practices. It can be reasonably concluded that the more central teachers' beliefs are those that have withstood the test of time since, as indicated by Rokeach [29], these beliefs have obviously resisted change. Pajares [7] agreed when he asserted that the earlier beliefs developed by individuals are the ones most difficult it is to alter. Therefore, if teachers developed beliefs about teaching and learning as far back as when they were students in primary and secondary schools, and these beliefs persisted in them as teachers, it can be argued that these are central beliefs that may resist change even in the period of teacher education. Pajares [7] also asserted that beliefs that are newly acquired are the most vulnerable and, hence, subject to change. Therefore, any beliefs that teachers may acquire as a result of teacher education, may be peripheral beliefs, and these may quickly change when teachers enter schools. This will especially be the case if these peripheral beliefs are contrary to the longer established central beliefs.

2.3 Teachers' Personal Experiences and the Development of Beliefs

Rokeach [29] described beliefs as having a cognitive component which is most likely the result of personal experiences of individuals that are associated with the development of particular beliefs. With regards to teachers, various researchers have described beliefs related to the teaching-learning process as evolving over time due to a variety of factors including cultural influences and teachers' experiences of schooling and instruction (e.g. [17], [30]). Researchers, however, have provided different interpretations as to exactly how personal experiences contribute to the development of beliefs. Eraut (1985) for example, postulated that any significant experience of an individual remains in the long term memory as a photographic image that continually contributes to the creation and recreation of knowledge, and hence beliefs (Cited in [7]). Nespor [31] argues instead that these previous episodes or events actually colour the comprehension of subsequent events.

Since teachers' previous experiences influence the development of beliefs about the teaching-learning process, then it should also influence their behaviours as teachers. Meyer, Tabachnik, Hewson, Lamberger and Park [32] expressed the view that these beliefs act as filters for the new ideas learnt during teacher education. Fang [28] argued that these beliefs can be embodied in a teachers

expectation of his or her students performance, or the teacher's theories about a particular subject area's learning and teaching. This is of particular relevance to science teaching, which has historically been delivered using traditional didactic modes. Strong beliefs about the effectiveness of traditional modes of instruction may have been developed which would influence, not only how a teacher reacts to IBI, but ultimately how he or she interacts with students during science instruction.

2.4 Teachers Beliefs and Their Classroom Practices

The proposed influence of teachers' beliefs on their classroom practices is based on the assumption that beliefs generally are very effective in predicting behaviours of the individuals possessing them [7,29,33,34]. Every day, teachers are expected to make a variety of classroom decisions. In addition, a number of planning decisions are made by teachers on a daily, weekly, termly and yearly basis. These decisions can be made individually or in conjunction with other teachers, and should be reflected in the classroom practices of individual teachers. The question which arises is: to what extent are the educational beliefs of individual teachers reflected in firstly, the planning decisions made, and secondly, their classroom practices?

Jones and Carter [6], commenting on the complex belief systems held by teachers, indicated that these beliefs influence teachers' instructional discourse, instructional strategies, classroom management, selection of topics, and their assessment practices. It can also be argued that these belief systems also influence how teachers interact with other teachers during the instructional planning process. For example, new teachers may have low teaching efficacy beliefs, and hence, may continually give way to the ideas of more experienced teachers, whose teaching approaches and strategies may be different from that of the new teachers. Hence, the classroom practices of these new teachers may be more in line with the ideas of their more experienced colleagues than a reflection of their own beliefs.

If, however, the assumption is made that teachers' classroom practices are generally the result of their own cognition rather than influenced by other teachers, then educational beliefs developed by teachers during their periods of schooling as well as teacher education, may be an important contributing factor to the nature of these practices. Levitt [20] cited Peterman (1993) who found that the main way in which teachers express their educational beliefs is through their behavior in the classroom. These beliefs were indicated by Nespor [31] as

influencing teachers' perceptions and judgments in the classroom, which in turn affect their behavior.

More recent studies on teachers' beliefs and practices have indicated that the relationship may not be as straightforward as beliefs influencing practice. Smagorinsky, Cook, Moore, Jackson, and Fry [35] noted that new experiences may actually lead to changes in and/or additions to beliefs. This was supported by the research of Jones and Carter [6] which suggested that once instructional behaviours are enacted, responses to teachers' actions affect their beliefs just as beliefs affect actions. They, however, pointed out that any alterations to teachers' beliefs based on, say, student responses would depend on the strength of the students' responses, as well as the strength of the teachers' beliefs. If, as earlier discussed, the newly acquired beliefs from teacher education are weaker than the longer established beliefs from teachers' experiences as students; then it is these weaker beliefs that would be the ones which would more likely change as a result of inadequate student responses. Beliefs about IBI may be an aspect of these newly acquired beliefs. It should also be noted that inadequate responses may not only be from students. It could also be from other teachers, the school administration, and even parents.

Jones and Carter [6] pointed to research showing a conflict between teachers' beliefs and their practices (e.g. King, Shumow and Lietz, 2001). Reasons given for this conflict include weak content background, and weak instructional skills of teachers. A contrary argument to these findings is that they may not necessarily be indicating a conflict between teachers' beliefs and practice. It may be that the conflict is between practices and weakly held beliefs originating from teacher education experiences. Despite these experiences, stronger held beliefs from the many years of schooling may be still present, and teachers resort to them in the face of practical constraints to the beliefs originating from teacher education.

What then are the particular educational beliefs that can influence teachers' instructional practices? Pajares [7] indicated that the construct of educational beliefs can be classified into teacher efficacy beliefs and epistemological beliefs. Levitt [20] also identified teachers' beliefs about teaching and learning as important in that they "underlie the processing of a multitude of information a teacher is presented with in the classroom" (p.4). Enochs and Riggs [36] identified science teaching efficacy beliefs which, in effect, combined teacher efficacy, self efficacy and self esteem. In order to improve elementary teachers' science instructional practices, it is important to consider how these beliefs may develop in teachers, how they could be measured in teachers, and also how they may be reflected in teachers' instructional practices.

2.5 Measurement of Beliefs

If educational beliefs are so important in determining teachers instructional practices, then it is vitally important that researchers are able to, as accurately as possible, measure these beliefs. This is easier said than done since beliefs can be said to be individuals construction of the reality they have been exposed to and so cannot be directly observed. It must be inferred from what individuals say or do. According to Rokeach [29], any inference drawn from individuals with a view of determining their beliefs, must take into account ways in which individuals give evidence of these beliefs. He added that this could include belief statements, statements about intentions to behave in a pre-disposed manner, or the actual behaviour related to the belief in question.

Many researchers have adopted qualitative methodologies for the determination of individuals beliefs (e.g. [20,37,38]). Strategies range from structured and semi-structured interviews to lesson observations. The argument is that these methodologies are most appropriate for the study of beliefs since, as expressed by Pajares [7], effective probes and strategies must be used to uncover deeply held beliefs. While this is a fair argument, the debilitating drawback is that qualitative methodologies limit the size of the population that can be investigated.

Despite the appropriateness of qualitative methodologies, a number of researchers (e.g. [5, 36, 39]) adopted quantitative methodologies for the measurement of teachers beliefs. One argument for this is that although beliefs are constructed realities, and therefore individualized, it is felt that these beliefs can be measured relative to enabling or inhibiting certain behaviours. This is similar to what has repeatedly occurred in research on attitudes over the last few decades. In this regard, the views expressed in Onwuegbuzie [40] that the relationship between quantitative and qualitative paradigms is one of isolated events lying on a continuum of scientific inquiry, are pertinent. Therefore, as asserted by Munby [38], the choice of whether to use quantitative or qualitative methodologies (or both), would depend on the type of data that is to be collected, as well as the use which is to be made of that data.

2.6 Categories of Teachers Educational Beliefs

2.6.1 Teachers personal epistemological beliefs

Yilmaz-Tuzan and Topcu [41] cites a definition of epistemology by Hofer (2002) as the “origin, nature, limits, methods and justification of human

knowledge (p.65). So personal epistemological beliefs can simply be defined as an individual's beliefs about the nature of knowledge and how we come to know. Jones and Carter [6] went further and described these beliefs as playing a mediating role in an individual's processing of new information. Yilmaz-Tuzan and Topcu [41] described the possibility of an individual holding several epistemological beliefs at the same time, and that these beliefs shape a person's epistemology.

Personal epistemological beliefs are of particular relevance to science education, particularly the teaching-learning process, since on one hand, individual's personal epistemologies may most likely have been strongly influenced by their experiences as students in schools. On the other hand, teachers' personal epistemologies would most likely influence the way they conceptualize the teaching-learning process and hence, what learning is like for individual students. Jones and Carter [6] also expressed the view that teachers' personal epistemologies may serve as mental exemplars for "constructing and evaluating their own teaching practices" (p.1072). It is therefore also likely that teachers' personal epistemologies may also be reflected in their classroom behavior.

Researchers have provided different interpretations as to what generally constitutes personal epistemologies, and how these epistemologies develop in individuals. According to Yilmaz-Tuzan and Topcu [41], some researchers are of the view that personal epistemologies develop in stages similar to Piagetian cognitive development (e.g. Kegan, 1982; King and Kitchener, 2004; Perry, 1970). Two key stages in that development were identified by Yilmaz-Tuzan and Topcu [6] as:

1. Dualist: Knowledge seen as certain and authoritative.
2. Relativist: Knowledge seen as "cumulative constructions of observations but subject to judgment by different individuals" (p.66).

Hofer and Pintrich [42] went further and identified the more advanced stage of evaluativistic epistemologies where knowledge is seen as individuals' construction of observations but with evaluation based on argument and empirical evidence. Yilmaz-Tuzan and Topcu [41] identified other researchers as having described personal epistemologies as a collection of beliefs (e.g. Schommer, 1988; Schommer and Walker, 1997). They adopted a multi-dimensional perspective which was explained by Yilmaz-Tuzan and Sami Topcu [41] as individuals having a multiplicity of beliefs about the certainty of knowledge, source of knowledge, justification of knowledge, acquisition of knowledge and the structure of knowledge. Using this multi-dimensional perspective, Schommer [39] hypothesized five epistemological beliefs:

1. Certain knowledge — beliefs about the stability of knowledge ranging from unchanging to tentative.
2. Simple knowledge — beliefs about the structure of knowledge ranging from isolated bits and pieces to integrated concepts.
3. Omniscient authority — beliefs about the source of knowledge ranging from omniscient authority to reason and empirical evidence.
4. Quick learning — beliefs about the speed of learning ranging from quick or not at all to gradual.
5. Innate ability — beliefs about ability to learn ranging from fixed at birth to improvable.

Both views of the development of epistemological beliefs recognize that there is a gradual continuum of which knowledge could be perceived by individuals. This continuum ranges from a view of knowledge as certain and authoritative to knowledge that is tentative, uncertain, and based on human reasoning and empirical evidence. The relevance to science teaching and learning can be clearly seen. Teachers whose epistemological beliefs are more dualist in nature, and hence, sees knowledge as certain and authoritative, may be more inclined to use the traditional, teacher-centered approaches to instruction than student-centered IBI. On the other hand, teachers with more relativist beliefs, who see knowledge as tentative and based on human reasoning and empirical evidence, may be more inclined to use IBI rather than the traditional approaches.

When the other dimensions of Schommer's hypothesized epistemological beliefs are examined, the same reasoning could be applied to show that the nature of a teacher's epistemological beliefs may be reflected in the teacher's approach to science instruction. For example, for the dimension 'simple knowledge', if a teacher sees knowledge as isolated bits and pieces, then his or her teaching strategies may be inclined towards traditional content-focused, text-book driven strategies. In contrast, a teacher who sees knowledge as integrated may utilize more student-centered strategies aimed at implementing a more cohesive and relevant science curriculum. If the assumption is made that teachers' epistemological beliefs develop as a result of their experiences in formal education, then their 'simple knowledge' beliefs may actually be inclined to a belief of knowledge as discrete isolated concepts. This is because traditional science instruction has focused on breadth of content with students being expected to learn a wide range of disconnected facts. This would partly explain their continued reliance on traditional approaches.

For the dimensions of 'quick learning' and 'innate ability', teachers who believe that students' ability to learn is fixed, may be inclined to use teacher-centered approaches, while those who believe that all students can learn, albeit

at different rates, and students ability to learn can be improved, will be more inclined to use student-centered approaches. Again, many teachers experiences being taught using traditional approaches, involved mixed ability classroom situations where the majority of students experienced much difficulty learning the science content. For elementary teachers, this, in many cases, resulted in them either failing, or dropping the pure science subjects. This may be instrumental in the development of simple 'quick learning and 'innate ability beliefs in these teachers.

With regards to teachers 'omniscient authority beliefs, experiences from both formal and informal learning experiences may be instrumental in the development of simple beliefs. This include the focus of instruction on notes, textbooks, and the teacher as the source of knowledge, as well as societal influences such as that of religious and other doctrines.

2.6.2 Teachers beliefs about science teaching and learning

With regard to teaching, Chai, Teo and Lee [43] cited a number of researchers (e.g. Enstwistle et al., 2000; Kane, Sandretti and Heath, 2002; Samuelowicz and Bian, 2001; Teo, Chai, Hung and Lee, 2008) who classified teachers beliefs about teaching into two broad categories:

- a. Teaching as a process of knowledge transmission.
- b. Teaching as facilitating students knowledge construction.

With regards to science teaching, the first is in harmony with the traditional approaches, while the second indicates an important aspect of IBI. Elementary teachers beliefs about science teaching would most likely have had its strongest influence first from their experiences being taught science in primary and secondary schools, and secondly from their experiences in teacher education classrooms. These two experiences may be quite contradictory for teachers since they were most likely exposed to traditional instruction in primary and secondary schools while their teacher education experiences would have focused on IBI. The actual beliefs developed would most likely depend on which of the experiences had a stronger impact on teachers cognition. Researchers, such as Nespor [31], claim that the experiences of many years of primary and secondary school should far outweigh the two years of teacher education. Therefore, any beliefs about science teaching developed by teachers during primary and secondary school experiences may actually persist beyond teacher education. These beliefs may actually favour traditional approaches to science instruction. It can therefore be concluded that elementary teacher education should not only

focus on teaching preservice teachers about the use of IBI, but should also include strategies to change unsatisfactory beliefs about science teaching.

With regards to teachers' beliefs about learning generally, and particularly the learning of science, these beliefs should tie in with epistemological beliefs which also represent beliefs about how people come to know. Of particular importance are Schommer's epistemological dimensions of 'quick learning' and 'innate ability', especially as regards to teachers' beliefs about their own students' ability to learn science. As previously indicated, teachers' experiences with learning science may lead to negative beliefs about their own students' ability to learn science. Also of relevance to teachers' beliefs about the teaching and learning of science are teachers' beliefs about the subject itself. The research literature has pointed to negative attitudes to science and science teaching from a significant number of elementary school teachers (E.g. [44,45,46,47]), which may be the result of negative beliefs about science developed from teachers' experiences as science students.

2.6.3 Science teaching efficacy beliefs

It was Bandura [33] who suggested that, based on various life experiences; individuals develop general expectations about their own capabilities of performing certain tasks. He referred to this as self-efficacy and defined it as "a judgment of one's capability to accomplish a given level of performance (p.391). This judgment may be based on a number of factors, which most likely would include the type of experiences an individual had relevant to the particular task in question. For example, with regards to the teaching of science, a teacher may have developed low self-efficacy because of negative experiences with the learning of science as a student.

Teacher self-efficacy has also been defined in relation to teachers' belief in their own ability to positively affect students' performance. Tschannen-Moran and Woolfolk-Hoy [48] described teacher self-efficacy as their beliefs about their ability to teach every student, including those who may be difficult or unmotivated.

With regards to teachers' classroom behaviours, a number of researchers indicated findings showing that the levels of self-efficacy beliefs are connected to teachers' behaviours and practices in the classroom (e.g. [49,50,51,52]). Marshall et al [51] cited Hoy and Woolfolk (1993) as well as Tschannen-Moran and Woolfolk-Hoy (2001) who found that the more efficacious teachers are, the more likely they are to successfully implement new instructional strategies as well as effectively respond to classroom challenges. These findings are important

when considering the implementation of IBI by teachers. More highly efficacious teachers are therefore more likely to engage and persist in IBI.

Deemer [49] provided a more detailed analysis of how teaching efficacy can influence teachers instructional practice. Suggesting that personal teaching efficacy influences the classroom goals of teachers, she specifically indicated that low efficacious teachers spend “little effort in finding materials and planning lessons that challenge students (p.74). These are fundamental requirements for planning inquiry-based lessons. Deemer also indicated that these teachers do not adequately persist with the students having difficulty with the concepts being covered. She also noted that the converse was true for highly efficacious teachers

It is likely that the period of teacher training of elementary teachers may be instrumental in either the development or alteration of their educational beliefs. It is therefore important to this discussion to consider the intended as well as the actual effects of elementary teacher education experiences on the knowledge and beliefs of teachers related to their science instructional practices.

3. ELEMENTARY TEACHERS PEDAGOGICAL TRAINING AND THEIR EDUCATIONAL BELIEFS

Initial teacher training in many jurisdictions is normally of two year duration and trainees may specialize in primary or secondary teacher education. In the primary teacher education programme, trainees are engaged in a number of content and methods courses. The content courses focus on the core areas of the primary school curriculum i.e. language arts, mathematics, science and social studies. The methods component should ideally expose student teachers to both the student centered and reform based orientations to science teaching suggested by Magnusson, Kracjik and Borko [11] or IBI approaches. Teachers should also be exposed to instructional strategies aimed at encouraging their use of IBI.

Cook, Smagorinsky, Fry, Konopak and Moore [53] identified a lack of congruence in several instructional factors associated with schools with that associated with universities and colleges offering teacher education. They identified these factors as goals for schooling, expectations of the kinds of learning that benefit students, and the means through which students acquire and represent academic knowledge. These can all be considered to be very important and even fundamental factors in the education process that may serve to determine the way students are engaged in the teaching-learning environment.

The result may actually be confusion in the minds of newly trained teachers entering the classroom, and according to Cook et al. [53], they may actually abandon the teaching strategies learnt and practiced at college and gravitate to the values of the school since it is here that their teaching competence will ultimately be judged.

These differences in instructional goals of elementary schools and teachers colleges may result in either the development or maintenance of educational beliefs which favour the goals of elementary schools. The reason for this was identified by Lortie [17] when he pointed out that the thousands of hours teachers spend in classrooms far outweigh the effects of the relatively fewer hours spent in teacher education. Although it can be argued that this is not a fair comparison since the teacher education experience is for more mature individuals and is primarily focused on teacher training, the merit in the comparison is seen when one considers that it is based on the development of beliefs which, according to Irez [8], have strong linkages to personal, episodic and emotional experiences. Rokeach [29] had actually noted that the time spent by teachers as students in primary and secondary schools are fertile ground for the development of educational beliefs. Pre-service teachers enter teacher education with these beliefs firmly in place [6,7,18] and, according to Jones and Carter [6], these beliefs act as filters for the new ideas being learnt during the teacher education process.

One set of elementary teachers beliefs that are developed during the years of elementary and secondary education are epistemological beliefs. Since these teachers were mainly exposed to traditional approaches to science instruction, they would most likely have entered their teacher education programmes with very native epistemological beliefs. Since, according to Pajares [7], these beliefs tend to be relatively stable and resistant to change,

they may actually persist in teachers despite their teacher education experiences. This is especially the case since, as noted by various researchers; there are several inadequacies in the teacher education process. For example, Brouwer and Korthagen [54] discussed the fragmented view of knowledge presented in teacher education curricula. In producing their national standards, the NRC [23] had noted that the preparation of pre-service primary school teachers was inadequate both in content and pedagogy. Brouwer and Korthagen [54] also expressed the widely held view that teacher educators generally do not display the best examples of good teaching. So the persistence of native epistemological beliefs in in-service teachers may be reflected in a predominance of traditional approaches to science instruction.

The inadequacies of the teacher education process may also result in the maintenance of low science teaching efficacy beliefs in elementary teachers. These beliefs have their background in the limited conceptual understanding of science ideas as noted by Plourde [18], and Hechter [55]. That these low science teaching efficacy beliefs persist even after pre-service teacher education has been noted by several researchers (e.g. [2, 5, 18, 56]). Abd-el-Khalick et al [2] extended this to a lack of teachers confidence teaching science in an effective inquiry-based manner. So the low science teaching efficacy beliefs of in-service teachers may also be reflected in their persisting with traditional approaches to science instruction. It has been suggested that teachers who lack confidence teaching science give it minimal emphasis within the curriculum [6], resulting in the implementation of poorly conceptualized and ineffective learning experiences in science [18].

With regards to pre-service elementary teachers beliefs about science teaching and learning, the assumption can also be made that, because of unsatisfactory experiences in secondary science education, these beliefs are low. For example, as suggested by Jones and Carter [6], pre-service teachers generally view teaching as a process of knowledge transmission. However, the development of positive science teaching and learning beliefs would also depend on the quality of the teacher education experiences. Researchers have provided varied reasons why teacher education may not result in the development of positive science teaching and learning beliefs, especially with regard to inquiry-based instruction and learning. Abd-el-Khalick et al [2] actually expressed doubts whether teacher development programmes can actually develop teachers knowledge of inquiry. Cain [37] cited Doyle (1997) who observed that many pre-service teachers clung to their prior beliefs about teaching and learning even when their field experiences supported a different view. Varma et al [56] cited literature which suggested that inquiry-based instructional strategies in science are not uniformly incorporated into elementary science methods courses across the U.S. (E.g. Barrow, 2004; Smith and Gess-Newsome, 2004) and that field experiences may not provide appropriate models for IBI (Abell, 2006).

From this discussion, it seems clear that, as was noted by Pajares [7], teacher education curricula must take into consideration the entering beliefs of pre-service teachers. However, even if a teacher education programme is successful at developing more positive beliefs in elementary teachers there are contextual factors related to the school environment that may threaten the stability of that change.

4. SCHOOL CONTEXTUAL FACTORS AND ELEMENTARY TEACHERS BELIEFS

Elementary teachers PCK should represent a blend of their science content knowledge and general pedagogical knowledge within the unique contexts of their school and classroom situation. The development of these teachers PCK may therefore be problematic because of their inadequate conceptual understandings of science and also, as pointed out by Fang [28], because these “contextual factors can have powerful influences on teachers beliefs, and, in effect, affect their school practice (p.53). The common conception that teachers do not use the IBI practiced at teachers colleges, may be due to the influence of these contextual factors. Based on their years of experience, teachers may actually develop what the authors of this paper refer to as applicability beliefs with reference to IBI. These are teachers beliefs of the applicability of IBI in their particular school s social, psychological and environmental contexts.

The conflict that is described by various researchers between teachers beliefs and their practices (e.g. [6]) may actually be the result of intervening applicability beliefs developed due to contextual factors impacting their implementation of the science curriculum. In many cases, the beliefs measured by researchers are epistemological beliefs and beliefs about science teaching and learning that were developed prior to and as part of in-service experiences. Fang [28] referred to these beliefs as “situational and transferred into instructional practices only in relation to the complexities of the classroom (p.55). Applicability beliefs, on the other hand, are directly related to teachers experiences as classroom teachers and hence, may be more directly reflected in the classroom actions of teachers.

The social, psychological and environmental factors in schools that can be influential in the development of applicability beliefs to IBI are wide and varied. However, researchers have pointed to a number of key factors that are repeatedly raised by teachers when commenting on their implementation of the science curriculum. An important group of factors raised by a number of researchers are those related to the particular socio-cultural contexts of schools and their impact on beginning teachers. Brouwer and Korthagen [54] referred to this as the occupational socialization of teachers, and cited the view of Wideen et al. (1998) that beginning teachers may view their more experienced colleagues as more ‘realistic role models than their pre-service lecturers. They therefore tend to conform to the instructional practices of these colleagues, one of which may be

the reliance on traditional approaches to science instruction. Cook et al [53] also commented on the social environment of schools, indicating that it promotes an ethic geared towards content coverage and control.

Other socio-cultural and psycho-social factors cited in the literature are:

- o Attitudes of school administrators and colleagues which can “support or diminish the effectiveness of beginning teachers by influencing beliefs about themselves and their students (Kilgore, Ross and Zbikowski; cited in [28], p.54).
- o The adoption of particular instructional practices which are perceived by teachers to suit the particular characteristics of their students [5,15].

There are a number of factors related to the management of the school curriculum that may impact on the development of teachers applicability beliefs. One that has been raised by a number of researchers (e.g. [2,5,6,18]) is an insufficient amount of time to effectively implement the science curriculum. This would directly impact on the development of applicability beliefs related to IBI since more time is needed for the implementation of IBI strategies than traditional ones. If the science curriculum is viewed as extensive, these teachers may deem traditional approaches more suitable for instruction than IBI.

Teachers focus on preparing students for examinations may indeed be counter-productive to student learning and lead to an emphasis on traditional approaches to instruction. This is especially the case for national standardized examinations, e.g. Minimum Standards and Common Entrance and Secondary Certificate Examinations, where results may be inappropriately used for the assessment of schools and teachers. Teachers may be excessively concerned with content coverage, and hence, more likely gravitate to traditional approaches to instruction. Other factors include the greater requirement of materials and equipment for teachers implementing IBI. These may be difficult to obtain and so may deter teachers from using IBI [2,5,6,8,18]. Also, very often teachers have to use their own finances to purchase the required materials. This may be perceived by teachers as a lack of institutional support for IBI [51] and may also result in the development of negative applicability beliefs.

It is therefore the researchers contention that teachers face a variety of contextual factors in their day to day teaching activities, which may result in the development of applicability beliefs related to a number of expectations regarding their classroom instruction. For science teaching, one such expectation is the requirement for IBI. These applicability beliefs may be strong enough to be a greater determinant of the actual teaching practices of teachers when compared to, longer established, epistemological beliefs and beliefs about teaching and learning.

5. CONCLUSIONS AND RECOMMENDATION

The nature of all the belief constructs discussed suggests the distinct possibility that teachers, to varying extents, may develop these beliefs as a result of their experiences in both formal and informal learning environments. It also suggests that these beliefs can be influential in determining the level of inquiry-based practices of teachers. It is therefore not only important to understand the nature and development of these beliefs, but also how teacher education and school authorities should deal with negative beliefs of teachers by the use of interventions for facilitating belief change.

Naive epistemological beliefs are probably the ones that would be most difficult to change because according to Pajares [7] they tend to be relatively stable. This resistance to change is most likely due to the nature of these beliefs and how they develop in individuals. Beliefs about knowledge and learning develop gradually as a result of both formal and informal learning experiences. So for example, dualist epistemological beliefs that knowledge comes from authoritative sources and is stable and unchanging may be the result of a variety of educational experiences where individuals are simply required to accept the information given from authoritative sources like teachers, parents, pastors, books, and also, as indicated by NRC [16], a lack of coherence in the k-12 science curriculum where students are expected to learn a large number of disconnected facts. Unfortunately, this is the normal way children are educated up to and including their adult life. For those who become teachers, the research literature has shown that developed native epistemological beliefs are reflected in the traditional content focused instructional strategies rather than inquiry based strategies.

The movement towards the development of more sophisticated epistemological beliefs in k-12 educational institutions requires a rethinking of the education process that would allow teachers to move away from the content-focused instructional practices. The idea of schools focusing on breadth rather than depth of content is not new. However this seems to have so far not gained attention from curriculum developers in many countries who continue to cram large amounts of disconnected facts into science curricula and expect students to regurgitate them in examinations. Thus teachers are constantly under pressure to cover curricula and hence resort to the traditional approaches to instruction which would most likely lead to the development of native epistemological beliefs. What is required instead is the in-depth coverage of a few core areas in science instruction, where students are made to see the links between concepts in science, between science and other subject areas, and between science and

their everyday experiences. This can be achieved by restructuring of science curricula, inquiry-based approaches to instruction, and teachers trained to integrate the curricula of different subject areas.

With regards to teacher education, Pajares [7] pointed to a way these beliefs could be changed in preservice teachers when he cited the view of Posner, Strike, Hewson and Gertzog (1982) that their conceptual change model and Piaget's assimilation and accommodation theory can be used to explain the resiliency of epistemological beliefs. Pajares [7] reasoned that when individuals hold deep and strong epistemological beliefs, any new information contrary to these beliefs will more likely be assimilated but not accommodated. There must first be dissatisfaction with the existing belief, and then the new belief must be "intelligible and appear plausible" (p. 320) before accommodation takes place. So conceptual change strategies could be used in teacher education curricula where student teachers are provided experiences where they are dissatisfied with their existing beliefs, and the new beliefs are made to seem intelligible and plausible. The study by Kienhues et al [57] actually found that the native epistemological beliefs of a group of university students changed to more sophisticated beliefs using teaching strategies based on the principles of conceptual change. Deniz [58] did a similar study but with teachers as the target group, and found similar results.

Levitt [20] attributed teachers' beliefs about science teaching and learning to accumulated images of an individual's experiences with learning science in the formal school system. Teachers' experiences learning under traditional modes of instruction are most likely influential in the development of negative beliefs about science as well as the teaching and learning of science. For many elementary school teachers, these experiences also resulted in unsatisfactory levels of science content knowledge and poor attitudes to science. Since elementary science education should set the foundation for students' appreciation and understanding of science, it is imperative that appropriate strategies be implemented to change this situation. These are the same strategies that were outlined for the improvement of teachers' and students' epistemological beliefs.

The applicability belief construct was conceptualized by the authors as a possible explanation of the findings of a number of researchers that teachers were claiming various psychological, environmental and socio-cultural hindrances to their use of IBI. These beliefs about school-based hindrances to IBI are important in that they may actually be intervening variables that act against teachers' implementing IBI despite the possibility that the other educational beliefs may actually facilitate IBI. Engendering positive applicability beliefs would

however require widespread interventions to the management of school curricula including increased social and financial support for teachers, alteration to timetables, integration of subject curricula, and a rethinking about the purposes of examinations.

In attempting to tackle elementary teachers' low science teaching efficacy beliefs it is first important to identify the reasons for these beliefs being low for so many primary school teachers even after they have completed their teacher training. For a substantial number of these teachers, their experiences of secondary school science did not encourage the development of positive attitudes to the subject. This is most likely a key issue in the development of low science teaching efficacy beliefs. The strategies outlined earlier for the improvement in epistemological and science teaching beliefs are also applicable to improving the science teaching efficacy beliefs of teachers. However this is a long term solution. In the short term, the focus must be on teacher education, especially how the teacher education science curriculum and its implementation could be adjusted to cater for the low science teaching efficacy beliefs of students entering the programme, and turn out trained teachers with significantly improved beliefs.

To change preservice science teaching efficacy beliefs, Plourde [18] made a suggestion also utilizing similar principles to that of conceptual change models. He recommended that students be engaged in experiences in which they would be encouraged to first become aware of, and then confront their existing beliefs about their ability to teach science. Other strategies suggested by researchers ranged from effective integration of science content and pedagogy, to the use of IBI by teacher educators. Hechter [55] cited a number of studies in which the integration of science content and methods in single courses were shown to result in improved teachers' science teaching efficacy (e.g. Appleton, 1995; Cantrell et al, 2003; Palmer, 2006). Liang and Richardson [59] looked instead at the effects of IBI on teacher candidates' science teaching efficacy. They found that scaffolded inquiry techniques (where written instructional supports are provided to students during student-initiated inquiry) resulted in improved personal science teaching efficacy of teachers.

As this discussion has indicated, teachers' educational beliefs are indeed quite possibly an important factor in their science instructional decisions. However, despite being deeply held and resilient, school based interventions as well as changes to teacher education curricula could be implemented to change the beliefs that result in the implementation of unsatisfactory content focused instructional approaches. There are promising developments in the U.S. where what is referred to as 'The Next Generation Science Standards' is in the

process of being developed by collaboration between the NRC, the American Association for the Advancement of Science (AAAS) and Achieve. These standards are in the final stages of public consultation and articulate the need for integrating science, technology and engineering concepts in k-12 instruction. It is indicated that these curricula should focus on a smaller number of cross-cutting concepts, have a greater coherence in the science concepts done across grade levels, and utilize constructivist and inquiry-based strategies in the implementation of curricula [60]. If initiatives such as these are properly implemented in k-12 education, it should be instrumental in the development of positive beliefs in the next generation of elementary science teachers.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Bybee R.W, Powell J.C, Trowbridge .W. Teaching Secondary School Science. Strategies for Developing Scientific Literacy. 9th Ed. Ohio: Pearson: Merrill Prentice Hall; 2008.
2. Abd-el-Khalick F, Boujaoude S, Duschl R, Lederman NG, Mamlok-Naaman R, ofstein A, Tuan H. Inquiry in science education: international perspectives. In Krugly-molska, E. & Taylor, P.C. (eds.). Cultural and Comparative Studies. 2004:(pp 397-419. Accessed 3 May, 2011. Available: <http://www.d.umn.edu/~bmunson/Courses/Educ5560/readings/AbdEIKhalick-Inquiry.pdf>
3. Anderson R.D. Reforming science teaching: what research says about inquiry. Journal of Science Teacher Education. 2002:13(1):1-12.
4. Chiappetta E.L, Koballa T.R. Science instruction in the middle and secondary schools. Developing fundamental knowledge and skills for teaching. Upper Saddle River, N.J: Pearson: Merrill Prentice Hall; 2006.
5. Ibrahim A.I. Design and initial validation of an instrument for measuring teacher beliefs and experiences related to inquiry teaching and learning and scientific inquiry (Doctoral thesis), 2003. Accessed 3 November, 2010. Available: http://etd.ohiolink.edu/view.cgi?acc_num=osu1061565152.
6. Jones G.M, Carter G. Science teacher attitudes and beliefs. In Abell SK & Lederman, NG Editors. Handbook of Research on Science Education. (pp.1067-1104). Routledge, New York; 2007.

7. Pajares M.F. Teachers beliefs and educational research: clearing up a messy construct. *Review of Educational Research*.1992;62(3):307-332.
8. Irez S. Reflection oriented qualitative approach in beliefs research. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. 2007;3(1):17-27.
9. Shulman L.S. Knowledge and teaching: Foundations of the new reform. *Harvard Educational Review*. 1987;57(1):1 21.
10. Grossman P.L. The making of a teacher: Teacher knowledge and teacher education. New York: Teachers College Press; 1990.
11. Magnusson S.J, Palinscar A.S. The learning environment as a site of science education reform. *Theory into Practice*. 1995;34:43 50.
12. Friedrichson P, Van Driel J.A. Abell S. Taking a closer look at science teaching orientations. In Jiminez-Alexandre MP and Osbourne J, Section Editors. *Issues and Trends*. Wiley Online Library. 2010. Doi: 10, 1002/sce.20428.
13. Anderson C.W, Smith E.L. Teaching science. In: Richardson-Koehler V, Editor. *Educators handbook: A research perspective* (pp. 84 111). New York: Longman; 1987.
14. Damjanovic A. Attitudinal differences between preservice and inservice teachers toward inquiry-based teaching. *School Science and Mathematics*. 1999;99(2):71-76.
15. OECD. Creating effective teaching and learning environments. *Teaching and Learning International Survey*. Paris: OECD Publishing; 2009.
16. National Research Council. *A Framework for K-12 Science Education: Practices, crosscutting concepts, and core ideas*. Washington, DC: The National Academies Press; 2011. Accessed 18 January, 2013. Available: http://www.nap.edu/catalog.php?record_id=13165
17. Lortie D. *School teacher: A sociological study*. Chicago: University of Chicago Press; 1975.
18. Plourde L.A. Elementary science education: the influence of student teaching-where it all begins. *Education*. 2002;123(2):253-259.
19. Duff T.M, Raymer PL. A practical guide and a constructivist rationale for inquiry based learning. *Educational Technology*. 2010;46(3):3-13.
20. Levitt K.E. An analysis of elementary teachers beliefs regarding the teaching and learning of science. *Science Education*. 2001;86(1):1-22. doi:10.1002/sce.1042.
21. Ruhf R.J. Analyzing the effects of inquiry-based instruction on the learning atmosphere. *Science among pre-service teacher education*

- students (Doctoral thesis); 2006. Accessed 30 October, 2010. Available: www.x98ruh.net/ruh.pdt
22. American Association for the Advancement of Science (AAAS). Science for all Americans. New York: Oxford University Press; 1989.
 23. National Research Council. National science education standards. Washington, DC: National Academic Press; 1996.
 24. Justice C, Rice J, Roy D, Hudspith B, Jenkins H. Inquiry-based learning in higher education: administrators perspectives on integrating inquiry pedagogy into the curriculum. Higher Education. 2009; 58(6): 841-855. doi: 10.1007/s10734-009-9228-7
 25. Wandersee J.H, Mintzes J.J, Novak J.D. Research on alternative conceptions in science. In: Gabel D, Editor. Handbook of research on science teaching and learning: (pp177-210). New York: MacMillan; 1994.
 26. Liang LL, Gabel D. Effectiveness of a constructivist approach to science instruction for prospective elementary teachers. International Journal of Science Education. 2005; 27(10):1143-1162. doi:10.1080/09500690500069442
 27. Clark C.M, Peterson P.L. Teachers' thought processes. In: Wittrock M.C, Editor. Handbook of research on teaching. 3rd ed. (pp. 255-296). New York: Macmillan; 1986.
 28. Fang Z. A review of research on teacher beliefs and practices. Educational Research. 1996;38(1):47-68. doi:10.1080/0013188960380104
 29. Rokeach M. Beliefs, attitudes, and values: A theory of organization and change. San Francisco, C A: Jossey-Bass; 1968.
 30. Richardson V. The role of attitudes and beliefs in learning to teach. In: Sikula J, editor. Handbook of Research in Teacher Education. (pp 102-119). New York: McMillan; 1996.
 31. Nespor J. The role of beliefs in the practice of teaching. Journal of Curriculum Studies. 1987;19(4):317-328. doi:10.1080/0022027870190403
 32. Meyer H, Tabachnick B.R, Hewson P.W, Lemberger J, Park H. Relationships between prospective elementary teachers' classroom practice and their conceptions of biology and teaching science. Science Education. 1999;83(3):323-346. doi:10.1002/(SICI)1098-237X(199905)83:3<323::AID-SCE4>3.0.CO;2-E
 33. Bandura A. Social foundations of actions and thought: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall; 1986.
 34. Nisbett P.E, Ross L. Human inferences: strategies and shortcomings of social judgment. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall; 1980.

35. Smagorinsky P, Cook L.S, Moore C, Jackson A.Y, Fry P.G. Tensions in learning to teach: Accomodation and development of a teaching identity. *Journal of Teacher Education*. 2004;55(1):8-24. doi:10.1177/0022487103260067
36. Enochs L, Riggs I. Further development of an elementary science teaching efficacy belief instrument. A pre-service elementary scale. *School Science and Mathematics*. 1990;90(8):695-706. doi:10.1111/j.1949-8594.1990.tb12048.x
37. Cain M. Beliefs and classroom practice. (Doctoral thesis). St. Augustine Campus, University of the West Indies: Port of Spain, Trinidad and Tobago; 2009.
38. Munby H. A qualitative approach to the study of teachers beliefs. *Journal of research in science teaching*. 1984;21(1):27-38. doi:10.1002/tea.3660210104.
39. Schommer M. The effects of beliefs about the nature of knowledge on comprehension. *Journal of Educational Psychology*. 1990;82(3):498-504. doi:10.1037//0022-0663.82.3.498.
40. Onwuegbuzie A. Why can t we all get along? Towards a framework for unifying research paradigms. *Education*. 2005;122(3):518-530.
41. Yilmaz-Tuzan D, Topcu M.S. Relationships between preservice teachers epistemological beliefs, epistemological world views and self efficacy beliefs. *International Journal of Science Education*. 2008;30(1):65-85.
42. Hofer B.K, Pintrich P.R. The development of epistemological theories: Beliefs about knowledge and knowing and their relation to learning. *Review of Educational Research*. 1997;67(1):88 140. doi:10.2307/1170620
43. Chai CS, Teo T, Lee CB. The change in epistemological beliefs and beliefs about teaching and learning: a study among pre-service teachers. *Asia-Pacific Journal of Teacher Education*. 2009;37(4):351-362.
44. Abell SK, Smith D. What is science? Preservice elementary teachers conceptions of the nature of science. *International Journal of Science Education*. 1994;16(4):475-487. doi:10.1080/0950069940160407.
45. Bayraktar S. Pre-Service Primary Teachers Science Teaching Efficacy Beliefs and Attitudes toward Science: The Effect of a Science Methods Course. *The International Journal of Learning*. 2009;16(7):383-396.
46. Jarvis T, Pell A. Primary teachers' changing attitudes and cognition during a two year science in-service programme and their effect on pupils *International Journal of Science Education*. 2004;26(14):1787-1811
47. Sanghee C, Ramsey, J. Constructing elementary school teachers beliefs, attitudes and practical knowledge through an inquiry-based elementary

- science course. *Journal of School Science and Mathematics*. 2009;109(6):313-324.
48. Tschannen-Moran M, Woolfolk Hoy A. Teacher efficacy: capturing an elusive construct. *Teaching and Teacher Education*. 2001;17(7):783-805. doi:10.1016/S0742-051X(01)00036-1
 49. Deemer S.A. Classroom goal orientation in high school classrooms: revealing links between teacher beliefs and classroom environments. *Educational Research*. 2004; 46(1):73-90. doi:10.1080/0013188042000178836
 50. Ginns I.S, Walters J.J. Beginning elementary school teachers and the effective teaching of science. Paper presented at the National Association for Research in Science, San Diego, CA; 1998.
 51. Marshall J.C, Horton R.M, Igo B.L, Switzer D.M. K-12 science and mathematics teachers beliefs about and use of inquiry in the classroom. *International Journal of Science and Mathematics Education*. 2009;7(3):575-596. doi:10.1007/s10763-007-9122-7.
 52. Saracaloglu A.S, Yenice N. Investigating the self-efficacy beliefs of science and elementary teachers with respect to some variables. *Journal of Theory and Practice in Education*. 2009;5(2):244-260.
 53. Cook LS, Smagorinsky P, Fry PG, Konopak B, Moore C. Problems developing a constructivist approach to teaching: one teacher s transition from teacher preparation to teaching. *The Elementary School Journal*. 2002;102(5):389-413. doi:10.1086/499710
 54. Brouwer N, Korthagen F. Can teacher education make a difference? *American Educational Research Journal*. 2005;42(1):153-224. doi:10.3102/00028312042001153
 55. Hechter P. Changes in preservice elementary teachers personal science teaching efficacy and science teaching outcome expectancies: the influence of context. *Journal of Science Teacher Education*. 2011;22(2):187-202. doi:10.1007/s 10972-010-9199-7.
 56. Varma T, Volkmann M, Hanuscin D. Preservice elementary teachers perceptions of their understanding of inquiry and inquiry-based science pedagogy: influence of an elementary science methods course and a science field experience. *Journal of Elementary Science Education*. 2009;21(4):1-22. doi:10.1007/BF03182354
 57. Kienhues D, Bromme R, Stahl E. Changing epistemological beliefs: the unexpected impact of a short term intervention. *The British Journal of Educational Psychology*. 2008;78(4):545-565. doi:10.1348/000709907X268589

58. Deniz H. Examination of changes in prospective elementary teachers epistemological beliefs in science and exploration of factors mediating that change. *Journal of Science Education and Technology*. 2011;20(6):750-760.
59. Liang L.L, Richardson GM. Enhancing prospective teachers science teaching efficacy beliefs through scaffolding, student-directed inquiry. *Journal of Science Education*. 2009;21(1):51-66. doi: 10:1007/BF03174715.
60. Next Generation Science Standards (2013). Retrieved January 17, 2013 from available:
<http://www.nextgenscience.org/sites/ngss/files/Appendix%20A%20-%20Conceptual%20Shifts%20in%20the%20Next%20Generation%20Science%20Standards%20-%20FINAL.pdf>

K. O. Oloruntegbe^{1*} and J. O. Agbayewa¹,

¹*Science and Technical Education, Adekunle Ajasin University, Akungba-Akoko, Ondo State, Nigeria*

Greening the Chemistry Curriculum: Catching Them Young

1. INTRODUCTION

Green chemistry is a concept that addresses the need for chemical reactions and products to be environmentally friendly. For over two centuries, chemical science has been practiced on a large scale, enabling the production of a wide variety of goods that are valued by humans, pharmaceuticals that improve health and extend life; fertilizers for increased food production; semiconductors have made possible computers and other electronic devices. The benefits are too numerous to mention. But there can be no denying the fact that in years past, and even at present, chemistry has been misused in many respects, such as the release of pollutants and toxic substances and the production of nonbiodegradable materials, resulting in harm to the environment and living things, including humans. It is like a case of gains in chemical science being cancelled by the loss due to the abuse of it. Green chemistry, however, came as an answer to curb these abuses by encouraging chemical industries to make their reactions and products environmentally benign.

Much research had been and is still being carried out generally on how to promote green chemistry and protect the environment [1,2,3] Many grants had been awarded - Green Chemistry STAR Grants [4], many workshops have been held with green catalysis and reagents, biocatalysis, selective activation, alternative solvents, renewable sources of chemicals and research policy as the central themes of discussions. Many chemical industries have been sensitized on the need to prevent waste, design safer chemical processes, use renewable feedstocks, use safer solvents and reaction conditions, analyze in real

time to prevent pollution, and minimize the potential for accidents. (See appendix for the full list of twelve principles of green chemistry). Many of these industries are now practicing green chemical principles to the extent that only graduates that are versed and able to foster such are attractive to the industries. There have been global and regional efforts also aimed at popularizing the subject with substantial dividends. However, much of the training and researches in this area are targeted towards industry managers and university scholars and students particularly postgraduates with little or no effort at the secondary and high school level. There is therefore the need to catch them young by greening the chemistry curriculum at this level. This paper aims at advocating the integration of principles of green chemistry into the existing senior secondary or high school chemistry curriculum globally and particularly in the developing nations where there have been serious environmental problems with little or no attempt at inculcating green chemistry principles at any level of the nations' educational system. The Nigerian senior secondary school chemistry curriculum is taken as a case study for this advocacy.

2. THE CURRENT NIGERIAN SS CHEMISTRY CURRICULUM

The Nigerian Senior Secondary (SS) Chemistry Curriculum covers three classes, Senior Secondary classes 1 – 3 and was developed around four themes (which are: Chemistry and Industry, the Chemical World, Chemistry and Environment and the Chemistry of Life [5], (Table 1). In selecting the contents, three major issues shaping the development of nations worldwide and influencing the world of knowledge today were identified [5]. These are globalization, information/communication technology and entrepreneurship. The desire that Nigeria be identified with contemporary development worldwide has called for the organization of the contents of the curriculum around the four themes. Thus, the curriculum is packaged with content that leads to self-actualization by students. In addition, the curriculum content focuses on practical activity with emphasis on locally available materials. This is to imbue the learners with the spirit of inquiry. The curriculum, if effectively

implemented, will enable the learner achieve his/her maximum potential in the subject of chemistry and its various applications. The major topics covered in four themes in the three classes are summarized in the table below.

Table 1. Summary of Nigerian SS1-3 chemistry syllabus

Theme/ class	SS1	SS2	SS3
Chemistry and industry	Chemistry and industries	Periodic table, chemical reactions, Mass volume relationship	Quantitative and qualitative analysis
The chemical world	Introduction to chemistry, Particulate nature of matter, Symbols, formulae and equations, Chemical combination, Gas laws	Acid-base reactions, Water Air , Hydrogen, Oxygen , Halogens, Nitrogen , Sulphur	Petroleum Mental and their compound iron Ethical, legal and social issue
Chemistry and environment	Standard separation techniques for mixtures Acid bases and salt Water	Oxidation-reduction(redox) reaction Ionic theory Electrolysis	*Topics asterisked below are to be treated here to enable students prepare and write their examinations towards the end of the term. Actually the term was left open and free. *Fats and oil Soap and detergent Giants molecules
The chemistry of life	Carbon and its compounds	Hydrocarbons Alkanols	

3. JUSTIFICATION FOR THE INTEGRATION

With the enormous damage to the environment due to activities of chemical industries, It is now obvious that chemical science must be turned away from emphasis upon the exploitation of limited resources and the production of increasing amounts of products that ultimately end up as waste. Much emphasis should be toward the application of chemistry in ways that provide for human needs without damaging the Earth support system upon which all living things depend. Chemical science and industry have to move steadily in the direction of environmental friendliness and resource sustainability. The practice of chemistry in a manner that maximizes its benefits while eliminating or at least greatly reducing its adverse impacts is good justification for green chemistry.

In addition to this, there are other justifications for the integration of green chemistry into the nations' education system generally and secondary education in particular. Four fundamental reasons were advanced in "*Science and Engineering Indicators*" [6] which are necessity, responsibility, interest, and efficiency.

Green chemistry is necessary chemistry. As things currently stand, human consumption is not a sustainable process. This problem will be exacerbated as developing countries industrialize and our fossil fuel resources become depleted. Furthermore, recent discoveries about eco-toxic effects such as endocrine disruption have made it clear that synthetic chemicals released into the environments are disrupting world ecosystems in new and disturbing ways. An approach including the green chemistry principles of sustainability and the synthesis and use of benign substances whenever possible will help mitigate the effects of man-made interference in the natural environment.

Green chemistry is responsible chemistry. Many workers in the chemical field, in either academic or industrial settings, have had accidents with the potential to cause long-term damage to their health and wellbeing. As chemical workers, however, we have knowingly chosen to accept the risks of working in a chemical laboratory and typically have the opportunity to protect ourselves by gathering as much information about the potential risks as possible. The general public, however, has not chosen to accept the same risks, hence the need to help young ones to be well informed.

Green chemistry is interesting chemistry. Few substitutes to traditional chemical practices exist using green alternatives, and the development of these substitutes will provide new research areas for young chemists and chemical engineers. Furthermore, green chemistry requires a large amount of cross-disciplinary interaction, which will lead to new developments as researchers in differing disciplines interact with one another.

Green chemistry is efficient chemistry. The development of benign, non-wasteful alternatives to traditional chemistry has the potential to save industrial and academic interests large amounts of money due to decreased regulation compliance costs and disposal costs. Furthermore, the basic decrease in process hazards drastically increases both worker and consumer safety. Green chemistry is necessary, responsible, interesting, efficient, and above all, good chemistry.

And in Nigeria, a number of prevalent practices inimical to human health and sustainability necessitate green chemistry abound. Incessant bush burning; felling of trees for firewood; killing of animals for food; dumping of refuse around living environment; using toxic chemicals to kill fish for food; and poor sewage disposal are a few of these practices. Introducing the youngsters to green chemistry will go a long way to make them and the entire populace to imbibe environmental consciousness and accounting.

4. THE PROPOSED INTEGRATION

The SS chemistry syllabus was further broken down to performance objectives, contents, teachers and learners activities, materials and evaluation. In this paper only a few sample of the integration made in the performance objectives area are shown with my addition or the proposed addition in italics.

4.1 SS1 Theme 1 Chemistry and Industry, Topic 1 Chemistry and Industries

Performance objectives- By the end of the lesson students should be able to:

1. State the different standard methods of separating mixtures and their individual applications.
2. Manipulate different apparatus for separation techniques.
3. Draw separation techniques apparatus.
4. State the criteria for purity.
5. Distinguish between pure and impure substances.
6. *Explain the need for pure air and water as life support.*
7. *Explain the need to avoid contaminating air and water.*

4.2 SS2 Theme 3 the Chemical World, Topic 1 Acids, Bases and Salts

Performance objectives- Students should be able to:

1. Define acids, bases, and salts.
2. Identify acids and bases.
3. Describe the nature of proton in an aqueous solution.

4. Explain neutralization reactions.
5. Explain how an acid-base indicator works.
6. Use pH as a scale and discuss the importance of the pH value.
7. Identify and prepare salts (normal, acidic and basic).
8. State properties of salts.
9. State the rules of solubility of salts in water.
10. *Identify green alternatives to strong acids.*
11. *Relate the production of ethanoic acid through a green process using biological reactions acting upon renewable biomass raw materials.*
12. *Explain the reclamation and recycling of acids particularly spent and hazardous ones.*

4.3 SS3 Theme 1 the Chemical World, Topic 1 Petroleum

Performance objectives - Students should be able to:

1. Explain the origin and state the composition of crude oil (petroleum).
2. Discuss the exploration of and drilling for crude oil in Nigeria.
3. Explain the fractional distillation of petroleum and list the major fractions (products).
4. List the location of Nigerian refineries.
5. Explain the terms cracking and reforming.
6. Discuss the use of petrochemicals as starting materials of organic synthesis leading to organic products like plastics, synthetic rubber, drugs, insecticides, detergents, fibres, etc.
7. Explain the use of octane numbers in determining the quality of petrol.
8. Explain the occurrence, packaging and uses of natural gases.
9. State the economic importance of petroleum.
10. *Explain the negative aspect of petroleum refining like oil spill, seismic activities, soil degradation, water pollution and their effects on floral and fauna.*
11. *Explain the pollution effect of gas flaring in Nigeria.*
12. *Discuss how to achieve and sustain lasting relationship between the multinational oil companies and the host communities.*

Under metals and the compounds the following objectives are added.
Students should be able to:

1. Explain that some metal ions in water form humic substances that are useful like Fe^{++} and other that are carcinogens (cancer-causing agents);
2. Explain that metal ores are finite in nature and that there is the need to recycle used ones. This kind of addition representing the integration spans the entire contents of the curriculum.

5. STUDENTS' AND TEACHERS' ACTIVITIES IN THE PROPOSED INTEGRATION

The Senior Secondary chemistry curriculum and syllabus have in-built table detailing the performance objectives, the content, students' and teachers' activities, evaluation and reference materials. A specimen of the table is reproduced below. For example, there are nine performance objectives originally on the topic, petroleum. There are three more on the proposed integration on the topic, (Table 2). These are that students should be able to:

1. Explain the origin and state the composition of crude oil (petroleum).
2. Discuss the exploration of and drilling for crude oil in Nigeria.
3. Explain the fractional distillation of petroleum and list the major fractions (products).
4. List the location of Nigerian refineries.
5. Explain the terms cracking and reforming.
6. Discuss the use of petrochemicals as starting materials of organic synthesis leading to organic compounds like plastics, synthetic rubber, drugs, insecticides, detergents, fibers.
7. Explain the use of octane numbers in determining the quality of petrol.
8. Explain the occurrence, packaging and uses of natural gases.
9. State the economic importance of petroleum. Added to these are.
10. Explain the negative aspect of petroleum refining like oil spill, seismic activities, soil degradation, water pollution and their effects on floral and fauna.
11. Explain the pollution effect of gas flaring in Nigeria; and. Discuss how to achieve and sustain lasting relationship between the multinational oil companies and the host communities. The other requirements, content, students' and teachers' activities, evaluation and resource materials follow the same example with more emphasis here on the proposed integration and in italics.

Table 2. Scheme of work detailing students' and teachers' activities

Topic	Performance objectives	Content	Activities		Teaching and learning materials	Evaluation guide
			Teacher	Students		
PETROLEUM	Students should be able to:	Origin and composition of petroleum (crude oil)	Guides the students in the discussion of origin and composition of crude oil.	Participate in class discussion	Pictures: - on exploration of oil	List the composition of crude oil.
	Explain the origin and state the composition of crude oil	Nigerian and world crude oil reserves		Discuss the negative aspects of oil exploration;	oil refinery in Nigeria	Explain the negative aspect of petroleum refining like oil spill, seismic activities, soil degradation, water pollution and their effects on floral and fauna;
	Discuss the exploration of and drilling for crude oil in Nigeria	Exploration and drilling of crude oil	Discuss the negative effect of oil exploration on the environment; Discuss ways of achieving and sustaining lasting relationship between the multinational oil companies and the host communities	Visit the communities where oil exploration is taking place.	Samples of plastics, synthetic rubber, insecticides, detergents, fibres (nylon, Dacron, etc)	Discuss how to achieve and sustain lasting relationship between the multinational oil companies and the host communities
	Explain the negative aspect of petroleum refining like oil spill, seismic activities, soil degradation, water pollution and their effects on floral and fauna;	Negative aspect of petroleum refining like oil spill, seismic activities, soil degradation, water pollution and their effects on floral and fauna;				
	Explain the pollution effect of gas flaring in Nigeria;	Pollution effect of gas flaring in Nigeria;				
	Discuss how to achieve and sustain lasting relationship between the multinational oil companies and the host communities	Achieving and sustaining lasting relationship between the multinational oil companies and the host communities				

6. BENEFITS

As noted by Braun et al. [7] and Oloruntegbe [8] "Green Chemistry is not intended to be a solo discipline, but rather a means for conducting science in a responsible manner". The objective is not meant to replace existing class materials or be taught as a separate section altogether. Instead, existing materials should be taught in a new way to incorporate key concepts into the curriculum to make chemistry inherently green. We should also bear in mind that the present curriculum material is already overburdened, crying for trimming down. The major benefit of catching them young is to make the youngsters imbibe environmental consciousness and accounting early in life. These youngsters could grow to become chemists who will make sure the 12 principles of green chemistry are adopted in the industries they find themselves working. In addition to this, the African chemists would be able to uphold the 13 principles of Greener Africa. (See appendix for 13 principles of Greener Africa).

7. CONCLUSION AND RECOMMENDATIONS

From the ongoing discussion it can be seen that green chemistry could be integrated into the SS chemistry curriculum. The existing curriculum could be reviewed to accommodate this. More refinement can be done at that point. It is therefore recommended that stakeholders in education, industries and environmental protection agency take a look at this proposal for implementation. There is a long term benefit of achieving sustainable environment devoid of prevalent environmental problems occasioned by incessant climate change and other greenhouse effects.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Collins FS, Gray GM, Bucher JR. Toxicology: Transforming Environmental Protection. *Science*. 2008;319(5865):906-907.
2. Lapkin A, Constable DJC (Ed.). *Green Chemistry Metrics – Measuring and Monitoring Sustainable Processes*. West Sussex, United Kingdom: John Wiley & Sons; 2008.
3. Hoag H. The Greening of Chemistry. *Chemical Heritage Newsmagazine*. 2009;27(2).
4. Mazzali T, Morin A, Paquette A. *Analysis of Green Chemistry and Computational Toxicology*. US Environmental Protection Agency, National Center for Environmental Research; 2009.
5. Nigerian Educational Research and Development Council, NERDC. Federal Ministry of Education – Senior Secondary Education Curriculum Chemistry for SS1-3; 2007.
6. National Science Board. *Science and Engineering Indicators*. National Science Foundation, Arlington, VA, 2002; NSB-12-1; 2012.
7. Braun D, Charney R, Clarengs A, Farrugia L, Kitchens C, Lisawski C, Naistat D, O'Neil A. Completing our Education: Green Chemistry in the Curriculum. *Journal of Chemical Education*. 2006;83.
8. Oloruntegbe KO. Achieving Green Sustainable Chemistry and Environmental Accounting through SS Chemistry Organic Curriculum, A Symposium presented at the 22nd Biennial Conference on Chemical Education at Pennsylvania State University, USA on August 1-4;2012.
9. Pan African Chemistry Network [9]. *Wealth Not Waste: Green Science and Engineering for Sustainable Growth in Africa*.
10. Anastas PT, Warner JC. *Principles of green chemistry, green chemistry: Theory and Practice*; 2000.
11. Busch D. *Greening across the chemistry curriculum*. US Scranton Green Chemistry; 2000.

APPENDIX

12 Principles of green chemistry [10] and [11]. **Thirteen principles for a greener Africa**
(Pan African Chemistry Network, 2011)

1. Prevent waste
 2. Achieve atom economy: maximize incorporation
 3. Use less hazardous synthesis steps
 4. Design safer chemicals
 5. Use safer solvents and auxiliaries
 6. Design for energy efficiency
 7. Use renewable feedstocks
 8. Reduce derivatives (make what you want!)
 9. Catalytic reagents are superior to stoichiometric
 10. Design for degradation
 11. Real-time analysis for pollution prevention
 12. Inherently safer chemistry prevents accidents
- G – Generate Wealth not Waste
R – Regard for All Life & Human Health
E – Energy from the Sun
E – Ensure degradability & No Hazards
N – New Ideas & Different Thinking
E – Engineer for Simplicity & Practicality
R – Recycle Whenever Possible
A- Appropriate Materials for Function
F- Fewer Auxiliary Substances & Solvents
R- Reactions Using Catalysts
I - Indigenous Renewable Feedstocks
C- Cleaner Air & Water
A- Avoid the Mistakes of

**Lane Perry^{1*}, Krystina R. Stoner^{2,4}, Lee Stoner³,
Daniel Wadsworth⁴, Rachel Page⁴ and Michael A. Tarrant²,**

¹*Center for Service Learning, Western Carolina University,
Cullowhee, NC, USA,*

²*Warnell School of Forestry and Natural Resources, University of Georgia,
Athens, United States of America,*

³*School of Sport and Exercise, Massey University,
Wellington, New Zealand,*

⁴*Institute of Food Nutrition and Human Health, Massey
University, Wellington, New Zealand*

The Importance of Global Citizenship to Higher Education: The Role of Short-Term Study Abroad

1. INTRODUCTION

Institutions of higher education arguably have a responsibility to develop curricula that foster "global citizens", either as a consequence of their educational mission, in response to political calls for enhanced national security and global awareness, or in strengthening the employability of their graduates within an ever-globalizing context. To fulfil this strategy, four constructs must be addressed: (1) what is global citizenship? (2) why is global citizenship important? (3) how do we measure global citizenship?, and (4) how is global citizenship fostered? In addition to discussing these questions, commentary will focus on the pivotal role short-term study abroad programs can play in fostering global citizenship.

2. WHAT IS GLOBAL CITIZENSHIP?

Although global citizenship is a highly contested and multifaceted term [1,2], three key dimensions, at least within the study abroad literature, are now commonly accepted [3,4]: (1) social responsibility (concern for others, for society at large, and for the environment), (2) global awareness (understanding and appreciation of one's self in the world and of world issues), and (3) civic engagement (active engagement with local, regional, national and global

community issues). In one of the most thorough reviews of the global citizenship concept in the study abroad scholarly field, Schattle [4] proposes that it "entails being aware of responsibilities beyond one's immediate communities and making decisions to change habits and behavior patterns accordingly" (p.12).

Outside the study abroad literature, there is consensus that the natural and built environment is the context in which global citizenship can be best understood [5-8], since environmental concern not only benefits others beyond the individual, but also invokes a sense of obligation toward others. According to Dobson [7], the environment constitutes a *community of obligation* in which social responsibilities and behaviors extend, in the form of an ecological footprint. In distinguishing between a Good Samaritan (i.e., based on charity) and a Good (*Earth*) Citizen (i.e., based on obligations), Dobson argues "the idea of the ecological footprint converts relationships we had thought to be Samaritan into relationships of citizenship" (p.105). Citizens, then, are not merely global by reason of their international travel, but as a result of their pro-environmental behaviors that make a sustainable impact. Similarly, Atfield [5] suggests, "environmental responsibilities form the most obvious focus of concern for global citizens, as well as the territory where global obligations most clearly arise" (p.191). In a similar vein, Winn [8] considers the concept of global citizenship to include "behaviors associated with the global issues of environmentalism, social justice, and civic participation" (p.124). With the ever increasing role of higher education institutions in the development of global citizens, a specific emphasis on internationally located educative experiences, coupled with critical reflection methods, and ultimately framed by relevant disciplines, the behaviors and actions of globally educated citizens can and should be developed. Moreover, it is the students' exploration and application of pro-environmental behaviors within the natural environment, the built environment, and the communities they engage.

3. WHY IS GLOBAL CITIZENSHIP IMPORTANT?

Universities and colleges arguably have a responsibility to develop international curricula that foster a student citizenry with stronger global awareness, either as a consequence of their educational mission [1,4,9-11], in response to political calls for enhanced national security [12-14], in providing greater employment opportunities for their graduates [15], or simply in heeding the public's growing interest in the importance of promoting global mindedness among future generations [16]. Responding to these realities requires a massive increase in the global literacy of the typical college graduate.

The intensification of and access to technology has forged links between institutions, societies, cultures and individuals, and today's university graduates live and work in a world that is more accessible than ever before [17].

While the availability of modern travel and technology is not accessible to all of earth's 7 billion 'citizens', those who have access and acceptance into higher education institutions also have greater opportunities for globalized experiences. The opportunity for a student to frame their existence within a global context can promote deeper understanding of cultural differences and provide a counterpoint for juxtaposing their personal beliefs with those of others. Internationalization and globalization are fundamental components of the learning process; to live and reflect upon the experiences a student has with these phenomena can increase action and bring about transformation of perspective.

4. HOW IS GLOBAL CITIZENSHIP FOSTERED?

There is growing political interest in international education and increasing reference to globalization (and the need to prepare students as global citizens) in the missions of academic institutions [10]. Lutterman-Aguilar and Gingerich [18] argue that education abroad can effectively prepare students as responsible global citizens if programs incorporate the principles of experiential education, notably action-oriented experiences that encourage reflection, critical analysis, and synthesis. Similar conclusions are drawn by McLaughlin and Johnson [19], who propose a field-based experiential learning model for short-term study abroad programs. This model enables students to move beyond knowledge learning to application and integration, toward a real, "unbuffered" world. Indeed, there is strong evidence throughout the study abroad literature supporting the integration of experiential learning as a key medium for promoting higher-order learning [20-28].

The outcomes of study abroad experiences, students' previous experiences with the course material, the destination, and travel in general can have an influence on the potential shift in a student's worldview. McKeown [29] recognized the profound change in students' values when experiencing a new social environment that called into question their internal beliefs [30] and referred to this as the *first-time effect*. This phenomenon has also been recognized

in other learning environments where experientially based pedagogy (service-learning, problem-based learning) has been utilized and experienced for the first-time [31,32]. Valuable to the student experience, their engagement, and the likelihood of a shift in worldview are the following: faculty-student engagement, experiential learning opportunities, dialogue and group discussions focused on students' experiences, and reflection assignments connected to experiences and readings [33]. Within study abroad experiences, exposure to new places, cultures, and learning environments where a student's preconceived and established notions and beliefs are tested, may act as the catalyst or impetus to bring forth a transformative experience. Of particular importance is the creation of moments of critical reflection and discussion. In

these types of environments, exposed to realities that are outside their previous understanding or comfort zones, the learner may discover a need to acquire new perspectives in order to gain a more complete and complex understanding. A deeper, more sincere understanding of reality and how their perception of reality is framed by their worldview, is the value in combining experiences with critical analysis, reflection, and abstract conceptualization [34].

5. HOW IS GLOBAL CITIZENSHIP MEASURED?

There is a consensus that the natural and built environment is the context in which global citizenship can be best understood. Utilizing this context, Tarrant [30] developed a Value- Belief-Norm model to assess global citizenship and the "added value" of study abroad (Fig. 1). In Tarrant's [30] conceptualization of a framework for exploring the role of studies abroad education and global citizenship development, he posited a frame based on Stern's [35] Values-Beliefs-Norm theory (VBN). In this, Tarrant identifies two components based on (1) an awareness/belief that specific environmental conditions threaten or have adverse consequences for the things the learner values and (2) an awareness/belief that the individual/learner can act to reduce the specific threat(s) [30,35]. These components and the extent to which an individual learner aligns with these two beliefs are critical to the conceptual framework Tarrant puts forth.

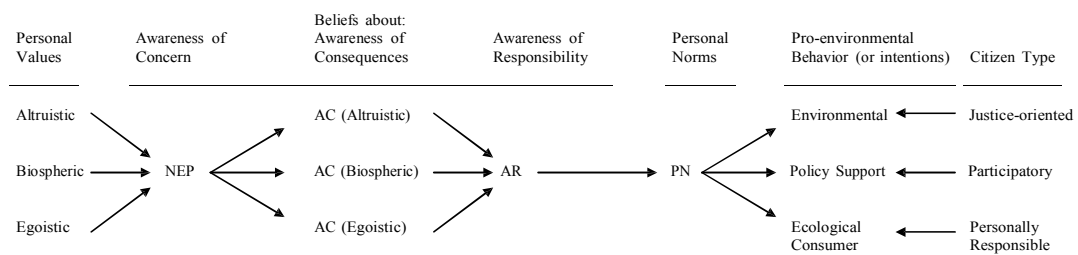

Fig. 1. Adapted value-beliefs-norms theory of global citizenship [30]

The recognition of critical reflection as an integral component of the conceptual framework offered by Tarrant [30] is evident in Westheimer and Kahne's [36] "citizen-type" and Dobson's [7] "Earth Citizen". For example, Westheimer and Kahne [36] argue that a justice-oriented citizen is one who is concerned with asking questions about issues she or he sees in their community (local and global) and then acting upon the answers they find. This is in sharp contrast to a personally responsible citizen who is typically concerned with acting responsibly or volunteering in times of crisis. Interestingly, it seems that a clear difference between these two citizen types is found in the citizen's concern with or interest in critical reflection upon their observations and experiences. Justice-oriented citizens seem to be more concerned with asking the more complex questions versus accepting the simpler answers. By asking more complex

questions, it is assumed that justice-oriented citizens are analyzing, considering, and reconsidering their perspectives and beliefs in light of new information and experiences. This is primarily a function of critical thinking and reflection. That is, being prepared to ask and answer the complex questions that emerge from our continually evolving and complex society [28]. Doing this may promote and nurture "change in environmentally oriented values, norms, and behaviors" [30]. This observation is demonstrated further by Dobson's view of an Earth Citizen. With an Earth Citizen there tends to be less emphasis on volunteerism as ends unto itself, and a greater emphasis placed on questioning what is observed or has come to be known and then this is acted upon in order to ameliorate the causes of observed injustices. Overall, the conceptual framework "proposes that values and worldviews act as filters for new information in the development and formation of congruent beliefs and attitudes which in turn predispose behavioral intentions and ultimately pro-environmental behaviors" [30].

The two components Tarrant identified (the connection between environmental conditions and the threats on a learner's values and the belief that the learner can reduce the threats), which underpin Fig. 1, have a common denominator. That denominator is a learner's values and what they are willing to do about those values. The measurement of value identification or awareness is a complex, but important endeavor. One particular theory that has been operationalized and empirically tested to measure a person's values is the Schwartz norm-activation theory. Norm-activation theory states that "pro-environmental actions occur in response to personal moral norms about such actions and that these are activated in individuals who believe that environmental conditions pose threats to other people, other species, or the biosphere and that actions they initiate could avert those consequences" [37]. One salient, empirical study measured the values associated with social movements particularly in context of pro-environmental actions. In the Stern et al. [37] study, which was designed to measure two variables from Schwartz's norm-activation theory (personal norms and awareness of consequences), resulted in findings that were strongly consistent with the VBN theory. Essentially, it was determined that personal norms were strongly associated with the behaviors of all three types of nonactivist environmentalism, provided the strongest predictor of consumer behavior and willingness to sacrifice, and was the only variable in their study to have a direct effect on all three types of movement support.

A limitation of Tarrant's model is that it directly focuses on environmental awareness and does not directly address the concepts of social justice or civic engagement, i.e., the key dimensions of global citizenship [3,4]. Although, it should be noted that in Tarrant's conceptual framework, there is indirect or ancillary inclusion of personal values and awareness of responsibility (civic engagement) and the citizen type (social justice orientation) an individual could align. Even though Tarrant clearly is addressing the conceptualization of

"pro-environmental behavior" from an environmental perspective, it is inextricably connected to other important elements to be considered when attempting to understand global citizenship. In addition, the use of Schwartz's norm-activation theory to operationalize and measure global citizenship is an important avenue to consider.

6. WHAT ROLE CAN SHORT-TERM STUDY ABROAD PROGRAMS PLAY?

The past 25 years have witnessed growing numbers of students, particularly in the United States (U.S.), participating in study abroad programs of varying durations, locations, and academic foci. These growing numbers, contextualized and sourced from the U.S. higher education student body, have led to the literature being skewed in context of the U.S. This particular growth and respective body of literature ultimately reflects a U.S. centric perspective on research into the influence of short-term study abroad. This is due to the limited number of empirical studies investigating non-U.S. students studying abroad Curthoys [38]. With this, Europe and Australasia could be considered emerging markets for future generations of students beginning to study abroad. Further investigation into these emerging markets and the influence of study abroad on participants is necessary.

In the U.S., most recent estimates indicate that of the approximately 270,000 U.S. students who studied abroad for academic credit in 2009/10 (compared to 75,000 students in 1990), the majority (57%) were short-term (summer or 8 weeks or less) [39]. While short-term programs have been criticized for being academically light [29], they appeal to large numbers of undergraduates without prior international travel experience and/or who lack the funds or time for extensive education abroad opportunities [40-43]. Short-term programs thereby may provide a springboard for future, more in-depth travel [44], a pathway for those studying abroad for the first-time [29], and perhaps "the only realistic alternative in terms of the demands of your degree studies and economic resources" [39]. As such, short-term programs may be viewed as crucial for achieving broad and more egalitarian access to study abroad for U.S. undergraduates.

Skepticism has been voiced about whether the short-term study abroad format can offer students a sufficiently profound experience to transform the fundamental values and beliefs that underlie global citizenship. Recent evidence suggests that the duration of the international experience may be only weakly related to student learning outcomes. The large scale Georgia Learning Outcomes of Students Studying Abroad Initiative (GLOSSARI) [45] found a general advantage for study abroad at any duration over no study abroad in terms of graduation rates, although moderate duration (4-8 weeks) exceeded both shorter

and longer programs on this variable. In their study of over 6,000 alumni from 20 institutions, Paige et al. [3] suggests no difference in global engagement between students who had studied abroad for shorter versus longer durations. Their findings from the University of Minnesota's Study Abroad for Global Engagement project revealed that students in short-term programs (of 4 weeks or less) were just as likely to be globally engaged as those who studied abroad for several months or longer. Similarly, McKeown [29] posited that, "students who had been abroad for as little as two weeks showed patterns of intellectual development more similar to peers who had been abroad for months or years than to those who had not been abroad at all" (p.6). The conclusion is that spending at least some time abroad is probably better than no time at all, though the extent to which the "just do it" analogy [46] holds true for study abroad (i.e., relative to home campus) remains relatively unsubstantiated [29,47]. Meaning, whether studying abroad for a short, moderate, or long-term period, there needs to be some level of consideration for appropriate measures to be implemented that will help students make connections from and sense of their new experiences.

Short-term study abroad, when coupled with an adequate pedagogical framework, could serve as an educative opportunity for fostering transformative learning environments where new experiences and perspective may be developed. It is that critical moment where learners have engaged with something novel, whether it is physical or psychological, that is when reflection and critical reflection become imperative to the learning process. The shift from physical experience to meaning making can be different, but it is imperative for perspective transformation and ultimately behavior adaptation to occur. Though it should be noted that prior to the exposure to something novel, abstract conceptualization can have occurred. Meaning, preparation and study for future experiences related to a student's involvement in a course is also valuable to their learning. These connections between experience and reflection, content and experience, and reflection and content are ones that have long been theoretically [14,34,48] and practically [31] established.

7. DISCUSSION AND DIRECTION

Over the past decade there have been increasing calls to develop the capacity of higher education students, particularly in the U.S., to think and act globally [11]. One method of encouraging the civic of global citizenship is through study abroad [30]. To date, the academic response to calls for greater global learning has focused primarily on increasing quantity (i.e., "just do it"). The number of students participating in education abroad is often the primary indicator of an institution's success in achieving globalization aims [44, 49]. Clearly, a major driver of such efforts should also address quality – the added value and outcomes of studying abroad as indexed by measures more informative than

traditional course evaluation responses. As resources become available for study abroad development, funds should be targeted toward programs that promote demonstrable and specific learning outcomes.

Short-term, faculty-led, field-based programs can have an important role in fostering some of the outcomes considered critical to national security, globalization and global competitiveness, and social norms [11,50]. Though not all education programs should be similarly structured, we concur with Lutterman-Aguilar and Gingerich [18] that, "study abroad and experiential education are natural partners because they share the common goal of empowering students and preparing them to become responsible global citizens" (p.46). Accordingly, we encourage faculty to incorporate field-based learning experiences into study abroad curricula and to consider their role as facilitators of citizen activism [1], promoting opportunities for civic engagement, responsibility, and global awareness. The challenge, clearly, is to develop programs in a measured and effective way. Such programs must be attractive to students (especially for those traveling abroad for the first-time), yet must not turn the travel experience into a token service program of consumerism with little value beyond the tourism dollars it generates [2,51]. Since short-term programs are likely to remain the only realistic option for many undergraduate students and potentially the least expensive medium for democratizing study abroad, achieving such strategies will be critical. In moving toward more robust evidence of the value of education abroad, particularly with respect to globalization, we need to design research that can clearly demonstrate whether studying abroad (relative to home campus) can promote higher-order outcomes (such as global citizenship) and, if so, under what conditions.

Essentially, the literature to date is primarily focused on U.S. students studying abroad [38]. Comparative groups of students are needed to determine the influence study abroad experiences might have on non-U.S. counterparts who are from different geographical and cultural backgrounds. Moreover, this lack of research can be attributed to the emerging market and associated pedagogy of study abroad and international education in countries like New Zealand, Australia, and the United Kingdom.

8. CONCLUSIONS

There is a consensus that the natural and built environment is the context in which global citizenship can be best understood. Utilizing this context, Tarrant [30] developed a Value- Belief-Norm model to assess global citizenship and the "added value" of study abroad. A number of nations, including the U.S., have witnessed growing political pressure to utilize international education as an *en masse* mechanism for nurturing global citizenship. However, the extent to

which the "just do it" analogy holds true for study abroad remains relatively unsubstantiated. Education abroad can effectively prepare students as responsible global citizens, but only if coupled with action-oriented experiences that encourage reflection, critical analysis, and synthesis. Since short-term programs are likely to remain the only realistic option for many undergraduate students, there is a growing requisite to document whether short duration programs can promote higher-order outcomes (such as global citizenship) and, if so, under what conditions. In particular, there is a lack of demonstrable evidence of the *transformational change* attributable to participation in field-based/experiential study abroad programs, relative to (a) other study abroad programs lacking a structured experiential component and/or (b) home campus (i.e., traditional classroom) courses and/or (c) comparisons of the experiences and learning outcomes of students from different countries and cultures.

Although global citizenship is a highly contested and multifaceted term, three key dimensions are commonly accepted: social responsibility, global awareness, and civic engagement. This particular observation lends itself well to the perspective that global citizenship, at its core, is focused on connections – a person's connections with the products they choose to use, the environment they believe they influence, and the groups of people who they directly and indirectly associate with. Whether or not those connections (with products, environments, and people) are recognized and reflected upon is what fundamentally separates those who consciously assume their role as a global citizen from those who do not.

ACKNOWLEDGEMENTS

No sources of funded are reported.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Hanson L. Global Citizenship, Global Health, and the Internationalization of Curriculum: A Study of Transformative Potential. *Journal of Studies in International Education*. 2010;14(1):70-88.
2. Zemach-Bersin T, Selling the world: Study abroad marketing and the privatization of global citizenship. In *The handbook of practice and research in study abroad : higher education and the quest for global citizenship*, R. Lewin, Editor. London: Routledge; 2009.

3. Morais D, Ogden A. Initial Development and Validation of the Global Citizenship Scale. *Journal of Studies in International Education*. 2011;15(5):445-466.
4. Schattle H, Global citizenship in theory and practice. In *The handbook of practice and research in study abroad : higher education and the quest for global citizenship*, R. Lewin, Editor. London: Routledge; 2009.
5. Attfield R, Global citizenship and the global environment. In *Global citizenship : a critical reader*, N. Dower and J. Williams, Editors. Edinburgh: Edinburgh University Press;2002.
6. Bryant D, The everyone, everywhere: Global dimensions of citizenship. In *A more perfect vision: The future of campus engagement*, B. Holland and J. Meerropol, Editors. Providence, RI: Campus Compact; 2006.
7. Dobson A. *Citizenship and the environment*. Oxford: Oxford University Press; 2003.
8. Winn JG. Techno-information literacy and global citizenship. *International Journal of Technology, Knowledge, and Society*. 2006;2:123-127.
9. Braskamp L, Braskamp D, Merrill K. Assessing progress in global learning and development of students with education abroad experiences. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2009;15:101-118.
10. Hovland K. Global learning: What is it? Who is responsible for it? . *Association of American Colleges and Universities Peer Review*. 2009; Fall:4-7.
11. Stearns P.N. *Educating global citizens in colleges and universities : challenges and opportunities*. London: Routledge; 2009.
12. Lincoln Commission. *Global competence and national needs*. Washington, D.C: Lincoln Commission; 2005.
13. Government Accountability Office. *Global competitiveness: Implications for the nation's higher education system*. 2007. Accessed October 27 2012. Available: www.gao.gov/new.items/d07135sp.pdf.
14. Durbin R.J. The Lincoln Commission and the Future of Study Abroad. *International Educator*. 2006;Jan-Feb:4-6.
15. Association of American Colleges and Universities. *Global Learning for the New Global Century: Executive Summary with Findings from Employer Survey*. Washington, D.C.: Association of American Colleges and Universities; 2007.
16. Norris E.M, Gillespie J. How Study Abroad Shapes Global Careers: Evidence From the United States. *Journal of Studies in International Education*. 2009;13(3):382-397.
17. O'Steen B, Perry L. Service-learning as a responsive and engaging curriculum: A higher education institution's response to natural disaster. *Curriculum Matters*. 2012;8:171-185.

18. Lutterman-Aguilar A, Gingerich O. Experiential pedagogy for study abroad: Educating for global citizenship. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2002;41-82.
19. McLaughlin J.S, Johnson D.K. Assessing the field course experiential learning model: Transforming collegiate short-term study abroad experiences into rich learning environments. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2006;65-85.
20. Annette J. Service Learning in an International Context. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2002;83-93.
21. Brandt C, Manley T. The Practice of the Fieldbook: Facilitating and Evaluating Field- based Learning. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2002;113-142.
22. Kehl K, Morris J. Differences in global-mindedness between short-term and semester- long study abroad participants at selected private universities. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2007;67-79.
23. Harrison J.K. The relationship between international study tour effects and the personality variables of self-monitoring and core self-evaluations. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2006;1-22.
24. Steinberg M. Involve me and I will understand: Academic quality in experiential programs. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2002;207-229.
25. Peterson C. Preparing engaged citizens: Three models of experiential education for social justice. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2002;165-206.
26. Pagano M, Roselle L. Beyond reflection through an academic lens: Refraction and international experiential education. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2009;217-229.
27. Montrose L. International Study and Experiential Learning: The Academic Context. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2002;1-15.
28. Perry L, Stoner L, Tarrant M. More than a vacation: short-term study abroad as a critically reflective, transformative learning experience. *Creative Education*. 2012;3(5):679-683.
29. McKeown J.S. The first time effect : the impact of study abroad on college student intellectual development. Albany, N.Y: State University of New York Press; 2009.
30. Tarrant M.A. A conceptual framework for exploring the role of studies abroad in nurturing global citizenship. *Journal of Studies in International Education*. 2010;14:433-451.
31. Perry L.A Naturalistic Inquiry of service-learning in New Zealand classrooms: Determining and illuminating the influence on student engagement., in *Education*; 2011.

32. Perry L, O'Steen B, Cammock P, The influence of service-learning on student engagement. In reaking the Mold of Classroom Organization and Management: Innovative and Successful Practices of Engagement, Motivation, and Student Empowerment for 21st Century Schools, A. Honigsfeld and A. Cohan, Editors. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield inc; 2013.
33. Kuh G. High-impact educational practices: What they are, who has access to them, and why they matter. Washington, DC: Association of American Colleges & Universities; 2008.
34. Kolb D.A. Experiential learning: experience as the source of learning and development. Englewood Cliffs; London: Prentice-Hall; 1984.
35. Stearns PN. Toward a coherent theory of environmentally significant behavior. *Journal of Social Issues*. 2000;56:407-424.
36. Westheimer J, Kahne J. Educating the "good" citizen: Political choices and pedagogical goals. 2004. Accessed October 28 2012. Available: www.apsnet.org.
37. Stern PC, Dietz T, Abel T, Guagnan GA, Kalof L. A Value-Belief-Norm Theory of Support for Social Movements: The Case of Environmentalism. *Research in Human Ecology*. 1999;6(2):81-97.
38. Curthoys A. Australian studies and study abroad. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2000;6:47-57.
39. IIE Passport StudyAbroad Print Directories. IIE passport, short-term study abroad: The most complete guide to summer and short-term study abroad. New York: IIE Passport StudyAbroad Print Directories; 2007.
40. Tarrant M.A. A conceptual framework for exploring the role of studies abroad in nurturing global citizenship. *Journal of Studies in International Education*. 2010;14(5):433-451.
41. Tarrant M.A, Stoner L, Borrie W.T, Kyle G, Moore R.L, Moore A. Educational Travel and Global Citizenship. *Journal of Leisure Research*. 2011;43(3):403-426.
42. Donnelly-Smith L. Global learning through short-term study abroad. *Association of American Colleges and Universities Peer Review*. 2010;Fall:12-15.
43. Long SO, Akande YS, Purdy RW, Nakano K. Deepening Learning and Inspiring Rigor Bridging Academic and Experiential Learning Using a Host Country Approach to a Study Tour. *Journal of Studies in International Education*. 2010;14(1):89-111.
44. Engle L, Engle J. Study abroad levels: Toward a classification of program types. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2003;1-20.

45. Sutton R.C, Rubin D.L. The GLOSSARI project: Initial findings from a system-wide research initiative on study abroad learning outcomes. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2004;65-82.
46. Tarrant M.A, Lyons K. The effect of short-term educational travel programs on environmental citizenship. *Environmental Education Research*. 2012;18:403-416.
47. Chieffo L, Griffiths L. Large-scale assessment of student attitudes after a short-term study abroad program. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2004;65-177.
48. Dwyer M. More is better: The impact of study broad duration. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2004;151-163.
49. McLeod M, Wainwright P. Researching the Study Abroad Experience. *Journal of Studies in International Education*. 2009;13(1):66-71.
50. Lewin R. Transforming the study abroad experience into a collective priority. *Association of American Colleges and Universities Peer Review*. 2009;Fall:8-11.
51. Susnowitz S, Transforming students into global change agents. In *A more perfect vision: The future of campus engagement*, B. Holland and J. Meerropol, Editors. Providence, RI: Campus Impact; 2006.

**Christine F. Clark^{1,2}, Daniel Shepherd^{2*}
and Shreena Natasha Hira¹,**

¹*Corporate Academy Group, Manukau City, Auckland, New Zealand,*

²*Department of Psychology, AUT University, Auckland, New Zealand*

Predicting Intention to Complete and Learning Outcomes in a Sample of Adult Learners

1. INTRODUCTION

The present research focuses on the adult learner, defined as anyone over the age of 16 who has left secondary school and is now continuing onto some form of tertiary study, other than that provided by universities or technical institutions. Broadly, these adult learners can be defined as those with no or very low qualification, and who enroll in tertiary courses with a vocational focus on typically low-skill occupations. In the New Zealand context, adult learners are often directed to a Private Training Establishment (PTE), as they do not meet the criteria for enrolment with a polytechnic or university, and can be considered the equivalent of Education Learning Providers in the United Kingdom, Vocational Education and Training (VET) providers in Australia, and Community Colleges in the United States. Private Training Establishments teach a range of qualifications, from foundation numeracy and literacy to degrees, however predominantly their focus is foundation education. Unlike their university counterparts, PTEs cater to the learner who comes with few qualifications, from disadvantaged homes, often with criminal convictions and with a deep suspicion and even antagonism towards learning. The usual PTE has small class sizes, no more than 16 to a tutor, and as such can provide the intensive and often extensive knowledge and skills that the learner needs to progress into either employment or further education. However, many of these adult learners are at risk of not completing their qualification, an issue concerning educational and government agencies, and typifying a trend in education throughout New Zealand [1]. Therefore, recognising barriers to completion is the first step to assisting adult learners, benefiting the educational facilities where they are enrolled, and ultimately benefiting society as a whole.

When youth or adults are not in employment, education, or training, there are costs to both the individual and society [2]. In the United Kingdom, the reported cost of youth aged 16-18 not in employment, not in education and not in training, is on average almost £100,000 per person over their lifetime [3]. Furthermore, the number of youth falling into this category in the UK is estimated at 1.3 million individuals, at an annual cost of £3.65 billion [4]. Besides economic costs, there are 'human' costs associated with non-completion, including a reduction in the individual's ability to maintain employment, financially support themselves, maintain reasonable health, and to avoid criminal activity and substance abuse [5-6]. In addition, it has been suggested that individuals who fail to complete secondary education, and following this do not complete any tertiary qualification, are more likely to have relationship difficulties and raise children as single parents [2]. Though rarely documented, non-completion of courses incurs costs on the educational institutions themselves, negatively impacting resources, staff allocation, educational effectiveness, and allocation of funding both within the institution and within the broader educational sector [7].

Failure to achieve in any educational contexts has, for obvious reasons, attracted much investigation. The major reasons for failure or non-completion can be grossly grouped into four categories: 1) Social pressure and related stressors; 2) Self-efficacy in relation to being able to achieve; 3) General attitude toward achieving (which is often influenced by past experiences of education) and 4) Self-Esteem levels sufficient to enhance achievement [1,2,8]. Each will now be discussed in turn.

Social pressures are thought to have two components which interact towards behavioural intention; beliefs about how other people, who are some in way important to the person, would like them to behave (normative beliefs) and positive or negative judgments about each belief (outcome evaluations) [9]. There is significant literature that confirms the importance of social pressures affecting behaviour, specifically, indicating that social and parental influence is a dominant factor influencing educational achievement and course completion [10-14].

Self-efficacy is conceived of two components, the first being the perceived ease or difficulty in performing a behaviour, and the second component being an individual's perception of controllability around the task [15-16]. There is evidence to suggest that self-efficacious students participate more readily, work harder, persist longer, and have fewer adverse emotional reactions when they encounter difficulties than do those who doubt their capabilities [17].

Attitude is said to be one of the most important determinants of behaviour [18], and can be defined as "the disposition to respond with some degree of favourableness or unfavourableness to a psychological object", and describe

attitudes as being acquired rather than innate with a direct influence on behaviour [19]. A number of studies have confirmed the importance of attitude in educational outcomes [10,20,22].

The fourth major contributor to educational achievement has been identified as Self-Esteem, which describes an individual's sense of worth, and the level of value and appreciation they place upon themselves [23]. This has been supported by many studies [24-29] with the understanding that Self-Esteem is implicit in academic achievement and reciprocally that achievement increases Self-Esteem. Alongside this, it has been found that emotional and social factors including stress and low Self-Esteem, can predict intention to 'dropout' of education [30]. These findings support the basis of this current study; that low Self-Esteem, unless addressed, will contribute to a poor outcome for the student.

The ability to identify adult learners at risk of non-completion and predict educational outcome would greatly enhance the student's potential in other areas of their life, as well as the provider's results and credibility, funding and future endeavours. However, scant literature is available discussing the ability to predict learning outcomes in this type of student, with the only similar study using the Theory of Planned Behavior to predict learning outcome in high school students [10]. The aforementioned influence of social pressures, the perception of being able to achieve, and attitude, on achievement, are *a priori* part of a theoretical framework known as the Theory of Planned Behavior (TPB) [31], which has previously been applied in the educational context [10,32,33]. The TPB provides a model that encompasses an individual's attitude towards, and intention to perform the behaviour, and also accounts for the social context of the individual and the pressures they may feel in performing the behaviour [31]. Self-efficacy, which research has shown to have a large effect on behavioural change is also incorporated within the TPB as perceived behavioural control [34].

Current literature reveals a multitude of studies conducted to explore why learners do not achieve educationally [1,8,10,26,27,35], some exploring the relationship between the TPB components, self-efficacy and achievement [17,31,33,36-39]. Thus the use of the TPB has been validated in previous educational research, for example, as a tool to predict intention and consequently attendance for both high school students and university students [10,16]. One particular study using the TPB to identify students that were at high risk to fail, and concluding that early communication of the consequences of non-completion, if used positively in a remedial manner, could facilitate an improved outcome [10]. Despite there being some focus on achievement in secondary level students, predicting learner outcomes of tertiary level students, specifically those studying through a PTE, have not been explored.

It has been stated that the TPB model could also include additional predictors within the model to increase the model's predictive ability [31], and this has also been supported by other authors, suggesting the addition of factors such as Self-Esteem [16,32]. Our study extends the TPB to include the variable of Self-Esteem as a dominant factor of prediction, given its previously established relevance to educational performance. While Self-Esteem and components of the TPB have individually been identified as being important to predicting achievement, intent and outcome in varying educational contexts [24,31,40-42], little research can be found combining the two methods into a single predictive model, and exploring its relevance for a tertiary institute such as a PTE. Thus the central objective of this study is to determine if Self-Esteem, in conjunction with the factors of the TPB, can predict behavioural intent and educational outcome for an adult learner. To this end the following hypotheses were considered: 1) the Theory of Planned Behavior components and Self-Esteem will predict intention to complete; 2) the components of the Theory of Planned Behavior and Self-Esteem will predict educational outcomes, and 3) Self-Esteem levels will improve over the duration of a programme.

2. METHODOLOGY

2.1 Participants

The sample comprised two hundred and eleven individuals (115 females and 96 males) who were students of a Private Training Establishment (PTE) targeting low or non-achieving individuals in the south of New Zealand's largest city, Auckland. Participants ranged from 15 to 65 years of age ($M = 28.49$, $SD = 13.15$), with males being significantly older ($M = 30.92$, $SD = 13.24$) than females ($M = 25.57$, $SD = 12.50$), ($t(205) = -3.01$, $p < .01$). The ethnic profile of the sample was 41.7% Pacifica, 38.4% Maori, 10.4% European, 8.5% Asian, and 1% other. Individuals in the sample ranged in their English language abilities, but all were required to have at least basic English skills to enrol in courses. The socio-economic status (SES) of individuals was not directly measured, but typically reflected the general SES of the enrolment catchment region (i.e., extreme deprivation, low SES).

2.2 Materials

In order to test the study's hypotheses, a questionnaire containing a Self-Esteem scale, and Theory of Planned Behavior scales, was developed. Demographic information (i.e., age, gender, ethnicity) was obtained from

enrolment information contained in the PTE records. Additionally, final educational outcome (e.g., completed or non-completed) was obtained from the same source. Each will be described in turn.

2.2.1 Outcome classification

Participants were classified according to the Tertiary Education Commission's outcome requirements for Student Achievement Component Funding [43], where a positive outcome indicated participants completed the course, and a negative outcome indicated that they did not complete the course or withdrew.

2.2.2 Theory of planned behavior (TPB) questionnaire

To predict whether participants would complete their course of study, a questionnaire based on the Theory of Planned Behavior (TPB) was developed, based on the 'Theory of Planned Behavior manual' [9] providing stepwise methods to construct TPB questionnaires. The TPB is a model aimed at identifying an individual's intention to perform behaviours and relating this to likelihood that they will successfully engage in these actions [44]. In determining intention, the TPB captures three concepts: Perceived Behavioural Control, Subjective Norms and Attitudes [44].

The TPB questionnaire used in this study consisted of 26 Likert scale items grouped into four subscales. First, Behavioral Intention consisted of a single question encompassing motivation factors driving the behaviour [31], where participants selected a statement between 1 and 5, which best reflected their intention, for example, 1 = "I expect to complete this programme" and 5 = "I probably will not complete this programme". Second, the Perceived Behavioural Control subscale contained ten items relating to the volitional control of the behaviour and the perceived ease or difficulty of performing the behaviour. The scale asks questions such as, "Financial problems may mean that I will not complete this programme" (1 = *Agree* to 5 = *Disagree*). Third, the Subjective Norm subscale consisted of ten items indicating perceived social pressure to perform a behaviour, such as, "My friends think that I am doing the right thing" (1 = *Agree* to 5 = *Disagree*). Last, the Attitude subscale consisted of five items assessing the level of positive appraisal of a behaviour, such as, "I believe that I will enjoy this programme" (1 = *Agree* to 5 = *Disagree*).

2.2.3 Rosenberg self-esteem scale (RSES)

Self-Esteem was measured using the Rosenberg (1965) Self-Esteem Scale (RSES) [23], aimed at measuring an individual's general positive or negative attitude toward the self. The RSES assesses Self-Esteem using ten Likert scale items, with participants rating responses to items on a four point scale (1 = *Strongly Agree* to 4 = *Strongly Disagree*). Previous research has suggested a two factor structure to the RSES, reflecting either positive and negative weighted items, [45-46], and the two factor approach was adopted for this research due to the pitfalls associated with treating the RSES as a single structure [47]. Following a Principle Components Analysis, the RSES was found to contain two factors reflecting either positively worded items (items 1, 2, 4, 6, 7) or negatively worded items (items 3, 5, 8, 9, 10), and this result was used to create two subscales, RSES(pos) and RSES(neg), respectively.

2.3 Procedure

A research assistant was employed to distribute the questionnaires to ensure anonymity of responses, along with an information sheet outlining the purposes and procedures of the study. Students were informed that participation was voluntary, and that they could withdraw from the study at any time without reason. To assist the return of completed questionnaires, the research assistant requested the students to complete the questionnaire once given the materials, and to return them immediately after completion, which was approximately ten minutes. Data was then entered into a spreadsheet and demographic information included for each participant's data. Following the entry of all data, participants' names were converted to participant numbers to ensure anonymity. The TPB questionnaire was administered once at the initiation of the course, and the RSES was administered twice; once at the initiation of the course (Time1), approximately 40 weeks duration, and at completion or point of withdrawal from the course (Time2).

2.4 Analysis

To test that Self-Esteem will predict Behavioural Intention above and beyond the components of the TPB, we created three models and then tested them using hierarchical linear regression analyses. The first model employed age and gender as co-variates (Model

1). Model 2 added the three TPB components (i.e., Subjective Norm, Perceived Behavioural Control and Attitude), while Model 3 included the two

RSES subscales measured at the first time point. A comparison of R^2 - change across the three models, and an examination of standardized regression coefficients, determined the relative contribution of each predictor. A further analysis was run to test the ability of the TPB and RSES scores to predict educational outcome. This analysis mirrored the first, but the use of a dichotomous outcome variable (i.e., completion vs. non-completion) necessitated the use of a binary logistic regression. Finally, paired samples t -test will be used to determine differences between mean RSES subscale scores at Time1 and Time2, in order to see if scores will improve over time, from initiation to termination of a course

3. RESULTS AND DISCUSSION

Prior to undertaking statistical testing, the data were assessed for their analytical fitness and explored to elucidate data structure. To this end, the psychometric properties of the data were obtained using conventional descriptive statistics (e.g., means and standard deviations), and internal consistency statistics (e.g., Cronbach's alpha) (Appendix A). Structure was tested for dimensionality using item-total correlations, and for some scales (e.g., RSES) structure was examined more rigorously using Principle Components Analysis (PCA) (Appendix B). Additionally, prior to regression analyses data were screened for normality, linearity, homoscedasticity, and independence of residuals graphically using residual analyses. Each of the major scales and subscales used in this study were found on all counts to be of sound psychometric character as gauged by current statistical criteria. All analyses were performed using the Statistical Package for the Social Sciences (SPSS v. 19).

3.1 Hypothesis 1: Self-Esteem Can Explain Additional Variance in Intention to Complete, Above and Beyond the Components in the Theory of Planned Behavior and Other Predictor Variables

Hierarchical Multiple Linear Regression analyses were undertaken in order to provide summary coefficients of the nature of the relationship between Behavioural Intention and: age and gender (Model 1); subjective norm, attitude, and perceived behavioral control (PBC) (Model 2), and between behavioural intention and Self-Esteem measured at the start of training (Model 3). The latter model, involving Self-Esteem as measured at the first time point (i.e., Time1), used the two summative scales consisting of positively and negatively worded items as extracted from a PCA. Note too that Model 1 is tested in Model 2, and Models 1 and 2 are both nested in Model 3 (see Table 2).

Table 1 presents statistics assessing the statistical fit of the three models. Note that the R values derived from Models 2 and 3 were significantly different from zero ($p < .05$), whilst Model 1 was not. This result indicates that the predictive power of Model 1 is no greater than using the mean of the behavioural intention scores, whilst Models 2 and 3 endowed greater predictive power than this average. The adjusted R^2 values contained in Table 1 show the three models explain between 1% and 17% of the variability in behavioural intention, and the change statistics (right-side, Table 1), show that while the change in adjusted R^2 from 0 to 0.01 (i.e., Model 1) is not significant, the changes between Model 1 and Model 2 ($\Delta R_{adj} = 0.12$) and between Model 2 and Model 3 ($\Delta R_{adj} = 0.05$) are significant. This result indicates that Self-Esteem predicts behavioural intention above-and-beyond the TPB.

Both un-standardised (B) and standardised (β) coefficients are reported, along with standard errors, the outcome of significance tests (via Students t -test), and regression equations in Table 2. Inspection of the t -values reveals that, for Model 1, age is a significant predictor of behavioural intention but gender is not. This negative association between age and behavioural intention is evident across all three models. For Model 2 all three predictors from the Theory of Planned Behavior have β coefficients significantly different from zero. As expected from theory, subjective norm had a negative correlation coefficient with behavioural intention, while PBC and attitude had positive correlations. These three predictors remain significant in Model 3, and are joined by an additional significant predictor, the negatively- worded RSES subscale. Additionally, an independent samples t -test was undertaken to probe for associations between behavioural intention and learner outcome (i.e., completion vs. non-completion), and no significance difference was found between the two groups ($t(205) = -0.129$, $p = .90$).

Table 1. Summary of the MLR analyses when the ten-item RSES is decomposed into two five-item subscales representing positively and negatively worded items

Model	R	R^2	Adjusted R^2	Std. Error of the Estimate	Change Statistics				
					R^2 Change	F Change	df1	df2	Sig. F Change
1	0.17	0.03	0.01	0.17	0.03	1.88	2	180	.16
2	0.38**	0.15	0.11	0.16	0.12	6.08	3	177	.00**
3	0.45**	0.20	0.16	0.17	0.05	4.23	2	175	.02*

* $p < .05$ (2-tailed), ** $p < .01$ (2-tailed).

Table 2. Un-standardised and standardised coefficients for each of the hierarchical multiple linear regression analyses when the RSES is represented by its positive and negatively worded subscales

	<i>B</i>	Std Error	<i>p</i>	<i>t</i>
Model 1				
Constant	2.17	0.04	-	62.63**
Age	-0.00	0.00	-0.17	-1.93
Gender	0.02	0.03	0.06	0.64
Model 2				
Constant	1.33	0.23	-	5.80**
Age	-0.00	0.00	-0.17	-2.04*
Gender	0.01	0.03	0.03	0.40
PBC	0.09	0.03	0.26	2.77*
Subjective Norm	-0.05	0.03	-0.21	-1.96*
Attitude	0.12	0.05	0.24	2.21*
Model 3				
Constant	1.34	0.23	-	5.96**
Age	-0.00	0.00	-0.18	-2.16*
Gender	0.01	0.03	0.02	0.28
PBC	0.10	0.03	0.28	3.07*
Subjective Norm	-0.05	0.03	-0.21	-2.05*
Attitude	0.11	0.05	0.22	2.06*
RSES Positive	0.01	0.01	0.07	0.78
RSES Negative	-0.01	0.01	0.25	-2.88*

Note: Behavioural Intention is the dependent variable. * $p < .05$ (2-tailed), ** $p < .01$ (2-tailed)

3.2 Hypothesis 2: Self-Esteem Can Predict Course Outcome after Controlling for TPB Components and Other Predictor Variables

Self-Esteem scores should also contribute to course outcome, that is, participants with lower initial Self-Esteem would also be more likely to produce a negative outcome. The analysis and prediction of dichotomous outcomes such as not completed ($N = 167$) or completed ($N = 44$) is best undertaken using logistic regression analyses. Our analyses again comprised of three models, with Model 1 (age and gender), Model 2 (PBC, Subjective Norm, and attitude) and Model 3 (Self-Esteem subscales at Time1) being identical to those employed in the linear regression analyses.

Table 3 displays the effectiveness of the three models in accounting for the data. A battery of Hosmer-Lemeshow (H-L) tests returned non-significant chi-square values for the three models, suggesting that each model constituted an adequate fit to the data. The relative goodness-of fit of the three models is assessed by computing best-fitting parameter estimates using Maximum Likelihood Estimation (MLE). By employing MLE, model selection criteria such as the Akaike Information Criterion (AIC) and the Bayesian Information Criterion (BIC) can be employed to adjust for model complexity (i.e., number of parameters). For all three models MLE was used to fit the logistic model (1) to data, and to provide maximum likelihood parameter estimates. The best-fitting parameters are found by minimizing the deviance, that is, the Log likelihood (LL) function multiplied by negative two [48]. The minimized deviance provides evidence in regards to which model most likely fits the data, but does so without respect to model complexity. Goodness-of-fit measures in themselves do not provide sufficient information with which to select a model, and an advantage of MLE is that it can be used with the AIC and BIC selection methods, both of which account for differences in the number of parameters among the models with the model with the lowest value of AIC or BIC being preferred, with the difference between the two being that the BIC penalizes free parameters more strongly than the AIC. It is evident from the final two columns of Table 3 that the three models are comparable in their ability to account for the data, though Model 3, the least parsimonious, has the lowest AIC and BIC values.

Table 3. Summary of the logistic regression analyses when the ten-item RSES is decomposed into two five-item subscales representing positively and negatively worded items

	-2 Log likelihood	H-L Test	p-value	AIC	BIC
Model 1	49.06	9.01	.25	55.06	55.83
Model 2	41.77	6.63	.58	55.77	57.55
Model 3	35.01	5.52	.70	53.01	55.30

Table 4. Un-standardised and standardised coefficients for each of the hierarchical multiple linear regression analyses when the RSES is represented by its positive and negatively worded subscales

	<i>B</i>	Std Error B	Wald	e^b	95% C.I. for e^b
Model 1					
Constant	3.45	1.15	8.92	31.38	
Age	-0.01	0.03	0.11	0.99	0.93 - 1.05
Gender	-0.16	0.86	0.03	0.86	0.16 - 4.59
Model 2					
Constant	-1.66	7.22	0.05	0.19	

Age	0.01	0.03	0.17	1.01	0.95 - 1.08
Gender	-0.31	0.93	0.11	0.74	0.12 - 4.55
BI	3.41	2.66	1.65	30.20	0.17 - 54.49
PBC	-2.09	1.46	2.04	0.12	0.01 - 2.17
Subjective Norm	-0.68	1.09	0.39	0.51	0.06 - 4.25
Attitude	3.24	1.70	3.66	25.62	0.92 - 71.31
Model 3					
Constant	-1.24	7.18	0.03	0.29	
Age	0.01	0.04	0.09	1.01	0.94 - 1.09
Gender	-0.25	0.97	0.07	0.78	0.12 - 5.16
BI	1.98	3.08	0.41	7.25	0.02 - 30.77
PBC	-1.98	1.36	2.12	0.14	0.01 - 1.98
Subjective Norm	-0.60	1.20	0.25	0.55	0.05 - 5.76
Attitude	3.61	1.98	3.32	36.89	0.76 - 83.66
RSES Positive	-0.14	0.21	0.45	0.87	0.58 - 1.30
RSES Negative	-0.33	0.15	4.58*	0.72	0.54 - 97.30

Note: Outcome (completed/uncompleted) is the dependent variable. * $p < .05$ (2-tailed)

Maximum likelihood parameter estimates are displayed in Table 4, both in raw form as logits (i.e., B) and as odds ratios (e^b), the latter accompanied by 95% confidence intervals. Positive values of B indicate that the predicted odds increase as the predictor value increases (i.e., a pass is more likely), while a negative coefficient means that the predicted odds decrease as the predictor decreases (i.e., completion is less likely). The odds ratios, which are conceptually easier to work with, are estimates of the change in the odds of membership to

the target group (here completing) for a one-unit increase in the predictor. The maximum likelihood parameter estimates displayed in Table 4 show that the only significant predictor variable contained is the negatively-worded subscale of the RSES, where the odds of completing are 2.1 times greater for a student who has a negative RSES score one unit greater than another student.

3.3 Hypothesis Three: Self-Esteem Will Improve Over Time, From Initiation to Termination of a Course

It is suggested that Self-Esteem should increase over the period of the course; therefore initial RSES subscale scores should indicate lower Self-Esteem than final scores. When analysing the positive component of the RSES, mean scores at Time2 ($M = 12.35$, $SD = 2.31$) were significantly higher

($t(205) = 4.59, p < .01$) than mean scores measured at Time1 ($M = 11.52, SD = 2.17$). The negative component of the RSES also showed this effect as mean scores at Time2 ($M = 10.04, SD = 3.39$) were significantly higher ($t(205) = 3.27, p < .01$) than at Time1 ($M = 9.25, SD = 2.99$).

3.4 Discussion

The ability of educational facilities to predict learner outcome would have a substantial impact on learning, especially in groups known for high rates of non-completion. Through this, the student would have the opportunity to be assessed for risk factors of non-completion and remedial steps could be put in place to mitigate these factors, improving the student's chance of achievement and leading to further employment or educational opportunities. The objective of this study was to identify those factors predicting both learner intention and educational outcome, and the results are now discussed with reference to those aims.

Findings supported the hypothesis that both the Theory of Planned Behavior (TPB) components and Self-Esteem predict intention to complete. After applying a hierarchical multiple linear regression analysis, the three components of TPB; Subjective Norm, Perceived Behavioural Control and Attitude had significant positive correlations to Behavioural Intent, above and beyond the covariates of age (also significant) and gender (not significant). Self-Esteem then proved itself an additional significant predictor, at least when the negative-worded subscale of the RSES was referenced.

In the TPB model, some have questioned the validity of the subjective norm component [16,19,31,49-50]. In the context of the current research, subjective norm, thought to be a major factor in these student's lives, was significant though not dominant. The attitude component is considered global in nature, and may be too general to predict specific intention [19]. However, in this study attitude was found to be a significant predictor of intent to complete education. Perceived Behavioural Control has been referred to as the most significant factor of the TPB for prediction of intent [10] and is confirmed as a dominant factor in this study.

Overall, the analysis showed Self-Esteem, combined with age, gender, and the TPB, provides predictive power above and beyond age and gender by itself, and age and gender combined with the TPB. These results justify the inclusion of Self-Esteem into the model of prediction of intent, and further support the work of Wang (2009), who suggested that extending the TPB with a more specific

variable would result in a more detailed behavioural prediction, the results of which outlined that the inclusion of Self-Esteem provided an improved model of intent to complete [42].

The hypothesis that the TPB and Self-Esteem would predict outcome was only partially supported, with only Self-Esteem predicting outcome. Using binary logistic regression the negatively phrased questions from the RSES emerged as significant predictors of outcome, although the positive RSES subscale did not. Those who responded strongly to the negatively worded questions of the RSES were 2.1 times more likely to achieve a positive outcome. Additionally, the inclusion of Self-Esteem into the variate produced a better model fit than when not included. Self-Esteem as a predictor of outcome has also been verified by Pepi et al. (2006), who found that Self-Esteem was influential in school achievement, especially significant in those groups of students who appeared to have consistently low Self-Esteem. They reported that Self-Esteem was related to socio-economic variables and correlated to academic achievement rate. Students in the study [27] faced similar social constraints and risks to those reported in the current study, thus offering convergent validity in relation to the importance of Self-Esteem and outcome in similar contexts.

Findings also supported the expectation that Self-Esteem will increase over the duration of the programme, with significant increases indicated by the ten item RSES scale and evidenced in both the negative and positively worded questions. Interestingly, individuals returned a clinically borderline level of Self-Esteem ($M=20.59$) when measured at the beginning of their programme, and a significantly higher level at completion ($M=22.36$), and we noted that there were no differences in Self-Esteem levels associated with age, gender or ethnicity. Results do, however, indicate a significantly low Self-Esteem overall with Self-Esteem at completion still only at a mean of 22.36. Indeed, the initial survey result indicated that 115 of the 211 learners had a score below the accepted clinical criteria (i.e., below 20) and at completion this had reduced to 104 learners. Further support of an overall low level of Self-Esteem has been established previously in first year university students in New Zealand, with these students producing the lowest mean score when comparing countries of similar independent cultural values [51]. This has been supported by other studies concluding that New Zealand, when compared to similar countries, has an overall low level of Self-Esteem [52]. The gratifying finding of this section of the study is that Self-Esteem did increase over the duration of the programmes, albeit a small but significant increase.

3.4.1 Limitations and future directions

All findings should be interpreted within the study's limitations. Statistically, the sample size of 211 students with only 37 failures may have elicited Type II errors due to insufficient power, restricting the ability to successfully predict the influence of TPB components and the RSES on outcome. However, with reference to Cohen and Cohen (1983), our sample size can be considered adequate given the number of variables that were included [53]. Additionally, students were only allowed to choose one item from a grouping of five categories to indicate intent to complete, which may have restricted the variability of this measure. Although this measure was supported by a previous study [9], other studies have successfully enlarged this scale [54]. A further consideration involves generalisability, with only one cohort of homogenous students researched, predominantly coming from the same geographical region and therefore with similar demographics, though age and ethnicity did vary.

This study supports further research into the use of Self-Esteem to predict outcome in education. Scales such as the RSES may be used by an institution to investigate risk to completion, providing that facility with an opportunity of working with identified learners and assisting them to achieve their goal of a positive outcome from tertiary education. Future research could reveal other factors relevant to non-achievement in education and further directions to mitigate these issues. A concern would be that tools measuring Self-Esteem could be used as a screening mechanism prior to enrolment, reducing the risk to the institution of having poor outcome results. This would ultimately serve to limit the already challenged learner's options for advancement, and refusal of entry into a normally accepting institution may compound their already low Self-Esteem [51].

It is also interesting to note that the questions that were negatively phrased in the RSES have proved the most sensitive, which in itself is not a novel finding. Baranik (2008) suggested that collectivist cultures may respond more strongly to negatively worded questions [51], and this may be a factor in the current study. The ethnic groupings found in the catchment area of the PTE; the Pasifika, and Asian peoples can also be described as collectivist, therefore this explanation as to the dominance of the negative worded questions would be more than mere conjecture.

4. CONCLUSION

This research adds to the education literature by further exploring factors predicting both intent to complete training programmes and actual outcomes.

Results showed that ratings on the components of the TPB; attitude, perceived behavioural control and subjective norm, were predictive of an individual's intention to complete their course of study. Our findings suggest that the use of a TPB based questionnaire could potentially be used by tertiary training institutes to anticipate a learner's intention to complete a programme, and may therefore prompt the identification and reduction of risk factors to non-completion. This research also identified that negatively worded items in the RSES sufficiently predicted intent to complete and learner outcomes; that is, individuals that strongly disagreed with the RSES negatively worded items, were more likely to identify positive intent to complete and to complete their course of study. This indicates that the use of self-esteem measures by tertiary training institutes may provide further information around the barriers to completion for an individual and provide a platform for possible intervention. Further studies are encouraged, as the ability to predict outcome in the adult learner would be a significant contributor to the individual, to the learning establishment, as well as to society.

ACKNOWLEDGEMENTS

The authors wish to thank the staff and learners of Corporate Academy Group of Manukau, Auckland.

ETHICAL APPROVAL

All authors hereby declare that all experiments have been examined and approved by the appropriate ethics committee and have therefore been performed in accordance with the ethical standards laid down in the 1964 Declaration of Helsinki.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Scott D. How does achievement at school affect achievement in tertiary education? (May). Wellington, N.Z: Tertiary Sector Performance Analysis and Reporting, Ministry of Education; 2008.

2. Middleton S. Failure – the expensive option. The cost of young people who do not succeed in school. Manukau, N.Z: Manukau Institute of Technology; 2009.
3. Godfrey C.S, Hutton S, Bradshaw J, Coles B, Craig G, Johnson J. Estimating the cost of being "Not in education, employment or training" at age 16-18 (Research Report 346). York: Department for Education and Skill, Social Policy Research Unit, University of York, University of Hull; 2002.
4. Hayes J. The Shameful Growth of a Generation of "NEETS". Manchester: The Guardian; 2007.
5. Bridgeland J.M, Dilulio J.J, Morison K.B. The silent epidemic: perspectives of high school dropouts. Portland: Bill and Melinda Gates Foundation; 2006.
6. Snyder H, Sickmund M. Juvenile Offenders and Victims: 1999 National Report. Pittsburgh, P.A: Office of Juvenile Justice and Delinquency; 1999. Accessed on 8 August 2009. Available: <http://www.ncjrs.org/html/ojjdp/nationalreport99/toc.html>
7. Fielding A, Belfield C.R, Thomas H.R. The consequences of drop-outs on the cost- effectiveness of 16-19 colleges. Oxford Review of Education. 1998;24(4):487-511.
8. Ussher S. Post-school Choices, Analysing the Influence of Academic Achievement on Tertiary Education Choices of School Leavers. Wellington, NZ: Ministry of Education; 2008.
9. Francis J.J, Eccles M.P, Johnston M, Walker A, Grimshaw J, Foy R, et al. Constructing questionnaires based on the Theory of Planned Behavior: a manual for health services researchers. Newcastle: Centre for Health Services Research, University of Newcastle; 2004.
10. Davis L, Ajzen I, Saunders J, Williams T. The decision of African American students to complete high school: an application of the theory of planned behavior. Journal of Educational Psychology. 2002;94(4):810-819.
11. Martinez C, DeGarmo D, Eddy M. Martinez promoting academic success among Latino youths. Hispanic Journal of Behavioral Sciences. 2004;26(2):128-151.
12. Whitesell NR, Mitchell CM, Spicer P. A longitudinal study of Self-Esteem, cultural identity, and academic success among American Indian adolescents. Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2009;15(1):38-50.
13. Rennison J, Maguire S, Middleton S, Ashworth K. Young people not in education, employment or training: evidence from the education maintenance allowance pilots database (RR628). Loughborough:

- Loughborough University Centre for Research in Social Policy, Department for Education and Skills; 2005.
14. Stinebrickner R, Stinebrickner T. Understanding educational outcomes of students from low income families. Evidence from a liberal arts college with a full tuition subsidy programme. *The Journal of Human Resources*. 2003;38(3):591-617.
 15. Fazekas A, Senn CY, Ledgerwood DM. Predictors of intention to use condoms among university women: an application and extension of the Theory of Planned Behavior. *Canadian Journal of Behavioural Science*. 2001;33(2): 103-117.
 16. White KM, Thomas I, Johnston KL, Hyde MK. Predicting attendance at peer-assisted study sessions for statistics: role identity and the theory of planned behavior. *The Journal of Social Psychology*. 2008;148(4):473-491.
 17. Zimmerman BJ, Bandura A. Impact of self-regulatory influences on writing course attainment. *American Educational Research Journal*. 1994;31(4):845-862.
 18. Kraus SJ. Attitudes and the prediction of behaviour: a meta-analysis of the empirical literature. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1995;21(1):58-75.
 19. Ajzen I, Cote NG. Attitudes and the Prediction of Behavior. In Crano, W.D. & Prislin, R. editors. *Attitudes and Attitude Change*. New York: Psychology Press; 2008.
 20. Pooley JA, O'Connor M. Environmental education and attitudes: emotions and beliefs are what is needed. *Environment and Behavior*. 2000;32(5):711-723.
 21. Meinhold J.L, Malkus A.J. Adolescent environmental behaviors: can knowledge, attitudes, and self-efficacy make a difference? *Environment and Behavior*. 2005;37(4):511-532.
 22. Healey A, Knapp M, Farrington D.P. Adult labour market implications of antisocial behaviour in childhood and adolescence: findings from a UK longitudinal study. *Applied Economics*. 2004;36(2):93-105.
 23. Rosenberg M. *Society and the adolescent self-image* (revised edition). Middletown, C.T, England: Wesleyan University Press; 1965.
 24. Baumeister R.F, Campbell J.D, Krueger J.I, Vohs K.D. Does high Self-Esteem cause better performance, interpersonal success, happiness, or healthier lifestyles? *Psychological Science in the Public Interest*. 2003;4(1):1-44.

25. Petersen I, Louw J, Dumont K. Adjustment to university and academic performance among disadvantaged students in South Africa. *Educational Psychology*. 2009;29(1):99-115.
26. Jaret C, Reitzes D. Currents in a stream: college student identities and ethnic identities and their relationship with Self-Esteem, efficacy, and grade point average in an urban university. *Social Science Quarterly*. 2009;90(2):345-367.
27. Pepi A, Faria L, Alesi M. Personal conceptions of intelligence, self esteem, and school achievement in Italian and Portuguese students. *Adolescence*. 2006;41(164):615-632.
28. Baumeister R.F, Tice D.M. Self-Esteem and responses to success and failure: subsequent performance and intrinsic motivation. *Journal of Personality*. 1986;53(3):450-467.
29. Lane J, Lane A.M, Kyprianou A. Self-efficacy, Self-Esteem and their impact on academic performance. *Social Behavior and Personality*. 2004;32(3):247-256.
30. Pritchard M, Wilson G. Predicting academic success in undergraduates. *Academic Exchange Quarterly*. 2007;11(1):201-207.
31. Ajzen I. The Theory of Planned Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991;50:179-211.
32. Phillips P, Abraham C, Bond R. Personality, cognition, and university students examination performance. *European Journal of Personality*. 2003;17:435-448.
33. Cammock T, Carragher N, Prentice G. Undergraduate intentions to apply to the Northern Ireland civil service: the application of a Theory of Planned Behavior model. *European Journal of Social Psychology*. 2009;39:401-414.
34. Ajzen I. Perceived behavioral control, self-efficacy, locus of control, and the theory of planned behavior. *Journal of Applied Social Psychology*. 2002;32(4):665-68.
35. Tashakkori A. Gender, ethnicity, and the structure of the Self-Esteem: an attitude theory approach. *Journal of Social Psychology*. 1992;133(4):479-488.
36. Bandura A. Self-efficacy mechanism in human agency. *American Psychologist*. 1982;37(2):122-147.
37. Araujo-Soares V, McIntyre T, Sniehotta F. Predicting changes in physical activity among adolescents: the role of self-efficacy, intention, action planning and coping planning. *Health Education Research*. 2009;24(1):128-139.

38. Rodgers W.M, Conner M, Murray T.C. Distinguishing among perceived control, perceived difficulty, and self-efficacy as determinants of intentions and behaviours. *British Journal of Social Psychology*. 2008;47:607-630.
39. Wood M.E. Theoretical framework to study exercise motivation for breast cancer risk reduction. *Oncology Nursing Forum*. 2008;35(1):89-95.
40. Wilkinson D, Abraham C. Constructing an integrated model of the antecedents of adolescent smoking. *British Journal of Health Psychology*. 2004;9:315-333.
41. Bryan A, Kagee A, Broaddus M.R. Condom use among South African adolescents: developing and testing theoretical models of intentions and behavior. *AIDS Behavior*. 2006;10:387-397.
42. Wang X. Integrating the theory of planned behavior and attitude functions: implications for health campaign design. *Health Communication*. 2009;24(5):426-434.
43. Tertiary Education Commission. Tertiary Education in New Zealand. 2010. Accessed 20 July 2009. Available: <http://www.tec.govt.nz>
44. Ajzen I. Attitudes, Personality, and Behavior. Chicago: Dorsey Press; 1988.
45. Owens T.J. Accentuate the positive-and the negative: rethinking the use of Self- Esteem, self-deprecation, and self-confidence. *Social Psychology Quarterly*. 1993;56(4):288-299.
46. Gray-Little B, Williams VSL, Hancock T.D. An item response theory analysis of the Rosenberg Self-Esteem scale. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1997;23(5):443-451.
47. Tafarodi R.W, Milne A.. Decomposing global Self-Esteem. *Journal of Personality*. 2002;70(4):443-484.
48. Myung I.J. Tutorial on maximum likelihood estimation. *Journal of Mathematical Psychology*. 2003;47:90-100.
49. Armitage C.J, Conner M. Efficacy of the Theory of Planned Behavior: a meta-analytic review. *British Journal of Social Psychology*. 2001;40:471-499.
50. Armitage C.J, Conner M. The Theory of Planned Behavior: assessment of predictive validity and 'perceived control'. *British Journal of Social Psychology*. 1999;38:35-54.
51. Baranik L.E, Lakey C.E, Lance C.E, Hua W, Meade A.W, Hu C, Michalos A. Examining the differential item functioning of the Rosenberg Self-Esteem scale across eight countries. *Journal of Applied Social Psychology*. 2008;38(7):1867-1904.

52. Rusticus S.A, Hubley A.M, Zumbo B.D. Cross-national comparability of the Rosenberg Self-Esteem scale. Vancouver, BC, Canada: University of British Columbia; 2004.
53. Cohen J, Cohen P. Multiple Regression/Correlation Analysis for the Behavioral Sciences. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates; 1983.
54. Ajzen I, Driver B.L. Contingent value measurement: On the nature and meaning of willingness to pay. *Journal of Consumer Psychology*. 1992;1(4):297-316.

Appendix A

Means, Standard Deviations, Corrected item-total correlation, and Cronbach's alpha (α_c) if-item-deleted, for the RSES data obtained at two distinct time points (Time1 and Time2)

Item	N	Corrected Item- Total		Correlation	α_c if- Item-Deleted
		\bar{x}	SD		
		Time1			
RSES 1	204	1.67	0.57	0.39	.75
RSES 2	209	1.68	0.56	0.40	.75
RSES 3	203	1.93	0.82	0.38	.75
RSES 4	209	1.83	0.68	0.33	.76
RSES 5	208	2.11	0.93	0.34	.76
RSES 6	210	1.60	0.60	0.50	.74
RSES 7	211	1.80	0.64	0.49	.74
RSES 8	209	2.54	0.98	0.38	.76
RSES 9	211	2.26	0.87	0.60	.72
RSES 10	210	1.99	0.88	0.57	.72
		Time2			
RSES 1	172	1.45	0.60	0.49	.79
RSES 2	173	1.49	0.60	0.43	.80
RSES 3	172	1.86	0.86	0.49	.79
RSES 4	173	1.61	0.60	0.40	.80
RSES 5	173	1.94	0.91	0.45	.80
RSES 6	173	1.53	0.60	0.46	.80
RSES 7	173	1.58	0.66	0.48	.80
RSES 8	173	2.21	0.97	0.54	.79
RSES 9	172	2.07	0.87	0.60	.78
RSES 10	173	1.89	0.88	0.60	.78

Means, Standard Deviations, Corrected item-total correlation, and Cronbach's alpha (α_c) if item deleted, for components of the Theory of Planned Behavior questionnaire

	<i>N</i>	\bar{x}	<i>SD</i>	Corrected Item- Total Correlation	α_c if Item Deleted
Perceived Behavioral Control					
TPB 1	197	4.06	1.17	.27	.67
TPB 2	197	3.82	1.14	.36	.66
TPB 3	197	3.86	1.20	.29	.67
TPB 4	197	4.31	1.05	.44	.65
TPB 5	197	3.96	1.24	.35	.66
TPB 6	197	4.19	1.07	.27	.67
TPB 7	197	3.94	1.31	.39	.65
TPB 8	197	4.26	1.32	.30	.67
TPB 9	197	4.08	1.24	.37	.65
TPB 10	197	4.13	1.14	.42	.65
Subjective Norm					
TPB 11	206	4.58	0.92	.75	.90
TPB 12	206	4.49	1.01	.72	.90
TPB 13	206	4.46	1.07	.73	.90
TPB 14	206	4.50	1.06	.69	.90
TPB 15	206	4.08	1.30	.52	.91
TPB 16	206	4.32	1.09	.71	.90
TPB 17	206	4.49	0.99	.71	.90
TPB 18	206	4.44	1.04	.73	.90
TPB 19	206	4.33	1.06	.75	.90
TPB 20	206	3.80	1.42	.55	.91
Attitude					
TPB 21	211	4.76	.72	.74	.84
TPB 22	211	4.75	.68	.70	.85
TPB 23	211	4.68	.83	.73	.84
TPB 24	211	4.57	.86	.69	.85
TPB 25	211	4.59	.84	.68	.86

Appendix B

Rosenberg (1965) Self-Esteem Scale (RSES) communalities and factor loadings for two measurement time points (Time1 and Time2)

Item	Time1 ($\lambda = 34.124\%$)		Time2 ($\lambda = 37.879\%$)		Component 2 ($\lambda = 18.694\%$)
	Communality	Component 1	Component 2	Communality	
RSES2	0.60	<u>0.77</u>	0.01	0.53	0.12
RSES1	0.56	<u>0.75</u>	0.03	0.62	0.15
RSES6	0.56	<u>0.72</u>	0.21	0.60	0.10
RSES4	0.45	<u>0.67</u>	0.00	0.49	0.11
RSES7	0.51	<u>0.67</u>	0.23	0.58	0.15
RSES8	0.59	0.06	<u>0.77</u>	0.67	<u>0.81</u>
RSES9	0.58	0.35	<u>0.68</u>	0.59	<u>0.74</u>
RSES3	0.46	0.02	<u>0.67</u>	0.51	<u>0.71</u>
RSES10	0.55	0.35	<u>0.66</u>	0.62	<u>0.76</u>
RSES5	0.38	0.01	<u>0.62</u>	0.45	<u>0.66</u>

Evsyukov Alexander, candidate of pedagogical sciences, associate professor, Associate Professor of the Ukrainian and Russian languages, Kharkov State Agrarian University named after V.V. Dokuchayev

Diagnosis levels of professional-pedagogical competence of the future teachers

Євсюков Олександр, кандидат педагогічних наук, доцент, доцент кафедри української та російської мов Харківського національного аграрного університету імені В.В.Докучаєва

Діагностика рівнів сформованості професійно-педагогічної компетентності майбутніх викладачів

Науково обґрунтований аналіз професійно-педагогічної компетентності майбутнього викладача є основою вдосконалення навчального процесу. Аналізуючи діяльність майбутніх викладачів, ставлять головною мету – побачити зв'язок між діяльністю майбутнього викладача і результатами його праці, які проявляються в розумовому розвитку магістрантів, культурі ерудиції, умінні використовувати теорію на практиці, що здійснюють майбутні викладачі в період науково-педагогічної практики.

Проблеми педагогіки вищої школи розглядаються в роботах Л. Артемової, Т. Борової, М. Буланової-Топоркової, О. Вишневського, С. Гончаренка, Л. Журавської, М. Згуровського, Н. Кулаковської, В. Михайловського, Л. Нечепоренко, П. Олійника, В. Оргинського, В. Паламарчук, І. Підласого, Л. Поважної, Г. Полякової, В. Федорченко, М. Фіцули та ін.

У сучасних умовах потрібно взяти до уваги досвід вищих навчальних закладів Росії і України, які готують фахівців не педагогічних спеціальностей щодо організації науково-педагогічної практики в магістратурі. Мета такої практики – формування і розвиток професійних знань і навичок у магістрантів у сфері вибраної спеціальності, забезпечення безперервності та послідовності оволодіння ними професійною діяльністю у відповідності з вимогами до рівня підготовки випускників. До завдань науково-педагогічної практики входять закріплення і поглиблення отриманих теоретичних знань за загальнопрофесійними і спеціальними дисциплінами, отримання необхідних практичних умінь і навичок викладання[3; 11].

Слід чітко виділити вимоги до аналізу діяльності майбутнього викладача. По-перше, будь-які факти, отримані під час аналізу його діяльності, мають бути осмислені,

приведені до нової ідеї, з якої пізніше викристалізуються рекомендації. По-друге, завжди важливо виявляти співвідношення між витраченими педагогічними зусиллями і результатами роботи майбутнього викладача. Інколи майбутній викладач досягає високих результатів за рахунок додаткових занять (наприклад факультативних), перевантаження самостійною роботою, тобто успіх здобувається завдяки перенапруженню сил. Високі результати в цьому випадку не можуть бути оцінені позитивно, тому, що досягаються за рахунок зниження якості навчання з інших предметів, вносять дисгармонію в навчальний процес. По-третє, вивчається виховний вплив, його рівень. Нарешті важливо виявити здібності майбутнього викладача до самоаналізу і самооцінки своєї діяльності, тому що від цього залежить зростання його педагогічної майстерності, ставлення до критики на свою адресу, вимогливість до своєї діяльності.

Отже, можна виділити чотири напрями діагностики професійно-педагогічної компетентності майбутнього викладача:

- 1) раціональне використання досвіду, традиційних методик;
- 2) оволодіння новими методами і прийомами навчальної діяльності;
- 3) розумне поєднання їх під час розкриття конкретного змісту матеріалу;
- 4) здійснення зворотного зв'язку із самоаналізу, самооцінки професійно-педагогічної діяльності.

У навчально-виховному процесі основним критерієм ефективності педагогічної праці є засвоєння і використання майбутніми викладачами провідних ідей науки на основі розвитку творчого мислення. Удосконалення навчального процесу, підвищення вихованості і майстерності - прийнято вважати основними показниками ефективності заняття. Перший важливий показник результативності навчально-виховного процесу – обсяг і якість знань. Знання становлять основний фундамент людської культури, на основі якої реалізується будь-яка діяльність людей. Практичні вміння і навички – другий важливий показник ефективності заняття, позаяк знання отримують реальне втілення через уміння і навички діяльності. Інтелектуальний розвиток майбутнього викладача – третій показник ефективності заняття. Здобуваючи знання, вміння і формуючи навички, молоде покоління викладачів водночас вчиться систематизувати, узагальнювати і використовувати отримані відомості для досягнення різноманітних практичних цілей. У цьому процесі розвивається пам'ять, мова, мислення, увага, тобто вдосконалюються всі пізнавальні процеси і здібності. Уміння використовувати теоретичні знання на практиці – четвертий показник ефективності заняття. Самі собою знання і вміння не мають цінності, якщо в різноманітній практичній діяльності майбутні викладачі не в змозі їх використати. Застосування знань водночас характеризує і якість їх засвоєння, і рівень розвитку інтелекту магістранта, і його практичний досвід, сформованість умінь і навичок.

У результаті проведення діагностики на базі науково обґрунтованої системи критеріїв може бути сформована узагальнена характеристика майбутнього викладача та його діяльності. Така характеристика містить нормативне ядро та індивідуалізовану оболонку. Нормативне ядро – стандартизована оцінка майбутнього викладача відповідно до чітко визначеного переліку показників, що дає можливість порівняти професійні досягнення. Оболонка утворюється з довільного переліку параметрів, які характеризують індивідуальний стиль педагогічної діяльності кожного майбутнього викладача. Поєднання

нормативного ядра з особистою динамічною оболонкою може надати атестаційній характеристиці майбутнього викладача необхідну життєвість та автентичність.

Як зазначалося, головною передумовою діагностики професійно-педагогічної компетентності майбутнього викладача є вибір критеріїв і показників, за якими й буде проводитися оцінка ефективності діяльності магістранта.

До основних критеріїв оцінки діяльності майбутнього викладача належать:

- 1) професійні знання предмета викладання;
- 2) знання основ педагогіки, психології, вікової фізіології;
- 3) рівень володіння методикою викладання;
- 4) уміння використовувати професійний і новаторський досвід, методичне новаторство, власні інноваційні знахідки;
- 5) особисті професійні якості (здатність до творчості, імпровізації, індивідуальний творчий пошук, неординарність, комунікативність, гуманізм, демократизм, організаторські здібності);
- 6) результативність навчання;
- 7) ставлення до педагогів.

Важливим показником професійно-педагогічної компетентності слугують знання, якими має володіти майбутній викладач для раціональної організації навчальної діяльності:

1. Чітко визначити і поставити перед студентами цілі і завдання їх діяльності на занятті.
2. Правильно обрати прийоми, методи, обладнання для реалізації поставлених завдань, раціонально їх використовувати.
3. Скласти продуманий, чіткий, точний план роботи на занятті. Кожний етап заняття точно розрахувати за часом. У процесі навчання здійснювати диференційований підхід до студентів.
4. Нормувати самостійні заняття студентів за часом і вчити їх вкладатися з виконанням робіт у точно визначений час. Раціонально та економно використовувати навчальний час.

5. Систематично здійснювати облік роботи і контроль за роботою студентів. Ширше вводити в практику тематичний облік знань студентів з усіх предметів.

6. Удосконалювати систему стимулів до навчання, ефективно її використовувати.

Ефективність організації майбутнім викладачем навчальної діяльності із засвоєння студентами знань та використання їх на практиці оцінюється на основі таких проявів:

- 1) вільна орієнтація в навчальному матеріалі, знання суттєвого, головного й уміння відділити його від другорядного;
- 2) уміння аналізувати реальні явища за допомогою провідних ідей науки, основної інформації, отриманої в процесі навчання;
- 3) врахування своїх можливостей, реальних сил і здібностей під час планування практичних дій;
- 4) точність і дієвість використовуваних знань під час розв'язання практичних завдань;
- 5) оцінка якості своєї педагогічної праці.

Зростання педагогічної майстерності майбутнього викладача – необхідний показник якості навчально-виховної роботи. Навчальний процес максимально змінює самого викладача, якщо він позитивно впливає на студентів, забезпечує єдність освіти, виховання і розвиток.

Ознаками зростання педагогічної майстерності майбутнього викладача на занятті є:

- 1) чіткість визначення і диференціація завдань навчального заняття;
- 2) забезпечення наступності в засвоєнні змісту освіти;
- 3) творчий характер методів навчання з врахуванням особливостей навчального матеріалу і здібностей студентів;
- 4) допомога студентам у подоланні труднощів у навчанні;
- 5) наявність високої працездатності студентів на заняттях за рахунок дотримання норм гігієни, врахування можливостей студентів;
- 6) уміння займатися психологічною самоосвітою і постійно вдосконалювати навчальний процес на основі наукових досягнень.

Показниками оцінки професіоналізму вчителя є:

- 1) уміння лаконічно, образно і виразно подати матеріал;
- 2) уміння показати багатоплановість і багатофункціональність діяльності;
- 3) уміння розв'язати складну педагогічну ситуацію;
- 4) винахідливість, акторські якості, почуття гумору і чуття міри;
- 5) захопленість професією, співчуття і повага до студентів.

Таким чином, нами представлені основні показники оцінювання рівнів сформованості професійно-педагогічної компетентності у майбутніх викладачів вищої школи.

Список літератури

1. Асистентська та наукова практика: метод. рек. (Запорізький нац. ун-т) [Електрон. ресурс]. – Режим доступу: [http:// sites.znu.edu.ua](http://sites.znu.edu.ua)
2. Положение об организации научно-педагогической практики в магистратуре (Санкт-Петербургский государственный университет, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, факультет журналистики) [Електрон. ресурс]. – Режим доступу: www.jf.spbu.ru/upload/files/file_1327745276_7152.doc.

Alexander Treshchev,
Astrakhan State University, Full Professor of the
department of pedagogy and continuing professional education,
Irina Romanovskaia,
Astrakhan State University, head of the
department of pedagogy and continuing professional education,
Olga Sergeeva,
Astrakhan State University, assistant professor of the
department of the English language for humanities

The research of the influence of lean manufacturing tools on the development of students' ability of creating products and systems

Трещёв Александр,
Астраханский государственный университет,
профессор кафедры педагогики и непрерывного
профессионального образования,
Романовская Ирина,
Астраханский государственный университет,
заведующий кафедрой педагогики и непрерывного
профессионального образования,
Сергеева Ольга,
Астраханский государственный университет,
доцент кафедры английского языка для
гуманитарных специальностей

Исследование влияния инструментов Бережливого производства на развитие у обучающихся способности в создании продуктов и систем

Происходящие в российском обществе социально-экономические преобразования требуют адекватных изменений в системе профессионального образования и ставят особую задачу перед университетами: интеграция образовательного процесса с научными исследованиями, инновационной деятельностью и предпринимательством в сфере высоких технологий.

В современном обществе сформировалось четкое представление об университетах как об инновационных центрах, которые обеспечивают компании квалифицированными

кадрами, являются для них источником фундаментальных и прикладных исследований, новых технологий. При этом университету необходимо решать задачу коммерциализации результатов научных изысканий, занимаясь лицензированием разработок и запуском инновационных венчурных проектов (стартапов). Студентам важно как получать фундаментальные теоретические знания, так и обучаться предпринимательству с целью дальнейшей реализации амбициозных идей на производстве, в реальном секторе экономики.

Следовательно, значимым представляется включение в университетское образование курсов, позволяющих студентам получить представление о современных производственных системах и менеджменте мировых лидеров бизнеса.

К наиболее изучаемым в зарубежных вузах производственным системам, появившимся в конце прошлого века и оказавшим значительное влияние на конкурентоспособность компаний, относятся концепция бережливого производства и методология шести сигм.

Концепция бережливого производства зародилась в недрах автомобильной компании Toyota, которая создала свою производственную систему, базирующуюся на устранении видов деятельности, не создающих дополнительной ценности. Производственная система компании Toyota предусматривает вовлечение в процесс оптимизации бизнеса всех сотрудников, а также максимальную ориентацию на потребителя.

В основе методологии шести сигм (6σ) новые подходы к стандартизации методов учета дефектов компании Motorola. В идеале производство, организованное с учетом методологии 6σ , должно было выпускать продукты, практически не имеющие изъянов.

Астраханский государственный университет, отвечая новым вызовам времени, стал обучать принципам бережливого производства студентов бакалаврских и магистерских программ, слушателей программ подготовки и переподготовки кадров, к которым относятся представители бизнеса, органов государственной и муниципальной власти, руководители различных учреждений.

Учебный процесс выстраивается нами на основе стандартов Всемирной инициативы CDIO, одним из авторов которой является профессор авиационной, аэрокосмической и инженерных систем Массачусетского технологического института (США) Э. Кроули [1]. CDIO представляет собой крупный международный проект по реформированию инженерного образования, который был запущен в 2000 г. Видением проекта является предоставление студентам образования, которое подчеркивает инженерные основы, изложенные в контексте жизненного цикла реальных систем, процессов и продуктов «Задумай – Спроектируй – Реализуй – Управляй».

Поскольку CDIO создаёт необходимый контекст профессионального образования, прописывает общую философию образовательных программ и учебных планов, предусматривает использование активных форм обучения с целью включения студентов в решение практико-ориентированных заданий, предполагает развитие у преподавателей состава педагогических компетенций и умений создавать продукты и системы, а также аудит и оценку программ и успеваемости студентов, это дало нам основание использовать философию Всемирной инициативы CDIO не только для совершенствования практики инженерного образования.

Учебный процесс, организованный в Астраханском государственном университете, ориентирован на моделирование предметного и социального содержания профессионального труда, что способствует преобразованию учебной деятельности студента в профессиональную деятельность специалиста.

Двенадцать стандартов CDIO легли в основу разработанной нами образовательной программы «Бережливое производство + 6 сигм». Программа курса рассчитана на 36 часов и направлена на углубление у обучающихся знаний в области современного производственного менеджмента и формирование навыков и компетенций для профессионального участия в разработке тактики и стратегии развития компаний, повышение их конкурентоспособности. Занятия проводятся в форме группового обсуждения задач, презентаций в аудитории, совместных решений концептуальных вопросов, что способствует развитию у студентов критического мышления.

Обучающиеся учатся устанавливать причинно-следственные связи; анализировать новые идеи и знания в контексте уже имеющихся; отвергать ненужную или неверную информацию; понимать, как различные части информации связаны между собой; выделять ошибки в рассуждениях; избегать категоричности в утверждениях; определять ложные стереотипы, ведущие к неправильным выводам.

Подходы CDIO наиболее эффективны при организации и проведении симуляционной игры «Организация производства», которая является составной частью образовательной программы «Бережливое производство + 6 сигм». В отличие от традиционных форм обучения бизнес-симуляция позволяет получить конкретный опыт постоянного совершенствования бизнес-процессов.

В ходе игры, которая проходит в несколько раундов, участники апробируют новые подходы, создавая «производство на столе», которое должно отвечать жестким условиям «рынка», моделируемым в этой симуляции. В процессе моделирования (сборки трех моделей автомобилей Lego) происходит развертывание стадий «Понимание – Проектирование – Реализация – Управление».

На первой стадии «*Понимание*» вместо разработки идеи (соответствующий первый шаг нового проекта) участники игры должны будут прийти к пониманию состояния процесса и потребностей потребителей, нарисовать карту потока продукции.

Вторая стадия, «*Проектирование*», предполагает определение студентами объемов потребностей пользователей, проведение коллективного обсуждения возможных подходов к проблеме, поиск «узких мест» моделируемой системы и пр.

Идея третьей стадии, «*Реализации*», подобна стадии проектирования, однако здесь происходит фактическое внедрение проекта, и студенты приобретают различный набор практик, во время которых осуществляется их анализ.

На стадии «*Управление*» студенты сталкиваются с решением вопросов, связанных с обнаружением и исправлением дефектов как самих изделий, так и отклонений в поставке товара заказчику в установленные сроки.

В условиях игры студенты обучаются практическому применению философии бережливого производства, осознают преимущества коллективных действий, направленных на улучшение производственных систем, знакомятся с функционированием инструментов Lean Manufacturing [2], разрабатывают стратегический план преобразований и внедрения философии в моделируемой ситуации и др.

Для определения уровней развития компетенций обучающихся в начале освоения курса и после его изучения студентам предлагалась анкета для самооценки развития компетенций в области бережливого производства. В основе нашего исследования четырёхступенчатая эмпирическая модель процесса обучения и усвоения человеком новой информации (Experiential Learning Model), разработанная английским ученым Дэвидом А. Колбом (David A. Kolb) и его коллегами из Case Western Reserve University. Усовершенствовав модель, мы использовали способ пятиуровневого построения системы управления по компетенциям, в соответствии с которым выделяем пять степеней их выраженности:

- a) нулевой уровень (не имею представления и знаний);
- b) уровень понимания (имею четкие представления);
- c) базовый уровень (имею знания и применяю отдельные инструменты в профессиональной деятельности);
- d) уровень опыта (имею знания, применяю их в профессиональной деятельности и могу передать опыт другим);
- e) уровень мастерства (имею знания, применяю их в профессиональной деятельности, могу передать опыт другим, способен внедрять новшества).

Специфика выделения названных уровней связана с соответствующими уровнями освоения знания: понимание, осмысление, воспроизведение, применение, усовершенствование [3].

В опросе приняли участие 448 человек, из них 325 – обучающиеся по магистерским программам (группа 1) и 123 – представители бизнеса, власти, руководители учреждений социальной сферы, обучающиеся по программам повышения квалификации и переподготовки (группа 2).

Результаты самоанализа «входа» и «выхода» представлены в таблице.

Таблица

	Нулевой уровень (%)		Уровень понимания (%)		Базовый уровень (%)		Уровень опыта (%)		Уровень мастерства (%)	
	Гр. 1	Гр. 2	Гр. 1	Гр. 2	Гр. 1	Гр. 2	Гр. 1	Гр. 2	Гр. 1	Гр. 2
«Вход»	99,4	75,6	0,6	20,4	0	1,6	0	2,4	0	0
«Выход»	0	0	67,7	0	30,8	51,2	1,2	39	0,3	9,8

Результаты, полученные в ходе самоанализа, убедительно доказывают положительное влияние разработанного и внедренного в образовательный процесс Астраханского государственного университета курса на развитие компетенций обучающихся. Однако результаты группы 2 значительно выше, чем в группе 1. Этот факт объясняется, что обучающиеся группы 2 имеют профессиональный опыт, являются топ-менеджерами, и именно от них зависит эффективность внедряемых систем организации производства.

Также самоанализу развития компетенций в области бережливого производства была подвергнута и группа преподавателей (93 человека), которые прошли подготовку через систему организационного обучения. Обучение преподавателей строилось на стандартах Всемирной инициативы CDIO, и к концу освоения курса 87% преподавателей

были отнесены к уровню опыта, а 10% - к уровню мастерства и только 3% преподавателей остались на базовом уровне.

Результаты проведенного исследования показали, что эффективность курса «Бережливое производство и 6 сигм» возрастает благодаря организации повышения квалификации преподавателей, включению обучающихся в различные виды и формы активного обучения, организации посещения обучающимися предприятий, внедряющих концепцию бережливого производства. Вместе с тем это позволяет развивать инновационную деятельность университета, к которой относится создание технопарка, инновационных центров, малых инновационных предприятий на базе вуза, а также актуализировать взаимодействие с малым, средним и крупным бизнесом посредством выполнения хоздоговорных работ, вовлечение студентов в реальные патентно-инновационные и производственные процессы.

Список литературы:

1. Crawley E. F., Brodeur D. R., Soderholm D. H. The education of future aeronautical engineers: conceiving, designing, Implementing and operating, Massachusetts Institute of Technology, Department of Aeronautics and Astronautics, Cambridge, Massachusetts, 2006.
2. Lean Thinking as applied to the adult education environment. Int. J. Human Resources Development and Management, 2010, 10, 51-62.
3. Wright M., «What Should Students Learn about Manufacturing?» Technology and Children, Volume 5, Issue 3 (2001), p. 2-3.

*Chikov Alexandr, associate professor, PhD,
Chikova Svetlana, associate professor, PhD,
Kovalchuk Alina, graduate student,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Institute of Physical Education, Sport and Health*

Distribution of body weight during rotations in figure skating

*Чиков Александр, доцент, к.б.н.,
Чикова Светлана, доцент, к.б.н.,
Ковальчук Алина, магистрант,
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова,
институт физической культуры, спорта и здоровья*

Распределение массы тела во время выполнения вращений в фигурном катании

Актуальность. Выполнение вращений (пируэтов) фигуристами во время катания является важной составляющей программы фигуристов. Пируэты разнообразят программу, позволяют спортсмену продемонстрировать способность сохранять равновесие в сложной позиции при быстром вращении [1]. Пируэты назад наиболее точно имитируют движения тела в полете при выполнении прыжков, поэтому они важны как подготовительные упражнения [1]. От техники вращений зависит количество баллов, получаемые за программу, а, следовательно, и место, занимаемое фигуристом во время соревнований. Все это показывает, насколько актуально изучение биомеханических показателей выполнения пируэтов.

Цель исследования – изучить перемещение центра массы тела во время выполнения различных вариантов вращений в фигурном катании.

Методы исследования. Определения центра массы тела (ЦМТ), его перемещение и давление стопы мы проводили с использованием тензометрических стелек аппаратно-программного комплекса "ДиаСлед-М-Скан". Данные стельки позволяют определять перемещение ЦМТ и распределение давления стопы во время выполнения различных движений, в частности вращения. Для этого стельки вставляются в ботинки фигуриста и во время вращения данные передаются на компьютер с помощью WiFi сигнала. Частота регистрации показателей составляет 10c^{-1} , таким образом, мы получаем довольно точные показатели перемещения ЦМТ и давления стопы.

Для оценки амплитуды колебания ЦМТ тела нами были взяты показатели описательной статистики в частности координаты ЦМТ по оси X и Y, среднее квадратическое отклонение (σ) по оси X и Y, которое характеризует степень отклонения ЦМТ во время вращения и среднее давление стопы.

Для анализа вращений мы взяли следующие элементы:

1. Пируэт назад стоя с прямой ногой вперед.
2. Пируэт назад стоя (винт)
3. Пируэт вперед в положении ласточка
4. Пируэт вперед в приседе (складка)

Обсуждение результатов исследования. Анализируя координаты ЦМТ мы видим, что самые большие значения по оси X $147,0 \pm 0,25$ мм наблюдаются в пируэте назад стоя с прямой ногой вперед (1), следует отметить что центр (относительный ноль) находится на пятке спортсмена. Наименьшие показатели видны в пируэте вперед в приседе (складка) (4) и вперед в положении ласточка (3), $36,2 \pm 1,04$ мм и $47,1 \pm 0,04$ мм соответственно. Такое размещение ЦМТ становится очевидным при рассмотрении положения частей тела при выполнении этих вращений и можно предполагать на какой части лезвия выполняется пируэт (табл.1).

Таблица 1.

Биомеханические показатели выполнения различных пируэтов фигуристом

Элемент вращения*	Координаты по оси X, мм	Координаты по оси Y, мм	σ по оси X, мм	σ по оси Y, мм	Давление, г
1	$147,0 \pm 0,25$	$84,3 \pm 1,13$	3,60	16,23	44897 ± 424
2	$140,6 \pm 0,05$	$67,7 \pm 0,04$	0,82	0,59	66323 ± 163
3	$47,1 \pm 0,04$	$72,3 \pm 0,04$	0,60	0,62	48611 ± 150
4	$36,2 \pm 1,04$	$116,2 \pm 0,14$	1,04	2,11	65748 ± 97

* - нумерация вращения соответствует названию элементов, перечисленных в части организация и методы исследования

Если анализировать показатели ЦМТ тела по оси Y то мы видим, что наибольшие значения имеет пируэт вперед в приседе (складка) (4). Необходимость вращения на наружном ребре в неудобном положении вынуждает спортсмена значительно перенести ЦМТ в сторону. С этой точки зрения первые три варианта вращения более просты в исполнении. Следует обратить внимание на вращение вперед в положении ласточка (3), значения по оси X и Y самые минимальные и максимально близкие друг к другу, что объясняется сложностью выполнения данного элемента и относительно равного распределения масс частей тела в пространстве.

Особое внимание заслуживают показатели σ , как по оси X так и по Y. Наш анализ основывается на предположении, что чем ближе к друг другу значения по осям, тем ближе траектория движения ЦМТ похожа на кругу, чем меньше само значение, тем меньше радиус движения ЦМТ. Таким образом, чем меньше значения и чем ближе они между собой по осям X и Y, тем выше скорость вращения и техничнее выполнение элемента. Мы понимаем, что техника и скорость вращения зависит и от других факторов (въезда, силы инерции Кориолиса и др.), но на наш взгляд эти показатели являются основополагающими, дающие возможность максимально грамотно и красиво выполнить элемент.

Исходя из этого положения, мы видим, что наиболее грамотно были выполнены пируэт назад стоя (винт) (2) и пируэт вперед в положении ласточка (3). Вращение в

пируэте вперед в приседе (складка) (4) имеет относительно небольшой разброс по показателям σ (табл.1). Движение по эллипсоиду мы наблюдаем при выполнении первого элемента пируэт назад стоя с прямой ногой вперед, это скорее всего связано с тем что данный элемент чаще всего используется как первая фаза выполнения пируэта назад стоя, и основная задача его выполнения является нахождение устойчивой оси вращения для выполнения дальнейших элементов.

Проведенный корреляционный анализ подтверждает высказанное нами предположение. Мы получили статистически достоверные сильные корреляционные связи между скоростью вращения и траекторией движения ЦМТ, чем выше скорость, тем ближе траектория к кругу и меньше отклонения от ЦМТ. Мы также видим сильную связь между давлением стопы и скоростью вращения, свидетельствующее о необходимости дополнительного напряжения в стопе для более качественного вращения.

Таблица 2.

Корреляционные зависимости показателей перемещения массы тела

Показатели	σ по оси X	σ по оси Y	Давление	Скорость вращения
σ по оси X	1,00			
σ по оси Y	0,95	1,00		
Давление	-0,71	-0,73	1,00	
Скорость вращения	0,81	0,84	-0,87	1,00

Выводы. Представленный анализ результатов является пилотным и требует дополнительных исследований и дальнейшего осмысления.

Кроме этого, дальнейшее наше исследование будет направлено на поиск метод и средств обучения, которые наиболее эффективно позволят осваивать эту сложную часть фигурного катания.

Список литературы:

1. Биомеханика движений фигуриста. - М.: Физкультура и спорт, 1981.-144 с.

*Votsky Alexey Zigezmundovich, Troitsk branch
Chelyabinsk state university, teacher*

Development motivational readiness for the innovative activity at students of higher education institution

*Воцкий Алексей Зигезмундович, Троицкий филиал
Челябинского государственного университета, преподаватель*

Развитие мотивационной готовности к инновационной деятельности у студентов вуза

Инновационная деятельность является необходимым условием успешного развития любой страны, в том числе и России. В связи с этим, проблема подготовки студентов вуза к инновационной деятельности является в настоящее время актуальной. Особенно важно рассмотреть мотивационные аспекты обозначенной проблемы, так как согласно результатам исследований, проводимых нами в вузах в 2013–2014 гг., только третья часть студентов связывают своё профессиональное становление с инновационной деятельностью.

Однако, прежде чем говорить о способах и методах развития у молодежи мотивационной готовности к инновационной деятельности, уточним, что *мотивационную готовность к инновационной деятельности* мы рассматриваем как качество личности, определяющее направленность и характер её действий, при решении сложных, многофункциональных проблем, связанных с инициацией или включением в инновационную деятельность при наличии благоприятных для этого условий.

Мотивационная готовность рассматривается нами как более сложный конструкт, чем мотивация инновационной деятельности [1]. В состав мотивационной готовности кроме установочного компонента мы включаем когнитивный и конативный компоненты:

- *установочный компонент* отражает мотивационные установки студентов в аспекте инновационной деятельности;

- *когнитивный компонент* связан с содержательной основой мотивационной готовности к инновационной деятельности, он отражает уровень интеллектуальных способностей, позволяющих гибко изменять мотивы, определяющих направленность и характер инновационной деятельности под воздействием вновь поступающей значимой информации;

- *конативный компонент* является интегрирующим, так как связан с практической деятельностью и определяет способность человека в ситуации значимого изменения внешних условий активизировать свой мотивационный потенциал в области инновационной деятельности, кроме того, он отражает те качества личности, которые не только позволяют создать мотивационную основу инновационной деятельности, но и гибко её корректировать на основе анализа изменившихся значимых условий.

К основным принципам развития мотивационной готовности студентов к инновационной деятельности мы отнесли:

- принцип *ценностной ориентации* материала ориентирующий на создание системы ценностей, определяющей внутреннюю мотивацию инновационной деятельности. К таким ценностям мы относим ценности профессионального самоопределения и самореализации; ценности новаторства, творчества, активной жизненной позиции;

- принцип *саморегуляции* ориентирующий на создание условий для поэтапного становления у студентов осознанной саморегуляции своей деятельности в инновационном поле на основе управления мотивационной сферой;

- принцип *личностной ориентации* предопределяющий использование материала, имеющего для студента повышенный интерес, затрагивающий эмоциональную сферу, опирающейся на его предшествующий субъектный опыт, предусматривающий возможность преобразования и коррекции субъектного опыта, связанного с инновационной деятельностью;

- принцип *совместной творческой деятельности* ориентирующий на развитие мотивационных аспектов творческой составляющей инновационной деятельности. При этом мы полагаем, что каждый человек в той или иной степени способен к творчеству и данная способность в значительной мере может быть развита в образовательном процессе. При раскрытии данного принципа необходимо отметить, что инновационная деятельность, как правило, носит коллективный характер, поэтому мы подчеркиваем важность получения в студенческие годы совместной творческой деятельности.

Гуманистический подход в нашем исследовании, дополненный непротиворечивыми положениями акмеологического, синергетического и деятельностного подходов, а также выделенные выше принципы, предопределяют использование для развития рассматриваемой мотивационной готовности личностно-развивающих технологий [2; 3]

В своем исследовании мы выделяем следующие характеристики лично-развивающей технологии развития мотивационной готовности студентов к инновационной деятельности: обеспечение информационного богатства среды, ориентирующей на инновационное поведение; поэтапная подготовка студента к продуктивному использованию многовариантных возможностей развития готовности к инновационной деятельности на основе: выбора лично значимой информации, развития позитивной мотивации инновационного поведения, рефлексии, творческого и критического мышления; создание инструментальной основы мотивационной готовности к инновационной деятельности через освоение методик управления своей мотивационной сферой; выбора оптимальных решений в нестандартных ситуациях и др.; содействие в построении и реализации индивидуальной траектории становления мотивационной

готовности студентов к инновационной деятельности посредством активизации и обогащения субъектного опыта студента.

Активизация и обогащение компонентов субъектного опыта возможна только при целенаправленном развитии рефлексивных способностей студентов. Для этого целесообразно использовать диалоговые методы обучения.

Нами были выделены правила организации диалога, которые мы применили в разработанной технологии: поэтапное наращивание сложности диалога и самостоятельности студентов в нем; определение содержания, конечной и промежуточных целей диалога до начала его проведения; определение способов и методов организации и поддержания диалога на всех эго этапах; предварительное (явное или скрытое) распределение ролей в диалоге исходя из личностных предпочтений и уровня подготовленности студентов; построение диалога по схеме сложной коммуникации; совместная со студентами рефлексия достигнутых в ходе диалога результатов и путей их достижения.

При развитии мотивационной готовности студентов к инновационной деятельности, мы использовали Smart-технологии, основными признаками которых являются:

- обеспечение свободного доступа к информационному интерактивному пространству вуза, созданного при помощи различных средств;
- создание и непрерывное развитие мотивационной основы самостоятельной учебно-профессиональной деятельности;
- поэтапное формирование у студентов инструментальной основы самостоятельной учебно-профессиональной деятельности;
- создание мониторинга продуктивности самостоятельной учебно-профессиональной деятельности с постепенным переходом от внешнего мониторинга к самомониторингу;
- фасилитация построения и реализации индивидуальной траектории профессионального становления студента с учетом его индивидуальных предпочтений и возможностей.

Исходя из выше сказанного, реализация Smart-технологий возможна в сочетании с различными методами и формами обучения. Особый интерес в аспекте нашего исследования представляет интеграция Smart-технологий с «Методом проектов» [2; 3; 4]. Наш выбор обусловлен тем, что в рамках проектной технологии, у студентов появляется реальная возможность получения опыта инновационной деятельности (в том числе и профессиональной): как на уровне создания инноваций, так и на уровне их реализации.

Таким образом, основная идея метода проектов, как и Smart-технологий, состоит в стимулировании мотивации студентов к продуктивной инновационной деятельности, предоставлении студентам возможности самостоятельного приобретения знаний в процессе решения практических профессионально ориентированных задач или проблем, требующего интеграции знаний из различных предметных областей. Преподавателю при этом отводится роль разработчика, координатора, эксперта, консультанта.

Применительно к выбранной проблеме исследования, мы рассматриваем *Smart-технологии на основе методов проектов* как технологию содействия реализации индивидуальной траектории становления мотивационной готовности студентов к

инновационной деятельности в насыщенной, интерактивной информационной среде, посредством включения их в конструирование, планирование и выполнение постепенно усложняющихся творческих, практико-ориентированных заданий.

Анализ литературы по проблеме исследования [5; 6; 7] позволил нам выделить основные правила реализации Smart-технологии на основе методов проектов:

- создание насыщенной, интерактивной информационной среды;
- обеспечение высокого уровня включенности студента в интерактивную информационную среду посредством создания мотивационной и инструментальной основы работы в информационном поле;
- личная значимость темы проекта для студентов;
- инновативность темы исследования – ярко выраженная творческая составляющая проекта;
- возможность практической реализации проекта;
- фасилитация проектной деятельности на основе поэтапного делегирования управляющих функций студентам;
- обеспечение различного вида интеграции: познавательной, творческой и практической деятельности; знаний и умений, полученных в процессе обучения и жизненного опыта;
- предоставление возможности выполнения проекта в группах и парах.

Указанные выше правила позволят обеспечить еще один вид интеграции – интеграции компонентов мотивационной готовности к инновационной деятельности: установочного, когнитивного, конативного.

Таким образом, развитие мотивационной готовности к инновационной деятельности будет успешным, если:

- разработано содержание этого процесса, на основе принципов ценностной и личностной ориентации, саморегуляции, совместной творческой деятельности;
- для реализации содержания используется личностно-развивающая диалоговая технология, позволяющая активизировать и обогатить субъектный опыт инновационного поведения студентов на рефлексивной основе;
- используются Smart-технология на основе метода проектов, ориентированная на включение студентов в конструирование, планирование и выполнение постепенно усложняющихся творческих, практико-ориентированных заданий в условиях насыщенной, интерактивной информационной среды.

Эксперимент по оценке эффективности разработанных содержания и технологий развития мотивационной готовности студентов к инновационной деятельности проходил в Троицком филиале Челябинского государственного университета с 2011 по 2014 год. В качестве критериев оценки было выбрано изменение уровня мотивационной готовности студентов к инновационной деятельности, в качестве показателей – изменения по установочному, когнитивному и конативному компонентам. По установочному показателю в экспериментальной группе разница между результатами начального и конечного тестирования составила соответственно 16 %, в контрольной группе – 2 %; по когнитивному показателю соответственно 15 %, в контрольной группе 2,5 %; по конативному 16 %, в контрольной группе 3 %. Полученные результаты позволяют

сделать вывод об эффективности разработанных нами содержания и технологий развития готовности к инновационной деятельности.

Список литературы:

1. Лежнева М.С. Становление готовности к межпрофессиональному взаимодействию у будущих специалистов в области информационных технологий. Челябинск: Изд-во «ЧелГУ», 2013. – 230 с.
2. Зеер Э.Ф. Личностно-развивающее профессиональное образование. Екатеринбург: Изд-во ГОУВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2006. – 170 с.
3. Лежнева Н.В. Непрерывное профессиональное образование: проблемы и перспективы. Монография. Челябинск: Из-во Челябинского государственного университета, 2013. – 261 с.
4. Полат Е.С. Метод проектов [Электронный ресурс] – Режим доступа. –URL: http://iteach.arpteka.ru/metodika/a_2wn3.html.
5. Келейникова В.А, Романова Е.В К вопросу реализации ИТ-образования в рамках концепции Smart education // Прикладная информатика. – 2014. – № 1. – С. 82–90.
6. Лапчик М.П. Россия на пути к Smart-образованию // Информатика и образование. – 2013.– № 2.– С.3–9.
7. Россия на пути к Smart-обществу: монография / Под ред. проф. Н.В. Тихомировой, проф. В.П. Тихомирова. М.: НП «Центр развития современных образовательных технологий», 2012. – 280 с.

*Borysova Alina, postgraduate of International University
of Economics and Humanities Named after Academician
Stepan Demianchuk, Rivne, Ukraine*

Aspects of methodology of teaching of higher education

*Борисова Аліна, аспірантка Міжнародного
економіко-гуманітарного університету імені
академіка Степана Дем'янчука, м. Рівне, Україна*

Аспекти методичної діяльності викладача вищого навчального закладу

Інтегрування української вищої освіти в загальноєвропейський чи світовий контекст розпочинається з усвідомлення засад і принципів сучасної неперервної професійної освіти та пошуків шляхів її практичної орієнтації. Концептуальні ідеї щодо розвитку особистості в процесі вищої освіти закладені в законодавчих документах Міністерства освіти і науки України. Особлива увага в них приділяється аналізу проблем формування особистості професіонала, його професійної культури, компетентності й майстерності, новаторства.

Невід'ємною складовою професійної компетентності викладача вищої школи є високий рівень його загальної та педагогічної культури, сформованості етичних та естетичних принципів. На перший план виходить визнання важливої ролі створення особи викладача з яскраво вираженою індивідуальністю, з її правом на вибір і відповідальністю. Значущість самостійності й суб'єктивності викладача в сучасному світі вимагає розвитку особистісно-ціннісного досвіду, який, у свою чергу, повинен стати предметом рефлексії, дослідження та оцінки.

Проблема вдосконалення методичної компетентності викладача вищої школи досліджувалася та розроблялася впродовж усієї історії освіти (Ю.Бабанський, Й.Герbart, М.Данилов, Д.Дьюї, Б.Єсіпов, Я.Коменський, І.Лернер, А.Макаренко, І.Скаткін, В.Сухомлинський, К.Ушинський та ін.). Разом з тим, вона й зараз досить часто обговорюється на сторінках наукових та навчально-методичних видань і є ще недостатньо теоретично й методологічно розробленою.

Аналіз наукових досліджень свідчить про наявність ґрунтовних теоретико-практичних напрацювань щодо загальної підготовки викладача, формування його

особистості, підвищення кваліфікації в системі педагогічної освіти. Методична компетентність викладача вищої школи, що включає високий рівень оволодіння конкретними прийомами, способами, технікою, засобами педагогічної діяльності, завжди пов'язана з викладанням конкретної дисципліни, з урахуванням прогнозу можливих результатів діяльності в реальних умовах навчального процесу та оцінкою ефективності засобів, які використовуються.

Складовими методичної компетентності викладача вищого навчального закладу є спеціальні методичні знання, відповідні уміння, навички та професійно важливі якості особистості, які дозволяють ефективно проводити навчальні заняття, визначати неvirшені актуальні педагогічні завдання, виявляти нові, нестандартні способи розв'язання навчальних проблем, удосконалювати стиль, методи й прийоми своєї педагогічної діяльності, узагальнювати кращий педагогічний досвід і творчо використовувати його на практиці.

Комплекс методичних знань складається із засвоєних викладачем відомостей про принципи, зміст, методи, форми та засоби організації навчально-виховного процесу й навчання студентів окремих дисциплін, які повинні базуватися, як уже зазначалося, на міцних знаннях викладача зі спеціальної навчальної дисципліни. Тож ґрунтовна фахова підготовка – основа успішної професійної діяльності та її результативності.

На основі Закону України «Про вищу освіту» [1], Положення про організацію навчального процесу [2], а також відомої праці за редакцією І.В. Біжана [3], основними методичної діяльності викладача вищої школи є:

- підвищення методичної майстерності;
- удосконалення організації та забезпечення навчально-виховного процесу;
- удосконалення методики підвищення ефективності та якості проведення всіх видів навчальних занять;
- розробка змісту професійної освіти з урахуванням особистісних та суспільних потреб, змін у професійно-кваліфікаційній структурі кадрів, специфіки функціонування навчальних закладів в нових соціально-економічних умовах;
- пошук, аналіз, узагальнення та систематизація позитивного педагогічного досвіду, його залучення в навчальний процес на діагностичній основі з урахуванням інтересів та можливостей навчального закладу та рівня професіоналізму кожного викладача;
- комплексне методичне забезпечення навчального процесу (розробка навчально-методичних комплексів, засобів навчання).

Методична діяльність кожним викладачем планується самостійно на навчальний рік. Цілі, зміст та необхідність методичної діяльності повинні бути пов'язані із цілями навчального закладу та кафедри стосовно підготовки певних фахівців і затверджуються ректором вищого навчального закладу.

Методична діяльність науково-педагогічного працівника характеризується застосуванням різноманітних форм, методів, засобів технологій навчання. Ця діяльність

може стати науковою, якщо вона має дослідницький характер та спрямована на створення нових методичних знань та умінь.

На сучасному етапі розвитку вищої освіти у вищих навчальних закладах використовуються такі основні види методичної роботи:

- розробка навчальних планів, програм, робочих навчальних планів, робочих навчальних програм;
- написання та підготовка до видання підручників;
- написання та підготовка до видання навчальних посібників, словників, довідників.
- написання та підготовка до видання конспектів лекцій, методичних матеріалів до практичних, лабораторних, семінарських занять, а також курсового та дипломного проектування;
- підготовка комп'ютерного програмного забезпечення навчальних дисциплін;
- модернізація лабораторних робіт;
- розробка і постановка нових лабораторних робіт;
- розробка та впровадження нових форм, методів і технологій навчання;
- вивчення та впровадження передового досвіду організації навчального процесу;
- складання запитань та завдань для проведення поточного, і семестрового контролю та державної атестації;
- складання екзаменаційних білетів;
- підготовка до лекційних занять з нових навчальних дисциплін та дисциплін, що викладаються;
- взаємовідвідування занять викладачем кафедри;
- контрольні відвідування занять завідуючим кафедрою;
- робота по підвищенню педагогічної кваліфікації, вивчення передового досвіду;
- створення дистанційного курсу навчальної дисципліни та інше.

На кожен з видів вище зазначеної методичної роботи існують норми часу [4].

У методичній роботі основна увага приділяється постійному підвищенню педагогічної майстерності викладача, науково-обґрунтованій розробці, експериментальній перевірці і впровадженню в навчально-виховний процес прогресивних методів і засобів навчання і виховання; роботі з викладачами-початківцями; забезпеченню своєчасної і якісної розробки навчально-методичних матеріалів. Важливе місце в методичній діяльності займають питання індивідуалізації та інтенсифікації навчання студентів, організації їхньої самостійної роботи над навчальним матеріалом.

Таким чином, готуючись до виконання методичної діяльності необхідно сформулювати методичну компетентність викладача вищого навчального закладу, яка включає три компоненти: методичні знання, методичні уміння, особисті якості, які забезпечуються дидактичними, організаційно-аналітичними здатностями та індивідуальними здібностями педагога.

Формування методичної компетентності викладачів передбачає врахування таких аспектів їхньої освітньої діяльності: науково-дослідного – загальнотеоретична підготовка, методологія сучасної педагогічної науки й рівень її розвитку (оволодіння формами, методами й засобами навчання, у тому числі комп'ютеризацією); навчально-методичного – спеціальна підготовленість, основи дослідницької роботи, оновлення змісту; технологічного – методи активного навчання й наукового дослідження, лекційно-семінарські заняття, технології особистісно орієнтованої освіти; виховного – здійснення дидактичної, виховної та розвиваючої функції в процесі викладання; особистісного – психологічна готовність викладачів, рівень загальної та професійної культури, формування цілісного уявлення про діяльність викладача вищого аграрного навчального закладу в умовах модернізації освіти.

Список літератури

1. Закон України «Про вищу освіту», м. Київ, 1 червня 2014р.
2. Положення про організацію навчально-виховного процесу у вищих навчальних закладах. Затверджене наказом Міністерства освіти України від 2 червня 1993 року № 161 і зареєстроване у Міністерстві юстиції України 23 листопада 1993 року за №173.
3. Організація навчально-виховного процесу, методичної і наукової роботи у вищій військовій школі: Підручник / І.В.Біжан та інші. – Х.: ХВУ, 2001. – 410с.
4. Кахтанов М.Н. Кафедра – главное звено высшего учебного заведения: Метод. Пособие. – М.: Высш. Школа, 1982. – 143 с.

*Kozintseva Elvira Muhametkhanovna,
Nizhnevartovsk State University, postgraduate*

Time perspective

*Козинцева Эльвира, ФГБОУ ВПО НВГУ,
аспирантка 3 курса, кафедра психологии образования и развития*

Временная перспектива

Временная перспектива образует фундамент, на котором возведены многие другие процессы, например, достижение, постановка целей, рисковое поведение, поиск новых ощущений, различные зависимости, вина и др. (Zimbardo P.G., Boyd J.N., 1999; McGrath J., Tschan F., 2004) [1;63].

Клинические исследования показывают связь временной перспективы личности с наличием различного рода психических расстройств, имеющих выраженную социогенную природу (депрессии, неврозы, алкоголизация, суицидальные тенденции) [2].

Высказывание Ж. Нюттена: «Дать людям будущее, в котором им нужно жить и ради которого необходимо трудиться, может стать главной задачей прикладной психологии в завтрашнем обществе», - не утратило своей актуальности и на сегодняшний день [3;352].

В психологии интерес к проблемам, связанным с временными аспектами человеческого существования, также рос на протяжении всего XX века, но особенно стремительно — в последние десятилетия. Различные аспекты проблемы «человек и время» стали предметом исследований как отечественных, так и зарубежных авторов, принадлежащих к различным научным школам и направлениям (К.А. Абульханова-Славская, Г.А. Архангельский, Р.А. Ахмеров, Т.Н. Березина, Е.И. Головаха, В.И. Ковалев, А.А. Кроник, Н.Ф. Наумова, А.В. Петровский, А. Сырцова, В.Э. Чудновский, А. Aall, А. Adler, G. Allport, L.B. Ames, J. Arlow, Ch. Buhler, C.A. Colarusso, T.J. Cottle, P. Fraiss, L.K. Frank, P. Hartocollis, W. Lens, K. Lewin, A. Maslow, R. May, J. McGrath, J. Kelly, J. Nuttin, G.W. Allport, S. Rechtchaffen, R. Seginer, B. Zazzo, P.G. Zimbardo и др.). Один из этих аспектов — отношение к будущему, временная перспектива будущего [4;6-7].

Некоторые подходы хотелось бы выделить:

1. Когнитивно-динамический или мотивационно-динамический подход Ж. Нюттена, который выдвигал гипотезу о том, что наше сегодняшнее поведение детерминировано не только положением дел в настоящем, но также событиями в прошлом и в будущем, представленными во временной перспективе и ставил перед собой задачу показать - как это происходит [4;140-141].

2. Следующая – это теория времени Ф. Зимбардо. Теория времени – теория о том, что временная перспектива человека влияет на его взгляды на жизнь и на то, какие выборы он делает. Теория времени, как установил Филип Зимбардо, говорит о важности

временной перспективы человека и о её влиянии на ощущение стресса и благополучия. По всей видимости, считает Ф. Зимбардо, ключевым фактором продолжительного эмоционального стресса является то, застревает человек в одной или двух негативных временных перспективах из шести существующих или не застревает. Сбалансированная временная перспектива становится основой эмоционального благополучия, по мнению автора данной теории [5;352].

3. Среди российских исследований можно выделить труд Н.Н. Толстых. В контексте мотивационного подхода к изучению онтогенеза временной перспективы личности Н.Н. Толстых была выдвинута гипотеза о том, что ее развитие продуктивно рассматривать в контексте развития индивидуального хронотопа, в ходе которого чередуются периоды интенсивного развития то временной, то пространственной его составляющей; они являются также сензитивными периодами для развития то воли (как «органа будущего», как «воления», раздвигающего временные границы существования человека), то произвольности (как умения «владеть собой», пространством своего тела, пространством окружающих предметов). Эти периоды совпадают соответственно с выделенными в свое время Д.Б. Элькониным периодами преимущественного развития то мотивационной, то операционально-технической сторонами деятельности. Для каждого периода может быть выделен ключевой фактор, определяющий развитие личности и субъектности человека, равно как и неразрывно связанной с этим временной перспективы [4;9].

Цель данной статьи – проанализировать теоретический и практический опыт исследований по заявленной теме. Задача – поддержать дискуссию данного актуального вопроса. В частности о развитии временной перспективы в младшем школьном возрасте.

В дошкольном и следующем за ним младшем школьном возрасте психологическое прошлое и отдаленное будущее еще очень мало. Видимо, благодаря этому психологический возраст в детстве адекватен. Свой возраст для детей с неразвитой личностной рефлексией – такая же существенная, но внешняя характеристика, как рост, цвет волос и глаз, с которых обычно начинают описывать себя [6;377-378].

В результате проведенных исследований Н.Н. Толстых, изложенных в диссертации на тему: «Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход» было сформулировано следующее: «Младший школьный возраст — период преимущественного развития пространственной стороны индивидуального хронотопа с одной стороны, и произвольности, — с другой.

Сравнительные исследования показывают, что хорошая норма или даже высокие показатели, с разных сторон характеризующие развитие личности и субъектности в этом возрасте, оказываются связанными с содержательными характеристиками мотивации, с широким кругом интересов ребёнка, а не с глубиной временной перспективы» [7].

Определяющим фактором этого развития является содержание, форма организации и протекание ведущей в этом возрасте учебной деятельности, или, шире, школьное обучение. Дифференцирующим критерием, разделяющим младших школьников (обучающихся по разным технологиям, различающихся общим уровнем психического развития, воспитывающихся в семье и вне семьи), является именно пространственная сторона хронотопа» [4;270].

В исследовании Л.Б. Слугиной, посвящённом изучению динамики временной перспективы как психологической характеристики перехода от младшего школьного к подростковому возрасту были показаны результаты анализа содержательного и

временного параметров динамики временной перспективы. Выявлено и описано психологическое содержание «настоящего», которое продемонстрировало следующее относительно имеющих значение для нас возрастов:

3 класс (9 л.7 мес.) - психологическое время «настоящего» для этого возраста – сегодня. Особое внимание уделяется процессу учения в школе, отметке. Вторая по значимости сфера - досуг: прогулки, книги, развлечения.

4 класс (10 л. 7 мес.) - психологическое время «настоящего» для этого возраста - текущий учебный год, Анализ событий «настоящего» для пятиклассников свидетельствует о некоторых существенных изменениях. Появляется ориентация на социально-значимые события - праздники, дни рождения и т.д. В событиях отмечаются факторы личностного роста, достижений - «становлюсь добрее, лучше» [8;51-53].

Таким образом, как отмечают Абульханова К.А., Березина Т.Н. психологическое изучение процесса онтогенетического развития психологического времени и, в частности, временной перспективы будущего представляет собой весьма сложную задачу, в ходе решения которой необходимо иметь в виду целый ряд моментов.

Во-первых, способность ориентироваться на будущее, учитывать его в своем поведении является сущностной характеристикой любого живого существа, обладающего психикой, и, следовательно, какие-то натуральные, естественные основания такой способности генетически наследуются и человеком.

Во-вторых, человек рождается, растет, воспитывается в рамках той или иной культуры, характеризующейся некоторым, более или менее определенным хронотопом (возможно, несколькими хронотопами), усваивая в разных культурах разные представления о времени, разное отношение к прошлому, настоящему, будущему, которые находятся в связи и с его пространственными представлениями и пристрастиями.

В-третьих, философские, исторические, культурологические, психологические исследования показывают, что отношение ко времени, становление временной перспективы будущего находится в самой тесной связи с развитием личности и субъектности человека. Это относится и к исторической перспективе возникновения и становления феномена личности, и к процессу онтогенеза человека, развития его как личности и субъекта.

В-четвертых, совершенно очевидно, что в процессе развития личности и, тесно связанного с ним процесса развития временной перспективы, любой человек испытывает влияние целого ряда физиологических, психологических, макро- и микросоциальных факторов, начиная от функциональной геометрии больших полушарий мозга и кончая глобализацией мировой экономики и успехами медицины в области продления человеческой жизни, сензитивность к которым различна в разные периоды, в разные возраста жизни человека [9;216].

И всё же представления о времени и пространстве беря своё начало во младенчестве развиваются на протяжении дальнейшего жизненного пути человека и в свете сегодняшних представлений о значении пространственно-временных представлениях требуют своего планомерного и систематического формирования со стороны окружающих ребёнка взрослых на протяжении всего детства.

Психологическая работа, направленная на расширение временной перспективы, исходя из изученных данных, может включать следующие аспекты:

1. Усиление мотивации и повышении уровня достижений [3].

2. Развитие личностной и творческой, продуктивной активности ребенка (Selbsttatigkeit и Produktivitat) (Lewin К., 1931) [3;1440].
3. Когнитивное развитие [3], [4], [10].
4. Развитие способности откладывать (отсрочивать) удовлетворение / удовольствие / наслаждение [1], [3].
5. Развитие осознания будущих социальных непредвиденных обстоятельств и обязательств [1].
6. Влияние на содержание, форму организации и протекание учебной деятельности в начальной школе [4].

Таким образом, несмотря на большое количество исследований посвящённых, изучению временной перспективы, с самого раннего детства до юности, сравнительно мало изучены особенности временной перспективы младшего школьника в частности как психологического фактора готовности к самореализации.

Список литературы:

1. Сырцова А. Возрастная динамика временной перспективы личности. Москва, 2008. - С. 317.
2. Спиридонова И.А. Временная транспекция как методический приём при исследовании разных форм патологии// Методы психологии. Ежегодник РПО. Т. 3. Вып. 2. Ростов н/Д., 1997.- С. 212-214.
3. Нютген Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. — Москва, 2004. — С. 608.
4. Толстых Н. Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход. Москва, 2010. — С. 545.
5. Зимбардо Ф., Сворд Р., Сворд Р. Время как лекарство. Санкт-Петербург, 2014. – С. 352.
6. Кулагина И.Ю., Колюцкий В.Н. Психология развития и возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. – Москва, 2013. – С. 420.
7. Толстых Н.Н. Развитие индивидуального хронотопа в детстве и юности // Вопр.психол. №2. Москва, 2010. - С. 30-45.
8. Слугина Л. Б. Динамика временной перспективы как психологическая характеристика перехода от младшего школьного к подростковому возрасту. Москва, 1999. – С. 147.
9. К.А. Альбуханова, Т.Н. Березина. Время личности и время жизни. Санкт-Петербург, 2001. – С. 304.
10. Ухтомский А.А. Доминанта. Санкт-Петербург, 2002. – С. 448.

*Oksana Barsukova, PhD in Psychology, associate professor,
Natalia Mozgovaya, PhD in Psychology, associate professor,
Maria Vyshkvyrkina, PhD in Psychology, associate professor,
Southern Federal University, Academy of Psychology and Pedagogy,
Department of Educational Psychology (Russia, Rostov-on-Don)*

I and the Other: Ambition, Personal Space, Social Intelligence

In recent years, growth of interest in phenomena, reflecting interaction of the person with other people, realization of his aspirations and potential, enrichment of the inner world is typical for the Russian psychology. We consider ambition, personal space and social intelligence in this article.

Ambition is motivational mental formation; it is aspiration of the person to be a significant and recognized personality for others for the real achievements important both for him and for other people [1]. Ambition as aspiration for significance and recognition includes desire of the person to improve his status, position in the world, to achieve popularity, fame, power; to succeed, achieve a certain result and heights. Ambition "makes" the person to go ahead and achieve some heights on the professional and the social ladder.

Ambition fulfils the function of self-realization both in human life as a whole, and in his particular life areas. An ambitious person actively realizes himself in the areas of social activity, significant for him, as a rule, this refers to professional growth and career development, the place on "the professional scale". Achievement of the desired goal and realization of ambitious aspirations lead to achievement of recognition of the person by his family members, colleagues and the chief, and, in a more comprehensive sense, such person can gain global recognition and become history (for instance, to become an Olympic champion).

Ambition as aspiration means [1]:

- the subject – the ambitious person;
- other person or other people for recognition of which the ambitious person aspires;
- self-reflection, self-assessment (I-intimate);
- the purpose – achievement of recognition and significance which are shown in achievement of power, fame, success (social or career), etc. (I-wish and/or I-must);
- the position and the status of the person in the social ranking (I-real).

As stated above, ambition is connected with the scope and the importance of those tasks and affairs for which the personality accepts responsibility as the subject of his life.

Personal space is integrated psychological formation [2] which can be structured: according to the functions (identifying, representative, controlling and protective); according to the components (individual, physical, spatial, etc.).

In this phenomenon the sources of such means and forms of relations are found, like hierarchy and domination, cooperation, aggression, protection, identification and other types of behavioral performance of the person, as well as development of subjectivity of the personality. Personal space of the person gives him the possibility to realize himself on a large scale.

Relying upon the thesis formulated by V.A. Petrovsky concerning the subjectivity of the personality, we assume that personal space can be presented as subject formation. This is the space which is assigned by the personality himself. This level of the personality is presented as "authorship" of the person in relation to construction of his own life by him [3]. In certain situations the subject aspires to protect himself, to find "the place" – the personal space to feel freedom, the sovereignty of the personality.

Thus, psychological space of the personality is subject formation having complex psychological structure formed by interaction of the components reflected by the person inasmuch as it is presented in his images and conceptions reflecting the psychological essence of this phenomenon. Personal space is subjective; therefore, disturbing it, the person involuntarily turns on the mechanisms of psychological protection of his personal liberty, integrity and sovereignty. Designation and detection by the individual of the borders of "his" personal space indicates not only "closedness" of this or that part of the human personality, but also sovereignty, integrity, individuality of the subject, presence of trust to other people, the society [2].

Social intelligence is an ability of the person to understand deeds, actions of people, to understand speech output of the person, as well as his non-verbal reactions [4].

V.N. Kunitsyna gives the following definition of social intelligence – it is a global ability arising on the basis of a complex of intellectual, personal, communicative and behavioral traits including the level of energetic provision of the processes of self-adjustment; these traits provide forecasting of development of interpersonal situations, interpretation of information and behavior, readiness for social interaction and decision-making [5].

The theoretical model of social intelligence offered by A.I. Savenkov is of particular interest which points out two factors: "crystallized social knowledge" - declarative and empirical knowledge of well-known social events and "social and cognitive flexibility" – the ability to apply social knowledge in solving of new problems [6].

Summarizing the study of social intelligence, we note its characteristics:

1. Social intelligence is formed in the course of socialization and individuation.
2. Development of social intelligence is impossible if the person is not included into communicative process.
3. In structure of social intelligence the following components are distinguished: stereotypification, typification, perceptual abilities, social imagination, social thinking, etc.
4. The level of development of social intelligence does not depend on the level of general intellectual development [7].

In the course of communication and interaction with other people the person satisfies his needs, realizes his inner world into the external one on the basis of the potential which in turn can also develop in the course of interaction. Aspiring to win recognition and to become a significant personality for other people (ambition), the person can "broaden" his world, adding it with new content or, on the contrary, "narrow" it, having concentrated on any one thing and having refused another one (personal space). Obviously, that in this case he needs to understand other people (social intelligence), for whom he aspires to become significant and whom he wants to include into his space.

Relying upon this thesis, we have designated the questions reflecting interrelation of ambition, personal space and social intelligence, namely:

1. What are the role and the place of each of these phenomena by their joint conditioning of interaction of the person with other people? Which of them is primary or "main"?

2. And does it influence as social intelligence the realization of ambitious aspirations? Does it promote the successful realization of ambitious aspirations? For instance, what is the optimal level of social intelligence for the successful realization of ambitious plans of the personality in the professional area?

3. How will the realization of ambitious aspirations broaden or narrow the personal space of the person? For instance, won't the realization of professional ambition lead to narrowing of the personal space when the person subordinates everything to satisfaction of this need?

4. Is the social intelligence only the means and one of the conditions of realization of ambitious aspirations and optimization of the personal space? Or does it have a greater role?

5. For search of answers to the raised questions the following is necessary:

- Carrying out of further theoretical and methodological research and development of the preliminary theoretical model reflecting the interrelation of ambition, personal space and social intelligence.
- Carrying out of empirical and, perhaps, experimental research focused on checking of the theoretical model.
- Selection of diagnostic tools, development of author's techniques with their subsequent approbation, validation, etc.

Bibliography:

1. Барсукова О.В. Честолюбие: возможности эмпирического исследования и психологической диагностики // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2013. №1. Ростов-Н/Д., 2013. С. 107-112.
2. Мозговая Н.Н. Развитие представлений о личном пространстве студентов педагогического вуза. Канд. дисс. по психологии. Ставрополь, 2002.
3. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1996. – 512 с.
4. Михайлова (Алешина) Е.С. Методика исследования социального интеллекта. Руководство по использованию. СПб.: Иматон, 1996.
5. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погорыша В.М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001.
6. Савенков А.И. Эмоциональный и социальный интеллект как предикаторы жизненного успеха. // Вопросы психологии, №1, 2006, 30-38ст.
7. M.A. Vyshkvyrkina. Constructive and Destructive Types of Reactions to Contradiction in System of Ideas of Other Person. PhD thesis in Psychology, Rostov-on-Don, 2009.
8. N.N. Mozgovaya, E.A Suroedova. Value-Semantic scope of personal space of university students / International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE), Serbia, 2013, Vol. 1, No. 2.
9. O. Barsukova. (2010) Psychological structure of ambition // The 12th European Congress of Psychology, Istanbul, July 04-08, 2011. Poster Abstracts. P. 664.

Prygin Gennady, Naberezhnye Chelny, Institute of Socio-educational technologies and resources, Professor, doctor of Psychology, the Faculty of Pedagogy and Psychology

Features of motivational sphere and orientation of the personality of students, with autonomous and dependent types of conscious self-regulation

Прыгин Геннадий, Набережные Челны, Институт социально-педагогических технологий и ресурсов, Профессор, доктор психологических наук, факультет педагогики и психологии

Особенности мотивационной сферы и направленности личности студентов, с автономным и зависимым типом осознанной саморегуляции

Постоянно взаимодействуя с окружающим миром в разных ситуациях человек может выбирать различные способы реализации своей активности в зависимости от поставленных целей, индивидуальных особенностей и условий окружающей его действительности. Поэтому наряду с изучением мотивационной сферы, большое внимание уделяется и изучению субъектной активности человека (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, А.Н. Леонтьев и другие).

Мотивации и мотивам посвящено достаточное количество монографий как отечественных В.К. Вилюнас, А.Н. Леонтьев, П.В. Симонов, Д.Н. Узнадзе, так и зарубежных авторов Дж. Аткинсон, Г. Холл, К. Мадсен, А. Маслоу, Х. Хекхаузен и др.

Можно согласиться с мнением Е.П. Ильина [1], что обилие литературы по проблеме мотивации и мотивов сопровождается многообразием точек зрения на их природу, что вынуждает некоторых психологов говорить о практической неразрешимости проблемы. Общим недостатком существующих точек зрения и теорий является то, что любой фактор, влияющий на возникновение побуждения и принятия решения, может быть объявлен мотивом.

Что касается *направленности личности*, по мнению большинства психологов, направленность личности является сложным мотивационным образованием. Понятие «направленность личности» было введено в научный обиход С. Л. Рубинштейном, под которым он понимал характеристику основных интересов, потребностей, склонностей, устремлений человека. Практически все психологи под направленностью личности понимают совокупность или систему каких-либо мотивационных образований, явлений.

Как отмечают Л. Хьелл, Д. Зиглер [6], в большинстве определений личность представлена теми характеристиками, которые «отвечают» за устойчивые формы

поведения. При этом подчеркивается, что личность относительно неизменна и постоянна во времени и меняющихся ситуациях (это обеспечивает индивиду чувство преемственности и непрерывности). Какие же механизмы могут обеспечить такую устойчивость? Одним из таких механизмов, с нашей точки зрения, является универсальный механизм осознанной саморегуляции, который способен придать любой сложной системе (относительную!) устойчивость, а личность, бесспорно, такая сложная система.

Второй аспект рассматриваемой проблемы состоит в том, что практически все психологи, исследующие личность, подчеркивают важность изучения личности во взаимосвязи с жизненным опытом индивидуума и перспективами развития. Общепринятая точка зрения состоит в том, что перспективы развития личности (генеральное направление развития) определяются ее общей направленностью, т.е. *потребностно-мотивационной сферой* личности. С нашей точки зрения, генеральное направление развития личности задается направленностью личности, а ее временная стабильность, преемственность обеспечивается системой осознанной саморегуляции.

Как отмечает В.И. Степанский [5] конкретные механизмы мотивационно-потребностной регуляции деятельности недостаточно разработаны и одна из причин этого кроется в отсутствии достаточно надежных и валидных методов исследования, которые опирались бы на объективный анализ деятельности. Известно [3], что приступая к выполнению деятельности, любой человек руководствуется как объективными, так и своими собственными критериями успешности исполнения, не всегда совпадающими друг с другом. Отсюда следует, что успех, оцениваемый объективно и субъективно, это не одно и то же; исходный уровень субъективных критериев зависит не только от силы потребности достижения, но и от конкретной компетентности исполнителя, предвидимой им трудности, личностной значимости целей деятельности, степени огласки результатов; субъективные критерии могут по ходу деятельности изменяться под влиянием научения, достигаемых результатов, стремления сохранить или повысить самооценку и т. д.

В связи с этим анализ закономерностей процессов осознанной саморегуляции является, с нашей точки зрения, одним из самых надежных путей изучения роли мотивации в организации и исполнении деятельности.

Вместе с тем в настоящее время накоплен обширный экспериментальный и теоретический материал, убедительно свидетельствующий о наличии в деятельности сугубо психологических функциональных механизмов саморегуляции, которые реализуют на уровне психики некоторые универсальные регуляторные принципы, присущие любым сложным самоорганизующимся системам [4].

Одним из важнейших звеньев психического процесса саморегуляции является, в частности, субъективный критерий успешности, с помощью которого человек оценивает получаемые результаты, учитывая при этом как объективные требования, предъявляемые извне, так и свои собственные притязания наряду с психическими и физическими возможностями реализации поставленных целей. Регуляторная функция субъективного критерия успешности заключается в установлении границ, допустимых с точки зрения субъекта деятельности, расхождений между реальными и запланированными результатами в отношении любых конкретных параметров, признаваемыми существенными. Если результаты не выходят за эти границы, то деятельность считается исполнителем успешной, тогда как в противоположном случае либо принимается решение о коррекциях, направленных на устранение чрезмерного рассогласования, либо

пересматриваются сами критерии, либо деятельность прекращается, а цель считается нереализованной [5].

Оказывая влияние на строгость субъективного критерия мотивация, тем не менее, не детерминирует однозначно реальную успешность деятельности, так как сам критерий - это лишь одно функциональное звено, принимающее участие в оценивании уже достигнутых результатов, тогда как уровень достижения во многом определяется качеством всего процесса регуляции в целом. Однако было бы в корне неверно делать отсюда вывод, что мотивация совсем не влияет на уровень исполнения.

В связи с вышеизложенным нами было проведено исследование, *цель* которого состояла в том, чтобы выявить и обосновать различия в направленности и в мотивационной сфере студентов, относящихся к разным типам осознанной саморегуляции. [4].

В ходе исследования проверялась *гипотеза* о том, что жизненные и профессиональные устремления автономных личностей направлены на общение, обеспечение общей активности и социальной полезности; устремления зависимых личностей направлены на получение социального статуса и комфорта. Кроме того, у лиц автономного типа причиной поступка чаще выступают внутреннее предпочтение и не декларируемый моральный контроль (потребность и внутреннее предпочтение); в то время, как у зависимых - внешнее предпочтение и декларируемый моральный контроль (долженствование и внешнее предпочтение).

В исследовании использовались методики: опросник «автономности-зависимости» Г.С. Прыгина [2] и методика на «Выявление осознанности различных компонентов мотива» А. В. Ермолина и Е. П. Ильина [1].

Эмпирическое исследование проводилось на студентах Камского государственного автомеханического техникума. В исследовании приняло участие 120 человек в возрасте от 16 до 18 лет. Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе диагностировался тип саморегуляции студентов (автономный или зависимый). По результатам этого этапа были сформированы две полярные группы испытуемых («автономная» и «зависимая») по 30 человек в каждой. На втором этапе испытуемым была предложена методика на выявление направленности и осознанности различных компонентов мотива. Исходный материал методики – бланк, на котором напечатаны два варианта заданий: вариант А – неоконченные предложения, вариант Б – вопросы-сюжеты. В своих опросных листах испытуемые дают самые разные ответы, затрагивающие различные компоненты структуры мотива. В результате проведенного контент-анализа ответов создается матрица, состоящая из четырех групп (категорий) ответов: не затрагивающие структуру мотива; относящиеся к «потребностному блоку»; относящиеся к «внутреннему фильтру»; относящиеся к целевому блоку. Анализируя ответы испытуемых, можно установить, насколько они учитывают в своем поведении все обстоятельства (мотиваторы) или же ориентируются только на некоторые из них, склонны ли они больше ориентироваться на внешние обстоятельства или внутренние факторы, насколько глубоко они пытаются проникнуть в суть своих поступков и действий, т. е. насколько полно в их сознании отражается структура мотива, насколько обоснованно ими принимаются решения.

После проведения обследования, полученные данные были обработаны и проинтерпретированы. Для анализа данных использовался статистический пакет SPSS-13.

Анализ результатов и их обсуждение. Рассмотрим результаты, полученные по методике А. В. Ермолина и Е. П. Ильина. Подсчет t-критерия Стьюдента для определения

значимости различий между группами автономных и зависимых студентов по осознанности различных компонентов мотива показал наличие значимых различий по шкалам, презентующим «внутренний фильтр»: нравственный контроль декларируемый (Нкд), нравственный контроль не декларируемый (Нкн), внутреннее предпочтение (Пр. внут.).

Таблица 1. Среднегрупповые показатели по диагностике осознанности различных компонентов мотива у автономных и зависимых испытуемых.

Компоненты мотива	Типы саморегуляции				t-кр. Стьюдента
	Автономные		Зависимые		
	\bar{X}	σ^2	\bar{X}	σ^2	
Нравственный контроль декларируемый (Нкд)	1,43	1,22	2,03	1,27	2,08*
Нравственный контроль не декларируемый (Нкн)	0,90	0,85	0,53	0,40	
Внутреннее предпочтение (Пр. внут.)	0,73	0,34	0,37	0,24	2,66*

Примечание. Уровни статистической значимости: * $P \geq 0,05$; ** $P \geq 0,02$

Анализ полученных данных. По шкалам «Нравственный контроль декларируемый» и «Внутреннее предпочтение» были получены значимые различия между группами «автономных» и «зависимых» испытуемых. Выявленные различия позволяют говорить о том, что для испытуемых с автономным типом саморегуляции причиной поступков служит не декларируемый нравственный контроль, а для испытуемых, относящихся к группе зависимых - декларируемый нравственный контроль. Также можно утверждать, что в качестве причины поступка у автономных личностей чаще выступает внутреннее предпочтение, а для зависимых личностей характерна ориентация на внешние обстоятельства.

Что касается устойчивых тенденций личности (направленности) между автономными и зависимыми испытуемыми значимых различий выявлено не было. Если направленность личности рассматривать как доминирующие потребности, интересы, склонности, убеждения и мировоззрение человека, то у всех они будут разными, независимо от того, к какому типу осознанной саморегуляции относится человек. Кроме того, у отдельного индивида могут быть сразу несколько направленностей, которые могут перекрывать друг-друга или находиться в разных плоскостях. Однако есть различия в том, что является причиной активности автономных и зависимых испытуемых «в движении» по этой направленности или, вернее сказать, насколько осознаются те или иные структурные компоненты мотива, побуждающие их к деятельности.

Во-первых, автономные личности, в силу большего развития у них уровня рефлексии, по сравнению с зависимыми, лучше осознают свои потребности, умеют самостоятельно ставить перед собой цели и достигать их. Возможно, именно этим и объясняется выбор у автономных испытуемых причиной поступка не декларируемого нравственного контроля, а у зависимых – декларируемого нравственного контроля, т.е. при принятии решения автономные личности опираются на собственные чувства и убеждения, они могут поставить себя на место другого человека, заранее предвидеть результаты тех или иных действий; зависимые же, в качестве мотиватора выбирают такие факторы, как «нельзя отрываться от группы», «не хотел подвести коллег», «так принято в обществе», «так все делают» и т.д.

Во-вторых, автономным личностям больше свойственно поступать по внутреннему предпочтению. Они при выполнении деятельности опираются, главным образом, на собственные суждения, в то время как зависимые ориентируются на внешние обстоятельства, подчиняются ситуации, их легко можно увести от цели.

Литература.

1. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
2. Прыгин Г.С. Проявление феномена "автономности-зависимости" в учебной деятельности. М. : Изд-во «Педагогика». - Нов. исслед. в психологии, 1984, N 2 (31), с. 48-52.
3. Прыгин Г.С., Степанский В.И. Измерение переключаемости внимания в сенсомоторной деятельности // Вопросы психологии.–1989.–№ 1.–С. 132–136.
4. Прыгин Г.С. Психология самостоятельности: Теоретические и экспериментальные исследования // Монография. - Изд-во: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. - 565 с. - ISBN: 978-3-8465-1536-5.
5. Степанский В.И. Влияние мотивации достижения успеха и избегания неудачи на регуляцию деятельности // Вопросы психологии. –1981. –№ 6.– С. 59–74.
6. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (основные положения, исследования и применения).– СПб.: «Питер Пресс», 1997. – 608 с.

Gryban Grygoriy, Zhytomyr State University named after Ivan Franko,
Professor, Doctor of Education, the Faculty of
Physical Education and Sport, The Head of the Department
of Physical Education and Recreation,
Romanchuk Sergiy, Lviv State University of Physical Culture,
Doctor of Physical Education and Sports,
The Professor of the Department
of Physical Education Theory and Methodology,
Romanchuk Victor, **Boyarchuk Oleksandr**,
Teaching and Research Unit of Zhytomyr
Military Institute named after S. P. Korolev
State University of Telecommunications, Department
of Physical Education, Special Physical Training and Sport

The Formation of Students' Sports Recreation Competences while Studying at Higher Educational Institutions

Abstract: The article reveals the aspects of the formation technology of students' sports recreation competences at higher educational institutions. At the heart of studying technology is the planning of students' high-performance educational activities and tutor's managerial activities.

Keywords: physical fitness, learning process, sports and health competencies, methodical system, student.

Грибан Григорій, Житомирський державний університет
ім. Івана Франка, професор, доктор педагогічних наук,
завідувач кафедри фізичного виховання та рекреації,
Романчук Сергій, Львівський державний
університет фізичної культури, доктор наук з
фізичного виховання і спорту, професор
кафедри теорії і методики фізичного виховання,
Романчук Віктор, професор,
Боярчук Олександр, доцент, Навчально-науковий
підрозділ Житомирського військового інституту
ім. С.П. Корольова Державного університету
телекомунікацій, кафедра фізичного виховання,
спеціальної фізичної підготовки і спорту

Формування фізкультурно-оздоровчих компетентностей у студентів під час навчання у вищому навчальному закладі

Анотація. В статті раскрыты аспекти технологи формирования физкультурно-оздоровительных компетентностей у студентів вищих учебных заведений. В основу технологи обучения положено проектирование высокоэффективной учебной деятельности студентів и управленческой деятельности преподавателя.

Ключевые слова: физическое воспитание, учебный процесс, физкультурно-оздоровительная компетентность, методическая система.

Постановка наукової проблеми і її значення. Орієнтація навчального процесу у вищих навчальних закладах на інноваційні технології фізичного виховання, які формують фізкультурно-оздоровчі компетентності у студентів, призводить до суттєвих змін його змістової і процесуальної складових, детермінує модернізацію традиційної системи фізичного виховання. Цей процес вимагає від науковців і викладачів розробки і модернізації методичної системи фізичного виховання, яка становить теоретичні і методичні засади навчального процесу.

Аналіз дослідження даної проблеми. Ефективність системи фізичного виховання на сучасному етапі розвитку освіти в Україні визначається адекватним вибором мети і завдань, організаційних форм, методів і засобів навчання, оздоровлення та виховання у їх раціональному поєднанні для формування у студентів фізкультурно-оздоровчих компетентностей. В той же, час перша українська програма з фізичного виховання для студентів вищих навчальних закладів III–IV рівнів акредитації дала достатні підстави стверджувати, що ми маємо справу з теоретичною, методичною і практичною проблемою, як протиріччям між високим рівнем наукових досліджень у галузі розробки та використання сучасних педагогічних технологій становлення фізкультурно-діяльнісної особистості і “вчорашнім” днем у прописаному у програмі підході до вирішення освітніх завдань [1].

Вдало прописана у програмі освітня компонента змісту дисципліни на рівні її завдань у дійсності не виконується взагалі, оскільки відсутня нова комплексна система оцінювання успішності з фізичного виховання, яка б поєднувала дві основні сторони змісту дисципліни – становлення у студентів знань і вмінь досягати та підтримувати добрий стан здоров'я, а також компоненту направлено фізичного розвитку та збереження високої працездатності. Таким чином, як і раніше, майже вся увага викладачів зосереджена на моторній складовій фізичного виховання [1, 2], тобто на складанні тестів з фізичної підготовки.

Впровадження, розробленої нами методичної системи фізичного виховання студентів [3] має категоризувати і структурувати певні критерії й еталони навчально-виховного процесу. Від правильності та обґрунтованості методичної системи великою мірою залежить рівень і характер отриманих знань, умінь і навиків, які сформують у майбутнього фахівця фізкультурно-оздоровчі компетентності. Тому методичну систему фізичного виховання необхідно розглядати як велику і складну систему, що містить значну кількість компонентів і підсистем, вимагає певної і стабільної впорядкованості й раціонального керування, виходячи з мети, завдань і змісту фізичного виховання.

Аналіз літературних джерел показав, що сьогодні не існує комплексних досліджень у фізичному вихованні, направлених на формування у студентів фізкультурно-оздоровчих компетентностей, які необхідні для забезпечення подальшої життєдіяльності, високої працездатності та дотримання здорового способу життя.

Мета і завдання дослідження спрямовані на теоретико-методологічне обґрунтування поняття “фізкультурно-оздоровча компетентність” та виявлення шляхів її формування під час навчання студентів у вищих навчальних закладах.

Результати досліджень та їх обговорення. Фізичне виховання як навчальна дисципліна дозволяє вирішувати одночасно освітні, виховні та оздоровчі завдання, які спроможні забезпечити збалансований педагогічний вплив на студента відповідно до сучасних вимог формування творчої, інтелектуальної, морально стійкої та фізично досконалої особистості, яка володіє фізкультурно-оздоровчими компетентностями.

Поняття “компетентність” трактується як складна інтегрована характеристика особистості, пов’язана з сукупністю знань, умінь, навичок, ставлень, а також досвіду, що дає змогу ефективно провадити діяльність або виконувати певні функції, забезпечуючи розв’язання проблем і досягнення певних стандартів у галузі професії або виді діяльності [4, с. 18].

У галузі фізичного виховання майбутніх фахівців під *компетентністю* можна розглядати: складне системне особистісне утворення, що містить мотиваційно-ціннісні орієнтації на здоровий спосіб життя; емоційні і волевові складові, які забезпечують готовність фахівця до фізичного самовдосконалення і саморозвитку за допомогою засобів фізичної культури та спорту; наявність системних фізкультурно-оздоровчих знань, досвіду, вмінь і навичок для вирішення фізкультурно-оздоровчих питань у соціальній інфраструктурі, виробничому колективі, сім’ї тощо.

До фізкультурно-оздоровчих компетентностей майбутніх фахівців належать:

- *методична компетентність* – характеризується рівнем теоретичних знань у галузі фізкультурно-оздоровчої та спортивної діяльності, вміннями виконувати фізичні вправи та види рухової активності, наявністю знань безпеки життєдіяльності та наданням першої допомоги потерпілому, організацією здорового способу життя в сім’ї або колективі. Методична компетентність майбутнього фахівця розглядається як результат методичної підготовки випускника університету, який має бути здібним і готовим виконувати основні фізкультурно-оздоровчі і тренувальні функції спортивної діяльності, що визначаються його функціональною структурою методичного мислення. Це вирішальна складова фізкультурно-спортивної компетентності фахівця, яка характеризує рівень розвитку методичного мислення, яке необхідне для продуктивного, творчого і практичного вирішення фізкультурно-оздоровчих завдань у різних умовах життєдіяльності.

- *проектувальна компетентність* – здатність до проектування власної рухової активності, способу життя, підтримання доброго стану здоров’я, високої фізичної підготовленості і працездатності та вміння передати це іншим;

- *управлінська компетентність* – наявність знань, умінь і навичок організувати й керувати фізкультурно-оздоровчою і спортивно-масовою роботою у сфері виробничого колективу, певної громади, сім’ї;

- *особистісна (індивідуально-психологічна) компетентність* – здібність і вміння встановлювати міжособистісні відносини: “студент – викладач”, “студент – колектив

студентів”, “майбутній фахівець – члени трудового колективу”, “фахівець – управлінсько-адміністративний апарат” тощо;

- *рефлексивна компетентність* пов’язана з уміннями виконати самоаналіз і самооцінку своєї фізкультурно-оздоровчої діяльності, оцінити стан здоров’я, фізичного розвитку, фізичної підготовленості, працездатності, рухової активності та поставити нові фізкультурно-оздоровчі завдання для себе та працівників свого колективу.

Процес формування фізкультурно-оздоровчих компетентностей у студентів вимагає відображення взаємозв’язку і взаємодії наукових підходів до вивчення проблеми методичного оновлення навчального процесу з фізичного виховання, а саме:

- *гуманістичного підходу*, за якого студент розглядається як неповторна унікальна особистість, яка володіє великими можливостями, що можуть бути нею реалізовані за умови надання необхідної психолого-педагогічної і фахової допомоги;

- *системно-діяльнісного*, ідеї якого відображаються при структуризації змісту освітньо-оздоровчої підготовки до життєдіяльності та професійної роботи з позиції міждисциплінарних інтегрованих зв’язків (фізичної культури, теорії і методики фізичного виховання, педагогіки і психології, гігієни й екології, анатомії і фізіології, валеології тощо), що забезпечують високу орієнтацію у безпеці життєдіяльності людини;

- *особистісно зорієнтованого*, з позиції якого розглядається суб’єкт-суб’єктна взаємодія викладача і студента, що забезпечує трансформацію об’єктивності змісту підготовки студентів до фізкультурно-оздоровчої діяльності та дотримання здорового способу життя у суб’єктивні смислові ціннісні погляди і переконання;

- *культурологічного*, з позиції якого фізична культура є частиною загальної культури, сукупністю спеціальних духовних і матеріальних цінностей, спрямованих на оздоровлення і розвиток фізичних здібностей;

- *системного підходу*, що передбачає усвідомлення методичної системи фізичного виховання студентів як певної педагогічної системи і дозволяє розкривати закономірні зв’язки між окремими її компонентами, одним із яких є навчальний процес;

- *акмеологічного*, суть якого спрямована на врахування закономірностей розвитку і саморозвитку студента; самореалізацію анатоμο-фізіологічного і природного потенціалу і формування готовності до самостійної життєдіяльності.

- *компетентнісного підходу*, що дає можливість розглянути фізкультурно-оздоровчу освіченість студента як сукупність певних компетентностей;

- *інноваційного підходу*, спрямованого на вибір та впровадження в систему фізичного виховання студентів новітніх педагогічних технологій фізкультурно-оздоровчого та реакраційного спрямування;

Реалізація наукових підходів можлива за умови упровадження в навчальний процес методичної системи фізичного виховання студентів, яка базується на таких положеннях:

- 1) навчальний процес з фізичного виховання конструюється як методична система, яка має свою мету, завдання, зміст, методи, форми і засоби виховання та підготовки студентів;
- 2) навчальна дисципліна “Фізичне виховання” є обов’язковою в навчальному плані вищих навчальних закладів протягом усього періоду навчання студента, розглядається в єдності змістового і процесуального компонентів повноцінної підготовки майбутніх фахівців;
- 3) практичний розділ з дисципліни “Фізичне виховання” включає традиційні та інноваційні засоби фізичної культури;
- 4) методи, форми і засоби фізичного виховання повинні бути адекватні майбутній професійній діяльності випускника.

Висновки. Модернізація методичної системи фізичного виховання і упровадження її у навчально-виховний процес дозволяє розкрити фізкультурно-оздоровчу компетентність студента як інтегративний багатофакторний стан фахівця, що характеризується гностичними, проектувальними, конструкторськими, моделювальними, технологічними, комунікативними, організаційними знаннями, вміннями і навиками, які забезпечують високу якість життєдіяльності.

Перспективи подальших досліджень спрямовані на розробку нових фізкультурно-оздоровчих технологій формування фізкультурно-оздоровчих компетентностей у фахівців педагогічних навчальних закладів.

Список літератури:

1. Приходько В., Шуба В. Чи є перша українська навчальна програма з “Фізичного виховання” для вищих навчальних закладів програмою розвитку цієї дисципліни? // Спортивний вісник Придністров’я: наук.-теорет. журнал Дніпропетр. держ. інституту фіз. кул. і спорту, 2004. – № 7. – С. 73–76.
2. Грибан Г.П. Історичні аспекти становлення і розвитку системи фізичного виховання у вузах України: наук.-метод. розробки для студ. та викл. кафедр фіз. вихов. – Житомир: ДАЕУ, – 2008. – 80 с.
3. Грибан Г.П. Методична система фізичного виховання студентів: навч. посіб. – Житомир: Вид-во Рута, 2014. – 306 с.
4. Пометун І.О. Формування громадської компетентності: погляд з позицій сучасної педагогічної науки // Вісник програм шкільних обмінів. – 2005. – № 23. – С. 18–24.

*Gulyakin Dmitriy Vladimirovich, Kuban State
Technological University, associate professor,
candidate of pedagogical science*

Socio-information culture students technical high school

*Гулякин Дмитрий Владимирович, Кубанский
государственный технологический университет,
кандидат педагогических наук, доцент*

Социально-информационная культура студента технического вуза

Тенденции развития современной цивилизации предъявляют к образованию требования, связанные с преодолением *противоречий между ценностями общества и сложившимся содержанием образования*. Разрыв между культурой и образованием связан с тем, что образование, выступавшее первоначально как процесс и результат целенаправленного освоения культуры, все более совершенствуясь, постепенно приобрело черты изолированной самодостаточности. Быстро меняющиеся требования реальной жизни приводят к тому, что на практике образование чаще направлено в прошлое, а не в будущее. Тем самым выявив закономерное отставание темпов преобразования социальной надстройки образования. Наиболее ярко этот кризис отражен в техническом образовании, который заключается в его дегуманизации, в отрыве от человеческих ценностей. *Проблема кризиса высшего технического образования* связана с разрывом между гуманитарной и технической культурой. А ведь технический специалист не может быть состоятелен и успешен, если имеет только технические и технологические знания и не ориентируется в гуманитарных проблемах, коммуникативных стратегиях, не владеет социально-информационными навыками. *Социогуманитарная (в нашем исследовании – социально-информационная культура)* составляющая должна стать неотъемлемой частью профессиональной культуры инженера, поскольку определяет социально приемлемую траекторию его научных изысканий и технических проектов, способов их реализации и практического применения [1]. Гуманитарная подготовка студента технического вуза является важнейшим показателем (критерием) не только их культурности и интеллектуальности, но и профессионализма, компетентности, гарантией гуманизации техники, технологии и инженерии.

Современный социальный мир переживает информационно - технологический этап своего развития, он существует в форме информационной цивилизации. Такая форма

существования современного социума имеет высокие темпы изменений. Информационно-технологическая картина мира трансформируется в связи с изменением информационного окружения человека. Привычными для человека стали информационные технологии, информационные потоки, информационные продукты, образы которых закладываются в сознание современного человека. Помимо технических и технологических составляющих мир современного человека стал лавинообразно заполняться различной информацией, то есть принципиально меняется окружение человека.

Анализируя публикации [2-6 и др.] и научные исследования в области информационной (К.К. Колин, М.Г. Вохрышева, Б.С. Гершунский, Э.П. Семенюк, А.П. Суханов, И.И. Горлова и др.) и социальной (М.Вебер, А.Вебер, Т.Парсонс, Лесли Уайт, Р.Мертон, А.Моль, К. Манхейм, О.Г. Филатов, С.А. Ерофеев и др.) культуры мы спроектировали дефиницию социально-информационной культуры общества.

Социально-информационная культура общества - это качественная социокультурная характеристика уровня развития всех осуществляемых в обществе информационных процессов, отражающая современные тенденции:

- информация является фундаментальным фактором социального процесса становления и развития информационного общества;
- социально-информационная культура общества – это основа цивилизации, вступающей в информационную эпоху;
- человек формируется как «человек информационный»;
- информационная деятельность является одним из основных способов жизнедеятельности человека;
- информационная компонента культуры в целом, объективно характеризует уровень всех осуществляющихся информационных отношений;
- культура социогуманитарных и информационных отношений становится важнейшим фактором современного и будущего состояния социальной общности людей;
- информативность индивида формирует необходимый уровень, соответствующий уровню развития культуры формирующегося информационного общества;
- информативность индивида приобретает аксиологический характер, то есть обусловленный ценностным представлением людей о социальной сфере общественной жизни, социальных процессах формирующегося информационного общества;
- отношение к социальным ценностям, степень их приоритетности, роль в определении мотивов общественного поведения индивидов и групп и увеличение социальной ответственности индивида за принятые решения в условиях формирующегося информационного общества.

Таким образом, социально-информационная культура проявляется через отношения к информационным процессам в различных сферах жизнедеятельности.

В свете этого определения мы отмечаем что мнению, *социально-информационная культура* обеспечивает свободу выбора, и ориентирует на жизненное самоопределение

студентов, вооружённых умениями соотносить полученные знания с фактами и событиями, происходящими в обществе, правильно их использовать в своей деятельности и самостоятельно пополнять. В этом определяющее положение занимает информационно-технологическое мировоззрение.

Информационно-технологическое мировоззрение проявляется в ориентированности личности осуществлять информационно-технологическую деятельность в соответствии с правовыми, этическими и моральными нормами работы в информационной среде. По нашему мнению информационно-технологическое мировоззрение предполагает, ценностное отношение к объектам и социальным, культурным, экономическим явлениям быстро меняющейся информационного общества, мировоззрение о глобальном информационном пространстве, информационных взаимодействиях в нем, возможностях и проблемах его познания и преобразования человеком. Именно информационно-технологическое мировоззрение влияет на социальное и информационное сознание и поведение человека. Ведь деятельностью человека управляет находящаяся в его сознании модель мира, это положение оказывается очевидным в контексте воздействия современных ИКТ на сознание человека. Социальные основания воздействия ИКТ на сознание человека в информационном обществе дают возможность при помощи телекоммуникационных и информационных технологий конструировать адаптивно-изменяющую повседневную жизнь.

Здесь нельзя не заметить важность информационного поведения человека. Информационное поведение, с одной стороны, отражает активность личности как познающего субъекта, его умение ориентироваться в информационном пространстве. С другой стороны, в информационном поведении проявляется степень доступности и комфортности использования совокупных информационных ресурсов или, иными словами, те возможности, которые общество предоставляет индивиду, стремящемуся состояться как профессионалу и личности.

Поэтому *информационно-технологическое мировоззрение* формирует информационную социогуманитарную позицию, социокультурное мышление, способствующее активно действовать в социальной, информационной и профессиональной сферах информационного общества. Обретение информационно-технологического мировоззрения будущим специалистом является одним из важнейших критериев адаптированности личности к профессиональной среде. Такой подход обеспечивает личностно-смысловое развитие студентов, поддерживает индивидуальность личности, превращает её из пассивного объекта воздействия культуры в субъект культурного творчества. Формирование у будущих специалистов технического вуза социально-информационной культуры предполагает ее гуманитарный тип, в основе которого лежит целостное представление об информации как культуурообразующей среде.

Социально-информационная культура студента технического вуза – это личностно-профессиональное новообразование в системе качеств студента технического вуза:

- включающая информационно-технологическое мировоззрение (правовые, этические и моральные нормы, ценности информационного общества);

- *характеризующая* уровень социального, информационного и культурного сознания, мышления и поведения;
- *формирующая* информационную социогуманитарную позицию в обществе;
- *выступающая* целевым социогуманитарным ориентиром (для создания условий в вузе) успешной социальной адаптации и результативной профессиональной деятельности будущего специалиста в условиях формирующегося информационного общества.

Таким образом, фундаментальным аспектом социально-информационной культуры студента технического вуза является информационно-технологическое мировоззрение, которое обеспечивает становление профессионального социально-информационного сознания, мышления и поведения в формирующемся информационном обществе.

В качестве перспективы дальнейшего исследования социально-информационной культуры студентов технического вуза рассматриваем формулирование соответствующей концепции, позволяющей разработать модель и педагогические условия формирования названной культуры в пространстве современного университета.

Литература

1. Гулякин Д.В., Обоснование культурологического подхода к формированию личностно-профессиональных качеств студентов. Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 6 (122). С. 51-55.
2. Горлова И.И. Информационная культура и проблемы культурной политики // Проблемы информационной культуры: Сб.статей. - М., 1994.С.90-100.
3. Гершунский Б.С. Философия образования [Текст] / Б.С. Гершунский. – М.: Высш. шк., 2008. - 234 с.
4. Колин, К.К. Информационная глобализация общества и гуманитарная революция / К.К. Колин // Alma Mater. - 2002. - № 8. - С. 3-9.
5. Манхейм, К. Избранное: Социология культуры / Академия исследований культуры. - М.; СПб.: Университетская книга, 2000. - 505 с.
6. Мухамеджанова, Н.М. Духовный кризис личности как отражение кризиса культуры. - Оренбург, 2001. - 146 с. 4 Филатова, О.Г. Социология культуры: Конспект лекций. - СПб.: Михайлов, 2000. - 46 с.

*Skiba Eleonora, Dnipropetrovsk National Mining University,
PhD, Associate Professor, the Department of Philosophy*

Habermas about the problems of modern identity

Abstract: The article is devoted to problem of modern identity's essence. The article highlights Jürgen Habermas's opinion on different difficulties while trying to define the basis point of identity.

Key words: identity, reasonable identity, self-identity, identity's essence, collective identity, true identity, flexible identity.

One of the key challenges of today's philosophy of life is a problem of identity. Nowadays there is almost no room for determinism, for the so-called laws of history or objective truth of history. We have come to the completely different style of thinking about the world. There is no any «true», «absolute» center, which would take the decision, but instead there are multiple choices, which the individual must always take into his \ her account and put into his\ her practice. This social practice offers some freedom but requires a lot of responsibility. Identity and gender identity are not assumed to be established, stable categories any more, their content is being changed constantly; this content is very flexible and responsive to social changes. It is a kaleidoscope of different contexts, roles and experiences with which the individual faces while implementing his/ her self. Individual who tries to accept the challenges of a contemporary life should take this life in all its fullness and its constant change. In this case, the gender identity, for instance, is now understood as a socio - cultural construct, which articulates itself as a state of the process, and therefore, stays in unfixed, «fluid» and «flexible» state. Without taking into consideration and putting into practice this point of view it is impossible to understand and use the essence of relations and identity as fundamental element.

The essence of identity and its various aspects have been analyzed in the works of Jürgen Habermas. Among the numerous problems he studies there is a question whether the multi composite society is able to form the different type of identity. While answering this question, Habermas emphasizes the need to find out what sense we use this concept. Analysis of various factors, under Habermas' opinion, suggests that the process of finding the content of identity's essence is not a simple task. While making this analysis we, above all, must distinguish the use of this concept to the individual and to society. In this regard, the philosopher writes that society generates its own identity in some sense. He points out that the fact that society does not lose its identity means the society put its own efforts to achieve this aim. He suggests that taking into account this fact we assume that society might not achieve its «true» or «veritable» identity [2, c. 8]. We know that there exists a universal basis for any agreement on general normative principles even among members of pluralistic societies who differ on questions of value and

good life [1, p.3-49]. But Habermas emphasizes that modern societies are quite complex. So, it's difficult to express different social processes with help the same word «identity». Thus, we should avoid using the same word to different processes. Otherwise we face with contradictions. Habermas stresses the established ego identity has a peculiar ability to remain identical to the internal essence of self even suffering the deeper changes in the structure of personality, the changes via which they respond to contradictory situations arisen. However, he believes that in order to become the basis of personal identity, some signs of self should get intersubjective recognition. Moreover, this difference of self from others should be recognized by the others. In a modern, pluralistic societies, social norms can derive their validity only from the reason and will of those whose decisions and interactions are supposed to be bound by them [1, p.3-49].

The symbolic unity of identity is considered to be based on belonging to a group of symbolic reality, on the ability to localize self within the world of this group. He points out that the identity of adults should be confirmed and established in ability to form a new identity and simultaneously integrate all these identities with identities previously overcame or formed. It demonstrates the organization of self and all interactions in the unique biography's unity. Such self-identity allows to put into practice this autonomization and individualization, which are incorporated in the structure of self on stage of role identity [2, c. 13].

Habermas emphasizes that the identity expresses the paradoxical circumstance that self as a person in general sense is equal to all others, but as an individual is absolute to all others. He quotes Hegel that there is the absolute universality and absolute individualization. They constitute the nature of self and the nature of concept. Neither the nature of self nor the nature of concept can be understood if we don't take them both simultaneously in their abstraction and their complete unity.

Basing on this thesis of Hegel, Habermas emphasizes that only a universalistic morality that classifies universal standards as reasonable can be defended as true. The philosopher comes to the conclusion that only the concept of self-identity, which simultaneously provides person with freedom and individualization while being in compound role systems, can show us the acceptable guidelines for formation process in today's life.

However, according to Habermas, as soon as we take into account these points, we are faced with an empirical question: how universalistic structures of self are established and how they can be preserved in society if not universalistic principles are embodied in the basic institutions of society.

We know that self-identity can be formed only on the basis of wide group identity. There is also the following question: whether it is possible to correlate post conventional self-identity with certain group identity and, therefore, the spirit of a particular society? While answering these questions, Habermas points that under universalistic reasonable standards it is not so important to recognize the privileged position of certain groups capable of forming identity (which is the family, city, state or nation). We should understand that the state - civil or national identity should be extended to the world - civil or universal identity. However, according to Habermas, this idea raises the following question: can such identity be well-defined; can the sense of such identity be determined in general meaning? In this regard, he writes that humanity

as a whole idea is an abstraction; it is not a certain group on a global scale, which could form the identity in the same way as the tribes or the state form the identity.

He emphasizes that, in any case, humanity as a group is an abstraction until the state itself, in its turn, may be trying to distinguish itself from other populations in the universe, is not connected again in a particularistic unity. He thinks that humanity as a global society could take the place of a collective identity, on which postcolonial self-identity will be formed [2, c. 15-16]. Referring to the anthropological and sociological studies, philosopher considers the ratio of major identity and self-identity, relying on the four stages of social evolution.

Analyzing these stages, he gives them a brief description. In particular, the philosopher notes that in archaic societies, which determine the structure of kinship relations, the mythological picture of the world was formed. Social relations within the family and the tribe served as the scheme of interpretation. According to this scheme the mythological thinking created an analogy between natural phenomena and cultural phenomena. The anthropomorphism of nature and naturalization of human society creates a set of similarities and correspondences. Habermas concludes that everything in some obvious way is connected with everything. In the mythological world, all entities, under Habermas, appear as uniform ones. Individuals are substances just like rocks, plants, animals and gods. Philosopher emphasizes that we are tempted to compare the identity of the individual in archaic society with natural identity of the child, which under Hegel, is called candid, frank and therefore unspiritual and purely natural unity of the individual with his clan and the world in general.

Habermas notes that at this stage the problem of identity cannot be arisen. The problem can occur if there is the differentiation of a single, particular and universal, which we can observe, for example, in the world of polytheistic religions.

There is a structural dissimilarity between collective identity tied to a particular state and self-identities who meet the Universalist community requirements. He notes that the problem of identity exists in all high-developed cultures, but it is recognized only with the entry into modern times. The reason for this situation, in Habermas' opinion, that before modern times there were a great number of mediating mechanisms. Hegel, characterizing the era of modern times, notes that at this period a split between subject and society occurred. Habermas draws attention to the fact that the modern nature of identity, namely the split between the self and society, cannot be solved, if we fail to find and express the notion of the absolute sameness of self or spirit with nature in general. On Habermas' opinion, it's highly necessary to form such notion which can express the idea that the worlds of nature and history are being kept with the force that constantly generates the split itself and itself overcomes this split [2, c. 27]. It is a model of such a spirit that knows its identity, the sameness with itself; this spirit has got absolutely opposite the Other both outside and in front of itself, namely, the Nature, but nevertheless this spirit preserves the relation of identity between its identity and non-identity. Habermas concludes that intersubjective preservation of self-identity is the original experience of dialectic.

He argues that as soon as the philosophy of unity is succeeded in finding the spirit in its external existence in the nature, the notion of objective spirit can overcome the split between self and society.

The philosopher stresses that we should take into account the fact the spirit reproduces the nature in itself while splitting; it happens in the form of public institutions and the process of natural history. With help of this notion the subjective spirit can be understood in the Universalist sense as free will and at the same time the subjective spirit can be identified with the particularism of the national spirit and a certain special state. As Habermas says the objective spirit, despite its particularity, has got the universality and the peculiar mind. Unity of objective and absolute spirit is capable to solve the problem of the modern identity. Habermas points that Hegel made the attempt to create some knowledge for modern consciousness which guarantees the self.

He writes that Hegel includes all the phenomena in the overall structure of the self-mediating process of absolute spirit in a way that they (phenomena) highlight the point where the modern self finds its place. It is a structure that explains the nature and history in their substantial diversity. It is also a structure where self can create and maintain identity [2, c. 28-29].

Habermas aims to discuss Hegel's thesis, which states that trying to find its reasonable identity modern society has defined it (identity) as identity of the modern constitutional state and philosophy should present this identity as reasonable one. While commenting on this Hegelian thesis, Habermas emphasizes that Hegel sees the intelligent life of self-conscious freedom in the state. That's why the awareness of people that they live under the rule of reasonable laws is connected with the reality of a state and belongs, therefore, to this reality.

He believes that the question of creating a collective identity need to be put another: when we are searching for a replacement of religious teaching that integrates normative consciousness of the entire population, we assume that modern societies are still constituting their unity in the form of world pictures, meaningful fixing the common identity. This assumption can't be done or accepted any more.

Today we can identify the roots of collective identity only in those formal conditions which create and modify the projections of identity. Collective identity is no longer opposed to individuals as the contents of the tradition, where their own identity can be formed as on a fixed objective basis. Rather, the individuals themselves are involved in the formation and expression processes where the identity should be defined by these individuals together. Just those norms are valid to which all possible affected persons could agree as participant in rational discourse [1, p.3-49]. Reasonableness of identity's contents can be measured in structure of the process of its creation, namely, the formal conditions of the creation and the revision of flexible identity in which all members of society can recognize and suddenly admit, respect each other [2, c. 33-34]. Habermas articulates the focus on the key content of the Hegelian thesis: the state organization is still the level at which society shapes its identity.

He flock question that if the claim that modern society creates a reasonable identity in the form of a constitutional state is true, the interest of the whole society should be expressed and all the special purposes should be implemented in the state institutions. However, Habermas points out, the difficulties arisen when we try to think about reasonable identity for a composite society cannot force us to abandon the categories of individual and group identity. But this difficulty, in his opinion, leads to decision that a notion of identity should be recognized as historically outdated. Taking into account the achievements of the modern humanities knowledge, Habermas

presents his understanding of the phenomenon of identity. First of all, from his point of view, the new identity of the society that overcomes the boundaries of individual states cannot relate to any particular territory or rely on a certain organization. The new identity can no longer be determined by the membership in their union.

He says that even the collective identity can be understood only in reflexive forms. The basis of a such identity can't be defined as understanding of universal and equal chances to participate in such communicative processes in which the formation of identity is a continuous process of teaching, learning, studying [2, c. 49]. According to Habermas, the new identity of a new appearing world society cannot find its expression in the paintings of the world. However, in order to be a structurally similar addition to post conventional selves, this new self must be based secretly on the values of Universalist morality. But morality, under Habermas, can be reduced to the basic norms of rational speech, and it somehow promotes the collective identity, which has its reason and sense in the understanding of universal and equal chances to participate in the processes of teaching, learning, that create the norms and values. Philosopher believes that such identity no longer needs the constant contents to maintain its stability, but it wants the contents in each particular case. At the same time, these contents guarantee the identity, the interpretation systems, which today can clarify the place of man in the world. These contents are different from the traditional picture of the world not because of their smaller coverage but their possibility to revise the status. If we set ourselves the task of finding the projection of identity that has a scientific background, we will be faced with some areas of interpretation. In particular, the global interpretations, inspired by system's theory, challenge the opportunity and sense of identity formation at the macro level of society. At this stage the identity's problems go to the shadow of system management problems and have, at best, the provincial significance. Habermas stresses that the global interpretations, inspired by etiology, call us back to the solid and narrowly defined identity, based and rooted on the natural substrate. This approach, according to Habermas, comes from the fact that the identity's problems arise from the civilizing deviations from the norm and overcome the tolerance limits set by the organic laws of man. And here there is another aspect of the global interpretation, which, according to Habermas, goes back to Marx and Hegel. This approach does not believe any more in universal makings of reasonableness given human as reliable data. But nonetheless, he says, Marx and Hegel firmly follow the universal and inevitable assumptions that (no matter how controversial they can be) are an integral part of speech, and therefore, they work as the socio-cultural forms of life. They require the socialization processes follow the imperative of individual and group identity formation. Habermas notes that such projections of identity cannot claim the status of scientific theories; rather they are hypotheses that can or cannot be validated only when they (really and significantly) structure the representation of the population of any country about the world and themselves. This influence of projections can be harmful if they promote the development of a false identity.

As for idea about the new world society's identity, accompanied by the knowledge that this society still can't be defined as stable one, it (the new identity) cannot be focused on traditional values in a retrospective way. He warns it also cannot be solely focused on the perspective planning problem or projective forms of life. The scientist notes that planning

problems reflect the system problems and limitations of the system structures; they also reflect how they are understood by people and which way they become the subject of political decisions or administrative measures. Thinking of the projected life forms, Habermas points that in these forms we can see the communicative offset of societies' values and norms. But radical orientation toward the future, extending up to the formation of identity, is to be oriented on the basis of a new identity. So, while thinking about future society we must think up the basis of new identity. Otherwise, all our attempts, efforts to achieve success in social, economic, cultural spheres will fail.

Scientist emphasizes that the basis of a new identity should be understood as possibilities of equal chances to participate in the processes of norms' and values' formation. But this basis cannot be a simple projection. Otherwise, he said, it would be just the program which remains abstract. Habermas brings up the question of value of basis for identity's stability. Having made a detailed and careful analysis the philosopher comes to the decision that it is not easy to find the clear and unambiguous answer on basis.

It should be noted that the followers of different scientific theories have to admit any of the theories are not able to give a clear indication of borders and frames of identity. The logic framework presupposes the use of hierarchy which can't be recognized by any marginal class. It is impossible to place in a narrow framework all the wealth of the person's experience. Any board's drawing or establishing a rigid framework suggests the suppression of Other's experience by these regulatory frameworks which work as cultural, social norms. This issue is a new urgent challenge for all cultural society of the world if the world wants to live in peace.

References:

1. Habermas J., Cronin C., De Gereiff P. The introduction of the Other: Studies on Political Theory / Jurgen Habermas, Ciaran Cronin, Pablo de De Gereiff.- The MIT Press, 2000. - 228 c.
2. Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности: Философские и политические статьи / Юрген Хабермас. - Донецк, 1999.- 123 с.

*Ph.D., ass. prof. Erlan Kenzhebaevich Seisenbekov,
Euro-Azian National University "L. N. Gumil'ov",
Astana, Republic of Kazakhstan,
Tastanov Adilbay Zhumataevich, Kazakh National Pedagogical
University named after Abai, Ph.D., professor, Almaty,
Republic of Kazakhstan,
Abdikarimova Gauhar Abdihalikovna, Kazakh National
Pedagogical University named after Abai, Ph.D.,
Almaty, Republic of Kazakhstan*

Comparative analysis of the forms of organization of physical education and school testing physical properties of young athletes

*Сейсенбеков Ерлан Кенжебаевич, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, кандидат педагогических наук, доцент, факультет Социальных наук,
Тастанов Адилбай Жуматаевич, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, кандидат педагогических наук, профессор, г. Алматы, Республика Казахстан,
Абдикаримова Гаухар Абдишаликовна, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, кандидат педагогических наук, г. Алматы, Республика Казахстан*

Сравнительный анализ форм организации физического воспитания школьников и тестирования физических качеств юных легкоатлетов

Постановка научной проблемы и ее значение: кризис системы физического воспитания и относительная неготовность самой физической культуры развиваться вне этой системы обернулись для общества рядом негативных последствий [1].

Учебная программа по физическому воспитанию, разработанная Американским Альянсом здравоохранения, физического воспитания, танцев и рекреации, содержит 5 направлений развития физических качеств [2].

Новая программа физического воспитания в начальных школах одного из округов штата Вирджиния содержит, наряду с разделами двигательных навыков, психомоторного

развития, физической подготовленности, раздел формирования навыков социального взаимодействия [3].

Созданный в Великобритании проект школьного физического воспитания под названием «Счастливые сердца», являющийся частью проекта «Следите за своим сердцем», рекомендует физическую активность детей в течение 20 мин. не менее 3 раз в неделю с интенсивностью, при которой ЧСС достигает 140 ударов в минуту [4].

В программах физической подготовки учащихся общеобразовательных школ восточноевропейских стран упор сделан на расширение физкультурно-оздоровительной, и особенно внеклассной, внешкольной спортивной работы. В них предпочтение отдается спортивным и подвижным играм, которые являются наиболее эффективным средством всестороннего воспитания детей школьного возраста [5, 6, 7, 8].

Одним из актуальных вопросов спортивной тренировки легкоатлетов является изучение возрастных особенностей развития у них основных физических качеств. Достижение высоких спортивных результатов в легкой атлетике зависит от многих факторов, основным из которых является максимальное соответствие индивидуальных особенностей личности требованиям избранной специализации. В связи с этим, знание требований конкретного легкоатлетического вида – важнейшее условие нормирования, планирования, контроля и учета тренировочных нагрузок для юных бегунов.

Анализ исследований: в возрастной физиологии накоплены определенные знания, но в существующей литературе не достаточно изучена проблема развития двигательных качеств с учетом требований избранного вида спорта. Решение этой проблемы способствовало бы системному подходу к формированию легкоатлета и в конечном итоге раскрытию его способностей в достижении высокого спортивного результата [9, 10, 11, 12]. В некоторых восточноевропейских странах программы физического воспитания школьников в односторонне ориентированы на подготовку детей к определенному виду спорта с использованием принципов спортивной тренировки: направленность к максимуму достижений, углубленная специализация и индивидуализация, непрерывность тренировочного процесса, постепенный переход к предельным нагрузкам.

Современный уровень спортивных достижений, насущные задачи спорта диктует необходимость изучения и оценка всех систем спортсмена в их взаимосвязи, а также индивидуальных особенностей организма и их влияния на спортивные достижения.

Цель и задачи: – критерии оценок уровня развития физических качеств легкоатлетов (контрольная группа – КГ), и мальчиков (экспериментальная группа – ЭГ), не занимающихся спортом, являются сравнительным анализом показателей выполнения тестов. Нами регистрировались и анализировались следующие показатели: 1) Скоростные способности – бег на 30 м. 2) Координационные способности – челночный бег на 3x10 м. 3) Скоростно-силовые способности – прыжок в длину с места. 4) Аэробная возможность организма – 6-минутный бег на выносливость. 5) Динамическая сила мышц верхних конечностей – подтягивание на высокой перекладине (максимальное количество раз). 6) Определение уровня развития гибкости – наклон вниз.

Среди множества мнений разных авторов можно выделить четыре основных подходов в переосмыслении идей, задач, сущности, содержания физкультурно-

спортивной работы в школах и других учебных заведениях, предложенных с учетом концепции перестройки среднего образования.

Первый подход ориентируется в первую очередь на развитие познавательных сил и творческого потенциала учащихся в сфере физической культуры и спорта, на преимущественное усвоение знаний, двигательных умений и навыков.

В рамках второго, экстенсивного подхода, главными являются значимый тренировочный эффект, развитые кондиционные возможности и высокий уровень развития физических качеств за счет увеличения объема обязательных занятий физкультурой.

Третий, спортивно-ориентированный подход основан на рациональном сочетании классно-урочной и секционных форм занятий урочно-тренировочного типа, он ориентирует процесс физического воспитания на освоение спортивной деятельности, удовлетворение потребностей и интересов учащихся в сфере физической культуры и спорта, формирование привычки систематически заниматься избранными видами двигательной активности.

В рамках четвертого – оздоровительного подхода высшей ценностью рассматриваются здоровье учащихся, высокий уровень их физического развития и физической подготовленности.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования: в каждой из обследуемых групп было проведено одинаковое тестирование, в результате которого были выведены средние арифметические показатели по каждому из предложенных упражнений. По результатам наблюдений и тестирования был выявлен уровень развития физических качеств у юных легкоатлетов в учебно-тренировочном процессе.

Анализ результатов тестирования подтвердил гипотезу нашего исследования. Действительно, уровень развития основных физических качеств (силы, выносливости, быстроты, гибкости, ловкости) существенно отличается у детей занимающихся и не занимающихся спортом. В итоге, мы можем увидеть существенные различия уровня физической подготовленности тестируемых групп:

Первое упражнение предназначено для определения уровня развития силы. Ее сравнительный анализ позволяет говорить о том, что у детей-спортсменов более высокий уровень развития силовых способностей (экспериментальная группа $n=14$, контрольная группа $n=15$). Дети данного возраста обладают низкими показателями мышечной силы. Возрастные особенности этих детей ограничивают применение ими силовых упражнений на тренировках. Это обусловлено спецификой тренировок, направленных на начальном этапе подготовки на развитие скоростно-силовых качеств. При обследовании быстроты (челночный бег) было выявлено, что она более развита у юных легкоатлетов, хотя показатели детей, не занимающихся спортом, не на много отличаются от первых ($\text{ЭГ} = 6,92$; $\text{КГ} = 7,52$).

Тест для определения уровня развития выносливости (6-минутный бег) хорошо отражает, что специальная физическая подготовка легкоатлетов (1970 м) превышает выносливость в отличие от детей, не занимающихся спортом (1600 м) на 18,8%. Учитывая

физиологические особенности развития детей, на этапе начальной подготовки развитие выносливости не является основным. Но, по результатам данного теста можно отметить, что у юных спортсменов есть задатки для развития этого физического качества по сравнению с детьми, не занимающимися каким-либо видам спорта. Хорошим средством развития общей выносливости служат ходьба и бег.

Следующее физическое качество, необходимое для характеристики физической подготовленности – гибкость. Для характеристики физического развития 11-13 летних атлетов уровень гибкости является важным фактором, по которому можно в комплексе с вышеприведенными данными судить об общем физическом состоянии и здоровье человека. Тестирование степени гибкости выявило следующие данные: в ЭГ средние показатели (13,1 см) лучше на 2,3 см, чем в КГ (10,8 см). Это говорит о большей амплитуде выполнения задания на гибкость легкоатлетами. У младших школьников имеются все предпосылки к тому, чтобы приобрести такие качества, как гибкость и ловкость. Морфологические особенности опорно-двигательного аппарата, высокая эластичность связок и мышц, большая подвижность позвоночного столба – способствуют повышению эффективности специальных упражнений для развития этих качеств.

При проведении теста «прыжок в длину с места», характеризующего скоростно-силовые способности и анализе его результатов нами установлено, что у детей, не занимающихся спортом, данные физические способности развиты несколько слабее – разница 6 см.

Воспитание быстроты осуществляется с помощью скоростно-силовых упражнений (пробегание коротких отрезков дистанции на 20, 30, 60 метров с максимальной скоростью). Результаты теста бег на 30 м показали, что у детей контрольной группы способность к быстрому перемещению в пространстве развита слабее на 0,65 с, чем в экспериментальной группе.

Выводы: установлено, что при практически равных показателях антропометрических данных, физическая подготовленность детей, занимающихся легкой атлетикой, характеризуется более высоким уровнем развития. Этому способствуют правильно организованные регулярные тренировки, целью которых, особенно на начальном этапе подготовки, является развитие и совершенствование физических качеств.

По результатам исследования можно сделать вывод, что выбранные тестовые показатели являются эффективными контрольными упражнениями, с помощью которых можно следить за уровнем общей физической подготовленности юных спортсменов. Начало специализированных занятий легкоатлетов обычно приурочивается к 13-14 годам. Однако, до этого возраста необходимо создать предпосылки для спортивной специализации.

Список литературы:

- 1 Сейсенбеков Е.К. Научно-методическое обоснование внедрения новых организационных форм физического воспитания школьников: дисс...канд. пед. наук.: 13.00.04. Алматы.: 2006. С. 7-30.
- 2 Corbin S. Physical Fitness in the K-12 curriculum. Some defensible solutions to perennial problems // Journal of Physical Education, Recreation and Dance, 1988.-№ 7.
- 3 Kelly L. A university public school cooperative model for designing a district wide elementary curriculum // Physical education, recreation and dance, 1988.- № 6.- p.26-32.
- 4 Sleaf K., Warburton P. Physical activity patterns of primary school children. Happy heart project. – Health education authority, Tomas Nelson and sons LTD, 1990.
- 5 Бондаревский Е.Я., Карпов А.А. Анализ программ по физической культуре в социалистических странах // Теория и практика физ. культуры, 1985.- № 11.- С. 55-57.
- 6 Жаров Л.Б., Столярж А.Б. Физическое воспитание в зарубежных школах: пути формирования навыков здорового образа жизни // Теория и практика физ. культуры, 1991.- № 1.- С. 62-63.
- 7 Gropler H., Thies G. Grundpositionen und Standpunkte zur Effektivierung der Auswahl und Anordnung des Bildungsgutes fur den Sportunterricht in der Oberstufe. Theorie und Praxis der Korperkultur, 1985.- n.3.-ss.175-181.
- 8 Popov I. Konzeptionelle Grundlagen der Sportehplane in Bulgarien. Theorie und Praxis der Korperkultur, 1985.- n.3.-ss.184-186.
- 9 Суворова Н.Н. Воспитание физических качеств у легкоатлетов. –Улан Удэ, 2000.- 187 с.
- 10 Филин В.П. Воспитание физических качеств у юных спортсменов.-М.:ФиС,1974.- 232 с.
- 11 Зациорский В.М. Физические качества спортсменов. // Основы теории и методики воспитания // 2-е изд. - М.: ФиС, 1970. - 200 с.
- 12 Гужаловский А.А. Физическая подготовка школьника. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд.-во, 1980. - 151 с.

Zhukova Oxana,

Ph.D., Pedagogics; Associate Professor,

Department of Pedagogy, Faculty of Psychology,

Kharkov National University named after V.N.Karazin

Methodological principles of game modeling as part of creating methodological culture of a future teacher

Abstract: The article presents an analysis of psychological and educational publications and shows a variety of interpretations of the term “Methodology”. The term was formulated at different stages of the educational science and in different sets of conditions. It became the foundation for creating a set of respective principles. The educational methodological principles analyzed in the article are the basis for methodological principles of game modeling. The author claims that the mastering methodological and theoretical foundations of educational games is part of their professional culture and the process of meeting certain professional targets.

Key words: methodology, methodology of pedagogics, methodological culture, principle, methodological principles of pedagogical science, methodological principles of game modeling.

Жукова Оксана, Харьковский национальный

университет имени В.Н. Каразина,

кандидат педагогических наук, доцент, факультет психологии

Методологические принципы игрового моделирования как составляющая методологической культуры будущего педагога

Аннотация: В данной статье представлен анализ психолого-педагогической литературы, показывающий наличие неоднозначных определений дефиниции «методология», сформулированных в процессе развития представлений об этой области знания на разных уровнях и в разных контекстах. Обращено внимание на то, что этот термин находит воплощение в системе принципов. Выделенные методологические принципы педагогики служат основой методологических принципов игрового моделирования. Подчеркнуто, что овладение методологическими и теоретическими основами игровых технологий студентами является одной из составляющих методологической культуры и совершенствует качество подготовки будущих преподавателей.

Ключевые слова: методология, методология педагогики, методологическая культура, принцип, методологические принципы педагогики, методологические принципы игрового моделирования.

Одним из важнейших результатов процесса профессиональной подготовки будущего педагога является осознание им сложного характера взаимосвязи закономерностей, целей, принципов и правил педагогического процесса.

Современность научно-педагогического мышления будущего профессионала во многом зависит от уровня его методологической культуры. Проблеме ее формирования посвящены труды Е.В. Бережной, И.Ф. Исаева, П.Г. Кабанова, В.А. Мосолова, В.А. Слестёнина, В.Э. Тамарина, А.Н. Ходусова, Е.Н. Шиянова и других исследователей.

Одним из основных признаков методологической культуры педагога является понимание процедур, «закрепленных» за категориями философии и за теми основными понятиями, которые образуют концептуальный каркас педагогической науки [13, с. 309]

Цель данной статьи состоит в освещении значимости методологического компонента знаний как составляющей методологической культуры будущих педагогов, отраженной в их учебно-профессиональной игровой деятельности.

Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть понятие «принцип» как категорию методологического знания;
- определить место методологических принципов игрового моделирования в системе методологических принципов педагогики;
- выделить критерии сформированности методологической подготовки студентов к реализации принципов игрового моделирования в их учебно-профессиональной деятельности.

Для современного этапа методологического знания характерен глубокий анализ и пересмотр сложившихся и устоявшихся воззрений на содержание самого понятия «методология», а также концепций, положений, подходов, компонентов научного исследования, совокупности исследовательских средств. Эти направления нашли отражение в работах В.В. Краевского, Е.В. Бережной, А.М. Новикова, Д.А. Новикова, А.В. Усовой, А.В. Протасевича и др.

По справедливому замечанию методолога педагогики В.В. Краевского, получив существенное развитие за последнее десятилетие, методология продолжает служить руководством и ориентиром в научной работе [5, с. 16].

В своем исследовании автор обращает внимание на неоднозначность трактования понятия «методология». Этот факт он связывает с тем, что определение данного понятия выведено из «...общих философских оснований, не дающих однозначного понимания» [5, с. 11].

Ученый указывает на нечеткость представлений о методологии, порождаемых прямым переносом на педагогическую действительность того или другого акцента из существующих определений без учета особенностей педагогической науки [5, с. 11]. Широкое значение данного термина у исследователя совпадает с общефилософским значением этой дефиниции [17, с. 359], что позволило автору рассматривать методологию как «систему принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе».

Подобные рассуждения нашли свое отражение в работе А.В. Протасевича [14]. Так, рассмотрение узкого и широкого смысла данного понятия, привели исследователя к выводу о том, что заданные смыслы позволяют понимать методологию как: «совокупность общих мировоззренческих принципов с целью их применения к решению задач теории и практики»; «мировоззренческую позицию исследователя»; «учение о методах познания, которое позволяет обосновать принципы как способы конкретного

применения того или иного метода в практической познавательной действительности» [14, с. 197].

Анализ современных трудов педагогической направленности показывает, что в них сделан акцент на методологии научного познания, где познание представляет собой один из видов человеческой деятельности, а наука выступает одной из форм деятельности индивида.

Выступая результатом процесса познания действительности, знание является способом изменения практики в лучшую сторону. В целом, знание законов, тенденций развития какого-либо явления, умение их объяснить является предпосылкой к выбору исследователем способов и принципов действия в соответствии с этими знаниями.

В структуре методологического знания выделяют следующие уровни: философский, общенаучный, конкретно-научный, технологический [18, с. 60-68]. На сложной системе уровней методологии, отражающей их соподчиненность и указывающей на доминирование высшего уровня над низшим, сделан акцент в работах современных исследователей данной проблемы.

Следует отметить, что выбор уровня рассмотрения того или иного явления действительности каждым конкретным исследователем является причиной возникновения различных формулировок самого термина «методология». Так, обобщение широкого спектра толкований, содержащихся в литературе, побудило современных исследователей придать им «большую строгость» и дать наиболее общее определение методологии, представив его как «учение об организации деятельности» [9, с. 76]. На основании анализа энциклопедических данных и результатов собственных исследований [6; 7; 8; 10; 11; 16] авторы представленного выше толкования определяют структуру методологии следующим образом [9, с. 77]:

1) основания методологии: философия, психология, системный анализ, науковедение, этика, эстетика;

2) характеристики деятельности: особенности, принципы, условия, нормы деятельности;

3) логическая структура деятельности: субъект, объект, предмет, формы, средства, методы, результат деятельности;

4) временная структура деятельности: фазы, стадии, этапы.

Как видно из данной структуры, принципы выступают в качестве одной из характеристик деятельности индивида. Исходя из авторской трактовки структуры методологического знания, очевиден вывод о том, что применительно к конкретно-научному уровню методологического знания принципы могут быть рассмотрены как основа, определяющая различные виды деятельности студентов: учебную, профессиональную (трудовую), игровую (в рамках учебно-профессиональной).

Таким образом, краткий анализ толкований термина «методология» показывает наличие в них деятельностного аспекта. В этой связи следует отметить, что само понятие «деятельность» - полифункционально, так как является объектом изучения многих дисциплин. Рассмотрение данного понятия в качестве универсальной категории, а также отсутствие детализации, то есть указаний на степень полноты охвата в области педагогической действительности и степень применения к конкретным педагогическим фактам и явлениям, позволяет трактовать методологию достаточно широко. В связи с вышесказанным, очевидно, что определение методологии, данное А.М. Новиковым и Д.А. Новиковым, тоже является достаточно широким, но не исчерпывающим.

Таким образом, фиксация и анализ представленных выше точек зрения относительно определения понятия «методология» позволяет прийти к выводу о том, что при рассмотрении данного термина в разных контекстах, исследователи неизменно обращают внимание на воплощение этой дефиниции в системе принципов.

Так, определяя методологию педагогики как «систему знаний об отправных положениях педагогической теории, о принципах, подходах к рассмотрению педагогических явлений и методов исследования, а также о путях внедрения добытых знаний в практику воспитания, обучения, образования» А.В. Усова отмечает, что методология педагогики «исходит из всеобщей методологии науки и изучения тенденций общественного развития» [15, с. 10].

Среди методологических принципов в педагогике выделяют следующие [1, с. 142-146]:

- аксиологический – позволяет подходить к анализу приоритетных педагогических ценностей;
- культурологический – отражает степень «очеловечивания» природы и меру саморазвития человека, его культурный уровень;
- антропологический – учитывает достижения комплекса наук с целью получения целостного системного знания о человеке с целью развития образовательных систем;
- гуманистический – заключается в обращенности обучения и образовательного процесса в целом к человеку, в создании максимально благоприятных условий для овладения обучающимися социально накопленным опытом, для освоения избранной профессии, для развития и проявления творческой индивидуальности, высоких гражданских, нравственных, интеллектуальных и физических качеств, которые обеспечивали бы ему социальную защищенность, безопасное и комфортное существование;
- синергетический – позволяет рассматривать образовательную систему как открытую систему с позиций самоуправления, самоорганизации, саморазвития;
- герменевтический – предполагает нацеленность на понимание обучаемым смысла изучаемого материала, что особенно актуально при Интернет-обучении.

Перечисленная выше система принципов, сформулированная В.И. Андреевым [2], по мнению А.А. Андреева, должна быть дополнена валеологическим принципом. Его важность объясняется тем, что знания, умения и навыки, приобретаемые обучаемым во время профессиональной подготовки в высшей школе, не должны идти вразрез с его психическим и физическим здоровьем [1, с. 145]. Таким образом, данные идеи стали основой для формирования системы методологических принципов, знание и учет которых значим для разработки философско-методологических основ педагогики, осмысления ее современных проблем, проектирования системы образования, коррекции профессионально-личностной философии преподавателя.

В содержании университетского образования методологические знания являются условием формирования и развития научного мировоззрения студентов. Они знакомят будущих педагогов с методами научного познания; определяют направленность их мышления; служат основой для понимания гуманистической направленности педагогики; являются установкой на преобразование педагогической действительности.

Таким образом, выполняя познавательную, преобразующую, а также критическую и рефлексивную функции, методологические знания оказывают существенное влияние на содержание ВУЗовского образования. В то же самое время, включенные в содержание

образования, они сами подлежат усвоению студентами в ходе учебно-профессиональной деятельности.

На занятиях психолого-педагогического цикла формирование методологического компонента знаний студентов происходит благодаря знакомству, непосредственному рассмотрению и изучению информации, содержащейся в учебниках и учебных пособиях в одном из разделов «Методология и методы педагогических исследований», а также включению данного компонента в предметное содержание дисциплин «Педагогика», «Педагогика высшей школы», «Педагогическая инноватика».

В своей педагогической деятельности мы ориентировались на положение о том, что процесс обучения в ВУЗе предполагает овладение будущим учителем различными стратегиями познания и преобразования педагогической действительности. Реализация этих стратегий возможна на основе глубокого знания их методологических основ, а также логико-психологических закономерностей учебной деятельности школьников.

Учебная деятельность школьников сопряжена с использованием учителем активных и интерактивных методов и технологий обучения. Одним из средств активизации познавательной деятельности обучаемых является игра. Она же может выступать одним из способов построения модели педагогической действительности и деятельности одновременно, являться методом осуществления деятельности в практике. Представляя собой некую «модель жизни», в игре моделируются процессы профессиональной деятельности, а также «реальные жизненные события, ситуации, где могут демонстрироваться как позитивные, так и негативные формы поведения и взаимодействия» [12, с. 25]. Условность игровых действий позволяет находить различные способы разрешения неоднозначных профессиональных ситуаций и предлагать новые варианты выхода из них. Таким образом, все, перечисленное выше, позволяет понять важность и необходимость овладения студентами игровыми технологиями. Их успешное применение в будущей профессиональной деятельности находится в прямо пропорциональной зависимости от знания и понимания будущими педагогами методологических основ игровых технологий, а также свободного владения разнообразными методическими приемами и техниками организации учебно-воспитательной деятельности школьников в форме игры. В этой связи следует сделать акцент на важности методологических принципов игрового моделирования, которые являются для студента своеобразным мостиком от теоретических знаний к практическим действиям.

Среди методологических принципов игрового моделирования, которые являются прямым руководством к действию, в современной психолого-педагогической литературе выделены следующие [12, с. 30-33]:

- принцип эффекта;
- принцип целеполагания;
- принцип обучающей направленности;
- принцип упражнения;
- принцип подготовленности;
- принцип равенства;
- принцип личного проживания;
- принцип ассоциаций;
- принцип общения, группового взаимодействия;
- принцип партнерства;

- принцип диагностики;
- принцип достижения ожидаемого результата.

Перечисленные принципы, по мнению А.П. Панфиловой, являются стратегическими принципами организации и проведения игровых технологий. [12, с. 30].

Взаимосвязь методологических принципов игрового моделирования с общеобразовательными принципами и принципами игровой деятельности была рассмотрена нами в предыдущих работах [3].

Следование методологическим принципам игрового моделирования в будущей профессиональной деятельности может выступать одним из показателей методологического компонента знания, которое, в свою очередь, является составляющей методологической культуры педагога.

Критериями сформированности методологического компонента знания, включающего знание, понимание, владение процедурами, закрепленными за категориями философии, а также за теми основными понятиями, которые образуют концептуальный каркас педагогической науки, могут выступать следующие качества знаний, сгруппированные парами (по И.Я. Лернеру): полнота и глубина; систематичность и системность; оперативность и гибкость; конкретность и обобщенность; свернутость и развернутость; осознанность и прочность [4].

Учитывая, что знание методологических принципов не только ценно как знание само по себе, а и должно быть реализовано в будущей профессиональной деятельности, мы считаем, что овладение методологическими и теоретическими основами игровых технологий студентами является одной из составляющих методологической культуры и совершенствует качество подготовки будущих преподавателей.

Все, изложенное выше, позволяет нам прийти к следующим заключениям.

- Анализ психолого-педагогической литературы показал существование неоднозначных определений дефиниции «методология», которые складывались в процессе развития представлений об этой области знания.

- Основу научного разномыслия составляет разноуровневый подход к определению методологии.

- Фиксация и анализ представленных в статье точек зрения относительно определения понятия «методология» позволяет прийти к выводу о том, что при рассмотрении данного термина в разных контекстах, исследователи неизменно обращают внимание на воплощение этой дефиниции в системе принципов.

- Методологические принципы педагогики (аксиологический, культурологический, антропологический, гуманистический, синергетический, герменевтический) дополнены валеологическим принципом.

- Основой методологических принципов игрового моделирования являются методологические принципы педагогической науки.

- Овладение методологическими и теоретическими основами игровых технологий студентами является одной из составляющих их методологической культуры и совершенствует качество подготовки будущих преподавателей.

Список литературы:

1. Андреев А. А. Педагогика высшей школы. Новый курс – М.: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 2002. – 264 с.

2. Андреев В.И. Педагогика. – Казань: ЦИТ, 2000. – 608 с.
3. Жукова О.А. Методологічні принципи ігрового моделювання //Наукові записки кафедри педагогіки. Випуск XVIII. – Харків: Основа. – 2007. – С.39-47.
4. Качество знаний учащихся и пути его совершенствования [Текст] /под ред. М.Н. Скаткина, В.В. Краевского; [И.Я. Лернер, Л.Я. Зорина, Г.И. Батурина и др.]. - М.: Педагогика, 1978. - 208 с.]
5. Краевский В.В. Методология педагогики: новый этап: учеб.пособие для студ.высш.учеб.заведений /В.В. Краевский, Е.В. Бережнова. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 400 с.
6. Новиков А.М. Введение в методологию игровой деятельности. – М.: Эгвес, 2006. – 48 с.
7. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. – М.: Синтег, 2007. – 668 с.
8. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. – Либроком, 2009. – 280 с.
9. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология: словарь системы основных понятий. – М.: Либроком, 2013. – 208 с.
10. Новиков А.М. Методология учебной деятельности. – М.: Эгвес, 2005. – 176 с.
11. Новиков А.М. Методология художественной деятельности. – М.: Эгвес, 2008. – 72 с.
12. Панфилова А.П. Игровое моделирование в деятельности педагога: учеб.посоие для студ.высш.учеб.заведений /А.П. Панфилова; под общ.ред.В.А. Слостенина, И.А. Колесниковой. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 368 с.
13. Педагогика: Большая современная энциклопедия /Сост. Е.С. Рапацевич. – Мн.: «Соврем.слово», 2005. – 720 с.
14. Протасевич А.В. Понятие «метод» в структуре педагогического и социологического знания //Человек и образование, №4 (37), 2013. - С. 197-200.
15. Усова А.В. Методологические основы профессиональной подготовки студентов вузов //Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки . 2012. №4 (263). – С. 9-11.
16. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 836 с.
17. Филосоский энциклопедический словарь /Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов.энциклопедия, 1989. – 815 с.
18. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. - М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 444 с.

Chervaneva Z. A.,

Kharkiv National Technical University "KPI"

Human capital as the core of the “new” educational psychology

Аннотация. В статье рассматривается качественно новый базис педагогической психологии, присущий постиндустриальному обществу – человеческий капитал. Сравнивается понятие человеческого капитала с традиционными формами материального капитала и показывается, что в современном обществе нужны совершенно новые ориентиры педагогической деятельности и психологические установки, которые бы поднимали на надлежащий уровень отношения в социуме к креативной личности, интеллектуальному творчеству, досугу как форме продолжения креативной деятельности и источникам креативного капитала – важнейшего достижения цивилизации.

Ключевые слова: человеческий капитал, креативная деятельность, педагогическая психология, социальная экономика, управление социальными системами.

Введение. В рейтинге научно-технического прогресса, проведённом в очередной раз известной корпорацией RAND, дан анализ глобальной технологической революции на 2020 г.¹. В этом документе, включающем 16 направлений научно-технического развития, установлен рейтинг стран. Не вызывает удивления, что в нём на первом месте стоят США. Удивительным и многообещающим является то, что Украине принадлежит неплохое (в сравнении с остальными показателями) 29 место, а России – и того выше. В то время как по индексу развития человеческого потенциала Россия занимает 57, а Украина 70-е место². Это свидетельствует о том, что, несмотря на невысокий уровень экономических показателей и социального статуса стран, они располагают мощным потенциалом творческой деятельности, лежащей, наряду с экономической мощью, в основе научно-технического прогресса. Иными словами, *в странах Восточной Европы и названных стран в частности, высока креативная составляющая научно-технического прогресса, которая должна предопределить социально-экономическое развитие на ближайшее будущее.*

Теория постиндустриального общества позволяет сфокусировать исследования на перспективной форме общественного богатства – развитой личности, высветить происходящие изменения в ценностных ориентациях человека, где на фоне традиционных экономических начинают доминировать социокультурные и духовные потребности. Формируется новый тип работника: помимо его образования и квалификации в узком понимании, востребован уже более широкий спектр способностей и качеств человека, в

¹ Global Technology Revolution 2020 / RAND Corporation.- 2005.

² Индексы человеческого развития. Интернет-ресурс. 2006.

частности способность к анализу, обработке и использованию стремительно растущего объема разнообразной информации. Возрастают потребности в производстве нового знания в условиях избыточности общей информации, к самостоятельному принятию решений и одновременно к слаженной работе в команде и сетевых организациях, к самоопределению и поиску путей самореализации через творческую деятельность и пр. Расширяется спектр качеств и способностей, входящих в человеческий капитал, за счёт растущего числа интеллектуальных, социальных и культурных составляющих человеческого потенциала.

Человеческий капитал – совершенно новая социально-экономическая категория, включающая в себя – как родовое понятие, несколько понятий видовых – креативный капитал, социальный капитал и др., и изучается в таком смысле социальной экономикой. Одним из постулатов этой относительно новой науки является утверждение, что на современном этапе (в постиндустриальном обществе) «...возникает новая тенденция развития содержания труда – тенденция постепенного превращения его в творческий труд. Это означает, что процесс труда становится одновременно не формальным, а реальным процессом развития человека» [И, с. 17]. «Человек является той целостностью, которая приходит на смену тотальному господству капитала, - пишет А.А. Гриценко, - точнее, человек сам превращается в основной капитал, который сам себя воспроизводит в расширенном масштабе» [12, с. 8]. Такой подход практически безгранично расширяет рамки включения в состав человеческого капитала всевозможных способностей, качеств и свойств личности, которые являются или могут быть основанием для расширенного воспроизводства и осознанной реализации на их основе человеческого потенциала.

Но, что не менее важно, социальная экономика, как «новая интегративная наука о человеко-культурной стороне хозяйственной деятельности в широком понимании» [21, с. 121], по-новому поднимает проблемы ответственности человека и человечества за последствия их действий и бездействия, среди прочих ставит вопросы изменения мировоззрения каждого конкретного человека, культурных ценностей и соответствующих коренных перемен в его поведении, что должно стать объектом педагогической психологии в условиях постиндустриального общества.

Цель этой статьи – привлечение внимания коллег, чья креативная деятельность лежит в сфере образования, к вопросу: какие задачи должна решить страна транзитивной экономики для перехода к «обществу знаний», чтобы включить их в формирование творческого развития людей нового общества. Статья основывается на сравнительном анализе работ, принадлежащих украинским и российским ученым разного научного профиля.

Постановка задачи. В научной и особенно – в публицистической литературе все чаще говорят об экономике знаний. Именно знания (а не какой-либо иной из существующих двух других основополагающих факторов производства – земли и капитала) убыстряющимися темпами меняют облик современного мира, формируя, по выражению экономистов, интеллектономику (цивилизацию одухотворенного интеллекта) [2]. В связи с тем, что знания представляют собой высшую форму и одновременно – продукт интеллектуальной обработки информации (но не только поэтому), говорят об информационной эпохе [3,4] и информационной экономике [5].

Есть целые теории (иногда фантазмагии), посвященные этому феномену. В одной из работ известного российского экономиста А.В.Бузгалина утверждается следующее: «*Действительная победа в геоэкономическом и геополитическом соревновании в 21 веке может принадлежать только открытым сетям (миру, пространству-времени), в которых складываются неотчужденные отношения между людьми по поводу опредмечивания творческой деятельности распределения ее результатов*» ([1]. с.29).

Таким образом, налицо две тенденции:

- превращение знания в фактор развития и одну из составляющих капитала («креативный капитал») современного постиндустриального общества;
- формирование новых социальных институтов (в форме сетевых структур, слагающих «сетевое общество», по М.Кастельсу) и новых социальных отношений (в виде добровольного сотворчества) в определенных социальных группах, имеющих тенденцию быстрого роста и укрепления.

Креативное благосостояние личности. Потребность в высшей (т.е. креативной) деятельности является абсолютной потребностью человека. Вторичные потребности лишь способствуют высшей деятельности, но сами по себе не удовлетворяют эту абсолютную потребность. *Креативное благосостояние индивида* складывается благодаря реализации его творческого потенциала, что, с одной стороны, создает моральное удовлетворение деятельностью. С другой – обеспечивает условия расширенного воспроизводства знания и в-третьих – обеспечивает прогресс общества.

Структура индивидуальной креативной деятельности. В процессе высшей деятельности индивид потребляет, использует в целях саморазвития свои творческие способности, которые выступают одновременно и как средство творческого труда, и как предмет творческого потребления. Потребляя свои творческие способности, индивид в то же время воспроизводит их. Процесс потребления является в этом случае одновременно процессом труда, и наоборот. Таким образом, креативная деятельность индивида распадается на *рабочее время творческого труда-потребления* и *нерабочее время творческого труда-потребления*.

С точки зрения креативной концепции человека, увеличение производительности общественного труда есть не что иное, как освобождение человека от низших форм деятельности и создание условий для занятия высшей деятельностью.

Итак, увеличение общественного креативного благосостояния означает движение в направлении общественного прогресса.

Креативное благосостояние как ценностная норма. Потребности человека есть, по сути, институционализованные нормы общественной жизни, которые формируются под влиянием глобальной тенденции исторического развития (см. [2,3]). Поскольку общественный прогресс заключается в увеличении совокупного объема высшей деятельности, соответствующая ему норма общественного поведения трактует такую деятельность как наиболее полезную для человека и общества в целом. Глубокая институционализация этой этической нормы индивидом приводит к формированию у него осознанной потребности в высшей деятельности. Если же эта норма слабо институционализована индивидом (например, по причине ненадлежащего воспитания), то он не испытывает такой потребности. У такого индивида абсолютная потребность проявляется неосознанно в различных формах: от пассивного просмотра

телевизионных программ до употребления алкоголя и наркотиков, которые создают иллюзию высшей деятельности.

Основу креативного благосостояния составляют не столько внешние блага, традиционно исследуемые экономистами, сколько *внутренние качества личности*. В современном мире определяющим условием благосостояния индивида являются его воспитание и образование, а основными общественными институтами, формирующими будущее благосостояние, становятся семья и школа. ***Даже самый современный рыночный механизм не может обеспечить потребителя лучшей жизнью, чем он заслуживает по своим знаниям и культуре.*** Поэтому научить потребителя предъявлять запросы просвещенного человека так же важно, как просто удовлетворять его требования.

Креативное благосостояние как межличностное отношение. Межличностное взаимодействие является процессом передачи личностных качеств от одного индивида к другому. Чем более развит человек, тем больше степень его индивидуализации, тем больше его возможность обогащать своими личностными качествами других людей и самому изменяться в результате межличностных взаимодействий. Обретение индивидом новых личностных качеств требует от него творческих усилий. Поэтому в результате межличностного воздействия происходит развитие индивида, что создает предпосылки для увеличения его креативного благосостояния.

Способность индивида испытывать межличностные воздействия, т. е. изменяться в результате таких воздействий, тесно связана со способностью оказывать межличностные воздействия на других людей. Творческие способности человека закладываются в раннем возрасте и являются результатом межличностных воздействий со стороны родителей, учителей и пр. Если человек с детства невосприимчив к воспитанию и обучению, то уровень его творческого развития будет низок.

Свойственное каждому человеку стремление постоянно увеличивать свое влияние на общество посредством расширения и укрепления системы межличностных воздействий не всегда является осознанным. Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих разнообразие проявления этого сущностного стремления человека к персонификации окружающей его социальной среды.

Социальные измерения креативного благосостояния. Социальное взаимодействие между индивидами понималось классиками политэкономии исключительно как обмен товарами. В их модели общества межличностное взаимодействие не относилось к значимым экономическим явлениям и фактически не рассматривалось как существенный фактор прогресса.

В теории креативной ценности, наоборот, творческое взаимодействие индивидов составляет основу функционирования общества. Таким образом, в вопросе о сущности общественных отношений теории трудовой стоимости и креативной ценности принципиально расходятся.

У классиков важнейшим результатом социальных взаимодействий являлась экономия труда, достигнутая за счет разделения общественного труда. Из их рассуждений следует, что благосостояние индивида тождественно принадлежащему ему объему меновой ценности, или его материальному богатству. ***В креативной теории***

ценности творческое межличностное воздействие одного индивида на другого имеет прямо противоположные последствия.

Измерение креативного благосостояния человека за какой-либо период его жизни в объективных единицах времени творческого труда представляет собой сложную и пока не решённую задачу. Понятие **креативной ценности** лежит в основе теории информационной экономики (см. [5]). Если в классической теории экономической ценности в качестве базовой временной единицы рассматривается время жизни человека, то теория креативной ценности базируется на этическом постулате, который утверждает, в качестве абсолютной ценности, время высшей деятельности человека, а все прочие блага — в качестве ценностей вторичных. Таким образом, увеличение творческого досуга является приобретением и для человека, и для общества, средства повышения их благосостояния.

В креативной теории главным макроэкономическим показателем служит суммарное время творческой деятельности всех членов общества, или *общественное креативное благосостояние*.

Неэкономическая категория времени занимает в теории креативной ценности доминирующее положение по сравнению с экономической категорией продуктивности труда, что является следствием этической предпосылки об абсолютной ценности времени творческой деятельности безотносительно к внешним ее результатам. Если в классической экономической теории ценность предмета определяется затратами времени на его производство, то в креативной теории — его способностью сокращать затраты времени низшей деятельности в результате творческого потребления. Креативная теория ценности явно формулирует сущностное значение высшей деятельности, поэтому здесь не возникает вопроса о целевом показателе, подлежащем максимизации каждым индивидом. Этим показателем является креативное благосостояние.

Психолого-педагогическая сторона проблемы. Почему интеллектуалы, являясь носителями креативного капитала общества, - самого важного, самого динамичного и самовозобновляющегося, т.е. практически идеального капитала, — почему, спрашивает В.М.Куклин, они занимают сравнительно низкое социальное положение, о чем свидетельствуют их недостаточные личные доходы, да ещё и к тому же пренебрежительное отношение к ним в обществе? Это главная проблема воспитания нового человека. Сложилось так, что общество, уже в известной степени, стало информационным, а социальная мораль остаётся на приоритетах человека физического труда соответственно постулатам индустриального общества. Причем, не только в нашем, украинском (или российском) социуме. Эти отношения суть инвариантами по отношению к месту и времени. «Истинным интеллектуалам,- заключает Куклин,- приходится платить слишком высокую цену за свой жизненный выбор. Они тратят свои бесценные юность и молодость на овладение знаниями и навыками, а затем еще большую часть своей жизни — на рутинную, поглощающую почти все их жизненные силы, малопонятную и плохо оцениваемую окружающими деятельность. Взамен, правда, они получают возможность приобщаться к тайнам природы и общества, причем результат их усилий проявляется в прогрессе человечества» ([6], с. 44). Видимо, наступит время, когда в широком общественном сознании в отношении к научным знаниям произойдёт та революция, которую мы пока еще видим только в политикуме и социальных оценках.

Заключение. Более 10 лет автор работает на кафедре педагогики и психологии управления социальными системами Харьковского национального технического университета «ХПИ», которая специализируется на подготовке управленческой элиты. Принципы выявления, оценивания и использования креативного капитала технической интеллигенции, кратко изложенные здесь, составляют стержень того и инновационного подхода к формированию специалистов, который отвечает задачам постиндустриального общества, что в техническом университете является и сложной, и важной задачей.

Литература:

1. Бугалин А.В. Новая Касталия // Социальная экономика, 2005, № 3-4. С. 28-48.
2. Задорожный Г.В., Барвено О.В. Неэкономика как интеллектономика (о цивилизации одухотворенного интеллекта) // Социальная экономика, 2001, № 2. С.23-32.
3. Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические последствия. М.: ЗАОИ «Экономика», 2003. 776 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Корнейчук В.Б. Информационная экономика. СПб.: Питер, 2006.- 400 с.
6. Куклин В.М. Нищий интеллект // Университеты. Наука и просвещение. № 3/2006. С. 34-44.

*Popovych Igor, Kherson State University,
Docent, Candidate of Psychological sciences,
Pedagogy department, Psychology and Educational Management*

Transformation function of social expectations of a person

*Попович Ігор, Херсонський державний університет,
Доцент, кандидат психологічних наук, кафедра
педагогіки, психології й освітнього менеджменту*

Трансформувальна функція соціальних очікувань особистості

Постановка наукової проблеми та її значення. Глобальні зміни в нашому суспільстві супроводжуються як позитивними, так і негативними явищами. Позитивним явищем є антропоцентричний підхід в науці, погляд на людину, яка перестає бути окремим «гвинтиком» – елементом соціального механізму, а все частіше сприймається як найвища соціальна цінність, унікальна і самодостатня особистість, суб'єкт самоактивності. До негативних явищ відносимо: поглиблення духовної кризи, нівелювання загальнолюдських цінностей, відхід від звичаїв, традицій, обрядів. Глобалізація та уніфікація економіки, культурного простору, державного устрою супроводжуються постійними змінами, що торкаються кожної людини, що проживає на нашій планеті. Суспільству потрібні ефективні шляхи, методи, прийоми і засоби розв'язання економічних, політичних і культурних криз. У контексті цих змін та перетворень доцільним є вивчення людини як суб'єкта самоактивності, дослідження соціально-психологічної реальності.

Особливе місце в цих дослідженнях посідають соціальні очікування, що виконують низку функцій, зокрема: регулятивну, посередницьку, коригувальну, орієнтувальну, прогностичну, оцінювальну, стабілізаційну і трансформувальну. Ці функції забезпечують роботу соціальних очікувань як базового компонента системи регуляції соціальної поведінки особистості. З огляду на висвітлені міркування, очевидною є **теоретична і практична актуальність** запропонованої теми дослідження.

Аналіз досліджуваної проблеми. Дослідження психології соціальних очікувань особистості **продовжує наукові пошуки автора** [1; 2] і є спробою детального вивчення однієї з функцій очікувань.

Здійснивши низку наукових пошуків, пов'язаних із соціально-психологічними очікуваннями як складовою самосвідомості особистості, з впливом очікувань на ефективність міжособистісної взаємодії та особливості людських взаємин, дослідивши соціальні очікування в теоріях мотивації особистості, розглянувши феноменологічний та типологічний аспекти, наш науковий інтерес привернула трансформувальна функція соціальних очікувань особистості.

Наукові джерела недостатньо розкривають сутність, механізми та психологічний зміст трансформувальної функції соціальних очікувань. На наш погляд, скрупульозного

вивчення потребують взаємовпливи соціальних очікувань і соціальних норм у контексті регуляції соціальної поведінки особистості. У попередніх дослідженнях нами зазначено, що соціальні очікування та соціальні норми є складовими двостороннього механізму регуляції соціальної поведінки особистості. Спробуємо дослідити й описати роботу цього механізму регуляції соціальної поведінки особистості, розкрити сутність трансформувальної функції соціальних очікувань.

У дослідженні ми спираємося на **праці, які присвячені проблемі** регуляції соціальної поведінки особистості, її саморегуляції та міжособистісної взаємодії. Деякі загальнотеоретичні та методологічні аспекти знаходимо у працях таких психологів, як К.Абульханова-Славська, Р.Бернс, О.Блинова, М.Бобнєва, М.Боришевський, О.Васютинський, Л.Виготський, П.Горностаї, В.Казміренко, Я.Коломінський, О.Леонтьєв, С.Рубінштейн, М.Савчин, М.Слюсаревський, В.Татенко, Т.Титаренко, С.Тищенко, І.Чеснокова, Т.Шибутані.

Психологічний зміст соціальних очікувань став предметом дослідження таких вчених, як М.Боришевський, Р.Дарендорф, Дж.Джібс, Г.Долинський, Дж.Мід, Т.Парсонс, Дж.Роттер, О.Тишковський, Т.Шибутані.

Мета роботи полягає у розкритті сутності трансформувальної функції соціальних очікувань особистості.

Завдання статті: дослідити взаємовпливи соціальних очікувань і соціальних норм як двостороннього механізму регуляції соціальної поведінки особистості; описати чинники, що трансформують соціальні очікування в соціальні норми, і навпаки.

Виклад основного матеріалу й обґрунтування отриманих результатів дослідження. Соціальні очікування як базова складова системи регуляції соціальної поведінки особистості поєднує в собі сферу «Я» та «не-Я» особистості. Соціальні очікування є результатом впливу соціального середовища, тобто утворюються під «тиском соціуму», та під «тиском «Я», який залежить від індивідуально-психологічної сутності особистості. Соціальні очікування є вимогами, що пред'являються одним соціальним суб'єктом – індивідом, групою, спільнотою, – іншим соціальним суб'єктам поведінки, і навпаки.

Соціальні очікування є поліфункційні. Під функцією розуміємо взаємоузгоджену залежність дій, вчинків, психічних новоутворень індивіда. Дія індивіда, яка залежить від іншої дії, є формою прояву цієї дії і змінюється відповідно до її змін. Отже, оцінка індивідом окремого акту взаємодії є взаємоузгодженою залежністю попереднього досвіду оцінювання, сформованого рівня адекватності сприйняття оточуючих і відповідної реакції на те, що відбувається.

Детальніше розглянемо трансформувальну функцію соціальних очікувань. Виокремити роботу кожної з функцій соціальних очікувань – завдання не з нелегких, оскільки вони знаходяться у взаємозв'язку і представляють собою органічну єдність. Тому, розглядаючи трансформувальну функцію, ми торкнемося роботи інших функцій.

Трансформувальна функція соціальних очікувань вказує на те, що окремі трансакції діяльності суб'єкта стають нормами поведінки. Відповідно, соціальні норми трансформуються в соціальні очікування, виконуючи роль соціальних вимог, санкцій. Через взаємоузгоджені процеси інтеріоризації і екстеріоризації здійснюється поширення існуючих норм на інших учасників взаємодії, формування нових норм, які з особистісних часто трансформуються в групові, і навпаки. М.Бобнєва зазначає, що особистісні норми співвідносяться з уявленнями людини про саму себе. Передбачуване, антициповане

людиною або реальне порушення норм зумовлює виникнення у неї почуття провини, самоосуду, протесту проти своїх власних дій, втрату поваги до себе. Дотримання особистісних норм пов'язане з почуттям гордості, високою самооцінкою, самоповагою, впевненістю в правильності своїх дій і позицій [3, с.95].

Різноманітні прагнення учасників групової взаємодії об'єднуються в систему взаємних очікувань-вимог. Ці очікування інтерналізуються і перетворюються в процедури, за допомогою яких здійснюється керівництво контактами, стосунками, взаєминами у групі. Роль формалізації очікувань свідчить про те, наскільки міцно сформовані шаблони діяльності і наскільки взаємні очікування-вимоги членів групи трансформовані в норми взаємодії. Група не може ефективно взаємодіяти, якщо її члени не знають, чого варто і чого не варто чекати один від одного. Тільки за умови оптимальної розвиненості соціальних очікувань, зусилля окремих індивідів можна організувати й спрямувати в потрібне русло.

Соціальні очікування передбачають систему очікувань або вимог стосовно норм виконання індивідом соціальних ролей. Ця система упорядковує іншу систему – систему ставлень і взаємин у групі чи спільноті. На відміну від офіційних вимог, посадових інструкцій та інших регуляторів поведінки в групі, характер соціальних очікувань неформалізований і не завжди усвідомлюваний. Має місце право на очікування від інших поведінки, яка відповідає їх рольовій позиції, та зобов'язаність поводитись відповідно очікувань інших людей. При цьому варто відмітити, що наказові соціальні очікування визначають належний характер виконання ролі, а соціальні очікування, що передбачають та зумовлюють ймовірний характер виконання ролі окреслюють тільки індивідуальні особливості «виконавця» і конкретної ситуації. Описані ознаки соціальних очікувань є необхідними елементами трансформації соціальних очікувань в соціальні норми та особистісні норми зокрема.

Соціальні норми – стандарти діяльності та правила поведінки, виконання яких очікується від члена групи або спільноти і підтримується за допомогою санкцій. Соціальні норми упорядковують й регулюють соціальну поведінку, міжособистісні взаємини.

Процеси інтерналізації і екстерналізації мають величезне значення для функціонування будь-якої групи, спільноти. «Людська поведінка набуває певної впорядкованості, яка є результатом дотримання соціальних очікувань, а відповідно і норм, оскільки соціальні очікування «правильної» або «належної» поведінки асоціюються з наявністю легітимності, узгодженості, що передбачають групові норми» [3, с.90].

Багато зарубіжних вчених тісно пов'язують категорію «соціальних норм» і «соціальних очікувань» (Р.Дарендорф, Дж.Джібс, Т.Шибутані). Очікувана поведінка і нормативна поведінка є серцевиною соціальної ролі індивіда. А соціальна норма і відповідні очікування є основою соціальної поведінки.

Перманентна трансформація соціальних очікувань у соціальні норми і зворотній вплив соціальних норм на соціальні очікування дозволяють вести мову про двосторонній механізм регуляції соціальної поведінки особистості.

Трансформувальний вплив соціальних очікувань на змістові параметри соціальних норм реалізується через інтеріоризацію та екстеріоризацію. Інтернальні процеси сприяють засвоєнню очікуваних людських взаємин, очікуваних варіантів подій, зовнішніх соціальних зразків поведінки, які трансформуються у внутрішні психічні утворення, суб'єктивні уявлення, особистісні норми. На їх підставі вибудовуються групові норми, які в свою чергу сприяють утворенню соціальних норм. Екстеріоризаційні процеси

здійснюють зворотні перетворення, тобто соціальна норма, прийнята групою чи спільнотою, набуває характеру групової норми. Засвоєння кожним учасником взаємодії групових норм наділяє групову норму статусом особистісної норми. Тільки засвоївши цю норму, «зробивши її своєю», індивід реалізує відповідні зовнішні соціальні зразки поведінки, вибудовує очікувані варіанти подій, формує очікування в людських взаєминах. Ці два взаємоузгоджені процеси володіють не тільки високою трансформувальною здатністю, але й регулятивною. Вище наведені аргументи окреслюють роботу двостороннього механізму регуляції соціальної поведінки особистості. Ця робота здійснюється перманентно, впродовж тривалого часу і сприяє переходу якісних змін у кількісні. Двосторонність взаємоузгодженого механізму впливу полягає у тому, що під час психокорекції соціальних очікувань особистість проходить складний етап змістових перетворень завдяки змінам у когнітивній складовій, які спонукають зміни в емоційно-ціннісній складовій, що відбуваються завдяки рефлексії. Кількісні і якісні зміни емоційно-ціннісної складової, а саме зміни в оцінці, ставленні людини, призводять до змін у її висловлюваннях, поведінці, тобто в конативній складовій. Це позначається на самооцінці особистості. Самооцінка володіє високою асиміляційною здатністю – це засвідчує, що зміни можуть відбуватися, але повільно. Завдяки рефлексії, яка є аналізом власної діяльності, своїх вчинків та якостей, що в ній реалізуються, відбувається «обслуговування» становлення самооцінки як здатності суб'єкта аналізувати свій внутрішній світ і на цій основі формувати відповідні регулятивні системи. Зміни у регулятивних системах пов'язані зі змінами у трансформувальних системах. Зазначені зміни позначаються на змістових та динамічних характеристиках соціальних очікувань. Це і є реалізація трансформувальної функції соціальних очікувань особистості.

Висновки та перспективи подальших досліджень. Розкрито сутність трансформувальної функції соціальних очікувань особистості, досліджено взаємовпливи соціальних очікувань і соціальних норм, описано роботу двостороннього механізму регуляції соціальної поведінки особистості.

Зазначено, що прагнення учасників групової взаємодії об'єднуються в систему взаємних очікувань-вимог. Очікування-вимоги здатні виступати змістовим елементом соціальних норм. Завдяки процесам інтерналізації та екстерналізації соціальні очікування перетворюються в процедури, за допомогою яких здійснюється керівництво контактами, стосунками, взаєминами у групі, тобто вони трансформуються в групові норми.

Показано, що завдяки процесам інтеріоризації та екстеріоризації здійснюється трансформувальний вплив соціальних очікувань на змістові параметри соціальних норм. У подальших наукових пошуках ми спробуємо розкрити сутність інших функцій соціальних очікувань особистості.

Список літератури:

1. Попович І.С. Оптимізація розвитку соціально-психологічних очікувань у студентській групі: [навч.-метод. посіб.] / І.С. Попович. – Херсон: ВАТ ХМД, 2013. – 204с.: іл., табл. – Бібліогр.: с.197–202.
2. Попович І.С. Соціально-психологічні очікування в людських взаєминах : [монографія] / І.С. Попович. – Херсон: ВАТ ХМД, 2009. – 240с.: іл., табл. – Бібліогр.: с.216–228.
3. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения : [монография] / М.И.Бобнева. – М.: Наука, 1978. – 311 с.

Inna Voloshok, Kherson state university

Post-graduate student, the Faculty of Foreign Languages

Sociocultural aspects of interference

Issue definition. The integration of bilingualism and biculturalism in the bilinguals' linguistic consciousness and foreign speech is extremely difficult, its course is influenced by an unlimited number of sociocultural and psychological factors, generating interference in foreign speech of a bilingual. When it is talked of two languages and, respectively, about two linguistic codes (primary and secondary), the communication between native and foreign speakers is complicated precisely because of the differences of the two different pictures of the world of different societies. Therefore, students should have an understanding of the linguistic and communicative device, foreign language texts, based on both linguistic and background knowledge, without which it is impossible to penetrate the meaning of the information they hear, as understanding of the foreign message goes back to an adequate analysis of what is contained in the text not only explicitly, but also in the implicit form [6].

The aim of the article is to systematize the factors, generating linguocultural interference in the foreign language speech of the bilingual, integrated in the number of social and cultural characteristics.

For an adequate understanding of a foreign language text, language skills are insufficient and give a "communicative failure", which comes from the lack of background knowledge, generated by primary cultural studies and social experience of students. Sociocultural conditionality of the interference is determined by the influence of sociocultural and psychocognitive factors on the generation and perception of bilingual foreign speech and manifests itself in the form of his speech and socio-cultural emphasis. To become a competent member of the socio-cultural community, whose language is studied, the bilingual should learn not only the system of stereotypes of secondary ethnic field, but also to understand the range of variability of communicative situations and relevant to them communication models.

In the linguistic and sociological investigations communication is considered primarily as communication of different cultures, not only different languages and where a certain minimum of background knowledge is a prerequisite for an adequate understanding of communicants. Therefore, "the choice of linguistic resources and their compatibility in the act of expression is largely determined by the relationship of objects in the real world, which can be different in different cultures" [5]. This common knowledge of communicants is formed by presuppositions (from lat. prae – before, front and supposition – planting, establishment – a necessary semantic component that provides a sense of a statement). It is important for the student to withdraw implicature (semantic conclusions) based on national specific presupposition, existing in the cognitive minds of the foreign linguocultural society. Otherwise, it is probably misunderstanding in the result of variance implicature of the presuppositions, as student makes meaningful conclusions from the text not from the plan of the speaker, but subjectively, based on the knowledge and experience, existing in the native culture.

Awareness of background knowledge is a prerequisite for overcoming sociocultural interference, when "... communicants are based on the basis of similar images, on the community of knowledge, determining on the perception (sense) of the linguistic sign" [5]. Therefore the text containing the new information, builds over the background knowledge a new one, which can be adequately interpreted through the communication with existing knowledge. Thus, laying the background knowledge about foreign society we prevent sociocultural interference, form a willingness of a speaker to perceive a "... language as a reflection of another sociocultural reality" [2].

The options, defining communicative behavioral specificity of the foreign representatives and provoke social and cultural manifestation of interference, mainly related to: the relation to time (polychronal / monochronal / reactive cultures, focus on the present / past / future; dominant interpersonal manifestations (individualism / collectivism); predominant communicative style (high context / low context cultures). Presuppositions, as units of background knowledge, also reflect accepted in society: power distance (vertical / horizontal culture) parameters of space (personal / social / public), way of thinking (existential / actional cultures), universal and specific national cultural values.

T. Parsons identifies five sociocultural options, important to understand the actions of different cultures: 1) emotionality (feelings, emotions are predominate) – neutrality (practical point of views welcomed); 2) individual's interests – collective interests; 3) universalism (common standards for different situations and groups) – particularism (different standards depending on the situation); 4) the specificity of communication (interaction for special needs) – diffuseness (interaction for different activities); 5) authority (determining the status value) – result (determining the human life results).

Sociocultural and behavioral specificity of the foreign society representatives is manifested in such settings of business communication as organization of space and time continuum of communication, that significantly affect on its atmosphere and results. Thus, for successful intercultural professional communication the most important is to account differences in communicative distance between partners (intimate, personal, social and public space, its importance and value in different societies), specific orientation of the foreign society (on the past, present or future) and also monochronal and polychronal type of foreign culture society [8].

The conflict communication distances, typical to Asian and European cultures, leads to the fact that their representatives perceive each other cautious: Europeans and Americans treat the Asian partners as "too proud", "persistent" and "familiar" as those who require constant respect to themselves and their customs, the latter consider Europeans and Americans "cold" and "arrogant".

Sociocultural interference may originate the differences in regard to their dominant values, which are listed below:

- Environment (control↔harmony) (North America, Western Europe↔Asia);
- Time (fixed↔current) (North America, Western Europe↔South Europe, Latin America, Middle East) (present↔future) (North America↔Asia);
- The nature of the action (activities↔existence) (North America↔South Europe, Latin America);
- Communication (low context↔high context) (North America, Western Europe↔Asia, Latin America), (direct↔indirect) (North America↔Asia) (emotional↔pragmatic) (South Europe, Latin America↔North, Western Europe), (formal↔informal) (North America↔Asia, Latin America, Europe);

- Space (private↔public) (North America↔Asia, Latin America);
- Authorities (horizontal↔hierarchical) (North America, Europe↔Middle East, Asia, Latin America);
- Interpersonal relationships (individualism↔collectivity) (North America↔Asia);
- Competitiveness (cooperation↔competition) (North America↔North Europe);
- Structure (flexibility↔order) (Asia, Middle East↔North Europe);
- Thinking (inductive↔deductive) (North America↔Europe) (linear↔systematic) (North America↔Asia);
- Non-verbal communication (active↔passive) (South Europe, Latin America↔North Europe, North America), (universal↔nationally specific).

W. Schubart marked life strategies and the “picture of the world” of European societies as follows: “An Englishman wants to see the world as a factory, a Frenchman – as a salon, a German – as barracks, and Russian – as a church. An Englishman wants profit, a Frenchman – fame, a German – authorities, Russian – sacrifice. An Englishman expects benefits from neighbors, the Frenchman wants to impress them, a German – to command and Russian does not want anything. He does not want to turn into a means of passing. It is the essence of Russian idea of brotherhood and a great moral force” [7].

Understanding of these differences leads to overcoming sociocultural interference by the means of missing knowledge, “overbuilding” the missed and correction distorted knowledge through:

- purposeful selection of texts that reflect the linguistic, cultural and communicative behavioral specificity of foreign society;
- creation a model to overcome interference at different stages of learning a foreign language;
- development of a system of exercises and tasks to overcome the interfering effects extralinguistic character.

The classification of cultures by R. Lewis – mono-active (or linearly arranged) poly-active and reactive cultures – clarifies and supplements the classification of E. Hall, showing the dependence of the nature of the message and the character from the type of culture of its members.

Mono-active people (Americans, British, Germans, Swedes, Danes, Canadians and others.) tend to break activities at successive stages, without being distracted by other tasks. Such people have a measured way of life and conservatism. In this culture, managers rely primarily on facts and logic, not on feelings and emotions. They methodically, consistently and punctually organize their time and activities and focus on objectives and results [3]. Their performances are specific, logical, structured sequential (linear) with clearly defined signals of the beginning and the end of one topic and switch to another, have semantic completeness, carefully prepared and are strictly regulated in time.

Poly-active people (Latin Americans, Arabs, Spaniards, Russians, French, etc.) believe, that reality is more important than the order and tend to do several things at once, sometimes they don't bring them to the end. The leaders in this culture are more extroverted, rely on the ability to persuade, to pressure. Their performances are mostly spontaneous, not rigidly tied to procedures, formal planning and strict time constraints, targeted at partner rather than adherence to forms of communication topics don't have a linear sequence through frequent deviation from the main theme of the speech [4]. Both in mono-active poly-active cultures the dominant means of communication is a dialogue because Western human can not stand silence.

Reactive people (Japanese, Chinese, Koreans, Turks, Finns, etc.) organize their activities not by clear and unchanging plan, but depending on the changing context in response to these changes. In reactive cultures leaders are using the knowledge, patience and calm control, showing modesty and politeness, create a harmonious atmosphere to work in a team. They usually oriented to the communicative situation and adjust the behavior depending on the reaction of the communicative partner with a strict observance of the interests and aspiration to a result, favorable to themselves. A reactive culture rarely initiate the action or the discussion, the preferred mode of communication is a monologue, they not only tolerate a pause in the conversation, but also view them as an important part of communication. For them it does not matter what it is said, but how it is said, and also who is talking [3].

The representatives of different cultures do not only organize their communication differently, but also differently “listen” the message of other: good listeners are the Germans and the Swedes, bad one – the French and the Spanish; the Americans listen carefully or indifferent depending on the interest of the report [3]. The Americans usually speak in turn, the Brazilians often interrupt each other, not considering it as a manifestation of impoliteness. The Japanese keep silence, what is perceived in this culture as a regular attend: in Japanese culture silence is not equal to termination of communication, but rather a necessary part of social interaction, as the most important is considered something that is not expressed, the pause in the conversation they respond calmly, friendly and with understanding. According to the Japanese, the Americans talk too much and ask unnecessary questions. In American culture, the meaning is transmitted through words, so people talk a lot to express their thoughts and feelings.

It should also be noted, that the importance of situational context varies in different societies. In cultures with a low importance of context (Germany, America) extremely high emphasis is an expression of concepts and ideas, either orally or in a written form. Communicative specificity of different societies differ by precision of made arrangements and agreements, logical and straightforward style, explicit expression details.

In cultures with high importance of context (Japan, Arab countries) a great importance attaches to contextual factors, such as professional status hierarchy, communicative space, time, etc. Communicative specificity of these societies is characterized by a particular style of understatement, of particular importance, given the implicit messages and signs, hints, indirect means of conveying content, avoiding discussions, etc. [8]. For example, the Japanese partners find out almost everything about the partner before meeting him and, handing his card at the beginning of the meeting, expect the same from a partner, to make a correct understanding of the hierarchical organization of a team of partners to collaborate more effectively.

Serious communicative difficulties may arise in business communication of societies with low and high importance of context, if they are not prepared to meet and adapt to other cultures, including business. For instance, cultures with low importance of context may take the representatives of the opposite culture not clear, evasive, taciturn, not inclined to cooperate. In turn, the representatives of the cultural context of high importance often measure the partner, who does not know how to interpret non-verbal signs of situational context as aggressive, arrogant, impatient and naive.

National mentality affects the non-verbal communication, which also varies from culture to culture. For example, if the Italian communicant delays his speech, to stop him the men usually gaze into his eyes and stubbornly palm the cheek. In Russia this gesture is not informative, but the Italian such gestures will make to reduce performance immediately.

The Americans exchange views about one-third of communicative situations, the Brazilians prefer to face the opponent during the communication. Such a close eye contact means influence on the interlocutor and emphasizes the position and importance of the message of the speaker. In Japan, to look someone in the eyes is considered inappropriate, such behavior is understood as rude. The Japanese during the conversation for avoiding eye contact, look at the neck of the speaker, while listening, and on the shoes or knees when they talk. Friendly touches are a taboo in the United States and Japan, and in Brazil without touches the conversation is perceived as impersonal.

The acquaintance with intercultural peculiarities of behavior of the foreign community representatives completes the formation of students-philologists' cross-cultural professional competence. Thus, intercultural professional competence is a complex of linguistic, social and psychological phenomenon that involves overcoming interference of linguistic, discursive and sociocultural levels.

References:

1. Калита А.А. Фонетичні засоби актуалізації смислу англійського емоційного висловлювання / А.А. Калита. – К. : КДЛУ, 2001. – 351 с.
2. Леонтович О.А. Русские и американские парадоксы межкультурного общения / О.А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.
3. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию / Р.Д. Льюис. – М., 2001. – 448 с.
4. Олянич А.В. Презентационная структура дискурса (драматургия речевого воздействия) / А.В. Олянич // Известия ВГПУ, серия «Филологические науки». – 2003. – № 2 (01). – С. 23–36.
5. Томахин Г.Д. Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка) : автореферат дис. на соискание науч. степ. докт. филол. наук : спец. 10.02.19 «Общее языкознание» / Г.Д. Томахин. – М., 1984. – 50 с.
6. Чернов Г.В. Основы синхронного перевода / Г.В. Чернов. – М., 1987. – 270 с.
7. Шубарт В. Европа и душа Востока / В. Шубарт // Общественные науки и современность. – 1993. – № 1. – С. 108–120; № 4. – С. 167–176; №5. – С.26–33.
8. Hall A. Intercultural Communication. An Advanced Resource Book / A. Hall, M. Hyde, J. Kullman; London and New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2006. – 233 p.
9. Lewis Richard D. When Cultures Collide: Managing Successfully Across Cultures / Richard D. Lewis. – Nicholas Bradley Publishing, London. – 1997. – 312 p.

*Chvaha Lada, teacher, Ukrainian
engineering Pedagogics Academy,
Kharkiv, Ukraine*

The basics of professional self-educational competence of future teachers of higher school

*Швачка Лада, викладач,
Українська інженерно-педагогічна
академія, м. Харків, Україна*

Основи розвитку професійної самоосвітньої компетентності майбутніх викладачів вищої школи

Науково-технічний і соціальний прогрес швидко змінює характер знань, умови праці людини і засоби її діяльності. Відтак постає проблема перегляду цілей, змісту і технологій професійної підготовки фахівця до успішного життя й діяльності в нових, надзвичайно мінливих умовах інформаційного суспільства. Важлива роль у вирішенні цього питання відведена викладачу вищого навчального закладу, роль і місце якого у навчально-виховному процесі змінюються у залежності від вимог часу. Приведення професійної діяльності викладача вишу у відповідність до змін відбувається в умовах післядипломного навчання у магістратурі зі спеціальності «Педагогіка вищої школи».

Державною національною програмою «Освіта», в якій одним із головних принципів її реалізації проголошується неперервність освіти протягом усього життя людини (професійного та загальнокультурного) і самоосвітня діяльність є невід'ємною її складовою, підтверджується важливістю самоосвіти, включенням її до структури освіти у Законі України «Про освіту».

У наукових доробках досліджуються такі напрями: історичний і соціальний аспекти самоосвіти (Л. Айзенберг, А. Громцева, Г. Закиров); сутність, особливості і функції самоосвіти, її місце в професійній діяльності (Т. Воронова, С. Єлканов); роль і місце самоосвіти в системі неперервної освіти, зокрема забезпечення ефективного функціонування на різних життєвих етапах (А. Даринський, О. Савченко, М. Солдатенко, В. Турченко); самоосвіта як інтенсивна форма підвищення кваліфікації (Т. Браже, Л. Ващенко, Ю. Кулюткін, Н. Косенко, Г. Сухобська, Н. Протасова, Т. Сущенко.); самоосвіта як складова самовиховання, самовдосконалення та саморозвитку особистості (Є. Ісаєв, І. Котова, В. Слободчиков).

Проблему самоосвіти досліджували М. Заборщикова, О. Лебедев, В. Лутанський, І. Наумченко, П. Пшебильський та ін., які розкривають теоретичні основи педагогічної самоосвіти, загальну концепцію її стимулювання, обґрунтовують взаємозв'язок між самоосвітою та ефективністю професійної діяльності вчителів тощо.

Питанням самоосвітньої діяльності як складової професійного зростання вчителів початкових класів присвячені праці Н. Бібік, В. Бондаря, О. Савченко.

Становлення майбутніх викладачів має базуватися на залученні до сучасних інноваційних систем, що включають: особистісно зорієнтоване навчання; компетентнісно орієнтовані підходи; інтерактивні технології; інтегроване, профільне та розвивальне навчання; проектні технології; тестове оцінювання навчальних досягнень та ін. [1, с.9].

Перегляд основних концепцій змісту освіти передбачає розширення тих можливостей, які відкривають перед студентською молоддю життєві компетентності. Комплекс знань, умінь і навичок є підґрунтям для набуття необхідних життєвих компетентностей. Набуття знань, умінь і навичок трансформується в компетентності і сприяє гармонійній взаємодії з технологічним суспільством. Науковцями проведено узагальнення процесу формування ключових життєвих компетентностей за трьома блоками: соціальні, мотиваційні, функціональні [2, с.71].

Особистісні ціннісні орієнтації молоді спираються саме на ключові життєві компетентності. Життєві компетентності дають можливість людині ефективно брати участь у багатьох соціальних сферах і роблять внесок у розвиток суспільства та особистісного успіху. Вони становлять основний набір найзагальніших понять, які включають деталізовані знання, уміння, навички, цінності та відносини.

Ключові компетентності пов'язані з життєвими цілями, умінням співпрацювати, з розвитком відповідальності, з підготовкою особистості до ринку праці та ін. Ключові компетентності мають предметний характер, формування яких у майбутнього викладача відбувається в комплексі, при вивченні багатьох навчальних предметів. Можна виділити основні етапи процесу формування ключових життєвих компетентностей майбутніх викладачів: формування базових умінь і навичок (початковий); розробка творчих завдань із застосуванням знань у всіх аспектах трудової підготовки (основний); моделювання типових ситуацій у навчальній діяльності (закріплюючі); оцінка та самооцінка рівня сформованості ключової життєвої компетентності за визначеними критеріями (підсумковий).

На останньому етапі відбувається аналіз та самоаналіз досягнень і недоліків, підвищення рівня мотивації навчання. На цьому етапі застосовують весь методичний комплекс дослідження рівня компетентності – тести, різнорівневі та корекційні завдання, кореляційний аналіз та ін. При цьому на будь-якому етапі формування можна виділити такі загальні елементи: мотиваційно-цільовий, що вказує на наявність мотиву досягнення мети, інтерес та готовність до роботи; когнітивний як наявність відповідних знань, умінь, і здатності використання інформаційної техніки; операційно-діяльнісний, що демонструє ефективність інформаційної діяльності із застосуванням інформаційних технологій; рефлексивний - забезпечує готовність до пошуку вирішення проблем, творчого потенціалу особистості майбутнього викладача.

Профільна освіта, що відбувається у магістратурі зі спеціальності «Педагогіка вищої школи», базується на особистісно - орієнтованих підходах. У процесі профільного навчання важливо підвести майбутнього викладача до розвитку професійної самоосвітньої компетентності. Професійна самоосвітня компетентність базується на спеціально організованій діяльності, що включає формування таких якостей, як самостійність, спостережливість, відповідальність, самоорганізація, креативність. Світосприймання та специфіка проявляється в умінні виявляти різні форми активності та володіння інформаційно-технологічною компетентністю.

При організації навчально-виховного процесу, орієнтованого на розвиток професійної самоосвітньої компетентності, слід мати на увазі, що розвиток навчальних здібностей майбутнього викладача відбувається не тільки через оволодіння нормативною діяльністю, а й через постійне збагачення інтелекту, перетворення суб'єктивного досвіду в джерело власного розвитку. Основним результатом розвитку професійної самоосвітньої компетентності повинно стати формування пізнавальних здібностей та вмінь здобувати потрібну інформацію протягом усього власного життя [3, с.7-8].

Можна виділити сучасні підходи до розвитку професійної самоосвітньої компетентності. Головним при цьому є не предмет, якому навчаємо, а особистість, яку формуємо. Активність і самостійність проявляється в проблемних ситуаціях, що спонукають думати, аналізувати, робити висновки, самостійно вирішувати проблеми. Творчий компонент майбутнього викладача розвивається всебічним аналізом проблеми, пошуком різних шляхів її вирішення, використанням інноваційних форм та методів роботи; розумінням причинно-наслідкових зв'язків. Логічне обґрунтування своїх дій, використання логічних структур та зв'язків допомагають міцнішому запам'ятовуванню, ніж розрізнені знання. Перспективи навчально-виховного процесу, врахування особливостей особистості, її життєвого досвіду, інтересів оптимізує процес формування інформаційно-технологічних компетентностей, які тісно корелюють з професійною самоосвітою.

Професійна самоосвітня компетентність передбачає формування емоційного інтелекту. Даніел Гоулман визначає «емоційний інтелект» як здатність усвідомлювати свої емоції та емоції інших, щоб мотивувати себе та інших, і щоб добре керувати емоціями наодинці з собою і при взаємодії з іншими. Крім того, він виділяє емоційну обдарованість - це мета здібність, що визначає, наскільки добре ми вміємо користуватись будь-якими іншими навичками і вміннями, якими володіємо... [4, с.64].

У контексті акмеологічної освіти деякі дослідники акцентують увагу на важливості формування «суперінтелекту», що включає творчий, особистісний, соціальний та духовний компоненти. Отже, професійна самоосвітня компетентність пов'язана з успішною реалізацією особистості, вона збільшує її інтелектуальні та фізичні здібності і нарощує високий творчий потенціал [5, с.63].

Таким чином доведено, що професійна самоосвітня компетентність розвивається на основі надбання досвіду самостійних намагань і досягнень у самоосвітній діяльності, вироблення власної індивідуальної системи навчання, переходу від копіювання зразків самоосвіти до вироблення власної моделі, включення самоосвіти у спосіб життя

майбутнього викладача. Виявлено, що процес розвитку професійної самоосвітньої компетентності містить такі етапи: адаптаційний; етап накопичення особистісного досвіду у самоосвітній діяльності; власне етап оволодіння професійною самоосвітньою компетентністю.

Список використаної літератури

1. Пашко Л.Ф. Науково-теоретичні основи змісту сучасної освіти / Автори-упорядники: Л.Ф. Пашко, О.П. Коваленко, Н.В. Корягіна // Науково-методичні основи змісту сучасної освіти (курс лекцій): наук.-метод. посіб. - Полтава : ПОІППО, 2008. - 261 с. - С. 9.
2. Клепко С.Ф. Компетенізація освіти. Модернізаційні процеси в сучасній освіті / С.Ф. Клепко. - К. : Шкільний світ, 2008. -120 с.
3. Мирошніченко В.І. Профільна освіта у формуванні творчої особистості ХХІ століття / упоряд. Л.Ф. Пашко, Н.В. Корягіна, О.П. Коваленко, Л.І. Симоненко // Формування ключових життєвих компетентностей у процесі профільного навчання. - Полтава : ПОІППО, 2009. - 148 с. - С. 6 8.
4. Гоулман Д. Емоциональный интеллект / Дэниел Гоулман; пер. с англ. А. П. Исаевой. - М. : АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир : ВКТ, 2009. - 478 с.
5. Бьюзен Т. Суперинтеллект / Т. Бьюзен; пер. с англ. Ю. Е. Андреева. - 4-е изд. - Минск : «Попурри», 2008. - 400 с.

*Lymarenko Lidiya, Kherson State University,
candidate of pedagogical sciences, associate professor,
manager of chair of cultural science, honored worker
of culture of Ukraine, faculty of culture and arts*

Research and development the theoretical justification and self-development future teachers in student theater

*Лимаренко Лідія, Херсонський державний університет,
кандидат педагогічних наук, доцент, завідувач кафедри
культурології, заслужений працівник культури України,
факультет культури і мистецтв*

Науково-теоретичне обґрунтування розвитку та саморозвитку майбутніх педагогів у студентському театрі

В системі професійної підготовки спеціалістів, що здійснюється у вітчизняній вищій школі, постійно актуалізуються проблеми розвитку, саморозвитку, зокрема, майбутніх педагогів, їх самоосвіти, самоактуалізації та самовдосконалення. Різноманітні аспекти зазначеного напрямку розглядають у своїх працях такі вчені як І.А. Зязюн, Л.І. Зязюн, М.А. Костенко, Н.М. Лосєва, М.Ю. Рогозіна, Л.М. Кобильнік, В.Б. Тюска, Т.В. Шестакова та інші.

Концептуальним положенням розвитку особистості вчителя засобами мистецтва присвячено праці науковців З.В. Гіптерс, М.П. Лещенко, Н.Є. Миропольської, О.М. Отич, О.Я. Ростовського, О.П. Рудницької, Г.М. Сагач, С.О. Соломахи та інших.

Проте, питання розвитку та саморозвитку майбутніх педагогів в умовах студентського театру фактично не потрапляли в поле зору вітчизняних дослідників. Тому **метою** даної статті є надання теоретичного обґрунтування розвитку та саморозвитку майбутніх педагогічних кадрів у діяльності студентського театру.

Теоретико-методологічною базою дослідження проблеми розвитку та саморозвитку майбутнього вчителя стали психологічна теорія особистості О.Н. Леонтьєва, естетико-етичні основи системи К.С. Станіславського та впровадження діяльнісно-особистісного підходу у систему педагогічної підготовки.

Аналіз наукових джерел дозволяє зробити висновок, по-перше, про відмінність, а по-друге – про органічну єдність явищ «розвиток» та «саморозвиток» особистості. Тож, виходячи зі специфіки нашого дослідження, вважаємо логічним наступне: з метою забезпечення продуктивності цих процесів є необхідним створення педагогічних умов, які

б сприяли стимулюванню органічного переходу особистості майбутнього педагога зі статусу об'єкта педагогічного впливу в статус суб'єкту особистого свідомого професійного самовпливу. Ми доводимо, що в якості продуктивної умови для цього в межах системи професійно-педагогічної підготовки може виступати блок позааудиторного типу. Функціональна значущість такого блоку виявляється в забезпеченні ефективності діяльнісно-особистісного підходу, створення педагогічно комфортних умов для активного, свідомого, вільного професійного розвитку та саморозвитку в структурі особистості студента необхідних психологічних утворень. Відповідно, ці психологічні утворення повинні максимально гарантувати якість та міцність системоутворюючих соціально-доцільних педагогічних зв'язків.

На глибокі переконання О.М. Пехоти, психолого-педагогічною підставою професійного розвитку та саморозвитку майбутніх учителів виступає усвідомленість студентами особистої відповідальності за цей процес, сформованість у них умінь здійснювати його у конкретно визначеному напрямі на підставі вільного вибору певних методів свідомого професійно значущого самовпливу [1].

Досліджуючи формування здатності до професійного саморозвитку, Т.М. Стрітьєвич акцентує увагу на значенні в цьому процесі суто суб'єктивних чинників, зокрема, складових емоційно-вольової сфери особистості майбутнього педагога, а значення самого саморозвитку розглядає «як важливу умову професіоналізму, ключову ланку оволодіння продуктивним рівнем виконання проблемних завдань» [2, с. 47].

О.Д. Колодницька доводить, що саморозвиток являє собою форму прояву розвитку. Саморозвиток, зумовлюється фактором цілеспрямованості та внутрішнім потенціалом самопізнання особистості. Також науковець наголошує на значенні мотивації як стимулюючого ефекту діяльності, спрямованої на самого себе з метою розв'язання певних внутрішніх протиріч. Під явищем професійного розвитку автор розуміє «складний, багатогранний, неперервний, свідомий процес, спрямований на становлення, інтеграцію та реалізацію у педагогічній діяльності професійно значущих особистісних рис, професійних знань, умінь і навичок майбутнього вчителя» [3, с. 28].

На підставі викладеного вище можна констатувати, що під явищами «розвиток» та «саморозвиток» особистості майбутнього педагога науковці розуміють споріднений системний елемент процесу фахової підготовки студента, який реалізується у вільній діяльності, з мотивуванням на прагнення високого рівня професіоналізму. Отже, процес розвитку та саморозвитку можна розглядати як специфічну діяльність, організовану самим суб'єктом. Однак аналіз наукових праць переконує у відсутності єдиної точки зору вчених відносно комплексу професійно доцільних якостей, що мають бути складовими структури особистості майбутнього педагога, хоча пошуки в цьому напрямі ведуться активно.

В контексті проблеми нашого дослідження важливою є позиція академіка І.А. Зязюна, який підкреслює необхідність розвитку у майбутнього вчителя специфічних професійно значущих якостей, що за функціональним призначенням саме і повинні забезпечувати педагогічній системі надійність та гнучкість її системоутворюючих факторів [4, с. 111].

Відповідно, для студента потрібно створити такі умови, що сприятимуть його професійному розвитку та саморозвитку. Одним із факторів цього призначення, як вже було доведено є системний блок позааудиторної роботи, який може бути органічно введеним у професійну підготовку педагогічних кадрів. Цей блок може забезпечувати добровільне, тимчасове виведення майбутнього педагога на рівень суб'єкта самовпливу, що виходить за межі регламентованого навчального процесу вищого навчального закладу, який традиційно забезпечує студентам статус об'єкту цілеспрямованого педагогічного (зовнішнього) впливу.

Слід зауважити, що підготовка майбутніх учителів у вузі тісно пов'язана з використанням у навчально-виховному процесі поряд із класичними формами та методами навчання так званих активних, професійно орієнтованих, позааудиторних.

Практика роботи в вищих навчальних закладах переконує в тому, що організація підготовки сучасного педагога повинна відповідати вимогам особистісно-діяльнісного підходу, коли в центрі навчання знаходиться той, хто навчається, а метою навчання є сама діяльність. Усталеною є думка І.А. Зязюна, що у своїй практичній діяльності педагог постає одночасно і як організатор, і як режисер, і як виконавець педагогічної дії. Склад функцій, необхідних для здійснення різних практичних дій, зазвичай, має варіативний характер. Тож, як визначає автор, основне завдання професійної підготовки педагога – це забезпечення умов оволодіння засобами реалізації відповідних функцій, самозабезпечення умінь використовувати ці засоби у практичній педагогічній дії у різних ситуаціях [5, с. 488]. Отже, йдеться про прагматичне поєднання технологічності та творчості у навчально-виховному процесі студентського театру, завдяки чому студент, майбутній педагог стає активним учасником навчання. Тому, важливо зазначити, що технологія навчання завжди включає і мистецтво досконалого володіння процесом, який обов'язково передбачає певну та чітку послідовність виконання операцій з використанням конкретних засобів, методів і, безперечно, створення сприятливих умов для цього.

Врахування філософсько-методологічного осмислення таких понять як «професійна підготовка», «система професійної підготовки майбутнього педагога», «розвиток та саморозвиток педагога» дає підстави зробити припущення, що дієвим засобом на шляху забезпечення більш ефективного процесу суб'єктно-суб'єктного ототожнювання особистості майбутнього педагога може бути студентський театр. Включення в художню творчість дозволяє студенту бути одночасно об'єктом і суб'єктом власного перетворення, моделювати свою майбутню фахову діяльність, цілеспрямовано розвивати професійно значущі якості.

Варто відзначити, що студентський театр, являючи собою театральне мистецтво та його різновид, може виступати продуктивною формою позааудиторної роботи та структурним елементом системи фахової підготовки. Це зумовлюється специфікою сутності театру, яка безпосередньо пов'язана з художньо-творчою діяльністю, що органічно відповідає вимогам діялісно-особистісного підходу. Функціонально студентський театр буде спрямовуватися на забезпечення у майбутнього педагога мотивів, умінь та навичок щодо самостійного професійного саморозвитку. В процесі якого будуть формуватися та вдосконалюватися сукупність цілісних особистісно- професійних

новоутворень. Ці новоутворення визначатимуть успішність роботи педагога, забезпечуватимуть високий рівень ефективності його фахової діяльності.

Студентський театр у професійно-педагогічній підготовці можна визначити як ефективну форму розвитку та саморозвитку естетичного досвіду майбутнього фахівця в системі багаторівневої комунікації театру. Тому, перш за все, навчально-виховний процес у театральному колективі, на наш погляд, повинен бути спрямованим на розвиток і саморозвиток психофізичного апарату студента. Для цього доцільно використовувати специфічні технології навчання, які розглядаються ще і як творчий процес, пріоритетом якого є цілісний розвиток студента, його вдосконалення для досягнення особистісних вершин у вибраній ним діяльнісній сфері.

Аналіз терміну «технологія навчання» дозволяє констатувати, що в його основу покладено, насамперед, метод, як систему певних регулятивних принципів і правил. Справа в тому, що саме метод і є шляхом реалізації поставленої педагогічної мети. Тому доцільність, виваженість методів навчання, як педагогічних інструментів, є фактором сучасної системи вищої освіти. У дослідженні методом тренінгу слід визнати те, в який спосіб організовано навчання, як відбувається процес засвоєння змісту тренінгу.

Тренінги, на наш погляд, сьогодні є незамінним елементом системи навчання студентів будь-якого фаху та одним із варіантів організації розвитку та саморозвитку особистісно-професійних якостей майбутнього вчителя. Адже тренінг – це, насамперед, процес випробування можливостей людини, використання накопиченого і, водночас, отримання нового досвіду, тобто той процес, який здійснюється завдяки внутрішньо особистісному та міжособистісному процесу спілкування. Особи, що задіяні у тренінгу, не тільки отримують нові знання, але й мають можливість відразу ж використовувати їх на практиці, виробляючи та формуючи професійні вміння, навички [6, с. 80]. Саме у процесі застосування тренінгових технологій виникає можливість природним шляхом багаторівневих комунікацій дістатися вершин естетичного досвіду, що забезпечує можливість постійного духовного самовдосконалення особистості, формування її інтелектуального та культурного потенціалу як найвищої цінності нації.

З нашої точки зору, впровадження тренінгу в діяльність студентського театру істотно доповнює традиційну професійну підготовку вишу, і це відбивається на формуванні інтегративної особистісно-професійної якості фахівця – естетичному досвіді – естетичних знаннях педагога, вміннях і навичках пізнання себе та інших.

Таким чином, при впровадженні тренінгових технологій навчання в студентські театри педагогічних вишів відбувається процес розвитку та саморозвитку психотехніки студента, що стає особистісним естетичним досвідом майбутніх учителів та має вирішальне значення для успіху педагогічної діяльності.

У подальшому передбачається, і це є доцільним, звернутися та більш детально розглянути різновиди театральних тренінгових технологій навчання з перспективою їх адаптування в професійній підготовці майбутніх педагогів.

Список літератури:

1. Пехота Е.Н. Индивидуальность учителя: теория и практика. [Учеб. пособие для студ. и преподавателей пед. ин-та, учителей и слушателей ИУУ] / Е.Н. Пехота. – Николаев: [б. и.], 1996. – 144 с.
2. Стрітьєвич Т.М. Формування здатності до професійного саморозвитку майбутніх учителів образотворчого мистецтва: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Тетяна Миколаївна Стрітьєвич. – Кіровоград, 2009. – 233 с.
3. Колодницька О.Д. Стимулювання професійного саморозвитку майбутнього вчителя гуманітарного профілю засобами проектних технологій: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Ольга Дмитрівна Колодницька. – Тернопіль, 2012. – 238 с.
4. Зязюн І.А. Процеси модернізації сучасної педагогічної освіти в Україні / І.А. Зязюн // Професійна освіта: педагогіка і психологія: польсько-український журнал / за ред. Т. Левовацького, І. Вільш, І. Зязюна, Н. Ничкало. – Ченстохова – Київ: АІД, 2006. – VIII. – С. 105–115.
5. Зязюн І.А. Філософія педагогічної дії: Монографія / Іван Андрійович Зязюн. – Черкаси: Вид. від. ЧНУ імені Богдана Хмельницького, 2008. – 608 с.
6. Лимаренко Л.І. Тренінг як форма навчання у студентському театрі вищого навчального закладу гуманітарного спрямування / Л.І. Лимаренко // Матеріали 4-ої міжнародної науково-практичної конференції «Научні дні» – 2008. – Том 8. Педагогічні науки. – Софія: «Бял-ГРАД –БГ» ООД. – С. 80-83.

*Liudmyla F. Melko, «KROK» University, Kyiv,
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Head of Tourism Department*

Formation of Multicultural Competence of Students by Means of Country Studies Projects

Scientific problem definition and its significance.

Multicultural education for young people is an essential part of education, especially today, when in the middle of Europe the threat to the peaceful coexistence of the fraternal peoples has arisen. When people are dying every day, the word “peace” becomes not an abstract concept, but thus the necessary condition of living.

There is a need to teach young people of the art of negotiation, to live in peace and cooperation with the representatives of different countries and peoples. It is always more difficult to come to the agreement, than to carry on the war. There are many spectators and supporters, but not many effective helpers and reliable partners.

In practice, civilized world requires professionals who have the extensive knowledge of cultural diversity in a global scale, are able to build connections, create favorable conditions for cross-cultural interaction. Therefore, the important feature of students’ training, especially future experts in the international sphere, is to develop fundamental knowledge about the multicultural world that is the key to peaceful coexistence and international security.

Huge role in the formation of the multicultural competence of students is given to the country studies courses, which are able to form a perception of the integrity of the world. Great importance is played by country studies project activity, which provides the invaluable experience for the understanding of cultural diversity of countries and cultures.

Therefore, the formation of multicultural competence of students by means of country studies projects are extremely important part of the learning process, especially in the context of training in the field of international activity.

Analysis of the latest researches and publications.

The question of the competence approach in education, professional competence, and multicultural competence is the research subject of plenty of foreign and Ukrainian scientists. Most researches are conducted in the field of teaching staff professional competence (H.Ball, Y.Vardanian, H.Hordashevska, I.Ziaziun, Y.Klimov, N.Lalak, E.Rohov, N.Serhiienko, A.Shcherbakov and others). The questions of the training of future social workers in terms of multiculturalism are considered in the studies of O.Hurenko. The research of V. Kalinina is devoted to the formation of the professional competence of the future teacher of foreign language by mean of cultures dialogue. The multicultural competence as a subject of current pedagogical research is highlighted in O.Osypenko works, and is the part of a creative development of the expert - in the works of D.Chernilevskyi. The works of O.Zelenska are devoted to the formation of military schools cadets’ multicultural competence.

Today the formation of multicultural competence of students, including the students of international departments by means of country studies projects, is not completely disclosed.

The purpose of this article is to study scientific and methodological foundations of multicultural competence of students by means of country studies projects, to reveal their role and importance.

The research main material presentation.

Multiculturalism is the main feature of modern society. Therefore multicultural competence of students, especially future experts in the field of international relations, we consider as an integral part of professional competence, which should be carried out at all stages of the professional activity.

There are many definitions of multicultural competence as a concept, its components were defined, as well as structural components. For example, R.Ahadullin considers multicultural competence as the general ability of the individual to productive living in terms of multi-ethnic and multicultural society [1].

The author of this article defines the *multicultural competence of the student* as the ability of the individual to realize multicultural competences harmoniously, having a sum of multicultural knowledge and language skills, adequately and diplomatically establish the cultural interaction process, be tolerant to people of different nationalities in order to solve the professional tasks knowledgeably. In the structure of multicultural competence of the student we distinguish four interrelated components: knowledge and informational, communicative, verbal, ethical and motivational.

Formation of multicultural competence of students as one of the key professional competencies is carried out throughout the whole period of study in higher educational institution, including the study of country studies courses.

The Country Studies - one of the basic subjects, in which the formation of multicultural competence of future experts in international relations and "Tourism" field of study is carried out effectively. Extremely effective is the use of new approaches to the study of the course. The method of projects is one of such methods.

While the studying of Country Studies the project method is used in the preparation of *creative works* as one of the most effective forms of individual scientific and research tasks during the accomplishment of students' self-reliant tasks.

By the students of international relations field, the training of whom is carried out for over ten years at "KROK" University, Kyiv, the creative works were done during the first two academic years, when there was the study of "Country Studies" course. The purpose of training is to expand and deepen students' knowledge of subjects while the accomplishment of self-reliant task. To date, scientific and methodical recommendations on the creation of creative works were developed, in which their purpose, objectives are defined, the types (country studies imagery, country studies routes, mini-reports, comprehensive country studies data) were developed, stages of preparation were offered, features of design and evaluation, public defense, ways of practical implementation of the results were disclosed [2].

Creative works are the effective basis for the formation of multicultural competence of students of international field. The best, what is performed by the students, is to reveal the topics of cultural and socio-cultural nature. According to public opinion polls – it is one of the most popular types of learning activities of students, which also has the positive impact on the performance.

During the implementation of such a project as a creative work the most effectively the following components of multicultural competence, as knowledge and informational and ethical and motivational are formed.

Further development of accomplished projects is going on by the several ways: participation in scientific conferences, as the material for term papers and dissertations writing, extensions and presentation of the themes on the country studies meetings, festivals, round tables, etc.

The powerful country studies projects in extracurricular activities of students, who actively contribute to the formation of multicultural competence, are the projects, which are related to the *country studies educational festivals*.

At "KROK" University for several years the project ***"Country Studies Educational Festival "Dialogue of Cultures"*** for partner schools, students and young people, within which the following festival events occurred: "Dialogue of Cultures: Africa" (March 11, 2011), "Dialogue of Cultures: Latin America" (November 25, 2011), "Dialogue of Cultures: Europe" (December 3, 2012), "Dialogue of Cultures: Asia" (February 17, 2014) are actively promoted. The participants of each event are more than 300 people. In March, 2015 the conduction of the fifth festival "Dialogue of cultures: America, Australia and Oceania" is planned.

The aim of the festival is to introduce young people to the peculiarities of cultures, promote the formation of personality on the basis of tolerance and mutual respect to other cultures and peoples. The objectives of the festival are: 1) to familiarize the participants with various aspects of cultural country studies features; 2) to promote the formation of personality on the principles of friendship and respect between peoples; 3) to develop the understanding of global interdependence of all countries and peoples; 4) to develop the communicative skills, promote the ability to communicate with people of different nationalities; 5) to develop the creative potential of the person, as well as skills that contribute to increase knowledge about the other cultures; 6) to promote a sense of beauty in the best achievements of world civilization [3].

In the organization and conduction of the festival the students take an active part, especially students of international relations field, who prepare the information booths, presentations, welcome guests, conduct the sessions, organize the workshops etc. The main sessions' moderators are those students, who have the positive mark of the course "Country Studies" and are ready to demonstrate their knowledge, skills and abilities in practice.

During the conduction of four country studies festivals 29 sessions, representing 84 countries, 14 workshops and 4 creative studios were held.

On workshops and creative studios the festival event participants have the opportunity to get acquainted with the cultural diversity of the countries and peoples of the world in a practical context. To their conduction the culture-bearers, embassies, consulates, foreign guests and experts are usually involved.

As the practical experience shows, in the organization and conduction of the educational festivals on the basis of voluntarism, usually 80-90% of students, who are studying or have studied the subject "Country Studies", take part. It should be noted that a number of students continues the festival activities, even being the graduates.

In general, we emphasize, that the participation in the country studies project festival activity contributes primarily to the formation of strong communicative and ethical and motivational components of multicultural competence. In addition, there is a possibility to strengthen and deepen the speech component, as well as knowledge and informational.

The analysis of the above mentioned information allows us to formulate the following **conclusions**.

Multicultural competence of the students is a component of the professional competence.

Country studies projects, namely: creative works and country studies educational festivals are the effective basis for the formation of multicultural competence of students.

Multicultural competence, as well as other types of professional competence of students, is formed throughout the whole period of study in the higher educational institution, and its' means and methods of formation can be improved and developed in general.

Country studies educational activity of educational institutions on the study of cultures of countries and nations can guarantee the peace and stability in the world if it gains the global scale and is supported by conscious individuals, world progressive society.

References:

1. Агадуллін Р.Р. Полікультурна освіта: методолого-теоретичний аспект. Педагогіка і психологія. Київ, 2004. № 3. – С. 18–29.
2. Країнознавство: Підготовка творчих робіт: Електронний посібник для самостійної роботи студентів / Автор-укладач Л.Ф. Мелько. – Київ: Університет економіки та права «КРОК», 2007.
3. Мелько Л.Ф. Країнознавчі фестивалі у системі взаємодії вищої та середньої школи. Україна: географія цілей та можливостей. Зб. наук. праць у 3-х т. Київ: ФОП «Лисенко М.М.», 2012. Т. 3. – С. 352–354.

*Marina A. Sitnikov, a graduate student, teacher,
Cheboksary Electromechanical College*

Formation of the competences at mathematics lessons in college

*Ситникова Марина Анатольевна,
аспирант, преподаватель,
Чебоксарский электромеханический колледж*

Формирование компетенций на уроках математики в колледже

Требования федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования формулируют необходимость формирования компетенций обучающихся.

Общая компетенция – это способность успешно действовать на основе практического опыта, умений и знаний при решении задач, общих для многих видов профессиональной деятельности. [5]

На каждой учебной дисциплине осуществляется установка на развитие общих и определенных профессиональных компетенций. Проблема преподавателя создать условия организации учебного процесса, при которых студент будет получать знания, формировать умения, практические навыки и компетенции.

На уроках математики формулируются теоретические сведения, решаются задачи. Но возникает вопрос: «Как сформировать умение ориентироваться в условиях частой смены технологий в профессиональной деятельности?»

Поэтому целью нашего исследования является введение исторических сведений по математике в учебный процесс для формирования компетенций. Мы создали историко-математический альманах, содержащий исторические сведения по разделам математики, изучаемых в колледже, в порядке следования соответственно программе по математике в Чебоксарском электромеханическом колледже (ЧЭМК).

Альманах исторических сведений по разделам математики является систематизированным источником историко-математических сведений для студентов. Он создан в виде электронной книги в программе SodaReader, что позволяет мотивировать студентов к его изучению. [4] Информация в альманахе расположена по разделам предметов «Математика» и «Элементы высшей математики», изучаемым на 1 и 2 курсе колледжа. В каждом разделе представлены 4 блока информации:

- история возникновения математических понятий данного раздела;
- биография ученых, которые внесли вклад в развитие данных понятий;
- исторические задачи;

- интересные математические факты.

Расположен альманах на сервере колледжа и доступен для просмотра студентам. Таким образом, его можно использовать как во время аудиторных занятий, так и при самостоятельном изучении.

Мы провели исследование результатов освоения учебной дисциплины «Элементы высшей математики» по специальности «Компьютерные системы и сети», разработали основные показатели оценки результата и проанализировали взаимосвязи общих компетенций и исторических сведений по математике, расположенных в альманахе.

Таблица 1.

Результаты освоения	Основные показатели оценки результата	Взаимосвязи с альманахом исторических сведений
ОК 1. Понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии, проявлять к ней устойчивый интерес.	Обучающийся понимает роль математики в подготовке специалиста данного профиля; добросовестно выполняет учебные обязанности; участвует в семинарах, конференциях, исследовательской работе по созданию электронных образовательных средств по обеспечению дисциплины «Математика» в качестве интеграции с будущей профессией.	На примерах деятельности великих ученых-математиков формируются компетенции в сфере мировоззрения, связанные с ценностными ориентирами студента.
ОК2. Организовывать собственную деятельность, выбирать типовые методы и способы выполнения профессиональных задач, оценивать их эффективность и качество.	Обучающийся рационально планирует и организует деятельность по усвоению разделов математики, своевременно выполняет домашние задания, отчеты по практическим работам, решает на уроках проблемные задачи, сопоставляет выбранные методы решения, поставленным задачам, обосновывает постановку цели, выбор и применение методов и способов решения математических задач.	В рамках данных компетенций определяются требования соответствующей функциональной грамотности: умение отличать факты от домыслов (исторические факты являются хорошим примером), владение измерительными навыками, использование вероятностных, статистических и иных методов познания.
ОК3. Принимать решения в стандартных и	Обучающийся решает проблемные задачи, обосновывает выбор метода	Великие ученые открывали научные факты, доказывали теоремы и несли

нестандартных ситуациях и нести за них ответственность.	решения и степень ответственности за результат выполнения.	ответственность за достоверность предложенной информации.
ОК4. Осуществлять поиск и использование информации, необходимой для эффективного выполнения профессиональных задач, профессионального и личностного развития.	Обучающийся осуществляет поиск необходимой информации для выполнения задания, обосновывает выбор и оптимальность состава источников, необходимых для решения поставленной задачи.	При помощи реальных объектов и информационных технологий формируются умения самостоятельно искать, анализировать и отбирать необходимую информацию, организовывать, преобразовывать, сохранять и передавать ее. Предоставленная информация в альманахе способствует формированию навыков анализа информации, студенты могут дополнить созданное пособие дополнительной информацией.
ОК5. Использовать информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности.	Обучающийся использует информационные технологии для математических вычислений; применяет электронные образовательные ресурсы для усвоения разделов математики; создает презентации по определенным темам математики и ее приложений.	Исторический альманах представлен в виде электронного пособия, что предполагает изучение исторических сведений по математике с помощью средств ИКТ.
ОК6. Работать в коллективе и команде, эффективно общаться с коллегами, руководством, потребителями.	Обучающийся использует командные виды работ на уроках, устанавливает и поддерживает хорошие отношения с сокурсниками и преподавателем математики; помогает другим, учитывает мнения сокурсников и преподавателя; умеет	Умения работать в коллективе включают знание необходимых языков, способов взаимодействия с окружающими и удаленными людьми и событиями, навыки работы в группе, владение различными социальными ролями в коллективе. Для освоения данных

	работать в группе и команде над поставленной задачей.	компетенций мы организовываем конференции по обмену опытом создания электронных пособий среди студентов СПО, где представляем наш альманах.
ОК7. Брать на себя ответственность за работу членов команды (подчиненных), результат выполнения заданий.	Обучающийся умеет организовать работу команды при обучении в сотрудничестве; оценивает качество работы команды по решению поставленной задачи и несет ответственность за правильность оценки результата.	На примере жизнедеятельности ученых можно видеть правильную этику трудовых и гражданских взаимоотношений.
ОК8. Самостоятельно определять задачи профессионального и личностного развития, заниматься самообразованием, осознанно планировать повышение квалификации.	Обучающийся стремится к повышению уровня знаний по математике, самостоятельно осваивает некоторые темы разделов математики, участвует в научно-исследовательской деятельности.	Компетенции личностного самосовершенствования направлены на освоение способов физического, духовного и интеллектуального саморазвития. Благодаря информации альманаха исторических сведений нарабатывается опыт освоения студентами научной картины мира, расширяющейся до культурологического и всечеловеческого понимания мира, обеспечивается механизм самоопределения студента в ситуациях учебной и иной деятельности.
ОК9. Ориентироваться в условиях частой смены технологий в профессиональной деятельности.	Обучающийся умеет выбирать современные способы поиска информации для семинаров, применяет инновационные технологии в исследовательской деятельности по математике.	Студент овладевает способами деятельности в собственных интересах и возможностях, что выражаются в его непрерывном самопознании, развитии необходимых современному человеку личностных качеств, формировании

		психологической грамотности, культуры мышления и поведения, чему непременно будет способствовать преподавание математики с введением исторических сведений.
--	--	---

Для оценки сформированности компетенций мы использовали:

- 1) учет просмотров историко-математического альманаха на сервере колледжа;
- 2) анализ тестовых заданий по историческим сведениям по математике;
- 3) участие студентов во внеклассных мероприятиях с использованием истории математики.

Анализ педагогической деятельности в данном направлении был проведен в ЧЭМК со студентами четырех групп. 85 % студентов осуществили самостоятельный просмотр альманаха, 92% - прошли тестирование и 47% студентов приняли участие в математических играх и конференциях с использованием исторических сведений по математике.

Таким образом, создание подобных электронных пособий и внедрение их в учебный процесс способствует формированию общих компетенций, развитию как познавательного, так и профессионального интереса к предмету, созданию дополнительных ситуаций, когда приобретаемые знания становятся лично значимыми.

Список литературы

1. Гнеденко Б.В. Очерки по истории математики. Издательство Московского университета, 1997, 423 с.
2. Колмогоров А.Н. Математика в ее историческом развитии. М.:Наука,1991,223 с.
3. Марков С.Н. Курс истории математики. Издательство Иркутского университета, 1995. 247 с.
4. Ситникова М.А. Исторические сведения по математике как средство развития компетенций. Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: сборник статей – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014 - С.348.
5. Федеральный Институт Развития Образования - www.firo.ru/?id=985

*Filatova Marina, Ivanovo State
Power Engineering University, Head of Foreign
Languages Department, Ph.D., Professor*

Australia is a far away country, isn't it?

Modern society is an information society. Information is not simply a source of knowledge, growing day after day. It also manages many life processes. Of course many new technologies are used to provide easy information supply both in business and in everyday life. IT (information technologies) is also used in educational process which is determined by several factors [1]:

- access possibility to information that cannot be found in traditional sources or to information that is of difficult access;
- cooperation and exchange of professional information with colleagues or specialists-experts in other cities, countries.

It is impossible to consider foreign language learning nowadays effective if you do not use IT and the Internet. The Internet gives access to scientific, educational, methodology resources; documents for teachers and even full classes on-line.

Kazakova E.S. introduces the following Internet resources:

- for self-dependent work;
- for teacher's preparation for the lesson;
- for teacher's self-education;
- for outside regular hours organization on the subject [2].

The similar classification is given by Shapiro K.V. and Malyshkina V.V. [5]. They mention such forms of classes as class-presentation, class-research, virtual experiment, laboratory work, thematic lesson, electronic quiz, control of tasks, optional class, net project, individual learning consultations.

All these types of lessons do not only make classes more interesting and informative for students, but what is more important make students more motivated as to the process of foreign languages studying. It is undisputable and coincides with the main idea of our education. As Prokhorova A.A. points out the cornerstone of Russian Educational System is the multilingual policy which allows the students to learn not only their Mother Tongue and English as a universal language, but to become literate in multiple languages in order to be able to communicate in the World Society and make international contacts [3]. The idea of multilingualism is very attractive for young generation as they don't only want to know much about other countries, they want to be involved in the world professional community which is more important for the development of technical thought. Prokhorova A.A. also adds that it goes without saying that in the present day situation every professional is supposed to have not only occupational skills, but also the ability to communicate in another language with the foreign partner paying attention to the cultural assumptions and specifics of the overseas mentality. In order to avoid confusing situations when cooperating with foreign partners it is necessary to

establish friendly, effective and long-term relationships which can be mutually profitable [4]. Undoubtedly such long-term and friendly relations may arise in the atmosphere of not only simple understanding and sympathy but also must be supported by the sound knowledge of the customs and traditions of a partner country. In this article we are aimed at the description of our department's development (information computer site on country studies) which now we are planning to transform into a course book for technical students preparing them for international cooperation and for passing their final English examination.

Let's start from the very beginning. Several years ago the situation with the foreign language learning in a technical school changed completely. Students became more English language oriented and motivated. It was not only connected with the possibility to go to an English speaking country just for fun (as a tourist) or to make money (working there in summer within the bounds of some students' programs) but also with the change of mentality and the process of globalization in general. Today's young people are much more interested in politics, other countries' cultures and people. They became more tolerant and involved in the world processes. Moreover educational standards are changing and our technical students started to pass their final English exam on-line. The first attempt of our students was not very good at all and that was not connected with their knowledge of grammar and vocabulary. Some questions were connected with the knowledge of English speaking countries and undergraduates didn't manage to answer them. Of course this drawback wasn't connected with the absence of the desire to know and to learn such things, such desire was really great but it was connected with the limits of classes we have with technical students. We hardly have enough time to revise grammar and study technical terms with them.

Since that time we have been thinking and making some attempts to improve the situation. It was quite understandable that there was no possibility to study the English-speaking countries during the lessons. That is why we decided to organize self-dependent work for our students. We knew that it had to be both informative and attractive. It was full of rich in content stories with colorful pictures. The teachers didn't only think it over carefully for the students the site to be fetching and full of facts but also organized a two-level control. The first level was for the students who passed a kind of a test after learning the information on our computer site. Secondly we decided to make a competition for our students where the teams of all the faculties took place (we have five of them). The results were amazing! Our students were really very active and we couldn't include all the willing people into the teams. It wasn't easy for us technically. We also noticed the great attention of the students to the countries which were not very familiar to them during their school years. Much was spoken about culture, traditions and customs of such countries as Great Britain and the USA at schools, but there are other very interesting places where English is a native language too! And they were Australia, Canada and New Zealand. We quite realized that and thought it was very reasonable to give the information about them. Let's take Australia as an example. Of course it is a far away country if we consider the distance between Russia and Australia but it is also so close! Students were not only very much interested in its unusual history, people, flora and fauna like the famous all over the world kangaroo, wombat, kookaburra, koala and other great representatives of amazing Australian fauna. But also the great things that were designed and done by the people of the country: e.g. Canberra Garden City of Australia with its broad avenues and residential streets lined with trees, Botanic Gardens in Sidney, Melbourne galleries and museums, Sidney Opera House with its unusual and amazing architecture, Sidney harbor bridge and lots of other beautiful places.

Students were very much impressed by the technical thought and inventions of Australians. Now they know a great deal of the country's science and its most outstanding scientists: F.M. Barnet – a virologist who got the Nobel Prize in 1960; John Eccles – a physiologist who got the Nobel Prize in 1961 and others.

Our students got acquainted with the famous contemporary writer, the only Australian awarded the Nobel Prize for Literature (1973), who is recognized as one of the greatest writers of the 20th century and even started to read his books. We gave students the possibility to open art masterpieces of Sidney Nolan, Arthur Boyd, Brett Whiteley, Fred Williams and the famous aborigine painters Albert Namatjira and his three sons. Doesn't it make our countries closer? Doesn't it make students more motivated and educated? Doesn't it make people more friendly and tolerant?

We consider the idea of multilingualism and foreign language learning to be a very important nowadays not only because it makes people more educated but because it makes them closer even living on different continents. People do have much in common with each other all over the world. Publishing our new text-book we want to invite students from other higher educational institutions of our city to take part in our every year conferences on country studies. Who knows may be one day Australians and Canadians will come to visits us too! We invite and are happy to see everybody!

References:

1. Ivanova E.V. Internet resources usage in educational purposes (on the basis of international experience)// Materials of the VIII International Conference “Libraries and Associations in the Changing World: New Technologies and New Forms of Cooperation”, Crimea, 2001. <http://www.apntb.ru/win/interevents/crimea2001/tom/sem1/Doc31.HTML>.
2. Kazakova E.S. Internet Resources Classification <http://www.docme.Ru/doc/85695>
3. Prokhorova A.A. A Multilingual Personality of a Student in a Multicultural Society//A Person in the Modern World, San Francisco, California, USA, B&M Publishing, 2013. P. 88-93.
4. Prokhorova A.A. The Importance of Cross-Cultural Education in the Process of Language Training in Russian Technical University//Bulletin of Cherepovets State Pedagogical University, №3, 2014, vol.2: Psycho-pedagogic sciences, Yaroslavl, P.135-139.
5. Shapiro K.V., Malyshkina V.V. Course “Internet and Teaching of Natural Sciences” <http://center.Fio.ru/do>.

***Mukan Nataliya**, Lviv Polytechnic National University,
The Head of the Department of Foreign Languages,
Professor, Doctor of Pedagogical Sciences,
Institute of Humanities and Social Studies,
Havrylyuk Marianna, Lviv Polytechnic National University,
Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Institute of
Humanities and Social Studies*

Methodology of comparative professional pedagogics

Integrated social, cultural, political and educational processes, scientific and technical progress and rapid development of information technologies require the updating of educational systems in different countries. In such a situation an important role is paid to comparative pedagogical research and in the field of professional education in particular. "Under the globalization conditions the comparative analysis of the national systems of education, the distinguishing of common and specific features of their evolution, the development of the international integrated processes in theory and practice of education become increasingly important. In realization of these tasks the comparative pedagogics plays an important role" [1, 28]. Such researches provide the basis for the searching of effective ways of upgrading of preparation of specialists on the principles of maintenance of national pedagogical acquisitions and extrapolation of the best standards of world experience.

Comparative professional pedagogics is the branch of pedagogical science that studies state, principles of functioning and tendencies of the development of professional training systems of different countries in a comparative manner. The development of scientific knowledge in the field of comparative professional pedagogics is provided by means of researches, which are based on the use of theories, approaches and research methods.

Among the scientists who dealt with the problems of comparative professional pedagogics and methodology in particular the following scholars can be mentioned: V. Andrushchenko, W. Borg, I. Zyazyu, M. Konokh, B. Lutaj, L. Ryzhak (philosophy of education), D. Adams, M.A. Eckstein, M. McMeniman, H.J. Noah, A. Novoa, G. Parkyn, G. Theisen, T. Yariv-Mashal, V. Zahvyazynskyy (scientific research in education), K. Mundy, K. Bickmore, R. Hayhoe, E.J. King, M. Madden, K. Madjidi, M. Schweisfurth, E. Sh. Swing, R. Thomas, K. Watson (comparative education), N. Avshenyuk, D. Adams, N. Bidyuk, B. Vulfson, A. Dzhurynsky, T. Koshmanova, N. Lavrychenko, M. Leshenko, O. Noodle, L. Mardahaev, O. Matvienko, N. Mukan, A. Novikov, D. Novikov, L. Puhovska, A. Sbruyeva, M. Chepil, G. Theisen (methodology of comparative research), Altbach, R. Arno, M. Bray, P.R. Fossum, A. Halus, G. Kelly, P.L. Kubow, K. Mallick, Ch. Matherly, A. Stolyarenko, G. Verma, A.W. Wiseman (new approaches to comparative education and its perspectives), R. Brislin, M. Crossley, C. Dimmock.

The aim of the article is the generalization of experience of comparative professional pedagogics methodology and the exposure of perspectives of its further development. Such tasks are set by the authors: 1) to carry out the analysis of scientific and pedagogical literature on the researched issue; 2) to point out the basic theories, concepts, approaches and methods that are used in comparative pedagogical researches; 3) to outline the perspectives of further researches in the field of development of methodology of comparative professional pedagogics.

Comparative professional pedagogics is an integrative branch of pedagogics with its own specific problems of comparative and pedagogical researches as well as methodology of their realization. Methodology of comparative professional pedagogics is the methodology of scientific cognition that is based on the concepts of philosophy and epistemology, targeted on emphasizing the methodological principles and fields of scientific search. While analyzing the essence of the term "methodology" A. M. Novikov emphasizes that it should be treated as "studies of activity management" [5, 20], meaning the internal arrangement of researcher's activity, successive consideration of the researched object from different perspectives, examining of its components and finding out of specifics of its interrelation in order to achieve the expected result.

Searching for general methodological trends of comparative and pedagogical researches, on the basis of the analysis and determination of objective laws of the processes and researched objects, aims at "provision of scientific objectivity on the basis of interconnection of epistemology and factual knowledge, problemat�icity and descriptiveness" [7, 22].

Comparative and pedagogical researches in the field of professional education are carried out on the basis of application of such concepts: analytical (characteristics of professional training system), critical (dynamics of functioning and constant development of professional training system), prognostic (adaptation of productive ideas and experience of the investigated countries to national pedagogical theory and practice) and means of unification and diversification of information, received from normal legal base and from scientific and pedagogical sources.

The main source of research in the field of comparative professional pedagogics is represented by the normative and legal base of a country, certain standards of a specific branch and the standards of professional specialists development, pedagogical, educational and methodological documentation and literature, statistics data, pedagogical periodicals, scientific papers of researchers from different countries, who study the problem, materials of international organizations of the UNO, UNESCO, UNICEF, ETF, ILO, recommendations of regional and international pedagogical forums and conferences etc.

The generalization of methodological regulations of scientific researches provides an opportunity to claim that while carrying out the investigation in the field of comparative professional pedagogics it is necessary to take into account three perspectives:

- a person as a subject that studies on permanent basis;
- training syllabuses which are based on principle of life-long training in order to satisfy human wants and interests on the different stages of human activity;
- structural and functional organization of professional development of specialists in the system of continuous professional training that includes the network of educational institutions and their collaboration, which in its turn leads to the creation of educational service facilities based on the principles of consistency, systematicity and continuity.

The methodological basis of research is represented by the philosophical paradigm of

humanitarian researches, principles of the consensus of general and specific objects, unified and unique ones; principles of unity of theory and practice; continuous, scalene and harmonious development of a personality, theory of scientific cognition, research education, epistemology of knowledge, as well as the principles of advanced, contextual and situational professional training in interdisciplinary and transdisciplinary subject area; concepts of democratization and humanization of education, dialogical character of cognition and self-cognition, the ideas of pedagogical prognoseology.

Methodology of comparative professional pedagogics is based on the application of the interdisciplinary approaches, such as systematic, algorithmic, structural and functional, culturological, paradigmatic, civilizational, acmeological, axiological, andragogical, anthropological, intercultural, as well as competent and constructivist approach. Application of such approaches allows to understand the essence of processes and phenomena of professional pedagogics, to examine them in the context of development of socio-economic, cultural and political life of a country, to distinguish the tendencies and principles of their development.

While carrying out the comparative research in professional pedagogics the general pedagogical methods of research are used. They are traditionally divided into theoretical and empiric ones. The Russian scientist A. Novikov offers the classification of methods of scientific research, distinguishing theoretical (methods-operations: analysis, synthesis, comparison, abstracting and specification and methods-actions: exposure and eliminating of contradictions, setting a problem, formulation of hypothesis), and also empiric (methods-operations: supervision, measuring, questioning, testing and methods-actions: reviewing, monitoring, experiment) etc. [6, 14-15].

The usage of comparative and historical methods allows to carry out the examining of educational documents, normative, legal and education acts, scientific and pedagogical literature, syllabuses and programs; logical method aims to reveal objective conformities of creation of set of concepts and judgments in the field of comparative professional pedagogics; methods of induction and deduction targets to collect theoretical and actual material, do generalization and also to realize and interpret separate phenomena of pedagogical reality; method of comparison and confronting provides the possibility to distinguish between similarities and differences in the professional training process, to demonstrate the trends of its progress in international educational area; structural and systematic methods consider the structural elements and functional features of professional training system; method of analysis and synthesis specifies the content, models, methods and forms of professional training to form the theories and hypotheses that explain the peculiarities of its realization in terms of continuous professional training; scientific and the interscientific methods of prognostication are applied for the purpose to prove the use of productive ideas and the experience of the investigated countries in national professional pedagogics.

Among the empiric methods of research the observation, questioning and interviewing of practitioners, authorities and students play a key role in collecting the primary pedagogical information; questioning of workers of specific professions aiming to find out the peculiarities of collaboration with educational establishments, enterprises and the government of a country; attendance of lectures and discussions on pedagogical subjects with the participants of educational process etc.

So, the analysis of scientific and pedagogical literature claims that the methodology of comparative professional pedagogics is the system of knowledge about the basis and structure of pedagogical theory, about the approaches towards the comparison of national and foreign

pedagogical experience, pedagogical phenomena, and methods of knowledge mastering. It has its own research tools that allow to study foreign experience, find out its positive and negative elements and draw the conclusions concerning the application of innovative ideas in national professional training.

However, it's worth noticing that there is the necessity to work out the methodology of comparative professional pedagogics, and to develop of models of comparative and pedagogical research in particular. Emphasizing the specifics of application of various approaches and research methods will give the scientists an opportunity to use the potential of tools of comparative researches in the field of professional training to the fullest degree.

References:

1. Вульфсон Б. Сравнительная педагогика: актуальные вопросы теории и методологии // Образование и педагогическая наука за рубежом. – 2011. – С. 117-130.
2. Грогодза І., Муқан Н. Професійний розвиток педагогів: теоретичні та методологічні аспекти // Педагогічні науки: теорія, історія, інноваційні технології, 2013. – Вип. 5 (31). – С. 18-27.
3. Краевский В., Бережнова Е. Методология педагогики: новый этап. Москва, 2006. – С. 18.
4. Муқан Н., Істоміна К. Професійний розвиток педагогів: концепції, теорії, підходи // Педагогічні науки: теорія, історія, інноваційні технології. – Суми, 2013. – № 5 (31). – С. 18-27.
5. Новиков А., Новиков Д. Методология. Москва, 2007. – 668 с.
6. Профессиональная педагогика. Москва, 2009. — 456 с.
7. Хрестоматия по истории философии (русская философия). Москва, 1997. – Ч. 3. – С. 22.
8. Энциклопедия профессионального образования. Москва, 1998. – 1495 с.
9. Rust V., Soumaré A., Pescador O., Shibuya M. Research Strategies in Comparative Education // Comparative Education Review, 1999. – 43(1). – P. 86-109.
10. Theisen G., Adams D. Comparative Education Research / International Comparative Education; R.M. Thomas (Ed.). Oxford, 1990. – P. 277-300.

*Savchyn Myroslav, Drohobych pedagogical university,
Professor, Doctor of Psychology Sciences*

Imagination about human memory in the context of spiritual paradigm of psychology

*Савчин Мирослав Васильович, Дрогобицький
педагогічний університет, доктор психол. наук, професор*

Уявлення про пам'ять людини в контексті духовної парадигми психології

У сучасних дослідженнях пам'яті проведених у контексті когнітивної психології, насамперед, дослідженнях метапам'яті (Р.В.Каламаж, І.Д.Пасічник, Д.К.Еакіп (2005), С. Hertzog (2006), M.G. Rhodes, A.D.Castet, R.S. Smith (2009), M.Diaz, A.S. Bergamin (2011), G.N.Wahlheim (2011), M.Besken, N.W. Mulligan (2013) виявлено феномени «ілюзія про знання», «відкладені судження про вивчене (delayed IOL), «відчуття про знання» (FOK). Констатується, що ретроспективна валідність метапам'ятєвих суджень буде статистично вищою, а отже більш точною, ніж проаналізована валідність, розглядаюся психологічні умови ефективності функціонування мнемічної функції людини. Однак, в контексті духовної парадигми психології[1] проблема пам'яті розглядається в системі цілісної життєдіяльності та ціннісно-сислової сфери особистості.

Пам'ять – це здатність людини „воскрешати минуле”, зберігати в собі знання про нього. Але ця здатність має два смисли. З одного боку, в пам'яті минуле і справді воскрешається, коли я бачу людину, що давним-давно відійшла із життя, відчуваю у всіх деталях цей ранок, коли я зустрівся з нею чи ж в останнє бачив її, і можу таким чином ніби „зібрати” моє життя. З другого боку, здійснюване моєю пам'яттю знання минулого є одночасно і впізнання відсутності його в теперішньому. Звідси – здатність пам'яті породжувати смуток, бо нагадує людині про „смерть і час, які царюють на землі”. Завдяки пам'яті людина одночасно і воскрешає минуле, і пізнає розділеність свого життя, яке „кружляючи, зникає у мороці”, відчуває розділеність і незворотність часу, в якому рано чи пізно засвітить, слабіє і гасне і сама пам'ять, коли воцарює смерть.

Як не парадоксально, але в особистісному плані „сучасна людина часто докладає більше зусиль, щоб забути, ніж щоб запам'ятати. Пам'ять стає прокляттям, адже вона здатна переслідувати людину, яка використовує всі свої можливості,

намагаючись найрізноманітнішими способами приглушити неприємні спогади. З цією метою розробляється все більше методів психоаналізу та самоусвідомлення, використовується численні способи забуття. Пам'ять, яку мучать і бентежать неінтегровані переживання та смисли, посилює внутрішню конфліктність людини, як на особистому, так і на міжособовому рівнях. Неодухотворена (незцілена) пам'ять руйнує наше ставлення до самих себе, до оточення, до історії, а насамперед до майбутнього. Зла пам'ять спричиняє залежність людини від смерті, блокує реалізацію її творчого начала. «Незцілена пам'ять спричиняє надто легкий осуд іншої людини та різноманітні упередження, що не є чимось абстрактним, вони вкорінені в далекому минулому, черпаючи з нього негативний, так і неінтегрований досвід»[2].

Проблема пам'яті серйозна у зв'язку з сильним зосередженням людини та суспільства на деструктивних упередженнях масової свідомості на психіці, яка панує у наш час. З одного боку здається, що все дозволено, і що людина доходить зрілості, набуваючи досвіду у всьому. Однак, з іншого боку, багаж незасвоєних, непроаналізованих, неодуховлених пережиттів стає важким, і навіть тисне на свідомість й мучить її. Існує „зла пам'ять”, тобто пам'ять про вчинене і зазнане зло, навіть про те зло, якому ми були свідками. Самі глибини пам'яті, як особистої, так і колективної, спричиняють невроз, тобто до поведінки, зумовленої імпульсами та стимулами, які не піддаються раціоналізації та самоусвідомленні. Людина змушена робити все можливе, аби перенести свою увагу на інші речі. Але пам'ять через свої механізми постійно повертається до образів минулого, прожитого досвіду, і кожного разу, як вони з'являються, в людині знов виникає сильний заряд негативності, злоби та агресивності»[3].

Повне „забуття є поза людськими силами. Недобра пам'ять про гріх сповнює серце тривогою, неспокоєм, люттю, злобою” [4]. Але коли грішник зустрічає „того, хто прощає, нарешті забуває тривогу, спричинену гріхом, але завжди пам'ятатиме того, хто йому простив. Поранена і прикута до злого пам'ять одужує і перетворюється у пам'ять про добро, точніше в пам'ять про доброго, тобто Спасителя”[5].

Тільки „завдяки природній, найбільш людській пам'яті, а тому і найдвозначнішому з усіх людських дарів, людина ще до смерті пізнає свою смертність, а життя як умирання, і можна не стільки зрозуміти, скільки відчутти всю *новизну* тієї (другої, живої – М.С.) пам'яті, того згадування, які слід назвати сутністю нового, у Христі даного нам, життя” [6]. Саме „життя – це перебування у пам'яті Божій, а смерть – випадання із цієї пам'яті. Пам'ять, як і все у Бозі є те життя, яке „*пам'ятає*” Бога, воно є вічне продовження того „нічого”, із якого закликає нас Бог в „чудовий Свій світ”. І цей дар пам'яті, як сили, що перетворює любов у життя, у живе знання, спілкування і єдність, даної Богом людині. Пам'ять людини – це відповідь на любов Бога, зустрічі і спілкування з Богом як з самим життям самого життя.

Людині дано пам'ятати Бога і нею справді жити. Цією пам'яттю, цим живим знанням Бога вона осягає світ як світ Божий, приймає його від Бога та його до Бога зводить. На пам'ять Бога про себе людина відповідає своєю пам'яттю Бога. Якщо

пам'ять Бога про людину є Дар життя, то пам'ятання людиною Бога є прийняттям цього животворного дару, постійним зростанням у ньому. І тоді страх гріха найкраще, найточніше виражені не в численних „науково-богословських” визначеннях, а у поширеному в народі виразі: *людина забула Бога*.

Онтологічно, а не „психологічно” забути – це значить виключити забуте із життя, перестати ним жити, відпасти від нього. Не просто „перестати думати” про Бога, – бо войовничий атеїст часто буває полонений своєю ненавистю до Бога, і на землі багато людей, щиро переконаних у своїй релігійності, що, однак, в релігії шукають чого завгодно, але не Бога, – а саме відпасти від Нього як життя, перестати жити Ним і в Ньому фактично не жити. «Якщо пам'ять животворить, то забуття є смерть чи, правильніше, початок смерті, отрута вмирання, що отруює життя, саме його невпинно, незворотно перетворює у вмирання. ... Якщо ж Той, Кого я забув, – Бог, тобто Податель життя і саме Життя, якщо Він перестав бути моєю пам'яттю і моїм життям, воно саме стає вмиранням, і тоді пам'ять, що була знанням і силою життя, стає знанням смерті і постійним спонукуванням до вмирання [7].

Життя людини у відриві від Бога наповнюється смертю і стає вмиранням, так і її пам'ять стає знанням смерті та її царюванням у світі. Упалою пам'яттю людина хоче долати час і смерть, „воскрешати минуле”, не дати йому бути без залишку поглиненим „бездонним часом”, але саме це воскресіння і виявляється сумним знанням про незворотність цього минулого, про запах тлінного, що наповнює світ. Життя відпалої від Бога людини – це як підстрілена птиця, що хоче піднятися і не може. Ці злети можуть бути нескінченно прекрасними, і на землі по-справжньому прекрасний тільки сум за справжнім життям, тільки пам'ять про втрачене і сум за ним, тільки „високий смуток”, ці злети можуть залишитися в душі людини як спрага, заклик, покаяння, благання і все ж, врешті-решт, і їх поглинає забуття подібно до того, як після смерті останнього родича, останнього, хто „пам'ятає”, дикою травою починає заростати могила, над якою ще недавно співали „вічну пам'ять”, і розсипається пам'ятник, і стає неможливим уже побачити на ньому стертих букв імені, і тільки двома страшними і безглуздими деталями залишається відзначене всіма забуте і уже нікому не потрібне життя. У всій повноті дар людям пам'яті Божої – це дар любові, зверненої до кожної людини і до всього людства, до світу і до всього творіння” [8].

Людина з одуховтореною пам'яттю не забуває головного у житті в загально-людському плані – вірити, любити, творити добро та боротися зі злом, творити свободу та відповідальність, а в індивідуальному плані – свої завдання, обв'язки, права. Відтак, проблема пам'яті в контексті духовної парадигми психології передбачає її розгляд в контексті цілісної життєдіяльності та ціннісно-сислової сфери, що значно підвищить ефективність мнемічної функції інтелекту, коли людина не забуватиме найголовнішого у житті.

Список літератури

1. Савчин М.В. Духовна парадигма психології : монографія / Мирослав Савчин. – К. : Академвидав, 2013. —224 с. — (Серія «Монограф»).
2. Протопресвітер А.Шмеман. Євхаристія Таинства Царства. Второе изд. – М. Полоннин., с.87.
3. Протопресвітер А.Шмеман. Євхаристія Таинства Царства. Второе изд. – М. Полоннин., с.104.
4. Протопресвітер А.Шмеман. Євхаристія Таинства Царства. Второе изд. – М. Полоннин., с.55.
5. Протопресвітер А.Шмеман. Євхаристія Таинства Царства. Второе изд. – М. Полоннин. , с. 56.
6. Прот. И. Мейендорф. Жизнь и труды свт. Григория Паламы: Введение в изучение. СПб.: Византинороссика, 1997, с.149-150.
7. Прот. И. Мейендорф. Жизнь и труды свт. Григория Паламы: Введение в изучение. СПб.: Византинороссика, 1997, с.151-152.
8. Прот. И. Мейендорф. Жизнь и труды свт. Григория Паламы: Введение в изучение. СПб.: Византинороссика, 1997, с.154.

*Mykola L. Didukh, Taras Shevchenko
Kyiv National University, Fellow, Post-
Doctoral program, PhD in Psychology,
the Faculty of Psychology*

Representation of the basic archetypes in the ethnic collective unconscious

Abstract. Analyzed the archetypes and mythology presented in the collective unconscious of Ukrainians, Russian, Jews and Tatars. As a method of analysis were used content analysis of literary and other sources. Revealed that the main representation of mythology and archetypal images of the collective unconscious are determine the features of perception and residence of the individuation process. In further studies, we will be considered as a process of individuation ethnicity.

Keywords: individuation, archetypes, cultural dichotomy, cross-cultural research.

*Микола Л. Дидух, КНУ ім. Тараса Шевченка,
докторант, кандидат психологічних
наук, факультет психології*

Репрезентации базовых архетипов в этническом коллективном бессознательном

Аннотация. Был проведен анализ архетипов и мифологем, представленных в коллективном бессознательном украинцев, русских, евреев и крымских татар. В качестве метода анализа были использованы контент-анализ и содержательный анализ литературных и фольклорных источников. Выявлено, что репрезентация основных мифологем и архетипических образов коллективного бессознательного являются этноспецифическими, и обуславливают особенности восприятия и проживания процесса индивидуации. В дальнейших исследованиях нами будет рассмотрена этническая индивидуация как процесс.

Ключевые слова: индивидуация, архетипы, культурные дихотомии, кросскультурное исследование.

Введение. Основной идеей индивидуации в пределах трансперсональной психологии является то, что человек должен научиться пробуждать свой потенциал. Этот процесс могут ускорить различные формы ритуала, церемонии, театра, медитации и визуализации, но этот поиск остается индивидуальным. Его целью является повторное открытие духовного и универсального измерения повседневного бытия. Пробуждение

происходит спонтанно, позволяя сакральном подняться из глубины, вместо того, чтобы принимать навязанные системы верований.

Дж. Хьюстон [7] исследовала роль, которую играет миф в формировании сознания, в частности сакральные пути личностной трансформации. В круг ее поисковых интересов входят образы Парсифаля и Святого Грааля, святой Франциск, Одиссей, Изида. Эти образы содержат примеры различных путей индивидуации. Методом терапии, который использовала Дж. Хьюстон была, прежде всего, мифодрама. Пережитый в группе опыт пребывания и присоединения к архетипам, или проживания мифа, позволяет человеку пробудить сильные эмоции, выйти за пределы индивидуальности и интегрировать мифологемы коллективного бессознательного. Это приводит к тому, что человек осознает себя как часть большой истории.

Целью нашего исследования был анализ архетипов и мифологем, представленных в коллективном бессознательном украинцев, русских, евреев и крымских татар. Гипотеза исследования – репрезентация архетипов и мифологем в коллективном бессознательном носит этноспецифический характер.

Методика. В качестве метода анализа были использованы контент-анализ и содержательный анализ литературных и фольклорных источников.

Р. Ассаджиоли [1,2] выделяет 14 категорий, которые, по его мнению, связаны с надличностными перспективами, возникающих в процессе индивидуации. Вместе с тем, анализируя фольклорные источники и нарративы 320 респондентов (граждан Украины), мы обнаружили несколько иную организацию символики надличностных переживаний в виде дихотомий. С учетом этого нами были выделены дихотомии, которые описывали надличностные переживания.

- смерть - возрождение;
- спуск - подъем;
- свобода выбора - судьба;
- углубление - развертывание;
- забывание - узнавание;
- свет - тьма;
- путешествие - возвращение.

В пространстве указанных дихотомий разворачивается сказочный и мифологический путь героя, с их помощью современные респонденты описывают собственный опыт процесса индивидуации.

Результаты. Рассмотрим представленность данных дихотомий в фольклорных источниках (песнях, сказках, легендах) и в нарративах респондентов, созданных в процессе арт - терапевтических и мифодраматических тренингов.

В украинском этническом бессознательном [3] существенное преимущество имеет дихотомия смерти - возрождения.

Герои русских сказок и народных песен в значительно меньшей степени находятся в пределах именно этой парадигмы, они отправляются в далекое путешествие, с целью завоевать и победить. Доминирующей дихотомией становится идея путешествие - возвращение.

Еврейские сказания, сказки и истории разворачиваются в плоскости свободы выбора - судьбы, интересен процесс устранения этого противоречия через формирование

собственной свободы в условиях доверия к Всевышнему. Типичным примером данного процесса является история о Баал-Шем - Тове. [4] "Однажды Баал-Шем -Тов с учениками зашел в пустынную и сухую местность.

- Раби , если я сейчас не выпью хоть глотка воды, то умру! - Сказал один из его учеников.

- Не беспокойся, - ответил рабби. - Когда Всевышний создавал эту местность, он предвидел, что пять с лишним лет спустя здесь пойдешь ты и захочешь пить.

«Это только красивые слова, - подумал ученик. - Вероятно , ребе хочет утешить и поддержать меня, но я знаю, что здесь нет ни источника, ни колодца».

Не прошло и десяти минут, как они встретили мрачного крестьянина, который нес ведро воды. Он дал им напиться и проворчал:

- Хоть что-то сегодня хорошего произошло, хотя людям воды дал. Потому что не знаю, что и делать, совсем мой барин сошел с ума. Что ни день, то новые причуды и выходки. Он сегодня заставил меня идти неизвестно куда с ведром воды!

- Вот видишь, - обратился Баал-Шем -Тов к ученику, - создавая мир, Всевышний предусмотрел и крестьянина, и ведро воды, и безумие барина - все только для того, что ты смог напиться.

В народных крымско-татарских сказках [5] и произведениях современных писателей и поэтов чаще встречается дихотомия забывание - узнавание. Наиболее ярко это проявляется в стихах Шакира Селима , в частности в его произведении "Раздумья":

В тяжелое время мы с вами живем
И грустные песни порою поем
О том, что уже никогда не вернем.
Забыты народ, твои дети, и сам ты сегодня гоним.
Мир, глядя на нас, одним глазом смеется и плачет другим.
Аллах подарил благодатный нам край —
Вглядишься в родники и поймешь невзначай:
Лишения льются уже через край,
А мы продолжаем мечтать, и народ мой, как прежде, гоним:
Мир, глядя на нас, одним глазом смеется и плачет другим.
Довольно! Раздумьям очнуться пора!
Неужто забыли, как жили вчера?
Рассветы уходят — грядут вечера,
А я же хочу одного: до конца быть с народом своим.
Мир тоже за нас: одним глазом смеется и плачет другим."

Нами был осуществлен сравнительный анализ этноспецифические репрезентации базовых архетипов в этническом коллективном бессознательном на примере фольклорных источников. К основным архетипическим образов можно отнести персону, тень, аниму и анимуса, мать и отца, героя, мудрого старца, божественного ребенка, трикстера.

К образу персоны максимальной степени приближен этнический стереотип, который формируется в коллективном этническом сознании в отношении собственного народа. В украинских фольклорных источниках (прежде всего, сказках и песнях) это место занимает дядя, кум. Это образ крестьянина, одетого в вышиванку, которого народное бессознательно наделяет такими чертами как хитрость, трудолюбие в разумных

пределах, чувство юмора, выраженный индивидуализм. Предусмотрена также женская репрезентация персоны в диапазоне от Гали до Солохи. Женственная, привлекательная, трудолюбивая, самостоятельная, достаточно хитрая и гедонистическая, украинская женщина создает хорошую пару мужчине в народном воображении.

Российские фольклорные [6], литературные источники и автостереотипы создают несколько отличный образ «русского мужика». На первый план выступает его сила в сочетании с искренностью, простотой. Он не очень работающий, подвержен пьянству, часто затевает драки, но одновременно искренний, гостеприимный, открытый людям. Образ «русской женщины» в гораздо большей степени, чем украинской, несет на себе отпечаток страдания, она достаточно сильная, но подчиняется родителям, мужу, «злой судьбе». Еврейское представление о персоне часто имеет окраску трикстера (как у фольклорного героя Рабиновича). Его чертами являются хитрость, способность к иронии и самоиронии, возможность выжить в любых неблагоприятных условиях. В татарских источниках лицо прежде всего связана с образом Героя - Джигита (Хана).

Образ тени в украинском коллективном бессознательном представлен фигурами господ и судей. Властные фигуры воспринимаются негативно, наделяются такими чертами, как жадность, жестокость, несправедливость. С ними невозможно договориться, можно только не позволить себя обмануть или унижить. Возможно, события "Евромайдана" в некоторой степени связаны с функционированием именно этого архетипа в украинском коллективном бессознательном.

В отличие от арабского и иудейского фольклора в украинском отсутствуют истории про праведных и справедливых судей, господ или чиновников. Зато значительно меньшей степени, чем в русских сказках, высмеиваются служители церкви.

Качества, которыми наделены в воображении украинского народа представители власти, - глупость, жадность, неискренность, превосходство, жадность, мстительность. Это именно те качества, которые, по результатам нашего исследования, современные респонденты считают не присущими украинскому народу.

В русском и еврейском фольклоре проекции тени чаще направлены не по «вертикали власти», а обращены на представителей других национальностей и стран - «врагов». В русских сказках и анекдотах проекцией тени является пунктуальный, аккуратный, но «глупый» и не приспособленный к русской жизни немец. Для еврея это все те, кто посягает на «народ Израилев», стремятся к его физическому или духовному уничтожению. Враги (от фараона и Омана в Гитлера) являются воплощением абсолютного зла и жестокости, нет смысла договариваться с ними или искать компромиссы, их можно только уничтожить. Уже в средневековой духовной иудейской литературе прослеживается мысль, что эти враги не только реальные исторические личности, но и символы неволи, рабства или жестокости, присущие каждому человеку. Народ празднует не просто победу над Оманом или эллинами, но и убивает Омана в себе самом, разжигает и сохраняет собственный свет в противовес внешней тьме.

В крымско - татарском фольклоре тень представлена в двух вариантах: в образах жадных и жестоких баев (богачей) и шайтана - внутреннего врага, который соблазняет человека на безрассудные и опасные действия. В отличие от украинских сказок в крымско-татарском фольклоре образ судьи не имеет негативных коннотаций, наоборот,

этот персонаж часто справедливо решает сложные дела и улаживает конфликты между людьми.

Архетип анимуса в коллективном бессознательном украинцев тесно связан с образом героя. Его воплощением становится фигура казака. Казак в отличие от "дяди" стремится к риску, презирает все материальное, находится в восторге от самой войны, настроен только на нее.

В «Думе о казаке Голоте» героизм противопоставляется богатству - настоящий герой не может воевать и побеждать ради материальной выгоды, он делает это для защиты своей земли и своей веры.

Коллективное бессознательное россиян содержит похожий образ героя - богатыря, готового к поединкам и победам. За героем иудейских представлений - народ и поддержка со стороны Всевышнего: победы Моше, царя Давида и других становятся доказательством не только их собственной силы и славы, а свидетельством заботы Всевышнего об избранном народе.

Зато герой татарского фольклора значительной степени приближается к образу трикстера. Образ анимы украинского бессознательного содержит выразительные аспекты чуждости, он представлен символами женственности в диапазоне от нимфы к ведьме. Столкновение с ними, попытки покорить и присвоить могут быть опасными как для анимуса, так и для самой женской сущности. И в украинском фольклоре, и в классической литературе имеются многочисленные описания приворота, потери себя, самоубийства. При этом эти полусказочные, потусторонние существа не теряют себя, не обращаются на обычных женщин после брака, а продолжают сохранять свою сущность скорее естественной, чем социальной силы, являясь воплощением вечной женственности.

Архетип матери (также имеющийся в украинской культуре) и часто воспринимается положительно. Мать описывается как заботливая, готовая отдать последнее ради счастья сына. Часто, прежде всего в фольклорных источниках, она вдова, поэтому с ребенком связаны все ее ожидания и надежды.

В русских сказках преобладает образ ужасной матери, мачехи, изгоняющей из дома падчерицу, желающей ее смерти. Родная мать выступает в роли магического, мистического существа, которое охраняет своего ребенка даже с того света. Типичным примером именно такого видения архетипа матери представлен в сказках «Иван - коровий сын» и «Крошечка - Хаврошечка». В них архетип матери связан с коровой, сакральной животным, в которую перевоплощается мать Крошечки - Хаврошечки и таким образом продолжает заботиться о своем ребенке, не оставляя ее даже после второй смерти, являясь волшебной яблонькой. В еврейском этническом бессознательном существуют устоявшиеся представления о "аидише мама" - многодетной, заботливой, она видит в детях только лучшее и всегда уверена в их будущем. При этом, по современным воззрениям, она склонена к гиперопеке, ограничивает свободу ребенка чрезмерной заботой:

- Сынок ! Домой !
- Мама , я замерз ?
- Нет , ты хочешь есть !

Этот образ представлен и в литературных произведениях, в частности в Шолом Алейхема, и в кинематографе («Попугай, говорящий на идиш», снятом по повести Эфраима Севелы «Мама»).

В крымско-татарском фольклоре образ анимы имеет ощутимо деструктивную, опасную составляющую, однако рассматривается как необходимый компонент процесса индивидуации представленной в сказании

"Гибель Гирея"

"Золото и женщина - две гибели, которые ждут человека, когда к делу подключается шайтан.

При тщательном анализе украинских фольклорных источников нам не удалось найти четкого представления об образе отца, все его функции выполняет мать - не пускает на улицу, ищет (или гоняет) невест и женихов, заботится о невестке или зяте. Родительская фигура в родстве остается достаточно неопределенной. Архетип отца несет проекции своеобразных властных отношений между военными - от отца - кошевого атамана отцу Махно к современному образу отца командира ... Этот архетип значительно ближе к образу героя, но в отличие от него отец несет ответственность за свое войско, своих сыновей, заботится о них и поддерживает равновесие между героизмом и выживанием своих подопечных.

Его власть не наследуется, он не назначается «сверху», он является таким же, как рядовой воин, но более опытным, тем, кто заслуживает уважения благодаря личному героизму и уму.

В российском этническом бессознательном устоявшейся ассоциацией является царь-батюшка. Он может быть каким угодно - мудрым правителем, старым, неудачником или героем, его власть дана ему по факту рождения, и поэтому в любом случае он является важной персоной. Царя слушаются и тогда, когда его приказы и прихоти непонятны и противоречат здравому смыслу, герои не пытаются его победить или обмануть, а наоборот, предпочитают как можно точнее выполнить приказ «туда, не знаю куда ...». С образом отца ассоциируются и другие сказочные персонажи: медведь, Мороз Иванович. Они наделены властью в лесу и по своему усмотрению выбирают, кого наградить, а кого напугать и посрамить.

Еврейские ассоциации с образом отца тесно связаны с праотцом Авраамом. Он в первую очередь духовный отец своего народа, тот, кто может дать ему благословение Всевышнего и «истинную веру», и вознаграждением ему за это служение является рождение ребенка. При этом его вера и связь с Всевышним настолько сильны, что он может принести в жертву собственного сына. Можно проследить, что в иудейской традиции архетипы отца и матери являются частями неразрывного целого, в котором мать олицетворяет заботу о рождении и физическое выживание ребенка, дарование ей еврейской души, а отец заботится о воспитании и возможность сознательного выбора. Это создает мировоззренческую систему, направленную на понимание взаимозависимости и нетождественности мужского и женского, пространство для субъектной активности ребенка.

Образ отца в крымско-татарском фольклоре тесно связан с мудростью и духовными установками. Он продолжает заботиться о своих детях даже после смерти, но

не таким образом, как мать в русском фольклоре, - его забота проявляется в том, что его заветы начинают использовать должным образом:

"Жил в одном ауле старик с двумя детьми. Как пришло ему время умирать, позвал сынов и говорит:

- Дорогие дети, оставляю вам наследство, но не из наследства вы будете богатеть. Дороже денег и имущества три совета. Будете их помнить - будет вам благополучие на всю жизнь. Вот эти советы, запоминайте. Первыми никому не поклоняйтесь, пусть все вам кланяются. Любую пищу ешьте с медом. Спите всегда на перинах.

Старик умер, сыновья забыли его наставления и стали жить, как хотели, - пить, гулять, много есть и долго спать. За первый год потратили все отцовские деньги, а на второй продали и скот. На третий год продали все имущество из дома. Нечего стало им есть. Старший брат говорит:

- Отец оставил нам в наследство три совета и говорил, что с ними у нас будет благополучие на всю жизнь. Не поняли мы тогда отца наставлений, а в его словах была мудрость. Он хотел, чтобы мы первыми, еще до рассвета, выходили на работу в поле, тогда каждый, кто пойдет позже, будет с нами здороваться. А как хорошо поработаешь целый день, вернешься домой, то и хлеб медом покажется. И тогда на любой скамейке будешь спать, как на перине.

На второй день они утром пошли в поле, пришли раньше всех. Идут люди на работу - первыми здороваются, желают хорошего дня. Целый день работали, не разгибаясь, вечером черствая лепешка показалась им слаще меда. Уснули на полу, а выспались лучше, чем на перине. Так они работали ежедневно, поэтому собрали хороший урожай и снова зажили богато, не забывая о добрых советах отца".

Символика самости, в юнгианском анализе, связана с образами божественной ребенка и мудрого старика. В украинском фольклоре ребенок часто имеет волшебное происхождения (Котигорошко, Ивасик Телесик), это преимущественно мужские образы. Они активны, самостоятельны, изобретательны, способны выйти победителями из любых приключений. Ребенок в украинской коллективном бессознательном является посредником, связью между миром людей и природным миром, он дарован родителям по их просьбе и с радостью принят людьми, но сохраняет свою близость к волшебному, природному миру.

Таким образом, можно прийти к **выводу**, что репрезентация основных мифологем и архетипических образов коллективного бессознательного являются этноспецифическими, и обуславливают особенности восприятия и проживания процесса индивидуации. В дальнейших исследованиях нами будет рассмотрена этническая индивидуация как процесс.

Резюме.

Был проведен анализ архетипов и мифологем, представленных в коллективном бессознательном украинцев, русских, евреев и крымских татар. В качестве метода анализа были использованы контент-анализ и содержательный анализ литературных и фольклорных источников. В результате анализа фольклорных источников и нарративов 320 респондентов (граждан Украины), мы обнаружили несколько иную организацию символика надличностных переживаний в виде дихотомий. С учетом этого нами были выделены дихотомии, которые описывали надличностные переживания: смерть -

возрождение; спуск - подъем; свобода выбора - судьба; углубление - развертывание; забывание - узнавание; свет - тьма; путешествие - возвращение.

В пространстве указанных дихотомий разворачивается сказочный и мифологический путь героя, с их помощью современные респонденты описывают собственный опыт процесса индивидуации.

Выявлено, что репрезентация основных мифологем и архетипических образов коллективного бессознательного являются этноспецифическими, и обуславливают особенности восприятия и проживания процесса индивидуации.

Список литературы.

1. Ассаджиоли Р. Трансформация и сублимация сексуальной энергии. Психоаналитические очерки. М., 1996.
2. Ассаджиоли Р. Духовное развитие и нервные расстройства. //Урания, 1992, № 2.
3. Войтович В. . Міфи та легенди давньої України.— Тернопіль: Навчальна книга — Богдан. 2005. —392 с.
4. Еврейские народные сказки. - М.:Издательство: "Студія Слово" 2008.- 112 с.
5. Крымскотатарские народные сказки. Къырымтатар халкъ масаллары. Симферополь: Крымучпедгиз,- 2008.- 384 с.
6. Народные русские сказки. ред.Александр Афанасьев Издательство: Альфа-книга: 2008.- 1088 с.
7. Хьюстон М., Штрёбе В. (ред) Введение в социальную психологию. Европейский подход Учебник для студентов вузов. Пер. с англ. под ред. проф. Т. Ю. Базарова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. — 622 с.

*Savchyn Myroslav, Drogobych pedagogical university,
Professor, Doctor of Psychology Sciences*

Problem of intellect in the context of spiritual paradigm of psychology

Abstract: Influence of belief in God on direction and peculiarities of human interests' functioning are analysed. It is stated that inspired intellect fundamentally influences human personality and his/her life.

Keywords: intellect, spiritual intellect, spiritual sight, wisdom, mind, adilities of personality.

Савчин Мирослав Васильович, Дрогобицький педагогічний університет, доктор психол. наук, професор

Проблема інтелекту в контексті духовної парадигми психології

Сучасні дослідники прагнуть подолати фрагментарність психологічного знання та створити цілісну картину внутрішнього світу людини, що дозволить досягнути єдності багатоманітних проявів її буття, в т.ч. духовного. Вважається, що методологічним обґрунтуванням вирішувавності цього завдання виступає холистичний підхід та холистична психологія (Д.Мацукюто, К.Уілбер, Р. Уолш, Г.Хант та ін.). У психології вчені висловлюють впевненість про можливість дослідження за феномену духовності засобами психологічної науки. Вчені аналізують психологічний зміст понять «духовність», «духовний інтелект» і «духовні здібності». Так, Х.Гарднер [1] виділяє три взаємопов'язані аспекти духовного: 1) космічні чи екзистенційні переживання; 2) змінені стани буття; 3) вплив на інших людей. Ф. Воган (*F. Vaughan*) [2] підкреслює універсальний характер духовності, яка притаманна усім людям в усіх культурах і проявляється в любові, мудрості, дотриманні моральних принципів та ідеалів.

Р. Еммонс [3] наполягає на необхідності виділення духовного інтелекту як окремого типу інтелекту, стверджується, що «духовність може бути концептуалізована в адаптаційних, когнітивно-мотиваційних термінах. Для людини «вона є основою багатьох навичок розв'язування проблем, що відповідають повсякденних життєвих ситуаціях [3]. Він визначає духовний інтелект як «адаптивне використання духовної інформації, що сприяє повсякденному розв'язуванню завдань і до досягненні цілей» [3]. К.Нобл [4] вказує на тенденцію трансформації духовного досвіду в духовний інтелект, в якому виділяє здатність контролювати несприятливі ситуації, коли людина заглиблюється у свій внутрішній світ, щоб відчути безпеку та покластися більше на свої думки і переконання, ніж на погляди інших.

Д.Захар і Я.Маршал [5], підкреслюють інтегративну функцію духовного інтелекту та запропонували визначення коефіцієнта духовності *SQ (spiritual quotient)*, що

характеризує здатність особистості до розв'язання проблем смислу та цінностей, розглядання окремих дій та життя в цілому у смисловому контексті, визначає який життєвий шлях (спосіб дії) є значущіший. Автори вказують на такі ознаки духовного інтелекту людини: 1) здатність бути гнучкою у життєвих ситуаціях (активно і спонтанно адаптуватися); 2) володіння високим рівнем самосвідомості; 3) перебування віч-на-віч із власними стражданням та використання цього досвіду у майбутньому; 4) здатність переживати і трансцендентувати біль; 5) забезпечення високої якості особистого життя, завдяки володінню проникливістю, передбачливістю та духовними цінностями; 6) відсутність мотивації спричиняти шкоду іншому; 7) зосередженість у виявленні сутнісних зв'язків між різними предметами, подіями та ситуаціями; 8) здатність ставити фундаментальні запитання, що стосуються суті і смисла життя людини і світу, і пошуку відповіді на них; 9) взяття на себе відповідальності за ознайомлення людей із здоровими світоглядними концепціями, високими цінностями і способами їх реалізації в практичному житті; 10) чесність із собою; 11) цілісність внутрішнього світу; 12) усвідомлення глибинного центру (ядра) власного Я, який трансцендентує всі життєві фрагменти, необхідність організувати на цій основі своє життя; 13) пам'ять про властивості власного Я, включаючи найскладніші, найсуперечливіші та найхворобливіші сторони власної особистості та ін.

На думку Ф.Воган духовний інтелект як складна, відкрита, саморозвиваюча система – дещо більше, ніж інтелектуальні, когнітивні здібності людини. Цей вид інтелекту дозволяє з'єднати особистісну сферу із трансперсональною, Я з духом. «Доповнюючи самосвідомість, він передбачає усвідомлення нашого ставлення до трансперсонального, до іншої людини, до землі, до всіх істот» [6]. У духовному інтелекті дослідниця виділяє здатність до глибокого розуміння екзистенційних проблем, глибокого проникнення в різні пласти свідомості та самосвідомості й самоконтролю, усвідомлення того факту, що дух є основою буття, творчою життєвою силою, пов'язаний з мудрістю, справжнім співстражданням.

Зазначені вище методологічні, теоретичні та емпіричні досягнення в дослідженні духовного інтелекту не дають однозначної відповіді на проблему генези та умов його ефективного й осмисленого функціонування та онтогенетичного розвитку. На нашу думку, у розв'язанні даної проблеми, окрім інших методологічних підходів, враховувати положення духовної парадигми психології [7;8;9;10;11;12]. Остання дозволяє долати пансихологізм у дослідженні духовної сфери особистості та розгляді духу як системотвірного чинника організації та структурування внутрішнього світу особистості, в т.ч. її інтелекту.

З духовної позиції здатність думати – без сумніву, великий Божий дар, а мислення, творення думок – природний діяльний стан Бога. Без сумніву, інтелект, належить до самої природи людини, а здатність до споглядання, до християнського „бачення Бога” їй дає Святий Дух; те ж саме можна сказати й про свободу, притаманну людині як „Божому образу”. Томаш Шпідлік та Іночензо Гаргано [13] виділяють особливості людського споглядання: 1) його предметом є не „поверхня” речей, адже споглядання – це не емпіричне пізнання, ні не простодушне зачудування зовнішньою красою видимого світу; 2) предметом споглядання не є ані платонівські ідеї, ані логос стоїків, ані категорії та дефініції Аристотеля. ... Продуктом людського розуму є „просте пізнання”. Для духовної людини воно – лише „поверхня” порівняно з пізнанням духовним. Просте пізнання

безплідне, його не досить, щоб увійти в царство Боже; 3) предметом духовного споглядання є божественна мудрість, прихована у всьому сотвореному.

Мудрість людини полягає в умінні відкрити „мудрість всесвіту” як відбиток мудрості Творця. „Мудрість, яка виявляє себе у видимому світі, якій не бракує найменшої дрібниці для того, щоб можна було відкрито проголосити її творінням Божим”.

Як чуттєвий зір не може діяти без світла, що освітлює йому зовні предмети, так розум не може нічого бачити своїм тлінним зором, якщо його не освітлює Божественне світло – дух. У своєму природному стані інтелект не виходить за межі свого гідного єства, перебуває у спорідненій йому (сродній – Г.Сковорода) діяльності та не допускає особистістю помислів, далеких від його гідності і природи. У Бозі розум набуває здоров'я і досвіду в почуттях, завдяки чому може непринадно пізнавати та розрізняти нетлінне і тлінне.

Духовні очі (ум) пересічної людини, які оздоровлюють її інтелект, знаходиться посередині двох протилежних сил: чесноти і гріха, ангела і біса. Людина може вільно наслідувати, рухатися за своїм бажанням чи противитися одній з них. Завдяки збереженню ума вона очищається, освячується. Ум породжує чесноти, перетворює грішних, непотрібних, нечестивих, невігласів, нерозумних, і неправедних людей на праведних, благочестивих, святих, розумних. Чистий ум правильно, в чистоті бачить предмети та їх вияви. Якщо ум виявляє зовнішній предмет і затримується на ньому, то і в майбутньому він звертатиме в той же бік похоті чи любові. Людина, що зберігає світлим свій розум (інтелект), здатна не тільки стежити за своїми помислами як початками пристрастей, але й відкидати і відсікати усякі гріховні помисли, стримуватися не тільки в їжі, а й у всьому плотському житті, їй притаманна сердечна безмовність, поєднана із тверезістю, з смиренням та молитвою. Навпаки, пристрастний розум хворіє, а відтак хворіє уся особистість.

Духовний погляд людини на світ (ум) – це не розум чи мислення, а разом з розумом утворюють два паралельні види діяльності душі. Розум – це вроджений супровід ума, його видіння. Розум як дія – це здатність, яка формулює та виражає досвід ума, що обоюдно думку, розум. Якщо ум людини пов'язаний з духом, то розумова здатність пов'язана з мисленням, яке у словесній формі виражає досвід ума і стосується видимих предметів. У духовної людини розум підкоряється уму[14].

У християнстві [15] розумною вважається не та людина, що володіє розумом і проголошеним словом, а та, котра розумом і розумною силою шукає і досліджує, пізнає Бога і прагне з'єднатися з Ним. Розумний той, хто очищує свій ум, в якому відкривається Бог, і вже тоді виражає цей внутрішній досвід через слово і мислення. Ознакою мудрості людини є підкорення розуму уму, а також обмеження і пригнобленість тіла. Мудрість людини в тому, щоб почути слово Бога і свідомо підкоритися їм. «Розумна людина – це людина, яка очистилася, звільнилася від пристрастей. Справді розумний той, хто освятив і свій розум» [16]. За допомогою розуму вона повинна трудитися над досягненням величі Божої, щоб знайти Бога, а не робити богом свій розум [9,с.213]. Є чотири сили розуму, які пов'язані з основними чеснотами людини: 1) розуміння пов'язане з ціломудрієм; 2) здогадливість – з мудрістю; 3) розуміння – зі справедливістю; 4) швидкість – з мужністю. Віддаленість від Бога і прихильність до речових предметів – це віддання, сластолюбство або тваринний акт[17].

Людина просвіщається від Бога, духовно працюючи над собою, служачи Богові. Вона має божественну освіту, досвід життя з Богом, а не свої власні думки. Тому вона

бачить на далеку відстань. Тілесних очей у людини всього двоє, тоді як духовних очей – безліч. Знання людини без божественної просвіти є катастрофою. Люди, які віддають перевагу своїй внутрішній освіті, освіті душі, і зовнішню освіченість також використовують для освіти внутрішньої, швидко вдосконалюються духовно. А якщо вони не тільки теоретики, але й практики – у розумінні духовному, то їхня допомога світові дуже велика, тому що вони виводять людей із задухи пекельної муки і приводять у райську втіху»[18].

Люди по-різному користуються своїм розумом. „Одні використовують його для доброго і придумують щось добре. Інші послуговуються ним для руйнування, і тангалашка (диявол – М.С.) теж допомагає їм у цьому” [19]. «Для того, щоб судження було божественним, людське начало повинно зникнути» [20]. Слово, сказане від інтелекту, не змінює душі, тому що воно є плоттю. «Душі змінює породжене від Святого Духа слово Боже, яке має божественну енергію» [21]. У більшості випадків загальна освіта завдає шкоди людині – тому що розвиває в ній велику зарозумілість, „велику ідею” про саму себе. А потім ця ідея стає перешкодою, заважає Благодаті Божій до неї наблизитися» [22]. «Світський здоровий глузд годиться для доброї, але невіруючої людини» [23], бо в його основі закладена вигода [24].

Отже, врахування духовного єства внутрішнього світу людини значно підвищує інтелектуальну здатність людини, яка використовується для творення любові, добра і боротьби зі злом, творення свободи та відповідальності. Перспективним у цьому плані є дослідження впливу духовної сфери на спрямованість та ефективність функціонування інтелекту людини, його вплив на її моральну сферу та життя.

Список літератури

1. Gardner H. Intelligence reframed. N.Y.: Basic Books, 1999.
2. Vaughan F. What is Spiritual Intelligence? // Journ. of Humanistic Psychology. 2002. V. 42. № 2. P. 16-33.
3. Эммонс Р. Психология высших устремлений. М.: Смысл, 2004.
4. Noble K. Spiritual intelligence. A new frame of mind // Advanced Development Journ. 2000. №9. P. 1-28.
5. Zohar D., Marshall I. Spiritual Intelligence: the Ultimate Intelligence. L.: Bloomsbury Publishing, 2000.
6. Vaughan F. What is Spiritual Intelligence? // Journ. of Humanistic Psychology. 2002. V. 42. № 2. P. 16-33.
7. Ваайман К. Духовность. Формы, принципы, подходы. Т.1 / Пер. с. Нидерл. (Серия „Диалог”). – М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009. – XXVI – 90 с.
8. Грот М.Я. Вибрані психологічні твори / Упорядник, передмова, примітки М.Д.Бойправ. – Ніжин: Видавництво НДП ім. М.Гоголя, 2006. – 296 с.
9. Дворецкая М.Я. Концепция человека в религиозно-философском учении Восточно-христианской Церкви эпохи Средневековья: Психологический аспект. – СПб: Издательство РГПУ им А.К.Герцена, 2004.–250 с.
10. Климишин О.І. Психологія духовності особистості: християнсько-орієнтований підхід. – Івано-Франківськ: Гостинець, 2010. – 440 с.

11. Савчин М.В. Три логіки душевного життя людини. / Зб. наукових праць Ін-ту психології імені Г.С.Костюка: Психологія// За ред. С.В.Максименка. – К., 2007. Вип. 34. – С.286-289.
12. Савчин М.В. Духовна парадигма психології / Монографія // Наукове видання Серія «Монограф», спільний проект із ВЦ «Академвидав». – Київ. – 247 с. – 2013.
13. Шпідлік Томаш, Гаргано Іночензо. Духовність грецьких і східних отців / Пер. з італ. Я.Приріз, Р.Паранько. – Львів: Свічадо, 2007. – 144 с.
14. Митрополит Иерофей (Влахос) Православная психотерапия. Святоотеческий курс врачевания души. Краматорск, из-во ЗАО „Тираж-51”, 2004. – 364 с.
15. Евдокимов Павел. Этапы духовной жизни: От отцов-пустинников до наших дней. (Пер. с франц. С.Зейденберга, М.Норданского) – М.: Свято-филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2003. – 232 с.
16. Евдокимов Павел, с.211.
17. Евдокимов Павло. Незбагненна Божа любов. / Пер. з франц. . – К.: ДУХ і ЛІТЕРА, 2004, 2004, с.154.
18. Паїсій Святогрець: З бодем та любов'ю про сучасну людину. Т.1. – Львів, „Атлас”, 2006, с.211.
19. Паїсій Святогрець, с.229.
20. Паїсій Святогрець, с.242.
21. Паїсій Святогрець, с.219.
22. Паїсій Святогрець, с.232.
23. Паїсій Святогрець, с.234.
24. Паїсій Святогрець, с.240.

*Prokoptseva Nadezhda, FGKOU VPO Far Eastern Legal Institute
of Internal Affairs Ministry of Russia,
Candidate of pedagogy, senior teacher of the Department of
social, humanitarian and economic disciplines,
Karev Boris, FGBOU VPO "The Amur state university", Blagoveshchensk,
Doctor of pedagogy, Professor, head of the Department of
psychology and pedagogic*

Factors of formation of destructive professional and personal qualities of the teacher in higher education institute

*Прокопцева Надежда Владимировна,
ФГКОУ ВПО Дальневосточный юридический
институт МВД России, кандидат педагогических
наук, старший преподаватель
кафедры социально-гуманитарных и
экономических дисциплин,
Карев Борис Анатольевич, ФГБОУ ВПО «Амурский
государственный университет», г. Благовещенск
доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой психологии и педагогики*

Факторы формирования деструктивных профессионально-личностных качеств преподавателя в вузе

Принято считать, что профессиональное становление несет преподавателю лишь совершенствование профессиональных и личностных качеств. Однако для некоторых преподавателей определенные условия профессиональной среды, и (или) неспособность грамотного объективного анализа образовательной деятельности являются факторами деструктивного пути их профессионального становления. Указанный путь развития усложняется тем, что искаженный вектор профессионального становления является разрушительным не только для самого преподавателя, но и для тех, с кем он взаимодействует.

Говоря о деструктивном развитии преподавателя, мы, прежде всего, имеем в виду возникновение и усиление степени развития профессиональной деформации и ее предпосылок.

Профессиональная деформация учителя представляет собой измененный, отклоняющийся от нравственных и профессиональных норм личностный путь профессионального поведения, разрушающий целостность, устойчивость личности, сформированность профессиональных качеств, снижающий уровень ее адаптации и

эффективность профессионального взаимодействия под влиянием содержания педагогической деятельности, социально-политической и экономической обстановки в обществе, а также индивидуально-психологических особенностей личности педагога.

Сформировавшаяся профессиональная деформация, нарушает целостность личности, отрицательно сказывается на продуктивности деятельности, деструктивно изменяет профессиональное поведение педагога, существенно затрудняет социальную и профессиональную позицию специалиста в педагогической среде.

Деформации подвергаются различные сферы личности: духовно-нравственная, интеллектуальная, эмоциональная. В сфере нравственности изменениям подвергаются представления о гражданском и нравственном смысле своей профессии, притупляется чувство профессионального долга, растет эгоцентризм, исполнение профессиональной деятельности для достижения сугубо личных эгоистических целей.

В интеллектуальной сфере утрачивается способность к самостоятельному мышлению, самостоятельной учебе. Преподаватель испытывает затруднения с принятием решения в нестандартной педагогической ситуации. Его мышление шаблонизируется и догматизируется, абсолютизируется собственный опыт, переоцениваются имеющиеся знания и способности.

В эмоциональной сфере происходит огрубление чувств, сужение эмоциональной сферы, ослабление способности контролировать и регулировать свои эмоции и чувства, усиливается эмоциональная неуравновешенность, конфликтность или апатия, чувство усталости, не срабатывают механизмы саморегуляции.

Как отмечают многие исследователи, появление профессиональных деформаций определяется возрастными, индивидуально-психологическими особенностями личности преподавателя, стажем работы, содержанием и особенностями педагогической деятельности [1, 2].

Выделим ряд факторов, которые, по мнению многих исследователей, можно отнести к предпосылкам профессиональной деформации педагогов [3, 4]:

1. Особенности профессии:

В целом педагогическую деятельность необходимо относить к категории напряженного труда как по критериям умственной деятельности, режима труда и санитарно-гигиенических условий, так и по критериям межличностного взаимодействия в коллективе.

Обычно профессиональную деятельность педагога относят к группе профессий типа «человек – человек» в идеале (субъект-субъект), так как объектом, на преобразование которого направлена деятельность, является человек как личность. Наряду с этой позицией существует точка зрения, согласно которой педагогическая деятельность относится к многофункциональной профессиональной деятельности типа «человек – оператор», связанной с необходимостью одновременного выполнения определенного числа различных функций и действий при неоптимальных для работы внешних условиях. Например: профессиональная необходимость «методически, лексически, логически аргументированной подачи учебного материала в течение строго регламентированного временного интервала в больших по численности коллективах учащихся может рассматриваться как аналог полифункциональной операторской деятельности с большим числом объектов внимания» [5].

Согласно системно-синергетическому подходу усилия преподавателя направлены на интеллектуальное, духовно-нравственное и профессиональное развитие учащегося.

Ответственный педагог, моделируя занятие, будет в той или иной степени реализовывать поставленные цели, что само по себе является трудоемко. Задача преподавателя усложняется еще и тем, что ему постоянно приходится иметь дело с достаточно большим количеством учащихся, каждый из которых обладает своей уникальностью, не похож на другого и требует особенного подхода. Сложность заключается еще и в том, что у преподавателя существует некий эталон учащегося, с которым он невольно соотносит всех остальных. Ликвидация существующего несоответствия требует от педагога еще больших усилий. При неспособности уделить достаточное внимание каждому учащемуся, такие преподаватели, как правило, чувствуют неудовлетворенность своей профессией, что может стать катализатором в развитии нежелательных профессионально обусловленных качеств. В действительности многие преподаватели ограничиваются лишь передачей знаний, от случая к случаю разбавляя их нравоучениями без привязки их к каким либо нравственным ценностям. Такое плохое отношение к работе может быть следствием проявления профессионально-личностных изменений (деформации) или же отсутствия компетентности у преподавателя, незнание специфики педагогической деятельности.

Педагог в течение всей своей профессиональной деятельности должен обогащать сферу профессионально-важных знаний, что является неременным условием для его успешной деятельности. Некоторые учителя, неспособные грамотно организовать педагогическую деятельность, наряду с увеличением объема необходимой для работы информации, увеличением роли информатизации образовательной среды, не снижающегося документооборота, испытывают постоянную тревогу за степень реализации своих профессиональных функций, тем самым истощая компенсаторные механизмы, обеспечивающие активное внимание, профессионально опосредованную память и логическое мышление.

Определенная социальная роль преподавателя, согласно которой он выступает высокообразованным человеком с огромным багажом знаний, может выступать условием профессиональной деформации. Проблема заключается в том, что этот образ становится для преподавателя естественным и неоспоримым и чаще всего, к сожалению, приводит к появлению ложной самоуверенности у педагога. Такие работники нетерпимы к замечаниям коллег, учащихся. В профессорско-преподавательском коллективе, в котором доминирующее положение занимают самоуверенные, неспособные критично оценить свои знания педагоги, часты конфликты, взаимные обиды, что отрицательно сказывается на работоспособности, как отдельного преподавателя, так и педагогического сообщества в целом. Редко когда преподаватель способен посмотреть на себя со стороны и оценить уровень своих знаний объективно, как правило, большинство из них считают свою систему знаний неоспоримыми и отказываются вставать на путь самосовершенствования. Помимо этого статус преподавателя требует умения убеждать в своей правоте, логически доказывать объективно истинные положения и подобное качество перерождается в доказывание своей точки зрения как самоцель. Такой педагог не задумывается об истинности тезиса, который он доказывает, самое главное для него, чтобы позиция его была принята. [6]

2. Социально-политические и экономические факторы:

- неоправданно низкий престиж профессии (к сожалению, на современном этапе сложившийся в России);
- неадекватная социальная и материальная оценка труда;
- жесткий временной режим работы;

- ненормированный и неритмичный рабочий день;
- перегрузка профессиональными задачами и как следствие переутомление и повышенная нервозность, приводящая к нервным срывам
- недостаточная поддержка со стороны администрации;
- невнимательное отношение коллег;
- массовость образовательных учреждений и т.д.

3. Индивидуальная предрасположенность к деформациям (наличие определенных черт, которые в условиях их актуализации и развития в профессиональной деятельности могут деформировать личность).

4. Образ профессии и себя в ней.

В качестве примера можно привести определенный архетип педагога, который проявляется в абсолютизации преданности делу, жертвуя своим здоровьем, временем, семейным благополучием во имя работы. Во всем должна быть мера.

Все многообразие факторов, вызывающих профессиональную деформацию можно разделить на следующие взаимозависимые группы: экономические, социальные, правовые, организационные, педагогические, психологические и т.п. [6] Отдельною строкою следует прописать такой фактор профессиональной деформации как специфика деятельности субъекта. Профессиональная деятельность определенным образом должна учитывать влияние указанных причин. Как следствие все многообразие причин взаимосвязано и взаимообусловлено. Комплексный системно-синергетический подход в определении причин формирования негативных профессиональных качеств конкретного преподавателя является необходимым и обязательным условием эффективной профилактики и преодоления его профессионально-личностной деформации.

Список литературы:

1. Зеер Э.Ф. Психология профессиональных деструкций [Текст] / Э.Ф. Зеер. – М.: Академ. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005 – 240 с.
2. Юрченко Е.В. Содержание и методы преодоления профессиональной деформации учителя в работе педагога – психолога [Текст] / Е.В.Юрченко. – Уссурийск, 2000. - С.181.
3. Сыманюк Э.Э. Психология профессионально обусловленных кризисов [Текст] / Э.Э. Сыманюк. - Москва-Воронеж: изд-во МПСИ, 2004.
4. Сыманюк Э.Э. Психологические барьеры профессионального развития личности [Текст] / Э.Э.Сыманюк. – М.: МПСИ, 2005. – 251 с.
5. Бодров В.А., Обознов А.А., Турзин П.С. Информационный стресс в операторской деятельности [Текст] / В.А.Бодров, А.А.Обознов, П.С. Турзин //Психологический журнал. - 1998.- Т.19 - №5. - С.38-53.
6. Безносков С.П. Профессиональная деформация личности. – СПб.: 2004.- 272 с.

*Bakhmat Natalia, Kamianets-Podilsky national university
of a name of Ivan Ohienko, Associate professor,
candidate of pedagogics,
the Faculty of Pedagogic Science*

Actual problems of teacher training elementary school teachers

*Бахмат Наталя, Каменец-Подольський
національний університет імени Івана Огієнко,
доцент, кандидат педагогічних наук,
педагогічний факультет*

Актуальні проблеми педагогічної підготовки вчителів початкових класів

Постановка наукової проблеми та її значення. Сформованість вимог до сучасного вчителя початкових класів зумовлює необхідність перегляду традиційних поглядів на зміст педагогічної підготовки та пошуку і використання інноваційних шляхів його становлення в галузі професійної діяльності.

В останні роки педагогічну підготовку вчителів початкових класів необхідно своєчасно вдосконалювати та відповідно коригувати, оскільки саме вчителів початкових класів вважають первинним реалізатором державної політики в площині розвитку і формування майбутнього покоління. Від їхньої педагогічної підготовки у вищих педагогічних навчальних закладах (ВПНЗ) залежить професіоналізм та якість професійної діяльності, що, в свою чергу, має вплив на формування і розвиток особистості кожного учня. Важливого значення у особистісному становленні майбутнього педагога набуває власне педагогічна підготовка як складова усєї системи фахової підготовки.

Аналіз досліджень проблеми. Обґрунтуванню концептуальних засад професійно-педагогічної підготовки вчителів початкових класів, формуванню їхніх педагогічних професійно значущих якостей присвячено роботи науковців: Н. М. Бібік, Н. А. Глузман, Т. Р. Гуменникова, П. М. Гусак, М. Д. Захарійчук, Л. В. Коваль, О. А. Комар, Ю. М. Короткова, С. А. Литвиненко, С. М. Мартиненко, І. О. Пальшкова, Д. І. Пашенко, Л. Є. Петухова, О. Я. Савченко, Л. О. Хомич та ін.).

Аналіз праць наукових працівників показав, що основними напрямками у підготовці майбутнього вчителя є розв'язання комплексу методологічних, психологічних, педагогічних і методичних проблем, які формуються і розв'язуються через залучення

студентів ВПНЗ до практичної педагогічної діяльності, спрямованої на підвищення рівня їх педагогічної готовності до професійної діяльності.

Мета статті полягає у розкритті однієї з важливих проблем вищої освіти – педагогічної підготовки вчителів початкових класів.

Виклад основного матеріалу й обґрунтування отриманих результатів дослідження. Загальновідомо, що початкова школа є першим шаблоном в процесі отримання загальної освіти дітьми та в їхньому інтелектуальному, фізичному та соціальному розвитку. Навчання учнів молодшого шкільного віку дозволяє сформувати педагогу навички міжособистісного спілкування між дітьми, отримати перші знання про оточуюче середовище та сформувати вміння розв'язувати прикладні задачі, тобто в учнів формуються загально-навчальні навички та вміння, рівень яких часто визначає успішність подальшого навчання. На цьому етапі життя людини активно формується особистість, що, в свою чергу, підкреслює важливість отримання початкової освіти як для суспільства, так і для держави.

В усіх країнах світу навчання у початковій школі охоплює перші кілька років освіти людини. У деяких державах цей процес розпочинається у віці від 5 до 7 років і займає до семи років. Тепер у світі кількість дітей, які отримують початкову освіту, складає близько 70%. У нашій країні навчання в початковій школі є загальнодоступним і обов'язковим для всіх громадян та триває чотири роки. До початкової школи приймають дітей, яким станом на 1 вересня виповнилося 6 років та, які за результатами відповідних обстежень не мають протипоказань для систематичного навчання.

Освітніми результатами навчання і виховання у початковій школі є [4]:

- повноцінні мовленнєві, читацькі, обчислювальні та фізкультурно-рухові уміння;
- узагальнені знання про реальний світ;
- достатньо розвинені мислення, уява, пам'ять, сенсорні уміння;
- здатність до творчого самовираження;
- ціннісне ставлення до праці, мистецтва, здоров'я;
- уміння виконувати нескладні творчі завдання.

Отже, в останні роки у процесі економічного, технологічного, культурного та духовного розвитку України формуються підвищені вимоги до системи освіти, що встановлює і розкриває нові шляхи й можливості наукових розвідок та відкриттів. Оскільки саме через педагогічну діяльність здійснюється політика Української держави, вона має бути спрямованою на укріплення та підвищення інтелектуального і духовного потенціалу нації, розростання вітчизняної науки, збереження і формування культурного спадку. Ключова роль тут відводиться педагогам, зокрема, вчителям початкової школи – їм довіряється важлива місія навчання та виховання майбутнього покоління на початковому етапі зазначеного процесу.

Адже, як зазначає М. П. Васильєва: „Загальне падіння духовності й моральності, втрата позитивних ціннісних орієнтацій, падіння престижу педагогічної професії, відсутність автономності сфери освіти від інших соціальних інститутів, високий ступінь індивідуалізації праці педагогів, відсутність чіткої регламентації педагогічної діяльності – все це не може не позначитися на моральному вигляді конкретних педагогічних

працівників як членів соціуму. Проте саме з огляду на вчинки й діяльність конкретного педагога суспільство судить про професійну групу в цілому. Педагогічна діяльність виступає як неперервний процес вирішення педагогічних завдань, що в кожному конкретному випадку стикається з неоднозначним педагогічним результатом, коли педагогу доводиться не лише постійно вирішувати проблему вибору, а також оцінювати цей вибір. Тому кожний педагог має бути готовим до самостійної творчої діяльності, постановки й розв'язання нових завдань, які не існували в досвіді минулих поколінь учителів. Сучасній освіті потрібен педагог, здатний прогресивно мислити, тобто породжувати власні змісти педагогічної діяльності в межах гуманістичної педагогіки” [1, с. 15].

Від рівня підготовленості вчителів початкових класів до професійної діяльності спостерігається пряма залежність ступеню їх вкладу у формування основ навчання й виховання майбутнього покоління – громадян України – фахівців у галузі політики, економіки, інженерії, будівництва тощо.

Успіх педагогічної діяльності вчителя початкових класів передбачає спеціальну підготовленість – сформованість знань, умінь та навичок (педагогічних компетентностей), які спрямовані на здійснення професійних функцій в зазначених вище напрямках.

Рівнем сформованості педагогічних компетентностей вчителя початкових класів визначається рівень його кваліфікації, який дозволить успішно вирішувати педагогічні професійні завдання.

Поняття „компетентність” будемо використовувати як „...набуту в процесі навчання інтегровану здатність особистості, що складається із знань, досвіду, цінностей і ставлення, що можуть цілісно реалізовуватися на практиці” [2].

Зазначимо, що основною метою педагогічної підготовки вчителя початкових класів у ВПНЗ є підготовка його до здійснення професійної діяльності через надання знань, формування системи ціннісних мотивів, навичок, особистісно значущих якостей і умінь здійснювати рефлексію, тобто – формування педагогічних компетентностей.

Вважаємо, що рівень їх сформованості знаходиться у прямій залежності від методичної системи навчання педагогіки майбутніх вчителів початкових класів у ВПНЗ:

- поставлених цілей навчання;
- сформованого змісту навчання;
- методів, які використовуються в навчанні;
- засобів, які використовуються в навчанні;
- організаційних форм.

Навчально-виховний процес у ВПНЗ для педагогів у галузі початкової освіти забезпечує можливість [3]:

- здобуття знань, умінь і навичок у гуманітарній, соціальній, науково-природничій і технічній сферах;
- інтелектуального, морального, духовного, естетичного і фізичного розвитку, що сприяє формуванню знаючої, вмілої та вихованої особистості.

Відповідно до загальних цілей, курс навчання педагогіки вчителів початкових класів у ВПНЗ повинен спрямовуватися на розв'язування таких основних завдань:

1. Визначити та обґрунтувати мету: досягнення найближчих і віддалених цілей його педагогічної діяльності.
2. Розробити найбільш раціональні методи і організаційні форми навчання, спрямовані на досягнення поставленої мети.
3. Розглянути та виокремити засоби навчання, розробити рекомендації щодо їх застосування у навчально-виховному процесі.

Тобто, методика навчання педагогіки вчителів початкових класів у ВПНЗ, повинна забезпечувати вирішення традиційної тріади запитань:

1. Навіщо вивчати педагогіку (мета навчання педагогіки)?
2. Що саме слід вивчати (зміст навчання)?
3. Як треба навчати педагогіки (засоби, методи, організаційні форми навчання, умови)?

Логічно, виникає питання про можливість та доцільність формування взаємозв'язку педагогіки та інформаційних технологій (ІТ). Тим більше, що в останні роки використання ІТ дозволяє змінити та модифікувати способи і прийоми збирання, зберігання, опрацювання, передавання, подання та використання інформації.

Дані статистичних та наукових досліджень свідчать про значний розрив між процесом педагогічного наукового пошуку та рівнем впровадження його результатів у начально-виховний процес. На жаль, не спостерігається бажаного та очікуваного відповідно до розвитку науки та техніки, зростання якості освіти, процесу збільшення впровадження інновацій в методичну систему підготовки вчителів початкових класів.

Однією з причин вважаємо значне відставання освітнього середовища ВПНЗ від рівня ІТ-забезпечення та організації процесу навчання вчителів початкових класів у вищій школі, що відповідає сучасним вимогам. ІТ у недостатній мірі є складовою навчального середовища, що стримує розвиток наукових педагогічних досліджень.

Висновки і перспективи подальшого дослідження. Таким чином, педагогічну підготовку вчителя початкових класів слід розглядати як цілеспрямований керований процес, який забезпечує формування педагогічних компетентностей, сформованість його особистісних якостей, необхідних для успішного та ефективного здійснення фахової діяльності.

Як і будь-який інший процес, педагогічна підготовка має свої цілі, завдання, структуру, функції, здійснюється за певних організаційно-педагогічних умов, однією з яких є сформоване інноваційне інтегроване ІТ-середовище. Майбутній учитель повинен характеризуватися ґрунтовними знаннями про педагогіку початкової школи, сформованістю педагогічних компетентностей на основі принципів дидактики, норм та вимог, умінь здійснювати рефлексію власної діяльності.

Наголошуючи на педагогічній підготовці вчителів початкових класів як однієї з найважливіших умов модернізації сучасної загальної середньої освіти, слід зауважити, що ефективність навчально-виховного процесу в початковій школі значною мірою залежить від особистості педагога, рівня сформованості його готовності до перманентного процесу модернізації системи освіти.

Подальшого дослідження потребують питання вдосконалення педагогічної підготовки педагога в галузі початкової освіти шляхом її спрямування на розвиток

дослідницьких і професійних компетентностей, креативних здібностей особистості на основі системного впровадження ІТ.

Список літератури:

1. Васильєва М. П. Деонтологічний компонент підготовки сучасного педагога в умовах вищого навчального закладу / М. П. Васильєва // Вісник дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля Серія «Педагогіка і психологія», – 2011. – № 2 (2) 14. – С. 14-19.
2. Державний стандарт початкової загальної освіти. Загальні положення [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.mon.gov.ua/ua/activity/education/56/general-secondary-education/state_standards/. – Назва з екрана.
3. Закон України „Про загальну середню освіту” [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/651-14>. – Назва з екрана.
4. Початкова середня освіта [Електронний ресурс] / Із сайту „Національний інформаційний центр академічної мобільності ENIC UKRAINE” Система освіти / Середня освіта / Початкова середня освіта. – Режим доступу : <http://www.enic.in.ua/index.php/ua/systema-osvity/serednia-osvita/pochatkova-osvita>. – Назва з екрана.

*Bobrysheva Nataliya, Kherson State Maritime Academy
Instructor, the Faculty of English in Navigation*

Multicultural education in maritime universities

Nowadays Ukrainian maritime officers need to deal with multicultural working environment, they need to communicate and understand crewmembers from different countries. Lack of competence, poor level of multicultural education, not understanding cultural differences can lead to disaster. Culture is like an iceberg, the most important is hidden and future maritime officers need to see beyond the obvious.

The latest researches' analyze shows that this issue has attracted increasing attention from foreign scientists. J. Horck and C. Logie are the most cited researchers, who devoted their articles [2, 3] to seafarers' teaching cultural awareness. They found that such lessons should not focus on descriptions of cultures, but on practical requirement for officers, how to deal with mixed crew. Froholdt & Knudsen [1] were focused on describing cultural dimensions which explain individual behavior of crewmembers.

Pyne and Koester devoted their research [4] to problems which can occur in multi-cultural crews. They are as follows: problems related to different cultures or languages among crew and pilot, problems related to different cultures or languages among crew and passengers, problems related to different cultures or languages with respect to external communication, VHF communication with other vessels.

In Ukraine the issue of multicultural education in maritime universities is not so popular. But the problem of teaching cultural awareness didn't disappear. According to our research which was held in Kherson State Maritime Academy the future maritime officers don't know how to work effectively in multicultural crew, 57 % of cadets couldn't see the difference between management of multicultural crew and Ukrainian crew, 60% wanted to work in mixed crew only because of bigger size of wages, 53 % showed intolerance. Therefore the cadets should be taught multicultural issues before they will encounter mixed crew.

The objective of our article is to show the ways how multicultural issues can be taught in Ukrainian maritime universities using the experience of foreign researches and considering Ukrainian peculiarities.

It should be pointed that cultural awareness lessons should be involved not only Professional English lessons, but other subjects too. This can be done by role-playing and analyzing real-life situations between Ukrainian officer and other culture crewmember. They can be as follows.

1) Second Officer asks Filipino AB to check the condition of pilot ladder without explaining details. AB answers YES and Second Officer thinks that the order is clear. Later it occurred that AB didn't do it. Why it happened?

2) The briefing about anti-piracy measures, which is conducted by British Captain, has already started. The Second Officer was late. What should 2nd Officer do or say?

3) Chinese Chief Officer conducts the briefing on loading the cargo, Second Officer interrupted him with additional questions.

One more solution for providing multicultural education is implementing special course. It was developed as E-learning course. The concept aim of it is to prepare the future maritime officers for effective professional work in multicultural environment.

The course is presented by two modules: module 1 "Multicultural theory", which includes the history of multicultural development, multicultural communication etc., module 2 "Practice", which includes some basic recommendations and tasks on how to behave in mixed crew.

During the lessons teacher can use different methods and activities, such as true-false statements, project work, pair and group work, matching, discussions, case stories, mini-practices, electronic media (subject sampler, multimedia scrapbook, and web quest).

The example of mini-practice, which could be conducted, is following.

1) On the first stage the teacher asks to brainstorm the questions: What do you know about Filipino Society and Culture? Have you ever met Filipino seafarers during your voyages? Speak about Filipino features which are described in proverbs.

2) Next stage is to read the text about Filipino culture and to match the titles with the parts of this text. In addition, in groups cadets should compare Ukrainians and Filipinos.

3) The last stage shows the results of understanding the material. The teacher asks one pair to role-play the multicultural situation using new information. Other cadets should discuss the reasons of such behaviour of officers and to think about alternative. Also cadets can make a project or prepare practical requirements for dealing with this nationality.

During the lessons teacher should emphasize that it's only a very basic level introduction and is not meant to stereotype all crewmembers cadets may meet, because real communication skills could be taught only in real life. E-learning course will be an effective learning tool for cadets in their future professional work in multicultural environment.

To my mind, such multicultural education of future maritime officers is useful for researching other countries` culture, customs, manners, etiquette, and values. It will lead to decreasing of accidents that related to misunderstanding in mixed crew.

References:

1. Froholdt, L., & Knudsen, F. Human Error in Multi-national Manning, Rotterdam, Netherlands: IMLA-IMEC: International Maritime Lecturers' Association and International Maritime English Conference. 2007. – P. 304.
2. Horck J. Bridge the Divide in Shipping, Seafarer Training, 2011. – P.22.
3. Logie C. Breaking Down the Barriers of Culture, Seafarer Training, 2011. – P.22.
4. Pyne, R., & Koester, T. Methods and means for analysis of crew communication in the maritime domain. Archives of Transport, 17, 2005. – P.193.

*Ihnatyshyn Mykola,
Mukachevo State University,
Associate Professor, Ph.D in Technical
Sciences, Faculty of Technology*

Method of numerical evaluation of psychic abilities

Summary. A method of objective assessment of psychic abilities and limits of the senses sensitivity have been developed in this paper by means of the theory of matrix games with mixed strategy, probability theory, combinatorics and mathematical statistics.

Keywords: psychology, parapsychology, extrasensorics, game theory, combinatorics, mathematical statistics, quantification of extrasensorics.

Introduction. The result of over 100 years of experimental research was a disreputable PP (parapsychology) as pseudoscience. So far there is no general concept of phenomena in this area. Engineers and physics make up the largest group of researchers. Their approach is similar in many ways - the prevailing desire is to force PP into the boundaries of usual positivist materialist ideas. However, physics, possessing strong technical base and advanced mathematical tools, stands today as an arbitrator. It is charged with hope; acknowledgment or deny of PP phenomena is expected from it.

The role of measurement in the life and development of human society is enormous. No science and technology is inconceivable without measurements. It should be noted however that the methods of measurement used in the exact sciences may be applicable in parapsychology only to a limited extent. Despite all this, the development of objective methods of research in PP is urgent.

Analysis of recent research, publications and the history of parapsychology.

In [1, 2] a broad overview of the problems of methodology for assessing extrasensory perception and methodology of extrasensorics is presented. In the papers [3, 4] the possibility of quantitative measurements in parapsychology and statistical approach to the interpretation of results, processing and testing hypotheses in experiments to detect extrasensory abilities are considered.

Parapsychology (from ancient Greek. παρά- "near", "by", "together" and "psychology") - a branch of the science of psychology that studies the existence and causes of extraordinary mental abilities by using the scientific method. Parapsychological experiments include the use of "random number generators" to check a human and animal for vision and psychokinesis, subjects and Ganzfeld experiments to test extrasensory perception.

The history of modern parapsychology begins with a "Society of psychical research" (SPR) in London in 1882 and the USA in 1885.

In 1911 Stanford University became the first institution in the United States to study extrasensory perception (ESP) and psycho kinesis (PC) in the laboratory.

Parapsychological Association (PA) was established in Durham (North Carolina) in June 19, 1957. Its creation was proposed by D.B. Rhine on parapsychology seminar, which was held in parapsychology lab at Duke University.

History of Parapsychology in Ukraine, Belarus and Russia began with the opening of special Mediumistic commission headed by Dmitry Mendeleev in the Russian Empire in 1875 at St. Petersburg University [5-10].

38 train cars of research materials "Anenerbe" in the field of parapsychology got to the USSR by train to "Brain Research Institute" (Moscow). Research in the USSR began with Bekhterev V.M. success in this field, who first taught the officers of the Cheka, Joint State Political Directorate, Peoples Commissariat of Internal Affairs. And then - Messing Wolf Hryhorovych.

Interest in parapsychological research reached its peak in the 1970s, and university research declined since then, but private institutions still receive significant funds for their work in this field.

Since the 1980s parapsychological research markedly "went into the shadows" in the United States after the acclaimed Project MK-ULTRA.

The "MK-ULTRA» or «MKULTRA» (Eng. Project MKULTRA) is the code name of a secret CIA program that was designed to find and explore means of manipulation, e.g. to recruit agents or to get information during interrogations, particularly through the use of psychotropic chemicals that affect human consciousness.

The International law, Human Rights and other civilized norms hamper Secret War of intelligence services, so security services have no interest in providing publicity with their criminal acts. Hence there is reason to believe that the image of scandalous "pseudoscience" parapsychology was created intentionally. Studies were considered as "inconclusive" and parapsychologists faced sudden resistance from their academic colleagues [11].

The skeptical attitude toward parapsychology did not last long. There are many superstitions about the ideas and methods of parapsychology that academics of "classical" science destroyed. Over fifty theories and models that allow to describe mental phenomena in scientific terms using modern apparatus have been developed by physicists, philosophers and psychologists in America and Europe. This was the very threshold crossing which parapsychology was no longer perceived as a pseudoscience [12].

While parapsychological studies sometimes appear in conventional scientific journals, most are published in a small number of journals. Magazines on parapsychology include "Journal of Parapsychology", "Journal of Clinical Death", "Journal of Consciousness Studies" and "Journal of Research" [13].

The experimental results of parapsychologist "should be considered by Association of parapsychology, which demonstrated the existence of some forms of mental abilities", critics claim that methodological shortcomings can be attributed to experimental evidence success.

Parapsychology also includes research in other areas of psychology related to transcendental or spiritual aspects of the human mind, and the "abnormal psychology", which

explores the phenomena that are not explained by religious beliefs, exploring subjective anomalous events in traditional psychological terms.

Psychic abilities include extrasensory perception (extrasensorics).

Object and methods. Object of study is extrasensory perception (extrasensorics).

Extrasensory perception (extrasensorics) (from Lat. *Extra* and Latin. *Sensus*) – forms of perception that use unknown senses and / or poorly understood mechanisms of perception.

The method of study involves an experiment and its handling by means of applied mathematics, including mathematical statistics and the theory of games using the computer.

The aim is to conduct a quantitative assessment of psychic abilities.

Hypothesis of the study: some people have developed psychic abilities, have a higher level of thinking, attention, imagination and memory, unlike people who have not developed psychic (extrasensory) abilities.

Problem. The purpose and hypotheses of the study objectives are as follows:

1. Mathematically simulate game situation involving two players and the price of game, that indicates advantage for the first player, the experimenter, let call him DEALER (D) in case of application optimal mixed strategy, and loss of the second player, who is being tested, let call him EXTRASENSORY PERSEPTION ADEPT (E). Winning of Player (E) is possible if he has psychic abilities.

2. To organize summative assessment – game.

3. To carry out the interpretation of the experimental results in a quantitative assessment of psychic abilities of player E (from 0 to 100%) and to quantify the reliability of the obtained value (0 to 100%) with the help of mathematical statistics methods.

Results. Mathematical modeling of experiment to quantify psychic abilities of Player E is to use a matrix game with payment matrix of Player D

$$K = \begin{pmatrix} -2 & 3 \\ 3 & -4 \end{pmatrix} \quad (1)$$

Let us calculate the mixed strategy of player D and game price

$$\begin{pmatrix} p_1 \\ p_2 \\ v \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} -2 & 3 & -1 \\ 3 & -4 & -1 \\ 1 & 1 & 0 \end{pmatrix}^{-1} \begin{pmatrix} 0 \\ 0 \\ 1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 7/12 \\ 5/12 \\ 1/12 \end{pmatrix} \quad (2)$$

Thus a mixed strategy of player K is given by the vector $\vec{p} = \begin{pmatrix} p_1 \\ p_2 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 7/12 \\ 5/12 \end{pmatrix}$ with the price of the

game $v = 1/12 > 0$ (win). With all the variety of strategies for player E we also choose optimal. It is not difficult to calculate that the optimal strategy for player E is given by the vector

$\vec{q} = \begin{pmatrix} q_1 \\ q_2 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 7/12 \\ 5/12 \end{pmatrix}$ with the price of the game $v^* = -1/12 < 0$ (loss). So the player E (the one

who is tested) can win only with the help of psychic abilities.

Arrangement of summative assessment can be carried out using two sets of 12 cards. One player set is for D (experimenter), the second - for the player E (the one who is tested), Fig. 1.

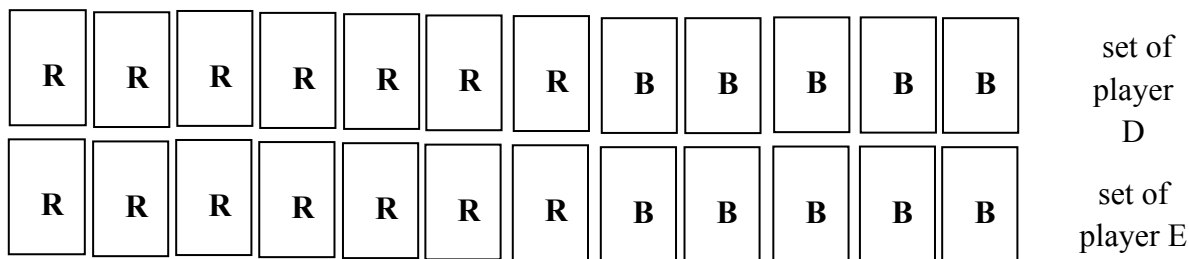

Figure. 1 Set of cards for players. R - red (7 cards), B - black (5 cards).

The back of the sets are different in pattern and letter, Fig. 2.

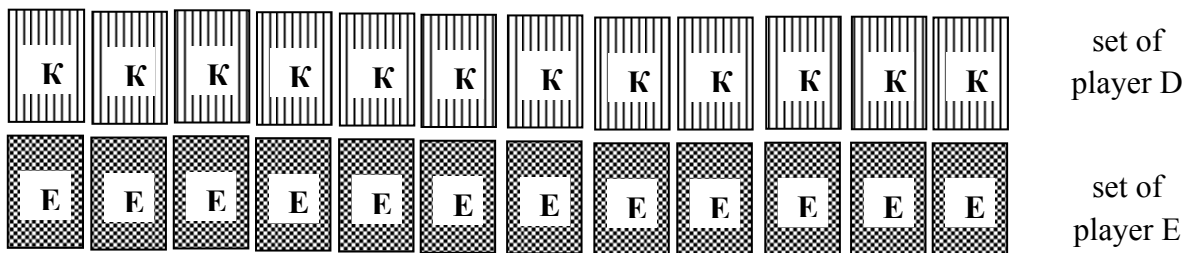

Figure. 2 Rear sides of sets of cards. K - set of player D, E - set of player E.

The experiment begins and the player D (experimenter) mixes his cards and puts them back side up, Fig. 3. The task of Player E (the one who is tested) is using psychic abilities without seeing color of cards of player D to put his red card on the red card of the opponent, and his black card on the black card.

Let's arrange the cards this way Fig. 3. Player D opens his cards, Fig. 4. Scoring is made according to the payment matrix of Player D.

	R	B
R	-2	3
B	3	-4

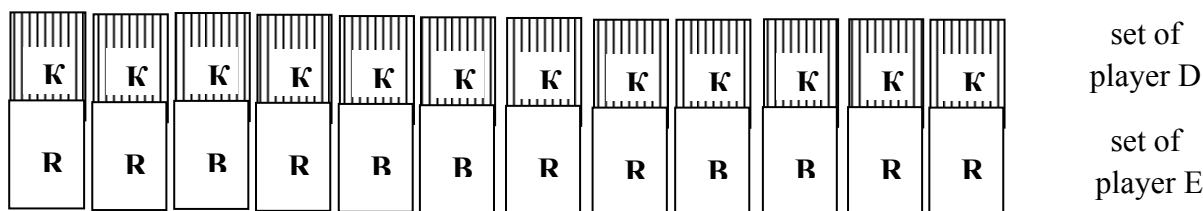

Figure. 3 Player E put his cards on the player D cards.

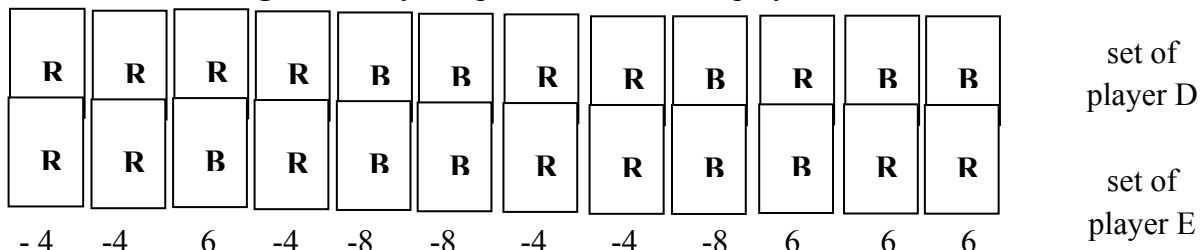

Figure. 4 Calculation of the game result.

Scoring of k game, fig. 4, is conducted by the payment matrix of Player D

$$S_k = -2n_r - 4n_b + 3(24m - n_r - n_d) = 72m - 5n_r - 7n_b = 72 \cdot 1 - 5 \cdot 10 - 7 \cdot 6 = -20 \quad (3)$$

where n_r – is the number of red cards ($n_r = 10$, Figure 4), n_b is the number of black cards ($n_b = 6$, Figure 4), $m = 1$ according to Table 1. The overall result according to Fig. 4 is 20

points, so Player D lost, the game ended in favor of the player E. How to evaluate player's E psychic abilities (the one who is tested) according to the results of the game?

Let us study the game by means of probability theory methods and mathematical statistics. First we have to note that the set of cards may consist of 12, 24, 36 and so on cards, table. 1

Table. 1. The number cards in the set.

m	The number of cards		
	R - red	B - black	Total
1	7	5	12
2	14	10	24
3	21	15	36
...
m	7m	5m	12m

The law of distribution of a discrete random variable S_i – the amount of player D winning at $m = 1$ is given by a number of distribution, table. 2

Table. 2 Distribution of the amount of player D winning.

S_i	-68	-44	-20	4	28	52
f_i	1/792	35/792	35/132	175/396	175/792	7/264

For any m will be, at $b = 5m$ - the number of black cards of player and $N = 12m$ – the number of cards in the set.

$$S_i = 6(5m - b + i) + 6i - 4(7m - i) - 8(b - i) = 2m - 14b + 24i = 24i - 68m \tag{4}$$

$$f_i = \frac{(5m)!}{(b-i)!(5m-b+i)!} \cdot \frac{(7m)!(N-b)! \cdot b!}{i!(7m-i)!} = \frac{\left[\frac{(7m)!(5m)!}{i!} \right]^2}{(5m-i)!(7m-i)!(12m)!} \tag{5}$$

where $i = 0 \dots b$.

Obviously

$$\sum_{i=0}^b f_i = 1 \tag{6}$$

Price of the game, the average of the player D winning, loss of player E and standard deviation:

$$\bar{S} = \sum_{i=0}^{5m} f_i S_i = 2m, \quad \sigma = \sqrt{\sum_{i=0}^{5m} S_i^2 \cdot f_i - 4 \cdot m^2} \tag{7}$$

The distribution function of the random variable S_i is the amount of player D winning at $m = 1$ is set, Tab. 2

Table. 3 The distribution function of the amount of winnings of the player D.

S_i	-68	-44	-20	4	28	52
F_i	1/792	1/22	41/132	149/198	257/264	1

According to Tables 2 and 3 we build analytically and graphically ranges of the distribution (differential distribution function) and distribution function.

$$f(S) = \frac{S - S_i}{S_{i+1} - S_i} (f_{i+1} - f_i) + f_i \quad \text{якщо } S_i \leq S < S_{i+1} \quad (8)$$

$$F(S) = \frac{S - S_i}{S_{i+1} - S_i} (F_{i+1} - F_i) + F_i \quad \text{якщо } S_i \leq S < S_{i+1} \quad (9)$$

According to Tables 2 and 3 we have

$$f(S) = \begin{cases} \frac{17}{9504} S + \frac{73}{594} & \text{якщо } -68 \leq S < -44 \\ \frac{175}{19008} S + \frac{2135}{4752} & \text{якщо } -44 \leq S < -20 \\ \frac{35}{4752} S + \frac{245}{594} & \text{якщо } -20 \leq S < 4 \\ -\frac{175}{19008} S + \frac{2275}{4752} & \text{якщо } 4 \leq S < 28 \\ -\frac{7}{864} S + \frac{133}{297} & \text{якщо } 28 \leq S < 52 \end{cases} \quad (10)$$

$$F(S) = \begin{cases} \frac{35}{19008} S + \frac{601}{4752} & \text{якщо } -68 \leq S < -44 \\ \frac{35}{3168} S + \frac{421}{792} & \text{якщо } -44 \leq S < -20 \\ \frac{175}{9504} S + \frac{1613}{2376} & \text{якщо } -20 \leq S < 4 \\ \frac{175}{19008} S + \frac{3401}{4752} & \text{якщо } 4 \leq S < 28 \\ \frac{7}{6336} S + \frac{1493}{1584} & \text{якщо } 28 \leq S \leq 52 \end{cases}$$

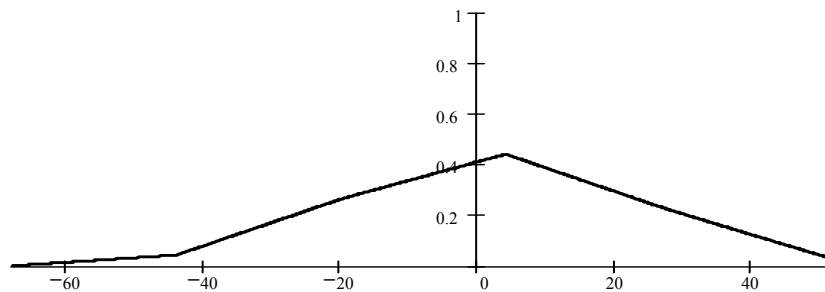

Figure. 5 The distribution law $f(S)$.

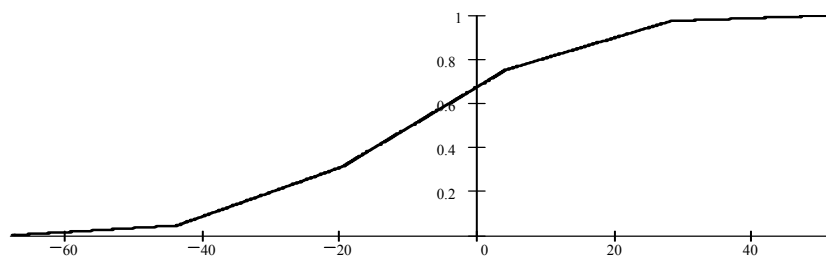

Figure. 5 Distribution function $F(S)$.

Let's calculate the characteristics of the experiment - the game.

The probability of the average value of the game $\bar{S} = 2$ at $\sigma = 21,106$:

$$f(\bar{S}) = \frac{35}{4752} \bar{S} + \frac{245}{594} = \frac{35}{4752} 2 + \frac{245}{594} = \frac{1015}{2376} = 0,427 \quad (42,7^{+21,3}_{-40,7} \%) \quad (11)$$

The probability value of the game $S_0 = 0$:

$$f(S_0) = \frac{35}{4752} S_0 + \frac{245}{594} = \frac{35}{4752} \cdot 0 + \frac{245}{594} = \frac{245}{594} = 0,412 \quad (41,2\%) \quad (12)$$

The probability of winning value of game k within $S_{\min} \leq S_k \leq S_{\max}$:

$$P(S_{\min} \leq S_k \leq S_{\max}) = F(S_{\max}) - F(S_{\min}) \quad (13)$$

The probability of winning for player D:

$$P(0 \leq S \leq 52) = F(52) - F(0) = \frac{7}{6336} \cdot 52 + \frac{1493}{1584} - \left(\frac{175}{9504} \cdot 0 + \frac{1613}{2376} \right) = \frac{763}{2376} = 0,321(3) \quad (14)$$

The probability of winning for player E:

$$P(-68 \leq S \leq 0) = F(0) - F(-68) = \frac{175}{9504} \cdot 0 + \frac{1613}{2376} - \left(\frac{35}{19008} \cdot (-68) + \frac{601}{4752} \right) = \frac{805}{1188} = 0,678(\epsilon) \quad (15)$$

Further manifestation of psychic abilities of Player E (the one who is tested) will be interpreted as a steady deviation of the mean value of the value k of experiment games

$$S_{cep} = \frac{\sum_k S_k}{k}$$

from the price of the game $\bar{S} = 2$, the formula (7):

1) "positive extrasensorics", probability of winning:

$$P(S_{cep} \leq S \leq 2) = F(2) - F(S_{cep}) \text{ at } S_{cep} < \bar{S} \quad (16)$$

2) "paradoxical extrasensorics", probability of loss:

$$P(2 \leq S \leq S_{cep}) = F(S_{cep}) - F(2) \text{ at } S_{cep} > \bar{S} \quad (17)$$

Formulas (16) and (17) can be used to determine the extent of psychic abilities as a percentage of deviation from maximum possible:

1) the level of "positive extrasensorics":

$$PE = \frac{F(2) - F(S_{cep})}{F(2) - F(-68)} \cdot 100\% \text{ at } S_{cep} < \bar{S} \quad (18)$$

2) the level of "paradoxical extrasensorics":

$$NE = \frac{F(S_{cep}) - F(2)}{F(52) - F(2)} \cdot 100\% \text{ at } S_{cep} > \bar{S} \quad (19)$$

The formula for calculating the reliability of the numerical value of the "positive extrasensorics" level is built according to the following considerations. Let us consider event A_E a random winning of player E (the tested one) n_v - times in k testing experiments. The probability of events is calculated by the Bernoulli formula:

$$P(A_E) = P_k(n_v) = C_k^{n_v} p^{n_v} (1-p)^{k-n_v} \text{ at } S_{cep} > \bar{S} \quad (20)$$

where $p = F(2) - F(-68)$ is the maximum random probability of player E winning in one trial. Probability of opposite to the A_E event can be interpreted as the reliability of the calculated numerical value of "positive extrasensorics" level:

$$DPE = P(\bar{A}_E) = 1 - P(A_E) = 1 - C_k^{n_v} [F(2) - F(-68)]^{n_v} (1 - [F(2) - F(-68)])^{k-n_v} \text{ at } S_{cep} < \bar{S} \quad (21)$$

Similarly we build a formula to calculate the reliability of the numerical value of the "paradoxical extrasensorics" level applying probability value of maximum random losing of player E, $p = F(52) - F(2)$ and considering event B_E a random losing of player E (tested) n_p - times in k testing experiments:

$$DNE = P(\bar{B}_E) = 1 - P(B_E) = 1 - C_k^{n_p} [F(52) - F(2)]^{n_p} (1 - [F(52) - F(2)])^{k - n_p} \text{ at } S_{cep} > \bar{S} \tag{22}$$

The experiments conducted on volunteers according to the abovementioned procedure gave the following results:

The first tested person.

Average losing is 5.6

The level of paradoxical extrasensorics is 18,13%.

Reliability of the results of 15 experiments is 77.49%. The test results are shown in Table

4.

The second tested person.

Average loss is 3.067

The level of paradoxical extrasensorics is 6.93%.

Reliability of the results of 15 experiments is 81.12%. The test results are shown in Table

5.

Table 4: Results of the experiment of the first tested person.

№ n/π	The number of cards			Sum of payoff	
	R – red	B – black	R – red and B – black	Player D	Player E
1	6	2	16	28	-28
2	6	2	16	28	-28
3	8	4	12	4	-4
4	8	4	12	4	-4
5	10	6	8	-20	20
6	8	4	12	4	-4
7	4	0	20	52	-52
8	8	4	12	4	-4
9	8	4	12	4	-4
10	10	6	8	-20	20
11	8	4	12	4	-4
12	8	4	12	4	-4
13	6	2	16	28	-28
14	10	6	8	-20	20
15	10	6	8	-20	20
Total:	118	58	184	84	-84

Table 5: Results of the experiment of the second tested person.

№ n/π	Number of cards			Sum of payoff	
	R – red	B – black	R – red and B – black	Player D	Player E
1	6	2	16	28	-28

2	8	4	12	4	-4
3	8	4	12	4	-4
4	8	4	12	4	-4
5	6	2	16	28	-28
6	10	6	8	-20	20
7	8	4	12	4	-4
8	8	4	12	4	-4
9	4	2	18	38	-38
10	10	6	8	-20	20
11	8	4	12	4	-4
12	8	4	12	4	-4
13	8	4	12	4	-4
14	12	8	4	-44	44
15	8	4	12	4	-4
Total:	120	62	178	46	-46

Conclusions.

Experimental study of psychic abilities of volunteers indicated a lack of skills, or if any, their "paradoxical extrasensorics."

Coined herein the term "paradoxical extrasensorics " should be understood as paradoxical stable response to experimental stimuli, which can be described by the phrase "opposite reaction". An example of this paradoxical reaction can be a reaction human muscle to the loss of balance when trying to walk a tightrope raised above the ground. If a person is not trained stimulus "loss of balance" leads to excessively intensive reaction of muscles and the person loses balance. Muscles of a trained individual respond adequately to the loss of balance and a person is able to maintain balance. The term "positive extrasensorics" is used in the sense of an adequate response to stimulation. However, the term "paradoxical extrasensorics " is introduced by the author rather to interpret mathematical phenomenon - numerical values of extrasensory level and reliability of this level in case of tested person loss that may be caused by an insufficient number of experiments and a large dispersion of values obtained.

The theoretical significance of the research is in an attempt to research "pseudoscientific problem" with the use of scientific apparatus.

The scientific significance of the research is related to the study of ways of forming superhuman abilities in a person through the development of mental processes with the help of conducting experiments.

The practical significance is that this study on parapsychology may have a practical use for the evaluation of conventional, non-psychic abilities, but for example, quantitative assessment of the sensitivity of the six senses: sight, hearing, taste, smell, touch. Especially such objective assessment is necessary at the limits of resolution of the senses, when stimuli are very similar in intensity. Further development of the research will develop a methodology for assessing the professional instincts of people whose work is connected with the need to have a high sensitivity of vision, hearing, taste, smell or touch.

References:

1. Бернштейн В.М. Методика оценки экстрасенсорного восприятия // Парапсихология и психофизика, 1995, № 3 (19), с. 37–44.
2. Богданов Г.Б. Метрология экстрасенсорики. Киев: Информационноиздательское агентство «Україна», 1991. 128 с.
3. Ли А.Г., Чуновкина А.Г. Статистический подход к интерпретации, обработке результатов и проверке гипотез в экспериментах по выявлению экстрасенсорных способностей человека // Тез. док. Межд. конф. «Биоэкстрасенсорика и научные основы культуры здоровья на рубеже веков». М., 1996, с. 23–30.
4. Мамонтов И.В. О возможности количественных измерений в парапсихологии. Парапсихология и психофизика. - 2000. - №1. - С.78-81. <http://sens.ucoz.ru/forum/7-587-1>.
5. <http://www.para-psychology.ru/parapsychology.htm> Парапсихология в России. (Основные исторические вехи).
6. Ч. Хэнзел. Парапсихология М., «Мир», 1970 254 с.
7. Панасюк А. Ю. Большая энциклопедия парапсихологии. — М.: РИПОЛ классик, 2007. — 864 с.
8. С. Криппнер. «Состояние парапсихологических исследований в США». // США — 1998 г. № 7 (с. 100–111), № 8 (с. 97-104)
9. Б.К. Ратников, Г.Г. Рогозин, Д.Н. Фонарев, «За гранью познанного», изд. «Академия управления», серия «Хроники реального мира», г. Москва, 2010 г. ISBN 978-5-91047-012-9; -//- изд. «ВеГа» (НАСТ России), 2008 г. ISBN 978-5-903649-02-0 (УДК 004–027.21 ББК 32.81 Р25).
10. Д.С. Соколов, «Мистика и философия спецслужб», изд. «Академия управления», серия «Хроники реального мира», г. Москва, 2010 г. ISBN 978-5-91047-015-0.
11. Melton, J.G. (1996). *Parapsychology*. In *Encyclopedia of Occultism & Parapsychology*. Thomson Gale. ISBN 978-0810394872.
12. Irwin, Harvey J.; Watt, Caroline A. (2007). *An Introduction to Parapsychology*. McFarland & Company. с. 320. ISBN 978-0786430598.
13. <http://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D1%96%D1%8F>

*Oleg Borisovich Tarnopolsky, Alfred Nobel University,
Dnipropetrovsk; Doctor of Pedagogy, PhD, Full
Professor, Head of the Department of Applied Linguistics
and Methods in Foreign Language Teaching,
Oleg Afanasievich Nesterenko, Alfred Nobel
University, Dnipropetrovsk, Candidate of Pedagogy,
PhD, Associate Professor at the Department of Applied
Linguistics and Methods in Foreign Language Teaching*

Introducing spanish as one of the principal tertiary foreign languages into the teaching process at linguistic and non-linguistic higher schools of Ukraine

*Тарнопольский Олег Борисович, доктор
педагогических наук, профессор, заведующий
кафедрой прикладной лингвистики и методики
обучения иностранным языкам Днепропетровского
университета имени Альфреда Нобеля,
Нестеренко Олег Афанасьевич, кандидат
педагогических наук, доцент кафедры прикладной
лингвистики и методики обучения иностранным
языкам Днепропетровского университета
имени Альфреда Нобеля*

Внедрение испанского языка как одного из ведущих вторых иностраннных языков для преподавания в языковых и неязыковых вузах Украины

Попытки нашей страны включиться как равноправный партнер во все аспекты жизни и деятельности объединенной Европы, отчетливо продемонстрировали, что владение, по крайней мере, специалистами с высшим образованием, только одним иностранным языком (чаще всего английским) оказывается явно недостаточным. Если языки изучаются в профессиональных целях, то у выпускников как языковых, так и неязыковых вузов, связанных с международной производственной и экономической деятельностью (а количество таких выпускников постоянно растет), возрастает потребность в освоении как минимум двух иностранных языков.

Это означает распространение системы параллельного изучения двух иностранных языков, характерной для языковых вузов, и на вузы неязыковые. Нередко подобное распространение уже осуществляется явочным порядком через различные факультативы.

Но, видимо, назрела необходимость и в *централизованном поощрении* внедрения изучения вторых иностранных языков не только в языковых, но и в неязыковых вузах.

В этом плане существенно решить вопрос о том, изучение каких вторых иностранных языков в рамках вузовского образования следует поощрять и пропагандировать в первую очередь.

Ответом, который лежит на поверхности, будет рекомендация изучать, прежде всего, языки ближайших стран-соседей Украины (например, Германии и Польши), поскольку установление наиболее тесных производственных и экономических связей именно с ними представляется самым рациональным и относительно легко достижимым. При всей безусловной правильности такого ответа в нем не учитываются более отдаленные перспективы и тенденции, реализация которых намечается уже сейчас. Речь идет о налаживании сотрудничества с одним из самых перспективных в производственном и экономическом плане регионов нашей планеты – Южной Америкой с ее неисчерпаемыми ресурсами. А такое сотрудничество требует от специалистов владения не только английским (как главным языком международного профессионального общения), но и испанским языком – вторым, после английского, в плане распространенности в качестве средства международной коммуникации.

Целью настоящей работы является раскрытие причин того, почему именно испанский язык должен занять место одного из ведущих среди всех вторых иностранных языков, преподаваемых в языковых и неязыковых вузах страны на основе английского языка как первого (и главного) иностранного языка, подлежащего изучению.

Причина постулируемой нами особой важности испанского языка среди всех вторых иностранных языков, преподаваемых в нашей стране, лежит, прежде всего, в его указанной выше чрезвычайной распространенности в современном мире. Среди наиболее распространенных по численности говорящих языков Земли, испанский язык занимает третье место. А по количеству носителей языка, который для них является родным, испанский язык опередил даже английский: первое место (885 млн. носителей родного языка) занимает китайский язык; второе место (332 млн.) – испанский язык; третье место (322 млн.) – английский язык. По статистике, которую ведет Институт Сервантеса (Испания), по-испански говорят приблизительно 450-500 миллионов человек, среди которых только 10 процентов родились в Испании [1]. Этот язык является официальным государственным языком в более чем в 20 странах мира. В одной только Мексике (Estados Unidos Mexicanos) на нем говорят около 120 млн. человек. Распределение по численности тех, кто пользуется испанским языком в испаноязычных странах мира, следующее (все приводимые далее статистические данные почерпнуты из заслуживающих доверия источников в Интернете – например, из *Википедии*):

Аргентина – 42 млн. 192 тыс., Боливия – 201 млн. 033 тыс., Венесуэла – 30 млн. 206 тыс., Гватемала – 15 млн. 531 тыс., Гондурас – 8 млн. 725 тыс., Доминиканская Республика – 10 млн. 280 тыс., Испания – 47 млн. 129 тыс., Колумбия – 47 млн. 662 тыс., Коста-Рика – 4 млн. 890 тыс., Куба – 11 млн. 242 тыс., Мексика – 119 млн. 426 тыс., Никарагуа – 6 млн. 038 тыс., Панама – 3 млн. 707 тыс., Парагвай – 6 млн. 673 тыс., Перу – 30 млн., Сальвадор – 6 млн. 280 тыс., Уругвай – 3 млн. 286 тыс., Чили – 17 млн. 819 тыс., Экваториальная Гвинея – 1 млн. 772 тыс., Эквадор – 16 млн. 013 тыс.

Кроме стран, где испанский язык является государственным, он получил широкое распространение в таких странах как: Соединенные Штаты Америки (41 млн. человек), Бразилия (19 млн. 700 тыс.), Франция (2 млн. 100 тыс.), Португалия (1 млн. 750 тыс.),

Республика Гаити (1 млн. 650 тыс.), Марокко (960 тыс. 706), Великобритания (900 тыс.), Япония (500 тыс.), Италия (455 тыс.), Германия (410 тыс.), Западная Сахара (341 тыс.), Канада (272 тыс.), Китайская Народная Республика (250 тыс.), Гайана (198 тыс.), Швейцария (172 тыс.), Израиль (160 тыс.), Австралия (150 тыс.), Белиз (130 тыс.), Кюрасао (112 тыс. 450), Россия (112 тыс.), Аруба (105 тыс.), Республика Корея (90 тыс.), Андорра (40 тыс.), Швеция (39 тыс. 700), Тринидад и Тобаго (32 тыс. 200), Турция (29 тыс. 500), Новая Зеландия (26 тыс. 100), Нидерланды (17 тыс. 600), Финляндия (17 тыс. 200), Французская Гвиана (13 тыс.), Румыния (7 тыс.), Бонайре (5 тыс. 700), Американские Виргинские острова (3 тыс. 980), Ливан (2 тыс. 300), Австрия (1 тыс. 970), Кувейт (1 тыс. 700).

В Соединенных Штатах Америки численность испаноязычного населения постоянно растет. К наиболее населённым носителями испанского языка относятся: Пуэрто-Рико (95,21% испаноговорящих), Нью-Мехико (43,27%), Калифорния (34,72%), Техас (34,63%), Аризона (28,03%).

Вместе с ростом говорящих на испанском языке наблюдается и рост потребности в изучении этого языка. Так, по данным Института Берлица, проводившего соответствующие обследования с 1989 по 2004 г., испанский язык оказался единственным среди всех романских языков, спрос на изучение которого постоянно повышался. За указанный период он возрос на 16,46%. За то же время спрос на изучение таких романских языков, как французский и итальянский, снизился более чем на 17%, а спрос на изучение немецкого языка – на 42,89%. В целом, по данным Института Сервантеса, быстрее, чем спрос на изучение испанского языка, рос только спрос на китайский (454,1%) и английский языки [2]. Таким образом, лишь три языка в мире показывают постоянно растущий спрос на их изучение: китайский (мандаринский диалект), английский и испанский. Наибольшим же спросом в плане изучения языков в период 1989-2004 гг., обследованных Институтом Берлица, пользовались английский, французский, испанский, немецкий, итальянский и китайский языки. Их распределение по процентам от общего количества изучавших иностранные языки выглядит так: английский язык - 69,43%, французский язык - 6,83%, испанский язык 5,95%, немецкий язык - 4,92%, китайский язык - 1,75%, итальянский язык - 1,66%. [3]

Среди неиспаноязычных стран, в которых наблюдается самый большой спрос на изучение испанского языка, следует назвать: США, Германию, Францию, Бразилию, Японию, Бельгию и Канаду.

Однако, пользуясь все растущей популярностью в мире как предмет изучения, испанский язык еще имеет явно недостаточный (по сравнению с его международной значимостью) спрос в Украине. Пояснения этому могут быть разными, но одним из наиболее правдоподобных является то, что сами испанцы настолько увлеклись популярностью своего языка, что не считают нужным тратить деньги и усилия для его распространения на постсоветском пространстве. Для сопоставления можно сослаться на усилия, которые прилагаются для распространения английского, французского и немецкого языков. Практически в каждом областном центре Украины есть представительства Альянс Франсез (Alliance Française), Британского Совета (British Council) и Института Гете (Goethe Institut), ведущие активную работу по пропаганде изучения языков своих стран. Американские, французские, британские и немецкие университеты и научные учреждения много делают для привлечения украинских ученых и студентов на стажировки, производственные практики и для проведения научных

исследований, выделяя для этого специальные гранты. Такая активная деятельность не может не иметь обратной позитивной реакции среди украинской молодежи: количество тех, кто выбирает для изучения именно перечисленные иностранные языки, выше по сравнению со спросом на испанский язык. Даже изучение тех языков, интерес к которым в остальном мире падает, в Украине остается стабильным. Это, например, касается стабильного интереса к изучению французского языка, что во многом является результатом усилий Альянс Франсез (Alliance Française).

В отличие от этого, испаноязычные страны очень скудно финансируют и недостаточно поощряют и развивают деятельность, подобную описанной выше. Например, в Украине не только в областных центрах, но и в столице отсутствует представительство Института Сервантеса – испанского аналога Альянс Франсез, Британского Совета или Института Гете. Неудивительно, что испанский язык, который мало пропагандируется, изучается существенно меньшим количеством людей, чем английский, немецкий или французский.

Но даже в этих условиях в последние годы в Украине наблюдается тенденция к увеличению количества изучающих испанский язык. Например, в Днепропетровском университете имени Альфреда Нобеля количество студентов-филологов, специализирующихся в английском языке и избравших испанский язык в качестве второго или третьего иностранного, возросло 2001 года по 2014 год в 30 раз!

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что испанский язык, в силу его значимости для международного общения, может и должен рассчитывать на поддержку и распространение в качестве второго обязательного (после английского) или третьего (обязательного либо факультативного) иностранного языка, преподаваемого в языковых и неязыковых вузах Украины. Он должен стать одним из ведущих вторых и третьих иностранных языков для изучения студентами. Это тем более так, что популярность изучения испанского языка растет во всем мире, и эта тенденция уже затронула и Украину, несмотря на отсутствие четкой сформированности спроса на преподавание этого языка со стороны государства (Министерства образования и науки).

Первоочередной задачей для решения рассматриваемого вопроса является разработка эффективной методики преподавания испанского языка как второго и третьего иностранного в языковых и неязыковых вузах Украины. Такая разработка является перспективой наших дальнейших исследований и публикаций.

Список литературы:

1. El español: una lengua viva. Informe Instituto Cervantes 2013: Edición digital. – Departamento de Comunicación Digital, Instituto Cervantes, 2013.
2. Francisco Moreno Fernández y Jaime Otero. Atlas de la lengua española en el mundo. – Barcelona: Ariel – Fundación Telefónica, 2007.
3. Spanish language in the United States. Интернет ресурс. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Spanish_language_in_the_United_States.

Roy Irina, State Institution "Institute of Traumatology and Orthopedics NAMS of Ukraine", Professor, Doctor of Medical Sciences,
Rusanov Andrej, State Institution "Institute of Traumatology and Orthopedics NAMS of Ukraine", department of rehabilitation,
Rusanova Olga, National University of Physical Education and Sport of Ukraine Candidate of science in Physical Education and Sport

The application of computer dynamography in the physical rehabilitation of patients after reconstruction of the anterior cruciate ligament

Рой Ирина, Государственное учреждение «Институт травматологии и ортопедии НАМН Украины», профессор, доктор медицинских наук,
Русанов Андрей, Государственное учреждение «Институт травматологии и ортопедии НАМН Украины», Отделение реабилитации,
Русанова Ольга, Национальный университет физического воспитания и спорта Украины, Кандидат наук по физическому воспитанию и спорту

Применение компьютерной динамографии в процессе физической реабилитации больных после реконструкции передней крестообразной связки

Постановка научной проблемы и ее значение. Крупные суставы играют важную роль в обеспечении статики и локомоции, поэтому их повреждения нередко приводят к временной и стойкой утрате трудоспособности. Особенно подвержены травмам голеностопный и коленный суставы [3].

Поскольку коленный сустав является одним из наиболее активных и функционально нагружаемых, ему принадлежит ведущая роль в статистике травм капсульно-связочного аппарата [1]. Чаще всего повреждаются медиальные структуры сумочно-связочного аппарата или передняя крестообразная связка - от 43 до 80%, сочетание разрывов передней крестообразной связки и боковой большеберцовой связки

встречается от 13 до 59% [3]. Будучи основными внутрисуставными стабилизаторами, крестообразные связки играют важную роль в сохранении многоплоскостной устойчивости коленного сустава и биомеханике всей нижней конечности [3-5]. При их повреждении чаще всего страдает передняя крестообразная связка в силу присущих ей особенностей.

Внедрение в клиническую практику новых технологий эндоскопической хирургии открывает широкие перспективы в решении ряда задач по разработке малотравматичных способов и вариантов реконструкции сумочно-связочного аппарата, позволяющих избежать длительной иммобилизации и сократить реабилитационный период [5].

В литературе систематически дискутируется вопрос о рациональном применении комплекса средств физической реабилитации, их эффективности, сроках назначения. Восстановительные комплексы, учитывающие характер повреждения, уровень функциональных возможностей и прочие факторы, в том числе степень нарушения функции, разработаны далеко не для всех случаев повреждений сумочно-связочного аппарата коленного сустава и их последствий [2].

Для объективной оценки клинико-функционального статуса больных предложены многочисленные клинические, биомеханические и электромиографические методики. Одной из новых, получивших в последние годы распространение, является методика компьютерной динамографии. Использование компьютерной динамографии в процессе физической реабилитации позволяет решить вопросы тренировки системы равновесия в вертикальной стойке и во время ходьбы и контроля эффективности восстановительного лечения.

Несмотря на то, что в настоящее время было проведено большое количество исследований, посвященных научно-практическим вопросам применения восстановительных средств, в частности, баланса-тренинга на динамографической платформе «Gamma Platform», в процессе физической реабилитации при повреждениях передней крестообразной связки коленного сустава, они еще не полностью удовлетворили практиков сегодняшнего дня.

Цель исследования. Изучить состояние функции поддержания равновесия и ходьбы больных после реконструкции передней крестообразной связки коленного сустава по данным динамографического исследования в процессе физической реабилитации.

Использовались следующие **методы исследования**: анализ литературных источников, метод компьютерной динамографии (шаговый и балансировочный тесты), методы статистической обработки полученных данных. Динамографический анализ применен для оценки реакции опоры больных с поражением передней крестообразной связки коленного сустава. Больным было предложено выполнить шаговый и балансировочный тесты на динамографической платформе «Gamma Platform» (Ac international east). Данный комплекс позволяет проводить динамографию и выполнять анализ полученных данных с графическим и числовым представлением информации, расчетом основных динамографических показателей.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. В ходе исследования было обследовано 21 больного с поражением передней крестообразной связки коленного сустава. Результатом 32 недельной

реабилитационной программы стала зарегистрированная при клиническом обследовании четкая положительная динамика, важной частью которой стало восстановление функций поддержания равновесия и ходьбы. В функциональном периоде реабилитации (повышенной физической активности), у больных с высоким уровнем асимметрии распределения нагрузки нижних конечностей ($n=4$) [6], во время выполнения балансировочного теста, наблюдалось перераспределение веса тела на интактную конечность, зарегистрированные показатели нагрузки интактной конечности были достоверно выше показателей пораженной и составляли - $36,6 \pm 0,12$ кг и $38,03 \pm 0,03$ кг ($p < 0,05$) соответственно, асимметрия распределения нагрузки нижних конечностей составляла $29,9 \pm 1,74$ %. У больных со средним уровнем асимметрии распределения нагрузки нижних конечностей ($n=13$) наблюдалось достоверное снижение разности времени нагрузки (доминанты) интактной и пораженной конечностей до $18,1 \pm 1,43$ % ($p < 0,05$) по сравнению с предоперационным периодом.

Результаты динамографических исследований в функциональном периоде реабилитации (повышенной физической активности) свидетельствуют о том, что у больных со средним и высоким уровнями асимметрии распределения нагрузки нижних конечностей остаются нарушения равновесия в вертикальной стойке, пациенты продолжают перегружать интактную конечность. Таким образом, результаты тестирования, полученные в функциональном периоде реабилитации (повышенной физической активности), свидетельствуют о необходимости применения баланса-тренинга в программе восстановительного лечения больных со средним и высоким уровнями асимметрии распределения нагрузки нижних конечностей.

Ниже представлены рекомендованные варианты баланса-тренинга на динамографической платформе «Gamma Platform»:

1. В позднем послеоперационном периоде реабилитации (с 6-ой недели) -

➤ модуль упражнений «Катер» – продолжительностью 60-90 с, 2-3 серии, скорость выполнения упражнения – 50% от максимальной, балансировочная чувствительность – 50% / 50% на пораженную и интактную конечности, направление движения катеру совпадает со стороной поражения;

➤ модуль упражнений «Катание мяча» - продолжительностью 60-90 с, 2-3 серии, скорость выполнения упражнения - 50% от максимальной, амплитуда - 50 % от максимальной, количество поворотов 3;

➤ модуль упражнений «Сортировка мячей» - продолжительностью 60-90 с, 2-3 серии, скорость выполнения упражнения - 50% от максимальной, 1 лунка.

Продолжительность интервалов отдыха между упражнениями 60-90 с.

2. В функциональном периоде реабилитации (с 17-го недели) - прибавляются модули упражнений «Прыжки с трамплина», «Скакалка». Продолжительность упражнений увеличивается до 90-180 с, количество серий 3-5 серий, скорость и амплитуда выполнения упражнений до 75 %. Количество лунок модуль упражнений «Сортировка мячей» - 2. Количество поворотов в модуле упражнений «Катание мяча» составляет 5-8.

➤ модуль упражнений «Прыжки с трамплина» – продолжительностью 90–180 с, 3-5 серий, балансировочная чувствительность – 50% / 50% на пораженную и интактную конечности, рефлексная чувствительность – 50 %;

➤ модуль упражнений «Скакалка»- продолжительностью 90-180 с, 3-5 серий, высота прыжков 10-15 см, частота прыжков 0,1-0,2.

Продолжительность интервалов отдыха между упражнениями 90-120 с.

3. В функциональном периоде реабилитации (повышенной физической активности) (с 20-го недели) прибавляется модуль упражнений «Комбинированный». Продолжительность упражнений увеличивается до 180-300 с, количество серий 5-8 серий, скорость и амплитуда выполнения упражнений до 100 %. Количество поворотов в модуле упражнений «Катание мяча» составляет 10. Количество лунок модуль упражнений «Сортировка мячей» -3. Рефлексная чувствительность в отдельных упражнениях составляет 100 %. Высота прыжков в модуле упражнений «Скакалка»- увеличивается до 30 см., частота прыжков представляет - 0,5-0,7.

➤ модуль упражнений «Комбинированный»- скорость и размер препятствий с каждой серией увеличивается от 20 % до 100 %, уровень сложности с 20 до 24 недели - первый, с 24 до 28 недели - второй, с 28 до 32 недели - рекомендуется третий уровень сложности.

Продолжительность интервалов отдыха между упражнениями 120 с.

При планировании применения баланса-тренинга на динамографической платформе «Gamma Platform» необходимо учитывать уровень асимметрии распределения нагрузки нижних конечностей больных после реконструкции передней крестообразной связки коленного сустава [6].

Кроме того, больным с высоким уровнем асимметрии распределения нагрузки нижних конечностей рекомендуется при выполнении модулей упражнений «Катер» и «Прыжки с трамплина» на динамографической платформе «Gamma Platform» необходимо учитывать то, что балансировочная чувствительность при выполнении модулей упражнений с 17-ой недели составляет 60% / 40% на пораженную и интактную конечности, с 20-ой недели 70% / 30% , с 24-го недели – 80% / 20%, с 28-ой недели – 90% / 10% соответственно.

Таким образом, на основе первичных биомеханических характеристик поддержания равновесия, полученных в ходе выполнения балансировочного теста, у больных выявлены нарушения распределения нагрузки нижних конечностей при поражении передней крестообразной связки коленного сустава. Разработанные рекомендации по применению баланса-тренинга на динамографической платформе «Gamma Platform» для больных со средним и высоким уровнями асимметрии распределения нагрузки нижних конечностей.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Оценка эффективности методики реабилитационных мероприятий, которая включает применение баланса-тренинга на динамографической платформе «Gamma Platform», для больных с поражением передней крестообразной связки коленного сустава с учетом асимметрии распределения нагрузки нижних конечностей.

Список литературы:

1. Зудаев С.В. Диагностика и оперативное лечение свежих повреждений медиального сумочно-связочного аппарата и передней крестообразной связки коленного сустава (клинико-экспериментальное исследование) : автореф. дис. . к. мед. наук. : спец. 14.00.22 – Травматология и ортопедия / С.В. Зудаев. – Иркутск, 2005.– 21 с.
2. Коротких Л.И. Физическая реабилитация спортсменов после операций на коленном суставе с применением артрологического комплекса "Biodex" : дис. . к. пед. наук. : спец. 13.00.04 – Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры / Л.И. Коротких. – Малаховка, 2007.– 144 с.
3. Кузнецов И.А. Применение аллотрансплантатов при артроскопической реконструкции передней крестообразной связки коленного сустава / И.А. Кузнецов, Н.Н. Волоховский, М.В. Рябинин // Сб. материалов II конгр. Рос. артроскопического общества. -М., 1997.-С.47.
4. Котельников Г.П. Нестабильность коленного сустава / Г.П. Котельников, А.П. Чернов, С.Н. Измалков. -Самара: Самарский Дом печати, 2001. - 232с.
5. Левенец В.Н., Артроскопия / В.Н. Левенец, В.В. Пляцко. - Киев: Наукова думка, 1991.-232 с.
6. Roy I., Rusanov A., Rusanova O. The use of computer stabilography during restorative treatment of patients with lesions of the anterior cruciate ligament of the knee joint // Proceedings of the 1st International Sciences Conference “Science and Education in Australia, America and Eurasia: Fundamental and Applied Science”. International Agency for the Development of Culture, Education and Science. Australia, Melbourne, 2014. - P. 689-671.

***R.G. Mazitov**, Rector of the Institute of Education of the Republic of Bashkortostan, k.pol.n., Associate Professor,
V.N. Gurov, Ph.D., Professor, head of the department of theory and practice of educational administration, winner of the Government of the Russian Federation in the field of education winner of the Government of the Russian Federation in the field of education,
G.R. Lyutova, graduate student, director of linguistic school "Studio Words", General Director of "Center for Business Promotion and Education" Compass", "representative of the Dutch program PUM in Bashkortostan, a member of the Union of Entrepreneurs Belebey city, urban women's council member, Council member of the urban settlement of the municipal city Belebey district Belebeevsky area.*

Management training education in the context of public-private partnership

***Р.Г. Мазитов**, ректор Института развития образования республики Башкортостан, к.пол.н., доцент,
В.Н. Гуров, д.п.н., профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления образованием, лауреат премии Правительства РФ в области образования,
Г.Р. Лютова, аспирант, директор лингвистической школы «Студия Слова», генеральный директор ООО «Центр по продвижению бизнеса и образования «Компас»», представитель Голландской программы PUM в Башкортостане, член Союза предпринимателей города Белебея, член городского женсовета, депутат Совета городского поселения город Белебей муниципального района, Белебеевский район.*

Подготовка управленческих кадров образования в контексте государственно-частного партнерства

В настоящее время в отечественной и зарубежной научной литературе в целях повышения качества подготовки выпускников все чаще стали вести речь о государственно-частном партнерстве. Связано это, во-первых, с тем, что качественный

выпускник как продукт деятельности образовательной организации требует постоянного обновления и совершенствования материально-технической базы и учебно-лабораторного оборудования; с другой – создание и включение в образовательный процесс расширенного социокультурного пространства, позволяющего задействовать ресурсы всех социальных институтов социума. В этом случае возрастает социализированность личности выпускника, обогащается его социальный опыт и социальная адаптированность, формируется и развивается многомерное мышление. Это становится возможным при вовлечении бизнеса в партнерство с образовательными организациями.

В Башкортостане закон «Об участии Республики Башкортостан в государственно-частном партнерстве» от 30.05.2011 г. №398-з. был принят Государственным собранием – Курултаем РБ 19.05.2011 г.

В ст.1 данного Закона указано, что «целью настоящего закона является... повышение качества товаров, услуг, предоставляемых потребителям».

В ст.1. Проекта федерального закона №238827 – 6 «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации и внесение изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации говорится «целью настоящего Федерального закона является ... повышение качества товаров, работ, услуг, обеспечение которыми потребителей относится к полномочиям органов государственной власти, органов местного самоуправления».

Под государственно-частным партнерством в целях настоящего Федерального закона понимается взаимодействие публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, осуществляемое на основании заключенного по результатам конкурсных процедур соглашения о государственно-частном партнерстве, направленного на повышение качества и обеспечение доступности предоставляемых услуг населению, а также на привлечение в экономику частных инвестиций, в соответствии с которым частный партнер принимает на себя обязательства в соответствии с частью 11 настоящей статьи, а публичный партнер принимает на себя обязательства в соответствии с частью 9 ФЗ.

Анализ научной литературы по проблеме показывает, что государственно-частного партнерства в форме конкретных проектов практически нет. В то же время отдельные элементы консолидации ресурсов бизнеса и образовательных организаций имеются в разработанной Минобрнауки РФ стратегии развития системы подготовки рабочих кадров.

Проведенный авторами устный опрос свыше 300 руководителей образовательных организаций на предмет их понимания – что такое государственно-частное партнерство и какова их организационно-содержательная модель действий показал, что свыше 92% из них не владеют соответствующим знанием и пониманием.

В этой связи в институте развития образования республики Башкортостан на кафедре теории и практики управления образования были разработаны 16-и часовой модуль и электронный учебник по теме «Подготовка управленческих кадров образования в контексте государственно-частного партнерства». В учебном плане представлены следующие разделы: Государственно-частное партнерство; сущность и базовые признаки;

нормативно правовая база, формы государственно-частного партнерства, их характеристики; управленческие и маркетинговые ресурсы бизнеса в контексте деятельности по усилению эффективности влияния образовательных организаций на личность обучающегося и другие.

Программа модуля курсов повышения квалификации

«Подготовка управленческих кадров образования в контексте государственно-частного партнерства»

№	Наименование модуля	Всего часов	ЛК	Пр. занят.	Форма контроля
1	Модуль. Подготовка управленческих кадров образования в контексте государственно-частного партнерства	16	6	10	Проект
1.1	Входной контроль	1		1	Тест
1.2	Государственно-частное партнерство. Сущность и базовые признаки	2	2		
1.3	Формы государственно-частного партнерства, их характеристики. Основная законодательная база	2	2		
1.4	Управленческие и маркетинговые ресурсы бизнеса в контексте усиления влияния образовательных комплексов на личность обучающегося	2	2		
1.5	Деловая игра: государственно-частное партнерство в области образования 1. Детские сады+бизнес 2. Дворовые клубы+бизнес 3. Клубы раннего развития+бизнес 4. Школы+бизнес	8		8	
1.6	Выходной контроль	1		1	Тест
	Итоговый контроль				Защита проектов

Базовая часть

Интегрированные дидактические цели данного модуля следующие:

- сформировать и развить знания у руководителей образовательных организаций о государственно-частном партнерстве в области образования;

- выработать умения у руководителей образовательных организаций по разработке проектов их взаимодействия с бизнесом на уровне социумов и муниципалитетов.

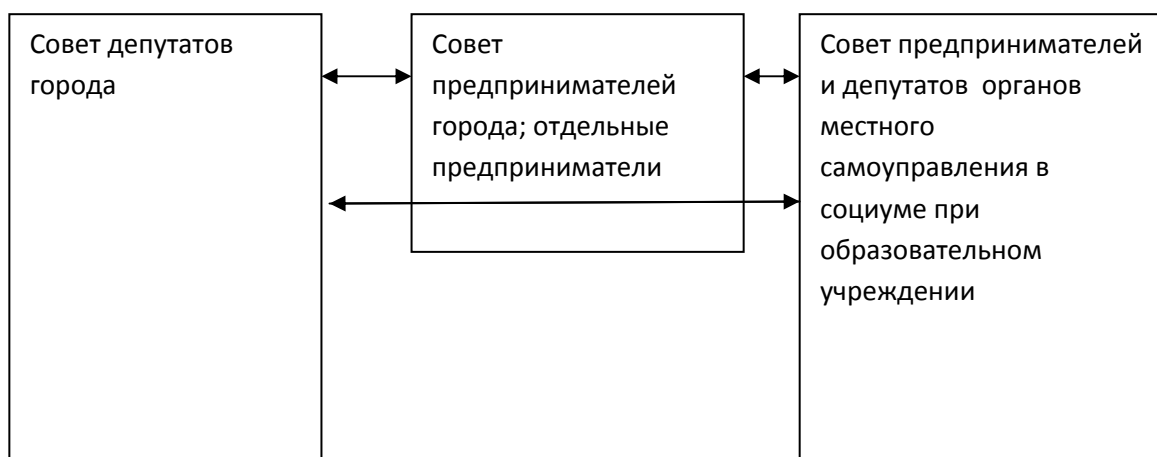
Виды контроля: входной и выходной.

Формы контроля: защита проектов.

Примерные темы проектной работы: Детские сады+бизнес, Дворовые клубы+бизнес, Клубы раннего развития+бизнес, Государственно-частное партнерство; Сущность и цели государственно-частного партнерства; Формы государственно-частного партнерства, их характеристики; Управленческие и маркетинговые ресурсы бизнеса в контексте усиления эффективности влияния образовательных комплексов на личность обучающихся.

Вторая половина модуля (8 часов) включает деловую игру по вопросам формирования конкретной модели муниципального района или города с привязкой к конкретному социуму. Приведен проект, разработанный авторами для социума одного из городов Башкортостана.

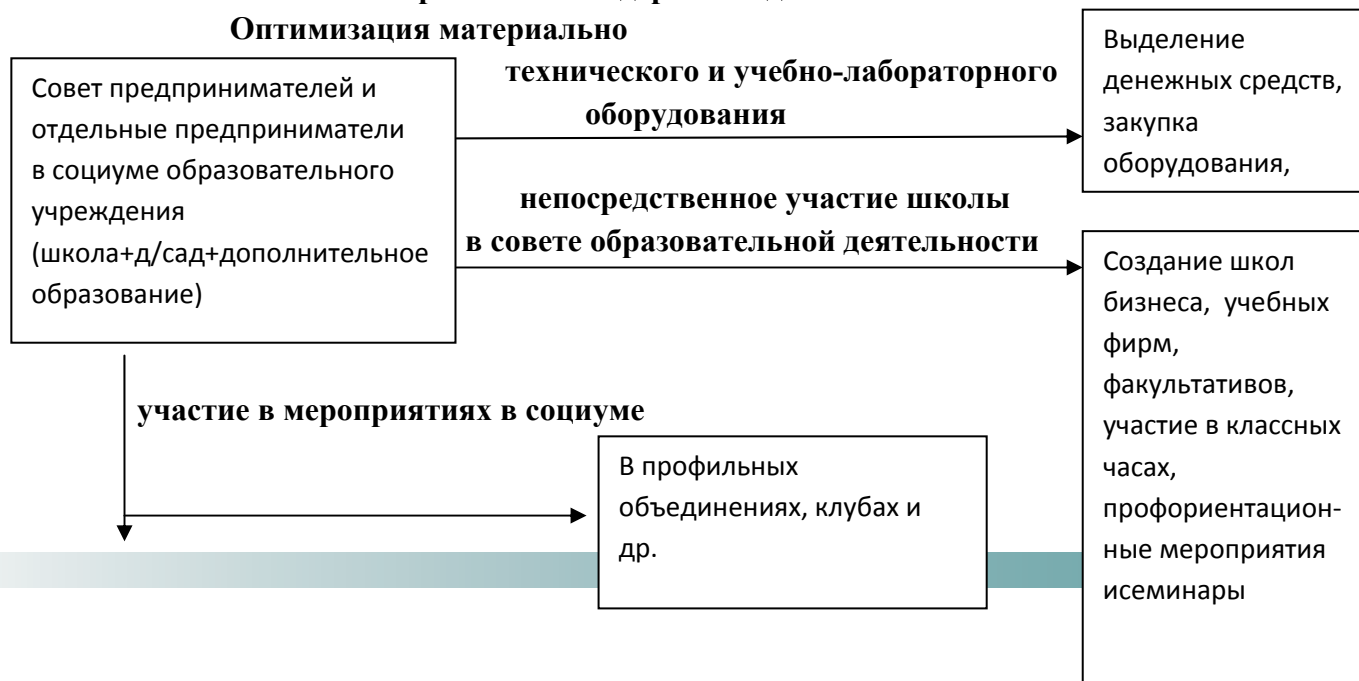
Рис. 1. Компонент модели «Организационное построение»

Трехзвенный компонент организационного партнерства на уровне муниципалитетов позволяет оперативно и гибко решать проблемы согласования действий двух и более субъектов этого процесса.

Компонент модели «Направления и содержание деятельности» (рис.2).

Рис. 2. Компонент модели «Направления и содержание деятельности».

Реализация модуля построена на методе обучения действием, которые осуществляются посредством решения различных профессионально-педагогических задач, системного анализа и проигрывания реальных ситуаций.

Апробация учебного плана модуля и электронного учебника показала, что руководители образовательных организаций и представителей мелкого и среднего бизнеса, обогащаются знаниями, отраженными в этих продуктах.

Работа в этом направлении авторами продолжается.

Литература

1. Барановская, Н. Капитал за партой. Образованию необходимы частные инвестиции /Н. Барановская// <http://www.rg.ru/2011/05/24/seleznev.html> [Дата обращения: 22.09.2014].
2. Законопроект N 238827-6 "Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации" (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 13.03.2013) <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=103725> [Дата обращения: 19.10.2014 года].
3. Закон Республики Башкортостан от 30.05.2011 N 398-з "Об участии Республики Башкортостан в государственно-частном партнерстве" (принят Государственным Собранием - Курултаем РБ 19.05.2011) <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW140;n=70773> [Дата обращения: 19.10.2014 года].
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года) <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=165984> [Дата обращения: 19.10.2014 года].
5. Лейбович, А.Н. Государственно-частное партнерство в системе профессионального образования/ А.Н. Лейбович // http://www.akvobr.ru/gosudarstvenno_chastnoe_partnerstvo.html [Дата обращения: 22.09.2014 года].

переход к которым осуществляется при помощи специального программного обеспечения.

Формирование единого образовательного пространства ведет к повышению качества образовательного процесса, эффективности управления процессом (так, например, завуч может быть освобожден от рутинного труда по сбору и обработке информации об успеваемости обучающихся).

В настоящее время образовательные учреждения, в том числе и колледжи активно внедряют информационные технологии в процесс образования и воспитания. Существует несколько информационных систем для управления образовательным процессом, такие как КМ-Школа (позволяет провести комплексную автоматизацию деятельности школы и обеспечивает эффективное сетевое взаимодействие всех участников образовательного процесса) и 1С: Колледж (предназначен для управления деятельностью учреждений начального и среднего профессионального образования, охватывает все уровни управленческой деятельности основных подразделений колледжа). После приобретения программного продукта необходимо произвести обучение сотрудников, а также «настроить» данный продукт под специфику учебного заведения. Но ни в одном программном продукте нет экспертной составляющей, например, для организации рекомендации по дальнейшему обучению студентов.

Вариантом решения проблемы успешной и качественной работы завуча может послужить использование информационных систем, а именно использование экспертной системы.

Например, в ГБОУ СПО КИГМ №23 проводится экспериментальная работа по внедрению информационной образовательной среды в процесс обучения. Данная система объединяет всех участников образовательного процесса и способствует свободному движению информационных потоков между участниками. Система предполагает сбор информации от преподавателей об успеваемости каждого отдельного студента, на выходе же заведующий учебной частью получает сводные отчеты по успеваемости обучающихся, а также рекомендации по дальнейшему их обучению. Кроме того завуч может получить информацию об успеваемости группы в целом, рекомендации по дальнейшей работе с преподавателем (отправить преподавателя на курсы повышения, попросить преподавателя провести открытый урок и т.д.). Все эти действия возможны, так как в информационную систему входит экспертный компонент, основанный на базе знаний. *База знаний* — это совокупность знаний, описанных с использованием выбранной формы их представления. Для базы знаний завуча использованы следующие правила (чем больше правил, тем универсальнее будет система):

1. Если студент имеет задолженности по предметам, то направить студента на консультации и дополнительные занятия;
2. Если у преподавателя по предмету средний балл ниже 3, то преподавателя направить на курсы повышения квалификации;
3. Если у студента больше 50% задолженностей и больше 50% процентов пропусков, то вызвать родителей на педагогический совет и т.д.

Кроме того, в данной информационной системе разработаны приложения для обеспечения эффективного взаимодействия преподавателей и методиста по информатизации учебного процесса. Так, например, имеется форма, в которую методист

вносит баллы по результатам посещения урока преподавателя и получает рекомендации (основанные на базе знаний) по дальнейшей работе с преподавателем (отработка определенного материала или организация курсов). Преподаватель также имеет возможность просмотреть баллы за свое занятие и увидеть рекомендации (методические рекомендации по использованию ЭОР, по работе с программным обеспечением, о методике работы с мультимедийным оборудованием и т.д.).

Все данные (об успеваемости, качестве образования, уровне проведения учебных занятий и т.д.) может изучить и руководитель образовательного учреждения в виде отчетов.

Разработка всех бизнес-процессов образовательного процесса ГБОУ СПО КИГМ 23 была выполнена с помощью инструментального средства AllFusion Process Modeler. После определения объектов и установления связей между ними мы перешли к выбору инструментальных средств разработки и остановили свой выбор на программном продукте MS Access, так как он обладает очень широким диапазоном средств для ввода, анализа и представления данных.

Внедрение автоматизированного рабочего места в образовательный процесс положительно повлияет на работоспособность завуча, методиста по информатизации учебного процесса, преподавателей, руководителя образовательным учреждением, т.к. приводит к уменьшению количества обрабатываемой информации, быстрому способу получения методических рекомендаций, отслеживания деятельности преподавателей, а также появится дополнительное время для анализа и принятия управленческих решений.

Список литературы:

1. Мягкова Е.В. Роль и возможность применения экспертных систем как информационных технологий в сфере высшего образования /Е.В. Мягкова // Новые технологии. 2008. №1- с. 13.
2. Есенина Н.Е. Состав и структура современных экспертных систем, применяемых в деятельности вуза/ Н. Есенина// Высшее образование сегодня, 2010 - №1. с. 57 – 59
3. Роберт, И.В. Информационные технологии в науке и образовании/ И.В. Роберт, П.И. Самойленко. - М: Школа-Пресс, 2002.
4. Дашниц, Н.Л. Дидактические возможности школьной информационной образовательной среды/ Н.Л. Дашниц // Мир психологии. - 2005. - № 1.
5. Курова, Н.Н. Информационная среда образовательного учреждения – фактор управления процессом информатизации образования в школе / Н.Н. Курова // Вопросы Интернет-образования. – 2005. - № 32.

*Sergeeva Olga, Ivanovo State Power University,
Assistant professor, the Foreign languages department,
Egorova Anna, Ivanovo State Power University,
Associate professor, Candidate of Science (Philology),
the Foreign languages department*

The influence of extra curricular activities on sociocultural competence formation (by the example of teaching foreign languages in Ivanovo State Power University, Russia)

Preparing young people both to successfully face the challenges of the information society and derive maximum benefit from the opportunities it provides has become an increasingly important objective of educational systems all over the world. It has led those in charge of educational policy to review curricular content and teaching and learning methods. This has inevitably led to heightened interest in key competencies, namely those competencies considered vital for a lifetime of successful participation in society.

One of these key competencies is sociocultural competence. Its evolving refers to the development of cultural, communicative and social competences listed in Russian Federal State Educational Standards [1], and belongs to the responsibilities of any educator.

In order to develop definite competences one should understand what these competences are and how to develop them most efficiently.

Sociocultural competence is an integrated concept and includes any constituents referring to different fields. The following ones are termed [2]:

- culture-oriented competence includes knowledge of vocabulary with sociocultural semantics and ability for using them in cross-cultural communication (greetings, leave-taking, addressing etc. in spoken and written communication);

- sociolinguistic competence comprises knowledge of various social groups' language: for example linguistic features of different generations, males and females, social groups, dialects;

- social and psychological competence includes ability to behave according to conventional social and cultural scenarios using appropriate model of communication;

- culturological competence is about social, historical and ethnic cultural background (acquaintance with the traditions and customs of different nations)

It is impossible to make students being aware of these different aspects only in the lesson. Many extra curricular activities (ECA) can help teacher to motivate students and to give them prospects for an educational advance. ECA are far removed from the strict formalities of the classroom; and under these less stringent conditions, students are often able to explore and express themselves with greater ease and effect. Away from the rigid curriculum of the

classroom, teachers can often be more free and expressive in their education, and students less inhibited in the gestation and formation of their creative ideas.

There are following types of ECA (according to Federal State Educational Standards):

- 1) role-playing activity,
- 2) cognitive activity,
- 3) problem value communication,
- 4) entertainment and leisure activity
- 5) artistic creative work,
- 6) social creative work,
- 7) work activity,
- 8) sports,
- 9) study of local lore and tourism [3].

The above-mentioned types of ECA can successfully be realized by young people in student organizations (SO) formed inside of the educational institution. Such organizations give students opportunity to take part in the student life governance and to self-actualize themselves. SO focus on student personal enhancement and student life development inside the educational institution.

On the whole areas of activities of SO can be classified into 4 categories:

1. Social.

This area includes such SO as Student union, student volunteer groups, other student organizations of social orientation.

2. Creative.

Such SO are for students aiming to develop their creative potential. They are realized in different creative teams like student theatre, literary club, vocal-instrumental ensemble, student photoclub, etc.

3. Sport.

Primarily that refers to the sport teams of academic, faculty and university levels. This area is very popular among students. Sport teams represent their university on the competitions of different rank.

4. Scientific.

Every educational institution has student scientific community which coordinates work of all youth scientific groups of this very institute. They take part in project work and are supported by administration.

At present the Ivanovo State Power University has 30 different student organizations, containing from 3-5 to thousands of students. There are the organizations successfully functioning in the following areas:

1. Students self-governance
2. Students professional adaptation and their professional competences development
3. Students sociocultural development and their social integration

In this article we would like to focus our attention on the project created and realized on the basis of the foreign languages department of our university, and to show how the above-mentioned competences are realized due to the work of this very organization. The project is called the Student Linguistic Club (SLC). It has been functioning for 2 years at ISPU. SLC is supervised by the teacher of the Foreign languages department and by the student who is

considered to be the leader of the club. Any student of ISPU can become the resident of SLC and participate in the club's work. The club is aimed at students professional adaptation and their professional competences development. The great virtue of the project is that it actualizes nearly all the above-mentioned ECA and helps not only to improve student's language skills but also to develop other abilities (creative, artistic, problem-solving).

As our experience shows the most efficient forms of ECA are: 1) different kinds of competitions and contests including presentations, performances with dramatizations of different literary works in foreign languages, songs and poems, and also quizzes; 2) round-table discussions on problems of current importance; 3) participation in academic and research conferences.

Let us consider each form of ECA.

Doing any forms of dramatizing students begin with the cognitive activity by choosing a literary work and studying its content and language. They become acquainted with events accompanying the writing of the work and the story itself. Then students perform role-playing activity in the process of staging. Each participant tries on any social role and gives a demonstration of corresponding behavior and language. Role playing, then, is nothing more than rehearsal before the action in the real world. To gain such experience is impossible in the classroom. The participation in this action is a good spare time amusing activity. During the preparation and direct staging all components of sociocultural competence are developed.

The elaboration of any presentation involves students' familiarity with its object. It implies thorough researching the topic concerned what affects the cognitive activity. Pictorial rendition requires some kind of artistic creative work. To express own ideas and thoughts while presenting a topic any person should be able to accomplish the problem value communication. Undoubtedly the whole process is energetic working activity. The activities involved promote greatly the broadening the cultural background of a student making presentation and let him or her behave considering the audience.

A quiz is a form of a game or mind sport in which the players (as individuals or in teams) attempt to answer questions correctly. The preparation means searching for new unknown for the searcher facts, and therefore, expending students' mental abilities.

Education theorists do not agree on whether competitive desires should be encouraged or constrained [4]. But our work with students shows that a good competition challenges the participants to give their best, or preferably more than that. Any competition is the most active and effective means of students' motivation. The three main phases for holding a contest (preparation, execution, and follow-up) contribute greatly to the development of all key competences.

We consider the round-table discussions one of the most effective forms of language practice. The participants agree on a specific topic to discuss an issue, share opinions, or just to brainstorm (throwing forth any ideas, no matter what they may be). At these meetings, residents should be open, honest, and direct with others around the table always showing mutual respect for the opinions of others. Each person is given equal right to participate in the discussion. Round-table discussions give way to spontaneous speech, let students mobilize cognitive processes and teach them proper communication.

The residents of SLC have opportunity to participate in research work and present their results at scientific conferences. The participants are given opportunity to do a research on some

linguistic topic. Performing such kind of work students develop their research skills, they learn to present their ideas, to make speech in public, they also get to know actual problems of science. Participating in conferences students are able to upgrade their declamatory skills and professional qualifications that can be useful for their future profession.

Extra curricular activities form the effective educational conditions for the most key competences formation and also give the opportunity to plunge into real world circumstances while studying at university. Employers are looking for students who are intellectually able, skilled interpersonally, team players, numerate, literate and looking forward. Many of these attributes are acquired, practiced and demonstrated through extra curricular activities.

References:

1. Примерная программа дисциплины Иностранный язык для неязыковых вузов и факультетов. Научно-методический совет по иностранным языкам Минобрнауки России // Режим доступа: <http://fgosvo.ru/ppd/11/1> (дата обращения: 15.10.2014).
2. Перфилова Г.В. Примерная программа по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров (неязыковые вузы). – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – 32 с.
3. Организация внеурочной деятельности в рамках ФГОС// Режим доступа:http://imc.edu.ru/uploads/2014/01/31/Внеурочная_деятельность_ФГОС.ppt (дата обращения: 15.10.2014).
4. Dr. Tom Verhoeff. The Role of competition in education, 1997//Режим доступа: <http://olympiads.win.tue.nl/ioi/ioi97/ffutwrld/competit.html> (дата обращения: 15.10.2014).

Radchenko S.V., 3 rd year student, Department of Applied Psychology, Melitopol State Pedagogical University named after Bogdan Khmelnytsky

Psychological peculiarities of display of frustration in adolescence

As we know, the adolescence is considered as a period during which the contradictions of development gaining especial acuity. It is determined by transformation from childhood to maturity that is accompanied by qualitative reformation of all sides of development of personality. Exactly in this period happens awareness by human his individuality, changing his attitude to the surrounded world, to himself, to other people, reformation of needs and motives, behavior. At the same time, the demands of the society to the teenagers are being changed. In this regard, teenagers should solve their problems taking into account expectations of surrounded people and demands of social norms. The necessity of such agreement is often connected with significant difficulties that become the cause of appearing contradictions in development. These contradictions can be in acute form causing strong emotional feeling, frustrated states, and disorders in behavior, in relations with surrounded people.

One of the essential psychological states in adolescence is frustration.

Juvenile frustration is a child's negative psychological state that is caused by impossibility of solving specific tasks of age development. The reason can be impossibility to capture a desired object, adults' prohibition to do certain actions. If there are such traits of character like aggressiveness, excitability, passivity, suicidal thoughts, it is a consequence of teenager's frustration.

N. Maksymova considers frustration as one of the determinant factors of formation of teenagers' social disadaptive behavior, disposition to which is higher when teenager also has some accentuated traits of character. Besides, in frustrated situations of accentuations of character of personality reveal more clearly and most of them prevent the overcoming the state of frustration. According to results of researches of Ukrainian scientists, majority of teenagers emotionally unstable and immature; aggressively inclined to surrounded people, reveal unmotivated enmity (O. Zapukhlyak); have low level of development of cognitive, emotional-valued and behavioral components "I-image" (I. Buschai); dissatisfied with themselves and negatively appreciate the possibility of self-realization (L. Kyrylov).

Frustration is a state that is closed to stress but it is more soft and specific form of it. Specificity of frustration is that it is a reaction only on special kind of situation. Generally we can say that it is situations of "disappointed expectations" [3, p. 52]. Frustration is experiencing negative emotional states, when on the way of satisfaction of need the subject comes across barriers that can be more or less removed. State that human experience can't be called stress, because the situation doesn't have a threat to life or health. But a very strong need was dissatisfied. That is a frustration state. Typical reactions on the influence of frustfactors (factors

that appear in a state of frustration) are aggression, fixation, deviation and substitution, depression [6, p. 450].

Adolescence is a period of transformation from childhood to maturity, intensive formation of feelings and will, direction and readiness to live and act as adults do that. Teenager realizes himself as an adult. His activity grows; the value re-orientation is happened under the influence of desire to be adult. But he still behaves as a child. His psychological development has a lot of contradictions. Teenager is still a child, but he is already not a child, has some traits of adult, but yet not an adult, tries to think over his aspirations, actions, as adults do that, but in his own childly way [4, p. 110]. This contradiction in psychological development requires in communication with him a big amount of tact, caution, delicacy that are significant.

Adolescence is also called critical. Indeed, crises happen, but they cannot be avoided. This period can be difficult in up-bringing, if parents, teachers do not know peculiarities of development of teenagers, do not pay attention on them and continue to act as before or in contrary, set such demands as to an adult. Teenagers need a special attention, love. Difficulties disappear if teachers understand changes that happen in psychological life of children, respect new tendencies, help in teenagers' realization, suitably organizing different kinds of their activities, relations in group, participation in social life.

Also, we should consider factors that together constitute individual-psychological peculiarities of development of adolescence. This age is a difficult period of psychological development; difficult as for a teenager so for work with him. During adolescence happens intensive reformation of physiological system, rapid development of organism and puberty. These processes are realizing and overcoming, influencing on formation of personality and behavior of teenagers. Due to intensified functioning of glands of inner secretion the excitability of nervous system is raising. That is why in this period children can reveal higher irritability, sensitiveness, ardency, etc. To avoid these displays, adults in relations with teenagers should be very delicate and tactful.

Sexual and physical development of organism raises the interest of teenagers to the opposite sex, causing the display of first romantic attractions and feelings. Experiencing these processes happen very acutely, leaving a mark on the formation of settings of sexual behavior in the future.

Also, in this age a teenager is at the crossroads. The process of choosing the further way of life is beginning. Unfortunately it does not always become true what a teenager dreamed about. Actually expectations are often causing aggression, devastation, apathy, etc. These feelings are displays of frustration.

Modern education and native psychological science have a task to guarantee the conditions for formation of psychologically healthy, emotional stable personality, that is frustration resistant for the influence of social problems and educational process that can manage to act constructive in frustration situations and to surmount obstacles on a way of life self-realization. This problem is very urgent as to the teenagers, because their psychological health is threatened not only by difficulties of pubertal period but also by such factor as disorder in psychological development: frustration state.

So, the important direction of work of psychological services of educational institutions is correction of destructive frustrated emotions and behavior of teenagers.

A number of classical and modern researchers have proved the connection of frustration with destructive changes in process of mental and personal development of human. Frustrated individuals have destructive "frustrated emotions" (disappointment, offence, annoyance, anger,

sadness, boredom, grief) and “frustrated behavior” (aimless and disordered actions, indifference, aggression and destruction, stereotyping, regression) [1, p.107]. In addition to that a frustration state is especially dangerous for children and teenagers that don't have enough of life experience for overcoming serious difficulties. According to A. Reana, the mentioned mental state is a cause of neurotic disorders of growing personality, disorder of his social adaptation [5, p. 212].

N. Maksymova considers frustration as one of the determinant factors of teenagers' formation of socially disadaptive behaviour, inclination to which is higher if teenager has some specific accentuated traits of character. Besides that, in frustrated situations accentuations of character of personality reveal themselves more significantly and most of them prevent overcoming the state of frustration. According to the results of Ukrainian scientists' researches, the most of teenagers are emotionally unstable and immature; aggressively inclined towards surrounded people; show unmotivated enmity; have a low level of development of cognitive, emotional-valued and behavioural components of “I-image”; dissatisfied with self and negatively assessed the possibilities of self-realization. So, frustration and the peculiarities of character during adolescence are threatening with disorders of psychological health and psychosocial adaptation of personality.

Besides, the reaction of a human in frustrated situation can be adaptive, if it is justified by circumstances and favours to satisfaction of needs or reaching the goal. Only intensive frustration has destructive effects (provokes distress, disorganization of work), instead of its fluent influence, connected with strong motivation mobilize strength for successful fulfilment of work, favours to mental-social adaptation [7, p. 200].

But in classical and modern psychology peculiarities of frustration of teenagers were investigated accompanying, on the whole in the context of distractive influences of mentioned mental phenomenon of growing personality. Besides this, today we don't have special system of investigation of peculiarities of teenagers' frustration. That is why it is important to deepen our knowledge, find, create methods of investigation for such phenomenon as frustration.

References:

1. Кузнецова Л.М. Вплив різних типів акцентуєваних рис на рівень фрустрації підлітків / Л.М. Кузнецова // Вісник Черкаського університету: зб. наукових праць. – Вип. 211. – 4.1. – Черкаси: Черкаський дер. університет ім. Б. Хмельницького, 2011. – С. 107-115.
2. Кон И.С. Психология ранней юности / И.С. Кон. – М.: Психологическая служба, 2001. – 456 с.
3. Максимова Н.Ю. Основы детской патопсихологии: учебное пособие / Н.Ю. Максимова, Е.Л. Милютина, В.М. Пискун. – К.: НПЦ Перспектива, 2001. – 432 с.
4. Пэррет Л. Подросток и его проблемы / Л. Пэррет. – СПб, 2002. – 249 с.
5. Реан А.А. Психология адаптации личности: науч.-учеб. пособие / А.А. Реан, А.Р. Кудашов, А.А. Баранов. – СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 479 с.
6. Словарь практического психолога / [сост. С.Ю. Головин]. – Минск: Харвест, 1997. – 584 с.
7. Чебыкин А.Я. Проблема эмоциональной устойчивости / А.Я. Чебыкин // Психическая напряженность в трудовой деятельности: сб. науч. тр. – М.: 2009. – С. 197-216.

Olha Khamuliak,

*Lviv State Academy of Finance,
Assistant of Department of Social and
Humanitarian Sciences*

Contemporary conditions of railway experts professional training in professional and technical educational establishments of Ukraine

Topicality of the problem. The development of modern railway transport is possible in the presence of qualified personnel who can provide a high work productivity, quality of transport services and transportation safety in preventing accidents. The unsatisfactory quality staff and low staff qualification of workers often lead to low production performance, violations of vehicle operation rules, the appearance of the so-called “human factor” in industrial emergencies and transport accidents.

Today different ways of reforming the railway transport area are developing, alongside reforming the educational sphere is going on. A well prepared expert for the needs of professional railway transport which is technologically and technically very difficult and complex can be taught only in the terms of close cooperation of an educational institution and production, that is at railway transport institutions. Through different ways of cooperation with educational institutions one can effectively influence the list of specialities in which students are trained, the volume of specialists on state (free of charge) order, professional quality of graduates and the cost of training workers in the sector. Taking into account the fact that in Ukraine international railway transport corridors run, it is advisable to pay attention to the development of measures to reform the branch education sector to prepare qualified railroad experts in European countries.

Analysis of recent publications. Most of scientists focus their attention on the problem of improving the railway sector management and determining its priority development areas (V.L. Dykan, Yu.S. Barash, H.D. Eitutis, Yu.M. Tsvietov, M.B. Makarenko, T.A. Mukminova, O.H. Deineka, N.I. Danko, N.N. Ostroverkh, N.V. Grytsenko, H. B. Hrynchyshyn HB, and others). The problems of reforming the organization of railway transport activity in Ukraine in the current economic conditions were investigated by Yu.Yu. Zavoloka, L.V. Kluchko, V.V. Kotyk, V.I. Kopytko, N.V. Kudrytska, M.V. Kondratiuk, I.V. Makarova, N.N. Neboha, etc. In general, in scientific literature many questions of a technical nature regarding the organization of the railway activity sector as such, and professional training of specialists are considered fragmentedly. The analysis of scientific works allows to make a conclusion that at the present time there is no clear formed prevailing model of professional training of future railway transport specialists in professional and technical educational institutions of Ukraine.

Presentation of the main material. Professional and technical education is a specific branch of the whole educational system in Ukraine, because, in addition to complete secondary education for young people, the system of vocational education creates skilled labor force potential. In addition, vocational educational schools and institutions perform an important

function of education of the younger generation which has to become not only the labor market subject and economic development, but also by a social culture subject.

Compared with interest in higher educational system the interest in vocational education is being increased among all population groups, including employers. The main mission of vocational education is to develop qualified skilled workers' capacity to replenish the labor market and support of the state's economic sustainability of the country.

In the context of current changes in the development of Ukrainian society the scientists try to find an optimal model of vocational education that would meet the needs of social and economic development of the society in the third millennium and help to raise the prestige of vocational education in Ukraine.

An important contribution to the development of vocational education in the sphere of professional railroad industry experts training is provided by State Ukrainian Railway. After all, today almost all countries of the world that have an extensive network of railways, successfully operate within the only inseparable system "production – educational institutions". Thus, at the railways of France, Germany, Spain there are their own networks of educational establishments which include institutions of higher technical and technical schools, etc. The railway industry in these countries independently determines the list of professions and occupations at which training, retraining and advanced training of specialists, technical personnel and skilled workers is provided as well as the content of higher professional and vocational education railroad experts, etc. [3].

Taking into consideration the experience of European countries the authority of the National Ukrainian Railway is planning to implement a series of reforms in vocational educational institutions of railway transport, in particular to establish the system of continuous staff development for railways during their work activity, to implement the system of personal certification, especially for workers, who ensure the safety of movements and transportation for passengers and goods. This requires creation allowing for additional, if necessary, training before certification. Also at this time it is important to create modernized specialized centers for training, retraining, training drivers, engineers and technicians to service high-speed electric trains Hyundai and Skoda, the centre for non-destructive diagnostics of rolling stock technical state, energy saving systems, communication lines, tracks and artificial structures. However, the program for unifying youth on the railways is developing, which also guarantees professional development, provides social protection of workers, improvement of the system of productive practice is going on, etc [2].

So we can see, in the events of reforming the railway transport industry we can expected increasing of the role of vocational educational institutions, innovation of training and upgrade of their educational and productive facilities, provision of decent wages to employees of industrial branch education. However, it is not known how much time it will take to implement all these reforms into practice because without sufficient funding, state government support, qualitative educational reform it is almost impossible.

Despite the unstable economic condition of the country, Ukrainian Railway continues to seek a way out of current crisis situations, trying to fully support the educational institutions in different ways. Thus, the railways have always valued professionals, behind which there was training in the sector of vocational educational establishments. It is sufficient to say that nowadays about 70% of middle level managers on the railways have a diploma of vocational educational institutions. Most of them graduated from that school as well as the top level administrators of the industry.

The nature of this phenomenon is quite simple, because if the academies and universities, especially teach their students to manage the process, in vocational educational schools the students nowadays are just taught the ability to perform technical tasks. Therefore, future professionals succeed in some details of the content of the many production processes which are happening at the railway transport. These are the people who know the production as well as they are able to successfully manage it.

But despite this rather positive reputation of vocational educational institutions on the railways of Ukraine, the current pace of technology development and the growing integration of national domestic railways in the European transport system require from vocational schools new and more dynamic approaches.

Unfortunately, today we can not say that professional and technical education is actively developing. Instead of this the problems are being preserved and vocational education is increasingly moving away from every-day human needs, economy, state, society in a whole, becoming a closed sensitive, defenseless system with a little state support. Inconsistency of the existing structure of compulsory secondary and higher education to the needs of the market economy; reduction, instability and lack of funding for education; useless knowledge and skills acquired in educational institutions for the use in a market economy conditions; mismatch of control mechanisms and the absence of guarantees for the quality of education; growing trend of inequality in acquiring the necessary education. At the same time there has been an excessive ideological educational process in vocational schools of railway direction type, as well as in the vocational educational establishments of other types, which adversely and negatively affected the content of the educational activity. There are still the following problems of great importance: the state of educational and material base, the mismatch of professional training areas to the labor market needs, the lack of a sufficient number of practical training bases for students of vocational educational schools, the mismatch of control mechanisms and the lack of quality assurance of education, increased inequality trends in getting the necessary education. Vocational educational schools continue to train skilled workers from the jobs that are redundant in the labour market and do not meet the needs of employers in a professional qualitative cut. Thus, the annual state order of Ukrainian Railway to Lviv Interregional Higher Vocational College of Railway Transport, Lviv vocational school № 1, Zdolbuniv vocational School of Railway Transport and Chernivtsi vocational school № 14 is 140-160 workers, and they annually produce seven times more graduates - 1000 -1100 people. In addition, Stryi vocational school № 8 and Ivano-Frankivsk Polytechnic High School which had never been basic railway schools also prepare professional workers of railway direction without having any state order from the Ukrainian Railway [4, 3].

This situation gives rise to another problem which concerns practical training of the future vocational school students. According to the Law of Ukraine "On Vocational Education" [1, 275] practice, industrial training of vocational schools' students can be only with payment. This practice is ensured by the railway only to those students which were previously submitted. The above mentioned law requires from the professional and technical schools authorities to organize practical trainings for their students. Instead, officials of the vocational educational establishments are not involved in this, and give contracts for their students and make look for independent facilities for practice, which is in flagrant a violation of applicable laws of Ukraine. Unfortunately, this phenomenon is observed not only in vocational educational establishments, but also at the level of higher educational institutions. This problem is often solved only by an agreement between the student and the institution where he has an internship practice, and this

leads to a decrease in the future professional development of a specialist, a product of corruption and so on. The acquired theoretical knowledge without practical testing and application does not give the future professionals any opportunities to achieve a high level of professional competence for their work.

Also one of the most important unresolved problems is the employment of young graduates of vocational educational schools of railway transport direction in our country. Thus in 2009 in the queue for employment in the sphere of railway transport sector 121 graduates of institutes and universities, 353 colleges graduates, 2250 graduates of vocational educational schools are looking for a job [4, 3].

As we can obviously see, professional and technical education and one of the most essential components of the national economy - railway transport - are at the stage of reformation. The development of any strategy should build on the vision of major trends, problems and prospects of environmental systems development. This view makes it possible not only to prepare oneself for the coming future changes, but when it comes to large and significant social and economic systems, and to initiate changes transforming the trend of its development [5, 204].

Conclusions. The analysis of the current state of professional training of railway transport experts in vocational educational institutions of Ukraine allows to draw the following conclusions about the need of serious reforms both in technical and vocational education, and in the railway transport industry. Successful implementation of development and railway transport integration policy in the European system, in its turn, depends on the quality of training of railway transport experts, providing their security and certification, creating a system of continuous specialized education and certification of the railway sphere personnel.

References:

1. Закон України “Про професійно-технічну освіту”. Освіта України. Нормативно-правові документи. – К.: Міленіум, 2001. – С. 267-292.
2. Концепція Державної програми реформування залізничного транспорту України. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.uz.gov.ua>
3. Стратегія розвитку залізничного транспорту на період до 2020 року. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.uz.gov.ua>
4. Надін С. Навчання буде безперервним // Магістраль. – 2011. – №83 – С. 3.
5. Компанієць В. В. Стратегія людського розвитку та зміни у підготовці кадрів залізничного транспорту // Вісник економіки транспорту і промисловості. – Випуск 31. – Харків: УкрДАЗТ, 2010. – С. 203-210.

Section 4. Philology

*Delva O.V., Kherson State University,
Postgraduate student, the
Faculty of Foreign Philology*

The role of author modality in reconstruction of modal worlds (case study of texts by O. Henry)

The relevance of the research is determined with an anthropocentric trend in linguistics: in accordance with anthropocentrism, as a main principle of cognitive-communicative paradigm, a human lies in the centre of scientific research correspondently to his mental processes of categorization, preservation, adaptation and transmission of knowledge, which form cognitive infrastructure of human activity. Although any process of text interpretation presupposes reconstruction of a text world or a scenario in human's mind, not every text world is approximated to author's one and in result isn't oriented on disclosure of text inner sense.

Analyzing notions of *discourse world*, *text world* and *sub-world* as key constructs of text worlds theory (Werth 1996, 1999; Semino 1997; L.Hidalgo Downing 2000; Stockwell 2002; Gavins 2005, 2007), it should be mentioned, that exactly text world lies in the focus of text communication. Discourse world in such case is always "split" [1], being less important in comparison with text elements that form the contact sphere of text communication participants.

Following the leading foreign linguists we treat *text world* as a mental space or scenario, reconstructed in human's mind in the process of interaction of text information and human's socially and culturally determined "baggage" of knowledge about the world [2], [3], [4]. Seeing the fact that any approach to text analysis used separately from context will come to failure [5], text world is considered to be a communicative and linguistic construct, which unites elements of textual and contextual nature. The connection between language and context is reflected in the structure of this language by means of deictic markers, referential elements and operators of modality. The last ones take the leading position in text worlds activation.

As far as the author's choice of language and speech units' variant for verbal text cloth takes place accordingly to his direct evaluation of situation of text communication and assumed reader's evaluation, it is necessary, following J. Gavins, to use the term *modal world* [6]. The ontological status of this notion is predetermined with the fact, that this world is actualized with some type of modality and aims at realizing communicative and pragmatic function within the text. That means an intended action of using the different linguistic forms by author in order to make the reader's identification and estimation of pragmatically relevant situation possible in the context of indirect speech act of text communication. Still, the key issue is an ascertainment of axiological means of modal world actualization.

The **object** of research lies in determining of interdependence between author modality as a text category and modal world as a communicative and linguistic construct. In accordance with the object it is necessary to accomplish such **tasks**: the research of modality category in domestic

and foreign paradigm; the determination of subjective modality types; the revealing of author modality as a dominant way of modal worlds activation through defining the axiological means of modal sense actualization on all levels of O. Henry texts' organization.

The category of modality within the domestic linguists' point of view [7], [8], [9], [10] is treated as a functional-semantic category, realized in two specific meanings: objectively modal one and subjectively modal one. For today, the opposition of objective and subjective aspects of modality doesn't lie in linguists' focus of consideration. The last is oriented on a communicative modus of modality – the modus of evaluation, knowledge, thought. In this light modality is treated as a monolithic indivisible category, the content of which is formed with subjective relations, associated with a reader. Moreover, speaking about any written text, the only notion can be used is **subjective modality**, due to the fact, that principle of reality – unreality, traditional for objective modality, doesn't work within texts. They express only subjective attitude to reality, refracted in the light of author's consciousness.

The author modality lies in generic position to subjective modality and author himself turns out to be the subject of text. In accordance with this point of view **author modality** is treated as a variety of text category, which reflects author's subjectively-evaluative attitude to the subject of text communication, his value reference points [11]. Accordingly to the definition, the connection with the category of intentionality is indisputable. The last is considered to be a communicative and pragmatic trend of text semantics, which depends on author's communicative aims, on his emotionally-ethic sphere. That explains the choice of necessary lexical, grammatical, phraseological, syntactic or stylistic means of author intentions' expressing. Thus, author modality is thought to be a disclosure of cognitive-axiological processes of author's consciousness and a specific communicative "signal" for the reader [12]. This statement is relevant for the research, because the usage of specific modal means depends on author's personal intentions, non-speech tasks, which revealing makes it possible to get out a complex communicative sense. The last is necessary for reconstruction of modal worlds approximated at most to author's ones.

The founder of modality conception in foreign linguistics is traditionally considered to be Ch. Bally. Within his point of view any utterance possesses the main content (dictum) and its modal part (modus), being the reflection of reader's emotionally-evaluative or volitional estimation in reference to dictum [13], as there is no text to be completely objective [14]. The conception of Ch. Bally was developed in scientific researches of such linguists, as N. Rescher [15], J. Lyons [16], J. Coates [17], K. Hengeveld [18], P. Simpson [19] through illumination of different types of modality accordingly to semantically-functional differentiation of its modi. Here the classification of P. Simpson [19] is taken as the basis of the research. Following the conception of the linguist, all emotionally-evaluative qualities of language are differentiated according to three categories of modality: deontic, boulomaic and epistemic.

So, deontic modality is associated with the notion of permission and feeling of duty [16], [19], expressing what is to be necessary, reasonable or permitted in accordance with social, moral, juridical and other principles. Being oriented on some action, this type of modality doesn't predict its realization, but gives an appeal for this action to be accomplished. Moreover, deontic modality can reflect advice or recommendation, fulfilling, thereby, the function of social interaction.

Boulomaic modality is treated to be the degree of author's approval or disapproval of real state matters [20], reflected in diegetic reality through the revealing of his intentions and expectations [15], [19]. K. Hengeveld distinguishes the boulomaic modality as a subtype of subjective modality, aiming at defining the author's orientation in degree of wish or expectation within his epistemological system [18]. Thereby, it is reasonable to use, following I.V. Smuschinska, the term "author modality", which reflects better the subjectivity of attitude to reality within the text.

Epistemic modality expresses author's assuredness or uncertainty in truth of the utterance [17], [19] by means of representing his knowledge, thoughts, presuppositions accordingly to some facts [16]. The usage of epistemic modality in the text lays an epistemic modal world. The last represents a situation, which can't be realized in temporal and spatial boundaries that give rise to it [1], although, is possible or impossible in future.

Thus, the modal world actualization involves the reader's interpretation of some axiological means' modal sense. The choice of these means lies upon author's personal intentions and non-verbal tasks. The revealing of modal means and the decoding of their semantics make it possible to achieve the perlocutionary goal of indirect speech acts – to render implicit sense to the reader and to help him in reconstruction of modal worlds, approximated to author's ones.

The results of quantitative analysis prove the dominant role that axiological means of author modality have in modal worlds reconstruction on all levels of O. Henry texts' organization. The most frequently used stylistic means of author modality's expression plane are irony (27 %), metaphor (21 %), simile (15 %), antithesis (9 %), allusion (8 %). Now we're going to illustrate the most striking examples by means of stylistic, text-interpreting and pragma-semantic analysis.

In macro context: *"For he had tasted of **the** fruit of **the** tree of life, and, finding it bitter in his mouth, had stepped out of **Eden** for a time..."*, – definite article **the**, being the operator of author modality and a means of modal worlds' reconstruction, actualizes the motif of Biblical Tree of Life, planted by God in paradise as a symbol of life (Genesis 2:9). Proper noun **Eden** is an allusion on Biblical story about Adam and Eva' fall, their exile from paradise and the loss of access to Tree of Life as a source of immortality and harmony (Genesis 3:24). Generally, allusion is treated as an effective means of modal relations' expression in the text, being characterized with high concentration of information. Especially in this macro context allusion expresses author's subjective evaluation of *life as a bitter fruit*, brining a negative shade of *sorrow, suffering* in text semantics.

The mental space of verbal image: *"When the clogged arteries should suffer congestion from the increased flow of blood pumped into them by the power of the burglar's "oil," they would rapidly become "no thoroughfare," and the fountain of life would cease to flow"*, – can be reconstructed in the format of modal world, actualized with means of epistemic and author modality. The first one reflects hypothetic matter of things and is verbalized through the grammatical form of conditional mood. The advancement of the modal world takes place due to apodosis that leads the hypothetic situation to its logical completion, playing the role of functional proposition: *they would rapidly become "no thoroughfare," and the fountain of life would cease to flow*. Among the operators of author modality on lexical level of the text

organization one can distinguish metaphor “*fountain of life*” and lexeme *thoroughfare*. The last functions as a neologism, formed with adjectivation of the noun *thoroughfare* – *way, path* into adjective with semantics *passing through*. The connection with negation “*no*” leads to appearing of additional sense – *with no chances to path through*, and together with semantics of the word *cease* – *to stop* expresses author’s subjective evaluation of *death as a stop of motion*, blaming the passive position of a man.

Author’s ironic attitude, expressed with author modality, is realized in a fragment: “*Oh, the hardships of the rich! I don’t see, – said Blinker, – why I should be always signing confounded papers. I am packed, and was to have left for the North Woods this morning. Now I must wait until tomorrow morning*”, – where the temporal deictic *now* fulfils an indicative function, showing the relevant moment in achieving apogee with irony. The subject of irony contains *groundless sufferings and wines of rich people*, verbalized with interjection, exclamatory sentence and modal verbs. Even the usage of modal construction *to be to*, as a language mark of deontic modality, taken for expression of the importance of the rich man’s fastest departure (exactly that day, because all the rich have already left the city), just increases the irony effect.

In the given fragment: “*But when you have so many millions that – She concluded the sentence with a gesture of despair. – It is the monotony of it, – she continued, – that palls. Drives, dinners, theatres, balls, suppers, with the gilding of superfluous wealth over it all. Sometimes the very tinkle of the ice in my champagne glass nearly drives me mad*”, – expressively rich lexemes *gesture of despair, monotony, superfluous wealth, tinkle of the ice* and the stylistic means of aposiopesis, aiming as well at expression of speaker’s emotions, stand for lexical and phonetic means of irony expression. The object of irony is *snobbery as a man’s claim on manners and tastes of higher layers of society, blind imitation of bourgeoisie way of life at the end of XIX century*. The usage of spatial deictic *that* indicates the fact that character doesn’t belong to that world of luxury she describes. Within the context it becomes clear that the girl is a cashier with modest salary and she has never had that elite life she describes so contemptuously.

In macro context: “*She wore a night-black dress... Her hat was black, and from it drooped and fluttered an ebon veil, filmy as a spider’s web. She stood on the top step and drew on black silk gloves. Her face was plain rather than pretty, but it was now illuminated and made almost beautiful by her large grey eyes that gazed above the houses... with an expression of the most appealing sadness and melancholy*”, – the attention is focused on the repetition of the lexeme *black*, which is the language operator of author modality with a pragmatic intention – *to render a man’s depressed condition* by means of semantics *melancholy, disappointment*. Simile *veil filmy as a spider’s web* contains an allusion on Arachne’s myth, actualizing the modal world about a mortal woman, who challenged the goddess of wisdom – Athena, thereby, depreciating her godlike love. Being defeated Arachne committed suicide with hanging, but Athena drew her out of the noose and turned into a spider that is always spinning his web. The usage of stylistic analysis makes it possible to find out an additional indicator of author modality – irony. The last is used to code the sense, that woman’s disappointment and sadness for her beloved is just a mask she wears to find a husband she’s never had. This sense increases the semantics of an allusion simile – *practicalness, feelings depreciation*. There are other modal operators such as elliptic sentence with interjection *oh, this thin black goods* and temporal adverb *now*, aiming not only at creation of a dialogue between text communication participants, but also at indicating the

ironic position of author.

Not only traditional figures of speech can stand for operators of author modality. Thus, non-traditional explication of antithesis in the fragment: “*They are rough but uncivil in their manners, and though their ways are boisterous and unpolished, under it all they have a great deal of impoliteness and discourtesy*”, – is caused with combinatorics of lexical means that aren't typical for this figure: instead of antonyms author uses synonyms *rough, uncivil, boisterous, unpolished, impoliteness, discourtesy*. The intention of such strategy lies in expression of author's negative attitude to American bourgeoisie of XIX century.

Conclusions and perspectives of further research. According to the object and tasks of the research we found out that ontological status of modal world includes not only cognitive-communicative, but also pragmatic aspect. It is determined with the fact, that in the basis of modal world actualization there is some type of subjective modality. Among these types the dominant position in O. Henry texts is taken with author modality. The last one is closely connected with category of intentionality, being author's veiled subjective evaluation, which needs a complex analysis and reader's extralinguistic competence. Exactly the paralinguistic component of indirect acts determines the choice of necessary lexical, grammatical, phraseology, syntactic or stylistic means of axiological senses' expression. The perspective of further research lies in studying of reference and deixis axiological functions, their role in modal worlds reconstruction.

References:

1. Gavins J. Text World Theory. Edinburgh, 2007. – P. 26, 110-112.
2. Semino E. Language and world creation in poems and other texts. Longman, 1997. – P. 1.
3. Turner M. The Literary Mind. USA, 1996. – P. 14.
4. Werth P. Text worlds. London, 1999. – P. 180.
5. Yule G. The Study of Language. Cambridge, New York, 2006. – P. 115.
6. Gavins J. (Re) thinking Modality: A Text-world Perspective, 2005. – P. 87.
7. Бондаренко В. Виды модальных значений, 1979. – С. 59-60.
8. Гальперин И. Текст как объект лингвистического исследования. Москва, 1981. – С. 36.
9. Ляпон М. Модальность. Москва, 1990. – С. 303.
10. Селіванова О. Сучасна лінгвістика. Полтава, 2006. – С. 383.
11. Смуцинська І. Суб'єктивна модальність французької прози. Київ, 2001. – С. 40.
12. Бацевич Ф. Нариси з лінгвістичної прагматики. Львів, 2010. – С. 195.
13. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва, 1955. – С. 44.
14. Fowler R. Linguistics and the Novel. London, 1977. – P. 76.
15. Rescher N. Topics in philosophical logic. Dordrecht, 1968. – P. 24.
16. Lyons J. Semantics. Cambridge, 1977. – P. 823, 793.
17. Coates J. The Semantics of Modal Auxiliaries. London, 1983. – P. 18.
18. Hengeveld K. Layers and operators in functional grammar, 1989. – P. 139.
19. Simpson P. Language, Ideology and Point of View. London, 1993. – P. 47-48.
20. Nuyts J. Modality. Berlin and New York, 2006. – P. 12.

*Gerayzade Ellada,
Kafkas University (Turkey),
Ph.D., Associate Professor,
the Faculty of Art and Science*

Ideological, thematic and literary features in prose by Maksud Ibragimbekov

*Герайзаде Эллада,
Кавказский Университет (Турция),
Доцент, кандидат филологической наук,
факультет науки и искусства*

Идейно-тематические и художественные особенности прозы Максуда Ибрагимбекова

В творчестве азербайджанского писателя Магсуда Ибрагимбекова наметились те идейно-тематические и сюжетно-композиционные «ориентиры», которые стали ведущими в азербайджанской прозе 70-х годов прошлого столетия.

В своих произведениях М. Ибрагимбеков повествует о быте, нравах, атмосфере родных мест своей юности, а прототипами его героев были люди, с которыми он общался, дружил. Выступая непримиримым врагом подлости и лжи, карьеризма и рвачества, бездуховности и аморальности, фальши и равнодушия, автор пишет о становлении человеческого характера, поэтому чаще всего его герои – молодое поколение, ищущее подлинные человеческие ценности, свой путь в жизни. Вместе с читателем автор прослеживает процесс становления подростков, проявление мужественных черт характера, благородных чувств, глубоких человеческих отношений, причем своих юных героев М. Ибрагимбеков рисует в самые решающие для них моменты жизни.

Целью нашего исследования является анализ своеобразия идейно-тематических и художественных особенностей повестей и рассказов М.Ибрагимбекова (повесть «И не было лучше брата», рассказы “Уютное место в сквере”, “Немного весеннего праздника” и др.).

Отметим, что повести Максуда Ибрагимбекова всегда остросюжетны и ставят очень важные животрепещущие нравственно-этические проблемы. Писатель остается верен своей главной теме – понимания чувства долга и человеческого достоинства как основополагающих, как своего рода нравственного фундамента, на котором возводятся человеческие характеры. Сущность поисков Максуда Ибрагимбекова определяют два понятия – судьба и счастье, варьируясь, углубляясь, поворачиваясь разными гранями: «Все, что сейчас происходит в мире, – пишет писатель, – от недостатка доброты, мудрости. В конце концов, чего хотят все люди, борющиеся за мир? Только одного –

спасти будущее, спасти человечество. И я не думаю, что они стараются только для себя» (1, 79).

Следует отметить, что Максуд Ибрагимбеков относится к своим героям с уважением, не унижает их жалостью, соболезнованием – он просто рассказывает о том, что происходит с ними в действительности. Смысл их – глубже. Он в требовании внимания к человеку, в утверждении ценностей всякой человеческой личности, в бережности, с одной стороны, и в нетерпимости к хамству, снобизму, наплевательскому мещанскому пренебрежению, с другой. Мягкие, лиричные, полные точных живописных деталей рассказы Максуда Ибрагимбекова воинственны по своей сути и направлены против самовлюбленного пренебрежения, что есть не что иное, как бездуховность – качество мещанина.

Повести писателя, написанные с удивительным чувством понимания и осмысления человеческих ценностей, привлекают, прежде всего, умением автора показать нравственные истоки жизни. Прочитав эти повести, мы задумываемся над вопросом: «А в чем смысл жизни? Что я сделал для близких?». Естественно, что невозможно ответить на эти вопросы однозначно. История взаимоотношений двух братьев – Джалила и Симурга из повести «И не было лучше брата» дает определенный ответ на этот вопрос.

Максуд Ибрагимбеков сочувственно изображает бесперспективность и тупиковость слепой приверженности дедовским правилам, с состраданием и пониманием он относится к неизбежности подобного существования. Он понимает, что человек, которого он выбрал в герои, на иную жизнь не способен. В этом сочувствии, жалости, сострадании и заключен гуманизм прозы Максуда Ибрагимбекова. И это выделяет его в ряду азербайджанских писателей. Максуд Ибрагимбеков не осуждает своего вроде бы отрицательного героя, а наоборот, пишет о нём с симпатией, как о человеке и брате, которого лучше не было. По общему признанию соседей по улице, сослуживцев, членов семьи – не было лучше соседа, сотрудника и начальника, сына, мужа, брата. И действительно не было. Джалил-муаллим всегда учтив и вежлив, он надёжен, неспроста к нему прибегают с просьбами помочь и защитить. Если кто и страдает от этого характера – то сам Джалил-муаллим. В сущности, он несчастнейший человек, вынужденный отказаться от радостей жизни ради близких, а затем и ради приличий. Может, если бы Джалил-муаллим попал в другие житейские условия, он стал бы другим? Не исключено. Ведь его родной младший брат, представитель следующего поколения, “прикрытый” старшим братом от разрушительных ударов жизни, выросший уже в иное время, совсем другой, более современный. Но не это главное. Важно качество соответствия времени. Джалил-муаллим тоже соответствует своему времени на своей улице. Главное – младший брат в отличие от старшего свободен, он раскован, в нём не убита способность к творческому восприятию жизни, у него сознание ценности своей личности повернуто к себе, исходит изнутри.

Между тем, Джалил-муаллим не смеет любить себя как индивидуальность, в отрыве от общества, которым для него является, прежде всего, улица. Он осознаёт себя лишь как составную часть этого общества, улицы, службы, на страже интересов и нравственного кодекса которых он стоит. Между тем, Джалил-муаллим понимает, что в этом обществе, на улице, на службе, в семье он представляет собой что-то, а без них он ничто. Его младший брат Симург – личность сам по себе, он не только на родной улице, он везде и всегда личность. И потому не улица и старший брат управляют им, его жизнью, а он сам распоряжается собой и своей жизнью. Это проявляется даже в том, что Джалил-

муаллим всю жизнь проработал в одной почтовой конторе, начав с курьера, дослужившись до начальника отделения. Никогда в жизни он даже не думал найти себе другую работу. А Симуург ищет – он не боится сменить работу или преступить какие-либо правила, ему важно найти занятие по душе и по силам, и ничто его не пугает, ничто не может остановить.

Максуд Ибрагимбеков предоставляет своим героям жить так, как они могут, и идти именно по тому пути, который им уготован. И вдумываясь в изображённое Максудом Ибрагимбековым, начинаешь неожиданно для самого себя осознавать, что не все отрицательно в Джалил-муаллиме. Не говоря уже о чисто человеческом, бережном, любовном отношении к матери, брату, о его внимании к ним и способности поступиться своим удовольствием, своим желанием. А вот Симуург на такое неспособен. А стремление Джалил-муаллима украсить тот жалкий кусок земли, на котором он живёт! Разве все способны так заботливо ухаживать за землей, на которой ты живешь, как это делает Джалил-муаллим? Нет, он не бросил неприглядный отцовский участок за задней стеной старой бани. Изо дня в день, обрабатывая каждый сантиметр земли, он превратил его в цветущий сад. Однако тот же Максуд Ибрагимбеков показывает, как Симуург за неделю засадил свой участок сразу взрослыми деревьями. В считанные дни Симуург делает то, на что Джалил-муаллим затратил годы. И мы должны подумать, настолько ли ценно то, что делает Джалил-муаллим, стоит ли следовать за ним. Может проще и легче поступать так, как Симуург? Однако мы знаем, что тем дороже результат, чем труднее он достаётся. Джалил-муаллиму было трудно, но дорого. А Симургу все достаётся легко, и может, поэтому ничего не стоит. Для Джалил-муаллима каждое деревце имеет своё имя, свой характер, а у Симуурга, даже если и засохнет взрослое дерево, он просто выкопает его, а на его место посадит другое.

Повесть Максуда Ибрагимбекова “И не было лучше брата” заставляет читателя о многом задуматься. Она сложна, противоречива и не даёт читателю готовых ответов. Мы понимаем, что когда человек лишен творческой энергии, это очень плохо, но ведь это не его вина. И не всё новое, идущее на смену старому, безусловно и исключительно прогрессивно, но, несомненно, и то, что новое время предъявляет человеку свои условия и, прежде всего, требует от него творческого отношения к жизни и к людям, к миру вокруг и к миру в себе. А иначе тот же Симуург с годами превратится в того же Джалил-муаллима. Последний штрих характеристики “младшего брата” – поседевшие волосы Симуурга, которого жизнь поставила перед необходимостью стать защитой для вдовы и детей умершего. Только осознаёт ли он это? Готов ли нести груз старшего брата, главы семьи? Сможет ли он заменить брата?

По мнению писателя Эльчина, во главе угла этого произведения – национальный «код»: упрямая верность безлюбовному браку, полная надменности «честная бедность», культ крохотного палисадника и субботней ритуальной бани, мистика возрастной и служебной иерархии, ненависть ко всякой свободе и раскованности и бессознательная зависть к ним, щедрость и мелочность, великодушие и злобность. Все эти «мусульманские» особенности характера и обихода старого азербайджанца, из-за которых и возникла трагедия двух братьев (2, 59).

Интерес для читателя представляет и отношение М.Ибрагимбекова к старшему поколению – старикам, у которых вся их жизнь уже давно в прошлом. В этом отношении привлекают внимание читателя рассказы “Уютное место в сквере”, “Немного весеннего праздника”, в которых писатель не просто рассказывает о стариках, а о мастерах своего

дела. Как бы ни складывалась их личная жизнь, окружающие относятся к ним с уважением и признательностью. Старый мастер-парикмахер Агасаф-ага вынужден проводить все свое свободное время в сквере. И жена, которой он дал возможность получить высшее образование, и даже дети стыдятся его. Они даже не подозревают о том уважении, которым он пользуется у самых известных людей города (“Уютное место в сквере”). А бывшего учителя, ныне пенсионера раз в году, весной обязательно вспоминают и просят помочь организовать праздничное шествие детей. И вся жизнь старика наполняется этим торжеством: сначала волнениями подготовки к празднику, а потом воспоминаниями о нём (“Немного весеннего праздника”).

Максуд Ибрагимбеков относится к своим героям с уважением и не унижает их жалостью. Он просто рассказывает о том, что есть, что происходит с ними в действительности, однако смысл его рассказов намного глубже. Писатель считает, что мы должны бережнее относиться к человеку, и быть нетерпимыми к хамству, наплевательскому, мещанскому пренебрежению. Мягкие, лиричные рассказы Максуда Ибрагимбекова воинственны по своей сути и направлены против самовлюблённого пренебрежения.

В заключение, отметим, что в повестях и рассказах М.Ибрагимбекова неоднократно подчеркивается, что «человек – венец природы», причем это выражение не кажется писателю преувеличением. По мнению М.Ибрагимбекова, только по-настоящему умный, сильный человек и имеет право называться человеком. А раз он такой сильный и умный, он должен охранять планету, любить природу, любить людей, любить землю, на которой живет.

Литература

1. Ибрагимбеков М. Пусть он остается с нами. Москва, 1987. - С. 144.
2. Эльчин. Критика и проза. Баку, 1999. - С. 142.

*Eglit Larissa, Kazakh National Pedagogical
University named after Abai,
Professor, Candidate of Philological,
Sciences, Institute of Philology*

Accentological Norm Violation in the Talks of the Russian Speaking Kazakhstanis

*Эглит Лариса, Казахский национальный
педагогический университет имени Абая, профессор
, кандидат филологических наук, институт филологии*

Нарушение акцентологической нормы в речи русскоязычных казахстанцев

Изменившееся речевое поведение современных носителей русского языка, проблемы нормализации, изучение отдельных аспектов которых является целью настоящего исследования, не теряют своей актуальности на всём протяжении развития общества, которое, предпочитая быть лингвистически культурным, не удовлетворено данным состоянием языка и своей речевой практики. В настоящий период эти проблемы получили новое социальное звучание в связи с рядом экстра- и интралингвистических факторов, например, с повышением образовательного и интеллектуального уровня современных носителей языка, с одной стороны, и колоквиализацией, жаргонизацией, вариативностью речи – с другой.

Культурной сегодня признаётся, прежде всего, речь, соответствующая литературно-языковому идеалу (А.М. Пешковский) [1], в которой соблюдены современные языковые нормы в области произношения и ударения, словоупотребления, грамматики и стилистики. Культура речи – это ещё и степень нашего владения неистощимыми богатствами языка. В силу различных причин не все русскоговорящие в одинаковой степени владеют этими богатствами. Значительная часть наших современников испытывает определённые трудности в речевом поведении и, главным образом, из-за незнания языковых норм, в числе которых орфоэпические нормы занимают одну из главных позиций.

Как показывают проводимые нами на протяжении многих лет наблюдения за разговорной речью соотечественников, среди речевых ошибок казахстанцев разной возрастной и гендерной принадлежности доминируют акцентологические, связанные с

неправильной постановкой ударения как в исконно русских, так и в заимствованных словах и их формах.

Одной из главных причин, приводящих к акцентологическим проблемам, следует считать характер русского ударения: оно свободно и не фиксировано, что отличает его от некоторых других языков, в которых ударение закреплено за определённым слогом. Например, в эстонском, латышском, чешском, финском ударным всегда бывает первый слог; в польском, грузинском – предпоследний; в армянском, французском – последний. В русском языке ударение может падать на любой слог, поэтому его называют разноместным (*зОлото – серебрО*), кроме того, оно может менять своё место в формах одного слова, например: *пОвесть*, *НО повестЕй*, *повестЯм*; *бОроды*, *НО бородАм*; *Отдал*, *НО отдалА*; *деиЕвьий*, *НО дешевА*, отсюда и другое его свойство – подвижность. Наши предки, жившие в допетровскую эпоху, вероятно, испытывали меньшие трудности с акцентологией, так как в письменной речи существовало правило – ставить ударение над каждым словом, оно, увы, было отменено Петром I.

Учёные-лингвисты подсчитали, что 96% русских слов имеют неподвижное ударение и только 4% – подвижное. Проблема заключается в том, что нужно знать, в каких словах ударение остаётся на одном и том же слоге, а где передвигается на другое место. Те носители языка, которые не владеют этой информацией, предпочитают либо менять место ударения в словоформах, характеризующихся неподвижным ударением (наиболее частотны акцентологические отклонения в склоняемых формах следующих субстантивов: *шприц*, *торт*, *сазан*, *кран*, *куб*, *мощность*, *бант*, *ножницы*, *шарф*, *ясли*, *сват*, *квартал*, *средство*, *каталог*, *плод*, *шрифт*), или, наоборот, сохранять место ударения как у исходного слова в словоформах с подвижным ударением. Например: *кАмень – кАмней*, *кАмнями*, *о кАмнях* вместо *камНЕй*, *камНЯми*, *о камНЯх*; *миндАль – миндАля*, *миндАлю*, *с миндАлем* вместо *миндалЯ*, *миндалЮ*, *с миндалЁм*. Сравните также ошибочное ударение в словоформах слов *шкаф*, *ордер*, *строй*, *штаб*, *хор* при нормированном ударении на основе в единственном числе и на окончании – во множественном); *вОлки – вОлков* вместо *волкОв*; *вОр – вОрЫ*, *вОров*, *вОрам* вместо *вОры*, *ворОв*, *ворАм*; *дОлжностей*, *дОлжностям*, *о дОлжностях* вместо *должностЕй*, *должностЯм*, *о должностЯх*. Сравните также ошибочное ударение в словоформах слов *окуни*, *плоскости*, *повести*, *скатерти*, *ведомости* в том случае, когда норма требует ставить ударение на основу в форме единственного числа и на окончание в форме косвенных падежей множественного числа. Довольно частотной ошибкой в речи русскоговорящих казахстанцев, особенно старшего и среднего поколения, являются словоформы слова *сирота*, где по законам нормированной речи ударение с окончания в форме единственного числа должно передвигаться на основу в форме множественного числа, в нашем случае ударение переходит на основу, но ударным является не **О**, а **И** – *сИроты*, *сИротам*, *о сИротах*, по-видимому, на постановку ударения влияет слово *сирый*, из-за частичной архаизации почти не употребляемое молодёжью, но сохранившееся в памяти и в лексиконе пожилых людей.

Нельзя не отметить случаи, когда акцентологический сбой вызван ошибочной произносительной аналогией с близким однокорневым словом и его формами, как,

например, в случае со словами *уведомленный* и *осведомлённый*, которые ряд лиц, говорящих на русском языке, произносят с ударением на суффиксе, начинающемся с ё; в кратких причастиях мужского рода ударение также падает на ё – *уведомлЁн/осведомлЁн*, краткие причастия в форме множественного числа произносят либо с ударением на основе – *увЕдомлены / освЕдомлены*, либо ударным становится окончание – *уведомленЫ / осведомленЫ*.

Тот факт, что ё во многих случаях является ударным и, как часто говорят учащиеся, «перетягивает на себя ударение», провоцирует говорящих на ошибку, приводя к мене ударного гласного: *дарЁнный* вместо *даренный*, *отворЁнный* вместо *отворенный*, *озлоблЁнный* вместо *озлобленный*, *истЁкший* вместо *истекший*, *иноплемЁнный* вместо *иноплеменный*, *афЁра* вместо *афЕра*, *двоежЁнец* вместо *двоежЕнец*.

В то же самое время в таких часто употребляемых словах, как *новорождённый*, *незаконнорождённый* носители языка переносят ударение с -ённ- на второй корень сложного слова – *новорожденный*, *незаконнорожденный*, тем самым подчёркивая его основную семантическую нагрузку. Сравните также словоформы, где в качестве ударного вместо ё выступает е или другой звук: *в(от-, под-, пере-)кЛЮченный*, *углУбленный*, *побЕленный*, *жЕлчный*, *шЕрстка*, *щЕлка*, *киОскер*, *свеклА*.

Среди акцентологически трудных для отдельных казахстанцев слов, кроме названных выше, нами выделены следующие слова различной лексико-грамматической принадлежности: существительные – *бюрократия*, *асимметрия*, *ветеринария*, *гастрономия*, *бармен*, *гenezис*, *сметливость*, *танцовщик*, *факсимиле*, *феномен*, *коклюш*, *диспансер*, *жалюзИ*, *логопедия*, *мусоропровод*, *некролог*, *пеня*, *иконопись*, *шассИ*, *форзац*; глаголы: *перезвонИм*, *созвонИмся*, *плЕсневеть*, *пломбировАть*, *облегчИть*, *на(по-)пЕрчить*, *за(от-, рас-)кУпорить*, *кАшлянуть*, *принУдить*, *подбОдрить*, *бряцАть*, *ходАтайствовать*, *чЕрпать*; прилагательные: *щавЕлевый*, *грУшевый*, *слИвовый*, *оптОвый*, *недо(пере-)сОленный*; наречия: *мастерскИ*, *завИдно*, *надОлго* и другие.

Исследования, проведённые в ходе работы с информантами, показали, что акцентологические ошибки в речи могут возникать из-за незнания истинного значения употребляемого слова, подмены одного смысла другим. Так, довольно распространены ошибки, вызванные неразличением слов-паронимов, становящихся в процессе словоизменения омонимами: *призывнОй* – ‘относящийся к призыву на военную службу’ и *призЫвный* – ‘зовущий’; *развитОй* – ‘достигший высокого уровня развития, зрелый’ (*развитОй юноша*); *рАзвитый* – 1. усиленный, укреплённый постоянными упражнениями (*рАзвитый торс*), 2. энергично предпринятый, доведённый до высокой степени (*рАзвитая комиссией деятельность*); *развИтый* – ‘раскрученный, распущенный’ (*развИтый шнур*); *рисковОй* – *рискОвый*; и слов-омонимов: *забронИровать* – ‘зарезервировать’ и *забронировАть* – ‘покрыть бронёй’; *сложЁнный* (о телосложении) *сложЁн*, *сложена*, *НО слОженный* (дом), *слОжен*, *слОжена*, *слОжено*; *варенный* (прич.) – ‘подвергшийся варке’ (*варенные до мягкости овощи*), *НО варЁнный* (прил.) – ‘приготовленный варкой, не сырой’ (*варЁные овощи полезны*); *раствОренный* – ‘раскрытый, распахнутый’

(*раствОренное окно*), НО *растворённый* – ‘разведённый в жидкости’ (*растворённое в воде лекарство*).

Памятью о том, что на современном этапе языкового развития усиливается трансформация нормы, приводящая к активизации процесса вариантности, расширению состава диспозитивных норм, допускающих стилистически различающиеся или нейтральные варианты, укажем, что в современном речевом процессе целый ряд слов, в которых ещё совсем недавно, т.е. на памяти употреблявшего их поколения, отмечались акцентологические отклонения от нормы перешёл в разряд допустимых, что узаконено современными словарями и справочниками по культуре речи. Они помещают их с пометой *Доп.* (допустимо), которая указывает на возможность использования данного, как правило, фонетического варианта в разговорной речи: *Обняли Доп. обнЯли; Отдало Доп. отдАло; занялЯ Доп. занЯлся; сОзвана Доп. созванА; решиЁтчатый Доп. решиЕтчатый; мЕльком Доп. мелькОм, джинсОвый Доп. джИнсовый.*

В современных лексикографических источниках по речевой культуре к равноправным орфоэпическим вариантам относят теперь слова и словоформы, которые в XX веке находились на разных полюсах по отношению к действующей литературной норме, например: *ржАветь – ржавЕть, заплЕсневеть – заплесневЕть, пЕрчить – перчИть, подрОстковый – подросткОвый, килогрАммовый – килограммОвый; гУся и гусЯ, гУсем и гусЁм...*

Речевая практика носителей языка показывает, что в разговорной речи они используют, как правило, допустимый, а не основной вариант, т.е. происходит конкуренция двух вариантов, при которой словари рекомендуют традиционный вариант. Так, прилагательное *мизЕрный*, возникшее на базе французского *misere* – ‘ничтожество, пустяк’, приобрело в последнее время вариант *мИзерный*, что возможно связать с корнем этого слова, который восходит к латинскому слову *misere* – ‘жалкий, скудный, бедный’, имеющему ударение на первом слоге.

Как видим, возможной причиной отступления от нормы может быть происхождение слова, особенно в том случае, если слово пришло в русский язык в результате опосредованного заимствования. Например, позднелатинское слово *квартал* было заимствовано русским языком из немецкого языка, и нормой признаётся именно ударение языка-посредника, неравноправный же вариант – *квАртал* – имеет ударение как в языке-источнике.

Довольно часто носители языка ошибочно используют оба варианта слова, объясняя свой выбор разной семантикой этого полисеманта. Подобное явление наблюдаем и в слове *каталОг*, заимствованном русским языком из западноевропейских языков, в норме оно соответствует по ударению французскому *catalogue* и немецкому *Katalog* и не сохраняет при этом ударение на втором слоге, как в языке источнике – греческом, в некодифицированной же речи используется именно этот вариант.

В подобных случаях появление второго варианта ударения можно связать с действием внутренних тенденций развития звуковой системы русского языка, в частности, с тем, что при наличии в слове трёх-четырёх или более безударных слогов подряд ударение оказывается неустойчивым и стремится перейти на один из срединных слогов [2].

В заключение отметим, что в речи казахстанских носителей русского языка отмечается довольно заметное отступление от орфоэпических норм, приводящее к разнообразным акцентологическим ошибкам, что связано с рядом экстра- и интралингвистических причин, в том числе неоправданным употреблением словоформ без учёта их семантики, стилистической принадлежности, хронологических рамок; кардинальная же трансформация литературной нормы, активное употребление одного из вариантов, чаще всего разговорного, свидетельствует о лингвистических вкусах и предпочтениях современных носителей языка.

Список литературы:

1. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. – С. 54.
2. Резниченко И.Л. Словарь ударений русского языка. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – С.17.

*Gerayzade Leyla, Baku State University,
Professor, Doctor of Philological
Sciences, the Faculty of Philology*

Problems of the 20th century Azerbaijan literary prose (60 - 80 years)

*Герайзаде Лейла, Бакинский государственный
университет, профессор, доктор филологических
наук, филологический факультет*

Проблемы азербайджанской художественной прозы XX века (60 – 80-е годы)

Судьбы людей различных профессий и интересов, изображение трудовых условий и творческого поиска, раскрытие производственных, бытовых, духовных взаимоотношений, исследование нравственных качеств людей, изображение людей во всей ее полноте и многообразии – таков широкий тематический диапазон прозы 60 – 80-х годов прошлого века. Кроме того, писателей интересуют также семейно-бытовые и нравственные проблемы: пытаясь решить их в духе времени, они тщательно, а иногда и скрупулезно показывают обычного, простого, ничем не примечательного человека. Постепенно такой поиск, вначале обозначаясь в жанре рассказа, постепенно переходит в повесть и роман.

Писателей, пришедших в литературу в конце 50-х, утвердившихся в 60-е и продолжавших свою творческую работу в 70-80-е годы вплоть до 70-х годов называли «молодыми» азербайджанскими писателями. И только тогда пришло осознание, что представители «молодой» азербайджанской прозы уже давно вышли из этого возраста. Именно тогда появляется термин «новая азербайджанская проза», который стали употреблять, прежде всего, для того, чтобы обозначить характер создаваемой ими прозы, подчеркнуть её отличие от прозы традиционной.

В последние десятилетия проблемам азербайджанской художественной прозы посвящено немало исследований (1, 2, 3, 4, 5, 6 и др.), в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы, связанные с историей и эволюцией развития прозы конца XX века.

В нашем исследовании сделана попытка всесторонне исследовать проблемы развития азербайджанской прозы, особенно в области ее проблематики.

Азербайджанская проза 50 – 80-х годов – это, прежде всего, Иса Гусейнов, Максуд Ибрагимбеков, Юсиф Самедоглы, Рустам Ибрагимбеков, Эльчин, Анар, Чингиз Гусейнов, Сабир Сулейманов, Сабир Ахмедов, Иси Меликзаде, Сабир Азери, Фарман Керимзаде и др.

Это было поколение, чьё детство пришлось на тяжелые военные годы. К этому времени тема войны в прозе как будто уже иссякла. Казалось, ну что еще можно сказать о войне? Пришло время подумать о мирной жизни. Но ведь военная тема – это не только описание боёв и военных действий. Это и героическая жизнь наших людей в тылу. Вот о них то и стали писать новые прозаики. Первыми прозаиками, которые смогли повернуть сюжет к личной жизни простого человека со всеми его недостатками и проблемами, были Иса Гусейнов и Исмаил Шихлы.

В новой азербайджанской прозе, характерной особенностью которой было стремление к “малым” формам прозаического жанра (повести, рассказу), изменился сам принцип подхода к жизненному материалу. Прозаики стали писать только о том, что хорошо знали, воспроизводить чувства, которые сами испытывали, изображать пережитые ситуации, создавать характеры, опираясь на подлинные впечатления, а при обращении к истории – с научной точностью изучить её факты и одухотворить их опытом своей жизни, всеми ресурсами своей личности, т.е. руководствуясь достоверностью, истинность которой ни у кого не вызывает сомнений. Этот эстетический принцип и лёг в основу нравственного существа новой азербайджанской прозы (7).

70-е годы прошлого века также вызвали к жизни очередную волну творческого интереса к эпохе первых лет Октябрьской революции, однако классовая борьба тех лет стала освещаться по-новому, а достоянием художественного исследования становятся сложные, противоречивые судьбы как противников нового строя, так и его сторонников.

Будет уместным вспомнить об особенностях этого поколения. Как характеры и личности Иса Гусейнов, Сабир Ахмедов, Чингиз Гусейнов, Исмаил Шихлы формировались в основном в довоенные и военные годы. Они хорошо помнят довоенную жизнь. Эта жизнь была полна больших планов и надежд, в ней был энтузиазм первых пятилеток. Это поколение входило в жизнь в нормальных условиях, окружённое любовью и заботой близких. Война началась, когда они физически и морально были взрослее “шестидесятников”, впервые осознавших себя в годы войны. Именно поэтому, в их творчестве получила своё выражение эпоха военных и голодных послевоенных лет.

Эпоха военного тыла получила своё отражение сквозь призму детства того поколения молодых писателей, которые вошли в литературу в 60-е годы. Это “военное” детство, а с ним вместе городской быт первой половины 40-х годов получили яркое выражение в повести Рустама Ибрагимбекова “Забытый август” и рассказах Максуда Ибрагимбекова “Прощай, миледи!”, “1001-я ночь войны” и др.

Однако уже в творчестве азербайджанских прозаиков 70-х годов тема войны не занимала большого места. Основное место в их творчестве отведено обличению мещанства, критика которого связана с изображением и утверждением человека – героя эпохи научно-технической революции, вытесняющего мещанина вместе с “маленьким человеком”, идущего на смену герою прошлых лет и несущего с собой свой кодекс чести, своё мироотношение и свои нравственные и духовные ценности. В авангарде этого направления идут Рустам Ибрагимбеков, Анар, Максуд Ибрагимбеков, Чингиз Гусейнов, Эльчин и др. Каждый из этих прозаиков прокладывает свою собственную дорогу в этом

направлении. Так, например, Максуд Ибрагимбеков делает акцент на инерционность обывательской психологии (“В один прекрасный день”) и назревший в ней духовный перелом (“И не было лучше брата”). Чингиз Гусейнов показывает эволюцию мещанства и – соответственно – эволюцию содержания его бездуховности, поскольку бездуховность тоже имеет под собой питательную почву (“Магомед, Мамед, Мамиш”). Эльчин в своих рассказах и повестях создаёт атмосферу тоски по духовности, протест против бескрылого существования (“Серебристый фургон”, “Чудеса в почтовом отделении”).

Повесть Анара “Круг” (“Аг лиман”) и рассказ Иса Гусейнова “Годы и минуты” творчески близки друг другу. Но если Иса Гусейнов ставит проблему, намечая акценты отношения, то Анара углубляет и развивает её, высвечивая целый пласт жизни современной азербайджанской интеллигенции с её нравственно-социальными установками, предрассудками, оболщаниями, заблуждениями и снобизмом, как порождением бездуховности, красивой оболочки, лишённой содержания, то есть тем же мещанством, но оформленным и замаскированным под рафинированную интеллигентность.

Иса Гусейнов ставит в своём рассказе проблему осмысленной жизни, противостоящей всяческой догме: традиции, обычая, привычки. Анар развивает её в конкретном житейском выражении. Причем Анар обостряет проблему, поставленную И. Гусейновым, яростным антимещанским пафосом, чётко обозначив нравственные язвы определённого слоя нашего общества, разъедающих здоровый дух людей. Весь этот пафос, вырвавшийся в повести Анара на поверхность, в свою очередь, получает развитие в последующих произведениях азербайджанских писателей (повести Максуда Ибрагимбекова “И не было лучше брата”, Чингиза Гусейнова “Магомед, Мамед, Мамиш”, рассказы Эльчина и др.).

Антимещанская повесть в прозе 70-х годов прошлого века дала образцы подлинного и высокого искусства слова, продемонстрировав многообразие форм и авторских позиций. Общая атмосфера нравственного поиска, антимещанского пафоса этого времени наложила своеобразный отпечаток и на историко-революционный роман Фармана Керимзаде “Снежный перевал”. Писатель воспроизводит действительный эпизод борьбы в период коллективизации в Азербайджане. Но его волнуют не столько факты, которые он излагает, сколько нравственное содержание эпохи, состояние души людей, участвовавших в этом эпизоде. Степень их духовности определяется поведением каждого из них в сложившихся обстоятельствах. Замечательно, что эта авторская позиция, авторская точка зрения, угол зрения, высвечивает необходимость дифференцированного подхода и к национальным этическим традициям.

Рассказы и повести Эльчина полны тоски по духовности, сожалениями об утраченных годах, робкими надеждами на понимание, любовь и счастье, но они не вызывают в нас чувства безнадежности. Да, эти произведения полны грусти, но грусть эта светлая, очищающая, внушающая желание мечтать, и трогательное сочувствие к героям. За реальными образами его героев встают неповторимость и значительность каждого (7). Эльчин считает, что каждый человек может достичь своей цели, если у него есть настоящая мечта. А вот прозу Анара буквально переполняет жажда человеческого счастья, жажда понимания, преодоления одиночества, отчужденности при внешнем «дружеском» окружении, ожидание чуда встречи со своим единственным. Объектом исследования Анара обычный «интеллигент» – обыватель. Писатель обнажает душу этого

обывателя, показывает бедность его духовных потенций. А общество, в котором живут его герои, опутано предрассудками и установками.

Не проходит мимо того же явления и Максуд Ибрагимбеков. Но если Анар исследует этот жизненный пласт изнутри и разбирает его «по косточкам», в значительной мере замыкаясь в нем, то Максуд Ибрагимбеков демонстрирует обывателя в столкновении с живой душой или необычным явлением. Его герои живут как бы по инерции, и это существование, как считает писатель, бессмысленно.

Именно отталкиваясь от обывателя, от его обездушенного житейского стереотипа, Максуд Ибрагимбеков и любит обращаться к миру детей, к податливой и чуткой душе ребёнка. Он следует за своими маленькими героями с серьёзной доброжелательностью. Мы видим, как формируется их отношение к людям и к жизни. Писатель призывает нас к доброте и бережливости по отношению к этим маленьким героям. Активная доброта, вера в справедливость, в свободный от предрассудков и обывательских условностей разум человека – вот движущая сила, управляющая энергией в прозе Максуда Ибрагимбекова.

Подытоживая вышесказанное, подчеркнем, что азербайджанская художественная проза конца XX века претерпела существенную эволюцию в своем развитии, причем произошли изменения как в структуре художественной мысли, так и в ее отношении к человеку и жизни.

Литература

1. Алибекова Г. Грани художественности. Баку, 1981. - С. 277.
2. Асадуллаев С. Историзм, теория и типология социалистического реализма. Баку, 1969. - С. 272.
3. Гаджиев А. поэтика современной прозы. Вопросы мифологического и фольклорного генезиса. Баку, 1997. - С. 132.
4. Гулиев Г. Рубежи прозы. Баку, 1982. - С. 177.
5. Гусейнов А. Тенденции развития современной азербайджанской прозы. Баку, 1988. - С. 211.
6. Каграманов Т. Г. Азербайджанская советская проза в литературной критике (1965-1985 гг.) // Дисс... канд. филол.н. Баку, 1989. - С. 162.
7. Герайзаде Э.И. Курс лекций по азербайджанской литературе. II часть. Баку, 2014. - С. 325.

*Bezus Svetlana, Piatigorsk State Linguistic University,
Associate Professor, Ph.D. in Pedagogy, Department
of Hispanic Studies and Intercultural Communication (Russia)*

The last letter of Miguel de Cervantes

*Безус Светлана, Пятигорский государственный
лингвистический университет, доцент, кандидат
педагогических наук, кафедра Испанистики и
межкультурной коммуникации (Россия)*

Последнее письмо Мигеля де Сервантеса

Мигель де Сервантес Сааведра без сомнения является одним из самых знаменитых испанских писателей. Его легендарный «Дон Кихот» переведён на десятки языков и публикуется по всему миру. По количеству изданных экземпляров этот роман занимает второе место после Библии. Некоторые произведения Сервантеса не дошли до наших дней. Однако о новых творческих идеях дона Мигеля мы знаем из его последнего письма, написанного на смертном одре. Глядя смерти в глаза, благородный рыцарь и великий человек философски относится к смерти и вспоминает свою нелёгкую жизнь.

Мигель де Сервантес Сааведра (29 сентября 1547 г. – 23 апреля 1616 г.) был четвертым ребенком из семерых детей в семье обедневшего дворянина Родриго де Сервантеса. Судьба приготовила Мигелю множество испытаний, что говорится «от сумы до тюрьмы»: Сервантесу довелось принять участие в боевых сражениях, где он потерял левую руку, испытать тяготы рабства в алжирском плену (пять долгих мучительных лет), быть отлученным от церкви, несколько раз сидеть в тюрьме, жить в нищете и забвении.

Однако были в его жизни и светлые полосы: поддержка родных, которые с огромными усилиями, но все же собрали деньги для выкупа Сервантеса из плена, молодая жена, ребенок (правда, внебрачный), финансовое содействие состоятельного человека.

Хотя легендарный автор многочисленных произведений и не стал богачом при жизни, мировая слава нашла его, как это бывает со всеми великими людьми, после смерти. Спустя 400 лет его герои продолжают жить на страницах книг, которые не перестают быть популярными и в наше время.

Последнее письмо Сервантеса, написанное за четыре дня до смерти, не меньше, чем другие его произведения заслуживает внимания. Оно адресовано некоему дону Педро Фернандесу де Кастро, графу Лемосскому. Финальная эпистола Сервантеса, волею судьбы превратилась не только в предсмертное послание, но в демонстрацию мужества и силы духа бессмертного автора «Хитроумного идалго Дона Кихота Ламанчского».

Удивительно, но Сервантес пишет своё прощальное письмо сразу после церковного обряда соборования! Как правило, к таинству «последнего помазания» прибегали для очищения от грехов тяжелобольных людей, находящихся на пороге смерти, т.е. писатель прекрасно понимал, что дни его сочтены.

Насыщенная событиями, суровая и многострадальная жизнь не смогла сломить стойкого и благородного идадьго, каким, несомненно, оставался Сервантес, несмотря на все перенесённые страдания. Даже лежа на смертном одре, он полон желаний и стремления жить.

Осознавая свое состояние, как истинный художник слова, Сервантес начинает письмо строками старинного куплета, немного переделав его для соответствия адресату. Его нежелание обращаться к фразе “*Puesto ya el pie en el estribo*” понятно: испанская пословица *Estar con un pie en el estribo* «Стоять одной ногой в стремя» означает «быть на грани смерти». Он вынужден признать, что его жизнь подходит к концу, но всё же продолжает уповать на чудо.

Принимая со смирением волю небес, Сервантес в своем последнем послании ни на что не жалуется и ни о чем не жалеет. Он искренен в желании продемонстрировать преданность своему покровителю, которому он безмерно благодарен, и чье мнение ему безразлично.

Единственное, о чем печалится Сервантес – это о том, что время летит слишком быстро, а с ним тают и надежды. В письме графу Сервантес упоминает три произведения, которые до нас не дошли: «Недели в саду», «Достославный Бернардо», «Галатея» (2-ая часть). Завершить любимые образы – вот его последнее желание. Но невозможность осуществить задуманное приносит горечь, боль и душевные терзания, которые угадываются в стоических философских размышлениях писателя.

Чего больше в этом письме: жизни или смерти? Попробуем сравнить:

ЖИЗНЬ

- 1) *llevo la vida sobre el deseo* – «живу с желанием жить»
- 2) *el contento de ver a V.E.* – «рад видеть Ваше Сиятельство»
- 3) *me volviese a dar la vida* – «мне бы снова подарили жизнь»
- 4) *un tan aficionado criado de servirle* – «такой преданный слуга»
- 5) *pasar aún más allá de la muerte* – «пойти больше, чем на смерть»
- 6) *me alegro* – «я рад»
- 7) *regocíjome* – «я ликую»
- 8) *realégrome* – «я снова радуюсь»
- 9) *verdaderas mis esperanzas* – «мои настоящие надежды»
- 10) *me quedan el alma reliquias y asomos* – «в моей душе живут образы и наброски»
- 11) *buena ventura mía* – «моя добрая удача/счастье»
- 12) *sería milagro* – «было бы чудом»
- 13) *me diere el cielo vida* – «небо подарило бы мне жизнь»
- 14) *continuado mi deseo* – «продолжается моё желание»

СМЕРТЬ

- 1) “*Puesto ya en el estribo*” – «Поставив ногу в стремя»
- 2) *Extrema Unción* – «соборование»

- 3) *tiempo es breve* – «время – быстротечно»
- 4) *ansias crecen* – «тревоги растут»
- 5) *las esperanzas menguan* – «надежды тают»
- 6) *poner coto* – «положить предел / подвести черту»
- 7) *perder la vida* – «потерять жизнь»
- 8) *la voluntad de los cielos* – «воля небес»

Несмотря на приближение последнего часа и осознание неизбежности кончины, Сервантес объективно почти в два раза меньше поминает смерть. Однако он понимает, что обмануть судьбу не удастся, поэтому все его размышления о жизни – гипотетические, что выдают используемые формы сослагательного наклонения (Subjuntivo, Potencial): ***quisiera yo no vinieran tan á pelo, fuese tanto el contento, me volviese á dar la vida, sería milagro, me diere el cielo vida.***

Если говорить о тематической структуре, то в нескольких строчках письма Сервантес, с одной стороны, со смирением прощается с жизнью, но в то же время надеется на лучшее, он не забывает выразить слова благодарности графу, но и не забывает упомянуть свои неоконченные работы.

Обратимся к полному тексту последнего послания великого испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведры (текст письма приводится по изданию 1919 г. “*Modelos para cartas en español y en inglés*”):

“Miguel de Cervantes al Conde de Lemos, Dedicándole su Última Obra en el Lecho de Muerte.

Señor – Aquellas coplas antiguas que fueron en su tiempo celebradas, que comienzan: “Puesto ya el pie en el estribo”, quisiera yo no vinieran tan á pelo en ésta mi epístola, porque casi con las mismas palabras la puedo comenzar diciendo:

Puesto ya el pie en el estribo,
Con las ansias de la muerte,
Gran señor, ésta te escribo.

Ayer me dieron la Extrema Unción, y hoy escribo ésta. El tiempo es breve, las ansias crecen, las esperanzas menguan, y con todo esto llevo la vida sobre el deseo que tengo de vivir; y quisiera yo ponerle coto hasta besar los pies de V.E. (прим. – Vuestra Excelencia), que podría ser fuese tanto el contento de ver á V.E. bueno en España, que me volviese á dar la vida. Pero, si está decretado que la haya de perder, cúmplase la voluntad de los cielos; y por lo menos sepa V.E. éste mi deseo, y sepa que tuvo en mí un tan aficionado criado de servirle, que quiso pasar aún más allá de la muerte mostrando su intención. Con todo esto, como en profecía, me alegro de la llegada de V.E., regocíjome de verle señalar con el dedo, y realégrome de que salieron verdaderas mis esperanzas dilatadas en la fama de las bondades de V.E. Todavía me quedan en el alma ciertas reliquias y asomos de las Semanas del Jardín y del famoso Bernardo. Si á dicha, por buena ventura mía, que ya no sería sino milagro, me diere el cielo vida, las verá, y con ellas el fin de la Galatea, de quien sé está aficionado V.E., y con estas obras continuando mi deseo.

Guarde Dios á V.E. como puede.

Miguel de Cervantes Saavedra

De Madrid, á 19 de Abril de 1616” [1, pp. 162-164].

«Мигель де Сервантес графу Лемосскому, посвящая ему свое последнее послание, находясь на смертном одре.

Сеньор! Как бы я хотел, чтобы те старинные строки, которые в свое время пользовались успехом, начинающиеся так: «Поставив ногу в стремя», были неуместны для этого моего письма, но я могу его начать почти такими же словами, сказав:

Поставив ногу в стремя,
С тоскою смерти ожидая,
О, мой сеньор,
Пишу тебе я эти строки, умирая.

(*Второй вариант:
Поставив ногу в стремя,
Чтобы скакать навстречу смерти,
О, мой сеньор,
Пишу тебе последние я строки эти.)

Вчера надо мной совершили обряд соборования, а сегодня я пишу эти строки. Времени мало, тревога нарастает, надежды угасают, а между тем, желание жить продолжает быть самым сильным моим желанием; и не хотелось бы завершить свой путь, не припав к ногам Вашего Сиятельства; какое удовольствие было бы также видеть Ваше Сиятельство в добром здравии в Испании; это придало бы мне силы. Но если уж так предрешено, что я должен расстаться с жизнью, да исполнится воля небес; по крайней мере, знайте, Ваше Сиятельство, об этом моём желании, и знайте, что в моём лице у Вас был такой преданный слуга, который готов был пойти больше, чем на смерть, демонстрируя свой пыл.

При всём при этом я заранее рад приезду Вашего Сиятельства; я ликую, представляя, как Вас приветствуют, и снова радуюсь, что оправдались мои надежды, внушённые мне славой о доброте Вашего Сиятельства.

В моей душе все ещё остаются некоторые образы и наброски «Недель в саду» и «Достоправного Бернардо». И если вдруг, на мое счастье, что даже не было бы счастьем, а настоящим чудом, небеса подарили бы мне жизнь, Вы бы их увидели, а с ними и финал «Галатеи», которая Вашему Сиятельству, я знаю, пришлась по вкусу; именно с этими произведениями связано мое желание.

Да хранит Господь Ваше Сиятельство.

Мигель де Сервантес Сааведра

Мадрид, 19 апреля 1616 г.» (Перевод выполнен нами – Б.С.).

В этих нескольких строчках, написанных при довольно скорбных обстоятельствах, Мигель де Сервантес Сааведра предстаёт перед нами, как и его герой, Дон Кихот, истинным рыцарем с чистым сердцем и безупречной совестью, в любых обстоятельствах следующий кодексу благородства, мужества и чести, даже когда он заведомо обречен на поражение.

Список литературы:

1. Diez de la Cortina R. Modelos para cartas en español y en ingles. – Nueva York, 1919. – 174 p.

*Nurgozhina Sholpan Iskakovna, Abai Kazak
National Pedagogical University,
Professor, Doctor of Philological Sciences, the
Institute of Multilingual Education,*

Zoomorphisms as fragment of national linguistic world of Kazakhs

*Нургожина Шолпан Искаковна, Казахский
Национальный Педагогический Университет им. Абая,
профессор, доктор филологических наук, институт
Полиязычного Образования,*

Зооморфизмы как фрагмент национальной языковой картины мира казахов

Язык, как известно, «...неотъемлемая и важнейшая часть любой национальной культуры, полноценное знакомство с которой обязательно предполагает не только изучение материальной составляющей этой культуры, но и попытку проникновения в образ мышления нации, попытку взглянуть на мир глазами носителей этой культуры, с их «точки зрения». При этом мы имеем в виду не способность решать с помощью этого языка определённые коммуникативные задачи, а глубокое проникновение в план означаемого этого языка «в его семантику» [1]. Исходя из этого посыла, мы рассмотрим лексико-семантические группы существительных зоонимов казахского языка, как результат отражения мира обыденным сознанием, служащего основным «строительным материалом» духа народа. Географические, климатические, природные (растительный и животный мир), условия проживания, род занятий, традиции, обычаи формируют национальное видение мира, национальную картину мира. При этом, лингвокультурологический подход в анализе зооморфизмов, позволяет нам эксплицировать связь языковых единиц с синхронно действующим менталитетом казахского народа, проявлять национально-культурную коннотации зооморфной лексики путем интерпретаций денотативного и образно мотивированного аспекта значения в категориях культуры. Цель данного исследования - дать описание зооморфной лексики как фрагмента казахской языковой картины мира, выявить особенности данного фрагмента. А выявить коннотативные особенности данной лексики - значит определить её особенности, её функциональное назначение в языковой картине мира, а зооморфизмы в силу своей лингвистической специфики (структура, семантическая емкость, эмоционально-экспрессивная окраска, национально-культурная специфика) дают богатый и интересный материал для отражения языком картины мира. Исследование зооморфной лексики казахского языка сквозь призму коннотации в лингвокультурологическом и

сопоставительном аспектах позволяет выявить особенности представлений казаха о животном мире и самом себе, которые составляют важную часть его языковой картины мира.

Основу лингвокультурологического анализа могут составить выделенные национально-культурные компоненты лексико-семантических групп, состоящих из мотивированных и немотивированных эмоционально экспрессивных существительных зоонимов: сам лингвокультурологический подход к зооморфизмам, позволяющим, как уже отмечалось, эксплицировать связь языковых единиц с синхронно действующим менталитетом казахского народа; вскрытием национально-культурной коннотации зооморфной лексики, интерпретацией денотативного и образно мотивированного аспекта значения в категориях культуры. В лексике казахской разговорной речи можно выделить такие две большие группы экспрессивных существительных. Мотивированные эмоционально-экспрессивные существительные составляют значительную часть анализируемых лексических единиц. Эмоциональное значение, эмоциональная окраска этих слов непосредственно связаны с экспрессивными качествами речи [2].

Эмоциональные существительные, относимые нами к этой группе, не имеют специальных примет экспрессивности, их стилистическая окраска выражается непосредственно лексическим значением слова.

Основанием для эмоциональной оценки служат различные признаки, присущие личности: внешний вид, рост, поведение, моральные качества. Характерным для этого разряда слов является в первую очередь наличие семантического признака в невыявленном виде, который связан с переносным или метафорическим употреблением языковых единиц. В процессе переноса наименований расширяется смысловой объём анализируемого слова, что обуславливает рождение коннотативных экспрессивных и эмоционально-оценочных значений. Эти значения могут появляться в результате переноса наименования на основе какого-либо дифференцирующего признака, на базе ассоциативного восприятия, а также представлений, знаний, опыта человека об окружающих его предметах, явлениях природы, представителях животного мира и т.д. В составе этой группы существительных можно выделить группу, объединяющая зооморфизмы, то есть личностные характеристики, образованные на основе прямых названий животных. В лексическом значении зооморфизмов, семантических вариантов зоонимов, большую роль играют коннотации как элементы картины мира [2]. Именно в коннотациях- особых компонентах лексических значений слов, выражающих эмоционально-оценочную информацию об окружающем мире - воплощается национально-культурная специфика исследуемых слов. Выявить коннотативные свойства данной лексики - значит определить её особенности, её функциональное назначение в языковой картине мира. Таким образом, коннотация закрепляется в мотивационном значении слов как результат осмысления окружающей реальности носителями языка и показывает каким образом происходит семантическое членение концептуальной модели мира [3]. Эти значения могут появляться в результате переноса наименования на основе какого-либо дифференцирующего признака, на базе ассоциативного восприятия, а также представлений, знаний опыта человека об окружающих его предметах, явлениях природы, представителях животного мира и т.д. Выбор группы зооморфизмов, квалифицирующих внешние и внутренние данные человека, обусловлен самой природой зооморфизмов, основу которых составляют наглядные образы животных с их внешними характеристиками и повадками. Они выступают не в прямых своих значениях, а в

переносных, метафорических, поскольку «метафора не называет, а главным образом характеризует». [4]. Слова – зооморфизмы обладают самой выразительной эмоцией и экспрессией, так как в самом их лексическом значении содержится образное сопоставление внутренних и внешних признаков предмета человека с другими предметами (животными, растениями вещами). Исследование зооморфной лексики казахского языка сквозь призму коннотации в лингвокультурологическом аспекте позволяет выявить особенности представлений казаха о животном мире и самом себе, которые составляют важную часть его языковой картины мира. Подобные приёмы свойственны живой разговорной речи людей различных социально-профессиональных кругов.

В казахской разговорной речи в качестве характеристики лица чаще всего выступают названия животных, бытующих в Казахстане. Круг этих эмоционально-экспрессивных единиц достаточно объемён. Казах скотовод всю жизнь был связан с животным миром, поэтому, естественно перенесение названий животных и птиц на человека объясняется «особенностью восприятия окружающего мира средневекового человека, склонного к антропоцентризму и теми представлениями, которые сложились у него о зверях, домашних животных и птицах. Человек выделяет в них какие-то наиболее заметные признаки и на основе этих наблюдений переносит названия животных, зверей и птиц на людей. Эти названия, как уже отмечалось, создают экспрессивность, вызывают множество ассоциаций. Например, «қой» (овца) – с ней связана характеристика человека тихого, нерешительного. Например: Қойшының бірі–казак, қошқар тумсық, қой мінезді (Один из пастухов – казах, похожий на барана и с характером овцы. [5]. Этими словами передается образ робкого и тихого человека.

Бірақ сен қой терісін жамылған қасқырсын! – (Но ты волк в овечьей шкуре !)[6]. Переносным словом «қасқыр» выражена сема – злобный, хитрый. Надо отметить, что этот зооморфизм используется регулярно для передачи негативного отношения говорящего и довольно часто этот образ используется для характеристики человека жестокого, злобного.

-Ал, сөздері расында да қасқырдың сөздері. (А слова то его волчье)/6/

Производное от семы «қасқыр»-«қасқырдың сөздері» говорит о закреплённости этого зооморфизма в разговорной речи в том плане, как об этом говорилось в вышеприведённом примере.

-Сен түлкісің, онбаған сасық түлкісің.

-Қасқырым сен ғой? Сырым кекесімен қарады Әділетке.

Ит екенсің, ғой, сен [7]. Ты лиса, вонючая негодяйка лиса.

-А ты, конечно, волк? Сырым насмешливо посмотрел на Адлета.

-Ну ты и собака.

Интересно следующее наблюдение. Значения «жестокий», «кровавый» составляющие семантическое ядро образа «қасқыр» все же не исчерпывают его содержания. Более слабым компонентом этого образа является значение «сильный» и периферийным – «благородный». Иначе говоря, одно и то же слово, с закреплённой в языке определённой оценкой, может полярно менять свое коннотативное значение.

Характеристики «түлкі» в нашем примере предполагает не только хитрость и изворотливость, но и несоответствие (подразумевается человеческому) общепринятому эталону в других аспектах. Особую выразительность этому образу придают слова

«оңбаған»-негодяйка, «сасық»-вонючая, являющиеся дублирующими определениями. Этот образ-зооморфизм включает в себе крайне отрицательное отношение говорящего. Зоообраз «ит» - «собака» в большинстве контекстов имеет значение «подлый», «низкий», причем в казахской разговорной речи в этом образе содержание характеристики эксплицитно не раскрывается контекстом. Нам кажется, что в подобных ситуациях этот зооморфизм используется не столько для характеристики и оценки объективных качеств человека, сколько для выражения говорящим своего негативного отношения к нему.

Можно также отметить большое количество оосравнений. Например;

-Тұздамаған балықтай былбырайсын. –Раскис как несоленая рыба.

Подобные зоосравнения помогают создавать зрительно представляемый образ, который является внутренне ощущаемым восприятием партнеров по диалогу, и дополнен при этом отрицательным отношением говорящего. По этому же способу образован следующий зооморфизм:

«Сыйрдай ерегісіп»-упрямишься как корова, где основным признаком характеристики является упрямство, «кәрі теке»- старый козел, образ, характеризующий старого человека, совмещает неприязненное отношение к нему.

-«Онымен бірге қызмет істеу мумкін болмай барады, журген жері айқай- шу, дау- дамай, байлаулы қаншықтай арылдап тұрған бірдене. Сізден жасыратын не бар, өзінің қолы да таза емес [8].

«Байлаулы қаншықтай арылдап» -рычит как собака на привязи, коннотативное значение имеет сему «злобный». В казахском языке этот образ используется только по отношению к женщине и носит ярко выраженный бранный характер. Негативное отношение говорящего дополняется также метафорическим употреблением слова «өзінің қолы да таза емес», -она и на руку нечиста.

- Баурым! Алдымен түлкі болма болсан да жұртқа күлкі болма! [9].

Словосочетанием с помощью зооморфизма «түлкі болма» - не будь лисой, говорящий предостерегает собеседника, используя зоохарактеристику для обличения.

-Қайтесін, кім екенін? О несі, мына итін кісі кормегендей? [10].

В этом примере «ит - собака» теряет свое семное значение и служит для передачи неприязненного отношения говорящего к собеседнику.

-Енді бұл соқырды аяқтандырар мезгіл жеткен шығар. Сәурік айғыр құсап кашанғы жүреді[10]. Образом «Сәурік айғыр»- как молодой жеребец передается неодобрительное эмоциональное отношение говорящего.

- Інісі де бір күзең секілді пәле екен, өзімді ұры қылып шығарды ақырында. [10]. Зоосравнения «кузен секілді»- как хорек, служит для характеристики человека хитрого, неприятного.

Как видно из приведенных примеров, для разговорной казахской речи компоративные употребления зооморфизмов также часты, как и метафорические.

Известно, что в основе метафоры лежит ассоциативный характер человеческого мышления, его представления, обусловленные спецификой его хозяйственной, практической деятельности по освоению окружающего мира. В метафоре проявляется специфика духа народа, и разграничивающим моментом здесь является то, что один народ вносит в язык больше объективной реальности, а другой – больше субъективных моментов.

Таким образом, работа призвана, в известной степени расширить и углубить наши представления о национально-культурных особенностях картин мира казахов, на примере комплексного изучения зооморфизмов.

Список использованной литературы

1. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп.-М.: ЧеРо.2003.349 с.
3. Филатова А.С. О некоторых аспектах отражения языковой картины мира в мотивированной лексике русского и английского языков (на материале орнитонимов) // Картина мира: модели, методы, концепты: материалы Всерос. междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука».Томск,2002.С.255-260 .
2. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. В кн: Сборник статей по языкознанию.М.,1958,с.124.
4. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. М.,1957,с.103.
5. И.Жансугуров А. Шығарма А.:Жазушы,1985.
6. С.Мұқанов. Мөлдір махаббат А.:Жазушы,1990.
7. Р Сейсенбаев. Ешкайда бастамайтын баспалдақ А.:Жазушы,1995.
8. Ә. Тарази. Тасжарған, А.:Жазушы,1980.
9. М.Неталиев. Сағыныш Сағынышсаздары. Өлеңдер. А., "Жазушы", 1969.
10. А Нұрманов. Арайлы таң, А., «Жазушы», 1964.

*Lastovets Nataliia,
V.N. Karasin Kharkov National University,
research student, the Faculty of Historical Science*

Identity & policy: the influence consciousness of the political elite to the formation state of the Ukraine in the beginning of the XX century

*Ластовец Наталия,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
аспирант, исторический факультет*

Идентичность и политика: влияние самосознания политической элиты на становления украинской государственности в начале XX века

Украинская политическая элита начала XX века являла собой довольно неоднородную общность личностей, которые в отдельности ратовали за национально-культурные права народа, но так и не смогли выработать совместной политики. На это повлияли причины как внутреннего, так и внешнего характера. Одной из наиболее важных, является проблема идентичности каждого политического деятеля в частности, и всей политической элиты в целом.

Разработка проблем начала XX века, в том числе национально-освободительной революции, для исследователей истории Украины стала возможной только с обретением независимости. В историографии УССР о Центральной Раде, Гетьманате П. Скоропадского и Директории УНР старались не упоминать. Все вышеперечисленные государственные образования воспринимались как продукт «буржуазного национализма» [1]. Именно по этому, вопросы, связанные с историей данного периода, несмотря на проработку в течение более 20 лет остаются недостаточно освещенными [2]. С открытием архивных материалов для современного исследователя появляются новые возможности, которые связаны не только и не столько с выявлением малоизвестных фактов истории развития украинского государства, а и анализом таких составляющих как национальна/гражданская идентичность и патриотизм на разных этапах исторического развития.

Эта возможность основывается на определенной источниковой базе. Один из основоположных моментов состоит из детального изучение воспоминаний деятелей того времени, таких как А. Марголин [3], В. Винниченко [4], С. Петлюра [5], П.

Скоропадский [6], и личной переписки деятелей УНР П. Чижевского [7], О. Шульгина [8], В. Бочковского [9] М. Левицкого [10], имеющейся в архивах. Для исследования такого аспекта как влияние идентичности на политику, незаменимыми являются работы Х. Вецлера [11] и Б. Петерсона [12]. Кроме того для осознания данной проблемы необходимо обращение к политической социологии [13] и социологии культуры [14].

Проблема идентичности украинской политической элиты начала XX века на данный момент не приобрела надлежащего освещения. Концентрируя свое внимание на вопросах политики внешней и внутренней, необходимости ее детального анализа и освещения, проработка этого вопроса часто вписывалась в контекст, проявление идентичности или маргинальности воспринимается как аксиома, которыми они не являются.

В противостоянии идентичности и политики следует рассматривать только национальный и гражданский ее аспекты, поскольку остальные органически дополняют первые два [15].

В таком случае целесообразна постановка вопроса о положительном влиянии идентичности, где она выступает как объединяющий фактор и отрицательном влиянии идентичности как фактора разрушающего государственные устои. В данной связи нельзя не вспомнить о нескольких моментах, которые их определяют.

Во-первых: состав политической элиты. Его можно разделить на партийную, национальную и станovou принадлежность. В отличие от элит других государств, политическая элита Украины была не только неоднородная, не смотря на «социалистическую» принадлежность абсолютного большинства, но и малоопытна в вопросах управления [16]. Это подтверждается образовательным уровнем: историки и филологи, писатели и ученые были национально сознательными, но опыта управления и политической борьбы почти не имели [17]. Элита была сформирована с интеллигенции, которая смогла устоять в борьбе с проводимой политикой культурной и национально ассимиляции, проводимой Российской империей, но в некой мере попала под ее влияние, поскольку оно было почти повсеместным.

Во-вторых: уровень самосознания как такового. В этой связи необходимо вспомнить, что украинская интеллигенция, как и интеллигенция Российской империи, являлась в оппозиции по отношению к власти, мотивируемым чувством вины к «страдающему народу» и, прежде всего, руководствовалась идеалами блага для народа [18]. Для российской интеллигенции была характерна маргинальность, но ее влияние на украинскую интеллигенцию будет показано позже.

Принимая во внимание эти два условия можно создать такие модели поведения:

Если идентичность позитивно влияет на элиту, то а) оно ее консолидирует; б) способствует выработке единого направления во внешней политике; в) способствует выработке единого национального курса, подкрепленного внутренней политикой государственного образования.

Если идентичность негативно влияет на политику то: а) векторов внешней политики два и/или больше и они полностью друг друга взаимоисключают, кроме того

при параллельной проработке их не остается вообще; б) политика консолидации нации проводится только «на бумаге».

В таком случае необходимо задать два вопроса: являлся ли вопрос о «двойной лояльности» краеугольным камнем для становления украинской государственности начала XX века? И «Была ли политическая элита национально и/или гражданственно сознательной?». На оба вопроса можно ответить да. В этом случае должна была быть реализована первая модель поведения, но этого не случилось. Для ответа на вопрос «Почему?» целесообразно вспомнить парадокс Олсона: «неорганизованные индивиды, имеющие общий интерес, причем каждый из них осознает этот интерес и понимает, что действия в составе группы позволят добиться большего успеха, не предпринимают, однако коллективных действий» [19]. Здесь этот парадокс выступает как объяснение создавшегося внутреннего напряжения, нестабильности группы, которое привело к печальным последствиям. Вопрос о национальной и гражданской идентичности заслуживает отдельного внимания, которое ему будет уделено в ближайшее время.

В заключении хотелось бы процитировать Доминика Кола: «История разворачивается одновременно и как повторение и как вклад настоящего в прошедшее, сделанный в «вдогонку», «после события», что наделяет уже свершившееся явление истории новой реальностью, придают ему неслыханную ретроспективу и значимость» [20]. Даная цитата отражает историческую реальность как нельзя лучше. На сегодняшний день на территории Украины происходит новый виток этой «спирали», процесс еще далек от завершения, но в будущем его можно будет сопоставить с началом XX века и проблема влияния идентичности на политику будет одной из наиболее приоритетных.

Список литературы

1. История Украинской ССР: в 10 т. Т. 6: Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война на Украине (1917-1920): / Коллект. автор. – Киев, 1984.; Кучер О. Розгром збройної внутрішньої боротьби контрреволюції на Україні у 1921 – 1923 рр. – Харків, 1971. – 171 с.
2. Капелюшний В. Здобута і втрачена незалежність: історіографічний нарис української державності доби національно-визвольних змагань (1917-1921рр.) – Київ, 2003.
3. Марголин А. Украина и политика Антанты: записки еврея и гражданина – Берлин, 1921.
4. Винниченко В. Відродження нації (історія української революції [марець 1917 р. – грудень 1919 р.]) – Київ, 1990.
5. Петлюра С. Статті. Листи. Документи. Т.3 – Київ, 1999.
6. Скропадський П. Воспоминания (конец 1917 – декабрь 1918 р.) – Киев-Филадельфия, 1995.
7. ЦГАВО Украины. – Ф. 3877. – Оп. 1. – Д. 21.
8. ЦГАВО Украины. – Ф. 2592. – Оп. 1. – Д. 100.
9. ЦГАВО Украины. – Ф. 3519. – Оп. 1. – Д. 3.

10. ЦГАВО України. – Ф. 3910. – Оп. 1. – Д. 11 - 13.
11. Вельцер Х. История, память и современность прошлого: Память как арена политической борьбы //Неприкосновенный запас. – 2005, №2-3(40-41).
12. Петерсон Б. Концептуальные подходы к изучению национальных самообразов // Вестник Одесского университета. – 2004 – Том 9, Вип.9
13. Политическая социология / ред. Тощенко – Москва, 2002. Кола Д. Политическая социология – Москва, 2001.
14. Ирхин Ю. Социология культуры – Москва, 2006. Кола Д. Политическая социология – Москва, 2001. Минюшев Ф. Социология культуры – Москва, 2004.
15. Петерсон Б. Концептуальные подходы к изучению национальных самообразов // Вестник Одесского университета. – 2004 – Том 9, Вип.9 – С. 52.
16. Табачник Д. Українська дипломатія – Київ, 2006. – С. 46.
17. Табачник Д. Історія української дипломатії в особах – Київ, 2004. – С.56.
18. Минюшев Ф. Социология культуры – Москва, 2004. – С. 109.
19. Кола Д. Политическая социология – Москва, 2001. – С. 133.
20. Кола Д. Политическая социология – Москва, 2001. – С. 374.

“Fundamental and Applied Studies in the Pacific and Atlantic Oceans Countries”

The 1st International Academic Congress

(Japan, Tokyo, 25 October 2014)

PAPERS AND COMMENTARIES

VOLUME I

Blank line of text

Blank line of text